

Библиотека ненужной литературы

Юр. Михайлов

**ОТШЕЛЬНИК,
или Вестник не от мира сего**

Антироман

Москва-Тамбов

2021

ББК 84-4

УДК 82

М69

Михайлов, Ю.

М69 Отшельник, или Вестник не от мира сего : антироман / Юр. Михайлов. – М.; Тамбов : Издательский дом «Дер-«Державинский», 2021. – 736 с. (Библиотека ненужной литературы)

ISBN 978-5-00078-489-1

Книга о знании незнаемого и незнании знаемого, но и о многом другом: личном, общем, российском, мировом, как и о человеке вообще, социуме, бытии вообще, можно сказать — обо всём гуманитарном, а главное, о тайне всего и вся, которую разгадать человеку нельзя, но к которой он может ненароком приблизиться, рискуя как от неё и не оторваться, так и в ней исчезнуть!

Для широкого читателя книга не предназначена, она не для беглого чтения, а для глубоких, затяжных раздумий, ныне уже практически и невозможных, отчего более всего *сама-себе-книга*, возникшая *для себя и с собой же* непрерывно дискутирующая, будучи обременённой благим отшельничеством и инфицированной не таким уж благим неотмирным вестничеством.

ISBN 978-5-00078-489-1

© Юр. Михайлов, 2021

ОТЩЕЛЬНИК,
или Вестник не от мира сего

Отшельничество — спасительная кара!

Вестничество — коварная неотвязная юдоль!

То и то вместе — тревожная тщета!

Иное — чего по вящей видимости нет, но что реально всё-таки есть, что работает и что делает всё вокруг иным, мало того — что всегда впереди!

Антироман — не только не литература, а так — зияющая дыра, нарочито бездонная и глумливо в себя манящая.

Автор — не сочинитель и не главный герой антиромана, он всего лишь злонамеренный к нему истец и отважный за него ответчик.

Читатель — что призрак, то уж призрак!

Шедевр, на то и шедевр, чтоб оставаться никем не узанным и просто так не взятым

ПРОЛОГ

Сия жанрово разношёрстная книга лишена единого, заранее обдуманного и выверенного формо-содержательного замысла, она возникла под натруженной авторской рукой сходу, в процессе писания, ещё и возникла сама по себе, от себя, мало того, образуя, образумливая и вразумляя самого автора, которому пришлось, оставаясь одним и тем же физическим лицом, меняться содержательно, стилевó, настроенчески, поведенчески, даже и идейно, следственно, и авторски тоже: начинал сию весьма стран-

ную писанину один автор, далее вершил её уже сонм сменявших друг друга иных авторов, а завершал совсем уж не тот автор, что был первым, но, как водится, и не последний (у книги ещё станется разных авторов, уже от читателей — согласных и не согласных, лояльных к книге, на неё негодующих, как и безразличных к ней, разумеется, немногих, почти что и единичных, — кому из всезнающих, высоколобых и занятых важными делами гоминидов захочется вдруг погружаться в путаный мир этого непотребного, вовсе и не занимательного для них, опуса).

Однако книга есть и, как всякая бродящая вокруг *Тайны Мира* весть, она, будучи сразу сказанием, донесением, обоснованием, рапортом, апологией, манифестом, снарядом, уже живёт своей возмутительно-загадочной жизнью.

О чём же вещает сия невообразимая книга?

Да, разумеется, об учёном мире она, о его героях и антигероях, как и об учёном антимире, но это так — в общем, а в частности и в особенности она об одном необычном для учёного, как и антиучёного, мира происшествии, случившемся вдруг на рубеже XX и XXI вв. в России, в Москве, на сакральных горах, в славном учебно-научном заведении-дворце, и выразившемся в рождении не просто нового, — что ежели когда и было, то было давно и не здесь, — а воистину *иного воззрения* на мир, бытие, жизнь, на человека с его сознанием, думами и выдумками, его экзистенцией, хозяйством, деяниями, культурой, историей, как и в рождении, конечно, трудном, долгом, ещё и энергично, эмоционально, нервно и психически затратном, но при этом прорывном и прорывном, продирчивом, даже и по-своему за-

диристом, хоть и учёному миру внешне будто бы и вполне приличествовавшем.

Однако явившееся нежданно-негаданно **иное воззре-ние** вовсе не подходило окружавшему его гуманитарному контексту, давно уже прикормленному и покорённому заморскими блюдами и догматами и от них отходить вовсе не собиравшегося — даже в вольные для такого дела 1980—1990-е гг., отчего и пошла не слишком извне заметная, но весьма в «нутрях» упорная тёрка между возникшим **иным воззрением** и бытовавшим вокруг в здравом рассудке и сносном благополучии гуманитарным контекстом, вовсе не стремившимся к перескоку в **иное** идейно-смысловое пространство, открывшееся вдруг поворотом чудесного, почти как у Буратино, **ино**-размыслительного ключа.

Ничего тут вроде бы экстраординарного: явление на свет очередного незаконнорожденного ментального бастарда и его совершенно законное неприятие высокородной-де интеллектуальной средой — факт!

Однако вовсе не факт, что об этом факте не стоит говорить, ибо тут, знаете ли, на кону не только и не столько судьба неугодного воззрения-высочки, сколько, — уж не взыщите, господа хорошие, — судьба самого по себе человека, его жизни, его мира, с которыми передовой человек-демиург (европеец!) уже давно ведёт беспощадную войну и вошёл с ней под ручку, уже, надо полагать, в решающую фазу своего многовекового и многоэтапного, вполне себе апокалиптического по сути, пересотворительного предприятия, восседая при этом на контентной платформе бытующего вокруг гуманитарного контекста.

А контекст сей высокомерно не замечает вдруг явившегося и весьма о себе уже заявившего *иновоззренческого* бастарда, походя его пожуривая за нескромное своеволие и исподтишка поругивая за его исходную якобы лженаучность, что вынуждает возникшее не по правилам *иномыслие* ... нет, не трезвонить о себе громко и противно посреди чуждого ему и для него глухого контекста, не защищаться отчаянно от него и не нападать на него в ярости, а всего лишь, благонамеренно отойдя в сторону, занять выжидательную позицию, аккурат вроде славного стояния русского великокняжеского воинства на реке Угре, — гуманитарный мейнстрим уже сам истончается и исчезает под натиском им же повивально порождённой обновленческой в адрес человека и социума технотроники, всё более превращаясь в *пост*гуманитарный, если не прямо в *анти*гуманитарный, как модно стало говорить, трек.

Так что всё решающее в реалиях человеческих, нечеловеческих и античеловеческих впереди, а пока... а пока, уж извините, нижеследующая книга, повествующая... э-э... нет, пожалуй не повествующая, а самоуверенно, дерзко и даже не без некоторого блеска... э-э... *глаголящая*... как раз о случившемся на рубеже XX и XXI вв., в Москве, на сакральных горах, в славном пирамидально-остроконечном чертоге, некоем феноменальном происшествии, взмывшем словно Змий какой в небеса и закрутившимся в каком-то безумном танце над породившим его плоскогорьем, а не исчезнувшем в Кашеевых далях, мало того, перевернувшем устоявшееся и вовсю вроде бы царствовавшее представление о гуманитарной реальности, которая оказалась на но-

вую метафизическую поверку совсем, почти совсем или же попросту в целом *иной*, а также повествующем... э-э... глаголящем, конечно... об истории и судьбе возникшего и выросшего в ходе происшествия *иномыслия*, как и об истории и судьбе главного виновника сего происшествия и его главных — таких и сяких — героев, как и о сопутствовавших рождению и возрастанию *ино*феномена обстоятельствах, деяниях и событиях, а главное — о познавательноразмыслительных возможностях и плодах *ино*го гуманитарного гнозиса в его единении с уже *иным* гуманитарным онтосом, как и, наоборот, в единении уже *ино*го онтоса с уже *иным* гнозисом.

Что ещё? Да, пожалуй, и ничего, ибо всё остальное — очень и очень при этом значительное, необычное и исключительное — в *самой* книге, как и *за* книгой, в её ментальном тыловом подбрюшьи, её ментальных боковых фронтах и в её ментальном грозовом наверху: книга — книгой, а вот мир книги — это уже *мир книги*: большой, насыщенный, беспредельный!

А ведь витает она — эта книга-змей, которая ведь не что иное, как *ИноКнига*, витает над славным непоколебимым *ино*заведением, над сакральными *ино*горами, над святым столичным *ино*градом, над *иномирной* Россией, да и надо всем миром тоже, как выясняется, тоже *иным*, тоже устремлённым, хоть и по-разному, в *Иное*, как раз туда, куда устремлена и сия *ИноКнига*!

Вперёд, невозможный читатель, как раз туда, в это вполне себе невозможное *Иное* — не прогадаешь!

ОТЩЕЛЬНИК

Нет, конечно, он не усердный в молчаливом послушании монах, не стойкий скитский затворник, не блуждающий по миру одинокий скиталец, даже не убогий квартирный сиделец, он всего лишь... *городской отшельник* — из обречённых на ментально-экзистенциальную одинокость за свои непредвзятые откровения да вещие прозрения и в общем-то чуждых гражданскому окружению персон, как и не приметно зачем-то оказавшийся в мире сем *вестник-неотмирник*.

По неопровержимой обыденности он бытует среди людей, чуть ли не в самой их гуще, хотя в видениях, мыслях и речениях своих он уже давно вне физически подобных ему существ — гоминидов, даже и хорошо образованных, тщательно обученных в университетах и всесторонне эрудированных, так сказать — всезнающих, даже и в меру и не в меру креативных, чуть ли не творческих, ибо он уже давно вышел зряче и мысленно за пределы не только всего вокруг видимого и счастливо общепринятого, но и всего экстремально особенного — как уже виденного и перевиденного, сказанного и пересказанного, так и совсем новенького, — и неважно кем, где и когда увиденного и сказанного, перевиденного и пересказанного или же внове вдруг миру явленного, — ибо он уже давно *Там* — мало того, что в обычно

почитаемом в задетой просвещением среде за несуществующее, пустое и ненужное, а потому не только никак достоверно не высказываемое, но и вообще никем из здравомыслящих особей не признаваемое, — как раз *Там* он — в неизвестном, неизвестном, да и попросту непознаваемом, в общем — в тотальном *Ничто*, однако, как он вдруг открыл для себя однажды, в *Ничто* вполне себе содержательном, что-то от себя и по-своему, хоть и сдержанно и весьма загадочно, говорящем и, главное, уверенно, безудержно и непрерывно в себе, по-своему и для всего сущего что-то этакое... *вытворяющем!*

Не от мира сего он, — и уже давненько не от мира сего, хоть и в миру этом он, в нашенском миру, среди всех и как будто бы как все, но при этом он всё-таки не среди всех и всё-таки он не как все — оттого-то и *отшельник* он, этот *иновидец*, *инознатец* и *иновестник*, а потому и всего лишь несносный для многих самозванный и дерзкий отщепенец, как и вполне себе сносный для немногих отважный и стойкий первопроходец.

Сам по себе, сам в себе, сам для себя!

Он вовсе не очередной религиозный мыслитель, не одержимый таинствами свежий оккультист и не усердно медитирующий ясновидец, он вообще не последователь никакого единственно верного учения и не применитель никакой эффективной практики, он даже не расхожий ныне экстрасенс или тот же новоугодный астролог, — он всего лишь... *метафизик*, правда, *сам-себе-метафизик*, сам преодолевающий материально-механическую директивность просвещенческой науки, сам вышедший за её познаватель-

но-объяснительные пределы, сам оказавшийся в ничем заведомо и по ходу мысли не ограниченной сфере *чистого метафизиса*.

Он — учёный, как раз из тех редких представителей учёного племени, которым доводится вдруг осознать содержательную неполноту и экспликативную кривизну всепоглощающей и всеугодной науки — *науки как науки*, её воззренческую неадекватность окружающей человека и имманентной ему самому реальности, как и её безграничную относительно сей реальности искусную мифотворность, если не попросту хорошо маскируемую обаятельным логическим рационализмом неизбежную и неизлечимую подложность.

Обладая незаурядным литературным даром, отшельник наш выдаёт на светлые учёные гора кое-какие тексты — малые и большие, различные по тематике, жанрам и стилям, всякие, вплоть до стихотворных, разумеется, необычные; его писания издаются, их почитывают, их знают, немало даже и ценят, иногда охотно, но чаще всего не очень, комментируют, однако более всего по их поводу настороженно помалкивают, как правило, в них особенно и не вникая, даже и не читая, а главное — их нарочито не замечая, как будто их вообще нет: кто всего лишь по лености ума и чёрствости сердца, кто по ограниченности хорошо упакованного вездесущим образованием сознания, кто по своей профессиональной самоуверенности, кто из веры во вмонтированные в ноосферу научно-культовые истины, а кто и из боязни натолкнуться на смущающую адептов интеллект-официоза еретическую правду, а всего более безо всякой на то какой-

либо личной вины, испытывая просто кое-что совсем другое, а именно... *страх* — вдруг внезапно оголиться, опроститься, обезличиться, стать ни с того, ни с сего... *ничем!* — так себе: говорящей пустышкой, трескучей погремушкой, заунывным органчиком, — о-о! — какой тут великий пробуждается страх, пожалуй что, и похлеще широко известного животного!

Непонятность, неприемлемость и даже чуждость отшельника-метафизика для образованных по-университетски мозгов, не говоря уже о ближних ему мозговитых особях, категорически не принявших внезапный выход нашего отшельника в *своё собственное* размыслительное пространство, да ещё и с сотворением *своего* воззренческого писания, ещё и *по-своему* весьма литературного (если не постлитературного), всё это не означало, конечно, ни изоляции мыслителя от ещё живой интеллектуальной среды, ни отсутствия в этой среде сонма сотрудников, соратников, восприимчивиков, а главное — *сомыслителей*.

Нашлись любомудры (из вполне себе знающих, зрелых, творческих), которых воззрения и писания отшельника не просто свидетельски задели, а идейно привлекли и поделовому к себе привязали, как раз для того, чтобы выдать — не без сомнений, колебаний и мук — свои собственные уникальные и немало шедевральные тексты — дерзкие, откровенческие, живоносные!

И не столько в усиление, раскрытие и продолжение духовно-мыслительных интенций отшельника, не только в их развитие, а и в отрыв от них тоже, — их, этих сомыслителей, отрыв, — самостный, вдохновенный, безграничный!

Однако он всё равно... *один* — наедине со своим слишком особенным сознанием — *иным сознанием*, мало что базисно отличным от окружающих его людских душ, но ещё и способным удаляться не сходя с места в *иные сферы* — неизвестности, незнания, ничто, и возвращаться оттуда с иным уже видением реальности, её пониманием и о ней представлением, включая, помимо человеческой реальности, ещё и бездную реальность, и божественную, и ничтожную, причём с новометафизической, метасмысловой, металогической приправой.

Сие *иносознание* позволяло ему трансцендентно, — по заказу своему или по таинственной воле извне, — оседать на мгновение в *сингулярной точке инознания*, откуда всё в реальности и за её пределами ему целостно и виделось, им улавливалось, запечатлевалось и переплавлялось в его сознании. И что примечательно: не только подтверждалось затем гносеологически, не только соответствовало реальному бытию, не только ему в чём-то предшествовало, но и, что особенно поразительно, на него — на это текущее бытие — непостижимым образом (*Sic!*) *влияло!*

Входить в *иное*, ходить за *иным* и выдавать *иное* можно только *одному*, для чего и быть на свете *одному* — в постоянном и напряжённом диалоге со своим иносознанием, в единении с ним, в согласии и противоборстве.

Здесь участь, доля, чей-то дар, но и себя самого жертва — нескончаемая, безграничная, кровотокающая!

Отшельничество на людях, рядом с ними, у них на глазах — с их неведением, непониманием и отрицанием — неизбежная плата за то ли им добытое, то ли на него откуда-

то вдруг свалившееся, то ли кем-то и зачем-то ему дарованное, то ли услужливо подброшенное, *инознание*, которое, источаясь прямо из сферы незнания, как раз и есть то самое тревожно упоительное *«знание, умножающее скорбь»*, когда мудрость человеческая, которую оно собой питает, есть не так даже грех людской, как вполне роковой для человека — **Страх Божий!**

Как же тут не стать и не быть отшельником — среди людей, прямо в их гуще, посреди многомиллионного города, вполне себе споро, жадно и беспощадно превращавшегося в переполненную суетой, миражами и нескончаемой ложью мертвенно бледную пустыню!

Великое Неизвестное

В 29 лет (не в 25, заметим, и не в 30, а именно в 29) будущий отшельник вдруг внезапно осознал, не без резкого душевного оцепенения, а затем и ударного трепета, что жизнь его — ЕГО! — конечно, хотя он об этом, естественно, хорошо вроде бы знал, но до того памятного момента всерьёз как-то не осознавал, что и он — ОН! — *конечен*, причём обречённо, безысходно, неумолимо! Тогда, видно, и состоялся его первый приметный контакт с *Великой Неизвестностью*, которую он ещё вовсе не только так не величал, а и вообще никак пред собою не замечал.

Ну а где-то уже в свои тридцатые годы, довелось ему как-то ни с того ни с сего осознать, — не без вполне реального вздыбливания уже давно почему-то изрядно поседевших волос на своей вовсе и не буйной голове, — что сам

окружающий его мир, вся эта круглая планета Земля, весь этот бездонный Космос, совершенно человеку неизвестны, как и вполне неизвестны ему жизнь, рождение, смерть, послесмертие, да так всё это осознал, что испытал не одно лишь великое недоумение, сдобренное глухим неукротимым волнением, а и самый настоящий... СТРАХ, — не как трепетную боязнь вселенской бездны и даже не как ощущение своей ничтожности перед этой вселенской пропастью, а как нещадно свалившееся на ум и душу его ясное понимание полной невозможности что-либо понимать в окружающем мироздании, которое вдруг предстало пред ним не чем иным, как... непознаваемым НИЧТО! Что это в самом деле — звезды, планеты, Земля, человек, сознание, — что? Нет тут ответа и никогда не будет! Оставался опять же один лишь... СТРАХ, не так даже чувственный, с морозцем по коже, а как попросту субстанциальный — вроде чёрного и неизбывного мрака, своевольно засевшего ни в чём не повинном людском организме!

Открытие будущим отшельником, — пусть и не впервой в истории, — *Великой Вселенской Неизвестности* не могло не привести к другому открытию, уже производному от первого: выходило, да и немедленно нашло подтверждение, что и сам человек со своим сознанием — тоже ведь неизвестность, может, и тоже вселенская, причём неизвестность не остаточная вовсе, не рудиментовая, не прячущаяся где-то на задворках Вселенной, а вполне, так сказать, явленная, нарочито выраженная, демонстративная, действенная, мало того, вполне себе перворазрядная, даже и что-то значимое практически решающая. Чего, условно говоря,

«больше» в человеке и его сознании — известного ему или же неизвестного, — а-а? Вопрос, на который просто так и не ответить, хотя для будущего отшельника стало-таки понятно, что «больше» всего как раз *неизвестного!*

Пришло время будущему отшельнику убедиться через неисчислимую череду разных по силе, глубине и значимости раздумий и откровений в одном важнейшем для осознания величия открытой им для себя Неизвестности факте, а именно — в *творческой способности* Вселенской Неизвестности, может, в её лишь пособительстве творчеству известных-де мироздания и того же человеческого сознания, включая и ноосферу, но всё-таки — в явной не-нейтральности Неизвестности относительно как самого нескончаемого творения мироздания и сознания в нём, так и реализации творческого потенциала мироздания и того же безграничного сознания с его неизбывной ноосферой.

Если признание факта Вселенской Неизвестности — дело хоть и сомнительное, но допустимое (чего только не случается в «непросвещённых» головах людских!), то акцент на творческой-де способности этой самой Вселенской Неизвестности — уже недопустимая в «просвещённых кругах» уступка недопустимой для «просвещённого человека» мистике, ибо чего уж никак не может быть, так это какого-либо «интенционного творчества» со стороны какой-то там «Вселенской Неизвестности»!

Однако личная обыденная, обозревательская и творческая жизнь будущего отшельника убеждала его как раз в наличии этой самой мистики — что-то, откуда-то, зачем-то неустанно работало, да так, что ни воспрепятствовать этой

работе, ни что-то в ней изменить, ни переделать, а лишь умно́ к ней приспособиться, ловко подстроиться, а то и, совсем уж обезумев, ей попросту покориться.

На что ни глянешь вокруг, во что сокровенное в себе самом ни всмотришься, всё исходит, кроме явных повторов и тщательно выверенных стандартов, откуда-то... э-э... *ниоткуда*, из какого-то *ничто*, из какой-то и впрямь *неизвестности*, можно сказать, что и из *небытия*! В особенности всё необычное, новое, исключительное, как и особенно значимое, важное, судьбоносное. Ведь и сам человек со своим чудесным сознанием из какого-то *ничего* и от какого-то *ниоткуда* («Мать» — «Тьма»!), так и всё вокруг, будучи вроде бы здешним и как будто бы отсюда, всё-таки в чём-то непременно и не отсюда, а откуда-то, от чего-то нездешнего, неизвестного, незнаемого и, увы, непознаваемого.

Пришлось будущему отшельнику признать не только хорошо вроде бы известную номинально в образованных кругах *трансцендентность*, но и её деятельную творческую посланницу — *работающую трансценденцию*.

Ну и что из всего этого? Нет, не только неременное признание Вселенской Неизвестности, вполне и материнской («Тьма» — «Мать»!), но и обращение к сей Вселенской Неизвестности как к действующей и творящей уже *известной неизвестности*, пусть и неведомой сполна, но всё-таки не просто зафиксированной сознанием, но и им — сознанием — сполна учитываемой, причём не нейтрально — как факт, а и с пользой для себя, для своей экзистенции, для своей, знаете ли, миссии, тоже ведь э-э... *мистической*.

Мистика на мистику, а в итоге — обогащённое в контакте с Неизвестностью размыслительно-творческое бытие человека, его сознания, — нет, конечно, не за счёт угадывания в трансовом забытии, как у тех же магов, а вследствие размыслительно-творческого погружения в неведомое и неизвестное и извлечения оттуда через внезапные откровения кое-каких истин, не достижимых ни конкретным наблюдением, ни абстрактным обобщением, хотя и не без их участия тоже.

Итак: *Вселенская* — первичная и исходная — *Неизвестность*, она же сущая и вездесущая субстанция, она же факт, фактор и фантом всего известного бытия, всей наличной жизни, всего человека с его сознанием, всей людской и мировой экзистенции, она же *Творящая Неизвестность*, а потому вовсе не безразличная человеку, сознанию, жизни, всему бытию, наоборот, ими не только непременно признаваемая и с тщанием учитываемая, но и пред нею сакрально преклоняющимися, делающими её при этом объектом самого что ни на есть откровенного культа.

Отсюда: *Вселенская Неизвестность* — это вовсе не какое-то там ничто, вроде полной пустоты, чем можно было бы пренебречь, а некое НИЧТО, которое человек думающий обязан ответственно почитать, прозревая в нём действующую и творящую, пусть и прозрачную и неуловимую, *субстанцию*, а потому и признавать не просто *Вселенскую Неизвестность*, а самое что ни на есть ВЕЛИКОЕ НЕИЗВЕСТНОЕ, стоящее и действующее, держащее и изменяющее весь известный-де и чуть ли не подотчётный-де человеку мир!

«Мета»

Открытие, а потом и полное признание Великого Неизвестного, столь мало понятного и в целом неприемлемого для очень уж просвещённых наукой землян, сыграла с нашим героем то ли злую, то ли добрую, во всяком случае, явно для него значимую и неизбежную, «шутку», превратив учёного-научника, гуманитарного физика, обществоведа-теоретика в невольного отшельника — старательно не замечаемого (что хорошо!), не слишком воспринимаемого (что уже не так хорошо!), посильно отвергаемого (что вовсе не так уж и плохо!), но никак не в отверженного (что превосходно!), а всё почему — да из-за обретённой им возможности, перетекшей в способность, видеть и трактовать мир, бытие, человека с его сознанием и ноосферой, а также хозяйство, историю, ту же экономику, не говоря уже о литературе и искусстве, вообще культуре, весьма *по-другому*, не так, как было принято и остаётся до сих пор принятым в образованных по-университетски кругах с любимой ими просвещенческой текстурой: мир, как и любое частное в нём, предстали перед взором и воображением новоиспечённого отшельника буквально пронизанными неизвестностью, мало того, ею весьма и весьма определяемыми — без всяких на то формализованных определений и логикизованных алгоритмов, а сама неизвестность оказалась не чем-то всего лишь ещё не познанным, хотя это тоже есть, а совершенно непознаваемой (не переводимой в позитивное знание) *тайной*, — ТАЙНОЙ! — при этом не пустышкой вовсе, а до

краёв насыщенной неведомыми уму человеческому смыслами, отчего и вполне по-своему *субстанциальной*, пусть и *криптосубстанциальной* (сокрытой, невидимой и неведомой).

Из социального физика отшельник наш превратился в *холического (целостного) метафизика*, не отвергшего вовсе науки-физики, но её непременно преодолевавшего, вышедшего за её пределы и вышедшего в итоге на новый познавательно-размыслительный простор, в иные смысловые измерения.

Что есть в таком разе «мета»? Это как раз «вне», «за пределами», «помимо», а в нашем случае — вне, за пределами, помимо *онтологического физиса* (материальной, вещественно-предметной, упругой, твердой, так сказать, части мироздания) и, соответственно, адекватной сему онтосу *гносеологической физики*, а раз так, то за «мета» скрывается всё нематериальное, невещественное, непредметное, как бы пустое, а также само собой — спиритуальное (дúховое), идеальное, смысловое, сущностное, ноуменальное, частично явленное, пусть и призрачно, как те же слова, язык, образы, а частично сокрытое, конспиративное, криптовое, как те же смыслы, мысли, их начальные истоки и глубинные источники.

Отсюда «мета» — *другое, иное, не это, не такое*, но, что особенно важно, восходящее непосредственно к *Тайне Мироздания*, к *Незнанию*, к *Великому Неизвестному*. Здесь главенствует вовсе не метод, не инструментарий, не операциональный алгоритм, не исследовательский маршрут, — здесь в приоритете умственно-вообразительное, непременно

и духовное, хождение по тылам, глубинам, высям и весям, по окаёмам явленной в материи, упругости и тверди мирозданческой реальности с необходимо обязательным заходом в как бы *нереальность*, с погружением в её пучины и взлётом в её выси, с непозволительным, но иной раз всё-таки возможным и продуктивным, контактом с самой *Тайной Великого Неизвестного!*

Через долгие и мучительные тернии к ярким, лучистым звёздам!

Этакое тут расчудесное «хождение по мукам», преднамеренно или нет попущенное свыше кое-каким *мудрецам*, каковыми, собственно, *за-умные метафизики* иной раз и являются!

Тут уместно подчеркнуть, что *мудрец-метафизик*, будучи несомненным эзотериком (зрящим вовнутрь, в суть, в сокрытое), вовсе не маг, не колдун, не шаман, даже не жрец, не служитель культа, не тот же священник, вовсе никакой не церковник, может — *волхв*, но волхв особого рода, не прибегающий ни к каким особым процедурам вроде обрядов, заклинаний, камланий, плясок, даже и заученных скороговорных молитв, то бишь, скорее — «*волхв*», его — *волхва* — некое подобие вследствие близости сих обоих персон к «знанию незнания», к возможности им овладения и им обладания.

Да, наш «волхв», он же мудрец-метафизик, не пренебрегает неким «настроением» себя и своего сознания с подсознанием и сверхсознанием на решение той или иной откровенческой «задачи», но происходит это более всего само собой — *трансцендентно*, что связано как с общей «рабо-

чей» готовностью «волхвического организма», признающего тайну мироздания и ей воистину признательного, так и с возникающей откуда-то свыше, как и из глубины, вообще из какой-то дали, а может, и из близи, сокровенной милости, добровольно и плодотворно брачующейся с вопрошающим себя самого и тайну мироздания мудрецом-метафизиком.

Тут случается поразительное схождение в одной умственно-переживательной *мета*-точке сразу нескольких тайн — тайны личного сознания; тайны коллективного сознания, или ноосферы; тайны мироздания с её Тайной Великой Неизвестности. Результатом сего схождения тайн и оказывается получаемое вдруг мудрецом-метафизиком *откровение*, а с ним и то самое знание, та информация, то ведение, чего нельзя получить никаким исследованием, наблюдением, никаким логическим рассуждением с анализом и синтезом, индукцией и дедукцией, но что можно внезапно обрести через произвольное проникновение, вживание, встроение в бытие, пусть лишь в его часть, сторонú, аспект, однако непременно через вхождение в бытие со стороны... *небытия*, что то же самое — тайны, незнания, неизвестности, а ежели вдруг повезёт, то и со стороны самой Великой Неизвестности, её Великой Тайны.

Мудрец-метафизик, о котором речь, не вызыватель истин, запятанных во мгле Бытия и Небытия, хотя и не без этого, а их — этих истин — обретатель, ибо он — мудрец-метафизик — как раз уже, всегда и сразу *там* — в этой самой мгле, — и никакие свечи, бубны, барабаны, свистульки, трещотки, не говоря о компьютерах и айфонах, ему не нужны, как нет у него никакой необходимости в ритуальных

телодвижениях, несуразных позах, диких плясках, включая и закатывание ко лбу выпученных от сакрального снадобья неестественно светящихся или же столь же неестественно помутневших глаз.

Никакого завлекательного магнетизма, никакой мистической «дорожной карты», никакого гипнотического внушения, никакой экстрасенсорики, никакой астрологии, — одна лишь *МЕТА*, дающаяся и поддающаяся, правда, только редким единицам, как раз и способным в себя, в другого и во весь мир с тщанием и благородством, заинтересованно и проникновенно, не без толики страха и немалой отваги, напряжённо *вдумываться!*

«Мета» — иной гносеовыход к иному онтосу — *метаонтосу*, с целью не изучения, а всего лишь постижения последнего, выход на полную потенциальных смыслов онтологическую мета-точку — *метасингуляр*, откуда всё сразу в целостности, в движении и в наследии и видно, хотя видно и запечатлевается в итоге в человеческом сознании лишь человеку в меру доступное.

София Премудрость Божия

Господь Бог — главное действующее лицо на стороне Великого Неизвестного, держатель его Великой Тайны и неукротимый Творец если не всего Мироздания, то уж Бытия и Жизни в нём — точно, а главное — Создатель человека с его сознанием и ноосферой, мало того, Он ещё и недремлющее Всевидящее Око — вроде обволакивающей весь тварный мир чувствительной и всепонимающей суб-

станции, невидимой человеку, — взор сей трансцендентный направлен на человека, его самобытие в Природе, тоже ведь полное неизвестности, пусть и не Великой, но тоже чрезвычайно значимой, ибо мысли, решения и действия человека — его и только его мысли, решения и действия, не свободные насовсем от мирозданческих — физисного и метафизисного — контекстов, но зато промыслительно освобождённые от любого тотально-волевого, извне приходящего проективного давления, даже и Господнего.

Господь Бог не вмешивается напрямую, напропалую и напролом в житие-бытие человека, ибо в противном случае тут станется уже не человек, обладающий сознанием и волей, ещё и обретший утвердительное и самозабвенное до жути самосознание, или осознание самого себя — и как волевого творца тоже, а будет какое-то другое существо, Господу как раз совсем не интересное и не нужное.

Если бытие человека — *игра*, даже и сакральная *игра с Богом*, то пусть уж человек будет самодостаточным вольным игроком, даже и против Бога бунтарём, чем послушным исполнительным болванчиком, каких у Господа, конечно же, и так хватает, иначе какая-такая *игра*, какой-такой её предворяющий *Божеский проект*, какой-такой экзистенциальный на Земле процесс, в общем — какой вообще Божий замысел и какое его в реалии движение, а главное — какая-такая *игровая неизвестность*, тоже ведь сакральная?!

Бог нашёл-таки выход из безвыходного положения, в которое и сам попал, дав человеку свободу сознания, решений и действий, положив между собой и человеком сакральный смысло-идейный очаг (*Грааль*), до близкого вос-

приятия которого дошёл-таки хитроумный Соломон, а именно — *Премудрость Божию*, или *Софию*, позволив человеку даже иметь духовно-идейную связь с Софией, вступить с ней в творческий контакт — на свой страх и риск, разумеется, но... придал сей возможности исключительный характер («Много званых, да мало избранных!»), отчего контакт с Софией оказывается уделом очень и очень немногих, совсем редких, единичных, — мало того что на него способных, но и к этому заветно допущенных, причём, заметим особо, контакт для избранников вовсе не безопасный, ибо София, эта сакральная сила Божия, допуская обращение к ней, не допускает никакого самовольного вторжения в её таинственный *Храм*, который она сама себе возвела по попущению Божию, не говоря уже о попытке конечного познания Софии и полного научного-де обследования её сакрального Храма.

София — *тайна* — ТАЙНА! — а тайна не любит познавательных в себя интервенций, хотя и допускает размыслительные относительно себя небестрепетные интенции!

София, она же Премудрость Божия — *Страх Божий*, но при этом и *Страх Софийный*, да и *человеческий страх* тоже, — вот почему только немногие, только редкие, только единицы — то ли осчастливленные, то ли, наоборот, обречённые, ибо сакральное знание, каким бы оно ни было, лишь неуклонно «умножает скорбь», чего как раз и не избег даже сам дюжий умом и проницательный душою Соломон.

Мандат не мандат, билет не билет, но какой-то допуск к Софии, а вовсе не пропуск, выпадает на долю единичных

избранных, а раз единичных, то и одиночных, следственно, рано или поздно — вынужденных по своей экстремальной судьбе *отшельников*.

От доверительно-творческой опеки Софии веет не просто исключительностью, а именно *одиночеством*, ибо как выразить в словах словами невыразимое; как передать речью в речах не передаваемое; как сообщить образованным массам что-то им совершенно не понятное, да им и не нужное; как согласиться на звание мало что еретика, а то и лжепророка; как смириться со славой полублаженного безумца?!

О-о, тут потребны воля, стойкость, мужество, но и особого рода *призвание*, позволяющее признать своё софийное одиночество за великое благо, даруемое единицам ради необыкновенного деяния — *постижения непостижимого*, что чается, может, и многими, но, увы, ими же от себя если и не гонимого, то явно уж ими по-житейски благоразумно, суетно и надёжно блокируемого.

Отшельничество, о котором речь, — тяжковатая, конечно, но вовсе не напрасная и уж, тем более, не позорная плата за софийное знание, приходящее откровенчески откуда — из криптосферы, от мировой тайны, от самой Софии Премудрости Божией, то ли по её милостивому желанию, то ли по её расчётливому велению, то ли просто по её внезапному попустительству, впрочем, всегда так или иначе ею вполне оправданному.

София — *источник первосмыслов*: как воплощённых в Мироздании, так и «бытующих», не бытуя, как бы вне Мироздания, рядом с ним, параллельно ему — где-то там — в

иномирье, скорее всего в некоем *иномирном сингуляре*, лишённом пространства и времени, даже и не в точке, а так — в некоем пламенеющем *ничто*, однако источник вовсе не только позитивных первосмыслов, чуть ли не добрых и почти что приятных, ибо мир явленный вышел, творимый Богом Создателем, не откуда-нибудь, а из Бездны, и вышел вовсе не таким уж совершенным, чтобы можно было лишь любоваться и наслаждаться им, как какой-нибудь мраморной Афродитой, да ещё и сидя за чашечкой душистого кофе в каком-нибудь уютном парижском ресторанчике. Нет, мир сей несовершенен, особенно наш — зёмный, живоносный, людской, он намеренно, фундаментально, а потому и изумительно, неблагополучен, даже и трагичен, отчего общение с Софией — вовсе не получение адреналинного удовлетворения, а тяжкая и непрерывная пря, да ещё и с непредсказуемым для общающейся с Софией человеческой юдоли результатом — от внезапного необъяснимого недомогания до неожиданно являющегося смертельного конца.

Вот почему не завидовать надо мудрецам-отшельникам, не порицать их за якобы чрезмерную гордыню, да и не радоваться втихомолку по поводу их неизбежного будто бы безумия, наслаждаясь своей хорошо сбитой, хоть и непременно пошловатой, стандартизированной кармой, тем более не жалеть избранников Божиих за их страдательную и небезопасную долю, а более или менее понимать их, признавая их загадочную миссию на Земле — схватывать и передавать землянам, рискуя головою своею, некие внеземные месседжи, идущие к ним прямо оттуда — из *Небытия!*

На свету

Мудрецами-отшельниками вообще-то не становятся, ими нежданно-негаданно *оказываются*, да вовсе не по своей собственной воле, не то что по осознанному личному или же чьему-то ещё выбору: сама жизнь, полная неизвестности, тайны, сакрала и мистики, решает, кому, кем и когда стать, отводя лишь избранным ею единицам вполне незавидную, хоть явно неординарную, судьбу мудреца-отшельника.

Вот и наш будущий мудрец-отшельник ни о чём таком вовсе не помышлял, а когда вдруг осознал, что с ним в итоге случилось, то не так сему факту удивился, как попросту принял свершившееся за неизбежную, может, и роковую, данность, не исключавшую и толики непрямого за что-то воздаяния.

Да, он вовсе ни о чём таком не думал, идя по жизни, как идут по ней многие и многие другие, стремящиеся к знанию, всего и вся пониманию, непрямому самоутверждению, к овладению своей и вокруг вращающейся экзистенцией, наблюдая, внемля, учась, образовываясь, во что-то вживаясь, от чего-то отпрядая, чему-то поклоняясь, что-то не принимая, в общем — набираясь опыта с его событиями, деяниями, несуразицами, приключениями, делая ошибки, попадая впросак, о чём-то мечтая, но и беря барьеры, достигая кое-каких вершин, одним словом — становясь, ну и, конечно же, кое-кем таки став, овладев немалой учёностью, что-то при этом верша, чем-то управляя, кем-то ру-

ководя, наставничая, крапая собственные учёные тексты, вполне по мысли и стилю незаурядные, что в целом и означило выход его на стезю калиброванного учёного-мыслителя, не преминувшего даже открыть и щедро наполнить идейным нектаром не одно оригинальное, не имевшее и не имеющее аналогов, течение интегральной гуманитарной мысли.

Ни о каком волхвического типа избранничестве он не думал, даже когда погружался в глубокие научные, философские, исторические, литературные, эзотерические источники, их осваивая, по их поводу много размышляя, даже и когда пришёл черёд привезённой им из-за рубежа Библии, своей исконной правдой дошедшей до него вовсе не сразу, не то что сходу и всецело захватившей его в поток сакральной мудрости.

Ни о чём таком он не помышлял даже тогда, когда ему, уже зрелому учёному, довелось заинтересованно ознакомиться со вдруг ставшими доступными в перестроечно-реформные годы близкими ему по отеческому духу трудами русских, так называемых религиозных, философов XX в. — золотого века русской философии, отринувшей доминировавший тогда марксизм и пошедшей навстречу Софии Премудрости Божией, за что и нещадно гонимой захватившим власть в отечестве самонадеянным большевизмом.

Нет, вовсе не сразу, более того — через многие годы размышлений, чтений, писаний, переживаний, он осознал сей воистину великий, благоносный для всех, а для него лично попросту судьбоносный, рывок к Софии, который далеко не всеми из вроде бы мыслящих русских людей, а

всего лишь единицами, что тогда, что сейчас, хотя бы на чуть-чуть понят, признан и по достоинству оценен — как *открытие Открытия!*

Выход к Софии — выход на размыслительный простор, чего даже сами софийные первопроходцы не до конца тогда осознали, точнее — почти и не осознали, они даже не поняли, что оказались не так собственно религиозными (христианско-православными), как именно *софийными философами*, заложив в итоге основы не чего-нибудь, а *русской софийной философии!*

Так или иначе, но тогдашняя русская софиология немало задела нашего будущего отшельника, — нет, вовсе не как её новейшего адепта, а как пока ещё лишь смутно ощущавшего какую-то возникшую перед ним иную размыслительную возможность, им — всё ещё научником, просвещенцем и остаточным марксистом — отчётливо никак ещё не воспринимавшуюся.

Всему, как оказалось, было своё время, в том числе и для выхода нашего героя на новые гносеологические, а затем и онтологические, просторы.

Не сразу ведь Москва строилась, не сразу и любое значимое дело делается, а тут, понимаешь ли... *мировоззрение!* — обретение которого слилось с длинной и вовсе не гладкой жизненной дорогой.

Ему посчастливилось жить более под Солнцем, на свету, среди честных людей, чем под Луной, в тени, среди поганных нелюдей, хотя и доводилось бывать, пусть более всего свидетелем, чем прямым чего-то такого участником, на житейских краях, соприкасавшихся в той или иной сте-

пени с бездной, с преисподней, с адом, но лишь для того, чтобы так или иначе выдержать, устоять, отпрянуть, никак не погрузившись во что-то эдакое, откуда и не выбраться — Бог миловал!

Да, он произошел от *людей* и жил среди *людей* — трудовых, значительных, благородных, разумеется, не без людских слабостей, изъянов, даже и пороков, но всё-таки *людей*, как раз тех самых, чьи судьбы сплелись с судьбой СССР со всеми его коллизиями, провалами и победами. Старшее поколение — родительское, наставническое, образцовое — явилось на свет не только до СССР, но даже и до революции, к СССР приведшей, но это поколение приняло СССР, ему служило, было его принадлежностью: светлое, умное, гражданственное, как раз то самое поколение, которое вынесло СССР и его судьбу на своих плечах, пусть и по-разному, не исключая ни драм, ни трагедий, ни потерь, но так вынесло, да как вынесло, превратив СССР во вторую в мире, ещё и нетривиальную, великую державу, одержавшую целый сонм необычных, даже и невозможных, побед, среди которых массовое образование, высокая культура, великая наука, достойная инженерия, современная армия, классное здравоохранение, выдающийся спорт, первоклассная индустрия, всеобщая электрификация, да мало ли ещё что, а главное — победа во Второй мировой войне, а для них всех, этих великих людей, как и для нас всех в Великой Отечественной войне, а также осуществлённый ими вырыв в Космос.

Подстать старшему поколению первопроходцев, подвижников и героев было и его поколение, тоже, конечно

же, не без людских грехов, изъязнов и пороков, но всё-таки опять же светлое, честное, порядочное, принявшее от старшего поколения СССР-эстафету, даже и нёсшее её некоторое время на своих плечах, но... тут уже вмешалось бытийно-историческое провидение, если не что-то ещё, куда более сильное и беспощадное... вроде той же неистребимой зверо-бесовской природы человека как такового, в общем — отход от активной деятельности или прямой уход из жизни того — первичного для СССР — поколения сначала совпал с затяжным кризисом СССР, а затем обозначился и опрокидыванием СССР в небытие.

Да, он был вполне себе сыном предшествовавшего ему и его сверстникам воистину героического поколения, добровольно посвятившего себя *гигантского масштаба общему делу*, наверное, сделав это впервые и единственный раз в бытии-истории человечества!

Он имел, конечно, свои слабости и прегрешения, делал ошибки и совершал глупости, жалел о содеянном или, наоборот, не содеянном, раскаивался, чем-то даже гордился, но в целом он был со своим временем: нельзя сказать, что жил исключительно не для себя, ибо имел и свой резон быть, но нельзя сказать, что жил исключительно для себя, ибо это никак не входило в концепт, пусть какое-то время не слишком им и осознанный, его личного бытия, в общем он жил в меру для себя, но по преимуществу всё-таки не для себя, а вот для чего же... да-да... для всего, для всех, для людей вообще, для общего дела, для бытия, а если угодно, то чуть ли и не для самой истории.

Вот так!

Откуда *это* было в нём — сначала гнездилось в мечтах, затем явилось в кое-каких деяниях, ну и выразилось в кое-каких свершениях! Да, конечно, сказался пример отца-подвижника — устроителя земли и жизни русской, гиганта по натуре и аристократа по стилю жизни, может, и княжеских рюриковско-долгоруковских корней (оттуда он — из долгоруковских окаёмов славной Орловщины); как и оказался казачий норов, унаследованный через мать от деда — донского казака, помещика и дворянина; сказалось и его пребывание с самого детства среди людей уникального (сталинского!) поколения — этих бескорыстных созидателей, учредителей и участников новой для человечества социальной жизни — совершенно по духу и нравам человеческой.

Да, это так, всё это имело место и сыграло свою роль: как то же московско-хамовническое дворовое или то же тамбовское сельское братство, как имперского образца школа с выдающимися учителями, как нелёгкий физический труд — что на селе, что на стройке, как насыщенная жизнь трудового народа, прежде всего русского, как погружение в стихию родного русского языка, в отечественную и зарубежную культуру, в русскую и мировую литературу, да мало ещё что, включая студенчество в лучшем в СССР, да и в тогдашнем мире, университете, как комсомол и управленческая работа в молодёжной среде, как вступление в КПСС и участие в партийной жизни, как изучение французского и Франции с научной стажировкой в Париже, как знакомство с Европой, западной цивилизацией, как обретение в лице

Франции второй для себя родины, разумеется, без никакой измены первой — России!

Всё это, безусловно, имело значение и сказывалось на формировании личности будущего мудреца-отшельника, — факт!, но ведь было и ещё что-то другое, прямо выпавшее на его личную долю — сначала не очень-то заметное, потом всё более и более явное, наконец, определённо заявившее о себе как его и только его личное достояние. Что же? Кто ж это вполне знает, кроме разве Великой Неизвестности, Иномирья, может, даже, и самой Софии Премудрости Божией? Да, этого никто из смертных не знает, хотя кое-кто в разные моменты жизни нашего героя кое о чём в его адрес всё-таки догадывался, бросая реплики, навешивая ярлычки, подавая знаки, да вот сам наш герой не придавал этому большого значения, что, кстати, правильно делал, невольно сохраняя себя для своей собственной юдоли.

Так или иначе, но всё тут шло соответственно личной генотропной программе, о которой наш герой, конечно, ничего не знал, но которой сначала более интуитивно, а затем и всё более осознанно, всё-таки следовал, может, по ней просто кем-то или чем-то вёлся — почему нет?, что и стало уже задним числом, конечно, более или менее проясняться в связи с путевными выборами, которые ему приходилось по жизни делать — что вполне осознанно, что почти бессознательно, что просто наугад. А их — этих выборов — хватало, как это и бывает у всех упорно куда-то и зачем-то идущих!

Говоря с высоты сегодняшнего дня, его влекла, если обобщить одним словом — *гуманитарность*, как практиче-

ская, так и когнитивная, по пути которой он, собственно, и пошёл, достигнув и кое-каких результатов, и кое-каких высот, однако не вообще гуманитарность, а гуманитарность реальная, жизненная, экзистенциальная, и что особенно знаменательно — народная, людская, истинная, какая есть, с одной стороны, но и какой может или должна быть — с другой стороны. Странно, быть может, но факт! Не одна гуманитарность тут факт, как и её реалистичность, но и своеобразный, навеянный, судя по всему, некой... э... э... «коммунистической русскостью», или «русской коммунистичностью», гуманитарный, казавшийся нашему герою вполне реалистичным, утопизм, или же русский реально-утопический гуманизм.

Смешно это или не смешно, но именно *это*, а не что-то другое, завладело потаённым, обычно не высказываемым, ядром-сингуляром ещё юношеского сознания будущего мудреца-отшельника, а потом и владело его сознанием, — то рассеиваясь, то сгущаясь, — но никогда насовсем его не покидая, даже и когда времена круто изменились, а не менее круто задранная вверх его личная гуманитарная лестница повисла над тусклой пустотой, готовая рухнуть вниз вместе со своим путником, однако, не рухнула, удержанная какой-то трансцендентной силой, а потом и с участием этой силы продолженная — во всё более и более иных измерениях, хотя вроде бы и в экзистенциальных, и в реальных, и в гуманитарных, и даже в утопических, — замены тут не случилось!

Возвращаясь мысленно-вообразительно в ту жизнь, когда возрастал, становился, узнавая себя, искал и находил свой путь наш герой, да и когда он уже явно сделал свой выбор и вполне уверенно шёл по избранному им пути (хотя, возможно, лишь ответил на сделанный не им отбор и был лишь вовлечён на путь, по которому уверенно-де шёл), так вот, возвращаясь к той эпохе — эпохе борьбы, подвижничества, героизма, а главное — *эпохе людей*, мало того, *сообразованных между собой людей*, пусть и не без внешнего насилия, не без огосударствления, не без партократизма, не без моноидеологизма наконец, но всё-таки (sic!) *людей* и (sic!) *людей между собой экзистентно сообразованных*, то бишь по-товарищески признававших друг друга и свою относительно друг друга совместность, причём личностно друг от друга вполне отличных, а потому и друг другу взаимно интересных и житейски приемлемых, — и, вновь возвращаясь к той необычной эпохе, следует признать, что это была эпоха *реально воплощённой на исторический миг реальной человеческой по духу утопии*, — и это несмотря на весь императивизм существовавшего в стране строя и откровенный при случае идиотизм действовавшего в стране правления.

И сегодня, уже в XXI в., *это всё* воспринимается как миф, как сказка, выдуманные оставшимися ещё на Земле и в России прямыми потомками тех славных людей-гигантов, мало того, потомками, не растерявшими насовсем заимствованных от этих славных людей человеческих, пусть и не столь героических, качеств, хотя и потомков, потеряв-

ших-таки *ту* страну — страну *тех* людей, и ныне бытующих в чужой им по духу стране — стране не то что уже других людей, им явно далёких, а каких-то уже иных, упрямых лишь во внешний образ человеческий, инородных существ.

Символ сумрак

Та жизнь *тех* людей недаром была утопической, отчего и реальной лишь для них — *этих* людей, для того исторического момента, на краткое время, на исторический миг, ибо она не соответствовала фундаментально коварной, если не чудовищной, природе человека вообще, может, и Божиевого поначалу создания, но... увы!.. создания и самого себя, мягко выражаясь, очень уж в какой-то своей собственной ипостаси *инфернального*, — и этот ипостасный *инфернализм* (причём всяческий — от грубого звериного до утончённого лицемерного!) никуда не деется, а бытует себе и бытует, то ослабевая и ловко где-то прячась, то усиливаясь и откровенно на широком виду безобразничая.

И ничто человека не изменяет: ни идеология, ни культура, ни вера, ни инквизиция, ни либерализм, ни диктатура, ни монетаризм, ни уж, тем более, свобода, не говоря уже о пресловутой красоте; единственный известный истории пример внезапного возникновения и краткого существования воистину товарищеского, — трудового, творческого, созидательного, — социума — это пример... э-э... невозможно и произнести вслух... *сталинского СССР*, при этом,

как это ни парадоксально звучит, одновременно благодаря сталинизму и ему же вопреки!

Что же это было?

Да, это был выплеск... *человечности*, причём человечности настоящей, прямо-таки... э-э... *божественной*, причём вопреки, а может, и благодаря, не только сталинизму, а и всему людскому-де вообще — люди сталинского времени, точнее, в сталинское время, вдруг трансцендентно ощутили потребность пробывать на этом свете именно *людьми*, причём никуда и ни от чего не прячась (в тех же тёмных катакомбах и глухих лесах), да мало что пробывать, но и всю созидать, причём созидать новый, как им казалось, достойный именно человека — ЧЕЛОВЕКА! — мир — на полном свету и на открытом всем ветрам бескрайнем пространстве.

Да, их, наверное, крепко прихватила идейная утопия — и это в какой-то степени верно! — но их более всего захватила создаваемая ими новая, — и частью действительно утопическая, — реальность, которая и в самом деле реально рождалась под их умами и руками, на их глазах.

Они оказались поколением не просто захваченным созидательной эпохой, но поколением, захватившим саму эту эпоху, её творившим с прицелом на будущее — великое, как им казалось, будущее, не заметив или не отдав должного по удивительной скромности и в целом отсутствующей алчности факту исключительного величия не только *своей* эпохи — вполне и героической, но и *самих себя* — истинных героев!

А в том, что их необыкновенная реальность оказалась не вполне победительной и слишком кратковременной, как и не вполне в общем-то реальной, была не их вина и даже не их беда, а вина и беда как раз вообще-человека — существа в общем-то скверного, с неустанным реальным рвением распинающим всё реально человеческое.

Та жизнь тех людей, что как раз вроде бы совершенно уж парадоксально, не выдержала не так даже давления противного ей общечеловеческого контекста, как... *sic!*.. *самой же себя*, ибо долго поддерживать свой жизненный тонус на действительно человеческом, жизнеутверждающем, благотворном, ещё и пристойном, уровне оказалось делом не столько даже трудным, как попросту невозможным: сначала своё взяла предательская энтропия со своими неизбежными усталостями, уходами и смертями, а затем и алчное хищничество дурного людского контента, никак уж не бывшего заинтересованным ни в *такой* утопической жизни, ни в *таких*, тоже утопических, людях, ни в *таких*, пусть и совершенно реальных, свершениях.

Воистину удивителен, если не чудесен, факт самого что ни на есть *человеческого бытия*, о котором речь, как и весьма поразителен, как, кстати, и убедителен, хотя и не столь уже чудесен, факт сначала самоотрицания сего бытия, а затем и его весьма скорой и спорой от его противников гибели!

Да, мир человеческий вроде бы существует, но существует он непременно и как мир *античеловеческий* (и кто при этом знает, что здесь воистину и исходно собственно человеческое — первое или второе?!), а чуть по-другому:

как существует на Земле мир, так и будет на ней существовать *антимир* (и опять же, где тут собственно мир, а где, увы, антимир?!). Отсюда вывод: всё что угодно получается у человека, кроме *этого самого!* — утопического, даже ежели на историческое мгновение и вполне реального, пусть и весьма сдобренного страданием и обильно окропленного кровью!

Мечтает неустанно человек о чём-то светлом, хорошем, дивном, но более всего не о зёмном, а... *потустороннем*, ибо здесь, на Земле, ни на что подобное он никак не идёт, расписываясь либо в неспособности, либо, что совсем уж примечательно, в нежелании обретать не то что рай, но даже и Царство Божие на Земле, ибо не вмоготу ему быть собственно человеком — ЧЕЛОВЕКОМ!, а куда как легче и привлекательнее быть ему либо зверем хищным, либо тварью дрожащей, либо попросту ничем (а что в человеке есть, кроме наличия сознания с бессознанием, собственно человеческое, — кто ж это знает?).

Исключительный мир, в котором возростал и среди которого формировался наш будущий мудрец-отшельник, просуществовал недолго, но для нашего героя совсем-совсем не зря, — вышел наш герой из него в сочетании со своим дарованным ему лично генотипом и со своей на роду написанной жизненной программой... как бы это сказать... не только не жлобом, а, скажем так, обращённым от себя вовне... нет, вовсе не каким-то там экстравертом, а неким априорно признающим другого человека и действующим более всего не в своих, а в общих интересах экстраординарием, — редким, конечно, по типу, да в общем-то и не ти-

пом вовсе, и так... странным, почти что и единичным, отчего уже поэтому экзистенциально немало и одиноким, совсем не выигрышного положения... *недоразумением!*

Он, конечно, хорошо видел inferнальную подоплёку протекавшего вокруг бытия, хотя так сию подоплёку долго не определял, сталкивался не то что с разными нехорошестями и гнусностями, но и с настоящими преступлениями, в общем — не был изолирован от антимира с его античеловеком, но в силу вполне себе убедительного тогда доминирования людского мира над нелюдским антимиром, а человека над античеловеком, исходил, как и большинство окружавших его людей, из очевидного и вроде бы надёжного превосходства всего позитивно людского надо всем негативно нелюдским, а потому верил долгое время в возможность преодоления неуклонно уже тогда нараставшего кризиса доминировавшего строя, как раз в основе своей сталинского, как и кризиса бытовавшего в стране правления, уже в общем-то, псевдосталинского, да и вообще фактически не правления, а псевдоправления, надеясь, как представитель сыновнего поколения первоустроителей того утопического бытия, на антикризисное самопревращение оцепеневшего в тот момент строя со своим на тот момент тяжко ошарашенным правлением.

Однако — тщетно, это было *тщетно!* — кризис успел напиться опасной патологией, а правление — самоубийственным маразмом, отчего меняться тогда пришлось не так строю и его правлению, как самому нашему герою, разумеется, меняться более всего в идейно-размыслительном ключе, можно сказать, что и в *концептуальном*.

Но и тут, надо особо отметить, его поджидала немалая *тищета*, правда, в отличие от советской реальности, всё-таки нашедшая в итоге конструктивный выход, избежав как безысходного и вполне себе тупого тупика, так и рокового самоисчезновения с растворением в чём-то не просто уже ином, весьма при этом и чуждом, а всего лишь в дьявольски пустом, хотя и вроде бы передовом, ультрасовременном, чуть ли в ментальном отношении не изысканном (в духе «игры в бисер») наукообразном конструктивизме, бодро прискакавшим в постсоветскую Россию из-за рубежа.

Всё дело в том, что где-то пред наступлением критического (уже и не кризисного, а именно *критического*) момента в судьбе советской реальности, наш будущий мудрец-отшельник, немало уже начитавшись, навпечатлявшись и наразмышлявшись, вполне уже созрев как ученый-профессионал, вдруг ощутил потребность не просто быть критически настроенным участником уже хорошо им освоенного идейно-ментального массива, а, вследствие уже окончательно осознанного им его — этого массива — принципиального (*парадигмального*) несоответствия любой трактуемой в его потускневшем свете реальной реальности, ощутил потребность выйти за пределы сего массива и пойти, что называется, иной гносеологической дорогой — уже собственной, должной привести его к более адекватному восприятию и трактованию реально вокруг бытовавшего онтоса.

От ловко содеянного наукообразного мифа, может, в чём-то и по-честному содеянного, даже и по-честному замешанного на столь любимой простодушным челове-

ством правдоподобной лжи... нет, конечно, не к правде-матке как таковой, которая и так хорошо всем известна, даже не к полуправде, что его вовсе не занимало, а хотя бы к какому-то большему адеквату учёного воззрения неучёной реальности, как и, наоборот, неучёной реальности — учёному воззрению.

Речь шла, разумеется, не так о фактологическом адеквате, хотя и о нём тоже, как о концептуальном, или, как более принято говорить, теоретическом: именно здесь — в теории, более всего бросалось в глаза неадекват, противоречий, ошибочных мнений или же намеренно придуманных для закрытия концептуальных брешей вероподобных конструкций.

В идейно-ментальном массиве, о котором речь, и впрямь было больше веры в истину, чем собственно истины, пусть и относительной, так что выход за пределы сего массива был для нашего мыслителя в общем-то неизбежным, как и, что можно было предположить, не таким уж и простым — что ментально, что функционально, что борчески!

Выход сей был не просто выходом «из» с соответствующей разносной критикой отставленного идейно-ментального «месива», что, кстати, хоть и было обосновано, но всё-таки не было главным, ибо главным тут должен был стать выход «на» — на *иную* идейно-ментальную платформу, которой пред нашим «тишайшим» бунтарём в готовом виде вовсе и не было: её предстояло создать — ему самому создать, на первых порах, естественно, из уже извест-

ного и близкого ему материала и в соответствии с уже пригрезившимся ему алгоритмами.

Да, так оно всё и случилось: ему и в самом деле довелось кое-что новенькое создать, вовсе и не узкое и не частное, а очень даже обширное и целостное, совсем и не плохое, куда более адекватное онтореалиям, но... но хоть и вышедшее за пределы доминировавшего тогда знания, но всё-таки оставшееся в пределах научно-просвещенческого видения мира с его социально-гуманитарной трактовкой — натуроцентричной, материалистической, механоподобной, физикалистской, тотально системной, ну и, разумеется, атеистической, не говоря уже об её нарочитой антиметафизичности.

Он сотворил тогда действительно хорошие вещи, за что был даже наречён прямо на защите своей докторской диссертации тем самым «королем, которого наконец-то родили Бурбоны», но, как стало ему впоследствии ясно, сотворил он не только хорошие вещи, но и *немалую тщету*, ибо довелось ему со временем убедиться, что реальность-то всё-таки не соответствовала достаточно не только владевшему им долгое время научному мейнстриму, но и общему научно-просвещенческому мировидению, его тоже тогда довольно ещё занимавшему.

За первым идейно-ментальным выходом за пределы общепринятого знания, не робким вовсе, но, как оказалось со временем, не полным, должен был последовать уже другой выход, он же и ход, куда более... нет, вовсе не какой-то банально смелый, — не в смелости тут было дело, хотя куда ж без неё — опрометчивой, безрассудной или же попросту

наивной, — тут должен был последовать куда более радикальный, дальнобойный и объёмный выход, он же и ход, обязанный не так уже обретению нового знания и поиску адекватна сего знания текущей реальности, а, если хотите, *перерождению* нашего героя из одного себя — гуманитарного учёного-физика, в другого (*иного*) себя — гуманитарного мудреца-метафизика, — причём в том и в том образах тут вроде бы мыслитель, только в первом случае — *в параллель реальности*, а во втором — *вместе с реальностью*, — и если хорошенько подумать, то можно обнаружить, как любят говорить в Одессе, «две большие разницы», из которых одной из них можно обучиться и через её посредство безбедно существовать, а вот другой — нет, нельзя, она сама находит свою счастливую жертву, не предоставляя ей при это никаких благовидных гарантий, даже и размыслительных!

Мир науки

Очень, знаете ли, не простой мир, вроде мира искусств — совершенно человеческий, разумеется, во всей красе, со всей палитрой человеческой: от яркой белизны до, через разные тусклые оттенки серости, густой черноты, а ежели иначе, то от редкого благородства через обыденные пошлости и проступочки до необыкновенной, а иной раз и весьма изощрённой, подлости.

С этим-то *миром науки* герой наш стал ознакамливаться сразу, со студенческой, как встарь говорили, скамьи.

Эпизод первый.

Написал наш герой на 2 курсе первую в жизни научную работу (курсовую), не более не менее, как о происхождении денег. Потом, как водится прочитал отзыв на неё доцента, его не знавшего лично, в котором доцент (со временем, конечно, профессор, вообще известная личность, оставшийся в 1990-е приверженцем марксизма, интеллигент, чуть ли не единственный из политэкономов, кто появлялся в эти славные лихие годы при бабочке, этнически северокавказец, осетин), так вот этот доцент писал в отзыве, что сначала не понял автора, потом вчитался, понял, его поддержал и, что самое главное для нашего студента, заключил, что «из автора может впоследствии выйти хороший учёный», то бишь предсказал и благословил, можно, видно, сказать, что и угадал (как в воду смотрел!). Об этом случае наш герой как-то, уже в 1990-е, поведал бывшему доценту — автору отзыва, а тот, искренне восхитившись, почестному признался: «Знаешь, не помню!», — ещё бы, аж в 1961 г. было!

Эпизод второй.

Заканчивалась работа над кандидатской диссертацией, в которой реализовалась одна важная сквозная концептуальная идея, выработанная автором и соответствовавшая концептуальной платформе кафедры, на которой наш герой уже служил ассистентом. Нет, не в угоду кафедре наш герой придерживался сей идее, а по убеждению, причём успев сие убеждение выразить и в первой своей научной журнальной публикации, аж в самом начале своей аспирантуры.

Написал работу, всё вроде бы хорошо, а червь сомнения всё равно гложил начинавшего учёного, а потому обратился он к одному уважавшему им профессору с просьбой посмотреть первую — основную по смыслам — главу диссертации. Тот охотно взялся за это, ибо ему было интересно, как там у них, при капитализме. Внимательно прочитал: «Хорошо пишете, — начал он, — как песня, слова не выкинуть». Потом стал задумчиво рассуждать о сути работы, и вдруг возбуждённо бросил: «И всё-таки это... не это, а иное!» И тут нашему герою вдруг стало совершенно ясно, что это действительно так, что *это*, им развивавшееся, вовсе *не то*, что было в реальности на самом-то деле, вовсе не то, да не просто иное, а *противоположно* иное!

И уловил, и осознал, и переделал, и переписал, как потом выяснил, уже при изучении проблемы на «полигоне» во Франции, что сделал это вослед профессорскому откровению не только не напрасно, а совершенно и правильно!

И что воистину примечательно: ведь и профессор круто изменил тогда свою точку зрения на обсуждавшееся явление, не уstraшился *такого* вот разворота, ибо был, что немаловажно для науки, в особенности гуманитарной, учёным в высшей степени добросовестным.

Что же касается нашего героя, то он, отстаивавший и далее сию научно-откровенческую обратку, немало за это время претерпел, скажем так, неудобий, ибо не вписывался в кафедральное концептуальное целое.

А тот профессор, побывав в первые 1980-е гг. в заграничной научной командировке (в Польше) и вернувшись оттуда совсем другим, продолжая свою эволюцию в сторо-

ну более адекватного восприятия разнообразной экономической реальности, имея далеко идущие обновленческие творческие планы, вдруг схватил, вовсе ещё и не старый, тяжёлый недуг, проведя какие-то годы дома в неподвижности, ничего, естественно, не написал, и отошёл тихо в иной мир, так и не реализовав себя вполне — как воистину выдающейся мыслитель.

Ах, марксизм, марксизм, скольких возможных самотворцов ты захватил в свои сети, не дав им реализоваться, искалечил и, что тут скрывать, умертвил!

Да-а, были люди, да и есть, конечно, но, увы, всякие были тогда люди, всякие и ныне есть, хоть и не было, во всяком случае на виду, тьмы не то что лжелюдей, а попросту уже и нелюдей, ничего не стесняющихся, всюду мелькающих, если не повсюду торчащих, вполне торжественных и торжествующих — этаких ложновосторженных шоу-нелюдей, да ладно бы где-то там копошащихся, а то ведь публично активных, зловредных, бедоносных!

Да-а, были люди, многие и с большой буквы *Люди* — ЛЮДИ! — но были, как и есть, как бы это сказать, то ли люди, то ли не совсем люди, то ли полулюди, а то и вовсе не люди, а как раз *нелюди*. Куда ж без них, этих вредных особей, вроде бы, напогляд «ничего себе», а на проверку не то чтобы «так себе», а и попросту, если и не с гнилой начинкой, то непременно с гнильцой. Хватает таких вокруг, хватило их и всё ещё хватает и нашему герою, что тут скрывать, ежели так оно было и так оно есть?!

Когда-то встреча со всем «нехорошим» от людей казалась досадной случайностью, потом кое-как переживаемой

неизбежностью, наконец, массированным активом, формирующим всё более консолидированный и весомый антилюдской массив, — это когда то ли сами людишки подраспустились, то ли в себя истинных наконец-то вошли, то ли благоприятной погоды-нёпогоди дождались, разумеется, гуманитарно-экзистенциальной, в общем, когда, как говаривал умно-остроумный заведующий кафедрой, на которой служил наш герой, окончательно омерзели.

Ну да ладно, хватит расхожей философии, перейдём к примерам, мимо которых, говоря об учёном житии-бытии нашего героя, трудно пройти.

Тут как раз надо непременно заметить, что сфера науки, вообще интеллектуализма — вовсе не покойно-тривиальная сфера, совсем нет, это как раз очень даже живая и соревновательная сфера, где не то что способных, талантливых, выдающихся особей хватает, но, знаете ли, и... гениальных тоже, а кто тут каков — кто ж это знает и просто так признаёт, кроме самих этих на что-то истинное-де претендующих нетривиальных особей, что, конечно, совершенно недопустимо отчего и борьба идёт нешуточная за разного рода умственные достижения и приоритеты (это помимо материальных, наградных, поощрительных и т. д.) в общем — *театр*, да и только, да ещё *какой театр!* — похлеще и Большого будет с его закулисем, ибо народ в науке мозговитый, знающий, толковый и очень-очень, знаете ли, не простой, внутри себя многослойный, даже и многоличностный.

А теперь несколько не то сюжетных примеров, не то примерных сюжетов, так, для порядку, из вредности, чтоб яснее всё было, конечно же, «по чесноку».

Сюжет первый, относящийся к январю 1973 г.

Защита нашим героем кандидатской диссертации, вполне добротной сделанной. Первому оппоненту она, или он — автор, не очень нравится, оттого оппонент, известный тогда доктор наук, выступает сухо, несколько даже пренебрежительно к работе, может, к её автору, однако даёт положительную оценку. Сам диссертант знает, что работа у него хорошая, даже очень хорошая, ибо было проверено, так сказать, на самом высоком уровне, отношение к ней оппонента удивляет нашего героя и огорчает, но он терпит, как-то себя по ходу успокаивая. Второй оппонент, точнее, оппонентша, кандидат, как водится, наук, знающая хорошо проблематику «дисера», даёт прекрасную характеристику работе, называя её превосходной. Кто-то ещё выступает со вполне положительными оценками. Голосование: четыре голоса «против» («чёрных шаров»)! Несмотря на то, что работа в итоге прошла, автор наш обескуражен, мало того, убит: «За что?!». Председатель совета, он же шеф диссертанта, говорит какие-то утешительные слова, что, мол, наука есть наука, а когда что-то является в ней необычное, то всякое случается, огорчаться не надо, всё впереди, надо дальше работать.

Потом стало известно, что то была чёрная месть одной амбициозной профессорши, позволившей себе воткнуть диссертанту за один житейский сюжет, связанный с его комсомольской на уровне вуза работой, вполне и ошибочно

ей кем-то переданный: да, он тогда был там, где речь шла о ней, но он ничего против неё не говорил, да и говорить не мог, а ей кто-то донёс, что это был как раз он, кто выступил-де против неё. Этого оказалось достаточно, чтобы устроить погром на его защите, а соучастники, точнее, соучастницы, скоренько нашлись, отчего не один стался чёрный голос, а целых четыре — случай в общем-то экстраординарный в практике работы советов вуза... четыре «чёрных шара»!

Вот так: но дело было даже не в «чёрных шарах», а в беспощадной каверзе, не имевшей никакого отношения к науке. Хотя, может, прохлада со стороны первого оппонента, тоже, мягко выражаясь, поступившего не очень-то добросовестно, чёрт знает и почему! — на кого-нибудь из голосовавших и повлияла.

Да, это был не просто горький, а прямо-таки надсадный, урок для нашего героя, правда, его немало отрезвивший и закаливший, хоть и не сразу, надо заметить, закаливший, совсем не сразу — он долго и остро переживал случившееся! Ах, эта злая несправедливость!

Если честно, то наш герой не видел за всю свою научно-педагогическую карьеру лучше сделанной кандидатской диссертации, включая и автореферат, чем была его собственная диссертация, что нашло подтверждение и в опубликовании текста диссертации в очаровательной, наподобие этого слова, книжице, запросто признаваемой ныне классической.

Лирическое отступление. С мистической точки зрения сие несправедливое голосование, оно же и злой выпад, было, как потом стал понимать наш герой-отшельник, сигнала

лом, предупреждением, промыслительной вестью, как раз о том, что он — наш герой — не подходил учёной среде, слишком уж выделялся из стаи, не был участником своры, хотя и был человеком лояльным, социальным, доступным, терпимым, более того, выручательным, а эта вот свора, стая, среда хорошо, видно, чувствовала, что он *для них* был *не свой, не их*, может, попросту физиономией своей не вышел, что не так уж и важно, но что трудненько ему придётся идти по стезе, которую он избрал, в чём впоследствии нашему герою оставалось только убеждаться и убеждаться: никакие вершины науки (познания, мысли, знания), никакие откровения никого, или почти никого, положительно не волновали, как не волновали никого и выходы в какое-то там метафизическое запределье, естественно, для них де сугубо лженаучное, что не мешало им самим с упоением заниматься истинной лженаукой, им вовсе ни с какой стороны и не понятной, но зато по наущению образователей ими принятой, причём даже не на веру, а так — в своё ей холуйское услужение.

Ладно, та амбициозная профессорша, весьма для того времени уже как бы раскованная и якобы передовая, могла совершить законную для неё гадость, ибо, как ей казалось, имела повод для мести, но почему так же точно поступили другие — вот вопрос?! А всё потому, что ненависть, да не просто к хорошему, а к блестящему, им вовсе не доступному, а тут она, милая заговорщица, почему же не воспользоваться случаем, да и не врезать этому выскочке — *по мордасам, по мордасам!*

Сюжетец второй.

Да, именно так, не сюжет вовсе, что было бы естественнее, а именно, сюжетец, поскольку такого рода происшествия иных определений попросту не заслуживают.

Середина 1980-х. Наш герой не самозабвенно, но почестному трудится на одном из самых хлопотных административных постов, а в свободное (ха!) время пишет докторскую диссертацию по утверждённой уже в соответствии с его личным желанием теме (о хозяйственном механизме капитализма), в связи с чем успевает за три года подготовить монографию и сдать её в вузовское издательство, получив рекомендацию РИСО (Редакционно-издательского совета вуза). Ни одного дня у него из так называемого «творческого отпуска», — кстати, трёхлетнего, — не было! Итак, новая книга, уже весьма объёмная, опять же, кстати, очень хорошая по содержанию и очень оригинальная по стилю — с цитатами из Пушкина, Достоевского, кого-то ещё из не то что экономистов, но даже и не учёных, хотя экономистам и учёным в книге было уделено достаточное внимание.

И вот в издательстве раздаётся телефонный звонок и начальствующий баритональный голос говорит вежливо, но настойчиво: «Надо бы снять из монографии NN (это как раз нашего героя) первую главу», как раз самую главную, угрожавшую-де, что, наверно, и в самом деле было так, общепринятой тогда политэкономии. На что последовал ответ: «Монография прошла РИСО, и издательство не имеет права ничего в ней менять».

Зачем тут об этом? А чтобы чётко представлять, что и как творилось, ну и, разумеется, творится, в объективной-де науке, ну и лучше понимать тернистый путь в этой самой науке нашего героя.

Борьба, чей-то натиск и ему непременное сопротивление, ну и вынужденные меры безопасности, — вот так!

Сюжетец третий.

Герой наш, перейдя на более спокойную и даже почётную административную должность, выпустил свою книгу, обсудил, как говорят, диссертацию, правда, не без попытки руководства оттянуть её рекомендацию к защите, успешно «дисер» защитил, правда не преминув принять, на всякий случай, меры идейной защиты: среди присутствовавших на заседании были известные и уважаемые учёные, не только поддержавшие нашего героя, но и готовые, что называется, «вцепиться в каждого, кто посмел бы... э-э...», но этого, к счастью, не произошло, хотя произошло кое-что другое, о чём будет сказано чуть позже.

Защитил «дисер» и... бросился писать отставленный лет этак пять-семь назад труд по... *философии хозяйства*, быстро написал за год книгу и, как обычно, направил её для публикации в вузовское издательство, разумеется, пройдя достославный РИСО.

И опять звонок в издательство, теперь уже от другого известного в стране и за рубежом, лично весьма амбициозного, динамичного, эффектного академика, директора академического института, заведующего кафедрой на родном факультете, в общем — *большой величины*, одного из авторов теории тотально организуемой экономики, а потом,

уже в 1990-е, заядлого рыночника: «Там у вас лежит монография NN (это опять о нашем герое), дайте-ка мне её, я от неё камня на камне не оставлю». Получил тот же примерно ответ: «Рукописи не выдаём, вот выйдет книга, тогда и громите, сколько хотите». Книга вышла и никакого разгрома не случилось, — и не только от него — академика, но и не от кого вообще, наоборот, была встречена с большим интересом, а было это в 1990 г., да и ничего и не могло случиться, ибо не его, сего академика, это было течение мысли и не их, ему подобных, а в издательство, заметим, сей бодрый академик звонил по сему недоброму поводу аж дважды, — настойчив почему-то был!

А теперь уже не сюжетец, а *сюжет*.

Один ответственного тогда положения (партийного) коллега был вынужден, идя навстречу желанию административного руководства, выступить в одной верхней инстанции против назначения нашего героя на ответственную административную должность, а сам он был, несмотря на разницу в возрасте и положении, в хороших, добрых, товарищеских, ещё и интеллектуально-разговорных, отношениях с нашим героем. Помешать тогда сему назначению, он не помешал, однако пришло время, когда сей достойный в целом человек, уже, правда, переставший быть лицом ответственным, почувствовал не исчезающую в его душе неловкость от им когда-то содеянного, возобновил дружеское общение с нашим героем, хотя и не знал, что герою нашему было всё о его невольном поступке хорошо известно.

И вот подошёл момент защиты нашим героем докторской диссертации, и его возобновившейся собеседник, —

член, кстати, той же, что и наш герой, кафедры, — прочитав автореферат, заявил нашему герою, что он его поддерживает и непременно выступит с положительной оценкой на защите, что и произошло, но зато как!.. о-о, очень и очень не просто! — ибо, выступая, оратор вдруг стал затихать голос и замедлять речь, вообще еле говорить уже заплетавшимся языком, а потом, произнеся с трудом последнее «Одобряю!», и вовсе стал оседать, едва держась за трибуну, сползая на пол. Наш герой, бывший ближе всех к трибуне, вскочил, подбежал, поддержал, не дал коллеге упасть. Тут подошли другие, усадили грузного мужчину на стул, вызвали «Скорую», которая его и забрала. Слава Богу, коллега выжил, сердце у него тогда прихватило, да так, что и... но обошлось!

К чему всё это: да, всякое случается по жизни, но возникает иной раз жгучая потребность что-то исправить, — и люди идут, как видим, на многое, и не только на риск, а и на самый обыкновенный, пусть и вроде бы житейский, героизм. А был этот человек фронтовиком, честным коммунистом, даже побывал в 1950-е парторгом вуза, ещё будучи студентом (!), а ушёл он из жизни прямо в начале декабря 1991 г., так и не став свидетелем краха СССР, который он строил, защищал и которому служил, а ведь многое из происходившего в перестроечной стране негативного хорошо видел и немало понимал, недоумевая, и расстраиваясь — собеседником ведь был для нашего героя вполне откровенным!

Идя по жизни, каждый выбирает свою дорогу, если дорога не выбирает его сама, каждый выбирает и манеру

своего поведения, ежели манера не втискивается в него сама, а ещё каждый сталкивается перед возможностью того или иного деяния, поступка, высказывания, и каждый так или иначе реализует эту возможность, которая, правда, нередко бывает подкреплена не обходимой просто так необходимостью, внешним побуждением, если не принуждением, давлением обстоятельств, а то и попросту, соблазном, страхом, трусостью, завистью, мало ли ещё чем из богатого умо-психо-поведенческого заглазника брнного человека как человека.

И что мы имеем? Всякое имеем: от подлости и стремления ко вдруг идущему в руки выигрышу, а то и триумфу — за счёт подтопления или даже утопления другого (других), до благородства и согласия на риск, потери, проигрыш, даже, как только что было показано, и на расставание с жизнью, пусть никак не желаемое вполне и вовсе не осознанное.

Неисповедимы мотивы и деяния твои, человеце, какие есть, такие и есть, однако неплохо бы иметь в виду, что, как убеждался неоднократно наш герой, за доброе деяние в сторону другого непременно приходит, пусть и не сразу, тоже что-то доброе, за злое же — что-то злое, причём неизвестно откуда приходит и всегда почему-то внезапно! Любезнейший закон воздаяния, или по-простому — бумеранга, не только есть, он всю работу и никем из смертных отмечен быть не может!

Таков он, замечательный мир науки, в особенности гуманитарной, в которой нет никакого критерия истины, даже и в виде реальной-де практики, ибо всё там — в этой

реальной-де практике творится, всё что угодно, кроме истины, которая, конечно же, там, у Софии, в её Доме, у Бога, в его Доме, да где они — сии дома, да и как в них войти, кроме как через метафизические (и мистические) откровения, да ведь добытое в откровении вовсе и никакая не истина, а лишь устраивающее какого-нибудь учёного отшельника её подобие, то бишь всего лишь более подходящий, чем у какого-нибудь предшественника, миф.

Однако... однако *миф* — это серьёзно! Смотря ведь, какой миф! Но дело тут не в самих мифах, а в борьбе, ими — этими мифами — дозволяемой, вот учёные и борются, да не так с мифами, как с самими собой, не забывая о привилегиях, наградах, должностях, о всякого рода прибытках.

И что? А как раз то самое: *морален* ли научник и *как* морален, отчего зависит не только его поведение, что само собой, а и, знаете ли, *сама его наука* — вот что самое поразительное: критерий истинности здесь не в практике и в её обследовании, хотя и не без этого, а в *морали*, да не кого-нибудь, а самого научника, знатока, учёного, и мораль сия, знаете ли, очень широкая, эластичная и подчас очень какая-то дырявая, так что и критерии тут, какие хочешь, и гибкость их такая же, и челночное движение добытых непосильным учением и трудом истин сквозь критериальные дырки безостановочное — туда-сюда, туда-сюда!

Никто здесь ни в чём не виноват, зато виноваты все, причём без вины виноватые, однако каждый виновен по-своему, хоть далеко не каждый свою и общую (солидарную) вину довольно осознаёт.

Владелец убедительного баритона, звонивший в издательство по поводу первой главы книги нашего героя, представ быть властной особой, но сохранившей научный вес, признал-таки через многие годы в личном разговоре, махнув рукой на других, бывших в комнате учёных: «Они-то не понимают!», если не правоту, то хотя бы право нашего героя на разрабатывавшееся им учение, а может, и его правоту — уже самого этого учения, — дорогого это признание стоило, чему наш герой сразу отдал и отдаёт до сих пор должное — своему уже бывшему идейному противнику: честно то было и благородно!

Да-а, всякое тут случалось и случается, в этом странном, занимательном и заманчивом, по-своему и причудливом, мире — *мире науки*, — *всякое!*

Хождение по мукам

Да, герой наш хорошо понимал, что надо и пора выходить на плодоносный простор, покидая замшелое месиво господствовавшего концептуализма, но одно дело — понять и покинуть, совсем другое — что-то иное обрести и с ним идти вперед: что же, как и куда идти, до какого обрыва?

Не так опрометчиво смелый, как уже обоснованно в себе уверенный, он было начал с большого замысла — *метафизического синтеза новейшей науки и просвещенческой философии*, но сам уже вскоре понял, что сквозь учёный официоз ему не прорваться, а потому сосредоточился на малом замысле — на *новом концептуализме*, пытаясь не ограничиваться ответом на вопрос: «Что в реальности про-

исходит?», а ответить и на другой важный вопрос: «Как это происходит?», оставляя ответ на вопрос «Почему же именно *это* происходит?» на неопределённое будущее.

Ему было жаль расставаться с начатым научно-философическим текстом (как раз по «философии хозяйства»), писанным им особого рода языковым стилем — вроде библейского, специально для сего случая скрупулезно им выработанном, но деловое хладнокровие взяло тогда верх и правильно сделало, не бросив «заносчивого» автора в преждевременное — и, может, роковое — отвержение.

То был рубеж 1970—1980 гг., когда герою нашему сначала было под сорок лет, затем стало сорок, а потом пошло и за сорок. Как раз момент разгара кризиса СССР-строия и его правления, их последних вздохов и выдохов, но при этом и время творческого прорыва нашего героя сквозь уже отживавшее де вечное знание к чему-то манившему его, если и не вечному, но хотя бы ещё живому.

Любопытно, что именно в 38 лет, а не в 35 или 40, наш герой вдруг заявил самому себе: «Хватит, пора делать *своё* — изначально, целостно, до конца!».

И начал делать, исполняя наказ одной примечательной особы, вовсе и не старой, а очень даже молодой: «Вы ещё создадите *свою* теорию!».

Итак, не философия пока (как раз «философия хозяйства»), а механизм — *хозяйственный механизм*, его общая теория прежде всего и, конечно же, практика.

И что же? Первая обширная статья в советскую экономическую энциклопедию по данной механизменной тематике и сразу же выплеск протестного сопротивления:

«Вам никто не позволит подменять политическую экономию учением о хозяйственном механизме!»; «Ни о какой диссертации и докторантуре не может быть и речи!». Энциклопедия так и вышла без статьи о хозяйственном механизме, как будто его в реальности и в теории вовсе и не было, а её автор, которому уже было за сорок, даже и не мог мечтать ни о докторантуре, ни о диссертации по сей, уже ставшей для него злосчастной, теме, хотя однажды услышал вдруг от своего экстравагантного придержателя: «А вы, NN, свой хозяйственный механизм не бросайте, из этого, может, что-то и выйдет!».

Наш герой, конечно, предполагал, что может встретить какое-то своим учёным интенциям противление, но *такого* (!) неприятия он, конечно же, не ожидал! А главное — выстроилась вдруг золотая для него университетская клетка, из которой никакого выхода он для себя не видел! И тут замаячила навязчиво мысль: «Надо уходить!», и вослед ей обращение к трудившимся в других важных заведениях симпатизантам, заверения от них в поддержке, оставалось лишь его окончательное решение.

Однако судьба распорядилась иначе. Сначала старший брат: «Ты принадлежишь университету и должен совершить своё ученое дело в университете! Терпи, жди, борись!», а потом, знаете ли... гадалка, аккурат по кофейной гуще, ничего о страдальце не зная: «Вы хотите уйти с места работы? Не надо этого делать! Всё и так решится... э-э... сейчас скажу... через шесть месяцев. Наберитесь терпения и ждите!». И в самом деле: через шесть месяцев пошли, если не посыпались как из рога изобилия, предложения со сменой его

положения в университете, могущие его и устроить. «У вас сейчас, — говорила та же гадалка, — три предложения, но ни на одно из них вы не должны соглашаться!» Так оно и было! А когда уже вроде бы всё подзатихло, и он оставался при своём, гадалка вдруг говорит (уже через три месяца предложенческих бдений и стенаний): «Ваш вопрос решён, вы получите предложение, которое не сильно вас устроит, но вы *должны* (!) на него соглашаться!». И что же — через неделю звонок с университетского верха: «Не могли вы, NN, прибыть сегодня к нам?». И назначение на хлопотную административную должность, что, однако, ему позволило и желанную тему диссертации вскорости утвердить, и трудиться над диссертацией, и создать оригинальную книгу, а потом и на защиту своего весьма своеобразного опуса выйти (аккурат через три года напряжённой работы на хлопотной должности — без единого дня, заметим, научного отпуска!).

Тут уместно сделать несколько замечаний: во-первых, настоящая, строгая, целостная, а не мелкая, вынужденная. показная, новизна не очень-то бывает нужна учёному сообществу, в особенности его официальным «лидерам», которые её попросту страшатся, а потому за действительно новую новизну надо и в самом деле бороться, продираясь — царапаясь и окровляясь — сквозь терновые заграды; во-вторых, судьба, она и есть судьба, и что написано на её невидимых родовых скрижалях, то и выходит; в-третьих, не лезь, брат, на рожон, не суетись и не дёргайся, а стоически держись, маневрируя и не теряя ни своей главной цели, ни своей главной дороги; в-четвертых, настоящие провидицы

(и, реже, провидцы) есть, и весьма достойные гадалки тоже есть — доказано! — остаётся лишь самим гадать: откуда, как и почему наше (ваше) личное будущее им известно?; в-пятых, в метафизике, эзотерике, трансценденции нет ничего ни экстраординарного, ни предосудительного, ни, знаете ли, мракобесного, а ежели что и есть, так это лишь великая разоблачительная опасность для мифоподобной части науки, как раз лженауки, в особенности той, которая называется гуманитарной, уже активно сворачивающейся и настойчиво сворачиваемой, но вовсе не ради прозорливых сакральных медитаций, а всего лишь для левоверной технологии по придумыванию новых убийственных для когнитива мифов, не очень уже и гуманитарных (более всего теперь технотропных).

У будущего мудреца-отшельника накопилось немало доказательств существования какого-то параллельного — как раз *иного* — мира, вовсе не отделённого невидимой стеной от человека и вокруг текущего мира, а с ним сплетенного, даже интегрированного, — и он — наш герой — давно признал наличие сего *иного мира*, хотя большого значения сему факту не придавал, что было и не удивительно, если учесть его со школьных лет пребывание в стихии научного мировидения, всё подобное «мракобесное» решительно отрицавшего.

Однако реальность и познавательный контакт с ней сделали своё дело — пришлось-таки со временем признать нашему герою не только наличие *иного мира*, но и его отнюдь не слабую роль в реализации *мира этого*.

Уходя от диктата настырно утвердившейся и весьма уже закосневшей в учёной кумене любой общепризнанной догматики, наш герой поначалу, причём на протяжении совсем не малого времени — десятилетий, искал чудесного Грааля там, где его не было и быть не могло, что стало для него совершенно ясно, конечно же, уже потом, спустя годы и годы.

До «Мета» ещё надо было дойти, карабкаясь вверх по узкому познавательному проходу и набивая неминуемые шишки, не говоря уже о приближении к Софии Премудрости Божией: метафизика во всей своей безмерной гносеологической красе была для него ещё очень и очень впереди, хотя прорыв к ней, пусть долгое время им и не осознававшийся, как именно прорыв и как именно метафизический прорыв, так или иначе начался тогда — как раз в 38 лет, akurat на рубеже 1970 и 1980 гг.

Да, поначалу тут был, как водится в таких случаях, захват плацдарма, разумеется, ментального, того самого, что открывал дорогу к пока ещё неведомой, но почему-то казавшейся нашему герою возможной, гносеологической новизне, пусть пока и сциентической по духу, понятиям и речи, но при этом и какой-то уже другой, если ещё и не «мета», то хотя бы уже «пан», или «стерео», то бишь к новизне пангуманитарной, стереогуманитарной, интегративной, целостной, «полнотелой».

Тогда же, в околосорокалетнем возрасте, он вдруг взял, да и написал, будучи еще атеистом, но уже превентивно почитавшим привезённую им из-за рубежа Библию, нет, не иконы, конечно, а скорее, просто некое изображение, да

не какого-нибудь, а самого Христа, а также образно-сюжетную «вещицу» — «Христос и Иуда», отразившую очень тогда задевавшую главную, на его взгляд, евангелическую коллизию, что, как выяснилось впоследствии, провиденциально подтвердилось как в текущей истории СССР, так и на его собственном жизненно-творческом пути. Христос у него вышел поражённым, огорчённым, трепетным, а Иуда — самоуверенным, непоколебимым, победительным. Ещё он написал ни с того, ни с сего два знаменательных портрета, весьма и весьма удачных, причём не столько даже физиономически, хотя вполне и сходственно, сколько смысло-вообразительно — портреты Л. Толстого и Ф. Достоевского. Страдательно, если не болезненно, переживающего что-то Толстого (глаза!) и глубоко размышляющего, могуче и мужественно сосредоточенного (глаза и чело!) Достоевского. Больше он, правда, за кисть не брался: восхотел, сделал, оставил!

Так, с ненавязчивым участием образных призраков Христа, Толстого и Достоевского, он вырывался из-под доминировавшего тогда мировоззренческого догматодеспотического пресса, ища, пусть во многом и интуитивно, своего разрешения великой проблемы великого соответствия, — как вполне оправданно можно сказать теперь, когда пишутся эти строки — холодным июлем 2019 г., — между реальным онтосом и ответствующим ему гнозисом — через преодоление утвердившегося во времени не очень-то реалистичного гнозиса и посредством какого-то уже новогнозисного осмысления реально вокруг бытующего онтоса.

Легко сие сказать — особенно сегодня в XXI в., в новой России и на восьмом десятке лет жизни, а как было всё это сделать, причём... *тогда?! Да, конечно — долго, растратно, затратно, тяжело, страдно, но и волево́, захватно, дерзко, почётно, как и волнительно, риско́во, даже и страшно, однако при всем при этом и отраднo, и дивно, и даже счастливо!*

Хождение по мукам? Да, пожалуй, но без этого хождения по этим вот мукам, даже и не без кое-каких мучений, — и не только творческих, что понятно — из-за сомнений прежде всего, как и непониманий и невосприятий им предлагавшихся разрешений, а также, скажем так — мук экзистенциальных: сколько стало́сь всяких преград и их преодолений, противодействий и им сопротивления, нападок, борения, схваток, пусть и не очень внешне заметных, но зато внутренне вполне себе чувствительных, немало и страдательных, если не напрямую пыточных!

Нужна ведь повсюду не правда, а некое правдоподобие, даже и подходящая ложь, лучше, конечно, ежели научно-де обоснованные, — многим нужны, да что многим — всем, ну пусть почти всем, ежели за этим «почти» — совсем немногие, почти что и единицы!

Хождение по лжи! Не метафора вовсе, не художественный образ, а непреложный факт, коли уж сама кичливая гуманитарная наука есть по преимуществу лишь скопище правдоподобной лжи, разумеется, более всего в своей трактовочно-объяснительной части, не обзревательской, не фиксационной, хотя и там всегда хватало и до сих пор хва-

тает, скажем помягче, благонамеренно обоснованной неправды.

Любая гуманитарная наука на две трети, увы — лже-наука! А всё почему? Да по той простой причине, что гуманитарный онтос не так научен, как *метанаучен*, в основном и главным он за пределами науки с её материализмом, механицизмом, логизмом, прагматизмом, системизмом, формализмом, математизмом, формулизмом, «закононизмом». Что в той же мысли человеческой — *мысли как мысли*, собственно научного, кроме, разумеется, самой по себе научной мысли?

Хождение по лжи, хотя, по возможности, и не во лжи, но куда или к чему? Вроде бы за правдой или к правде, но как это, ежели более всего по лжи, пусть и, по возможности, не во лжи? Выходит, что только за пределами этой самой лжи, пусть и нужной, необходимой, даже и благотворной, хождение в каком-то ином смысловом пространстве, начиная прямо с нуля-сингуляра, уже не корректируя наработанную ранее ложь до новой, всего лишь более правдоподобной, а размыслительно бродя и посильно резвясь там, где в общем-то тоже своей лжи хватает — как раз уже метанаучной. Мета — вовсе еще не спасение, ибо на одно «мета» всегда есть другое «мета», а какое из них ближе к гносеонтологической правде, кто ж это знает?

В новоразмыслительном рвении, охватившем нашего героя, его экзистенциально поддержали сначала свободолюбивая Перестройка, позволившая мыслить *по-другому*, а потом незабвенные по своему inferнальному бегу к хаосу и по хаосу 1990-е, позволившие в конце концов помыслить

и что-то... совсем уж *другое*, как раз и ставшее со временем, уже в 2000-е, чем-то и взаправду *иным*!

Ежели в 1980-е перестроечные годы было мыслить по-новому более всего интересно, занимательно, даже и провокационно, то в 1990-е бесподобные (*бесу-подобные*) годы стало даже как-то творчески зажигательно — на краю открывшейся вдруг перед нашим героем гносеонтологической Бездны, вполне, знаете ли, по зачину гуманитарной, хотя при этом по бытованию своему вполне себе антигуманистической.

Хождение по гуманитарным мукам тут сталось великое, прямо в вязкой пучине гуманитарной лжи — в сторону... э-э... совершенно вроде бы уже невозможной гуманитарной правды, да не только в столкновении с полным демонстративной, авантюрной, функциональной и институциональной лжи экзистенциальным онтосом, а в сражении с переполненным самонадеянной ложью гуманитарным гнозисом.

Великое стало тогда торжество гуманитарной Апокалиптики!

Но и восстание гуманитарной Апокалиптики тоже, — нет, не победоносное вовсе, но зато отрезвляющее, живительное, спасительное!

Потайное

От верной и стойкой «истины» к далекой и запретной... *истине* — вот дерзкая мотивация и главное направ-

ление движения ума и души у нашего неброского «героя-поисковика»!

Ежели попытка решить сию нетривиальную задачу в воспринятой им как дар и хорошо им освоенной парадигмальной среде ничего не дала, то оставалось идти куда-то... э-э... прочь, а сие движение *прочь* предполагало уже выход в сферу не просто чего-то науке ещё не известного, а в сферу *непознаваемо неизвестного*, как, впрочем, и *непознаваемо известного*, или, как принято в метафизике — *трансцендентного*, как раз всего того, чего наука не желала, да и не могла, познавать в силу своей исходно ограниченной аксиоматической заданности, намеренно увязанной с физикой и столь же намеренно отгороженной от метафизики, благо-намеренно относя сию трансцендентную сферу к реально не существующей, а всякую попытку в неё проникновения почитая заведомым шарлатанством, а добытое в таком разе знание — лжезнанием!

Однако героя нашего занимало попервах не так наличие где-то там невидимой и непознаваемой сферы, как присутствие непосредственно в окружающей реальности, как и в самом человеке, чего-то тоже явно неизвестного и непознаваемого, то бишь *трансцендентного*, причём имевшего вполне действенное отношение к реальному течению реальности, решениям и действиям человека, состоянию и поведению общества, — именно того, что не замечалось вовсе или сознательно игнорировалось точной-де наукой, заворуженной планетарно-звездным мирозданческим порядком, материально насыщенной Вселенной, незыблемостью открытых наукой величинных природных констант и объек-

тивных-де законов, упорно воспроизводившейся системностью бытия.

Тут уместно сделать кое-какое отступление от сего генерального нарратива.

Осознав не без ужасливого оцепенения в канун третьего десятилетия своей жизни неприменную конечность своего личного бытия, как и потеряв в 36 — 37 лет своих родителей, ушедших один за другим в мир иной, а потому вдруг почувствовав себя, несмотря на наличие своей семьи, близких родственников и участливых друзей, совершенно посреди большого человеческого мира *одиноким*, точнее даже, не так одиноким, как попросту *одним-одинёшенком* на белом свете, как бы повисшим в какой-то внемировой пустоте, возможно, и прямо над вселенской бездной.

Не стало отца с матерью — и... *бездна!*

Тогда что же *это* бытует, вроде бы не бытуя, рядом с вездесущим вроде бы миром, а может, с ним и в прямом сопряжении?

Обретая возрастную зрелость и разнообразный жизненный опыт, наш герой стал всё более признавать наличие чего-то потаённого и при этом говорящего — вроде тех же вещих снов, бытовых примет, внезапных предчувствий, сбывающихся предсказаний, вплоть до того, что пришлось ему убедиться и в реальности разной экстрасенсорной практики, как и таких оккультных-де штучек, как то же «тарелковерчение».

Да, он знал, что великие мира сего (короли, вожди, президенты, литераторы, художники, бизнесмены) всю пользуются услугами ясновидящих, вроде той же Ванги, но

не то что в это не верил, но не придавал этому серьёзного значения, пока сам не испытал на себе, что такое достоверное знание незнаемого, ясное видение невидимого, непрерывное исполнение предсказанного, так при этом и не решив вопроса, откуда же и как на самом деле является совершенно невозможная информация, да мало того, что о твоём прошлом и текущем настоящем, но и о будущем, причём с очень высокой степенью достоверности?

Нет, уважаемые господа, тут не было ни его собственного заблуждения, ни чьего-то блефа, ни чьего-то ловкого фокуса, то была самая настоящая реальность, подтверждавшаяся вопиющими фактами.

Да, ему довелось не только всё это познать, но и этим какое-то время руководствоваться по жизни, особенно в её критические моменты, вовсе и не без пользы для себя, однако однажды он по собственной воле сию заманчивую и немало захватывающую практику оставил: пусть жизнь идёт, как сама идёт, и пусть она сама всё расставляет так, как надо ей и как потребно самой его судьбе, хотя даже и в общих чертах ему уже уготовленной, чуть ли не от рождения на тех же ладонях и внутренних стеночках глаз провиденциально символически и шифрованно уже записанной.

Нет, конечно, всё это «оккультное» вовсе не стало ни путеводным для нашего героя, ни главным объектом его познавательно-размыслительного интереса, ни предметом какого-то особого увлечения, хотя и не прошло для него незамеченным и бесследным: окружавший мир, человек в нём, сознание в человеке — всё это было явно сложнее, загадочнее и попросту трансцендентнее, чем это предполагалось

наукой и предлагалось ею для безоговорочного, как и во всякой религиозной практике, умственно-духовного потребления.

Итак: мистика тут была или не мистика, но кое-какое познавательное испытание имело место, приведшее к не беспроblemному осознанию сложности и таинственности вездесущего мироустройства, не преминувшее в итоге отправить будущего мудреца-отшельника на встречу с самим Господом Богом, разумеется, в пределах круто сосредоточенного сознания нашего героя.

Зав

Всё обошлось без веры как таковой — веры в Бога, а попросту вылилось во внезапное осознание Бога, чуть ли не в Его экстерриториальное обнаружение, ну и в Его допустимой для смертного мере кое-какое познание. Именно так и случилось в реальности с нашим героем, что не означало и не означает до сих пор ни какой-то с его стороны гордыни, ни какого-то высокомерия, ни какого-то заблуждения, ни, тем более, какого-то прельщения — одна лишь тут подлинная правда!

Как-то его, нашего героя, спросили, откуда у него берутся всякие, скажем так — нестандартные мысли, сравнимые с откровением, на что герой наш, будучи ещё вполне себе светским учёным, немного подумав, ответил: «Оттуда, знаете ли, из Космоса... я, кажется, чувствую какую-то необъяснимую связь с каким-то высшим миром, с Небом, так сказать». Да, так и было на самом деле: был он, а на связи с

ним была какая-то высшая сила, возможно, как раз, та самая, что трижды посылала ему внезапное, эйфорическое, нечеловеческое вдохновение: в 16 лет по окончании школы на сельской дороге с аттестатом в руках; в 27 лет на о. Сахалин на берегу Тихого океана; за границей, в Париже, в 33 года, аккуратно на площади Согласия со стороны Елисейских полей.

А в один прекрасный момент он вдруг явственно почувствовал присутствие где-то в бесконечной выси не просто какой-то бесформенной силы, а именно... Бога — Бога как такового, то бишь некоего высшего сознания, вполне и субъектного!

Да, то было внезапное озарение, но что поделать — так вот всё и произошло, — в бесконтактном, так сказать, варианте, незримом, безгласном, бессловесном, не иллюзионном и не галлюционном. Среди бела дня, не во сне вовсе и без какого-нибудь пророческого забытья — в полном, так сказать, сознании: пришло вдруг, и всё!

Так не крещённый и неверующий сын человеческий, коммунист и научник, вдруг лично удостоверился в бытии Божиим, не прибегая ни к убедительным сентенциям и цитатам, ни к бесспорным доводам и доказательствам, ни к посторонним свидетельствам, ни даже к фиксации никакого, пусть и самого что ни на есть обыденного, чуда.

Однако кое-какие личные чудеса всё-таки возымели место — как раз на этом сакрально-экзистенциальном векторе.

Всё тогда сошлось в неожиданном, невероятном и просто так не объяснимом кризисе — личном кризисе, точ-

нее — в кризисном испытании, а ещё точнее — в питании, причем не питании как вопрошании, а как в самой что ни на есть... *пытке*. Какой же? Внутренней, подсознательно-психологической, тревожно-вибрационной, невообразимой и невыразимой, потаённой, загадочной, трансцендентной.

Это случилось в самый тяжкий из пыточных 90-х — в 1993-й год, но случилось вряд ли по причине лишь внешних апокалиптических событий, как и... о-о!.. не вследствие какого-то внутреннего разлада с самим собой, какого-нибудь психо-невратического расстройства, нет, вовсе нет, а, скорее всего, по какому-то неестественному, вполне и трансцендентному, откуда-то извне взявшемуся воздействию: включался вдруг в организме некий злостный мучительный генератор, где-то в окаёмах сердца, да не просто мучительный, а, знаете ли, вполне себе... смертоносный, суицидный, inferнальный, напропалую резонировавший по всему организму.

Понял тогда наш будущий отшельник, что же такое есть «не мил белый свет», «не мила жизнь», «никто не мил», «сам себе не мил», как и понял раз и навсегда всех горьким роком избранных, кто вдруг сам по своей воле уходил из жизни в своё тёмное утешительное бессмертие.

Да, то была встреча с нежизнью, хотя, быть может, встреча и с чем-то жизненным, но другим, то ли испытывавшим его на прочность, то ли куда-то звавшим, конечно же, не в ласковые райские дали, то ли зачем-то к чему-то страдному, страдательному и рискованному превентивно готовившим.

Понять всё это было тогда невозможно: что, кто, зачем, за что? — оставалось лишь мужественно переживать острые мучительные приступы, молиться, обращаясь к Небу, к лично отображённому четверть века назад Христу, да лихорадочно выбрасывать переживаемое на чистый лист бумаги, который не подводил, а выручал — излитые на бумагу пером в отчаянии слова добросовестно спасали.

Однако вскорости всё вдруг разрешилось.

Явилась женщина, нет, не любовница, не психиатр, не экстрасенс, не ведьма, а вполне себе респектабельная дама, коллега, даже и его сотрудница, причём из ему когда-то подчинённых, добродетельная жена и мать, в общем — *женщина*, уж никак не фемина, и, взявшись деликатно за ум и душу нашего героя, добились-таки, терпеливо его убеждая в сей необходимости... э-э... принять Христово крещение, что и состоялось аккуратно под праздник Крещения Христова, 17 января 1994 г., в церкви Святой Троицы, что в Останкине. Сама эта женщина и стала для новообращённого христианина крестной матерью, а глубоко верующий муж её — крестным отцом. В праздник Крещения сия дама, она же и крестная мать нашему герою, позвонила новообращённому крёстному сыну своему, чтобы удостовериться, принял ли он положенное после крещения причастие, и удовлетворившись положительным ответом (а причастие произошло в церкви арх. Михаила, что в Тропарёве аккуратно в праздник Христова Крещения, 19 января) и... как бы это сказать... исчезла нежданно-негаданно из поля зрения будущего отшельника, как выяснилось, навсегда.

С момента крещения его мучительные приступы стали ослабевать, а через какое-то время вообще прекратились, как оказалось, тоже навсегда.

Что же тогда произошло — не фактического, что понятно, а смыслового, как раз того, что за всем или надо всем этим фактически свершившимся мистически таилось?

Да, сначала было жёсткое испытание, оно же, надо полагать, и *ЗОВ!* — попущенные явно нечеловеческой высшей силой и исполненные на деле низшей силой, тоже не человеческой, но подотчётной высшей силе, а потом... потом случился пусть и непреднамеренный, но вполне сакрализованный, даже и благословенный, выход страдальца к Богу, к Христу, не так даже покончивший с выпавшими на его долю муками, что, безусловно, было очень важно, как обозначивший, — что стало вполне ясно, конечно, впоследствии, — факт экзистенциально-воззренческого *перелома* в судьбе нашего героя, пусть и растянутого вдоволь по длящемуся житейскому времени, но, как оказалось, *бесповоротного!*

Чудо! Да-а, это было чудо: сначала беспощадное inferнальное испытание, а потом... потом... вдруг... сакральное спасение, да ещё *какое!* — избавившее от душевных мук, укрепившее в духе, придавшее стойкости, но и бросавшее окончательно и бесповоротно на, как затем выяснилось, тернистый и тоже не лишённый разного рода мук творческий путь — к *Иному!*

Сие необычное, однако, никуда не делось: чудеса нашего героя насовсем не оставили, ибо само время историческое было по-своему чудесным — *развершимся!*

Встреча

Будет неправильно, если в рамках сего повествования не рассказать об одном крайне примечательном, тоже вполне чудесного свойства, событии — о встрече нашего героя во все те же критические времена с выдающимся человеком тогдашней российской современности — ведущим церковным иерархом, пожалуй что, самым выдающимся и выразительным представителем высшего духовенства в Русской Православной Церкви.

Истоки сего необычного события восходили к одной передаче по ещё советскому, конца 1980-х гг., телевидению, которую нашему герою довелось нечаянно увидеть, точнее, увидеть всего лишь эпизод из передачи: беседу одного из высших иерархов РПЦ со студентами ведущего вуза страны. «А будет ли, — задали студенты вопрос митрополиту, — апокалипсис?», на что почтенный служитель церкви спокойно ответил: «Раз в священном писании написано, значит будет». Ответ заинтересовал нашего героя, вовсе тогда не задумывавшегося ни об какой апокалиптике и уж тем более об апокалипсисе как о текущей и возможной в ближайшем будущем реальности, но поражён он был не так самым этим ответом, хотя и было чему тут поразиться, а благородным, светлым, воистину красивым ликом владыки, а ещё больше — его ясными, лучистыми, добротворными глазами. Тогда-то наш герой подумал про себя: «Да-а, с этим церковным иерархом мне бы хотелось встретиться». Подумал, да и забыл, хотя уже в 1990 г. опубликовал текст

под названием «Перестройка или апокалипсис», ссылаясь при этом не столько на Иоанна Богослова, сколько на Достоевского с Волошиным, в своё время как раз и заметивших грозные апокалиптические сполохи над своей родной страной.

Прошли годы. Пришёл и прошёл роковой 1993 год — ужаленный и измученный вдруг вылезшим из чёрных экзистенциальных нор изощрённым сатанизмом, год оболганный, оскорблённый, униженный, но при этом непокорённый, ушедший в себя, затаившийся. Наступил следующий год — 1994-й — год для нашего героя, как было уже выше показано, весьма в духовном плане знаменательный.

И вот в это-то межгодовое время, а лучше бы сказать — безвременье — конца 1993 и начала 1994 г. — происходит воистину удивительное событие: в кабинете будущего мудреца-отшельника появляется молодой человек, коллега нашего героя по месту работы, и произносит совершенно для владельца кабинета неожиданное: «Я служу секретарем митрополита N и при случае рассказал ему о вашей философско-хозяйственной книге, он очень ею заинтересовался, не могли бы вы ему её подарить, если она у вас ещё есть?».

Удивлённый хозяин кабинета достал экземпляр книги, подписал его, едва выведя под диктовку молодого адепта церкви «Его Высокопреосвященству...» и передал книгу учтивому коллеге со словами: «Да-а, неисповедимы пути Господни!».

Через месяц-другой деликатный молодой человек вновь появился перед очами нашего героя: «Владыка позна-

комился с вашей книгой, она ему понравилась, и он хотел бы с вами встретиться».

Ничего себе! Вот и исполнение когда-то всего лишь подуманного, вполне и чудесное!

Встреча с владыкой состоялась без промедления в церкви, где он был настоятелем, сразу после вечерней службы. Взглянув на гостя своими ясными проницательными глазами, владыка подал гостю руку и, после крепкого рукопожатия, пригласил нашего героя к себе в служебное помещение. Пройдя подземным ходом в соседний с церковью домик, оба очутились в кабинете иерарха, весьма, как сразу заметил гость, скромном. После переоблачения в повседневную одежду, владыка пригласил гостя присесть, указав на стоявший отдельно стул, и, устроившись напротив, заговорил: *«Я тоже об этом думаю...»*.

Владыка говорил о своей озабоченности происходившим тогда в стране, не находя этому оправдания и лишь выражая нестойкую надежду на что-то лучшее. Гостя немало удивила откровенность владыки. Это потом, после многих лет общения с владыкой, наш герой понял, что владыка видел людей насквозь и знал, с кем и о чем можно и нужно говорить.

Любопытно, что владыка так и не поинтересовался у нашего героя, крещён ли он, исповедуется ли и т. д., чем обычно «грешат» слишком ретивые служители культа, он ни разу не протянул нашему герою руки для благоговейного поцелуя и ни разу не осенил крестным знамением своего учёного визави: общение между владыкой и учёным всегда

было чисто светским, интеллектуальным, при этом равноправным и всегда... *откровенным*.

Однажды будущий мудрец–отшельник спросил владыку, задержавшись на мгновение вместе с провожавшим его владыкой на пороге приходского дома: «Что же, владыка, станется с Россией?». И получил ответ: «Россия-то никуда не денется, но... через кровь, через кровь». Зато в другой раз уже владыка, размышлявший о возможности позитивных перемен в стране, задал вопрос собеседнику: «А что вы сами обо всём этом думаете?». Герой наш тогда ответил: «В нашей стране перемены обычно наступают сверху, причём из действующего властного круга, как это уже не раз бывало, к примеру, по инициативе того же Сталина — большого-де ленинца». «Что ж, пожалуй, но ведь и наш главный перестройщик пришёл сверху и был тоже вроде бы из своих», — заметил владыка. «Это только подтверждает сие сакраментальное правило — сверху и вроде бы из своих», — ответил гость. На том оба и порешили и, кажется, провиденциально не ошиблись.

Общение с владыкой продолжалось с десятков лет — вплоть до скоропостижного ухода мудрого архиерея в другой мир — по причине скоротечной смертельной болезни.

Здесь уместно коснуться общего для владыки и нашего героя деяния, связанного, как оказалось, с их общим интересом к той отрасли знания, к которой как раз относилась заинтересовавшая иерарха философическая книга будущего отшельника. Так или иначе, но по тематике книга сопрягалась с творческим наследием уважавшего владыкой одного русского мыслителя — ученого, философа, богослова. Сей

мыслитель интересовал владыку как прежде всего богослов, а нашему герою он был близок тогда более как учёный — первооткрыватель того же направления мысли, что как раз и открылось нашему будущему мудрецу-отшельнику через многие годы забвения великого мировоззренческого достижения русского идейно-духовного первопроходца.

Высланный в 1922 г. из всё ещё революционной страны за рубеж, многоплановый, вполне и универсальный мыслитель, о котором речь, был на родине, ставшей советской, подвергнут ментальному ostracismу, но и за границей не всё сложилось гладко у русского гения, ибо он, приняв ещё в России священство, оставил не только чисто учёную стезю, но и философическую тоже, полностью посвятив себя богословию, снискав себе на этом поприще как всемирную славу, так и славное обвинение в еретизме со стороны собратьев своих по Русской Православной Церкви. Так что довелось великому русскому мыслителю оказаться трижды еретиком: в науке, в философии и в богословии! И ежели наш герой восстанавливал доброе имя великого русского мыслителя с учёной стороны, то владыка, как оказалось, был заинтересован в том же самом, но со стороны уже богословской.

На этом всём и сошлись заинтересованно наш герой и владыка, и кое-что вместе сделали, о чём тоже стоит здесь в меру поведать.

Деяния

Тут уместно сказать (даже и заявить!), что в отечестве нашем, сильно затронутым (если не тотально захваченном!) византизмом и европеизмом, упорно бытует, в особенности в гуманитарной сфере, мало что недооценка своих — отечественных, русских, «русскоязычных» — мыслителей, но и немалое к ним, знаете ли... презрение, что щедро питается как ходячим убеждением в недостаточном, дескать, уровне «доморощенных» интеллектуалов сравнительно с западными (западными, прежде всего), так и всё ещё живучим в России рабьим преклонением перед любой иностранщиной, что получило в отечестве справедливое обозначение как чужебесие, совершенно, как всё время подтверждается и подтверждается, не искоренимое. Тут уже стойкая традиция, упорно и охотно воспроизводящаяся в родной стране: не доверять выдающимся соотечественникам, их всячески принижать, осуждать, окарикатуривать. Большой ум, оригинальность и независимость суждений, не говоря уже о высших откровениях, посещающих совсем уж редкие сознания — не в чести в России, даже и в среде вроде бы хорошо образованных, много чего знающих, даже о чём-то как будто бы всерьёз думающих соотечественников.

Хочешь, не хочешь, а великий тут исторический казус, великая историческая несуразица, но при этом и немалая, если тоже не великая, историческая, а может, и трансисторическая, трагедия!

За русскую, — по сути русскую, — мысль в России, — России как стране, — надо непременно бороться — непрерывно, много и тяжело, — мало с русской мыслью сойтись, в неё основательно вникнуть, с ней по-честному породниться, тем более уж её продолжить, повести дальше, возвысить, надо ещё её защищать, оборонять, удерживать, кладя за неё не один только усердный ум, но и болящую душу свою, зная и памятуя неизбежное: *«Никто, кроме тебя!»*.

Однако вернёмся к отношениям нашего героя с удивительным, прямо-таки миссионным, владыкой и поведаем о важном для них обоих общем деянии.

Всё началось на Рождество Христово 1996 г. Приглашённый владыкой, герой наш оказался участником скромной трапезы, устроенной владыкой по случаю своего семидесятилетия. Гости были немногие, видимо, на тот момент самых близких владыке. Никаких знаменитостей, как и никаких иных, кроме владыки, представителей, что немало удивило нашего героя, духовенства. Улучив момент, владыка обратился к нашему герою с вопросом: «А что вы, NN, думаете об X?». «Отношусь положительно, — ответил гость, — поскольку он из той же учёной сферы, что и я, мало того, он — первопроходец!». «А вы собираетесь что-нибудь предпринять по его поводу в связи с его творчеством?» — продолжил вопрошать деликатный архиерей. «Пока не собирался, но можно над этим подумать, — ответил несколько озадаченный гость, — семинар, к примеру, провести, ему посвящённый». «А вы подумайте, — завершил краткий разговор владыка, — подумайте!».

Возвратясь домой, герой наш взял с полки одну из книг русского мыслителя и целеположенно поинтересовался годами его жизни, и тут он всё понял — 125-летие со дня его рождения было аккурат в текущем 1996 г. «Что ж, надо проводить, — мгновенно принял решение будущий мудрец-отшельник, — конференцию». Связался на следующий день с владыкой, сообщил о своём решении, на чём оба и сошлись.

Конференция в том же году состоялась, да не где-нибудь, а в ведущем в стране старейшем университете, который закончил в конце XIX в. и в котором в начале XX в. трудился профессором и сам русский мыслитель, о котором речь, и где ему было предначертано судьбой открыть посредством защиты докторской диссертации новое направление мысли, которым как раз и занимался, повторив сие открытие уже в конце XX в., наш герой, тоже закончивший сей университет и тоже бывший профессором сего славного заведения.

Состояться-то конференция состоялась, но вот как, с каким антуражем и какими плодами, — вот что оказалось особенно интересным и весьма знаменательным.

Конференция шла в целом не просто, не то что трудно, а как бы чему-то в сопротивлении, ибо речь в ней шла о необычных деяниях и оригинальном творческом наследии русского мыслителя-бунтаря, мало того — заклеимённого, чуть ли не навечно, «умными и лучшими людьми» трижды еретиком.

Несмотря на заметную сакрально-психологическую тяготу, конференция в целом удалась, зафиксиро-

ровав не только позитивное отношение к универсальному русскому мыслителю, изгнанному, как и многие другие, ему и подобные, из страны без права возвращения (большевистская акция 1922 г.), но и обозначив важнейший разворот текшей тогда турбулентно отечественной мысли к чему-то и в самом деле *иному*, как раз схожий с разворотом, который пришлось совершить когда-то главному виновнику нестандартного мыслимо-немыслимого форума.

Для владыки, принявшего живейшее участие в конференции, было важно вернуть имя выдающегося русского мыслителя в отечественный размыслительный оборот, включая и богословский, возвысить сие имя до достойного его в поднебесье уровня, как и попросту легализовать, а что касается будущего мудреца-отшельника, то прошедшее конференционное событие оказалось для него ключевым, что выразилось, во-первых, в его — нашего героя — смыкании (не в ознакомлении, а именно в смыкании!) с русской софийной мыслью конца XIX и XX вв., о чём, надо заметить, он тогда особенно и не помышлял ; во-вторых, в окончательном отходе нашего героя от любой навязанной издавна или же тогда походя навязывавшейся, по преимуществу, конечно, западной, догматики ; в-третьих, в его, пусть ещё в то время и не слишком им осознанном, заходе в *иное* смысло-размыслительное пространство, что со временем как раз привело нашего героя к собственно *метафизике*, причём к его собственной, надо заметить, метафизике, которую он обозначил *постнаучной*, и, что особенно важно, хотя и через многие ещё годы

размышлений, переживаний и откровений, к уловленной им как дар свыше необыкновенной *софиасофии*.

По итогам конференции, — этого вполне и сакрального значения события, — была подготовлена и выпущена в свет коллективная монография «*Преодоление времени*» (1998), в которой помимо обычного для таких случаев разбора творческого наследия большого мыслителя, сам он, когда-то лично гонимый и изрядно порицаемый за трехслойный гуманитарный еретизм, а теперь ставший доступным для ведения, но тоже всё ещё изрядно в родном отечестве отрицаемый, русский мирового масштаба и значения мыслитель был впервые назван *великим*!

Владыка, сам поучаствовавший в сей многозначимой исторического разряда монографии в качестве одного из её авторов, был очень доволен свершимся благим деянием — конференцией и монографией, поскольку, как он сам признался, выступая на конференции, ему таки довелось выполнить, хотя бы частично, завет своего наставника — патриарха РПЦ, переданный ему главой церкви в далёкие шестидесятые и ещё круто антицерковные годы прошлого столетия, а именно: восстановить в общественном сознании (и церковном тоже) доброе имя незаслуженно гонимого, неверно и предвзято когда-то понятого (точнее непятого) русского мыслителя. Уместно заметить, что конференция, ему посвящённая, получила благословение не только лично заинтересованного в ней владыки, но и позитивно откликнувшегося на добрую инициативу тогдашнего главы РПЦ: «Церковь поторопилась с осуждением Х».

Интересно всё это, не правда ли?

Как интересно и то, что герою нашему, тогда немало-важному на молодёжно-советской ниве деятелю, довелось в 1968 г. — в силу знакомства со студентами... э-э ... духовной академии, с которыми велись, а как могло быть иначе, пусть и дружеские, но по-разному идейно насыщенные, многочасовые разговоры, дискуссии, споры, — так вот герою нашему довелось по инициативе сих академистов участвовать в роли фото-корреспондента (под прикрытием, стало быть) в праздновании 50-летия возрождения в стране патриаршества, состоявшемся в знаменитой Елоховской церкви, тогда официально, так сказать, патриаршей.

Он был там, внутри, в самом сердце торжественной службы, всё видел, всему внимал, фотографировал, пока его духовные приятели были заняты отправлением службой. Он был рядом с патриархом, высшими патриархами РПЦ, высокими гостями из других православных церквей, с послами от самого папы Римского — католическими кардиналами.

Да, был, видел, участвовал, но только сейчас, когда пишутся эти строки, до нашего героя, уже давно крещённого во Христе мудреца-отшельника, дошло, что в восстановлении русского патриаршества в 1918 г. участвовал, быть может, на тот момент ещё не великий, но уже выдающийся, русский мыслитель-первопроходец, даже сочинивший тогда инаугурационную речь новому российскому патриарху, от которого затем и принял по своей неудержимой воле священство, а в торжественной церемонии в Елоховской церкви в 1968 г. непременно участвовал тогда ещё молодой иерарх РПЦ, а потом и заслуженный церковный деятель — владыка, его владыка, с кем свела-таки судьба не без са-

крального участия русского мыслителя-первопроходца, основателя философии хозяйства, одного из столпов русской софийной философии, до сих пор осуждаемого всехристианского богослова.

Вот и не верь житейским чудесам, тем самым странным, — как говаривал Пушкин, — сближениям!

Да, весьма всё тут и в самом деле интересно, посвоему и знаменательно, даже и занимательно.

Не столь зато занимательным оказалось кое-что другое: в последние годы своей 78-летней жизни владыка был подвергнут, скажем полегче... притеснению (не будем тут говорить о гонении, хотя!..) со стороны кое-каких внутрицерковных сил, боровшихся за свое влияние в РПЦ. Увы, это печально, но это факт! Сам владыка не слишком об этом говорил, он предпочитал молчать, но переживал сие злокозненные дела-делишки сильно, пожалуй что, и страшно, а однажды, глядя на нашего героя потускневшими от нескончаемой душевной боли глазами, спросил своего визави: «Как жить-то, NN?», а ведь такого рода вопросы обычно адресуются светскими людьми священству, а не наоборот, — страшно подумать! А когда будущий отшельник принёс владыке в надежде его обрадовать первые номера основанного и издававшегося им — будущим отшельником — оригинального научно-метафизического журнала, как раз близкого по духу и букве владыке, то получил вдруг от него разящую чуть ли не наповал горькую реплику: «Да-а, всё это, конечно, хорошо, но ведь это никому не нужно!». До какой же степени отчаяния и разочарования надо было довести выдающегося человека — умного, добродетельно-

го, светлого, ещё и известного всей стране и за рубежом церковного иерарха, чтобы услышать от него такого рода горькую сентенцию!

Не проходившая тяжесть, лёгшая на душу владыки, сыграла свою злую роль: неизлечимо заболев, владыка раньше времени ушёл из жизни, мужественно перенеся последние душевные и физические страдания. На его могиле на Даниловом, как гласит народная молва, вскорости после погребения владыки стали вершиться в ответ на просьбы страждущих мирян потребные им утешения, помощь, исцеления: что говорить, святой был человек!

Беседа

Они, пожилой седовласый мужчина, почти старик, и немолодая, но сохраняющая магическую привлекательность, женищина, вошли в популярное московское кафе, взяли, отстояв у раздаточного прилавка небольшую очередь, какой-то незамысловатой еды, не преминув запастись по бутылочке импортного вина, расплатившись и получив от кассириши в качестве награды по паре молочных конфеток, заняли столик в сторонке, у стены, где было посвободнее и потише, и, выпив по глоточку ароматного напитка, принялись... нет, не так даже за еду, как за разговор, хотя и за еду тоже. Начал говорить он — учёный и писатель.

— Я уже как полтора десятка лет пенсионер, но не только продолжаю работать в родном заведении, но и, что особенно занятно, за эти полтора десятка лет, в особенности

за последние пять-семь из них, ухитрился сотворить не просто немало чего, но, пожалуй что, и самое главное. *(Пауза)* Да-с, именно так: *самое главное* *(выговаривает акцентировав)*!

— Для гуманитария, наверное, это естественно. Нужно не только много знать, долго размышлять, но и пережить надо немало, чтобы сказать что-то действительно своё и что-то действительно ценное.

— Это верно, и этому хватает примеров. А мне, между прочим, одна дама, вовсе и не цыганка, нагадала по картам, что достигну личных творческих высот как раз где-то после шестидесяти.

— И угадала, выходит! Что-то в этих гаданиях и в самом деле есть: промысел ли тут, угаданная ли судьба, разгаданное предписание?

— Да-а, что-то тут есть! У меня по жизни накопилась уйма тому подтверждений. Как и у вас, наверно?

— Разумеется! Только о нашей женской доле прозорливицы часто как-то слишком туманно глаголят.

— Да, это так. У женщины ведь всё как-то... э-э... турбулентно идёт, да и впечатлительны они, так что гадалки либо говорят туманно, либо что-то явно не договаривают, а то и попросту привирают, отводя от истины. Есть такая правда, увиденная ими, что и убить заранее может, так что иной раз добросердечной гадалке и соврать бывает не грех.

Краткая винная пауза.

— Я уже давно к ясновидцам не обращаюсь, — заметила дама, — пусть лучше всё идёт, как идёт.

— Я тоже, знаете ли, прервал общение с очень, как сейчас принято говорить, эффективной гадалкой, которая, правда, мне когда-то очень и очень помогла. Тоже решил, что пусть идёт, как идёт!

— Уж лучше ничего о грядущем не знать.

— Если честно, то в ваших бархатных, но не самых весёлых, глазах я вижу что-то от... скажем так... ведуньи, или я не прав?

— Да-а, пожалуй, но жизнь мне это совсем не облегчает, уж поверьте!

— Знаю, знаю...

Выпивают по глотку заморского вина. Неторопливо едят.

— Вполне сносная пища, не правда ли?

— Да-а, я даже не ожидала.

— А я частенько сюда наведываюсь. Довольствуюсь малым и простым, да и вкупе с нашим милым народцем (*незлобно смеётся*).

— А почему вы, состоявшийся учёный, мало того, оригинальный... э-э... нет, лучше сказать... необычно-своеобычный... что ли... мыслитель, не желаете выходить на большую трибуну с многомиллионной аудиторией?

Пауза.

— Э-э... ни врать с большой трибуны не хочу, ни юлить перед самим собой, ни снисходить до, как вы выра-

жаетесь, многомиллионной аудитории, как не хочу и иметь разговорное дело со всегда бодрствующими интеллектуалами. *(Пауза)* И дело тут не в моей гордыне, хотя куда ж без неё, без любезной, а в уже выверенной на практике убеждённости, как и во вполне оправданном самосбережении. И ещё, если позволите... София не велит... да-да, не велит, — и всё тут!

— Вы в этом уверены?

— Уверен! И не подумайте, что я голоса какие-нибудь слышу, нет, ничего я не слышу, хотя и слышу немало самого себя, своё, надеюсь, чуткое сознание, так сказать — свою личную ноосферу.

— И там что... сама софийность?

— Почему нет, мадам, ежели... так оно и есть.

— И вы оберегаете тем самым свою софийную казну?

— Скорее... возможность доступа к ней. Профанам, аки татам, там нечего делать, лишь всё извратят и изгадят.

Новая винная пауза.

— А кто-нибудь вас вполне понимает?

— Единицы... э-э... только единицы, да и вряд ли вполне.

— Софийные, так сказать, единицы...?

— Пожалуй... хотя... скорее... к Софии только ещё идущие. *(Пауза)* Я-то сам ведь долго шёл, хотя уже знал кое-что о Софии... двадцать лет шёл, как ни странно, а если неосознанно, то всю жизнь и шёл. *(Пауза)* София просто так не даётся, да и продолжает стойко беречь себя — тут уж для софийца сплошная лотерея!

— Бьёт?

— Не то слово!

Пауза.

— И ежели единицы, то в остальном, выходит, что...

— Да, как раз то самое — круговая пустотелая от меня оборона, она же и неколебимая твердь — мшистая и вязкая! (*Усмехается*) Тишина мёртвая вокруг да коллеги по коридорам с косами стоять!

— Так это для вас чуть ли не полное одиночество!

— Не так, пожалуй, одиночество, как одинокость, а точнее всего — на глазах людских отшельничество, что-то вроде светского монашества, причём, замечу, более выдавленное средой, чем мною самим возделанное.

Недолгая винная пауза.

— И это, — снова заговорил учёный квазинеудачник, — очень обширная среда, вполне и беспредельная, как само мироздание, — и горе тому, кто осмелится подняться над нею, в особенности над её опорными хранителями и кураторами — гласными и негласными, даже ему по жизни и близкими, — тут уж следует и правоверное его осуждение, и праведное его отторжение, и ему справедливое возмездие, и вещее воздаяние, а кому-то от этой экзекуции и немалое следует удовлетворение, как раз мысль человеческую наглухо предрежащим. (*Пауза*) Среда сия никому из возвысившихся ничего такого не прощает, как раз того, что её смущает и ей угрожает, её даже отрицает, — и бьётся среда за себя, вооружённая не чем-нибудь, а... истиной (*акцен-*

тирует на слове), ей, разумеется, удобной, пусть и мифотворной, даже и смехотворной, но зато... общепризнанной (акцентирует на слове).

— Но это же всё так естественно, вполне и понятно!

— Так-то оно так, но даже врагу не пожелаешь такого вот, скажу полегче, взаимодействия со средой, ибо одно дело — знать, совсем другое — испытывать, да не само по себе от среды противодействие, а вполне себе вроде бы безобидные усмешечки, насмешечки, пересмешечки — что с него, мол, взять — безумца, юродивого, дурачка, хотя и знают хорошо о КОМ (произносит, сильно акцентируя на слове) на самом-то деле говорят.

— Я понимаю вас, но стоит ли так уж переживать?

— Э... э... уже нет, не переживаю, вернее, стараюсь не переживать, более того — плачú им, знаете ли... презрением, да что из того... жизнь ведь всё равно ничего почестному по местам не расставляет, точнее — расставляет, но по каким-то своим местам, ей почему-то оказывающимися нужными.

— Согласна... давайте всё-таки за жизнь выпьем, ей ведь тоже очень и очень нелегко — бороться непрерывно с нежизнью и смертью!

Выпивают за жизнь.

— И как же тогда быть?

— Вот именно: вещать нельзя молчать! Отсюда и моя лукавая планида: мыслить, писать, публиковать, где-то и что-то в меру говорить, а где-то и не в меру помалкивать. (Пауза) Вы думаете, что кто-то из среды заинтересован в

какой-нибудь правде, — ничего подобного: людям, включая и высокообразованных, нужны мифы и только мифы, причём непременно о себе — хорошие, а и обо всём остальном неважно и какие — добрые, злые, правдоподобные, лживые, бодрящие, успокоительные, добропорядочные, критические, но... мифы и только мифы, и уж никак не правда.

— А что же тогда правда?

— Хотя бы то, что та же революция 1917 г. — необходимое и неизбежное безумие, что тот же Ленин — то же самое, а вот Сталин со своим жёстким сталинизмом — не что иное, как уже безумная необходимость, да и вообще миром правит безумие, в том числе и воцерковлённое.

— Ничего себе! Ну ладно, вы, пожалуй, и правы, но что из всего этого?

— Не нобелевку же мне давать (*усмехается*).

— Нет, конечно!

— Лучше уж меня числить по безумному разряду, чем зачислить туда сам уже давненько и вовсе не маленько свихнувшийся мир человеческий, хотя это не мешает мне почитать за безумную всю науку, как и бесчисленную гуманитарную свору, вдоволь набитую всякой менеджеральной нечистью.

— Бесами, что ли...?

— Да уж не ангелами, поверьте мне!

— Гуманитарный апокалипсис...?

— Всё либо уже умерло, либо, суетясь, летит в тартарары.

— Прямо туда... в тартарары?

— Туда, туда, куда ж ещё... но и на загородные дачи тоже.

— И вы считаете, что сами-то вы уж не туда?

— Может и туда, да вот с кое-каким об этом несуетным суждением.

— С каким же... с Соломоновым?

— Так вот я вам сейчас всё и раскрою. Чтобы это понять, надо кое-что уже заранее понимать.

— Большая тут, видно, с вашей стороны... филантропия?

— Ежели метатропия, то, пожалуй что, и да — большая! Я ведь оперирую не знанием в мире знания, а незнанием в пучине незнания. А это кое-что да значит! И как же я вам что-то такое объясню, ежели вы более всего здесь — в знании, кстати, не слишком вам и известно?

— Да-а... *(немного обиженно)* коллизия!

— И очень, знаете ли, большая! И потом, вам это не так уж и нужно, у вас и так глаза сухи от неизбывной тоски, зачем же вам ещё и новая порция скорби ... уже от незнания, а-а?

— Как раз Соломонова, да! Странно всё это как-то...

— Настолько, насколько странно всё вокруг. Соломон, знаете ли, тут попросту отдыхает! Давайте-ка лучше за винцом летаю, не возражаете?

Не дождавшись ответа, несколько раздосадованный учёный ринулся к бару, откуда незамедлительно вернулся, оснащенный новыми порциями вина.

— Вот, давайте лучше выпьем за человеческую слепоту, которая человека только и выручает. Если б человек всё знал... э-э...не пережил бы и мгновения. Так что за са-
кральное и спасительное незнание! Идёт?

— Идёт! Но зачем же тогда сам-то человек?

— Вот в этом-то всё и дело. Этого даже София не знает. Она ведь тоже от Бога, а Бог тайну хранить умеет.

— Хм... тайна!

— А что ж ещё? Только тайна! Какой мир, какая жизнь, какой человек без тайны, да и сам Бог тоже? Только тайна!

— Выходит, что... так и оставаться человеку в неведении?

— Спасительном, заметьте, неведении! А вот как раскрывается вдруг тайна, так и человеку, знаете ли, каюк.

— В конце времён?

— Разумеется!

— И что же тогда сейчас? Подготовка?

— Кому что и кому как: обывателю обывателево, то бишь сеть с айфоном, тем же ученым — наука, тоже, правда, сеть, разве лишь приоткрытая. *(Пауза)* Вы видите, как стремительно скукоживается и исчезает наука, превращаясь в пустую игру в абстрактное знание. Технологика, увы — не наука, ибо она ведь только делает, ничего при этом не объясняя, а наука уже ничего объяснить не может, оттого и сжимается, и умирает — как шагреновая кожа.

— Тогда остаётся... э-э... лишь ваша метафизика, так что ли?

— Да-а, так, но не для познания чего-то в научном стиле, а лишь для объяснения кое-чего... э-э... для последнего, конечно, объяснения, вполне уже эсхатологического, хотя для человека, стремительно и неуклонно переходящего в постчеловека, уже и совершенно не нужного.

— Как же так?

— Человек уже всё равно ничего ни в себе, ни в мире не поймёт. Если мудрецы ещё есть, в чём я сильно сомневаюсь, то они никому уже не нужны, разве только некоторым из властей предержащих, но кто же из этих некоторых предержащих способен внять загоняемым в отшельничество мудрецам? Теперь ведь кругом всезнающие эксперты — эти истинные убийцы любой реальной истины.

— Это как же?

— А эксперты ведь ничего такого не знают: ни общего, ни глубинного, ни потустороннего, так что... увы... быть им вместе с менеджерами и технологами убийцами последнего на Земле человека.

— И ничего тут не поделать?

— Вся надежда на Господа Бога, его надёжно-безнадёжный Промысел: либо Ему ещё нужен человек, ему-де подобный, либо уже нет, да и подобия уже никакого не нужно, а может, его — этого подобия — никогда и не было.

— Хм!..

Учёный поднимает бокал с вином и обращается к собеседнице.

— За вас, уважаемая дознавательница!

— И за вас тоже! Ну а вы сами-то как же, если признаёте себя метафизиком, софиологом, ну и, как я полагаю, мудрецом?

— А никак! Вот пью с вами винцо, чем и довольствуюсь. Кому я нужен? Разве лишь единицам, да и то назначенным вдруг ни с того, ни с сего самой Софией. Неплохо, конечно, если явление моей личной и нашей со-товарищи метафизической мысли не так уж и случайно, что это явно промыслительно — акkurat в апокалиптический апогей всего человеческого бытия. *(Пауза)* Либо за этим всего лишь последний предсмертный выдох, за которым никакой вдох уже не последует, либо первый вдох последнего воскресительного шанса — тоже в общем-то конечного.

— Но ведь так или как-то подобно уже бывало в истории?

— Но человек так, как сейчас, не занимался человеком, его не просто обрабатывая идейно, а уже и инженерно переделывая. Тут уже даже не мутация человека в другого человека, а трансгрессия человека в иное существо, а тогда, если не всему человеческому, а может, и всему живому, всему вообще природному то ли логический, то ли алогический, но всё-таки конец.

— Может, всего этого конечного и не произойдет, у Господа иные планы.

— Почему нет, всякое может быть, но разве вы не видите вкруговую обрамляющего всё живое и убыстряющего трансгрессию, о которой мы говорим, тотального безумия?

— Поэтому-то, наверно, и рождаются новые технологии.

— И новые люди! Для спасения, так сказать. Вполне возможно, хотя и очень сомнительно. *(Пауза)* А что касается мудрецов, то им ведь больше молчать положено, а не болтать. И никаких при этом им особых житейских благ: шаг мудреца в сторону благ и он... изменщик, да не перед одной лишь Софией, а и перед самим Господом Богом. Вот так!

— Именно поэтому-то нашим батюшкам ничего достойного в голову и не приходит, кроме лишь хорошо ими затверженного.

— Ни батюшкам, ни академикам, ни экспертам, но, знаете ли, пещерникам-пустынникам тоже ничего путного не приходит, ибо закрыты и они, только по-своему, через свою полную-де открытость всемогущим небесам.

— Имитации да симулякры, выходит.

— Именно, именно... одни лишь жалкие выдумки, воображалки и подобики.

Пауза.

— Но чем же вы тогда живёте?

— Чем? *(Пауза)* Сначала всё-таки кем — Софией, конечно, а потом и чем: мыслью софийной, кое-каким писательством, отрывочным общением с редкими себе подобными, кое-какими текущими делами, даже и неизбывным обывательством, включая и кое-какое невинное виночерпие.

— А как же ваше отшельничество?

— И им тоже... в первую очередь, между прочим... после Софии, конечно, которая ведь тоже одинока, хотя и

под прямым покровительством Бога Творца... тоже, знаете ли, весьма одинокого.

— Вы так твёрдо уверены в Софии, с нею контакте, не ошибаетесь ли?

Пауза.

— Вопрос хороший... э-э... с научно-профанической точки зрения, но совершенно негодный... с позиции *Иного* (*акцентирует на слове*), причем Иного с большой буквы, вам, увы, пока недоступного и чуждого. Обсмотритесь вокруг, уважаемая, и увидите, если сможете, что вокруг нас пусто-плотной неизвестности куда как больше цветущей известности и что не так известность ведёт реальную реальность, как этим более всего занята нереальная неизвестность, а где-то в неизвестности как раз и гнездится наше славное Иное. Пока что-нибудь само не увидится вами, серьёз говорить что-то о действительно вокруг происходящем не приходится.

— Не раздражайтесь, пожалуйста, и простите, если я вас невольно задела... э-э... за живое!

Вынужденная пауза.

— Ладно, поговорили и довольно! (*Пауза*) Только если уж и задели, то не за живое, а как раз за что-то внеживое... ну да ладно... ничего тут не поделать: вам любознание без конца, а мне... мне конец от кое-какого знания, но, как я уж вам сказал, от знания незнания. Каждому тут своё!

— Простите, если...

— Ну что вы, я вам очень признателен за самую возможность поговорить о чём-то неординарном, это такая редкость. Сказывается ваш профессиональный журнализм, вполне себе развитой и разбитной. А что касается... э-э... моих размыслительных пристрастий, то забудьте о них, ибо ничего тут не обрящете, кроме крайнего недоумения и новой порции неугасающей тоски.

— Я вам очень благодарна за открытый, хотя и в чём-то принужденный, разговор, и, кажется, кое-что для себя уловила... э-э... хотя бы страшное бремя не улыбочивой посвящённости.

— Когда тебя ещё и за юродивого дурака держат.

Допивают вино, встают из-за стола и выходят на улицу.

— Ну что ж, пора и прощаться. Удачи вам!

Коротко прощаются.

— Не сердитесь на меня, пожалуйста.

— Я уже свыкся с непониманием и ни за что ни на кого не обижаюсь, хоть это и не слишком весело. А знаете, сударыня, я... э-э.., конечно, юродивый, но почему-то за это ни на кого и ни на что не обижаюсь, а держусь упрямо своего видения реальности и её невнятных тенденций. И всё это совсем не случайно: доказано временем и реальной практикой. Прощайте!

— До следующего свидания, надеюсь!

— Разумеется!

Отшельник глянул потускневшими глазами на скрыто уверенную в себе и своём всего понимании собеседницу, нагнулся и прикоснулся быстрыми губами к её узкой и бледной в лучах электрического света руке, резко развернулся и пошёл прочь по блестящему огнями шумному проспекту, проложенному на месте бывшего ещё имперского кавалерийского плаца и ещё бывшей в послевоенные времена городской индустриальной свалки.

Прорыв

Как и предсказывала ему по картам вполне вроде бы обычная русская женщина, образованная, городская, не ясновидящая и не экстрасенс, не гадалка и уж тем более не ведьма, в общем, не баба Ванга, не цыганка с рынка, даже не ассирийская царица с Кубани, да не что-нибудь предсказала, а большое, всё более и более своё по истокам и концептам творчество, которое и пошло у нашего героя как раз с переходом на седьмой десяток его брэнной жизни, — сначала как метанаука, потом как метафизика, а затем, уже на восьмом десятке, и как софиасофия.

За это благодатное время незаметно подкралось, своевольно и трепетно обозначилось, а затем и накрепко утвердилось, будто институция какая, усердно овладевшее его экзистенцией и творчеством, неизбежное и необходимое, немало и тяжкое, но зато воистину спасительное, *отшельничество*, подмявшее под себя и затмившее собой смертоносное от унылости и безысходности одиночество.

Отшельничество — что-то вроде профессии, схожей с тем же врачеванием, впрочем, нет, скорее — образ жизни, а точнее — образ бытия, да и не образ вовсе, а попросту само особого рода бытие, как раз то самое — *иное*, но не в смысле всего лишь другого, отличного, особого, а в аспекте пусть и прерывного — из-за разнотканной текущей обыденности, включая и научную, и философическую, и просветительскую, но неминуемого и неотменного попадания личного сознания, включая и бессознание, — как акта, конечно, идеально-метафизического, — в перекрестье *иных* идейно-смысловых координат, присущих уже *иному миру*, вовсе не этому, не нашенскому, хотя и с миром этим, нашенским загадочно преломляющимся.

Отшельничество — не так одиночество, как особого рода *отстранённость*, даруемая и подбадриваемая идейно-духовным преодолением всего покойно, вяло-елейно или, наоборот, гневно-напряжно бытующего тутошнего, но при этом никак не отгороженность от текущего вокруг бытия, не желанное затворничество и не вдруг пожалованная изолированность. Да-а, тут много всего от вопреки, от наперекор, от «в противовес», от «в параллель», но никак не от «в отгороженность», ибо сознание тут в потоке окружающего бытия, а текущее бытие — в круговороте работающего с самим собой и окружающим контекстом личного сознания, включая и личное бессознание.

Отшельничество — дар, и, пожалуй что, дар Божий, а не подарочное достижение как-то по-особому складывающейся личной судьбы, однако это совсем не лёгкая и вовсе небезопасная ноша, она же и миссия, что-то необычное и

важное открывающая своему избраннику, причём вовсе и не то, что требуется от него взамен-де обязательной с его стороны жертвы, при этом не избегая и возможности поднести избраннику не самое слабое и не самое сладостное воздаяние, а уж какое... э-э... так ведь самое разное: от изнурительного и повергающего в отчаяние обозревательства реальной реальности до мучительного в ней реального же разбирательства, как и просто немало душевных терзаний и даже вполне физических мук.

Заход в *иное* — *Иное!* — ежели не преступление, за которое надо непременно платить, то на крайний случай подвиг, за который, увы, тоже надо платить: там и там ведь недозволенность, даже ежели она случается не совсем по воле вынужденного преступника или же вынужденного подвижника, а по какому-то неведомому зову извне — как раз оттуда — из Иного: расплатная плата тут всё равно неизбежна, ибо она — сакральное оправдание вольно или невольно совершённого безоценочного поступка.

В иное пространство, которое всегда не что иное, как Иное, тащит вроде бы познание, а вот влечёт туда... *бездна*, которая и не *бездна* вовсе, а самая настоящая *Бездна* — бурлящая, клокочущая, всасывающая! Вот почему удовольствие, радость, восторг от познания оплачиваются непременно от всего этого познания страхом, отчаянием, скорбью.

Всё в мире ведь не так и не то, как представляется обычно человеку, что ему бывает обоснованно или вхолостую представлено, — там... э-э... *такое!* замирье (подмирье, надмирье), что только дух у узревшего сие *иномирье*

захватывает, а всё его сознание неизбежно перехватывается: заход *туда* оборачивается вселением в зашедшего уже *иного* сознания, как, собственно, и *иного* бессознания.

Отшельник в нашем случае — обладатель или просто носитель (если не попросту носильщик) всего *иного* — что сознания, что бессознания, что полноты, что, увы, и пустоты тоже.

Иное сознание — иные мысли — иные тексты!

И никому вокруг, кроме обречённых на это единиц, всё это *иное* совершенно не нужно!

Не нужно!

Как же тогда не стать и не быть отшельником, причём вполне себе городским, публичным, мирским?

Мало того, что никому это всё не нужно, но и всецело противопоказано, да мало что возмущательно и вредно, но и всецело враждебно, да-да, именно так — *враждебно*, — и только кажется, что лишь *дискуссионно*, нет — *смертельно!*

Говори, не говори, пиши, не пиши, вразумляй, не вразумляй, всё одно — *отвержение*, — тогда отчего же не быть *отшельничеству*, ещё и старательно теснимому?

Как лучшему из возможных исходов!

Лучшему!

Отшельничество — *иноебытие*, *бытие иного сознания*, *иновидение*, *иномыслие*, *инословие!*

Факт!

И ежели на самом деле тут случается *прорыв*, то не только в Иное, а и в иное сознание тоже, в иную гносеологию, а затем и в иную онтологию, ну и, уже как следствие

сих прорывов, ещё и непреднамеренный прорыв в иную экзистенцию — как раз *отшельническую*!

Стоит ли тогда прорываться?

Нет, не стоит, но куда ж было нашему герою от этого деться, ежели сам наш отшельник уже от роду был чем-то или кем-то *иным*, пусть поначалу надёжно сокрытым и долгое время никак особенно в том не заметным, кроме, разумеется, довольно рано раскрытым прозорливыми женщинами, от которых ничего *такого* никогда и никому не скрыть, — интуиция, понимаешь ли, вполне себе и *ведьминская*!

Истина в Вине

Они снова встретились, на этот раз в уютном виноудном заведении, что в Хамовниках, напротив церкви Николая Угодника, в кафе с говорящим названием — «Виновники», встретились, чтобы под аккомпанемент хорошего винца непринужденно поговорить, ища, как всегда, истину, которая, как известно, в вине-то и зиждется.

— Хорошее тут заведение, — заметил седовласый мужчина, обращаясь к своей надёжно хранящей женское очарование спутнице, — проверено: мин нет!

— Посмотрим, посмотрим, — ответила нестареющая дама, заинтересованно оглядывая настенные полки, нагруженные и расцвеченные бутылками разного многообещающего вина, — истина, как говорится, в вине, но ведь и само

вино кое-какая истина, вот и посмотрим, много ли её там, да и какая она?

— Да-а, посмотрим, — продолжил заманчивую тему мужчина, уткнувшись в винную карту, — как вы насчет итальянского красненького?

— Пожалуй!

— Ну вот и хорошо, посоветуемся с «хозяевами».

Заказав по обсуждению с официантом-сомелье вино с закуской, продолжили разговор.

— Я очень даже не против истины в вине, причём не только из-за открытости «обвиненных» душ и виногенных озарений, но и, как мне кажется, из-за прямого, как вы уже заметили, присутствия истины в вине — этом воистину благостном благе, даруемом человеку землёй, природой и космосом. Как-никак, а в вине ведь само солнце! Так что за вас, уважаемая, за солнце в вашей душе!

— Спасибо, и за вас тоже, как и за истину, которая прямо в вине, оказывается, и сидит! Тогда и за извлечение её оттуда!

— Верно! Хотя она не всякому выпивохе даётся, очень даже не всякому, тут важно волшебное сочетание конкретного вина с конкретным сознанием, особого рода сознанием, как и с особым его состоянием, — тогда-то истина только и может открыться, да и не винная вовсе, а лишь им — вином — то ли попущенная, то ли откуда-то извлечённая, то ли попросту кем-то дарованная.

— Портал тут, видно, открывается, куда-то в... э-э ... иное, не так ли?

-
- Примерно так. Славненькое кьянти, не правда ли?
- Да-а, очень!
- И, между прочим, не дорогое, что тоже немаловажно. Недорогое и весьма достойное. Мера!
- Цена в обнимку с качеством?
- Не совсем, хотя и не без этого. Тут интересней дру-
гая совсем мера: между житейской сдержанностью и вино-
генным прорывом к истине.
- Круто!
- Истина, будучи сама тайной мерой, любит и эту
меру — тоже ведь тайную. Так за сию, мадам, тайную меру!
- Поднимает бокал.*
- Ну-у, это как-то уже скучновато...
- Но мы ведь сейчас не скушаем, более того, ищем
кое-какую меру, не очень-то её соблюдая. Если не хотите за
меру, то давайте выпьем за возможность её иногда нару-
шать!
- Я — за!
- Тогда ещё по бокалу, но уже под что-нибудь дру-
гое.

Углубляются в меню, потом заказывают ещё понравившегося им вина и немного заманчивой еды.

— Что-то мы всё о вине да о вине, давайте лучше о чём-нибудь ином, — бросила, держа в руке бокал, слегка порозовевшая от выпитого вина дама.

— Хорошо! Но заметьте, что Иное, которое и в самом деле *Иное*, (*акцентирует на слове*) как раз в вине и прячется, только надо его оттуда достать, а лучше сказать — вы-

манить, для чего, увы, и меру приходится иной раз нарушать. Но мы этого делать не будем, так ведь?

— А как же тогда привлечь ваше Иное?

— Оно или само явится, или само же не явится, независимо ни от чего — тут тайна!

— И что это значит?

— А то, что Иное не только тайна, но и тайна сногшибательная...

— Как раз винная?

— Не совсем, виноугодие, может, и сшибает с ног, но само по себе ничего ведь не открывает, а вот Иное... э-э... и убить может... тайной своей приоткрытой!

— Ну это уж слишком!

— И приголубить может... если, конечно, захочет.

Винная пауза.

— Да-а, свяжись тут с вином и вами, так и задрожешь!

— Ну вы же не дрожите, сударыня, более того, прекрасно себя несёте, не так ли?

— Так-то оно так, но вот куда несу я себя, или же куда меня почему-то и зачем-то несёт, а то и куда несут (*смеется*)?

— В Иное, сударыня, в Иное!

Недоумённая со стороны дамы и вполне осознаваемая со стороны её собеседника пауза.

— Интересно... я совсем не пьяна, да и соображаю хорошо, но кое-что такое... необычное... чувствую... как буд-

то я и не здесь, хотя я вижу хорошо, что здесь я, в этом виноугодном рае, с вами, за этим вот столиком... что это?

— Надо полагать, вы... уже в контакте с Иным, с настоящим, а не сказочным, Иным, причём в контакте явно лояльном, добротворном, вдохновляющем!

— Гм... не понимаю... как это?

— Портал в иной мир вдруг пред вами открылся, в иные, так сказать, веси и вести, но без вхождения туда, в Иное, оттого и без всякого для вас риска.

— Всё равно не понимаю... какой-такой портал... да ещё и в Иное, хотя чувствую что-то необыкновенное, мощное, сильное... так вы, выходит, ещё и гипнотизёр?

— Нет, дорогая моя, нет, просто Иное с некоторых пор как бы всегда со мной, хотя вовсе не всегда оно во мне, а сейчас, кажется, оно не только здесь, рядом, но и в нас — я ведь тоже чувствую что-то из ряда вон необычное, как раз, видно, то самое, что и вы — инобразие!

— Любопытно, — протянула дама, — и дорогого сто́ит, но почему же всё это: из-за выпитого вдвоём вина или всё-таки из-за... вас?

— Есть ещё и третье: дух этого места — Хамовников, места очень непростого, насыщенного мощной энергией и богатейшей информацией, заражённого незаметной, но весьма действенной метафизической вибрацией, переполненного как событийной, так и смысловой памятью, да и не лишённого сегодняшнего ментально-деятельского интенсифика. *(Пауза)* Тут ведь и впрямь магическая реальность!

— Здесь, кажется, и ваша малая родина?

— Малая по определению, очень немалая по территории и очень большая по метафизису — безразмерная! Давайте-ка за Хамовники, а-а?

— Охотно!

Отпивают чудесного вина.

— Да-а, кое-какая истина, может, и зиждется в вине, — заговорил седовласый мужчина, — и это, безусловно, так, но вот Истина с большой буквы всё-таки не в вине, а в Ином, тоже с большой буквы, а потому, мы с вами не так в «Виновниках» сидим, как в «Иновниках», — точнее, в «(В) Иновниках», когда заглавное «В» в скобках, а начальное «И», как и первое «В», тоже в заглавном статусе. Чуете?

Раздумчивая пауза.

— Что же вы молчите, не можете поверить в реальные чудеса?

— Нет... не то... я и в самом деле чувствую что-то магическое, со мной творящееся: я как бы и не я, да и чуть ли не отсюда!

Пауза.

— Вы всё-таки маг!

— Да нет, вовсе нет, даже никакой я не Мессинг, не говоря о Кашпировском с Чумаком. Если тут и магия, то совсем другого рода.

— От вашего Иного, вестимо?

— Разумеется! Вино со своей лукавой истиной тут только пособник. Имейте в виду, что мы в Хамовниках, рядом с никогда не закрывавшейся старинной церковью Николая Чудотворца с чудотворной иконой Богоматери, на бывшей Чудовке, вблизи державных гвардейских казарм, в месте, связанным с декабристами, Толстым, Пушкиным, Тургеневым, Чеховым, Сергеем и Михаилом Булгаковыми, Бердяевым, да что их всех, наших великих и не великих перечислять, не говоря уже и о тех же живших здесь в своих когда-то загородных усадьбах Трубецких, Оболенских, Олсуфьевых, а чего стоит Новодевичий монастырь со своим и соседскими некрополями, а громадный комплекс Минобороны на Фрунзенской набережной, а величественная военная академия имени М. Фрунзе, а потрясающий поликлинический кластер из Пироговских и иных клиник, а музей-усадьба Льва Толстого, да и бывшая теперь резиденция нашего, дорогого нам, митрополита, что была на Погодинке, близ Новодевичьего, в общем — много тут всего, чего и не перечислить, влияющего так или иначе на каждого, кто здесь бытует и сюда внезапно попадает.

— А на вас, я вижу, в особенности.

— Ещё бы! Он весь мой, этот район, и весь он во мне, как и я, надеюсь, весь в нём. *(Пауза)* Вон там за церковью возвышается здание школы, бывшей мужской гимназии сталинского образца, где ваш покорный слуга когда-то учился, а жил за этими вот казармами!

— Действительно... местечко!

— Одно из безусловно сакральных мест столицы, где особенный дух, кстати, и трудовой тоже, тот же ткаческий,

а не только военный, медицинский, дворянский, интеллигентский. (*Пауза*) Не знаю почему, но мне кажется, что именно здесь, где мы сейчас с вами сидим, проходит снизу вверх некая, пусть и подвижная, и прерывная, и волнообразная силовая линия, пронизывающая этот мир и выходящая в мир иной.

Задумчивая пауза.

— Странно всё это... я имею в виду себя... это действительно меня посетившее вдруг ощущение какой-то нереальной неотмирности.

— И нашей с вами на мгновение слиянности, подкреплённой кроваво-красным, то бишь кровно-братским, напитком.

— Кровью Христовой!

— Причащением!

— Странно...! За это как раз и стоит выпить нашего рубинового нектара.

Винная пауза.

— Дело в том, — заговорил мужчина, — что Иное не где-то там, в неоглядной дали, оно прямо здесь — в этом мире, просто оно не особенно людьми замечается, причём как именно Иное, только единоличными мудрецами, — и контакт с Иным всегда и везде у человека есть, опять же не слишком им, уж позволю так сказать, регистрируемый, хоть люди и гадалкам верят, и в приметы, и в вещие сны, и в церковь ходят. Вся наша жизнь проходит в объятиях Иного,

мало того, там, в Ином, всё главное для и за нас, как и для и за весь мир людской, и решается.

— Это я, пожалуй, понимаю, но вот всё со мной сейчас происходящее — это что-то не просто для меня новенькое, но и воистину странное!

— Ну вот, уважаемая, заладили своё: странно да странно, а то, что истина в вине, это для вас не странно?

— Да уж... тогда что же выходит — Иное таки тоже таится в вине?

— Почему нет? Да и не взять ли нам ещё по бокальчику, а-а? Ради такого-то открытия!

— Что ж, рискнём!

— Риск — дело благородное!

Подзывает официанта и заказывает два бокала доброго итальянского вина, но уже розового.

— За вас и за странное чудо на Чудовке! — оживлённо и дружелюбно произнесла дама, поднимая бокал ожидаемо чудесного вина.

— За нас и за ваше приобщение к Иному! — ответил с поднятым в руке бокалом янтарно-золотистого вина вдохновлённый удивительным сакральным моментом много-мудрый отшельник.

Знаменательная пауза.

— Да-а, — продолжил говорить седовласый мужчина, — всякое бывает, всякое... и такое вот странное и совсем не страшное, как мы сейчас убеждаемся, тоже. *(Пауза)* Не только наше представление о реальности условно и во

многом иллюзорно, но и сама реальность, во всяком случае, гуманитарная, то бишь как раз вполне метафизическая, тоже условна и весьма иллюзорна. *(Пауза)* Не только в наших головах привольно гнездится миф о реальности, а и сама реальность есть большой, тёмный, безграничный и нескончаемый миф, а не мифом сия реальность просто не может не быть! *(Пауза)* Так что ничего в общем-то удивительного в невероятных и внезапных, ничем вроде бы не вызванных, вполне себе и беспричинных, происшествиях нет, — миф-реальность рождает мифы-ирреальности: какие, где, когда и как хочет!

— Тогда и Иное — миф, и контакт с ним, и наше с вами переживание тоже?

— Разумеется! Но имейте в виду: как реальность, о которой речь, есть миф, так и миф, о котором у нас речь, есть реальность!

— Остаётся, выходит, лишь вера?

— Да, но непременно и вера в самих себя — и как в миф, и как в реальность!

— А всё-таки контакт наш с Иным хорош!

— И вино тоже, которое, кстати, уже на донышке наших бокалов.

— И истина там же...

— За наше сегодняшнее за истину бдение!

— За Иное!

Допивают итальянское вино, расплачиваются, не без удовлетворения встретив весть, что последние бокалы оказались даром от заведения, прощаются с гостеприим-

ными хозяевами, выходят на улицу, умилённо озираясь по сторонам.

— Вот они, ваши Хамовники — виновники вина и чудес!

— Да уж... то ещё местечко!

Дама, ловко манипулировав пальчиками по умной физиономии айфона, вызвала такси, а мужчина, дождавшись юркой колесницы и усадив в неё растроганную соучастницу виновного происшествия, зашагал по проспекту, проложенному на месте армейского конного плаца, к значимой для него с юности станции метро. «И ведь никто ни во что такое не поверит, — ему не вдруг подумалось, — и сама новая заложница иномирья тоже!»

Инобытие

Бытие наше в основе и в текущей реализации вовсе *не то*, или *не такое*, как обычно видится человеку, им ощущается, образно и словесно представляется, познаётся, понимается, описывается, трактуется — оно совсем другое, это — *инобытие*, да не просто иное — как всего лишь другое, хотя это и так, а как в принципе *инаковое*, бытующее в прямом сочленении с *Иным*, которое человеку в общем-то не ведомо, но с которым мир человеческий непрерывно взаимодействует, мало того, от которого всю зависит, и которое, будучи для человека трансцендентным *Ничто*, подлечит, однако, воображительному со стороны человека осознанию, превращающим сие Ничто в некоторое *Нечто*, со-

знание — в *иное сознание*, а само осознание человеком своего бытия в осознание сего бытия как именно *инобытия*.

Ничуть не отвергая ни обыденного, ни мифотворного, ни философического, ни богословного, ни научного, ни исторического, ни культурного, ни цивилизационного, ни оккультного, ни колдовского, ни волхвического, ни жреческого, не говоря уже о бесчисленных личностно-именных восприятий человеческого бытия, надлежит всё-таки обратить внимание и сделать акцент на этом самом *Ином*, в котором как раз и пребывает человеческое бытие, из него выходя на Свет Божий и в него же уходя — прочь от Света Божия, которое всегда и всюду присутствует в бытии, делая его именно *инобытием*, мало что не совсем *этим* и совсем *не таким*, но и вообще... э-э... не то что *неизвестно каким*, но и... *неизвестно чем!*

Вот она — великая экзистенциальная загадка, вот он — великий мировоззренческий вопрос, вот она — великая гносеологическая задачка, вот и он — великий онтологический ответ: *бытие человеческое* — *не что иное, как инобытие*, обязанное своим бытием *Иному*, в котором бытие как бытие напряжно зиждется и которое в бытии как бытии непрерывно, неустанно и беспокойно присутствует, мало того, на него безразлично по-всякому воздействует: через сознание прежде всего, которое есть не что иное, как сущий экстракт *Иного* в человеческом организме и в социальном контенте человечества тоже; через как бы объективный ход всей зёмной реальности — натуральной и искусственной, который тоже есть *иное*, но уже в самой сердцевине бытующей реальности; через прямое воздействие на

человека и зёмную реальность извне — из абсолютно трансцендентного *Ничто*, которое как раз и есть исходное и конечное для человека и зёмной реальности *Иное*, состоящее, или образующееся, из инициативно-управленческого *Неба* (Божественного Творца), работающей в поте лица *Преисподней* (подчинённой Небу, хотя и весьма своевольной производительной фабрики), а также ресурсной и в то же время поглотительной *Бездны* (мирозданческого резерва и одновременно миропоглощающей утробной дыры).

Не приняв во внимание *Иного* со всеми его образами и проявлениями, образованиями и присутствиями, ничего нельзя понять в полном тайны, нестабильности, неуверенности, уязвимости, временности, бренности человеческого бытия, как и в его начальности, длимости и конечности, в его телеологии, апокалиптике и эсхатологии, в его эволюции и развитии, возвышении и грядущем ниспровержении, а главное — в самой сути человека и его бытия, перемешанного с небытием и с ним любовно совокупляющемся.

Да-а, тут, конечно, царство неизвестности, да не только гносеологической — так сказать, малой, а и онтологической — большой, той самой неизвестности, которая, объёмля *всё* известное и неизвестное, но всю действующее, рождающее и поглощающее, созидающее и уничтожающее, заслуживает почётно-ранжирного определения — *Великой Неизвестности*, которое ей благоговейно текущей метафизикой и присваивается,

Иное — это миру этому иное, а *Великая Неизвестность* — сама суть этого *Иного*.

Вот так!

Управляющее Небо, работающая Преисподняя и нейтральная Бездна. И это всё в присутствии там и там — в Ином и в Этом, то бишь в Ином мире и в мире Этом, в абсолютной Неизвестности и в относительной (для человека) Известности, в незёмном беспредельном пространстве и в зёмной ограниченной обители.

Вот где фрактальность, так уж фрактальность!

Не одинаковость, но подобность, инаковость, но не чуждость, в общем — единение разных, но при этом и единообразных, миров, а в итоге — единый двумерный, если не многомирный, мир, что то же самое — *Вселенная*, в которой бытует видимый человеку Космос и известная человеку Земля, а также невидимая и неизвестная, хотя и как-то ограничено человеку ведомая, Неизвестность, как раз и делающая всё вокруг наличное чем-то *иным* — не таким вовсе, как это вот уже не одно столетие представляется грамотному, по-европейски и по-университетски, следственно, и по-масонски, а теперь уже более всего по-американски и по-бизнескуловски, следственно, и по-сатанински, подготовленному (обработанному, если попросту не зомбированному и запросто при этом не завербованному) человеку, уже в значительной мере и *постчеловеку* (элементу координируемого из зёмного центра и сонма зёмных центров *искусственного сетевого разума*).

Когда наш отшельник, будучи ещё вполне молодым и полным сил человеком, делавшим весьма успешную научно-преподавательскую карьеру, служа в меру понимания и возможности общим для отечества интересам и свершениям, осознал вдруг нулевую малость не только своего лично-

го, но и вообще человеческого, зёмного, живого бытия, испытав при этом не так удивление и даже не страх, как истинный неживотный ужас, при котором вдруг напрягаются нервночески все фиброчки брэнного человеческого организма, а волосы на голове и в самом деле встают дыбом, вот тогда-то он и вступил, ещё долго этого до конца не понимая, на путь движения к чему-то *иному*, продираясь сквозь тернии неизвестности к чаемой Истине, а встретил, как и следовало ожидать, лишь *Великую Неизвестность*, которая как раз и оказалась изначальной и конечной для него *Истиной!*

Вполне осознав онтологическое величие своего более чем странного открытия, он осознал и кое-что другое: не только присутствие и участие Великого Неизвестного в этом — человеческом, зёмном, живом — мире, но и, что особенно важно, *инаковость* этого — нашенского — мира, его условность, неопределённость, кажимость, иллюзионность, если не лицедейность, а главное — его *извнегенетизм*, а соответственно извнезависимость, извнепроизводность, извнепроективность, ну и, конечно же, его хоть и не прямую и не директивную, но всё-таки извнеуправляемость!

Мир человеческий — мир вроде бы наш, но он и не наш, он вовсе не только человеческий, а потому он есть не совсем то, если совсем не то, чем кажется обычно человеку, даже и очень учёному и очень умному человеку, даже и бессмертному академику, что он вовсе не мир-правда, хотя и не мир-ложь, он — то и другое сразу, ещё и мир с немиром вкупе, как и мир вкупе с антимиром тоже!

Женщины

О-о, те ещё создания! Носительницы живородящего чрева, фактически-то преисподней, влекущие к ней и вовлекающие в неё мужчину, который и сам рад быть туда вовлечённым — то с сохранением себя, а то и нет! Тут уж, как карта двухсторонняя ляжет — то ли королем, то ли дамой, да ещё и каким королем и какой дамой, оттого так и будет: король возьмёт верх или дама, опять же какой король и какая дама, — и не дай Бог для мужчины, ежели дама, да ещё и чёрная — inferнальная, да и самому, не дай Бог, ежели верх взять не красным, а чёрным королем — тоже ведь inferнальным, — и лучше всего, выходит, верх брать красным королем над красной дамой — редким счастливым!

Итак: красный король и красная дама, Он и Она (а не она и он!), вершитель и спорительница, верховодец и послушница, Муж и Жена (а не жена и муж!), вертикаль и круг, а вместе — конус-пирамида, а в итоге — мир с мироведением и дом с домоводством, в общем — гармония!

Семья, да не от цифры семь вовсе, а от семени, следовательно, от мужа, а не от жены, но это не всё: отец — это от-ец, от-есть (от-него-есть), он же поэтому и свет, а мать это ма-ть, м-м-дать (жизнь в муках дать), она же от этого и тьма (чрево, утроба, пещера, преисподняя, бездна).

Ничего тут для женщины обидного: так всё на этом Свете и в этой Тьме устроено и, надо полагать, вовсе не случайно — тут вопросы к Господу Богу, или Свету, и к Великой Неизвестности, или к Великой Тьме, на которые Со-

фия, может, и отвечает, но очень неохотно, не вполне, да ещё и укладкой: «Так есть — и всё тут!»

Очень они разные, эти вроде бы одновидовые существа — мужчина и женщина, как бы оба человеки, но настолько разные, что вроде двух видов в одном видовом флаконе. Две большие разницы! Однако друг без друга никуда — вместе! Причём, как показывают чёрные (роковые!) карты, очень по-разному вместе: от любви со взаимной слиянностью до ненависти с непрерывной войной, а более всего — где-то посередине, на широком вариативном фронте.

Попытка современной постмодерновой женщины занять место мужчины в социуме, цивилизации и культуре, взяв при этом верх над мужчиной в межгендерном житейском единении, как и быть самой по себе — умной-де, одарённой-де, творческой-де, есть не что иное, как сократить, изуродовать, а то и убить в себе собственно женщину, превратив себя в бесполоую, хоть и очень-де гендерную, фемину. Фемина, увы — не женщина, а её плохой, уходящий в тёмную даль, таящийся во мгле призрак!

Однако здесь не об этом, здесь о женщине, точнее, о женщинах, которые ещё есть в наших селениях, даже и в мегаполисах ещё есть, хоть, быть может, тоже в чём-то... *отшельницы*, ибо хранят и культивируют в себе лихо атакуемую Постмодерном, может, уже и устаревшую, и остаточную, и даже уже ненужную... чуть было не сказал... женственность, хотя это и так, но, увы, говорю иначе — *женскость*, то бишь *женщину* как *женщину*, что, кстати, не мешает сим особам быть и индивидуальностью, и личностью, и деятельницей, и чего-то творцом, не говоря о мис-

сии жён, матерей, дочерей, подруг, любовниц, муз, сестёр милосердия, мирносиц.

Но речь всё-таки не об этом — не о женщине как женщине, не о мужчине как мужчине, а о мужчине и женщине вместе, причём безотносительно к браку, семье как таковой, детям, родителям, в общем — безотносительно к текущей, — хорошей или плохой, — обыденности.

Есть ведь она, высказанная с горечью выдающимся русским художником-мыслителем, создавшим галерею замечательных графических портретов русских писателей, поэтов и философов, то ли экстраординарная, то ли вполне обыденная мысль об (вслушаемся!) *инфернальной роли женщин в судьбе русских гениев!*

Есть такое! Хотя по жизни встречается и другое — вполне себе *благотворная роль женщины в судьбе мужчин творческого склада*, ну а гениев при этом или нет — иное дело!

Так вот: женщина, отличаясь от мужчины в силу своего деторожного (плодородного!) предназначения (будучи, увы, людопроизводительной фабрикой) не чем иным, как мало что природностью, но ещё и... чуть было не сказал — рыхлостью... нет, конечно, не рыхлостью, а некой телесной, умственной и душевной... нет, опять же нет... не воздушностью, конечно, но, может... э-э... подвижной пластичностью, что ли, какой-то шевелящейся гибкостью, а то и наполненным какой-то бродящей разноцветной взвесью гибкостенным сосудом, — эта самая женщина не просто дополняет мужчину, который, наоборот, каркасен, конструктен, жёсток, но и, обволакивая его собой, обеспечивает

реализацию мужчины не только как мужчины, но и как *человека*, а потому и реализацию человека вообще как человека вообще.

Более всего это относится, конечно, не вообще к женщине, а к солидарной, так сказать, женщине, растворяющейся в мужском «я», встроенной в совместную с ним экзистенциальную пирамиду, — и вовсе не обязательно в обывательскую семейную, а и в несемейную тоже, в дружественную, партнёрскую, симпатизантную, что вовсе не так уж просто является и не так уж часто случается, но... (sic!) *... таки является и таки случается!*

Тот же отшельник наш, который, более всего в себе, от себя и для себя отшельник, как и отшельник в среде людской, от неё и для неё, по преимуществу как раз мужской, его не то что отвергающей, а попросту не воспринимающей, держащей за инородное себе «тело», вполне, кстати, для неё и обоснованно, по-своему чуть ли и не справедливо, не был, или почти не был, однако, отшельником для женского племени, может, его до конца и не понимавшего, но зато вполне себе до конца, ну пусть почти до конца, интуитивно-умственно, как и в общем-то сердечно, принимавшего за... нет, нет, вовсе не за кумира, вроде какого-нибудь артиста или сектанта-проповедника, нет, совсем нет... э-э... попросту... за *идущего*, способного *самостоятельно* идти, мало того, *вести за собой*, конечно, не к истине, которую никто из смертных не знает и не должен знать, а всего лишь к чему-то... *иному* — *не этому*, а вот почему это было и есть так, кто ж знает?, коли тут везде сплошная трансценденция: что в им овладевшей творческой вертикали, устремлённой в

бескрайнюю высь и пронзающей насквозь бездную глубину, что в тяготении женского племени к этой самой вертикали, — осознанном тяготении или нет, не так уж и важно, — как раз том самом тяготении, которое владело такими легендарными особами, как вроде бы историческая Мария Магдалина или же явно выдуманная сероглазым московским людоведом бесподобная Маргарита, но с той разницей, что в случае с нашим героем речь идёт всё-таки не о сказочных, а о совершенно реальных представительницах загадочного племени — вполне себе музах, феях, волшебницах, — причём вовсе не о призрачных образчиках человеческого воображения, а о живых и животворных спутницах, соучастницах, сотрудницах, а ещё и поощрительницах, покровительницах, гранильщицах, ну и сопероживательницах, собеседницах, провидицах, ещё и оберегательницах и даже спасительницах, в общем, обо всех тех выразительных особах, без созерцательного, спорительного и деятельного участия которых ни о каком реальном явлении мудреца-открывателя, блуждающего по иномировским окаёмам, не могло быть и речи!

Судьбоносная межполовая совместность тут, сдобренная благородной взаимностью, не исключаяющей ни подвижничества, ни верности, ни любви, разумеется, не в за-taskанных обыденностью ходячих представлениях и восприятиях!

Дадено, пользовано и проверено самой реальностью — долгой и насыщенной!

Факт!

Однако с этим замечательным женским племенем не всё так уж просто: тяготение к мужской вертикали, взлетающей ввышину и пронизывающей глубины в стремлении к смысловому иному, великолепно сочетается у милых женских особ с... притягиванием мужских особей не только к себе, но и втягиванием их в *себя*, в *своё иное*, не чуждое вообще собственно Иному, где сами они словно птицы в полёте или рыбы в воде, в общем — в своей родной стихии, того особенно и не замечая (как человек не замечает обычно своего собственного дыхания), — и несдобровать герою, коли сие притягивание выльется во втягивание его прямо в иное сих милых особ: ни о каком тогда будущем и настоящем мудреце-открывателе тоже никакой речи — как раз по причине его исчезновения *там* — в пучине лукавой женственности!

Не отпрыдывать от милых особ, но в них ни в коем случае не растворяться — таково золотое правило любого героя-мудреца!

Это они — эти самые милые особы — должны растворяться в избранных ими мужских особях, что они охотно иной раз и делают, не преминув при этом оставаться и самими собою — человекоподобными иносуществами — русалками, ундинами, валькириями, чаровницами, ведьмами, в общем — полномочной агентурой иного мира, действующей совсем не безрезультатно в мире этом.

О-о, тут меж мужчиной и женщиной всегда схватка: кто кого прихватит и одолеет, кто кому покорится, кто кого поведёт, — хорошо, ежели является компромисс, а то ведь чуть ли не вражеское противостояние, — и только в еди-

ничных случаях — сакральное единение, нет, вовсе не андрогин, не полное слияние, а именно *единение* — как единение разного, да не просто взаимодополняемого — этого мало! — а взаимооплодотворяемого — настолько, что дух захватывает, это у неё, и Дух над Бездною — это уже у него!

Замечено, испытано, выверено!

Факт!

Женщин, о которых тут речь, ни в коем случае не путать, несмотря на их личную, трудовую и творческую свободу, их высокую образованность, профессиональную и житейскую мобильность, с *современной феминкой*, широко расплодившейся и всюду назойливо торчащей: либо самоуверенной, обуянной неизвестно откуда взявшейся гордыней, якобы всезнающей, неумеренно болтливой, настырной, наглой, немало и глупой, либо наоборот — потухшей, растерянной и потерянной, зажатой, сморщенной, озлобленной, а ведь там и там одно: потеря природо-смысловой колеи, навязчивое стремление занимать не своё место, невозможность достойно быть не на своём месте, в общем — та или иная — бесноватая или убогая — *неприкаянность*, даже и при вроде бы бытийных успехах и победах, лидерствах и давлениях, свободах и вольностях, изменах и переменах, даже и творческих-де достижениях.

Баба, увы, она и есть баба, пусть и образованная, и ухоженная, и эффектная, и деловитая, и всюю успешная, и даже ежели... ежели нет его — *са́мого-са́мого!*, к которому не то что прислониться бы надобно, да которым и заняться по-бабски бы не грех, в котором и раствориться бы незазорно, с которым, знаете ли, как-то всюю и смысловито, и ин-

интересно, и радостно, а потому и *женщиной* можно быть — рядом-то с *ним*, а не пустой стандартизированной феминкой, но... но... ни *его* уже ни зги не видно, ни женщиной бабе уже быть не сподручно, даже и не хочется, так что лишь одно, знаете ли, тут тупое недоумение, за которым сокрыто не что иное, как вряд ли уже поправимое самоисчезновение полов как социальных полов, то бишь полов как половинок одного человеческого целого, и выход на житейскую арену гендеров, состоящих не из метафизических мужчин и женщин, а из всего лишь физических сексуалов — *маскулины* и *фемины*, а теперь, пожалуй, что из-за безостановочного наступления феминократии (не матриархата вовсе, а именно феминократии), лишь разгулявшейся фемины и загулявшей где-то в житейских путаных дебрях маскулины.

Женщины, о которых речь, уходят в прошлое — как тип и как отдельные особи, туда же уходят и мужчины, покоряющие своей неординарной личностью столь же неординарных женщин и которым женщины добровольно отдаются, — и не ради только мужчин они это делают, но и ради самих же себя — *женщин!*

Фемина может много чего для себя достичь, оттесняя и погубляя мужчин и женщин, она способна и многое что вокруг себя занизить, примитизовать, уничтожить, что она, собственно, и с упоением делает, вряд ли отдавая себе полного и верного в том отчёта, — так ей всего лишь это кажется — не более того, — и будущее, если оно ещё будет, станет уже очень и очень другим — совершенно и невозможным!

Фемина — один из коней, а лучше бы сказать — одна из лошадей, апокалипсиса, круто вздыбившаяся надо всем в мире сразу и всему сразу из человеческого бесподобно и беспощадно угрожающая!

Фемина — это изворот, переворот, выворот, это — *инферно!*

Кто и что её остановит?!

Великий казус

Да, именно так — казус, мало того — КАЗУС! Случившийся в канун XXI века с величайшим научно-де обоснованным, вполне и просвещенческим, читай, и от-масонским, и от-мироправленческим, и даже от-финансово-капиталовским, *новоевропроектом — социал-коммунистическим!*

Где он — СССР (кстати, вовсе не союз, не советских, не социалистических, не республик, а всего лишь азиатско-деспотического типа, тоталитарно-командный с евро-социальной окраской трудо-номенклатурный этатизм), где он — «социализм-коммунизм», где она — «мировая-де-соцсистема», где оно всемирное, якобы от имени и с участием рабочего класса — пролетариата и ему де в угоду международное революционное движение, где они соответствующие сему движению политические партии, кроме разве ещё еле живой кубинской да деспотически правящих в своих странах китайской и северно-корейской, может ещё вьетнамской, вовсе на деле и не социал-коммунистических, а попросту азиатских, где и сам революционный, праведный

и социально де эффективный рабочий класс, где, наконец, оно — единственно де верное, научно-гуманитарное де учение — марксизм-ленинизм?

Бац! — да что там бац, попросту... пуф-ф... и нет ничего, как раз из всего выше перечисленного, оказавшегося не то что фантомом, а вполне себе лишь заявочным... *призраком*, как раз тем самым, о котором с верой, надеждой и любовью грезили и писали когда-то молодые и амбициозные идейные бунтари — основатели великого-де и вечного-де учения, обосновавшего не только явление не виданного никем призрака, им — этим бунтарям — вдруг пригрезившегося, но и саму возможность перевода сего призрака во всемирную реальность, которая, по истечении времени, насыщенного жесточайшими борениями, жестокими, устранительными и бесцеремонными устроительными деяниями, вдруг сама оказалось... *призраком*, да ещё каким! — унёсшим в небытие мириады жизни ярых борцов за него, не столь уже ярых его сторонников, вовсе не ярых к нему приспособленцев и, конечно же, его ярых и не очень противников, как и не в чём таком не замешанных насельников несчастной планеты Земля, не говоря уже о жертвенной судьбе России, о великом и одновременно несчастном СССР, о невероятных разрушительно-устроительных потогах тьмы одержимых сим европризраком революционных энтузиастов, о великих трудо-творческих деяниях не исчисляемых людских масс и вполне исчисляемых когорт интеллектуалов всяких родов, ролей и практик!

Вот он — *великий бытийно-исторический казус!* Столько всего было умного, безумного, трудового, творче-

ского, жертвенного, кровавого, дорогого, славного, ненавидимого, презираемого, светлого, крошечного и вдруг... *ничего!*

Негромкий такой всего лишь... *пиик!*

Там — в 1917 г., сработала некая разношёрстная горстка революционеров-мошенников, пусть и невольных мошенников, а теперь — в 1991 г. — одношёрстная горстка мошенников-революционеров, вполне себе и сознательных, — забавно, не правда ли?!

Откуда, почему взялся сей, в общем-то самый что ни на есть маргинальный, но дьявольски привлекательный для всякого рода маргиналов социал-коммунистический проект? Взялся он, как было уже говорено, в Европе и вышел он там из закрытой, закулисной, как-то питаемой и кем-то стимулируемой кружковщины, заинтересованной в перетряске и переделке Европы и всего мира, но вот какой же перетряске и в кой переделке? Ясно, что по манере действий и крутизне перемен — революционных, но вот ради чего? Тут-то и сидит вся смысловая заговозdochка: *Проект*, но зачем, для кого, с какой конечной целью?

Коли тут замешаны маргиналы, они же *социальные бастарды*, вовсе не нищие, не бедные и не выброшенные на край небытия, много чего ментально и даже материально имевшие, но не имевшие главного — *власти*, причём умные, амбициозные, беспощадные, то исходно такой проект не мог не быть проектом с мощным зарядом «анти», т. е. *проектом-анти*, нацеленным негативистски против всего сразу, или почти всего, в Европе и в мире существовавшего, проектом *из-вне*шним для этого (того, тогдашнего) мира,

проектом, пришедшем из ниоткуда и взявшимся из *ничего*, из пустоты, из бездны, из гущи «тёмной материи», из преисподнего чрева, а потому и проектом чего-то и впрямь *иного*, не просто нового, а воистину *не этого*, никогда не бывшего, как бы уже и не человеческого, не натурального, не естественного, ну и, само собой, не божеского тоже — если уж и проекта де Царства Божиего на Земле, то непременно уже без Бога, некоего безбожного царства всеобщего благоденствия, чуть ли не Рая, как раз того самого царства, которого не достигли и не могли достичь ни античность, ни христианизм, ни святая инквизиция, ни тотальная экономика, ни фабрично-заводское предпринимательство, ни наука с техникой, ни прокатившиеся по Европе социально-политические революции, включая в особенности так называемую Великую французскую революцию, ни действовавшие вразнобой государства, ни тогдашние колониальные империи, ни наличествовавшие правовые цивилизации, ни благодетельные-де войны.

Замечательный направительно-мобилизационный
идейный триптих «*Свобода, Равенство, Братство*» вполне мог сохраняться в рамках сего нового иномирного проекта, но уже с иной содержательной подоплёкой: «Свобода» — как либо свобода от любого насилия и императивного порядка, либо как свобода от тяжкого тягла, от нужды и страданий; «Равенство» — как идентичность людских сознаний, поведений, экзистенциальных и потребительных возможностей, трудовых вкладов: «Братство», — как всеобщее, — стихийно или сознательно организованное, — единение

лично свободных и на себе-де совместно работающих бескорыстных относительно друг друга людей.

Как ни верти, но выходило что-то исключительное: вместо иерархической, аристократо-народной, неравенственной, господско-рабочниковской, хозяево-эксплуаторской, но при этом религиозно-сакрализованной, цивилизации должно было явиться массовидное унифицированное, расцивилизованное население: либо как-то стихийно самоорганизующееся, либо сознательно организуемое сакрализованным вождём с когортой его сподвижников через посредство преданной им функциональной агентуры, включая и вооружённую.

Короче: вместо *той* Европы должна была возникнуть другая Европа, как раз *такая* Европа, которая не могла быть квалифицирована иначе, как маргинальная, простая, запредельная, как бы взятая ниоткуда, из пустоты, из бездны, отрицавшая *ту* Европу как уже бывшую историческую данность, как генезисно в веках сформированную, пусть и с изъянами и пороками, даже не отвратную, а вот эта *другая* Европа лишалась корней, традиций, бытийно-исторического фундамента, а потому и произвольно проектировалась, вполне и утопично, как анти-Европа, бросавшаяся оголтело в открытое-де для неё новое, заманчивое и беспредельное будущее.

Явились и соответствующие чаемой другой Европе маргинальные социальные-политические движения, им приданные и преданные силы, а также идейно-парадигмальные обоснования этих движений и их замыслов, задач и целей, как и необходимых для достижения

ставящихся задач и целей маргинальных деяний, как раз круто революционных.

Европейский по происхождению и духу социализм-коммунизм был удачно Европой в Европе же купирован и поставлен в фактическое вспоможение самой же Европе в виде, с одной стороны, социал-демократии, а с другой — социал-фашизма, но также счастливо для Европы был переброшен вовне, в страны, «которых было не жалко», в ту же Россию, где и попытался реально состояться, с неизбежностью превратившись на деле в обычный полуазиатского (византо-ордынского) типа государственный деспотизм, на время оказавшийся в практических делах, включая и репрессивные, и весьма эффективным.

Что касается социал-демократии, то она, кое-чего добившись на деле в плане социализации европейского бытия и улучшения положения эксплуатируемого рабочего люда, не пошла, отступив от маргинального радикализма, на поводу у социал-коммунистического призрака и стала вполне себе респектабельной принадлежностью Европы, пережив все невзгоды, обрушившееся на Европу и на неё саму — социал-демократию.

Что же касается социал-фашизма, тоже оказавшегося, как и советский социал-этатизм, во многом весьма в деловом отношении эффективным, в особенности в социально-расово-коррекционном и в мобилизационно-завоевательном-войновском, то он всерьёз задел Европу, начав её волевое и вполне силовое превращение в *другую* Европу — консолидированную, единообразную, механоподобную (на место «Афин» как бы пришла «Спарта»), — однако Европа, преж-

де всего в её англо-саксонской ипостаси, ужаснувшись от намерений и деяний своего разворотистого, радикального и бесцеремонного дитяти, смогла-таки избавиться от его откровенно националистического, расистского, силового корпоративизма, а главное — римско-имперского (третье-рейховского) маргинализма, причём совершив это лишь посредством физической ликвидации фашизма по победным итогам развязанной самим же фашизмом новой паневропейской, но при этом ещё и мировой, войны, с победоносным антифашистским участием в ней СССР, США, Англии, Франции, как и ряда других стран.

Итак, бытие-история испытала знаменательный конфуз в деле радикального переустройства Европы и мира по тщательно-де разработанному умнейшими-де европейцами научно-стратегическому переустроительному проекту, впрочем, разработанным евроособами, ничем практическим, кроме писания умозрительных книжек, брошюр и прокламаций, никогда всерьёз не занимавшимися.

Социал-коммунистическому проекту пришёл уже иной, чем вышеупомянутому еврофашизму, сокрушительный конфуз — мирный, которому, правда, сопутствовали малые, так сказать, конфузы, или конфузии, о которых нельзя не упомянуть, хотя бы о внезапном переходе к НЭП'у после разорительной гражданской войны 1918—1920 гг., а ведь НЭП — не социализм вовсе, не коммунизм, а не более и не менее как «допустимый капитализм», отчего затем последовала и вторая конфузия по вектору указанного проекта, может, не такая уж и внезапная, как переход к НЭП'у, зато тоже вынужденная — перескок от НЭП'а к

сталинскому социал-этатизму — вовсе не в соответствии с блестяще-де ментально обоснованным социал-коммунизмом, ну и, наконец, последовала и третья по факту и очереди исполнения, уже и решающая, конфузия — окончательный крах в 1991—1993 гг. в основе ещё сталинского, но уже стремительно одряхлевавшего «социализма-коммунизма».

Ничего не поделаешь: мир Божий, включая и Россию-матушку, не принял в своё лоно не то что проекта-призрака, но даже единственно возможного и вроде бы уже не очень-то и призрачного сталинского «социал-коммунизма», превратив сию вполне вроде бы непризрачную реальность во мгновение ока в уже сугубо неисторический, вихрем пронёсшийся над Россией и всей планетой, прахообразный жертвенный призрак!

Отсюда и другой вопрос: «Что же это такое — *призрак*, уж не сама ли в доле с ним гуманитарно-экзистенциальная реальность, а-а?»

А тот же казус, что это такое, а конфуз со своими конфузиями, — что это, всё в реальном бытии-истории?

А тут, понимаешь ли, глубокомысленные познания, трактовки, оценки — научные, философские, богословские, какие ещё — из казусных и конфузных, а-а?

Не отвечайте, господа, лучше молчите, словно в рот воды набрав, и правильно, знаете ли, сделаете!

Очевидно неочевидное и неочевидно очевидное

Рассуждать о человеке и человеческом мире в научно-физической парадигме, конечно, можно, во многом и небезуспешно, но сводить сей объект к чему-то физикоподобному никак нельзя, — и не только по тому очевидно-му факту, что гуманитарный мир не имеет, в отличие от физического, никаких формализуемых математически констант, но и потому, что это есть в основе своей и во многом в реализации своей мир хаотический, даже не вероятностный, никак не сводящийся в исходах, в фундаменте и особенно в функционале своём не то что к строгой механике, но даже к обычной системности и причинно-следственной динамике.

Одна, даже вполне видимая и чётко фиксируемая, причина может приводить в гуманитарном мире к разным следствиям, как и вообще не приводить ни к каким заметным следствиям, а одно какое-нибудь следствие может быть результатом действия совершенно разных причин, да и вполне быть беспричинным неследствием, а так — вполне самовольным событием. Любое моделирование гуманитарной реальности очень и очень условно, оно ограничено во времени и в пространстве и, как правило, весьма далеко от реальности, в особенности меняющейся, а меняться гуманитарная реальность очень даже умеет, причём зачастую без всяких на то причин, во всяком случае, явных. Тоже самое

можно сказать и о рациональном прогнозировании гуманитарной реальности, которая мало что несётся вперёд по-своему, но частенько настолько в стороне от прогнозных вариантов, что трезвым прогнозистам остаётся лишь в очередной раз недоумённо пожимать плечами.

Да, кое-какая материально-техническая динамика может быть более или менее предвидена, но сколько и тут случается промахов у физикалистски настроенных пророков.

Человек не слишком знает ни себя самого, ни того, что он может сам вдруг с собой и от себя выкинуть, как не знает он достаточно полно своих близких, ни, тем более, не своих дальних, как не знает толком, даже и близких ему социумов, культур, фактов, вестей, вех, а что говорить о дальних объектах его познавательного-аналитического интереса, а главное — совершенно не знает куда, к каким берегам, с каким итоговым результатом неотвратно упорно течёт вся человеческая экзистенция, хотя и имеет кое-какие на этот счёт ориентиры и даже составляет что-то вроде дорожных карт, но в каждый экстремальный раз оказывается в чём-то судьбоносном непременно застигнутым врасплох.

В текущей реальности почему-то совершается почти всегда самое *невероятное* и совершается почти всегда *внезапно* — из всего как раз самого главного!

«Всё в руках Божиих!» — недаром было когда-то впервые сказано и постоянно людьми повторяется, ибо далеко не всё из человеческого, не говоря уж о нечеловеческом, держится в руках и сидит в головах человеческих, тем более уж в механо-расчётно-рациональных.

Чего только ни происходит в бытии-истории человеческого, каким только его отъявленными фигурантами оно не становится свидетельством, — и что же обо всём этом достоверного и полного известно человеку? Да, кое-что ему известно, даже и как будто бы из достоверного и весьма полного, но, во-первых, «кое-что» и «как будто бы»; во-вторых, много чего кажущегося, а попросту всего лишь сознательно или бессознательно выдуманного; в-третьих, много чего так и остаётся человеку неизвестным, нередко и самое важное, как раз и самое судьбоносное.

Не будем перечислять события, происшествия, процессы, деяния, имена, названия, причём не только уже казнувшие в Лету, но и ныне возникающие и длящиеся, вовсю действующие, что-то вершащие, как раз всё то, о чём нет и не может быть у человека никакого воистину достоверного и полного представления, не говоря уже о точности суждений и справедливости приговоров.

Сколько обо всём *таком* разговоров, пересудов, дискуссий, споров! — а всё почему? — да всего лишь из-за того, что реальность человеческая — никакая не механика, не органика, даже и не стохастика, а самый что ни на есть настоящий гуманитарный, включая и сознаниевский, и когнитивный, и отношенческий, и процессный... *хаос*, он же и *ХАОС*!, лишь пользующийся для себя и под себя неустойчивыми, хрупкими, временными, себя же состояниями, называемыми обычно то порядком, то структурой, то системой, то механизмом, то организмом, то матрицей, а фактически-то являющимися не более чем моментами производного от хаоса... *хаосмоса*, правда, достигающего иной

раз, — как правило, насильственно, — кое-какого, почти что и физического (квазифизического, парафизического), подобия.

То же, к примеру, государство — уж какие тут, казалось бы, стабильные и прочные учреждения, заведения, порядки, системы, механизмы, законодательства, вообще всякие устойчивые-де во времени вроде бы незыблемости, а сколько же там внутри беспокойства, произвола, неурядиц, искажений, стихий, иллюзий, фальши, фейков, в общем — *хаоса*, а что делается с тем же государством во время острых социальных кризисов, внешних для государства неудач и внутренних разносных для него войн, внезапных бунтов и революций, тех же бестолковых реформ, если не воцарение в государстве и на месте его именно хаоса, ещё и сдабриваемого как лидерским, элитарным, так и массовым, стихийным безумием!

Вообще *Хаос* — вполне позитивная, пусть по виду и аномальная, норма, без которой нет ни жизни вообще, не бытия с историей, ни сознания с ноосферой, ни человека с человечеством, как и, кстати, никаких тебе космоса, мироздания и Вселенной. Даже специально обученный стоять неподвижно гвардеец, находясь на посту, незаметно, но колеблется, то бишь не обходится без толики хаоса, пусть и ловко управляемого, а что говорить обо всём мире, в особенности о гуманитарном, с хаосом органически породнённом, из него непрерывно выходящем, в нём постоянно пребывающем и с ним стоически не расстающемся, в нём же и непременно исчезающем.

Не замечать исходного, фундаментального, родного, животворящего, паллиативного и, само собой, смертоносно-го Хаоса — верх ментально-экзистенциальной несуразности и неблагодарности, питаемых врождённой или же нарочно сфабрикованной глупостью. Здесь уже *не ошибка*, господа, а самое, что ни на есть *преступление*!

Однако дело тут не в одном только онтологическом хаосе, мешающем точно и ясно выверенному познанию и созданию вполне стройного представления о реальности, а и в самом человеческом гнозисе, который не только не менее, а знаете ли, ещё более хаосный, чем онтос, мало того, дело ещё и в хаосности человеческой деятельности, человеческого жизнеотравления в гуще гуманитарной экзистенции, — что как раз с завидным упорством и незавидным постоянством сказывается не так даже на текущей реальности (уж какая есть, такая и есть!), как на её восприятии человеком, а также на человеческом в ней участии: кажется человеку одно, делается им другое, а получается, увы, третье, — и всюду смысловые и функциональные люфты, нестыковки, раздоры, разоры, западни, провалы, а если учесть, что реальность видится по-разному разными субъектами, делается ими тоже по-разному и тоже с разными результатами, то о какой-такой логически выверенной гуманитарной механике, кроме насильственно внедряемой, да и то лишь весьма относительно и ненадолго достигаемой, тут вообще может идти речь?

Подобная речь у мудрецов-метафизиков и не идёт, ибо им хорошо известно, что вокруг хаос, стихия, хотя это и не значит, что в реальной гуманитарной практике вообще нет

локализованных логик, систем, механизмов, точной расчётности, жёстких конструкций, стабильных соответствий и т. д. и т. п., ну и, разумеется, более или менее адекватных реальности фактографических о ней суждений.

Локальных суждений — да, хватает, а вот в целом, в необъятную ширь, в недостижимую высь, в потаённую глубину, тут уже всё гораздо иначе: фактическая реальность — одна, смысловая уже немало другая, а целостная на весь свой масштаб, всю свою ширь, всю высь и всю свою глубину, как раз самая что ни на есть *реальная реальность* — в основе и в главном, на самом-то деле весьма и весьма *иная*!

Так устроен этот мир, — и ничего ни с ним, ни с человеком (пока он — *человек*!), ни с сознанием с его бессознанием, ни с познанием с его суждениями, оценками и трактовками, ни с Хаосом, ни с Неизвестностью, ни с Иным, ни с Богом Творцом с его Софией, ни с напористым Просвещением, ни с навязываемыми Догматами, ни, увы, с *Метафизикой*, ни с той же *Софиасофией* брэнному человеку, пока он остаётся человеком, не поделать!

Вот он — *Великий Экзистенциальный Императив*, доставшийся в удел человеку, да и не только ему — всему мирозданию тоже!

Однако, что не менее важно, и *Великий Гносеологический Императив*, повелевающий человеку знать, не зная, а не зная — знать: как раз *очевидно неочевидное* и *неочевидно очевидное*, а в итоге быть отважным, дерзким, рисковым, безумным, что от человека умного, деятельного и созидательного прежде всего и требуется!

Каин со своим каинизмом явился не зря, ох, как не зря: деятель, первопроходец, креатор, ну и нафабранный козёл тоже!

Приобщение

Они встретились на этот раз в самом центре Москвы, в Столешиниках, но не в нижней их части — Гиляровской, а в верхней — Юрьево Долгоруковской, бывшей Скобелевской, в одном из любимых мудрецом-отишельником французского образца ресторанов, напоминавших ему вторую его ментально-культурную родину — Францию, разумеется, с Парижем, Нотр-Дамом, Сорбонной, ну и особенно памятным ему Нантерром.

— Я тоже люблю рестораны этой сети, — заявила при входе в заведение уверенно хранившая женскую привлекательность дама, — так что с удовольствием приняла ваше приглашение!

— Вот и хорошо, уж коли мы с вами вполне солидарны в этом щекотливом вопросе, — ответил седовласый господин, — всякое тут в этом ковчеге, знаете ли, бывает, но в целом приемлемо, а иной раз и просто превосходно!

— Так вы ещё и завсегдатай этого от любимой вами Франции иллюзорного филиала!

— Что делать, что делать, всё-таки франковедом я был когда-то изрядным, хоть теперь уже просто более всего лишь незабвенной Франции поклонник.

— Понятно, другой теперь азимут, другие интересы. Хотя, кажется, вы и по долгу службы бываете во Франции?

— Да, но, увы, не так уже франковедом, как *(смеётся)* лишь франковидом, а точнее — франковиноведом. Вот сюда, если не возражаете!

Усаживают за угловой столик, недолго изучают меню, заказывают еду и вино.

— Надеюсь, вы не будете сильно против бургундского.

— Ваше любимое?

— Нет, просто для меня кое-чем примечательное, как, впрочем, и бордо, на родине которого приходилось бывать и к нему там немало приобщиться.

Заказывает бургундское.

— И чем, если не секрет, это вино для вас так примечательно, наверное, незабываемой встречей с какой-нибудь очаровательной парижанкой?

— Не без этого, но это не главное, скорее... настроением, точнее — состоянием... э-э... вроде того — хамовнического

— О-о, я много думала о тогда со мной случившемся и не могу отделаться от мысли, что не так Хамовники, как вы на меня повлияли.

— Надеюсь, без всякого на то гипноза. Хотя отрицать саму возможность влияния на вас в тот момент не буду — мы же так или иначе между собой немало уже связаны, и в какой-то момент что-то могло вполне стать и так, как то-

гда случилось. Непроизвольно! Всё этакое ведь не в наших силах, во всяком случае, не в моих. Тут всё-таки в действии оно — провидение!

— Не умахайтесь, пожалуйста, всё и так ясно! Посмотрим, что же сегодня произойдет: вино с его неистребимой истиной уже несут.

— Отрицать ничего заранее не будем, а вот винца хорошего стоит, пожалуй, немедленно отхлебнуть. За нашу встречу!

— И опять, надеюсь, магическую!

Соприкасаются бокалами и выпивают вина, не пренебрегая и подоспевшей вкусной закуской.

— Видите ли, дорогая М, вы неожиданно для себя и для меня тоже приобщились к Иному, а коли так, то уже не можете и не сможете оставаться прежней, то бишь, уж извините, профанной. *(Пауза)* Разумеется, вы можете пытаться остаться прежней, ибо до настоящего вашего преображения ещё не близко, хотя вряд ли сия попытка вам удастся, и не потому, что вы чем-то намеренно и намертво захвачены, а потому что вы уже... э-э... в другом мире, не в этом, а как раз в ином *(акцентирует на слове)* пусть и частично, но... там *(акцентирует на слове)*!

— Да, это всё не так уж просто понять, хотя и в самом деле ощущаю ныне что-то для себя и в себе необычное.

— Ещё бы! Признать вдруг, что ты это не ты, а всё кругом не такое, каким ты его только что представлял, или всё ещё представляешь, и в самом деле непросто. Но возможность этого у вас есть, ибо шоры с вашего сознания

сняты, мир обнажился, и вы перед ним тоже достаточно обнажились, чтобы... э-э... предстать уже совсем другой перед собой и миром. Так что за вас, за ваше приобщение к иномирию!

— Спасибо! Но право не знаю, что лучше — знать это всё или не знать?

— Лучше, конечно, не знать, но ведь это иное выбрало вас, а не вы его, так что теперь для вас лучше знать, чем не знать. *(Пауза)* Хотя бы для того, чтобы стать мне полноправной союзницей и *(улыбается)* быть уже для меня куда более желанной сотрапезницей.

— Справлюсь ли?

— А куда деваться, миледи?

— Миледи?!

— А как вы думали! Вы теперь негласный член невидимого ордена, разумеется, не масонского, не какого-нибудь клерикального, а так... вольно-метафизического.

— И что от меня требуется?

— Ничего!

— Как это?

— Да так: время само покажет!

— Вы хотите сказать, что я в конце концов стану действительно другой?

— Назад дороги нет, ибо вы посвящены и кое-что непотребное, хотя и важное, уже знаете, а знание это вас не только не покинет, но даже и преобразит, — *само (акцентирует на слове)!*

— Так вы ещё и мастер туманных перевоплощений!

— Преображений... и только, причём с большой буквы Мастер — иного тут не дано (*смеётся*)!

Совместная винная пауза.

— Не беспокойтесь, ради бога! Вас никто, никуда и ни для чего не вербует. Быть избранницей Иного, не значит быть им намертво завербованной. Слышите: всего лишь избранницей!

— Жаль! Как хорошо, быть кому-то для чего-то нужной! Разве мне не надо что-нибудь этакое делать?

— Ровным счётом ничего, просто — быть, но быть всё-таки другой. Смекаете?

— Постараюсь... читая хотя бы вашу «Метафизику».

— Причём придёт время, когда это всё непременно в вас скажется. Запомните мои слова: скажется! А уж моя метафизика непременно!

— Тогда уж скажите — уважаемый тайный наставник, — над чем вы сейчас работаете, если, конечно, не секрет?

Пауза.

— Как вам сказать... я ведь всё главное для образованной, так сказать, аудитории уже сказал... так что остаётся лишь что-то сказать уже для себя... что-то вроде признательных показаний. Когда-то же надо с собою объяснить... э-э...осмыслить тобою сказанное, как до него дошёл... может, более всего себе самому и уяснить, зачем и для чего всё это... э-э... тобою сотворённое... мало кем и воспринимаемое, а по преимуществу ведь упорно отвергаемое. (*Пау-*

за) Так что для себя теперь пишу, не оглядываясь, как прежде, на гуманитарную взвесь и не обращаясь ни к какому возможному читателю, в особенности к близкому, как будто бы даже и дружественному.

— Интересно!

— Ай, бросьте: либо не прочтёте, как это почти все из соратников моих делают, либо всего лишь пролистаете, так ничего всерьёз и не восприняв! Ведь такая теперь у всех занятость, столько всяких забот, да и читка сия тяжкая, почти что и пыточная, — скучная и излишне, даже и опасно, энтропийная... для самих же читчиков.

— Э-э... нет... почему же?

— Не стесняйтесь, говорите правду, я к факту нечтения моих текстов давно привык, меня это уже не удивляет, а сейчас, честно говоря, мне не только всё равно, но даже... даже и как-то презрительно.

— Ну вы зря так уж сильно, вас знают, а если не откликаются... так ведь их понять можно... да и признать их правоту совсем и не зазорно.

— Так я и признаю её, да только что мне от этого?

— У вас же всё, как вы сами выражаетесь, в затекстье, а как туда попасть, да и с чем?

— Вот именно! Очень меня наши образованцы разочаровали. *(Пауза)* Хотя, быть может, они и правы: неча ту-ману напускать, яснее надо быть, проще! *(Пауза)* Но что поразительно, есть они, — единицы, конечно, — да не только лишь крутые знатоки всего и вся, а и сами по себе незаурядные мыслители... есть и молодые, совсем зелёные...

ещё и рецензии на мои тексты пишут, вполне, знаете ли, толковые!

— Ну вот видите, не так уж всё и плохо!

— Да-а, — внимательно глянув на собеседницу, протянул седовласый мудрец, — не так уж и плохо, а надо-то ведь не это, не только это, а кое-что и другое... я ведь для мира человеческого соображаю и пишу, а он... он тотально к сему безразличен, что, кстати, и доказывает, что не бытие кругом, а инобытие, в котором и антибытию неплохо можетя. *(Пауза)* Женщины в основном и спасают... этикие сестры милосердия, которые сердцем чувствуют, душою своей метафизической.

— Стало быть, какой-то инодушой, так?

— Только не думайте, что такими особями пруд пруди, их тоже единицы, но они есть, что правда, то правда. *(Пауза)* Вот и выпьем за женщин... в хорошем смысле, конечно, включая и вас, уже призванную... но ещё не ставшую!

— Тостик-то ваш не без сарказма, но возражать не буду.

Винная пауза.

— Ладно, не дуйтесь... с женщинами только и можно откровенно поговорить, разумеется, с редкими. *(Пауза)* Целительницами и целительницами.

— Я вас понимаю! *(Пауза)* А куда мир-то идёт, не поведаете?

Пауза.

— Да-а, людям почему-то хочется знать, над чем я работаю, хотя не очень-то хочется постигать мною содеянное: кому лень, кому де некогда, а кому и страшно, но зато хочется людям от меня узнать, что там нас ждёт — впереди, чтобы, как водится, сначала со мной не согласиться, возразить, а потом, уже вне и без меня, убедиться, что я бываю не так уж и не прав в своих провидческих заблуждениях, ну и со временем себе много сказанного и присвоить, так, незаметно, по-свойски.

— Как же иначе, так всё и бывает!

— Вопрос ваш замечательный, но еда съедена, вино выпито, портал в Иное сегодня не открылся, а ответ на ваш вопрос требует времени, так что пойдём лучше на Камергерский, может, там нам повезёт, ежели ещё по бокальчику, но уже там, при дверях МХТ — этого царства художественных призраков!

— Совершенно с вами солидарна, пора нам пройтись, да и навестить неугомный Камергерский!

Справившись с расчётно-денежной задачей и церемонно поблагодарив рестораторов, отправляются на Камергерский: она — порозовевшая, он — слегка расслабленный от замечательного бургундского.

Очутившись на Камергерском, выбирают заведение напротив МХТ, устроившись прямо на оживлённой полуночной улице. Заказывают по бокалу розового итальянского с сырной закуской.

— Видите, уважаемая, вон там, на здании МХТ, прослеживается некая надпись: «Мене, мене, текел, упарсин». *(Пауза)* Нет? Не видите?

— Нет, конечно, ничего такого не вижу, уж извините!

— А зря! Да-а, вы ещё только призваны, но ещё не назначены! Придёт время, если, конечно, оно придёт, будете всё подобное ясно видеть.

— Я знаю историю про Валтасаров пир и про эту надпись на валтасаровой стене, но при чем тут наш МХТ?

— Так ведь там сплошное лицедейство, но когда-то — высокое, мастерское, человеческое, а вот сегодня, увы, совсем другое — лёгковеское и пустое, не очень-то и человеческое, как, собственно, и везде, да не в одних только театрах, что само собой, а повсюду, особенно в гордых собою разных медиа.

— Это и есть ваш ответ на мой вопрос?

— Да-а, пожалуй! *(Пауза)* Мир не просто меняется, даже не просто себя отрицает, он сладострастно себя погубляет, но не столько по человеческому опрометчивому велению, да и не по злему щучьему, а по велению...

— Как раз вашей Великой Неизвестности?

— Примерно так! Всё дело в том, что, судя по всему, этот, то бишь наш, мир... э-э... миру иному уже не очень-то нужен, а может, и сам мир иной уже не нужен Великой Неизвестности, — вот и включилась программа удовольственного самоуничтожения посредством техногенного самоопустошения человека и его мира, — не через всеобщий потоп и пока что не через всё и вся испепеляющий огонь, а с помощью свободной антикультуры и уже полюбившейся че-

ловеку умной техники. Хай-мир — это ведь уже и полный нехай (*невесело смеется*)!

Пьют без особого энтузиазма вино с превосходным итальянским пармезаном.

— Мир в испуге от самого себя!

— Замечательно выразились, о-о, достойнейшая, вы, кажется, на правильном пути! Только к этому надо бы добавить — в смертельном испуге!

Немного затянутая пауза.

— Тут нам надо бы вспомнить незабвенного Михаила Афанасьевича с его двумя незабвенными романами — что театральным, что городским. Он ведь бывал тут, — в МХТ, ютился там, работал. Да и сейчас он там. Сталин тоже там бывал, и сейчас он тоже там. Оба там — аки призраки на погосте! (*Пауза*) В общем, то ещё местечко, похлеще Хамовников будет, хотя там — в Хамовниках — Михаил Афанасич как раз и крапал эти комедийно-инферно-финософические кунцроманы, бытуя не в очень-то роскошной квартире в простом трёхэтажном доме, беспокойно стоявшем на грохотавшей трамваями булыжной Пироговке, кстати, в доме, на втором этаже которого, аккуратно над булгаковской обителью, когда-то квартировал сам милейший Григорий Распутин.

— Я бы и ваш «Реквием» сюда охотно прихлестнула, если не возражаете!

— И правильно бы сделали, миледи, не забыв при этом добавить ещё одного весьма крутого хамовчанина — великого художника Павла Корина, совсем недалеко от рас-

путино-булгаковского ковчега творившего в своей дворово-застенной, как в тюрьме, мастерской, выделявая свою гениальную, но тоже немало inferнально философическую «Русь уходящую», на которую, точнее, на портреты уходявших в небытие русичей, приходил заинтересованно посмотреть аж сам великий inferнал Максим Горький. *(Пауза)* Вот такие они — Хамовники, не считая ещё «Палаты № 6», созданной великим юмористом и страдальцем Чеховым по мотивам своего одиночного заточения как раз в одноимённой палате, а теперь вот неподалёку от Пироговских клиник прикованно стоящим в застенном уголке таким неприкаемым памятником, неловко прячущимся за углом от назойливого театра, бесцеремонно надевшего на себя его хрупкое царственное имя!

— Да-а, вот уж совсем не простеньки эти ваши Хамовники — заповедник какой-то, напичканный inferнальными чудесами!

— Верно! Из которого и рвался в за границу Михал Афанасич, как раз в Париж, и куда Сталин его непустил, понимая, что сей писака ему был тут нужен, в Москве!

— Не в отместку ли Сталину писатель отправил Москву в преисподнюю мглу?

— Не исключено! Только, наверно, не Сталину, хотя это, возможно, так и было, а всему этому, или же тому, миру. Да и предвидел кое-что подобное — ведь случилось же с Москвой в 90-е что-то этакое, да и сейчас всё не очень-то просто: уходит мирок-то наш куда-то в Небытие, в Неизвестность, в Тартар, уходит, облегчаясь и опустошаясь, истоиво карнаваля и кривляясь.

— Париж и Москва, Москва и Париж, — странно!

— Да, дорогая миледи, действительно странно: Париж — город мистический, привлекательный, чародейный, он манит, теребит, погубляет, да и сам нынче неуклонно сомоисчезается, как раз по заветам Михаила Афанасича, погружаясь незаметно, но верно в преисподнюю мглу, а Москва... э-э... Москва — город явно не так мистический, как магический, который притягивает, поглощает, гнобит, но и выталкивает наверх, на те же горы Воробьево-Ленинские, как и сталинско-булгаковские тоже, и хотя стала Москва было погружаться в 90-е в пучину Небытия, вдруг, как бы очнувшись, начала подниматься, устремившись, сверкая разноцветными искусственными огнями, в беспросветное для нынешнего землянина будущее, — вот она мистика, магия и мания Иного, пойдика, пойми что-нибудь из всего этого, да ещё и по-научному!

— Ага-а, выходит, что нет тут явных причин и явных следствий, как-то всё само собой происходит, может, с чем всего труднее и согласиться, как и под воздействием извне, как вы это охотно утверждаете.

— Не то слово: не охотно вовсе, а вполне и неохотно, скорее даже, вынужденно! (*Пауза*) А ведь недооценивают у нас Михал Афанасича, не видят в нём великого мудреца-волхва, да и Сергия Булгакова тоже ведь не ценят, который тоже был великий мудрец, тоже вынужденный апокалиптик, но, в отличие от своего киево-московского однофамильца, искавший всё-таки выход из надвигавшейся вселенной катастрофы, обращаясь не к дьяволу, делающему через ложь дармовое добро, а к Софии, склонной не к дела-

нию добра или того же зла, а лишь к приоткрытию глупому homo sapiens жёсткой незёмной правды.

Пауза.

— Интересно тут с вами, дорогой NN, но время бежит и, кажется, к кое-какому завершению прибежало. Пора и честь знать!

— Неужели! Ничего себе, только разговорились, а тут... э-эх... ничего не поделать, надо линять... ничего себе... как быстро!

Расплачиваются за угощение и идут, немало озабоченные и даже чуть понурые, на угол Дмитровской вызывать боеспособные яндекс-таксомоторы, не преминув подумать, каждый по-своему, о возможности новой между ними доверительной встречи.

Судьба

Далеко не каждый, а лишь имеющий сию возможность, идёт по жизни *своим* путем, да ещё и *своим* ходом, — нет, вовсе не планово предначертанным, но иной раз промыслительно всё-таки как-то заданным, а потому и выходит у него в жизни что-то от заложенного при рождении, что-то от обстоятельств, что-то от него самого, а в итоге *такое* получается, *какое* получилось: что-то от того, что было на роду написано, что-то от текущей вокруг и внутри идущего по жизни неотвязной реальности, что-то от собственного произволения, а что-то и от сваливающего на человека всемо-

гущего рока, в общем — *судьбы*, которая и *суд Божий*, и *суд человеческий*, и *суд мировский*, ну и *иномировский* тоже.

Ведёт человека по жизни, помимо внешних обстоятельств, его сознание, не исключающее и бессознания, а сознание в свою очередь, тоже ведётся человеком, то есть сознанием же, но не только, ибо тут работают и коллективное (общественное) сознание, оно же и ноосфера, и запечатлённая в ноосфере и в сознаниях культура, и само беспредельное бессознание тоже, и, наконец, трансценденция, а что из всего этого действует больше, эффективнее и сильнее, так кто ж это из смертных знает?

Копайся в себе, не копайся, просеивай контекст, не просеивай, верь в то же Иное или не верь, а всё одно — *тайна*, как последнее из возможного всеобъясняющее *ничто*!

Тайна, на то и тайна, чтобы обходиться без велеречивой молвы, а лишь загадочным *безмолвием*!

Судьба ведёт и творит человека, его сознание, а человек со своим сознанием ведёт и творит свою судьбу, хотя и не всё в своей судьбе и не всю свою судьбу — далеко не всё и далеко не всю, однако, иной раз, и многое, и даже решающее, — это уж что и кому выпадает и удаётся.

Отшельник наш, конечно, сам во многом творил свою судьбу, осознанно творил и не очень, но и судьба немало творила его, — так вместе они и дошли сначала до туманной метафизики, затем до неявного Иного, потом до смутноликой софиасофии, или мудрости мудрости, что как раз и увенчалось для него городским или публичным отшельничеством — не так собственно бытийным, как ментальным,

идейным, гносеологическим, мировоззренческим, культурным, культовым, в общем — напропалую *сознаниевским*!

Иным в итоге стало его сознание, уже не просто личным, как у всех, а именно *иным* — не только как и у всех по-своему особенным, а как вовсе не у всех особенным — мало что единичным, так ещё и запредельно единичным — *неотмирным*, как раз и бросившим его в конце концов во вполне воздаянное отшельничество.

Сознание его, всё больше и больше наполняясь знанием и оттого изменяясь, как бы поглотилось в себе самом и поглотило его самого в самом же себе, а, вылившись в его замысловатые — что говорить! — тексты, стало настолько в нём доминировать, что он уже не подлежал ни какой-либо иной для себя экзистенции, ни к какому-либо иному, кроме *неотмирного*, восприятию себя и окружающей его реальности.

Сингулярное состояние сингулярного сознания!

Владелец и раб собственного, вполне себе сингулярного относительно себя и мира, выворачивающегося из себя ради существенного восприятия себя и мира, сознания.

Сингулярное сознание!

А раз так, то и, всегда находясь среди людей, он всё больше ощущал себя вне их, отчего и явилось непременное в таком разе *отшельничество*, утешительно согревавшееся собственными иллюзиями и беспощадно и зло подогревавшееся иллюзиями с чуждой и даже враждебной ему внешней стороны.

Иллюзия — сила!

Да, сознания и когнитивы переполнены иллюзиями, мало того — само сознание и сам когнитив в значительной, если не в решающей, мере — *иллюзия*, — но и это не всё — сама реальность, сам мир, само бытие тоже недалеко ушли от относительного, вполне уже онтологического, *иллюзионизма*.

Однако есть иллюзии и иллюзии, — и кое-какие из них вполне корреспондируют с реальностью, её составляют и делают, даже и ведут за собой. Есть иллюзии как иллюзии (вроде тех же вещей в себе), а есть иллюзии, которые вовсю работают в гуще реальности, да ещё как здоровски работают!

Физика вроде бы не иллюзия, хотя иллюзорного в ней хватает, а вот метафизика, как обычно кажется просвещенцам — чуть ли не сплошная иллюзия, — и это факт! Однако той же гуманитарной реальности метафизика куда как адекватнее, чем та же физика, ибо что в гуманитарном мире не самовольная и не самонадеянная иллюзия?!

Выходит, что метафизика, будучи вроде бы сплошь иллюзорной, оказывается куда более познавательной, оценочно и акционно работоспособной, чем физика, которая для гуманитарной сферы не просто большая иллюзия, а иллюзия весьма и весьма вредная, если не попросту губительная.

Откуда такое убеждение?

Нет, не только из-за имеющегося взаимосоответствия между ментальной метафизикой и гуманитарной реальностью, а и по причине позитивного практического эффекта от применения метафизической гносеологии и метафизиче-

ского концептуализма относительно гуманитарной, вполне себе и вроде бы иллюзионной, реальности, который — сей эффект — не просто имеет место, но и оказывается вокруг поразительно *действенным* при больших по глубине, высоте и масштабу познавательно-оценочно-прогностических заходах на текущую реальность!

Отшельнику нашему было время, — чуть ли не в четверть века, — убедиться в справедливости сего позитивного в адрес метафизики методо-акционного заключения: одно дело — исследование, обобщение и анализ феномено-фактической стороны реальности, в чём не только нет ничего плохого, но что и абсолютно необходимо, пусть и с кое-какими поправками на условность, неполноту, ошибочность и даже недостоверность тех или иных получаемых наукой объективных-де данных, однако совсем другое дело — выявление сущностно-смысловой подоплёки происходящей (и проходящей перед глазами) реальности, что требует не только поверхностной феноменологии и зримо ухватываемой фактологии, а и ментально-интуитивного проникновения в реальность, в сферу реально-ирреального запределя, как раз проникновения туда, где ничего зримого и документально фиксируемого нет, но где как раз всё главное для воспринимаемой человеком реальности и решается.

Наука как чистая наука способна много чего увидеть и зафиксировать, но мало что она может объяснить и, тем более, *провидеть*, на что как раз всего более и способна метафизика, в особенности, софиасофская, имеющая дело не только с суетным Нечто, но и с величавым, могущественным, своевольным и неодолимым Ничто, которое только

кажется ничего не значащей пустотой, а в действительности это насыщенная смыслами и их превращенческим движением «Тьма», вовсе не застойная и уж, тем более, не мёртвая, вполне себе и живая, только иначе живая, совсем не по-зёмному, а как раз по-иномирному.

Сначала наш герой схватил, как древнерусский богатырь, метафизику, за её не убранный вовремя от него, пусть ему и невидимый, но зато осязаемо шершавый, можно сказать, что и змеиный, хвост, а потом, уже со временем, сама метафизика обвилась вокруг него невидимой, но гибкой и сильной, вполне и шершавой, змеёй, накрепко повязав героя с собою, ни на миг не отпуская его от себя и взамен открывая ему, в знак признательности за его смелый и дерзкий выход к ней, кое-какие сокрытые тайны текущей вокруг земно-мировой, в особенности как раз гуманитарной, реальности.

Так внезапно, хотя и не в один приём, будущий отшельник стал пленником метафизики, мало того — допущенным к её чудесным запретным законам, но зато и не могшим, в силу обретения кое-чего из потаённого, её — метафизику — оставить, да, собственно, чего он сам уже никак и никогда не желал.

Наш герой настолько сплёлся и сжился с метафизикой, нашедшей в его личном сознании поле щедрый на особенную и самую что ни на есть адекватную интерпретацию более чем онтологической реальности более чем гносеологический образ в виде *софиасофии*, что уже никак не мог не то что расстаться с метафизикой, а даже подумать о чём-либо из идейно-мировоззренческого, бытийно-концепту-

ального или даже функционально-происходящего без обращения к метафизическому подходу к реальности, причём в его — этого подхода — софиасофской облатке.

Случился в творческой жизни нашего героя **великий перелом**, ознаменовавшийся в итоге сначала выходом за пределы общепризнанной, если не прямо официальной, науки, а потом и вырывом за пределы собственно науки — в пространство чистого метафизиса и чистой метафизики, что увенчалось в конце концов превращением учёного мыслителя в мыслителя-мудреца, да не просто в мудреца, а мудреца софийского — *софиасофа*, что не могло не привести его — *избранника Иного!* — ко вполне естественному экзистенциально-размыслительному отшельничеству, означавшему не так личное одиночество, хотя и не без этого, как чрезвычайную особость его личности, её творческого «я» как ментально-идейно-духовного феномена, вовсе не такого уж и личного!

Не ангажированность тут, не прихваченность, не прельщение и не обречённость, а всего лишь ... *служение* ... нет, вовсе не истине, которую никто из смертных вполне не знает и знать не должен, а всего лишь доступной избранному смертному ... *правде* — то ли никогда не бывшей в распоряжении зёмного человека, то ли им произвольно утерянной, то ли непозволительно им забытой, то ли нарочно им самим или кем-то ещё умерщвлённой.

Россия

Ах, Россия, Россия, распутная, замордованная и чудесная страна, страна-загадка: что ты, откуда и зачем ты, куда ты, с какой целью?

Нет ответов — *молчит Россия* — уходя немедля в Тень, в Навь, в Иное, едва слышав неудобный для себя вопрос, да не то что куда-то уходя, а ещё и выпуская из себя какое-то дурманящее защитное марево и напуская это обезумливающее марево на любого вопрошающего безмолвной невидимой завесой: думай, что хочешь, стране российской всё равно, хотя и не всё равно самой по себе России — как идеи, как концепту, как трансцендентному зёмному феномену с горьковатой неотмирной закваской, что заставляет вопрошающего задавать и задавать свои вопросы, ища ответов не так у России, которая молчит, как уже у самого себя — *русского!*

Россия есть, но её как бы и нет, России вроде бы нет, но она — *есть!* Бытует, исчезая и возвращаясь, самоотрицаясь и самоподтверждаясь, умирая и возрождаясь — *воскрешаясь!* Многолика и разноцветная, такая и сякая, покладистая и буйная, сонная и бодрая, неподвижная и беглая, робкая и отважная, покойная и вздыбленная, застойная и бунташная, а всё одно — *Россия!*

Не очень-то всё-таки верно было сказано, что понять Россию невозможно, кое-что понять в ней всё-таки можно, но лишь в смысловых координатах *Иного*, а вовсе не *Этого*. Этот мир и этот человек Россию действительно не очень-то

понимают, как Россия, видно, их тоже не очень-то понимает, а ежели они о России что-то этакое мнят, то лишь что-то поверхностное, частное, кривое — больше плохое, чем хорошее, — во многом ошибочное, если не заведомо ложное, а то и попросту лживое.

Вообще о России принято судить в основном не по-русски, а либо по-европейски, включая и «научный» подход, либо очень уж по-свойски, то бишь... никак, да и судят по преимуществу фальшиво и фантазийно: сколько бытует всяких мифов о России, из которых львиная доля вполне себе злостного антирусского пошиба!

Философии России (именно философии России, а не философии о России и уж тем более не философии в России) как не было, так и нет, хотя кое-какие заходы не преминули занять место, опять же немало по мифотворному разряду. А Россия требует не просто руссификации, которого как целостности тоже, кстати, нет, а как раз *философии*, причём настоящей философии — *метафизической*!

Неотмирность, как и более сильное — *иномирность*, отсутствующие в размыслительном арсенале руссификаторов понятия (главным образом, у историков), а зря, ибо сии понятия служат как раз главными опорными смысловыми ориентирами в деле идейного восприятия и концептуального понимания России как необычного земно-космического феномена.

А Россия именно такая и есть: мало что особенная и уникальная, так ещё и *не от мира сего* она, вроде того же юродивого, а если хотите, не от мира сего и юродивая! Вне общепризнанных она порядков, уставов или тех же консти-

туций, оттого в России и власть директивно-силовая, и население в ней служебно-армейское, когда все за всех и никому не до себя, однако всё это не мешает России подвергаться злосчастной неотмирной коррозии и периодически сокрушительно падать, чтобы вновь тяжело подниматься, уже и под другой непременно личиной, и вновь устанавливать свою зёмную телесность, противостоящую иномирной стихии и её даже укрощающую, — опять же на срок!

Порядок в России — что-то вроде многомерной решётки, вовсе не неподвижной и не такой уж неодолимой, — отчего в России всё время даёт о себе знать не так закон (узелок решетки), как *понятие*, эта всего лишь тень от узелка в решетке — это гибкое, обходное, даже и разрушительное для решетки с её законами и общим порядком орудие — *справедливой несправедливости*, или же, наоборот, *несправедливой справедливости*. Отсюда культ правды, совести, справедливости, пусть и весьма лукавый, ну и, само собой, культ «понятий», куда более, кстати, праведный, чем культ законов.

Разной по образу бытия, по его форме, механике, внешнему обличью и текучему лику проходит своё историческое движение Россия, настолько разной, что иной раз кроме русского (и проторусского) языка в ней ничего *своего*, не считая закономерной поведенческой симптоматики, и не остаётся.

Когда-то, в глубокие и глухие доисторические времена, да и в ранние исторические тоже, Россия не то что Россией не называлась, но даже и Русью не прозывалась. Да и никакой такой страны вообще не было, хотя были какие-то

народы, несшие в себе если не генотип, то хотя бы геном будущей Руси-России. Сии народы мигрировали, сливались с другими народами, образовывали новые (синтезированные) народы, но геном или хотя бы ген будущей Руси-России непременно в них сохранялся, выживал, всегда давая так или иначе, в то или иное время, в том или ином месте, как и в той или иной ситуации о себе знать.

Собственно, это и была некая прото-«Русь» — неизвестная, невыраженная, сокрытая. Затем пришло время ведической прото-«Руси», уже не столь неизвестной, заметно уже и религиозной. То была уже «Русь» — «Русь» изначальная, ещё не зрелая, не кристаллизованная, но уже служившая явной генно-содержательной средой для будущей Руси, которая, как более или менее принято считать в официальной истории, явилась на свет как Русь норманнская (принорманнская), или рюриковская, сначала как ведийская, а затем, после крещения Руси при князе Владимире, как христианская (сначала просто прихристианская), или византийская (квазивизантийская), и, побывав 200 лет подордынской, превратилась, всё более на свой лад христианизируясь и даже вновь византизируясь, в Святую Русь («Третий Рим»).

Продержавшись таковой с пятков веков, заартачилась вдруг и пережила страшную антиправославную, да и антирусскую, Смуту, а потом, едва восстановившись и попытавшись вновь обвизантизиться посредством Никоновской церковной реформы, приведшей лишь к расколу русичей на старообрядцев и на обновленцев, то бишь на неправильных и правильных де русичей, оказалась, заполучив окончательно-

ное поражение святорусского византизма, насильно и революционно съевропеизированной на манер западного ренессанского европеизма, превратившись в квазиевропейскую Русь, или в собственно Россию, сохраняя при этом многовекторный идейно-концептуальный кентавризм — евро-византо-архаический (с так называемым языческим наследием, никогда начисто не исчезавшим из духовно-культурного кода русичей, отчего господствовавшие на Руси иноземные идеологемы всегда в итоге обретали некий своеобычный квазихарактер).

Волевая и беспощадная европеизация Руси, превратившая Русь в Россию, совпала с окончательным утверждением в стране *геополитического имперства*, к которому Русь тяготела ещё со времени первых Рюриковичей (деяния Олега и Святослава очень в этом плане красноречивы, включая и заговорную гибель отважного и деятельного Святослава). Европеизированная Петром Великим Россия, повоював с той же Европой в лице агрессивной тогда Швеции, всегда зарившейся на норманское-де на Руси наследство, хоть и всячески пыталась, заключая династические браки с европейскими престолодержателями — вплоть до онемечивания Романовского царского дома, но так и не вошла в сонм полноценных-де европейских государств, а потому, будучи вроде бы европеизированной, осталась для Европы достаточно инородным телом, хотя и хаживала вынужденно и победно по отгоняемой от себя вероломной Европе, занимая и покоряя её столицы, вмешивалась в европейские дела, весьма определяя кое-когда текущее жизнеотправление Европы, правда, без всяких завоевательных

целей и колониальных относительно Европы амбиций, охотно признавая Европу, как именно Европу, стремясь к ней, заигрывая с нею и, хоть и немало в сердцах проклиная сию лживую и коварную вещунью, по-своему даже любя: Россия относилась к Европе как верная ученица к любимой учительнице, она жила Европой, отдавая ей культурное во всех смыслах первенство, признавая её идейно-творческое лидерство, подражая Европе, тащась от неё и за ней, разумеется, не совсем уж слепо и некритично, а к рубежу XIX—XX вв. так и вовсе уж критично, ибо ученица уже явно перерастала в идейно-творческом плане свою неоднозначную наставницу.

Ну а великая прохиндейская наставница, страшая могущества России, как и зарясь на её безмерное природно-пространственное достояние, уготовила России захватнические колониального пошиба войны, в которых Россия, как могла, от прохиндейской наставницы отбивалась, а отбиваясь, забредала иной раз и в саму Европу, беря в полон её столицы немало и вмешиваясь в её внутриевропейские дела, даже Европу контролируя, а Европа, обуянная алчностью, страхом и ненавистью к России и не надеясь на одни лишь против России войны, уготовила непокладистой восточной еврососедке не что иное, как якобы благоденственную для варварской с её точки зрения России вполне себе проевропейскую... *Революцию*, от которой правящая Россия хоть поначалу и отпрядывала, но в итоге отпрянуть так и не смогла.

Внешняя для России паневропейская *анти*Россия сошлась тогда в едином и упорном наступлении на «царскую

Россию» с внутренней для России проевропейской *анти-Россией* — и революционное дело, не без помощи очередной большой европейской и в то же время антироссийской войны, было таки сделано: Россию потрясла тоже большая, как и эта война, антироссийская революция — сначала в либерально-капиталистическом обличье, а затем в диктаторско-социалистическом, но что интересно: в первом варианте как традиционно де европейская, а во втором — как уже европейского происхождения, но всё таки уже и антиевропейская по замыслу и концепту, революция.

Это ведь Европа породила социалистическое, а в более последовательной интерпретации коммунистическое, движение, а вот реально воплощать его в революции и в постреволюционном образе нового-де бытия она стала именно в России, разрушая Россию (якобы всего лишь «царскую Россию») и отрицая походя устаревшую-де либерально-капиталистическую (и «демократическую») Европу, — и всё это ради будто бы совершенно иного устройства человеческого бытия на планете Земля — трудо-де-коллективистского.

Важно иметь в виду, что воистину проевропейская в плане новой европеизации России революция в России была вовсе не нужна Европе, — зачем такой конкурент классической Европе, — а вот одновременно антироссийская и антиевропейская революция была, что называется, в самый раз.

В итоге навязанной России, ею воспринятой и ею же порождённой, революции и последовавшей за ней кровавой братоубийственной войны с её массовым террором, гигант-

ской разрухой, как и в итоге всех архиреволюционных преобразований, отринутая, опрокинутая, оболганная, обобранная и истерзанная Россия как Россия... нет, не рухнула насовсем в небытие, но вынужденно ушла в историческую Тень, а лучше сказать — в Навь (туда — в «тёмную материю»), а вместо России возникло более чем странное образование — СССР (не союз, не советских, не социалистических, не республик), в итоге прикрывшее собою уже кое-какую действительную реальность — *сталинский тоталитарный этатизм*, вовсе не европейского, а скорее — азиатского (деспотического) образца. Боролись за ультрановизну, да ещё и научно-де обоснованную — социализм-коммунизм, а получили не что иное, как новое издание ордынщины, армейщины, рабства, ну и империи тоже, по духу своему вовсе и не российской.

Но что особенно интересно: Россия как Россия хоть и погрузилась основательно в навь, но из яви насовсем всё-таки не ушла — по воле как раз того же сталинизма, быстро сообразившего, что без обращения к традиции, а она была, естественно, российской, даже имперско-русской, да и попросту русской, пусть и с ведо-византо-ордыно-европейскими корнями, наслоениями и чертами, ему — сталинизму — никак было не обойтись, разумеется, отводя традиции и русскости роль подчинённых сталинизму и им командно-управляемых, служебных, трудовых и даже творческих подпорок-подспорьев.

Подмятая под СССР-м, традиционная Россия и вынесла на своих плечах весь этот СССР вместе с его сталинизмом, ещё и одержала целый ряд уникальных побед,

включая и новую мучительно-дерзновенно-жертвенную победу над Европой, — совсем новой тогда Европой — фашизированной!

СССР — не Россия, хоть за Россию и на России державшийся, вполне, надо заметить, и эксплуатационно, и репрессивно, и фарисейски», — говорилось одно, а делалось и по факту выходило совсем другое, хотя имело место и некоторое единение конкретных текущих слов с конкретными текущими делами. Сталинизм не уничтожил, да и не мог уничтожить, напрочь Россию, но зато он её нахраписто использовал, а Россия... что Россия?... побунтовав немало, покорила-таки нечеловеческой силе ради спасения Отечества и себя самой, да и не преминула спасти и сам к ней приспособившийся сталинизм, её в конце концов и предавший, правда, и сам преданный, причём своими же, уже из поздних сталинистов-де — вырожденных и перерождённых!

Да, Россия вынужденно признала нахлобученный на неё и подмявший её под себя жёсткий и непреклонный сталинский СССР, его на себе вынесла, одарив самоотверженностью и беспримерным трудо-творчеством, можно сказать, что и слилась на время со сталинизмом, но ... не породнилась с ним, находясь одновременно как в общей функционально-событийной яви, так и в своей инертно-субстанциальной нави.

Действуя принуждённо в яви и вынужденно сохраняя себя в нави, Россия выполнила грандиозную историческую роль, вполне и фантастическую, одарив собою СССР и сохранив в СССР и от СССР саму себя, — невероятно, но

факт! Функционально — да, это было бесспорное, пусть и вынужденное, единение между Россией и СССР, но концептуально... не то чтобы совсем его не было, ибо СССР многое взял от России, её Традиции, но всё-таки если и было сие единение, то без большой органики, ибо СССР пришёл в Россию откуда-то извне и сел на неё как немалая инородность, пришёл в общем-то ниоткуда (всего лишь из воспалённых голов сначала революционеров, а потом и постреволуционеров, и антиреволюционеров, и правленцев, и господ), и сел на Россию как очень большая *искусственность*, а вовсе не вышел из России как её и только её наследное достояние.

СССР — явление вроде бы российское, но более всего лишь по месту явления, а никак не по сути, — это явление иных — общемирового масштаба — пространственно-смысловых алгоритмов, лишь насадившее на Россию или в неё внедрённое, а потому и должно рассматриваться в больших, превышающих Россию, координатах.

Обман, предательство и покорение России со стороны СССР, а вследствие этого и отсутствие экзистенциальной органики между Россией и СССР, сказались, когда СССР неожиданно, но логично заостенел, скоротечно и вполне логично одряхлел и внезапно, но тоже логично, рухнул вследствие обратного предательства и убийства СССР со стороны как самого СССР, так и мировых, скажем так, обстоятельств а не со стороны России как России, хотя и имевшей к тому немалую мотивацию, но на это не пошедшей, предпочтя по обыкновению своему безмолвие, отстранённость и стоическое терпение.

Не СССР был более всего животворен, а как раз Россия, которая, весьма морально-психологически устав и идейно-духовно износившись, уже не желая, хоть и не сильно это осознавая, тащить на себе заскорузлый и дряхлый СССР (афганщины хватило тут до краёв), а потому не просто позволила СССР свалиться навзничь, не только этому падению, хоть и в меру и в общем-то нехотя, поспособствовала, но фактически и сбросила с себя, того тоже не слишком желая и осознавая, заблудившийся как в 15 соснах-республиках, так и в мировом полуторасотенном «лесе», СССР.

История творится людьми (элитами, прежде всего, тем же мировым правлением, но и деятельными персоналиями, включая и заядлых авантюристов, самозванцев, скрытых или откровенных негодяев, не говоря об истых зверях и тех же аморальных преступниках), она также творит себя сама, творится и внешними, откуда-то вдруг привходящими в бытие-историю инициациями, — и в итоге сих трёх сотворений получается то, что как-то само вдруг и получается, да так, что понять в итоге получившееся даже очень умным и знающим людям не очень-то удаётся — в веках!

Миф текущей реальности, того же СССР, превращается в миф прошедшей реальности, — и оба мифа не только вполне не совпадают, но и, порою, если не как правило, настолько противоречат друг другу (да ещё и в разных вариациях, версиях, концепциях), что между текущим мифом и ему наследующим мифом оказывается мало, а то и вовсе ничего, общего.

Реальность — миф, осмысление прошедшей реальности — тоже миф: что же тогда делать размышляющему по их поводу сознанию? Остаётся лишь одно: приняв всё это во внимание, обращаться к достаточно большим отрезкам и локалиям бытия-истории, когда всё там более или менее перемеливается и балансируется, когда обнаруживает себя *метасмыслогия*, а также обращаться к потаённым глубинным смыслам, этим бытием-историей незнамо как реализуемым, ну и к исходной и неодолимой трансцендентности самого этого бытия-истории.

Да, тогда тоже получается не что иное, как... *миф*, однако более или менее свободный от политической заданности, обыденней трескотни и научной де несомненности, то бишь свободный от всего дурного мифотворного, что кому-то, может, и доставляет кое-какой либо заслуженно выдающийся, либо же незаслуженно скромный, авторский гешефт, но не только не приближает коллективное сознание к пониманию чего-либо из бытийно-исторических реалий, а сие возможное понимание лишь вредоносно для себя и осмысляющего реальность сознания упорно не допускает!

Миражи и реалии

Разумеется, не пустынные миражи, не оптически обманные видения, не колдовские прозрения, не внезапно вспыхнувшие надежды, а некие сами в себе и для себя вообразительные представления (иллюзионные картинки, говорящие открытия, предупреждающие сигналы), возникающие в сознании не без участия сверхсознания, подсозна-

ния и даже бессознания, не говоря уже о каких-то сторонних — тех же иномирных — влияниях, как раз те самые «картинки», осознанно обычно не осмысливаемые, логически не выводимые, рационально не объяснимые, объективистски не доказываемые и до момента своего подтверждения в реальной реальности (будущей, настоящей и даже прошлой) остающиеся некими не более чем предбытийными, как-то мистически самовозникающими, сведениями (некой самоинформацией о чём-то, пока ещё небытийном, но бытийно всё-таки возможном).

Мираж в данном случае — не зеркальное (часто — кривозеркальное) отражение чего-то, обычно не точное, приблизительное, всего лишь на что-то похожее, а предстательный образ чего-то, из могущего ни с того, ни с сего стать, тоже не очень-то точный, вполне себе приблизительный, всего лишь на что-то похожий, даже и в чём-то ложный, но зачем-то и отчего-то являющийся, о чём-то вествующий и совсем не редко оправдываемый своим уже реальным отражением в реальности, если не попросту в ней фактическим воплощением.

Так что речь тут не о миражах как о природных или тех же придуманных миражах-иллюзиях, а о миражах как предвидениях, предсказаниях, предчувствованиях, частью реально исполняющихся, частью нет, а частью вообще уводящих в сторону, а то и просто пускающих своего адепта-миражиста по ложному следу.

Без всех этих миражей ведь нет сознания, иначе оно не живёт, не действует, не рискует, не надеется, ибо сознание нуждается при категорической нехватке (неполноте) ин-

формации в какой-то приемлемой для него истине, в правильном выборе, в верно избранной перспективе, — и этому служат не только разум, логика, расчёт, знания, но и, увы — миражи, ибо сколько всего вокруг незнакомого, незнаемого, невидимого, неопределённого, случайного, стихийного, непредсказуемого, непонимаемого, но при этом не то что вредного и небезопасного, но частенько и попросту смертельного.

Джунгли вокруг, дебри, тайга, пустыня, горы, тундра, что там ещё — города, дороги, перелёты, ну и те же станки, агрегаты, сооружения, автомобили, поезда, да и животные, звери, насекомые, микробы, — и везде риск, а что говорить о жизни вообще, бытии вообще, социуме вообще, том же сознании: чего тут больше — этого или того, а как быть с тем — как раз скрытым, произвольным, внезапным, — хочется что-то знать, управлять и добиваться своего, да вот как это сделать, ежели многое из окружающего мира и своего сознания людям неизвестно, для них своевольно и очень, очень коварно?

Хочешь, не хочешь, а введёшь в дело реальный-де мираж, ему поверишь, ему или за ним и воспоследуешь! А дальше? Это уж что сам мираж выдаст: либо исчезнув бесследно, либо во что-то реальное, пусть и не вполне и как-то иначе воплотившись, либо заведя в тупик, а то и в скрытую яму, если не в «чёрную дыру», чтобы поверившему в мираж там и исчезнуть.

Чтобы убедиться в том, что всё-таки есть он — мираж, о котором речь, то достаточно указать на какую-нибудь утопию вроде коммунизма (недаром был наречён призра-

ком!), благотворительную-де революцию, назревшую-де реформу или ту же манковую перестройку, на ловкую ваучеризацию или, скажем, заманчивую финансовую пирамиду из тех же ГКО 1997 г. (о разных «мавродиях» мы уж помолчим!).

А ежели ближе к нашему герою, то можно указать на мираж гуманитарной науки с его благотворным-де значением для человека, социума, цивилизации, как раз тот самый мираж, который достаточно воодушевлял нашего героя в его движении по пути «Знание — сила!»

Подобных интеллект-миражей предостаточно: от политэкономии, от философии, от той же математики, ну и от религии тоже, причём именно миражей — как образов чего-то, чего на самом деле нет, но что о себе почему-то заявляет как некая значимая, весомая, путеводная, пусть ещё только возможная, но всё-таки реальность, точнее — предреальность.

Сначала является мираж вроде той же, к примеру, философии хозяйства для нашего героя, а потом и его — этого миража — содержательное наполнение с воплощением в ментальную гуманитарную реальность.

Ничего заведомо плохого в миражах нет, хотя они могут быть как априорно, так и апостериорно вполне себе «плохими», что не мешает им оказаться вдруг и вполне себе «хорошими»!

Миражи тут — не те ментальные миражи, что упрятаны в словари — как всего лишь гуманитарные иллюзии, нет, тут всё посложнее и поинтереснее, ибо тут, знаете ли,

сама экзистенция с её метафизисом, которого вокруг в избытке!

Вот та же Франция, хоть и изучалась усердно нашим героем, но была не чем иным, как ... миражом, пусть и не внезапно возникшим где-то там в подсознании, а вполне себе рационально сделанным, пока сей мираж вдруг внезапно не приблизился к самому миражисту и не стал для него реальностью, тоже ведь, увы, немало миражной.

Можно, конечно, оспорить и даже опровергнуть сей подход к феномену миража, да толку-то: мираж от этого не перестаёт быть тем, что он на деле и есть, а именно — миражом!

Вот в СССР уходит из жизни страстотерпец генсек, отчего вузовским начальством поручено «препам» объясниться по этому поводу со студентами, — и наш герой, слывя за «француза», едва не пустив искреннюю слезу, вдруг выдал своим юным слушателям: «Вместе с этим человеком ушла эпоха, какой бы она ни была, но в целом спокойная, мирная, благополучная, хотя, может, и застойная, и тягостная, а впереди нас ждут большие неопределённости и серьёзные испытания, возможно, что и роковые». Притихшие студенты тогда ничего в ответ не сказали, только молча и настороженно сие выслушали, а вот через пяток лет вдруг поведали на неофициальной (братской!) встрече любимому преподавателю: «Как вы были тогда правы, NN!»

А ведь всего-то у него, этого NN, случилось тогда лишь внезапное миражное видение будущего, пусть и не точное, размытое, почти что и никакое — как раз воистину

миражное, однако... сбылось ведь, пусть может, не через пяток лет, так уж через десяток, — точно!

Вот ещё примеры, может, и не столь внезапных, однако тоже не из логически выводимых прозрений, как раз вполне или весьма миражных.

Конец 1980-х, научно-практическая конференция в Киеве, организованная ещё союзным МИД'ом. Наш герой на трибуне и говорит при полной тишине в зале: «Региональный хозрасчёт, о котором здесь шла речь — путь к развалу СССР, а перестройка явно ведёт к капитализму». Садится в гробовой тишине на своё место, к нему поворачивается какая-то сидящая впереди дама и раздражённо бросает: «Как вы смеете лишать людей иллюзий?» А ведь было сказано нашим героем о горячо желавшейся процветающей реальности на всё-ещё-де-социалистической Украине! У них там был свой мираж, у него — свой, — и какой же из них стал сущей реальностью, пусть и через крутые события 1991—1993 гг., как и лукавые «преобразования» последующих 1990-х?!

Другой случай. Ноябрь 1988 г., Берлин, аккурат после визита (как потом стало ясно — вполне себе предательского) советского перестроечного генсека и аккурат перед грядущим сносом Берлинской стены. На чаяния немецких друзей о возможности перехода к новому демократическому социализму, чего тогда желало чуть ли не большинство населения ГДР, наш герой ответил: «Конец социализму и, надо полагать, ГДР тоже, впереди капитализм и яростная вестернизация», хотя он тогда ещё ничего из этого достоверно не знал: ему лишь явился мираж, пусть и размысли-

тельный, переживательный и тоже, как на Украине, восходивший к другому, вполне тоже благостному, как на Украине, миражу, как затем и со сходным исполнением именно этого — неблагостного — миража.

Ещё случай. 1996 г., Санкт-Петербург, Таврический дворец. Большая научно-практическая конференция. Наш герой говорит с трибуны, когда-то бывшей думской, с которой кто только не выступал в царские, революционные и последующие времена (аж, жуть!): «Хватит революционной реформы, пора переходить к постреформной антиреволюции!». Аплодисментов, как водится, не последовало, стало, скорее, онемение, перемешанное со страхом, а потом, уже в кулуарах, и осуждение: «Как это так, только начали что-то менять, а тут пора кончать, да это и против правительственного курса, нехорошо!». У каждого ведь был свой заветный перестроечный мираж, а вот у нашего героя, аж во какой!, который, конечно, не воплотился в жизнь вполне, но частью всё-таки реальность зацепил, сначала посредством действий так называемого «консервативного правительства» в 1938—1999 гг., а затем уже в 2000-е, в ходе стабилизации странового бытия, даже его подъёма, а ведь насколько полной, ещё и претенциозной, — то ли при этом слепой, то ли безрассудной, — нелепостью сей демарш многим тогда казался!

А теперь кое-что о других миражах, совсем уже для науки непотребных, зато кое-что важное сказавших и почему-то без особого промедления воплотившихся в реальность.

Внезапно почувствованное нашим героем в 1982 г., ещё даже не подступившее роковое время, таки пришло через десяток лет в родную страну и пришло оно в виде странного во всех отношениях, как и немало страшного, фантазмагорического сна — жуткого, безысходного, тягучего!

1991-й год! Августовские события: ГКЧП, бесконечное «Лебединое озеро» по ТВ, толпы озабоченных, недоумевающих и негодующих людей, вошедшая в город армия, первый президент РФСР на танке, поражение обезглавленного ГКЧП, театральное возвращение блудного первого президента СССР в Москву — из... Крыма! — кое-какие показательные аресты и сонм внезапных выразительных смертей, в общем — тяжкая, тревожная, пораженческая, а для и кого-то, наоборот, победная, осень 1991 г.!

Наш герой, тогда вовсе не отшельник, а весьма приобщённый к верхам действовавшей до августа власти (в роли интеллектуала, конечно), бывший в августе на отдыхе в славном городе Сочи и вернувшийся в сентябре к уже разбитому безвластному корыту, замещённому новым властным корытом, видит в замершем, напряжном, болезненном октябре месяце удивительный сон, что будто бы он не где-нибудь, а в Кремле (где, кстати, уже бывал в легендарных властных кабинетах), в каком-то обширном казённом помещении вроде того — сталинского, посреди которого стоит большой стол, на который помещён гроб с покойником, покрытым белой простынёй, а около гроба какие-то люди, среди которых будто бы и сама первая из первых советских леди, и ему — нашему герою — почему-то ясно, что в гробу

как раз не кто иной, как первый из первых советских президентов!

Герой наш подходит-де ко гробу, задирает у изголовья простыню и видит, что покойник... живой (!) и даже смотрит на него внимательно своими тёмными, как уголь, глазами! Тут наш герой будто бы говорит, обращаясь к присутствующим у гроба: «Так ведь он живой, зачем же он в гробу?». Тут герой наш просыпается, как водится, в шоке: «Ну и ну, что это всё значит?!». Потом, поразмыслив, догадывается: «Президент, видно, останется живым, но перестанет быть президентом, а в гробу оказался не так собственно человек, как его функция». Так всё вскорости и случилось!

О близком конце СССР наш герой тогда не подумал, хотя и мог бы, как думал когда-то и говорил даже со студентами о возможности гибели СССР в случае неудачных социо-хозяйственных реформ — ещё в 1970-е гг.

Можно, разумеется, во всё это не верить, господа, по это было именно так: что в 1970-е, что в 1980-е, что в 1991-м, что потом в 1990-е гг.!

Что ж, явно вещим оказался тот сон, посетивший вдруг будущего отшельника в октябре 1991 г., а то, что сей сон мог-таки явиться тогда нашему герою, свидетельствует тот факт, что герой наш если и не был в тот момент сторонником главного прораба перестройки, поскольку кое о чём уже успел догадаться (ах, этот притягательный иудизм!), на зато был реальным противником избравшегося в июне того же года будущего главного погубителя СССР, исполняя роль негласного советника и даже основного спичрайтера на президентских выборах 12 июня 1991 г. его противни-

ка — бывшего союзного премьера, так что герой наш реально бытовал тогда между вполне себе реальными, исходившими сверху, неустанно менявшийся между собой местами, ролями и значениями, вроде бы миражными Сциллой измены и Харибдой предательства!

Не имея ничего против самого по себе СССР и даже КПСС с её социализмом и советизмом, выступая за их преобразование, поддерживая до некоторых пор затеянную в стране перестройку (более опять же миражно, чем реально), наш герой, как и многие другие порядочные люди из того исторического момента, немало надеялся на благотельные перемены в стране, как вскоре выяснилось, надеялся вполне наивно и вполне зряшно: сказывались, с одной стороны, добротная морально-культурная основа детства, юности и всей последующей жизни в единой гигантской и по-своему тогда уникальной стране, среди в высшей степени достойных людей, самоотверженно создававших большую, невиданную в истории трудо-общественную цивилизацию, пусть и с проблемами, бедами, потерями и жертвами, но зато с какими великими достижениями (победы, победы и победы!), а с другой стороны, сказывались как недопонимание истинной природы человека, вообще очень даже склонного, причём в массовом порядке, к тому, что одним словом можно назвать с позиции нашего героя и ему подобных особей не чем-нибудь, а... *нелюдством*, так и недооценка масштабов коррозии того, что называлось СССР, КПСС, социализмом, советизмом, включая и небывало бескорыстный патриотизм, как и недооценка всего этого советско-социалистического яростных противников, да что против-

ников — врагов, оказавшихся куда похлеще каких-нибудь отъявленных воров в законе.

Не сразу осознал всё это наш герой, совсем не сразу, но всё-таки осознал, чему тоже пришёл свой срок, да и не только в связи с гибелью СССР, КПСС и всего остального социалистического и советского, а и, знаете ли, вообще — очень даже вообще, что, конечно, свершилось попозже, уже в иные времена, в иных обстоятельствах, в иных исторических разверзиях, однако ж свершилось!

А тогда — как раз в отверзнутые новой революцией времена, — нашим героем ещё владела то ли историческая, то ли всё-таки внеисторическая, хоть и благородная, но вполне себе глупенькая... наивность, питавшаяся верой в ЧЕЛОВЕКА, расчётом на РАЗУМ, надеждой на... смешно ныне сказать... СОВЕСТЬ!

— Ха, ха, ха!

И много тогда по-гоголевски посмеялись, и отважно по-есенински разговелись, и на горе себе по-булгаковски прозрели.

Тогда же, в годы ещё только наметившегося перелома (1990—1991), наш герой предлагал одному уважаемому профессиональному издательству проект уникальной по замыслу книги по экономике «Ни план, ни рынок», который был отвергнут контролировавшими издательский интеллект-поток и раздражёнными по поводу сего замысла академиками, затем попытался кратко изложить возможный вариант национального хозяйства для СССР — как раз средний (без никакого господства ни плана, ни рынка, но зато с наличием свободной, но при этом и управляемой,

экономики), для чего направил адекватную сему замыслу статью в главную партийную газету страны, где она пролежала полгода с конца 1990 до середины 1991 г., да так и не была напечатана (колебались издатели газеты, будучи даже «за», но... курс был уже тогда, ещё до августовских событий, окончательно взят на Запад, — так кто же тогда был первым по порядку зачинщиком разгрома СССР и всего с ним связанного — первый президент РСФСР или же первый президент СССР, а-а?).

А далее, уже более всего в 1992 и 1993 гг. пришлось нашему герою заниматься спасением хотя бы чего-нибудь, чему когда-то присягал, — и кое-что удалось сделать: спасти, пусть и частично, и не так, как того желал наш герой, партию, из которой (КПСС) не выходил, но в которую (КПРФ) не вступил, предпочтя уже личную свободу, как и удалось как-то противостоять отъявленным («Хуже бандитов, — по меткому замечанию одного умного спецслужбиста, — с бандитами хоть договориться можно») реформистам и русофобам, сдерживая распад уже и самой России.

Что-то тогда удалось, что-то нет, но совсем уж зряшных усилий и деяний всё-таки не было, — как раз в самое провальное для страны время, — сохранившаяся в его душе наивность всё-таки помогла: кое-какое, кое-чего и кое-кого достоинство удалось-таки удержать, включая и его — нашего героя — собственное!

Он не стал сближаться с новым режимом, немало при этом и рискуя, хотя и не примкнул, как уже заявивший о себе зрелый интеллектуал-государственник, к крикливой оппозиции, а, идя своим путём, боролся, как мог, за родную

страну, за память предков, за отправленную в изгнание человечность.

Сказать, что он в итоге проиграл — нельзя, ибо не он проиграл, а проиграла вся страна, весь её трудовой люд, вся добропорядочная Россия. Явным стался тогда их проигрыш, хотя и не полным. А он, наш герой... нет, не проиграл, он даже выиграл, сбросив благие иллюзии и обретя наконец-то правду, — да ещё какую по сути правду! — как раз ту самую — жуткую, жгучую, леденящую!

Однако всё это было потом, а пока, в первые и последующие 1990-е, он пребывал в гуще текущей, с избытком и гнусной, реальности: надеясь, недоумевая, борясь, переживая, разочаровываясь, ошетиниваясь, очищаясь, становясь совсем уж другим.

Он был на стороне Верховного Совета, выступившего в теперь уже проклятом 1993 г., хотя и не без всё большего сожаления и одобрения в стране вспоминаемом, против возникавшего тогда под водительством первого президента РФ колониально-прозападного и по-нашему вполне себе криминального режима, хаживал к Белому дому, всматривался в людей, вслушивался в их разговоры, различая в толпе как борцов-идеалистов, так и зевак с провокаторами, участвовал в народных крестных ходах вокруг Белого дома, навсегда поразившись однажды какому-то особенно красному закату за «Украиной» и жутковатому виду как бы наполненной кровью Москвы-реки, что расценил как предвестие (опять мираж!) кровавой развязки, что, собственно, и случилось, не без участия зарубежных инструкторов и

стрелков, как и прочей иностранной нечисти, включая гнусное американское CNN.

В ночь перед восстанием, устроенным защитниками Конституции, нарушенной разудалым президентом РФ, то бишь ещё 2 октября, идя по inferнально пустому и кладбищенски затихшему центру города к станции ещё работавшего метро и наблюдая, как расходились по местам ночной дислокации какими-то обречёнными групповыми тенями повстанческие патрули, он озабоченно и сокрушённо повторял про себя : «Где армия, где... армия?..», многочисленные начальники которой, как стало ему потом известно из первых уст, обещали поддержку Верховному Совету, но... армия не пришла, сохранив-де политический нейтралитет, за что потом и поплатилась почти полным себя же развалом, устроенным в её адрес новым, миролюбивым-де режимом.

На следующий день — 3 октября — наш герой стал свидетелем в общем-то ненужного и крайне тактически ошибочного восстания противников нарождавшегося режима, которое началось с захвата повстанцами московской мэрии, которая была аккурат рядом с Белым домом, а также с неудачной попытки захвата Останкинского телецентра, где войска МВД не постеснялись открыть огонь по наступавшим, как стало быстро известно, за офицерские квартиры.

Стал он свидетелем и провокационный схватки на Смоленской площади между подошедшей откуда-то со стороны Октябрьской площади протестной толпой и отрядами явно немосковской милиции, нарочито уступившими после короткой стычки площадь толпе, тут же устроившей анти-

президентский митинг, двух главных провокативных организаторов которого затем, когда толпа ушла, торжествуя, к Белому дому, наш герой видел на Арбате недалеко от МИД'а, мирно, с усердием и со смаком что-то уплетавших за вынесенным на мостовую кафешным столиком. Известные то были медийные... э-э... чуть было не сказал... люди, а на самом-то деле... э-э... самые что ни на есть обыкновенные нелюди!

А у Белого дома копилась возбужденная масса людей, образовывались отряды повстанцев, грузившихся в автобусы, увозившие их в Останкино, в общем — Смольный 1993 г.! — однако... вдруг озабоченный вздох массы людей — то привезли на «Скорых» первых раненых из-под Останкино. Хмурые лица оттуда прибывших бойцов, краткие рассказы о стрельбе там по людям, о многих убитых. Первый сполох поражения! Обидно, грустно, страшно!

Окончательная расправа с восставшими случилась уже 4 октября, в этот вполне себе чёрный для русско-российской истории день.

Герой наш был тогда у себя на рабочем месте, в компании со своим замом. Смотрели по телевизору (ах, эта гнусная CNN вкупе с нашим подлым телевидением!) невнятно происходивший штурм Белого дома и внятно показанный по ТВ расстрел Белого дома из танковых орудий. Дом чернел на глазах от пожаровской копоти. Что творилось внутри него, никто не знал, даже чёрные медийщики не знали, а сбежавшимся на невиданное представление якобы ещё людям мерещились трупы и только трупы, горы трупов, — а как же иначе?!

На душе у двоих вынужденных телезрителей было тяжело, они глушили досаду, скорбь и бессилие по русскому обычаю — водкой. Герой наш не выдержал: «Они ещё ответят за это, мерзавцы!» (опять мираж!), а по щекам его текли слёзы, как это было когда-то у него над гробом матери, а потом и отца. Нет, он вовсе не раскис в тот чёрный октябрьский день, он просто попался на стресс разочарования, гнева и жажды возмездия, не очень ещё осозная, насколько далекой от любой праведности окажется наступавшая под гром танковых орудий новая, вовсе уже не миражная реальность, впрочем, с вкраплённой в неё не совсем ещё исчезнувшей среди людей немиражной праведностью, даже среди весьма тяжкой жизни оказавшейся немало и действенной.

Горько было нашему герою расставаться в тот подло-исторический момент не так даже с уничтожавшимся яростно и методично строем, в котором он по-честному возник и которому честно, как мог, служил, а с... человеком, тем самым... э-э... ЧЕЛОВЕКОМ, в образ (мираж!) которого не только свято верил, но и которого был долгое время реальным свидетелем и совместником.

Убиение человека в человеке, и кто же тут убийцы?!

Их много — этих убийц, мало что легион, их тьмы и тьмы, прикрывавшихся обманом, иллюзионизмом и ложью, они всюду и они всюю действуют, немало и правят, нарочито и торжествуя!

Думаете, что в тот страшный миг наш герой так вот взял, да и окончательно прозрел? Вовсе нет! Полное прозрение наступило позже, а вот острая занозочка великого

сомнения относительно человека засела- таки в его замутившейся душе — до срока!

До какого же... э-э... срока, ежели не до срока Страшного Суда?

О-о, он не знал, хотя и знал, что срок сей непременно наступит.

Почему знал?

Да просто так, по кочану, ибо так всегда было и будет в России — сначала стилет в спину и ловкая-де победа, а потом — через время — бумеранг из топора и страшное конечное поражение!

Так всегда было и так всегда будет!

Россия, на то и Россия, чтобы быть и оставаться...Россией!

Шли воистину дивные, ну пусть всего лишь лихие, 1990-е. Человек как человек насовсем не исчез в гуще античеловеческой нечисти, несмотря ни на что он оставался, был, жил, точнее — выживал, сдерживая полное погружение страны и её насельников в апокалиптическую дыру.

Да, их время — время порядочных людей, по преимуществу тогда коммунистов — кончилось, как почему-то с ненавистью и, как оказалось, не напрасно, бросил в лицо нашему герою ещё где-то в середине 1980-х один лезший без очереди за арбатским кофе с нежным пирожным великовозрастный идейный нахал, и казалось, что именно так и стало чуть ли не навсегда, но... всё-таки не совсем, не совсем, ибо всё ещё оставался человек как человек — униженный, оскорблённый, теснимый, гонимый, но... оставался, пусть и в своём метафизическом безмолвии, мало того,

он даже выжил в жуткие, привольные и беспредельные 1990-е и продолжается до сих пор, хоть и упорно, весьма при этом изощрённо и даже изящно — через те же СМИ, новое искусство, невидимый менеджмент и всеохватную цифру — изживается, заменяемый гибридным человекообразным существом вроде того же получеловека-полукомпьютера — киборга.

После кровавых событий 1993 г. и, как всегда, всенародного одобрения в том же неправом году новой де конституции, пошла вскачь реформа, разумеется, в обстановке развала, анархии, разбоя, но зато в русле хорошо продуманной и отлично проведённой по выверенным заокеанским рецептам ваучерной приватизации.

Начатая мошенниками от политики и продолженная более всего уже мошенниками от экономики революция, — вовсе не так антисоветская и антисоциалистическая, как антинародная, антироссийская и, главное, античеловеческая, набрала крейсерский ход, провалившись на мгновение в ею же самую выкопанную яму финансового дефолта 1997 г., впрочем, саму революцию никак не поглотившая, наоборот, даже поддержавшая: крепким в тот момент выглядел и проявлял себя замысел стратегического переделывания не одной лишь России, а и всего мира: революция-то вершилась глобалическая и вполне, знаете ли, глобалически — ловко и беспощадно!

Потребовалась, правда, спасительная антиреволюционная корректировка, которую осуществили, аккуратно после провального пребывания и руля страны бойкого младореформатора, прозванного в народе киндерсюрпризом, а ныне

готовящего для страны амбициозные кандидатуры на высокие административные посты (опыт-то какой!), так вот на его — киндерсюрприза — место пришли на редкость удивительные персоны, скажем так, зрелореформаторского, можно сказать, что и консервативного, толка, во мгновение ока выправившие провальную экономическую ситуацию, за что и заслуженно поплатились, вызвав животный страх у алчных неореволюционеров и самого «всенародно избранного», будучи незамедлительно отправленными в отставку.

Однако, в эти последние дни 1990-х, а это уже шёл 1999 г., кое-что любопытное и по-своему знаменательное происходило и непосредственно в жизни нашего героя.

Где-то в начале 1999 г., когда ещё вовсю действовало санитарное правительство во главе с ныне уже великим после его ухода из жизни деятелем современности, позволившим себе, в знак протеста против воздушных нападений США и НАТО на Югославию демонстративно развернуть над Атлантикой премьерский самолёт, летевший в США по случаю каких-то важных переговоров, аккурат в знак протеста против воздушных нападений США и НАТО на Югославию, именно тогда, в начале 1999 г., приснилось вдруг пока ещё только будущему отшельнику, что он стоит де рядом со «всенародно избранным» и удивлённо говорит ему: «А вы, ЕЁ, не такой уж и высокий, как мне казалось, вы совсем не намного выше меня!».

Проснувшись, вовсе при этом не в поту, наш герой, поразмыслив, понял, что, видно, «уменьшается» в своей значимости президент, а может, и покинет вскоре свой пост,

оставаясь при этом пусть и не в полном, но в сносном здравии.

Вспомнилось почему-то нашему герою, как он, выступая летом 1998 г. перед учителями (так уж случилось) в русской глубинке и говоря о необходимости антиреволюционных перемен в стране, заметил, что июньский ураган, пролетевший над Москвой и вдаривший по Кремлю, был мистическим указанием не только к большим переменам в стране, но и к уходу действовавшего (точнее, бездействовавшего) президента в отставку (что, надо особо подчеркнуть, не было одобрительно встречено выслушавшим его почтенным собранием!)

Но это не всё: состоялось в Джи-фонде заседание круглого стола по актуальной в тот момент проблематике. Вёл заседание сам экс-президент СССР. Когда очередь выступать дошла до нашего героя, то между ним и экс-президентом произошёл такой разговор:

— Основная ошибка перестройки и реформы, — заявил наш герой, — состояла в чрезмерном разгосударствлении всего и вся, в чём есть и ваша доля вины, ГГ.

— Да-а, согласен, был грех!

— А что касается вопроса, что же сейчас делать, то здесь не так важно знать, что делать, ибо тут никакого секрета нет, как воля что-либо из нужного делать, которой как раз сейчас и нет.

— А кто, — оживившись, заинтересовано бросил ведущий, — проявит эту волю?

— Нужно хотя бы не мешать действующему правительству.

— Верно, оно вполне может справиться, если ему не мешать! А президент, — вдруг заметил ведущий, — должен уйти в отставку, сам уйти, добровольно!

Вот такой случился тогда диалог. Что касается спасательно-спасительного правительства, то оно как раз и было вскоре отправлено в отставку, а вот об уходе «всенародно избранного» как-то вокруг особенно тогда не помышлялось. Однако... однако неисповедимы пути, да не только Господни, но и, знаете ли, человечьи тоже!

Вскорости возымела место и вторая встреча нашего героя с экс-президентом ушедшей в небытие великой державы — краткая, в один миг, глаза в глаза. «Да-а, — подумал будущий мудрец-отшельник, — и в самом деле в глазах этого меченого гнездится самая настоящая... бездна!», о чём наш герой вычитал в брошюре одного известного украинского поэта — видного перестройщика, называвшейся не более и не менее, как «Князь тьмы» и писанной аккурат об этом загадочном «меченом», как сразу прозвал его наш якобы простодушный народ. Поэт много общался с президентом по государственным делам, был к нему весьма близок, многое что знал тогда и не мало чего узнал потом: кто, что, откуда, зачем? Тут великая тайна, вполне и бездная, хотя и прикрытая лёгкой, радужно переливчатой мальтийско-масонской вуалью.

Будучи в Париже в 1982 г., наш герой имел счастье читать в газете «Le Monde» о мало кому ещё известном «бэби из политбюро», как о будущем генсеке, которым он и стал в 1985 г. не без внезапной протекции знаменитого «Мистера Нет», почему-то сказавшего в пользу «бэби» во-

все не сакраментальное в данном случае «Нет», а вполне роковое «Да», причём сделал он это не где-нибудь, а в предсловутом овальном кабинете Белого дома, как раз того самого — настоящего!

Нельзя пройти мимо в связи с этим Белым домом, рассказа, услышанного нашим героем от одного известного в 1990-х российского деятеля, о его — этого деятеля — беседе в этом самом доме с первой леди США (заметим, не с любвеобильным президентом страны или хотя бы с вице-президентом, либо, уж на худой конец, с госсекретарём, а, смешно сказать, с... женой президента (весьма, как оказалось, амбициозной дамой, чуть не ставшей первой женщиной — президентом США, но зато легко и алчно угробившей великого и несчастного ливийского лидера вместе с его невеликой, но тоже несчастной, страной), так вот, рассказ был о беседе с американской миледи на предмет не более и не менее, как шанса рассказчика стать у себя в стране, то бишь в России, премьер-министром, — каково, а-а?!

А тут, видишь ли, «Мистер Нет»: был «Нет», когда и пока можно было, да вдруг сплыл, став в одночасье «Мистером Да», — вот и вся тут недолга!

Как же всё это понимать? А никак: европейцы же мы, а не какие-то там дикари! Опять же подвуальные, а это, знаете ли, и вещь, и весть, и дело, и измена, в чём герой наш убедился не по книжкам, а при посещении масонского храма в самих же США, да и не только в этом он тогда — в 1997 г. — убедился, а и во вполне возможном (не о сроках тут речь) падении имперских США чуть ли не в сопровождении гражданской войны и собственного распада.

Да-да, так всё и было, так всё, кажется, и есть! И миражи тут и реалии!

А знаешь, читатель, сколько разных масонских лож на той же социал-революционной Кубе? Сказать? Ну так вот — девять! Не слабо, правда?!

Но вернёмся к нашим славным 1990-м, к их последнему году — 1999-му.

Что тогда случилось в стране да исключением отставки воистину эффективного, но очень уж оказавшегося опасным для народившегося режима, правительства? А случилось прежде всего явление на московском политическом Олимпе одного очень не приметного ни ликом, ни голосом, ни жестом петербуржца (ранее ленинградца) — сначала в роли руководителя основной спецслужбы и секретаря Совета безопасности, а потом ни с того, ни с сего и... премьера (!), как-то вдруг возобновившего войну на Северном Кавказе, ставшей затем, что важно заметить, вполне себе и победоносной.

В общем, лицо без особо очерченного рисунка, вроде опять же какого-то миража, но при этом, как оказалось, лицо классного разряда — победительного!

Что ж, чего не бывает на белом свете, особенно в невозможной, несуразной и несбыточной России!

Потянулись тогда в Москву и разного рода питерцы, как-то незаметно рассеявшиеся по разным узловым и небездоходным местам.

Никто и подумать не мог... э-э... о перевороте, — ну пусть не о перевороте, а всего лишь о крутых переменах во

власти, — но что-то этакое тихо, негласно и споро так произошло!

Не думал ни о чем таком (переворотном) и наш проныцательный-де герой, хотя и видел вещий сон об уменьшении в росте действовавшего тогда президента страны и слышавший категорическое мнение о нём экс-президента бывшего СССР, пока не грянул гром — добровольная-де отставка аккурат в канун нового 2000 г. первого по счёту президента Российской Федерации! Тут уж мираж из сна воплотился напрямую в реальность, доказывая лишний раз, что мираж — не совсем мираж, а и очень даже возможная реальность.

Но это не всё: преемником ушедшего президента стал... тот самый премьер, который мало что сам был как мираж, но и был он прямо из миражного града Петербурга!

Ха! Вот вам, друзья, и операция «Ы», совершенно, знаете ли, совершенная, мало того — блестящая, если вспомнить деяния одного литературного лица, тоже бывшего без рисуночного лика — булгаковского Афрания из «Мастера и Маргариты», того самого, с которым сам Понтий Пилат уважительно беседовал на папертях своего дворца!

Ну а вскорости, уже после того, как премьер стал президентом, все вдруг увидели, что страной правит не просто новая, а именно... петербургская, команда, явившаяся как мираж и ставшая вовсе не миражной реальностью.

И вот не мог наш будущий отшельник не вспомнить тогда об одном примечательном разговоре, сопровождавшемся показом рисуночных картинок, который состоялся у него с одним знающим человеком высокого армейского

звания, причём как раз в миражном Санкт-Петербурге, в 1996 г.

«Вот смотрите, — говорил тогда генерал, показывая нашему герою рисунки одного человека-провидца, вовсе не художника, — здесь вы видите человека на танке среди толпы людей, ясно, что это наш нынешний глава государства в августе 1991 г., а ведь рисунок был сделан гораздо раньше самого этого события — таким было видение у автора этой картинки. А вот другой рисунок, — продолжал показывать и говорить генерал, — на котором, как вы видите, карта с Финским заливом, Кронштадтом и Петербургом, опять же с памятником Екатерине II, надо всем этим возвышающимся, тоже видение, но вот о чём? Пока нам не ясно, но что-то же это значит!»

Уже в первые двухтысячные годы, всё тут стало вдруг проясняться, когда произошёл переход властной инициативы в России вновь к Петербургу, городу по духу своему не так российскому, не то что уж русскому, как европейскому, при этом и чисто имперскому, а потому и в меру лишь этого пророссийскому, по уж никак не промосковскому, не прорусскому городу — городу онемеченного Петра и обрусевшей Екатерины — русского-де проевропейца и вроде бы прорусской европейки.

Недаром, видно, до сих пор ходят слухи о том, что даже сам Сталин подумывал о переносе столицы снова в Петербург (тогда в Ленинград), да политические события, связанные с высокопоставленными ленинградцами-петербуржцами, которым стареющий вождь перестал вдруг доверять, свели на нет эти планы: вместо переноса столицы

в город на Неве на город сей выпали лишь яростные репрессии.

В итоге не столица вернулась в Петербург, а Петербург взял, да и взошёл победно в столицу, — факт! Почти, надо заметить, по-ленински, по-большевистски, по-революционному!

Но вот для чего?

Явно не для поддержания и укрепления Москвы как столицы, а, скорее, для того, чтобы раз и навсегда вытравить Московию из Москвы, не считаясь с её коренным, всё ещё изрядно русским, духом, то бишь исполнить подзатухшие было намерения Петра I повыветрить блаженную Русь из России: созидавшаяся Петром новая Россия никак уж не могла припахивать посконной Русью, столичной главой которой продолжала оставаться ненавистная ему Москва, окроплённая им кровью москвитов.

Однако просто так Москву из Москвы не выдуть, — и уж ежели попытаться сие сделать, то лишь вытесняя московитский дух квазизападным мороком, да ещё и самым-самым — постмодерновым, искусственным, технотронным, нейроэлектронным, содержательно разреженным, пустым, не брезгуя при этом и вторжением в Москву Корана с азиатами, пусть и не такими уж продвинутыми по части Постмодерна, но зато надёжными по части вытеснения из Москвы остаточной русскости.

Коли не верите всеми этому, господа, то посмотрите повнимательнее на нынешнюю Москву — Москва ли это?

Зашторить мавзолей, конечно, можно, а вот как зашторить всю Москву?

Остаётся одно: наполнить её чуждым ей... нет, не духом, конечно, а... смрадом, вполне, знаете ли, и охмуряющим, — вроде знаменитой «Черемухи», — да вот удастся ли, ибо Москва — город-то чародейный, кстати, и имперский тоже, однако не по волевой назначенности вовсе, а по исторически взращённой сути!

Чем же запомнился нашему герою последний месяц последнего года в череде лихих, рваных и вихревых 1990-х годов — 1999-го?

Очень даже по-своему знаменательным событием в жизни будущего мудреца-отшельника: бандитским по манере — внезапным и коварным — на него нападением, как раз 9 декабря, в Юрьев день, аккурат связанный мистически с его родительским зачатием в последний предвоенный год, ну и, заметим особо, нападение сие произошло в год шести с учётом декабрьской личных для нашего героя символических девяток — 9.09.1999!

Он никак не мог тогда понять, что значит занять пять рождественных девяток с шестой дорожественной девяткой в один год, пока не случилось ему оказаться, может, и не на краю жизни и смерти, но зато в полной темноте, без сознания, будучи мастерски вырубленным прямо у подъезда своего дома, разумеется, оказаться и ограбленным, но, что особенно важно, очнуться, стоя на ногах, без следов снега на одежде, не валявшись, следственно, причём стоя метрах в десяти от места нападения, напротив своего подъезда, в тех же, примерно, от него метрах. Недалеко у тротуара стояла машина, в которой сидели какие-то два человека, о чём-

то спокойно между собой разговаривавшие, явно не они, не эти!

Этих он потом вспомнил, разговаривая со срочно вызванным следователем, как раз троих, окруживших его полукругом в троллейбусе, на котором он ехал от метро до первой же остановки. Почувствовав какой-то неприятный холод, исходивший от этой троицы, он отошёл к другой двери, из которой и вышел, не обращая внимания на остальных выходивших из троллейбуса пассажиров.

Направился к дому, ничего не подозревая (шёл с конференции, после встречи с коллегами-друзьями, немного подвыпивши). И вдруг... около дома, под окнами собственной квартиры... темнота, без ощущения какого-либо первичного удара (а били в голову сбоку), затем, уже как во сне, видение: кто-то держит за спиной его руки, а кто-то спереди наносит ему боксёрские удары по физиономии, впрочем, без ощущения в тот момент боли.

Когда очнулся, повторим — стоя (!), с разбитым в кровь носом, без сумки, в распахнутой куртке, без бумажника, достал носовой платок, быстро напивавшийся кровью, бросил его к своей авторakuшке, зачерпнул снега и, приложив его к носу, пошёл, пошатываясь, к подъезду, заметив (sic!) висевшую на приподъездном кустике свою кепочку.

Заявления в милицию писать не стал, а потому не попал в перечень таких же пострадавших, что был опубликован позже в газетах.

Следователь посчитал тогда, что его вели не от этой, ближайшей, станции метро, из которой он вышел, а от той, в которую он входил. Может, было именно и так!

Гематомы, славу Богу, не оказалось, «морда лица» зажила через пару недель, и под Новый год он уже был на работе, похудевший, посерьёзневший, но и, как ни странно... похорошевший!

Пошли сведения о такого рода нападениях на пожилых мужчин интеллигентной наружности — во дворах, у домов, в подъездах, — и всё почему-то нападениях на учёных, из которых в «молотьбу» попали не то что коллеги нашего героя, но даже и его личные друзья. Кое-кто из этих обречённых расстался и с жизнью, правда, не из близких нашему герою!

Одна популярная московская газета вышла тогда со статьёй, озаглавленной весьма красноречиво: «Тайная организация охотится за российскими учёными».

Что это было на самом деле, сказать трудно, хотя кое-что этакое можно было и подозревать, во всяком случае, у некоторых из пострадавших сомнения в факте чьей-то конспиративной операции не было, разумеется, руками бандитских отморозков под видом грабежа.

Отморозки сии, по некоторым закрытым сведениям, были в итоге уничтожены.

Родилось ли у нашего героя от всего этого чувство экзистенциального страха? Нет, не родилось! Скорее, наоборот — возникло чувство... нет, конечно, не отваги, а всего лишь... веры в себя, в своё дело и чувство личной стойкости, хотя, когда наш герой вполне вдруг осознал, что был обречённо выбран — чуть ли не на заклание (как баран!), то цепенящий холодок очень даже пробежал по его сотрясённому молодцовскими ударами немолодому организму.

Так завершались славные 1990-е — что для страны, что для нашего героя, — вовсе не слабо, совсем не одно-значно, весьма, знаете ли, и загадочно!

Ах, эти миражи — как же они здорово в реальности работают!

На Тверской

Прошло изрядное время, прежде чем они, седовласый мужчина и хранящая неувядающую привлекательность женщина, снова встретились, на этот раз на углу Тверской и Моховой, пошлись по весьма оживлённой Тверской, мимо Камергерского и Столешникова, заглянули ротозейно в позолоченный мемориальный Елисеевский, и выйдя из торгового, почти что и сакрального, чертога, свернули сразу после него в улочку, где оказались в добром виноугодном заведении, в котором с надеждой на чревоугодную удачу выжидательно присели за указанный ресторанным распорядителем столик.

— Предлагаю, — заговорил седовласый мужчина, — начать с рыбной закусочки под беленькое винцо, а-а?

— Согласна! С маслинками, конечно! *(Пауза)* Как вам работается в это чудовищно-холодное лето?

— Не скажу, что здорово, как-то очень уж тягомотненько. *(Пауза)* Тут не так лето виновато, как я сам, что-то не очень писательство нынче у меня можется.

— Вдохновения нет?

— Да-а, пожалуй... да и поводов для него особых нет. (Пауза) Не то что совсем исписался, сколько за грань своего написанного, видно, вышел, как раз туда, где уже лишь одна молчанка в законе, пусть и неписанном.

— Стойкое стояние законченного мудреца?

— Если, конечно, не полного идиота! (Пауза) А вот, и наше винно-закусочное достояние прибыло. Так что, как водится, за встречей!

— И за наш с вами благой разговорный жанр!

Удовольствовавшись первым глотком пикантного испанского вина, принимаются за закуску, не забывая и о вновь свалившейся на них возможности непринуждённо и доверительно поговорить.

— Не в комплимент вам, — продолжила разговор дама, — признаюсь, что я увлечённо погрузилась в ваши тексты... какие-то... э-э... завораживающие, как молитвы. Мир наш и в самом деле другой, человек тоже. Кажется, и я сама другая... э-э... уже другая. (Пауза) Если вы не против, то за ваше творчество, — идёт?!

— Отчего нет, можно и за него... за благоговейного моего мучителя!

— И благодетеля тоже!

Виннотрапезная пауза.

— Но дело тут не так в моём творчестве, как в ином видении реальности, меня без спроса посетившем и намертво во мне засевшем.

— С которым вам и очень не просто быть. Понимаю вас!

— Да-а... но вот вы, как и другие вроде вас, а я имею в виду не одних вовсе женщин, но и особ мужского пола тоже, в общем всех, кого так или иначе привлекает... нет, не то слово... кого тянет к бытийной... э-э... не то чтобы правде, а, скорее, к осознанию или просто к признанию принципиальной *инаковости бытия* (*акцентирует на словах*), а для кое-кого и к пониманию всей великой значимости сего захватывающего воображение открытия.

— Да-а... за которым по пятам следует неминуемое воздаяние... тем же одиночеством... как раз для первоходцев.

— Так, наверное... но что тут особенно примечательно: я как бы *сам-себе-мир* (*акцентирует*), но не в плане личной ментально-воззренческой самодостаточности, хотя и не без этого, а в аспекте всего вообще мира, который прямо во мне и сидит... весьма и занозисто.

— Это-то, наверно, и самое тяжкое, хотя по-своему и самое счастливое!

— Да-а... поддерживающее и воодушевляющее, но при этом тревожащее и, увы, снедающее. (*Пауза*) Это хоть вроде бы и мое личное достижение, но... как бы это сказать... и что-то вроде задания, если не тягла, навязанного мне откуда-то извне, в общем — судьба тут, пожалуй что, и сама предопределённость, как я теперь понимаю от са́мого и самогó рождения.

— Если ещё не до рождения...

— Похоже, что и так! *(Пауза)* Вообще-то всё примерно так и бывает: всякая судьба зачинается прямо с завязи плода в утробе матери, причём весьма независимо от родителей и вообще кровных предков, — человеческий генофонд, он же великая генная фабрика со своей собственной геннотропной инженерией — невидимое в зёмном мире событие и непознаваемое в акционных деталях производительное поле, как нам кажется — случайностное, хаотичное, стихийное, но вовсе не исключено, что и весьма намеренно управляемое, для нас, конечно, непостижимо как!

— Кем уродился, тем и угодился! — так, выходит?

— Да-а... программа тут, понимаешь ли!

— И что же, без определяющей роли предковских кровей?

— Нет, что вы, с ролью, да ещё очень даже сильной, но вот чьей и какой конкретно крови, каких предков, какого из поколений, какого этноса, какой вообще мирской локалии, какого времени, да и какого мира?

— И иного мира, надо полагать, тоже? Тогда как же это всё происходит?

— Посредством каких-то откуда-то приходящих геннотропных инъекций — как коловых, так и прицельных. *(Пауза)* Обратите внимание, мадам, как меняется человек — как в сознании своём, в когнитиве, в мыслях и в речи, так и в своём физическом обличье, даже в телесной динамике, в той же речевой артикуляции. Тут какой-то предположенный бытийным нутром генезис, может, не совсем и зёмный, как и не просто космический. *(Пауза)* Большой, сложный и

трансцендентный тут работает механизм, конечно же, не механический, скорее, какой-то метафизический.

— И Ломоносов с Пушкиным оттуда же, из Иного?

— И не только они, все великие оттуда, как и многие не столь великие тоже, Богом, как принято говорить, поцелованные.

— Миссионеры!

— Лучше бы сказать — миссионисты. Это не пропагандисты, как таковые, занятые распространением и вдалбливанием чего-то уже готового, а первооткрыватели, зачинатели, протагонисты, отчего и немалые страдальцы, пусть даже по какому-то из векторов и счастливцы. Ничего не подделаешь, если уж на роду написано! Тут ведь, кстати, недалеко от нас и Пушкин грустит, задумчиво стоя на своём законном пьедестале, так что за него и за всех оголтелых иномирцев, а-а?

— Непременно!

Акцентированная винная пауза.

— Все они ведь меж миров, вроде как между Сциллой и Харибдой, а миры эти для них будто жернова, их — этих послушников иномирья — теребят, — у кого из них сил или той же удачи побольше, тот подольше и держится, но мало у кого воистину добрые концы, если уж у самого Христа случился жуткий зёмный конец.

— Да-а... тут разница лишь в способах неизбежного распятия... от благодарных-де современников.

— Иной раз и самораспятия, что, пожалуй, и страшнее будет.

Пауза.

— Что-то мы совсем уж о грустном, пусть всё идёт как идёт!..

— Ибо в вине не одна лишь истина, но и великая, миледи, безутешность. Может, ещё по бокальчику, тоже беленького, но более лёгкого?

— Давайте! Итальянского! За приближение к Иному!

— Лучше не надо! Иное само приходит, если на то бывает воля Божия. Давайте-ка лучше за приближение к Граалю, причём к русскому Граалю, ибо русскость — не этнизм вовсе, а упрятанная в Грааль тайна, в немалой мере и иномирная.

— Согласна, давайте за это, как и за новые открытия!

Заказывают и получают легкое итальянское вино с порцией подходящей лёгкой еды.

— Насчёт открытий, сударыня, если позволите. Сначала — да, человек, идущий по жизни, что-то для себя ученически открывает и открывает, потом он открывает что-то уже как сориентированный на это дознаватель, но для коекого приходит момент, когда уже познаваемый им мир сам его открывает и сам же ему открывается, делая это, когда и как ему — миру — бывает изволено. Но тут есть одна загвоздочка: даже молитвенно просить мир, не то что от него ожидать перед тобою вдруг раскрыться, категорически нельзя!

— Э-э... это почему же?

— Потому что тут Великая Тайна — как сама по себе Тайна мира и как тайна обращения к сей Тайне мира со стороны смертного дознавателя. Нельзя-с!

— Только ждать?

— Нет, почему же: жить, работать, думать, переживать, ну и страдать помаленьку, а иной раз и вполне цунамисто, если не цианисто.

— Что ж, с этим, пожалуй, не поспоришь!

— И не надо! София, если что не так, бьёт наотмашь, а то и, если подступивший к ней очень уж нахален, до конца! Да-а, до конца!

— А как эту угрозу заметить?

— Ну-у, это не дело нас — смертных, тут ведь край бессмертных, так что не будем больше об этом, да и нам, кажется, уже пора отправляться в городскую мельтешащую оторопь. *(Пауза)* За вас, уважаемая дознавательница и за наше незряшное, надеюсь, времяпрепровождение!

Винный финал.

— А я, кажется, немножко «того»!..

— Ничего, я тоже, так что пойдем потихоньку и... э-э... под ручку... как кот Базилио с лисой Алисой.

— Согласна! Особенно на кота! Надо бы немного пройтись!

— Да, не помешает... глядишь... и Софию повстречаем, не саму, конечно, а мираж, ею нам посланный.

— Как это, коли?..

— Тс-с, всякое ведь тут — в этой расчудесной Москве — бывает. Вперёд!

*Выходят из ресторана и берут курс на распростёр-
тый пред взором молчаливого Пушкина Тверской бульвар.
Пройтись!*

Евронес

1965 г. Он, наш герой, будучи студентом пятого курса, специализировавшимся по Франции, вдруг внезапно попадает в составе студенческой делегации в эту самую Францию, впервые попав вообще за границу, впервые летя на самолёте (Ту-104), впервые в жизни увидев море (в Ла-Рошели), впервые представ пред могилой Леонардо да Винчи в Амбуазе, что на Луаре, ну и впервые окунувшись в Париж, войдя в Нотр-Дам, в Лувр с его «Моной Лизой», в Тюильри с его потрясающей коллекцией импрессионистов, поднявшись на Монмартр и на Эйфелеву башню, гуляя, озираясь, по площади Пигаль с ее загадочно-недоступными девочками, едзя по парижскому метро, видя Версаль, посещая Пер-Лашез с могилой Шопена, Стеной коммунаров и коммунистическим мемориалом.

Впервые, впервые, впервые!

Первое очное знакомство с Францией, возглавлявшейся тогда гордым, непреклонным, стойким генералом — героем Сопротивления и основателем Пятой республики, кумиром многих русских, тогда ещё советских, включая и нашего молодого франковеда.

Париж поражает своей запущенностью и замусоренностью: покрытые чёрной патиной соборы и дворцы, тёмная Консьержери, повсюду на тротуарах брошенные клочки бу-

маги, пакеты, окурки, да не где-нибудь, а прямо возле станций метро, на Сен-Мишеле, в Латинском квартале, на набережных Сены, на Сен-Жермене, везде.

Странно: славный генерал, закопчённые стены и уличный мусор!

Однако было именно так!

Запомнилось молодому франковеду многое, почти всё: и экспансивная Ольга Леонидовна, проводившая экскурсию по многолюдному Лувру, очаровательному Тюильри, пустому и гулкому Музею современного искусства, музею-усадьбе магического Родена, как раз та самая Ольга Леонидовна, которая сопровождала по Парижу всех или почти всех, правда, всё-таки тогда редких, интеллект-визитёров из СССР вроде Константина Симонова или того же Виктора Некрасова, успевшего в путевом очерке о своём первом пребывании во Франции как раз упомянуть в «Новом мире» примечательную Ольгу Леонидовну; запомнилось и не прошедшее мимо внимания газетчиков удивление кандидата в президенты Франции правого толка Тиксье-Виньянкура по случаю прибытия из Парижа в Пуатье тем же, что и он, поездом какой-то вдруг объявившейся через вокзальное радио делегации советских студентов; и пожилой перевозчик в Пуатье — бывший белый офицер из России (первое знакомство с русской эмиграцией); и автомобильные гонки по узким улочкам ночного Пуатье с изрядно подвыпившими французскими студентами за рулём их собственных юрких авто; и разговоры с левого толка студентами-марксистами; и прилёт из-за непогоды вместо Москвы в Ленинград, где

наш герой оказался тоже впервые, с последующей переброской в столицу на «Красной стреле» и т. д., и т. п.

Впервые, впервые, впервые!

Начало очного франковедения, прерванного на некоторое время называвшейся тогда общественной (комсомольской) деятельностью, а затем продолженного заочно в ходе работы над диссертацией, а потом снова очного по причине научной стажировки во Франции, в Париже, в Нантере.

Да, он попал в Нантерр, в «красный университет» — «Париж-10», где как раз начались события 1998 г., ознаменовавшиеся студенческими волнениями по всей стране, баррикадами, схватками студентов-баррикадников с недоумевавшей и сбитой с толку полицией. Президент-генерал, срочно отбывший в германский контингент французской армии, не решился на силовое подавление молодёжного бунта, да и трудящиеся не позволили ему это сделать, выйдя миллионами на улицу в один божий день, выступив в защиту студентов, но и не забыв про свои насущные потребности (то же двухкратное увеличение зарплаты).

Президент-генерал потом ушёл в отставку, воспользовавшись неудачным для себя итогом какого-то там референдума, а Франция, вздохнув свободно, немало либерализовалась по заокеанскому образцу, а вот, когда генерал вскорости умер, то дружно замерла, остановившись, молча провожая под колокольный звон всех французских церквей в последний путь своего героя и вождя, боровшегося за свободу Франции и обеспечившего её величие, хоть и едко отозвавшегося от обиды о «недостойном его миссии народе».

В общем: любовь и... нет, не коварство и не ненависть... а всего лишь нежелание слишком бодро и далеко идти за слишком уж настойчивым в реализации своих патриотических амбиций вождём, уже слишком тогда гедонистически настроенных французов.

Время славного генерала прошло — как раз в ходе 1960-х, когда стало приходить время и других великих всеещё-европейцев вроде Монро, Брандта, Пальме, даже и всеещё-американцев (Джона, Роберта и Эдварда Кеннеди, того же Ричарда Никсона), которые потом были либо отстранены, либо ошельмованы, либо, увы, физически устранены — с глаз долой! Наступало другое время — либерально-глобалическое, оно же и откровенно inferнальное, апогей и агония которого как раз ныне — уже в XXI в. — наблюдается всюду, угрожая зёмному миру расчеловечиванием и уже последним Армагеддоном.

Да, тогда, в 1960-е, в особенности в их второй половине, и тебе Пражская весна с вводом в Чехословакию союзных войск; и тебе диссидентура в СССР; и тебе становившийся всё более известным и притягательным властителем дум Солженицын, высланный вскоре за границу, куда потом попали и другие, включая и того же Виктора Некрасова (уж не без влияния ли на то — разумеется, косвенного и невольного — очаровательной Ольги Леонидовны?), и оставшийся в Англии по своему вроде бы желанию автор знаменитого «Бабьего яра» Анатолий Кузнецов и т. д., и т. д. Модёрновый консерватизм дряхлел, на историческую арену выходил, аки разбойник-искуситель, молодой, яркий,

дерзкий, сладострастный либерально-глобалический Пост-модерн.

Чего-чего, но сексуальной революции с воцарением в вузах и школах анархо-беспорядка революция 1968 г. добилась, хотя это была, конечно, не революция, а так себе — вспышка протеста против всего сразу, однако, как сейчас принято говорить, эффективная.

Тогда ещё не понимали, к чему дело-то идёт, а потом... потом... не то что было поздно, а было уже попросту зряшно сему сопротивляться: эпоха сменялась эпохой, что и стало происходить на глазах у нашего новоиспечённого русского европейца, посещавшего тогда разные европейские страны, включая и Англию с Югославией, но только в Болгарии, а вовсе не в Польше, не в Чехословакии или не в той же Венгрии, встретившегося с откровенным, вполне и наглым, скажем помягче, недоброжелательством — отказом от обслуживания в ресторане (1968), — прямо-таки по Достоевскому, предсказавшему, что первыми, кто из «братушек» отвернётся от русских, будут, увы, болгары; поляков он ставил на второе место, оставив навсегда с русскими лишь сербов, да и там ведь не всё так уж просто — молодёжь сербская тянется к Западной Европе, как когда-то русичи тянулись к Византии, а потом тоже — уже вроде бы не русичи, а русские — потянулись в Европу, да и сейчас тянутся, да что тянутся — льнут!

Нельзя пройти мимо ещё двух евроэпизодов в тогдашней жизни нашего героя.

Первый — английский, точнее, советско-английский, когда европеец наш, будучи в 1969 г. в Англии, увидел слу-

чайно по телевизору беседу двух британских писателей с советским писателем-беглецом, как раз автором «Бабьего яра» (повести о том самом расстрельном яре-овраге, что в Киеве). Неожиданно для себя, беглец получил в свой адрес жгучие вопросы-реплики: «Как вы могли оставить Родину, давшую вам образование, в которой вы стали известным писателем, да как вы решились оставить семью — жену и ребёнка, да как вы, который вроде бы боится КГБ, утверждаете, что ваши друзья думают так же, как и вы, — это же для них опасно?», и т. д., и т. п. Бывший советский писатель, отвечая на эти каверзные в общем-то вопросы, терялся, заикался, выглядел растерянным и жалким. Да, это был, знаете ли, всамделишный урок — как неудачного по жизни хода беглеца, так и вполне себе успешного лицемерия англосаксов! Запомнилось на всю жизнь! Через несколько лет в советской газете было походя заявлено о гибели сего бывшего советского писателя, причём почему-то в Бельгии, где он случайно (бывает и такое!) вдруг попал под машину.

Второй эпизод, но совсем другого плана — уже советско-югославский. Тогда (в 1970 г.) наш герой оказался в составе молодёжной из трёх персон делегации — первой официальной делегации после чехословацких 1968 г. событий, приведших к резкому охлаждению югославо-советских отношений. К делегации и её работе было приковано внимание с обеих государственных сторон: как-никак, но тогда вершилась история! После завершения программы визита, перед отлётом на прекрасном ИЛ-62 в Москву, делегация была приглашена к советскому послу, который со вниманием выслушал рассказ о визите и его итогах, задал уточняю-

шие вопросы, а потом бросил присутствовавшему при беседе советнику посольства: «Надо составить и послать специальное сообщение в Политбюро ЦК КПСС. Очень интересный и важный результат!» Где-то через полгода в Югославию прибыла уже полноправная советская правительственная делегация, ради визита которой и старалась «молодёжка», в составе которой довелось побывать и нашему герою. Вот так, понимаешь ли: «Служу Советскому Союзу!». И, надо заметить, служили!

Любопытно, что, бывая в Югославии в 1980—1990 гг., уже как университетский ученый, наш герой встретился однажды с тем самым переводчиком, что работал тогда, в далёком уже 1970 г., с молодёжной делегацией. Узнали друг друга, стали общаться, встречаться, но всё, включая и научные общение с коллегами-друзьями из Белграда, прервали натовские 1999 г. бомбардировки Югославии, того же Белграда, и последовавшие за ними внутривнутриполитические и межэтнические перемены в замечательной юго-восточной европейской стране, вполне России и братской.

Итак, наш герой — *европеец*, причём не только по принадлежности к европейской стране, но и по погружению, так сказать, во всю Европу, в которой найдётся совсем немного из значимых стран, где он не побывал, оставаясь русским — советским и постсоветским, будучи коммунистом и беспартийным, оставаясь гражданином своей страны. Он познал другую Европу, отчего лучше осознал свою — родную — Европу, а потому был, стал и остаётся безусловным европейцем — по менталитету, культуре, образу жизни, что не могло не сказаться на его частной, про-

фессиональной и гражданской жизни, на его мышлении, творчестве и писаниях. Да, гражданин России, но и, можно сказать, гражданин Европы, но никак не пресловутый «гражданин мира», ибо за этим «гражданством» скрывается лишь... пустота, ничто, нуль, в общем — отсутствие необходимого для полноценной жизни содержания, что никак не подходило нашему герою и уж тем более не устраивает его сейчас, когда он всё, а ежели не всё, то многое, пожалуй что, и главное, из происходящего в мире неплохо понимает.

Человек

Не трудом вовсе отличен человек от остальных зёмных животных, даже и не прямой своей двуножной ходьбой, а... *творчеством*, которое возможно лишь вследствие обретения человеком или же попросту вследствие наличия у человека... *сознания*, а это последнее обязано не труду и не прямохождению, даже и не мозгу как таковому, а вдруг возникшей у человека (может, проточеловека) чуть ли галлюционной иллюзии о существовании... *самого себя* — «Я», «Ты», «Мы», то бишь так или иначе в явлении либо внешнего, либо внутреннего... *Образа!*

Отсюда не добытая посредством разбивания камнем ореховой скорлупы вкусная орешина является собственно человеческим результатом собственно человеческого производственного акта, а выданный вовне или обрётённый внутри себя *образ* — либо просто идеальный, либо ещё и материально в чём-то и как-то воплощённый.

Из самого себя образ, но и перед собой тоже образ, а раз перед собой, то и образ самого себя как именно образа — прямо как в зеркале, обращённом прямо вовнутрь отображаемого им объекта.

Образ — та самая абстрактно-вообразительная *вещь*, она же и *весть*, которую никак не могла дать человеку (проточеловеку) Природа-Мать, но которую мог сообщить человеку лишь Бог-Отец — через откровенческие воображенческие самодействия человека (проточеловека).

В истоке своём человек — Никто, но со временем в этом Никто пробуждается и открывается Некто, которое это Никто, став вдруг Некто'м, называет *человеком*, если, конечно, был у сего события исток — рождение некоего странного и стороннего для Природы и Земли существа, было время его становления как организма, явление затем и «казуса сознания» — появления в этом существе не чего-нибудь, а неприродного и незёмного *сознания*, что и позволило этому Никто стать Некто'м, самоопределив себя в качестве ЧЕЛОВЕКА — некоего природно-неприродного, земно-космического, животно-осознаниенного, зверо-окультуренного существа, если, конечно, не оказавшегося вдруг на Земле уже готовеньким в виде какого-нибудь инопланетянина, оснащённого всеми человеческими атрибутами и лишь назвавшегося в пользу себя самого зёмным *человеком*.

Судя по тому, как зарождается, появляется на свет и обретает сознание (оснащается сознанием) существо, называющее себя человеком, всего вероятнее занос поначалу откуда-то извне относительно Природы и Земли программно-

оформленного зародыша, а роль животворной матери, его выносившего до полноценного организма, могла стать и какая-нибудь вполне себе крутая обезьяна — куда более, чем человек, природно-зёмная божия тварь.

Творение всего мiрового, живого, организменного, разумного, наконец, и осознаниенного, шло во времени и, судя по всему, поэтапно, с пробами, ошибками и корректировками, а главное — весьма последовательно, хотя бы от простого к сложному, от одного целого к другому, от иномирного к сеюмирному, а потом и наоборот, от того же сеюмирного тела к явно уже иномирному сознанию.

Как бы то ни было, но человек, окутанный кромешной тайной относительно не только своего происхождения, но и своего бытия на крошечной единичке мироздания, называемой человеком околосолнечной-де планетой по имени Земля, обречённый сам и только сам осознавать всё вокруг и себя самого тоже, подчиняясь неразгадываемой им до конца изначальной кромешной тайне, ведя с нею безнадёжную, но так ему необходимую для самоутверждения и осознанного бытия, затяжную тяжбу, если не полноценную войну, — иначе он — не ЧЕЛОВЕК, а так себе — тварь дрожащая!

Очувившись не по своей воле в этом мире с иномирной сознаниевой начинкой в своём организме, человек инстинктивно, полуосознанно, осознанно и даже бессознательно двинулся по единственно возможному для него экзистенциальному пути — *созидания своего собственного мира*, используя свои воображенчески-творческие возможности, которые ему предоставило то ли дарованное ему, то

ли ему навязанное Господом Богом в общем-то нечеловеческое по происхождению *сознание*.

Мир человеческий, так сказать, мир промежуточный — между природным и сверхприродным мирами. Да-а, именно так — *промежуточный*, смешанный, даже и гибридный, этакий *микст*-мир, но... *свой!*

Тут оказался чуть ли не вызов Творцу, а может, просто исполнение Его сокровенного желания, во всяком случае — вызывающее исполнение, не директивно-дисциплинарное, а волево-творческое, со свободой, но заключённой в пределы, хоть и весьма кое-где и кое в чём гибкие, но всё-таки *пределы*, причём не только материально-вещественные, как раз природные, но и внеприродные — от той же Неизвестности, а ещё и от самого Сознания, которое, будучи вроде бы беспредельным, всё-таки тоже предельно, хотя бы по параметру доступного ему знания, не говоря об ограниченной выносливости и живучести сознания по причине его атрибутивной потенции к безумию и бессознанию, а также от наличия пределов от Иного и от Божиего, или же сверхприродных, или попросту сакральных пределов, более всего и неодолимых.

Покорность тут сознания и его же бунташность — прямо в одном человекообразном флаконе! Союз да любовь, но и конфликтность со враждой! Сознание — мощнейшая сознательно-бессознательная, весьма и своевольная, сила!

Будучи явно *извнешним проектом*, человек, оснащённый неизвестной ему аттрактивной экзистенциальной *программой*, сначала не слишком осознанно, а потом всё более и более осознанно ощущая и воспринимая себя тоже *твор-*

цом, вольно или невольно выставил *свой*, ему, правда, тоже не до конца известный, *проект* — проект созидания *своего* мира, заложив в свою полную неизвестности экзистенцию, вполне ему не известную, но как-то инстинктивно востребованную, *волевою программу*, которая со временем выразилось как раз в том, что стало называться *прогрессом*.

Всё это происходило как бы само собой, да и так оно в основе и было, но происходило-то достаточно осознанно, волево́, намеренно, чего никак не следует упускать из виду: созидание *своего мира* — весьма и весьма осознанное, пусть и немало стихийное, дискретное, турбулентное, противоречивое, не лишённое ошибок, отклонений и срывов, как и немало страдное, страдательное, жертвенное, кровавое, смертоносное, не говоря уж о роли в нём безумства и бессознания, при этом созидание долгое, многотысячелетнее, можно сказать, и бессрочное: от погруженного в естество и крепко охваченного сакралом первобытного мира (натурально-мифогенного) до перенасыщенного искусством (в широком смысле — как противоположности естества) и весьма уже независимого от сакрала цивилизационного (градо-технотронного) мира.

Чего только не насоздавало человеческое сознание в обнимку со своим же бессознанием: от планетарно-космического масштаба материально-вещественной инфраструктуры вкупе со статодинамичной, вплоть до «умственной», техникой до идейно-духовного, образно-словесного, институционально-функционального сопровождения осознаниенного бытия, что в итоге и вылилось в особый для мироздания человеческий, он же и гуманитарный, он же и

неприродный, мир — мир *слова, языка, речи, культуры, искусств, понятий, права, институций.*

Великий итог попущенной Богом человеческой демиургии!

Великий, бесподобный, угрозный и тревожный итог, ибо никто из человекoв не знает, насколько он угоден Земле, Мирозданию, Господу Богу, да и самому человеку тоже!

Никто!

Сознание

Сознание — это прежде всего *знание*: отвлечённое, абстрактное, воображительное, это знание человеком самого себя и окружающего его мира, знание субъектное, делающее из человека *субъекта*, причём субъекта не чего-нибудь, а самого Мироздания, самой Вселенной, хоть и не равного Господу Богу, но Ему непосредственно корреспондентного.

Но это не всё: знание сие есть знание работающее, знание действенное, демиургическое, способное к развитию, расширению, самообогащению, как и к созиданию не только идеальных внутри самого сознания миров, но и обеспечивающее переделку природного мира, мало того — к созиданию и своего, уже по своему усмотрению, материально-вещественного мира, как раз вполне уже и человеческого.

Сознание — *весь*, но никак не вещь в обычном предметном смысле, его можно заметить, о нём можно говорить, его можно описывать, даже и определять, но его

нельзя увидеть, потрогать, взвесить — его как бы и нет, хотя оно вроде бы и есть, во всяком случае в том о нём представлении, которое само сознание только и может само для себя возыметь.

Сознание, конечно, не само по себе знание, о котором речь, — это по меньшей мере *знание знания*, а по большей — практическое *применение сего знания*, отчего тут не знание как таковое, а именно *сознание*, где «со» означает не только принадлежность знания сознанию, но и возможность, во-первых, знаниевого суждения о сем знании, а во-вторых, знаниевого же пользования этим знанием.

Как же человек использует сие знание, помимо узнавания себя и окружающего мира, как и обеспечения своего первичного физио-необходимого жизнеотправления по линии «Природа — человек — жизнь»?

Обычно о применении знания, наполняющего сознание, говорят в позитивно-конструктивно-функциональном плане, реже в негативно-деструктивном, ещё реже в порочно-патологическом, а всего реже в античеловеческом, вредотворном, смертоносном, как раз о том самом применении, которое заставляет либо усомниться в самой человечности человека, либо исходить из органической двойственности человека — как человека и античеловека вместе и сразу, либо признать, что человек... и не человек вовсе, а что-то, знаете ли, *совсем другое!*

Любопытно, что все эти «либо» можно безо всякой угрозы ошибиться попросту снять, ибо всё перечисленное каким-то непостижимым образом присутствует в феномене, называемом *человеком*, причём называемом, заметим, са-

ним же человеком, ну и им же — человеком — как-то безуспешно всё это перечисленное по обыкновению сужденчески и судейно обходимом, отодвигаемом в сторонку, не замечаемом, скрываемом, старательно по необходимости сглаживаемом.

Зачем, в самом деле, берeditь хоть обыденное, хоть исключительное, хоть грубое, хоть утончённое сознание — и без всего этого немало ото всего этого недоумевающего, вопрошающего и страдающего?

Сознание, это иномирное по истокам Нечто-Ничто, то ли вселённое чуть ли не насильственно в человека, то ли случайно в него попавшее, то ли человеком зачем-то по недоразумению прихваченное, это загадочное Нечто-Ничто, не охваченное пространством—временем, то бишь невзрачная всего лишь точка, но при этом и беспределье она, и нуль — это уж кому как нравится — это самое Нечто-Ничто если и адекватно всерьёз чему-нибудь, несмотря на присутствие его в организме и на вроде бы его связь с мозгом, сердцем, нервной системой, с кровью, наконец, то адекватно всерьёз оно лишь... *Бездне*, — да, да, именно так — *Бездне*, как раз той самой, из которой по воле Господа Бога Творца и возник мир с мирозданием, появилась жизнь, явился и человек со своим сознанием — таким филиалом первопрестольной Бездны!

А в бездне, знаете ли, всему находится место, мало что противоположному и между собой враждующему, но и на самом деле... *всякому*, *этакой всякой всячине*, в составе которой, выражаясь общепринятым языком, наряду со всем позитивно-достойным, то бишь антибездным, любая черну-

ха, любая нечисть, любая гадость, любое уродство, любая пакость, отчего всякая экзистенциальная вещь, она же и весть, непременно сочетается со своим *тёмным антиподом*, в лучшем случае — со своей *тёмной изнанкой*.

Такова, видно, плата за бытие всего *Этого* (сеюмирного) бытия наряду со всем *Иным* (иномирным) бытием, вперемишку с ним и ему же в противодействие. Борьба исторникова, борьба текущая, борьба футурогенная — вплоть до смертельного исхода!

Борьба!

Оттого и великое неотторжимое достояние Бездны, а следственно, и Сознания — *Хаос*, причём Хаос творящий и, разумеется, творящий с участием внешнего для него сознательно-разрушительного *Аттрактора* (или аттракторов), а потому хаос, на то и хаос, чтобы быть в нём и там же резвиться поэлементным, партикулярным и любым локализованным противоположениям, противодействиям и противоборствам, из чего и рождаются под воздействием аттракторов соответствующие упомянутому «участникам» хаоса антихаосные образования, отличающиеся характерным для каждого из них мироустроительным и (или) мирозданческим порядком, включая и разнообразные упорядоченности, образующиеся в сфере самого сознания.

Порядки, о которых речь, какими бы они упорядоченными и чуть ли не вечными ни казались человеку, в той или иной степени лишь временно преодоленный, но в подспуде всё-таки остающийся, пусть и не слишком иной раз заметно, хаос, а потому сии порядки не что иное, как *хаосмосные порядки*, а уж в сфере сознания — точно!

Хаосмосный порядок — не полный, не стопроцентный, не совершенный и не абсолютный порядок, а порядок, не только сохраняющий связь с родимым хаосом, но при первом же настоящем случае в хаос возвращающийся, в нём растворяющийся и там — в хаосе — исчезающий.

Да, какой-нибудь камень или та же камнеобразная планета не спешат вроде бы обратно в хаос и даже кажутся вечными, что не так уж и плохо, но что касается живых существ, не говоря уже о существах-субъектах, как и их внутренних мирах, где как раз царствует хаосмос, это возвращение порядковых образований в хаос, как и возвращение хаоса в упорядоченную зону — обычная, знаете ли, деловая практика.

Что такое хаос в сознании, или же в сфере сознания? Это не что иное, как растерянность, расстроенность, раскиданность, раздавленность, несообразность, раздвоенность, помешательство, безумие, в общем — *бессознание*, которое, важно заметить, всегда рядом, если попросту не в связке с сознанием, с ним в единении. Самое поразительное тут в том, что все эти «негативы», обязанные своим явлением как будто бы срывам в среде «позитивов», оказываются результатом не так даже этих срывов, как вполне себе стоических реализаций самых что ни на есть «позитивов».

Чтобы убедиться в этом парадоксальном феномене, достаточно посмотреть повнимательнее на последствия очень многих хорошо осознанных, логически выверенных и оправданных большим умом действий со стороны тех же политиков, вождей, воителей, бизнесменов, менеджеров, учителей, врачей, деятелей искусств, юристов и т. д., и т. п.

Сознание — о-очень коварная «штучка»! Ежели оно что-нибудь по-настоящему любит, то уж не порядок как таковой, а... *хаос*, который куда как ближе к свободе, протесту, борьбе, всяческим самовыражениям, то бишь к... Бездне, из которой сознание неохотно и натужно выходит и в которую охотно при случае погружается, если не радостно стремглав туда кидается. С порядком же, устанавливающимся и поддерживаемым, как правило, насильственно, сознание попросту вынужденно считается, ибо осознаёт, что без какого-то достаточно строгого порядка ни тебе человека, ни общества, ни человеческого мира, ни самого сознания, хотя и за чрезмерным порядком скрывается всё та же, вовсе и не подлая, Бездна, активно стимулирующая отказ от такого порядка и наступление беспорядкового, но такого любезного сознанию, беспорядочного хаоса.

Что касается практической, или бытийно-исторической, реализации бездно-хаосного сознания — в устремлениях, поведеньях, деяниях, мыслях, решениях, идеологиях и просто во мнениях людей (особей, групп, сообществ, обществ, государств, любых вообще образований и институций), то вряд ли стоит приводить серьёзные доказательства наличия тут *того* и *другого*: позитивного и негативного, доброго и злого, человеческого и античеловеческого. *Добро* и *зло* тут хоть и во взаимной борьбе, но и в непрерывном экзистенциально-творческом сочетании, если не в спасительном для них обоих единении (о взаимной любви тут мы просто помолчим).

Заметим: дело тут не только и не столько в том, что человек животен и плотояден, что он самый что ни на есть

физический зверь, сколько в том, что зверь он из-за, в окаёмах и на платформе присущего ему сознания — осознанный, осознанный и вполне себе сознательный, уже, стало быть, и вполне себе метафизический... э-э... *зверь!*

Источник всего признаваемого сознанием негатива не в одной лишь животной плоти человека, а и в его неживотном сознании, которое, будучи распределённым по индивидуальным и любым локальным сознаниям и нуждаясь в конструктивном единении всего вообще разделённого сознания не могло и не может в силу своей исходной и текущей бездно-хаосности реализовываться иначе, как через отчаянную борьбу между разными особливými сознаниями, как и сознания вообще с... *самим собою!*

Да, именно так: между любыми сознаниями и любого сознания с самим собою!

Здесь не просто знаменитая борьба за существование, как и не только пресловутая то ли врождённая, то ли уже по жизни непременно обретаемая в ходе некоего падения в бездну грехо-порочность человека, — тут, знаете ли, и кое-что другое, а именно: осознание человеком своей животности, своей пленённости в природе, своей смертности, временности, уязвимости, слабости, заброшенности, покинутости, бытийной тщетности, отчего и жгучая на себя и внешние силы *досада*, рождающая не только необходимость волевой и силовой борьбы за выживание, но и потребность достижения с учётом краткосрочности пребывания на белом свете индивидов и недолговечности любых социальных образований, наилучшей экзистенции вообще, а в силу генетической, обретаемой по жизни или внезапно вселяющейся

в человека *разности* индивидуальных и локальных сознаний, их экзистенциально-деловых потенциалов, достижение главной экзистенциальной цели происходит в бездно-хаотической выживательной среде не так по вектору — «Один за всех, а все за одного!», как, увы, по вектору «Один против всех, а все против одного!» — с неперменным итоговым присвоительным раскладом: «Кому многое, если не всё, а кому или не всё, или мало, а то и совсем ничего!», не говоря уже о более простой формуле: «Кому жизнь с её экзистенцией, а кому нежизнь без всякой экзистенции, а то и попросту безликая смерть!»

Выходит, что сознание, которое в общем-то *само-себе-сознание*, пусть и не на все сто процентов, оказывается не просто самому себе итоговым противником, ведя борьбу сознаний между собой, но и отрицателем и даже уничтожителем самого человека как феномена бытия и как вообще мирозданческого субъекта, оказываясь самому себе причиной, полем и орудием борьбы как человека с человеком, так и борьбы человека против вообще человечества.

Сознание — обоюдоострая принадлежность человека, реализующая себя как «за» себя и человека, так и «против» себя и человека, культивируя в итоге не просто человека, а ещё и человека-зверя, как и человека-античеловека, что наглядно показывается и опытно доказывается всей бытийно-исторической судьбой человека и человечества.

Сознание — уникальное для физическое существование, но это и тяжкая, страдательная, жгучая ноша, мало того — это ключ к пониманию, пусть и не к полному, всего — сознания, человека, мира, как и орудие всего этого

вынужденного полагания и отчаянного отрицания, а в итоге — более коллизионного, чем гармонического, существования человека — между пресловутым Раем и фактическим Адом, которые не где-то там, в космических далях и тёмных недрах, а прямо тут — на Земле!

И что особенно интересно: сознание и без всякой борьбы с другими сознаниями упорно и непрерывно сражается *с самим собою*, не преминуя возможностью уничтожить при случае и без оно и *себя самого*.

Сознание, во-первых, комплекс хоть и взаимодополняющих, взаимодействующих и даже переходящих друг в друга, но при этом и весьма друг другу противоречащих, трёх ведущих *субсознаний* — собственно сознания (сердцевиного, стоического, решающего), сверхсознания (высшего, полётного, творческого) и подсознания (низшего, ползучего, преисподнего); во-вторых, оно вовсе не трёхзвенный внутри себя монолит (этакий хорошо сбитый трёхчленный крепыш), а открытое для внешних информационно-энергетических дуновений дырчатое (сетчатое) облако — тоже информационно-энергетическое, а потому и целостно подвижное, меняющееся, переливающееся разными конкретно-абстрактными картинками (образами) разноликое поле с калейдоскопической на нём (или лучше — в нём) внутри-межсознаниевой игрой (то оно, видишь ли, в целом одно, то уже совсем другое, а через мгновение, понимаешь ли — третье, и т. д.); в-третьих, наличие проходных или проходимых дырок в сознании — это не всё, ибо есть ещё и пустоты (каверны), заполняемые обычно мертвенно-бледным бессознанием (остановками сознания), но могущие заполняться и

самым что ни на есть антисознанием, отчего не только имеют место всякие срывы сознания в бессознание, но и попадания сознания в заволочный мрак с сопутствующим помрачением сознания, его патологией; в-четвёртых, сознание, не имея ни полного знания обо всём, включая само сознание, ни полной возможности решать и делать согласно своим и только своим намерениям и интенциям, ни полного удовлетворения от всего сознанием же содеянного, в общем, будучи ограниченным, несовершенным, не вполне над собою же и всем же своим властным, распорядительным, достижительным, испытывает мало что сомнения, разочарования, переживания, но и настоящие стрессы, шоки, крахи, что делает сознание уязвимым от самого же себя, более того — крайне для самого же себя опасным; в-пятых, сознанию, пусть и не всякому, свойственна одна странная и весьма страшная вещь, она же и весть, которая называется *совестью* с её беспощадными разрушительными угрызениями, грозящими не так самой по себе совести, как несущему её сознанию, доводя его до иступления, износа и совсем не редко самоисчезновения.

Жить по человечьи — реализовывать сознание и им — сознанием — реализовываться! Мало что надо пребывать в неудобистой природе, тяжело трудиться, сложно обустраиваться, ловко приспособливаться, что-то несусветное творить, бороться со всякими нехорошими-де обстоятельствами и с себе же подобными, не злыми, тварями, постоянно рисковать, чего-то неизбежно страшиться, чего-то непременно избегать, чего-то зачем-то достигать и т. д., так надо ещё бороться со своим собственным сознанием, причём

усилиями своего же собственного сознания, ясно осознавая сей весьма прискорбный факт, как и осознавая и другой не менее жуткий факт — великой, пусть и не стопроцентной, пусть дырчатой, дискретной и переменчивой, но всё-таки явной в этом замечательном деле и вполне себе нескончаемой *тщеты!*

Ната гаріенз

То, что сознание работает ради себя и своего выживания, находясь в очень не простой для него и ему противодейственной, если не во враждебной, внешней среде, как и располагая вовсе не безмятежным для него самого внутренним контентом, мало у кого вызывает сомнения, а вот то, что оно при этом работает весьма ретиво и против самого себя, многим «людьям» кажется чем-то настолько бессмысленным и нелепым, что связывается сие неблагоприятие исключительно лишь с патогенными отклонениями в уме и психике говорящего де животного — *человека*.

Однако сознание таки работает против самого себя, исполняя при этом себя как самое что ни на есть... *антисознание!* Сознание, вкупе, конечно, с бессознанием, может вообразить себе всё, что угодно, не особенно утруждая себя такими вещами, как реалистичность, разумность, логичность, здравомысленность, хотя вовсе этого не избегает, наоборот, упорно сие культивирует, да и не только способно вообразить что-нибудь экстравагантное, несуразное, убийственное и самоубийственное, а и это воображённое вполне и не без удовлетворения реализовать — *настойчиво*,

скрупулезно, по-честному, планомерно и вполне passionately.

Разумеется, сознание работает по преимуществу не прямо против себя, а лишь в итоге своей затяжной самореализации, приводящей сознание вместе с человеком не только к проблемам, бедам и разного рода провалам, но и к произвольным самоликвидациям.

Сознание, как это ни странно осознавать, вполне себе энергичный и старательный *самоубийца!*

Управителем, распорядителем, ориентатором и корректировщиком бездно-хаосного, стихийно-волевого, беспредельно-пространственного, нескончаемо-бесвременного сознания является то, что обычно называется... *разумом*, который хоть и сам несёт в себе все черты сознания, но отличается от сознания как такового всё-таки некоторой локализованной относительно сознания способностью сосредоточивать себя и всё сознание в кулак ради ориентации сознания в пространстве — времени, среди разного рода обстоятельств и в гуще сознаниевых стихий и в ходе принятия тех или иных акционных решений.

Разум — управленческое ядро сознания, его штаб, его дирекция, его руководство, его высшая управленческая инстанция, его правительство.

Разум — оковы сознания, пусть и подвижные, и гибкие, даже и дырчатые, но... *оковы!*

Именно разум задаёт сознанию устроительно-организационную матрицу бытия, самочувствия и реализации.

Сознание немало безответственно, хотя и может быть ответственным, разум же более или менее ответственен, хотя и вполне способен быть вполне себе безответственным!

Разум, как и сознание, может работать в противоположных векторах, принося разные и прямо противоположные результаты — что для себя как такового, что для человека, что для его жизнеотправления, что для его судьбы.

Положительный знак тут привольно сочетается с отрицательным: то так, то этак, — и нет тут никаких исходно жёстких установлений, ибо таковы основания жизни, сознания с его разумом, той же судьбы, как раз те основания, без которых ни жизни нет, ни созидания с его разумом, ни той же судьбы.

Метафизис тут, понимаешь ли, а в нём не то что свобода со стихией, анархией и хаосом, но и какая-то удивительно пластичная неопределённость, восходящая к неведомому для человека, хоть и им всё-таки как-то угадываемому *иномирию*.

Однако жизнь, сознание, да и сам разум, требуют какой-то, пусть и подвижной, и неоднозначной, и версионной, но всё-таки упорядоченности, — иначе ни выживаемости, ни воспроизводства человека, ни продолжения его брэнного, то бишь и бездного, бытия.

И вот эту-то упорядоченность в сознании и в его реализации задаёт как раз разум, конечно же, не без участия, поддержки и веления внешних иномирных сил, пусть человеку доподлинно и неизвестных.

Разум одинаково эффективно и эффектно срабатывает как в угоду добра, позитива, жизни как таковой, так и в уго-

ду зла, негатива, смерти как таковой, — и нет тут, как говорится, никаких для него проблем! Однако кое-какая фундаментальная проблема всё-таки есть: разум и только разум оказывается способным обуздать, пусть и не абсолютно, антисознание и обеспечить бытие сознания, а вместе с ним и бытие человека.

Каким же образом?

Посредством создания и применения механизма (механизмов) ограничения и, по возможности, преодоления потенции и фактической реализации самоубийственного для сознания антисознания, что то же самое — создание и применение *рамочной экзистенции* для человека, социума, человечества в целом, достигая сие в виде сонма норм, правил, законов, институций и т. п. вещей с адекватной им системой навязывания, контроля и соблюдения сих пренеприятнейших установлений, что позволяет если и не изгнать из бытия насовсем антисознание, что и невозможно — жизни не будет, как и самогó сознания, самогó человека, то удерживать хотя бы возможность реализации в сознании, в человеке, в экзистенции необходимых для них же условий, параметров и начал, относящихся к разряду позитивных, конструктивных, выживательных, что не значит, что непременно добрых, филантропных, благотворительных, нет, во все нет, скорее жёстких, строгих, принудительных, запретительных, в общем — *императивных*.

Речь идёт об идейно-ценностно-поведенческой сфере бытия, о соответствующей ей и вырабатываемой сознанием под непосредственным водительством разума *людо-социальной культуры*, той самой культуры, без наличия и

соблюдения которой никакого бытия человечества как именно человечества с некоторых пор вообще быть не может!

Тут нормы, правила, условия, требования, переходящие в обычаи и традиции, оформляемые в виде законов, актов, договоров, кодексов, конституций, получающие то или иное институциональное выражение и подкрепляемое надзором, инспекцией, ревизией, инквизицией, ну и соответственно одобрениями, поощрениями, порицаниями, наказаниями, а среди последних и такие «штучки», как телесные экзекуции, пытки, членовредительство, тюремное заключение, каторга, галерщина, смертная казнь.

Культура исходно вроде бы от *культы*, однако она и сама требует к себе *культового отношения*, не избегающего ни жёсткости, ни жестокости, ни неотвратимости наказания, как раз за её — культуры — несоблюдение.

Разумеется, в реалиях не всё так просто, однозначно и ... справедливо: сознание на то и бездна с хаосом, чтобы всё в нём, даже и насаждаемые порядки, рамки, оковы, институции, матрицы, либо было не всеохватным, либо дырявым, либо неопределённым, в общем — обходимым, не насовсем закрывающим негатив, даже иной раз и не без усердия негативу служащим.

Ежели выйти на рубеж добра и зла, а лучше бы сказать — зла и добра, и принять во внимание, что первично здесь именно зло, а добро всё-таки вторично — как злу необходимое противодействие, то приходится констатировать не только взаимоположенность и взаимосвязанность зла и добра, не только живучесть зла и взаимную переливчатость

добра и зла (смену мест и значений), но и, что особенно важно для понимания всей гуманитарной реальности, наличие приоритета в сознании, разуме, человеке, экзистенции как раз зла, а не добра: зло в реальности потребно людям более, чем добро, хотя, быть может, его доля в практике более или менее правильного жизнеотправления и гораздо меньше доли добра — каких-нибудь 10—15%, но зато зло бывает куда как более значимее и влиятельнее добра даже в относительно праведной и стабильной гуманитарной обстановке, а что говорить о войновских, революционных, реформских и любых иных кризисных ситуациях, когда зло не просто усиливается, расширяя свою долю в пространстве человеческого жизнеотправления, но и берёт явный верх над сопротивляющимся ему добром (до 50 и более процентов).

Кто из землян ясно и однозначно ответит на вопрос, насколько война или та же революция есть зло и насколько они суть добро? Понятно, что зла хватает в каждом из такого рода событий, но ведь и добро там не в полном отсутствии. Или же где больше того же зла — в этих вот событиях или во вполне внешне привлекательных, очень даже мирных, почти что и бессобытийных, жизненных ситуациях?

Сколько людей, столько и мнений, особенно ежели учёных людей с их несомненными для каждого из них, хотя частенько и с противоположными, научно-деобоснованными убеждениями и заключениями!

Поэтому-то *homo sapiens* и прибег к *категоричному культурному императиву*, ссылаясь не так на человеческий

сеюмирный, как на сакральный иномирный авторитет — небесный, божественный, софийный, даже и инопланетный, в общем — на внешний для очеловеченных землян, а потому и безоговорочный для homo sapiens авторитет: *это* вот — добро, а вот *то* — зло, — и вся тут недолга!

А вот сам ли homo sapiens до этого дошёл или ему кто-то откуда-то как-то подсказал, а то и навязал, — это уж кому как не то видится, не то кажется, не то знается, не то попросту икается!

А откуда вдруг взялось у homo sapiens такое явление, причём не у всех подряд землян, а лишь у некоторой их части, как... *совесть* — это чувство личное, личное неправо, собственного злого деяния, какой-нибудь напраслины, заслуженной вины, попущенного греха, то самое чувство, которое вызывает немалое внутреннее беспокойство, терпкое, а то и тяжкое, переживание, невольное желание что-то исправить, загладить, от чего-то очиститься, ну и освободиться посредством каких-то благих действий от мучающих сознание вкупе с подсознанием беспокойств, мук, самотерзаний ?

Откуда? От разума, от культуры, от страха или прямоком из... *ниоткуда*, точнее — из *иного мира*, от *Бога Творца*, ибо в совести сидит не что иное, как... *весть*, откуда-то вдруг являющаяся в сознании и с которой человеку приходится пребывать на этом свете и поступать иной раз в *со*-ответствии с ней, её сигналами, отчего и выходит именно *со*-весть, некая чувственно-функциональная *со*-образность раздражающей вести, а не всего лишь весть аки весточка.

А поскольку совесть, как и чувство греха и вины, свойственны далеко не всем человекам, то homo sapiens не мог не включить в общечеловеческое экзистенциональное предприятие волевого принуждения к осознанию греха, порока, проступка, преступления, как и вины за всё это, ну и к совестному для сапиенса самосудилищу, иной раз и конечному.

А ежели принять во внимание, что совестливость вкупе с самосознанием греха и вины за грех, как и приоритетное самостремление вообще к добру, как, впрочем, и ко злу тоже, зачастую оказываются выразительно и убедительно... *врождёнными*, — разумеется, врождёнными в метафизическом плане, — то досужие вроде бы рассуждения об иномирных корнях сознания и того же разума, как и о влиянии на них иномирья, даже и о его в них постоянном присутствии, оказываются не столь уж наивными, надуманными и зряшными.

Помимо *физической генетики* есть ещё и *генетика метафизическая*, оперирующая своим, вполне и особенным, геномом, обычно называемым *культурным генотипом*, но с той оговоркой, что сей геном, он же и будто бы генотип, имеет ещё и докультурное происхождение — как раз от *иномирья*!

И коли добро-совестливым геномом, как выясняется, снабжены далеко не все человеческие особи, более того — их заметно меньшая часть, то человечеству ничего не остаётся, как культивировать насильственную добро-совестливость, для чего создавать и принимать корреспондентные человечеству системы принуждения к соблюдению

необходимых требований, правил, норм человеческого общежития: в тех же бытующих непосредственно в природе первичных людско-социальных образованиях действуют родо-общинные культурные установления, принимающие характер обычаев и традиций, а вот в сверхприродных гражданско-общественных образованиях действуют уже цивилизованные константы, принимающие по преимуществу вид законов, но там и там возникает и реализуется та или иная *принудительная*, хотя и не всеми из людей именно таким образом замечаемая и трактуемая, сознаниево-поведенческая матрица, как раз та самая — *противобездная* и *антихаосная*.

Так вот и бытует человечество, время от времени там и сям этим матрицам сопротивляясь, восставая против них, разрушая их и вновь создавая — обновлёнными, но всё такими же — *понукающими*: мечты о свободной от сих матриц человеческой экзистенции так и остаются мечтами, а реальные попытки освободиться от сих матриц лишь открывают шлюзы для куда как более эффективных и откровенных нелюдства, бесовства, шарлатанства, мошенничества, криминала, кровопролития, — что тут — в низах и снизу, что там — в верхах и сверху, а в целом — в безумно выворачивающемся из самого себя человечестве.

Матрицы сменяются матрицами, может, иной раз и менее жёсткими и куда более человечными, но всегда побудительными и принудительными, лишь по-разному представляемыми, трактуемыми и исполняемыми.

Насилие, конечно, «повивальная бабка истории», но не только, совсем не только — это и неперменный атрибут человеческого, вполне и сапиесного, бытия — *неперменный!*

Каким бы homo sapiens ни был сапиенсом, он всё-таки сначала и внутри — зверь, а потом уже — окультуренный и вычищенный — как будто бы даже и человек, — вот так!

Француз

Полное — с головой, руками и ногами — погружение в европейский мир произошло у нашего героя уже в период его научной стажировки во Франции, в Париже, в Нантерре, состоявшейся якобы в кризисные для мировой экономики 1974—1975 гг. Почему это «якобы»? Кризис, конечно, был и сыграл свою переломную роль в развитии мирового хозяйства и цивилизации, но ничего ужасного, сходного с 1929—1933 гг., тогда не было, а продажи тех же автомобилей в тот момент даже возросли, в общем, хоть это и были кризисные годы, да вот совсем и не страшные.

Погружение! Именно так, хоть и не сразу, тем более не сразу с головой, руками и ногами, но всё-таки это было именно оно — погружение: герой наш и в самом деле опаризился и офранцузился, хотя ни на мгновение не отрешался ни от того, что он советский, ни от того, что он русский, да, собственно, и думать об этом ему особенно не приходилось, — личная органика, она и есть личная органика!

Погрузился, сжился, слился, но не исчез в том улыбочивом, приятном, но совсем не простом, достаточно жёстком и колком мире, — и вовсе не потому не исчез, что что-

то этому воспротивилось, а потому, что оставался таким, каким на роду был наречён — русским! — что никак не помешало ему ни стать вполне сносным европейцем, ни остаться вполне себе пристойным русским, кстати, из-за чего и за что в глазах французов и иных иностранцев быть интересным, достойным и, главное, уважаемым (за сии слова здесь полная ответственность!).

В основе стажировки, которую прошёл наш герой во Франции, лежали, pardon, не три, а целых пять китов: житейская и деловая свобода вперемешку с бытийной независимостью; великий интерес ко всему вокруг вкупе с врождённым любознанием; инициативность в единении с деловой изобретательностью; большой труд, подкрепляемый большим познавательным интенсивом; накопленные знания с проникновением в «тайны» окружающей реальности, её адекватным восприятием и честным пониманием.

Прежде всего герой наш изучил, прочитал, ознакомился, перелистал все учебники по интересовавшим его основным дисциплинам, преподававшимся в Парижском университете (фактически прошёл экстерном полный курс «ихнего» образования), чтобы знать то, что знают они — его возможные и действительные собеседники; изучил с выписками и извлечениями с восемь десятков фундаментальных монографий и сотни статей; провёл более семи десятков встреч-интервью с французскими учёными, специалистами и интеллектуалами: от профессоров (авторов, как правило, учебников и монографий) до советников высших должностных и политических персон государства, включая советника президента, и советников ведущих политических деятелей

нации, как и от топовых экспертов государственных институций до представителей разного калибра бизнеса.

В итоге: *содержательнейшая картинка!* Мало что с тем или иным ознакомлением с обычно закрытой, вовсе при этом не обязательно, что секретной, стороной явления, дела, намерения, программы, мотива, механизма, обстоятельства и т. д., то бишь картинка всё-таки не внешняя — из тех же газет и иных публикаций, а более или менее имманентная самой реальности, вполне себе системная и в целом весьма достоверная, позволявшая не только что-то такое произвольно думать о реальности, глядя на её событийную поверхность, а содержательно представлять реальность, её как бы вскрывая, заинтересованно рассматривая и адекватно осмысливая, отчего и трактовать реальность куда более реалистично, по кратной мере, для самого трактующего.

Уместно заметить, что его представление о предмете своей кандидатской диссертации — предмете, как известно, французском, полностью подтвердилось на месте — во Франции, а его диссертационная разработка, как оказалось, не имела аналогов и была абсолютно оригинальной, могущей быть во Франции и опубликованной, но ему, жаждавшему познания, впечатлений и открытий, не захотелось заниматься переводом своего труда на французский, может, и зря, но так уж сложилось, да и вообще он никогда не стремился к переводу своих работ ни на французский, ни на английский языки, немало потеряв в международной известности, но обретя то, что он в конце концов обрёл на стезе свободного от издателей, ещё и коммерчески и немало цензурно ангажированных, учёного размыслительства.

Коллеги по месту стажировки искренне удивлялись степени осведомлённости русского стажёра о происходившем тогда в их стране, поражаясь и откровенности его высокопоставленных собеседников. «Эффект гостя!», — подытожил при прощальном обеде на Елисейских его научный шеф, немало способствовавший топ-встречам своего русского визави, нисколько не ускользавших от его внимания.

Нет, то не была разведка со стороны советского стажёра в обычном понимании, а была просто реализация большого и искреннего интереса к стране, нации, государству, политической жизни, к управленческой системе, вообще к цивилизации, совсем не похожей или очень мало похожей на его родную цивилизацию, — и уж ежели ему было суждено стать знатоком Европы и той же Франции, вообще Запада, то пришлось ему за короткий срок проделать очень многое, часть из чего можно было при желании отнести и к разведке, но... сугубо личной, профессиональной, экспертной, а ежели и беседовали с ним с немалой откровенностью, то что тут было плохого: что для собеседников, что для него самого, что для профессии, что для общего дела?

За время стажа успел объездить всю Францию, многое увидеть, прочувствовать, узнать, как и полюбить тоже, погрузиться во французскую жизнь, встречаясь с совершенно разными людьми, заимев и незабываемые, хоть и часто случайные, встречи, проехаться, к примеру, автостопом с чемоданом в руках из той же Нормандии в ту же Бретань.

И вино французское полюбить, и сыры, и французский хлеб, и кофе с коньячком, и чудесные эскарго, и выдержанный кальвадос тоже, — и это при вполне себе душевном единении с французами, но и с другими — из Германии, Польши, Чехословакии, США, Чили, Китая, Ирана, да мало ли ещё откуда и с кем: *интернационал, он и есть интернационал!*

Погрузился во Францию, в её экзистенциальный котёл, вынырнул из французского бытийного котла... да-а... не французом вовсе, а всего лишь французским русским, но, что особенно важно, для себя и в себе уже... *другим человеком, другим даже и русским*, — и не то что офранцузенным, что, может, и было, но это было совсем не главным, а *иным человеком* — неважно русским или не русским, офранцузенным или нет, как бы это сказать... что-то такое необычное из потаённого узнавшим, с чем-то не поверхностным соприкоснувшимся, во что-то даже важное оказавшимся, пусть и невольно посвящённым, — тогда во что же, кроме вина и сыра да университетских знаний? Что ж ответим: не более и не менее, как в кулисную, и даже закулисную, скажем так, часть цивилизационного бытия, даже и в немалой степени конспиративную, в кое-какие реальные, обычно скрытые от глаз и ушей, принципы устройства и алгоритмы управления, доминирования и подчинения, во внутрь, так сказать, *большой экзистенциальной игры!*

Кто и как на самом деле правил тогда в той же Франции, кто и как правит в ней сейчас? Можно говорить в таком разе о ком и о чём угодно, на что-то указывать и кого-то называть, но чувствовал наш наблюдательный стажёр,

что правит что-то... *этакое*, за чем стояли и стоят какие-то кто-то, с чем и кем он даже, судя по всему, реально соприкоснулся, если не столкнулся, как раз с тем и теми, что и кто правили раньше, до его появления в роли стажёра, правили тогда, в его там пребывание, правят и сейчас!

Короче: мало что правление миром, как и любыми странами, в чём-то важном и судьбоносном в принципе всегда тайное, но ведь и сама тайна тоже в принципе всегда правила и правит — ТАЙНА! А ведь органа явного вроде бы тут нет, а если что-то и есть, то лишь... некий *орган*, то бишь как бы *дух*, то бишь как бы *ничто*, которое вполне *органично* (и незаметно!) и правит!

Нет, не зря, совсем не зря, погружался, если не вливался наш герой во французское экзистенциальное чрево, многое что понял, став на самом деле *другим* — *знающим*, а поэтому и, не поверите... *посерьёзневшим*, да не так в текущей обыденщине, как в *ментальщине*, что, согласимся, ох как важно для размышляющего, оценивающего и... нет, не проповедующего вовсе что-либо *этакое*, а попросту... *прозревающего реальность гуманитария*.

Именно тогда, во время стажу во Франции и непосредственно после него, из нашего героя стал складываться в результате его личного выхода в пространство интеллектуальной свободы, не побоимся так высказаться, *нового типа русский интеллект*уал, пусть ещё и немало научник и даже ещё во многом марксист (пусть и критический), но не догматический сказитель, не доктринёрский проповедник, даже и, как принято вокруг, не всезнающий умник, а попросту

вольноопределяющийся мыслитель — да, конечно! — ещё не тот, однако, уже и не этот!

Именно на рубеже 1970—1980-х гг., в около сорокалетнем возрасте, то бишь уже достаточно зрелый как учёный и как человек, вступил наш герой на дорожку свободомыслия, выведшую его сначала за пределы своей профессиональной науки, а потом и за пределы науки вообще, приведя в итоге как раз туда — в сферу *метафизики*, что означало, как выяснилось гораздо-гораздо позже, — и к статусу *мудреца*, и к роли *неотмирного вестника*, и к положению *отшельника*!

Однако всё в его жизни шло своим чередом: надо было думать не только о новых ментальных разрешениях, но и о движении по научной карьерной лестнице, а поэтому направился наш герой снова во Францию, на этот раз в научную командировку, чтобы подсобирать материалов да вдохновиться на новую относительно западной (европейской) экономики диссертационную работу — докторскую!

Поехал доцентом, но принимался французским МИД'ом (тогда Министерством внешних сношений) как профессор, более того, был повсюду сопровождаем сотрудником МИД'а, как бы его на тот момент помощницей — очаровательной, русского происхождения, дамой — альпинисткой и художницей, умницей, поклонницей индийской философии агни-йоги, дамой зрелой, опытной, проницательной. Так вот и ходили вместе на всяческие заказанные им топ-рандеву, посещали художественные салоны, гуляли по Парижу, по другим городам и весям, устраивали на две

персоны уединённые пикники, бывали в театрах, катались по стране, много между собой говорили, дискутировали.

«Странный вы русский, — как-то сказала дама, — откровенный, общительный, осведомлённый, и с вами все ваши французские собеседники весьма откровенны, мне с вами очень даже интересно, я многое узнаю, чего никогда бы из газет не узнала».

Благодаря её рекомендации, МИД удовлетворил просьбу нашего героя продлить его пребывание во Франции, в результате чего он вместо одного апрельского месяца пробыл два, прихватив ещё и майский (редчайший случай!).

Итак, под ненавязчивым надзором и даже охраной, хотя всё было очень мило, да и очень удобно: авто, такси, предваряющие деловые встречи, звонки, договорённости, как раз реализуемые помощницей, опять же не скучно, что не означало, что наш герой не был достаточно предоставлен самому себе, не встречался с друзьями, не контактировал с известными ему ещё по стажировке коллегами — это всё тоже было!

Да-а, были чудесные на две персоны пикники: в Фонтенбло, в лесу, в пещере; под Бордо, на берегу моря; под Версалем, на лесной полянке; на берегу Ла-Манша в видах горы-острова Сен-Мишель. Почему это вдруг? Наверное, из-за желания его помощницы сделать ему приятное, а она была мастерица такого рода затей — альпинистка ведь, да и художница, ну и, как она как-то заметила, из принципа МИД'овского гостеприимства — не для всех, конечно, но он — наш герой — чем-то это исключение заслужил.

Перед каждым пикником заезжали в магазин, набирали снеди, непременно захватывая бутылочку красного вина, а потом где-то устраивали пиршество, костерили, причём непременно получая от любезной хозяйки маленькую бутылочку какой-нибудь водочной настойки, приготовленную ею самою. Так что приходилось ему расправляться и с вином, и с настойкой, и с едой, а после пиршества и лёгких непринуждённых разговоров следовал обязательный отдых, когда он безмятежно засыпал по совету чаровницы на часок, а она, хотя и прилегалa недалеко рядом, но никогда не засыпала («Я отвечаю за вашу безопасность!»).

Что тут сказать: так действительно было — мило, здраво, благородно, по-честному!

Когда прощались перед его отъездом из Франции, она вдруг сказала: «Вы правильно себя вели, NN, вы ещё вернётесь во Францию!» (а был тогда 1982 г., время развязанной правившими тогда социалистами — очень сильно, кстати, тогда масонистыми — разнузданной антисоветской пропаганды).

Тоже интересно, не правда ли?

Когда наш герой переезжал на поезде через французскую границу, то вдруг обнаружилось, что у него просрочена виза, — никто не позаботился её продлить, но МИД есть МИД, — пограничники связались с Парижем, получили разрешительные уведомления и «нарушитель» благополучно покинул Францию.

Топ-встреч было тогда немало — и в самом деле интересных, значимых, содержательных.

Три эпизода.

Первый. Беседа в Национальном собрании с председателем экономического комитета, ведущим экспертом победившей на выборах и начавшей править тогда Социалистической партией (с самим председателем партии, ставшим новым президентом Франции, наш герой имел честь сойтись глаза в глаза ещё в 1985 г. на одной левоцентристской конференции, куда был приглашён своим знаковым собеседником, ныне известным всему миру деятелем еврейского движения и имеющим кое-какое отношение к появлению на политической арене ныне действующего президента Франции — чуть ли не вылитого, знаете ли, молодого Бонапарта; так вот, встретился неожиданно наш герой глазами с будущим президентом-социалистом, заметив, как блеснул у него глаз — как раз левый, будто стеклянный: «Воланд! — подумал мгновенно наш герой, — именно Воланд!»).

На вопрос визитёра к экономическому эксперту: «Почему вы проводите политику, включая и национализацию банков, наносящую вред экономике?», — депутат ответил: «Наобещали, вот и проводим, хоть и понимаем, что это неправильно». Ответ не удивил интервьюера, ибо ему приходилось, к примеру, ещё в 1975 г. слышать от ведущего эксперта Французской компартии (тогда члена ЦК, а через годы и члена политбюро): «Прийти к власти можно, ну что потом с нею делать?», а тогда компартия находилась в союзе с соцпартией, но перед президентскими выборами, на которых у левого союза были большие шансы победить, затеяла с соцпартией полемику, что не позволило левым одержать победу (вот она — политика!); зато ответ депутата ин-

тервьюируемого депутата потряс милую МИД'овскую даму, никак такого ответа не ожидавшую!

Второй эпизод. Посетил наш герой вместе со своей спутницей самого известного во Франции и в мире экономического мыслителя — собеседника и, можно сказать, соратника славного президента-генерала, дирижиста, сторонника государственного регулирования экономики и её планирования, не ставшего нобелевским лауреатом разве по причине своего, надо полагать, нелиберализма, неатлантизма, да ещё и своего позитивного отношения к марксизму, хотя собственно марксистом он не был, — и посетил его наш герой уже второй после 1975 г. раз, причём посетил уже как автор реферата-рецензии на весьма сложную книгу сего мыслителя, подаренную им нашему герою тогда, в 1975 г., причём даже не книгу, а её, надо заметить, фотографические гранки.

Опубликовав в СССР свой реферат-рецензию, наш герой выслал журнал с ним автору книги, насыщенной, важно подчеркнуть, топологической математикой, которой рецензент, конечно же, не занимался. О факте публикации реферата-рецензии наш герой напомнил великому учёному, который, как оказалось, был с рефератом-рецензией хорошо ознакомлен (его текст был по просьбе учёного переведен на французский язык). И вот престарелой уже мыслитель встал во весь свой огромный рост, обнял тоже перед ним вставшего интервьюера за плечи, прижал к себе и произнёс: «Спасибо, мой друг, только вы меня и поняли!» Да-а, то была не просто похвала (вроде похвалы аспиранту от профессора), а прямо-таки великая учёная награда (что скры-

вать, было это не просто приятно, а и вполне для него знаменательно, ибо это означало «узаконенное» вхождение нашего героя в сонм топ-профессионалов).

Тут уместно рассказать об одном занятном эпизоде, случившемся во время беседы с великим французским экономистом. Когда мыслитель вполне осознал, что дама, которая пришла вместе с учёным посетителем, оказалась не из СССР, а парижанкой, благородный старец вдруг обратился к ней с вопросом: «А вы можете всё это есть?», имея в виду новую массовую еду, которая тогда уже наполняла во Франции магазинные прилавки, а в Россию пришла лишь с реформой 1990-х. «Что делать, едим!», — ответила несколько озадаченная дама. «А я вот не могу», — поведал старец. Вот вам и мнение знаменитого учёного-аристократа, кавалера Ордена Почётного легиона и члена Института Франции! Интересно, не правда ли?

Наконец, *третий эпизод*. В момент, когда наш герой должен был нанести визит в ЦК компартии, его МИД'овская старательница вдруг говорит ему: «А вы дорогой NN, в компартию идёте без меня». «Это почему же?». «Ну-у, вы, коммунисты, наверняка захотите между собой пооткровенничать». «Э-э, нет, — ответил наш герой, — везде вместе, и там будем вместе!». И были вместе. Беседа с членом ЦК, бывшим на тот момент ведущим экономическим экспертом компартии, завязалась вокруг почитавшихся им кондратьевских циклов (когда сначала длинный подъём экономики, а потом длинный её спад и т. д.). Поговорили хорошо, обстоятельно, но без политического «перчика», зато наш герой сохранил лояльность к МИД'у и к Франции,

чем его милая сопроводительница была вполне удовлетворена.

«Поймите меня правильно, дорогой NN, — как-то сказала в подходящий момент очаровательная МИД'овка, — такова необходимость, я очень хорошо к вам отношусь, вы мне очень симпатичны, и я вам вполне доверяю», на что герой вполне искренне ответил: «Я всё понимаю, я вам тоже доверяю, люблю вас по-братски и очень рад, что мы с вами вместе!»

Вот *такие* научные вояжики тоже, оказывается, бывают — содержательные, стильные, запоминающиеся, в общем — необыкновенные!

Да, погружение во Францию, французскую цивилизацию и парижскую жизнь стало для будущего мудреца-отшельника более чем удачным. Франция его приняла, раскрылась перед ним, ему доверилась, разумеется, во французскую меру — для кого какую, а для него — немалую, что не означало, что ему было легко, просто, чуть ли не играючи, — нисколько! — это было, хоть и крайне интересно, но очень напряжно, энергично затратно, пусть и не мучительно, хотя и не без кое-каких неизбежных в таких случаях всполошистых мук, правда, оправданных, выносимых и по-своему даже сладостных.

Он стал неплохим знатоком Франции, а если прибавить ещё литературу и культуру, то и безусловным её поклонником, однако немало обжигавшимся, а потому весьма и осмотрительным: Франция — та ещё лицедейка, а Париж — тот ещё лицемер! Однако... однако с нашим героем *она* и *он* обошлись в целом корректно, гостеприимно и,

можно даже сказать, элегантно. Он это замечательно понял, признал, усвоил и старался не подводить прекрасную Францию, вполне обоснованно почитая её за свою вторую родину!

Что же касается внешне-видового результата сего погружения, то в Москве наш герой слыл в родном заведении за «француза», хотя к этому вовсе не стремился, а в Париже был наречён через многие-многие годы устами «тёртого» ресторатора, прекрасно знавшим, что имеет дело с русским из России, «господином парижанином» («Monsieur le parisien»). Наверное, по причине парижского выговора, давненько уже прилипшего к нашему герою.

Ничего не поделать: Франция на то и Франция, чтобы её искренне любить — в статусе и роли гостя, желательно!

Рангелу

Они встретились на этот раз в одном из серийных околOMETРОВСКИХ кафе, где наш седовласый герой, оказавшись там первым, присел за удобно расположенный столик и погрузился в хорошо ему в общем-то известное меню, а стойкая его собеседница подошла немного позже, о чём мужчина был своевременно ею предупреждён. Быстро разобравшись с заказом, они посмотрели со вниманием друг на друга, приязненно рассмеявшись.

— Ну вот, — заговорила, приветливо улыбаясь, дама, — мы опять с вами не боевом посту. По глазам вижу, что вы явно желали этой нашей встречи, так?

— Жаждал! — смеясь, отреагировал наш герой, — мало что с умницей, так ещё и с терпеливицей... э-э... переносить такое!

— Ладно, ладно, это я с вами лишь такая хорошая, а так... ох, не будем об этом!

— Да-а, хороший собеседник нынче в цене, в большой цене, а потому, — отшельник усмехнулся, — кто, кроме нас с вами!

Тут подоспели вино с едой, что и позволило под аккомпанемент вполне сносного сицилийского вина, втянуться в тематическую, так сказать, беседу.

— Как ваше творчество, подвигается?

— Куда ж ему от меня деться, как, собственно, и мне от него? *(Пауза)* Сотворённое держит и давит, творимое вдохновляет и... жжёт! Творец всё-таки более пленник им сотворённого, как и раб им творимого, чем всего этого гордый властитель. *(Пауза)* Держит и давит, — повторил без смеха седовласый мудрец, — вдохновляет и жжёт!

— Однако творец не может без своего творчества, а потому и идёт отважно к нему в кабалу, оборачивающуюся самой свободной из свобод — творческой, — так ведь?

— Так-то оно так, но одно дело музыка или та же беллетристика и совсем другое... э-э... метафизика, да ещё и метафизика самой реальности, даже не просто метафизической реальности, которой обычно вроде бы заняты философы, а именно метафизика самой реальности, о чём менее всего думают и пишут те же философы, ибо тут как раз и надо быть не властелином своего творчества, а доброволь-

ным рабом у творчества самой реальности. (Пауза) Тут-то и зарыта самая злая собака — в конфликте твоего реального творчества с реальным творчеством самой реальности!

— Да-а, понимаю... мало что тайна, но ещё и неприступная тайна, и, как вы заметили как-то, дело тут не в поиске конкретной причины чего-либо из происходящего, а в том, почему это что-то и всё остальное что-либо из происходящего не может не происходить.

— Вроде той же сегодняшней Украины, к примеру.

— Достойный пример, наглядный и свежий. А будет война с Украиной?

— Она вовсе уже идёт, а вот случится ли горячая война, то что тут скажешь... не должна вроде бы, но ведь, как вы, уже хорошо знаете, всё в бытии случается, как логически невозможное, и всегда случается внезапно, хотя это не мешает кому-то что-то и предвидеть... э-э... редкий раз, конечно, да и вовсе не на все сто.

— Вам, к примеру!

— Скрамничать натужно не буду — бывает! Хотя надо иметь в виду, что взгляд в будущее с учётом невозможности и внезапности судьбоносных событий, более чем полезен, хотя в прогностическом плане не очень-то приемлем. Та же война, о которой речь (кстати, совсем ведь не случайно о ней пошла речь), явно просится к исполнению, но, во-первых, нужен новый сумасшедший Наполеон или тот же бесноватый Гитлер, чтобы её развязать (может, нынешний юркий шоу-сорванец для того и введён в неньке во власть), а во-вторых, ситуация в самой Украине, вокруг неё и, главное, во всём мире стремительно и полномасштабно

меняется, что и может стимулировать эту войнушку, так и, наоборот, прикрыть навсегда её невозможную возможность. Пока фифти-фифти: и будет, и не будет!

— Да-а, но ведь те же США не ради же процветания Украины ею так занимаются?

— Не ради, конечно, но ведь и сами США сегодня уже вроде Украины, их тоже трясёт, только не ради и не в духе панской забавы, а по причине уже эсхатологической апокалиптики, им вдруг ставшей органичной, совершенно уже своей. Законов энтропии и диссипации от перезрелости никто отменить не может: плод созрел, и он должен пасть. Сначала рухнул успевший быстро вдруг перезреть СССР, теперь вот очередь за вторым тогдашним и нынешним вполне уникальным и вроде бы крепким центром мировой силы.

— Как бы одна выходит тут у супервеликих держав судьба — что у СССР, что у США...

— Да-а, и решается она не в США, точнее, не только в США, да и не только в нашем мире.

— Что же... тогда получается, где-то и там, в высших инстанциях или в тех же преисподних закоулках?

— Д-а... где-то там... в трансцендентном. *(Пауза)* Что-то мы совсем уж засерьёзнились, давайте лучше за что-нибудь из ряда вон выходящее выпьем... например... э-э... за вашу серьёзность, а-а?

— И за вашу несерьёзность тоже!

— Идёт!

Соприкасаются бокалами, отпивают благодатного красного напитка.

— Ничего себе вино, пить можно, представляя его в сей момент лучшим из вин, которые доводилось и не доводилось пить.

— За несбыточное, значит!

— Не сиюминутное, во всяком случае!

Выпивают ещё вина.

— Та-ак, — заговорил отшельник, — на чём мы остановились, а-а?

— На любимой вами энтропии.

— Ну да, от неё, любимой, никому, никогда и нигде не деться, особенно, где все признаки упадка и саморазложения уже налицо... остаётся тогда лишь дожидаться и узреть печальные итоги.

— Страшно всё это!

— Да, страшно, но новый Рим с новым Карфагеном в одном флаконе должны-таки саморазрушиться.

— Без помощи извне?

— В общем — да, хотя и не без неё, неродимой.

— Китай?

— И Китай тоже, и Россия, и те же Иран с Украиной, даже и Европа, вообще весь мир. Голиаф должен быть повержен, а его новоВавилонская башня-пирамида должна треснуть и рухнуть!

— Но такой Голиаф может утянуть под обломки своей башни и весь мир?

— Может, конечно, но не утешит, — и не потому что мир этого не захочет, не захочет этого и сам Голиаф — он далёк от самопожертвования, там ведь в ходу комфортная, хоть нынче извращённая и тряская, обыденность, а вовсе не амбициозный первозданный героизм. Не та, знаете ли, там пассионарность, не та — вовсе не вверх, а вниз!

Пауза.

— Тогда за пассионарность, которая вверх, как у тех же китайцев.

— Только не за китайскую пассионарность китайцев, у которых её всегда в избытке, и не за Китай, который сегодня действительно пассионарен — хитро́, сдержанно, разумно. Пьём просто за Китай как Китай, пусть живёт и здравствует, будучи обращённым вовнутрь, а не вовне, хотя, увы, тут слабое для нас утешение.

Пьют за пассионарность, которая вверх, а не вниз.

— А что тогда Россия?

Пауза.

— Ну вы, любезная леди, даёте! Не успели проговорить за США с Китаем, как вы тут же сходу за Россию, которая не просто загадочна, как тот же Китай, а сама есть загадка, ещё никем и не разгаданная.

— Кроме, пожалуй, моего визави.

— Ну что вы, если что и есть, так лишь подходы к разгадке, точнее, к неразгадке, а лучше бы сказать — к разгадке от самой же неразгадки. *(Пауза)* Тут ведь не просто зага-

дочность чего-то, вроде той же «чёрной дыры» в мироздании, а сама неразрешимая загадка — не от сего мира! Что тут скажешь?

— По сути-то и ничего! Ну-у, ваша российская неотмирность тут как тут, она и подводит, как вы только что выразились, к разгадке неразгадки, так ведь?

— Да-а, в этом что-то действительно есть, коли есть прямая и особенная связь России с Иным, что и саму Россию делает качественно иной, а отсюда и эта неразгадываемая загадка, которой великая честь и слава!

— Тем не менее, великая болгарская ясновидица, заглянув, видно, через «чёрную дыру» в преисподнюю, а потом подняв свои незрячие очи к небесному Всевидящему оку, напророчила не только подъём России, что уже видно и происходит, но и предстоящую ведущую роль России в мире.

— Лучше б она не говорила, — лукаво усмехнулся отшельник, — точнее, лучше бы об этом не говорили: тогда бы, возможно, уходящий в направлении небытия Запад не поднялся бы со столь отчаянной войной против России. *(Пауза)* Нет, конечно, всё равно бы поднялся, ибо сам он что-то этакое не хуже бабы Ванги чувствует — неотмирность России его сильно пугает! К тому же подъём и возвышение России в последние для мира времена давно уже предвидены отечественными прозорливцами, теми же святыми старцами. *(Пауза)* Меня сейчас больше задевает другое предсказание болгарской старицы, о том, что нынешнему российскому лидеру придётся-таки сделать выбор между сотней олигархов и полторастами сотней людских миллионов,

этими олигархами с участием государства российского не на шутку обездоленных, а главное, зло одураченных и непрерывно дурачиваемых. *(Пауза)* О-очень сильная от бабушки мысль, вполне корреспондентная моим собственным мыслям, касающимся также других, не менее сложных и важных, выборов, к примеру, между продолжением либерально-тусовочной реформы и переходом к императивно-деловой постреформе, а уж о коррупции, криминале и том же тотальном мошенничестве я не говорю, как не говорю о выборе между Россией и той же анти-Россией.

— Что-то всё-таки, кажется, на верху делается.

— Вот именно: что-то и всё-таки, но пока без радикальной смены курса, замены правительства, перетряски истеблишмента и перестройки всей системы управления. *(Пауза)* Спящее правительство, сонные министры, самоуверенный менеджмент, не знающий и не желающий знать объекта управления, его реальные потребности и чаяния, но зато хорошо прозревающий собственную выгоду, а ещё и разгулявшийся на российских просторах алчный денационализированный капитал, да мало ещё что из уже сложившегося и требующего даже не преобразования, а полного отвержения с заменой на что-то весьма уже иное.

— Может, выжидает что-то?

— Возможно! Как и возможно, что он уже мимо опорной точки сего выбора бездарно проскочил, аккурат 18 марта, в день своего небывалого личного триумфа. Как когда-то Бонапарт под Ватерлоо из-за собственного приказа дисциплинированному генералу Груши стоять на месте со своим

корпусом и не рыпаться в бой без Наполеонова приказа. Бац, бац — усмехается, — и мимо!

— Вроде бы старается ... чем-то руководит... ставит задачи.

— О-о, этого очень и очень мало — весь аппарат должен стараться, как, к примеру, те же МЧС-ники в горячих точках, которые знают свой манёвр, как знал когда-то свой манёвр гениальный менеджер Суворов. *(Пауза)* Власть на таком уровне и в таком центре — не просто тяжкая ноша, а ...э-э... трансцендентная миссия, данная и востребованная свыше, вовсе не обязательно и через сакральное помазание: тут ведь не так Бог «мажет», как ... *народ (акцентирует на слове)*, как раз глубинный, следственно, и неотмирный. Народ! Причём «мажет» не так ожиданиями и восторгами, как... *безмолвием (акцентирует на слове)*, которое, как убедился тот же Николай II на собственном примере, пострашнее иного бунта будет!

— Да-а, напряжно как-то в царстве сем... Ванга-то, выходит права была... промыслительница.

— И хладно как-то тут, прямо как этим страшно-осенним летом 19-го.

— Тогда надо выпить за тепло, за солнце, за жарптицу!

— Идёт! И за Пушкина с Тютчевым тоже: у одного ведь безмолвие народное, а у другого — безмолвная вера в безмолвную Россию, без никакого её понимания: причём не как вера в субъекта, в страну, даже в народ, а как вера в неизвестную идею, в скрытый концепт, в сакральное предназначение, в трансцендентную миссию, наконец!

Сходятся с негромким звонком бокалами, пьют с удовольствием сицилийское красное, и, заметив его почти что уже отсутствие, заказывают новую порцию вина вкупе с незамысловатой закуской снадбью.

— Да-а, в Россию можно и нужно только верить, как заметил всевидящий Тютчев, но как же трудно это делать, почти что и невозможно, а для весьма многих россиян, в том числе и этнических русских, так оно и есть — трудно и невозможно, и бегут бедолаги за границу, лишь бы выбраться из неё, из неё родимой, сбежав от суровой матушки-мачехи.

Пауза.

— Да, многовато бегущих, тут уж непреложный факт, нестерпимо многовато: то ли ад утвердился вновь в России, то ли сама Россия засела вновь в аду? *(Пауза)* Правда, и во всём зёмном мире не намного лучше, во всём человечестве, хотя местами и временами по-разному на Земле адово, да и в различном, вполне себе и в радужном кое-где, исполнении. *(Пауза)* Даже такие мелочи жизни, как комфорт, психобаланс, взаимоуважение, удовлетворения от себя и от окружения, не говоря уж о массовом благополучии, не для России. *(Пауза)* Россия, как давно уже повелось, в напряжениях, муках, пытках, в каком-то чудо-вечном истязании, в немалой доле и в самоистязании.

— И почему именно Россия? Она что, пала в пороках своих ниже других?

— Может, и пала, хотя в чём-то позитивно человеческом она все ещё и повыше других будет, но попробуй-ка в

той же нынешней пореформенной России пожить таким порядочным, честным благородным, великодушным человеком, ещё и с успешной позитивной карьерой, своим личным концептуализмом или тем же вполне моральным предпринимательством, приличным доходом, с добротным домом и большой семьёй, с кучей деток и внуков. *(Пауза)* Да, может, и есть, примеры и такого вот бытия, и их, возможно, немало, но каких же усилий всё это стоит!

— Достаточно взглянуть на потухшие, искривлённые гримасой страдания и неудовлетворения, чуть ли не свирепые, лица нашего старшего, глубоко уже пенсионного, поколения. Сколько им пришлось пережить, перетерпеть, пережить, да не так лишений и невзгод, как несправедливости, обмана, лжи, насилия, сколько приходилось терпеть и сколько приходится терпеть сейчас! О-о, тут уже не Промысел Божий, а какое-то прямо-таки преисподнее проклятие!

Молча поднимают бокалы и выпивают по глотку иноземного кровоподобного напитка.

— Да-а, это так, горько от этого и обидно, хотя в параллель всему этому уродству бытует и другое — светлое, честное, даже и радостное: человек всё-таки остаётся человеком!

— Что и позволяет ему не только выживать, но и делом кое-каким заниматься, что-то творить, да ещё и как здорово творить!

— Так что же ожидает Россию, мудрейший из мудрейших? *(Пауза)* Помимо, разумеется, Судного Дня и последующего за ним Преображения?

Намагниченная пауза.

— Чтобы ответить, мадам, на сей каверзный вопрос... э-э... вернее, не ответить, а всего лишь на сию тему малость поразмышлять, ловко уйдя от ответа, надо принять во внимание, что Россия не только субъект, страна, государство, не только какая-то идея и какой-то проект, даже и не только мир в мире, планета на планете, мироздание в мироздании, — Россия — это, с одной стороны, ухабистое поле напряжённой и бескомпромиссной... э-э... борьбы всего со всем, то бишь бытия и небытия, мира этого и мира иного, жизни и смерть, мира и антимира, человека и зверя, в общем — *всего со всем (акцентирует на словах)*, а с другой стороны — это своеобразный гуманитарный котёл, в котором беспощадно варится всё со всем, а из варева этого что-то этакое вываривается, как раз то самое, что мало того что делает Россию Россией, но и задаёт России неразрешимые задачи и готовит в ней немыслимые перемены с невероятными разрешениями.

— И мы все в этом вареве и варимся, — так получается? Уж не сама ли пассионарная преисподняя тут в трудовом экстазе? Не адский ли это котёл?

— Не без этого, сударыня... однако и не без возможности обрести вдруг что-то неожиданно новое, ранее неведомое, вовсе не обязательно хорошее и доброе, скорее, попросту иное. *(Пауза)* Короче — тут пространство невероятных

возможностей, точнее — невозможностей, оборачивающихся вдруг невозможным и возможностями.

— Это-то при нынешнем грабеже страны и утечке людей за границу?

— И при этом тоже!

Томная пауза.

— Знаете, мадам, мы всё равно всего не обсудим, да и не мало уже наговорили. Тема России — тёмная и тяжкая тема, она требует не только времени, но и душевной стойкости: Россия непостижима и тяжела, как непостижимо и тяжело само историческое время. *(Пауза)* Может, будем, как говорится, отчаливать, а-а?!

— Да уж, от гнёта времени и тяжести России никуда не деться *(Берёт бокал, слегла его поднимая)*. За наши отчаянные посиделки!

— За глубокомысленные, понимаешь ли, посиделки!

Допивают вино.

— О России мы ещё поговорим, любознательная леди, тем более что Россия, кажется, всё-таки есть, хотя её на территории России как будто бы и нет. Где ты, Россия, ау-у, отзовись! *(Усмехается)* И что интересно — отзывается, как раз своим неотмирным безмолвием!

— Линяем?

— Уходим по двое — я и вы, вы и я, — а там уж посмотрим!

Платят за угощение, выходят из заведения, нерешительно останавливаются перед станцией метро, бывшей совсем рядышком, наискосок от кафе.

— Знаете, — заговорила дама, — я сегодня никуда не спешу, может, пройдемся немного?

— Я тоже не спешу, да и люблю пройтись по Москве, особенно с очаровательной дамой под ручку. Так что впредь!

— Ладно уж... тоже мне очаровательной, в моём-то возрасте, а вот под ручку вас всё-таки возьму!

Поворачивают в сторону Арбата, но идут не к нему, а к Гоголевскому бульвару, по одному из любимых маршрутов нашего отшельника — закоренелого москвича. Некоторое время идут молча, но подойдя к статному памятнику, поставленному сталинским правительством в честь немало некогда раздавленного Россией великого борзописца Гоголя, дама заговорила, обратившись к своему спутнику.

— Кого только из гениев своих не распяла Россия... из тех же литераторов... вот и Гоголя!

— Так ведь и саму Россию известно, как мнут, гнут и распинают, — задумчиво произнёс спутник — и делают это ловко, с превеликим усердием и не без алчного удовлетворения. *(Пауза)* Мнут, гнут и распинают!

— Сегодня ведь... тоже.

— И сегодня тоже!

— И что же дальше, всё то же самое?

— Не без того, уважаемая: покоя и благополучия у России нет и не будет, а вот великое с ней и в ней происше-

ствие, как и великое её деяние, непременно будут и непременно всемирного разряда — так уж звёзды ныне сходятся!

Неторопливо отходя от монумента и продолжают путь по бульвару в сторону Храма Христа Спасителя.

— Откуда же это всё вам известно?

— Что-о? О судьбе России, что ли? Да из незнания, вестимо, из незнания, не от звёзд же, да я и никакой не звездочей. Там ведь ничего такого не написано — на звёздах этих, так что остаётся для меня только Великая Неизвестность с её софийным незнанием.

— И вы её, эту вашу Великую Неизвестность с её софийным незнанием, читаете?

Недоумённая пауза

— Нет, ни в коем случае, это она читает меня, а я лишь к себе присматриваюсь, заглядывая в своё сознание-вое нутро, где вдруг нахожу не существующие там тексты да кое-как их распознаю, ну и перевожу на доступный, так сказать, язык.

— Метафизика в действии, стало быть?

— Она самая... но не только.

— София?

— И София тоже. Она ведь любит роковые незнания.

— Чудно! За это-то вас, видно, и не любят, и не признают?

— Ну почему же не любят и не признают: и любят, и признают, будучи от меня в стороне и оставаясь самими собою. Тут-то всё ясно: за метафизику и не надо признавать, а

уж тем более любить. (Пауза) Меня даже более не любят и не признают как раз за вроде бы ихнее, им вроде бы близкое и понятное... э-э... хотя бы должное им быть понятным и для них вполне приемлемым.

— Поскольку идёт это не от них самих, не от признанных ими бесспорных авторитетов?

— Не без этого, а я, такой же вроде бы, как и они, все для них никакой не авторитет. Не могут же они вдруг признать какого-либо превосходства над ними такого вот типа, как вроде бы и они сами.

— Жаба, значит...

— Да-а... и жаба тоже, но ещё и страх... перед самими собой... страх оказаться всего лишь наполненными заумным хламом полупризрачными флаконами... э-э... а теперь вот всего лишь электронными айфонами.

— Гм! Мне их даже жаль.

— Мне тоже, но не так, как вам, ибо здесь вовсе не ошибка с их стороны, а предательство, да не меня, хотя для кое-кого и не без этого, а самих же себя, страны, мироздания, Бога наконец... не науки, конечно, — что её предавать, да и за что? — а вот предательство мысли свободной человеческой, уж точно!

Подошли к станции метро «Кропоткинская» и, мгновение поразмыслив, двинулись дальше, выбрав Пречистенку.

— Да-а, вам не позавидуешь!

— А я и не завидую, что мне самому себе завидовать, делаю своё дело и только! У меня уже достаточно накопилось подтверждений верности моего пути, который то ли я

сам себе заказал, ли он меня заказал, то ли кто-то меня по какому-то заказу на него вывел. *(Пауза)* Хотя было весьма тяжело сознавать свою почти что круговую неприкаянность — при в общем-то больших, даже и беспримерных, творческих деяниях, кое-каких и явных удачах.

— Не получили, видно, одобрительного от окружающих дозволения?

— Нет, не получил, да и получить сего мандата невозможно, не дадут, а вот, признание всё-таки получил, да ещё какое! Пусть и от немногих, но зато верное, честное, бескорыстное!

— Россия, значит, не только бьёт и калечит, но и пособляет, и поднимает, и держит?

— И бьёт, и калечит, и не пособляет, старательно мучая и никуда не поднимает, наоборот, держит, но зато упорно толкает тем самым в неведомое, за пределы всего этого, как раз в иное. Тем Россия и хороша!

— Нескончаемая тут борьба с Россией, не так ли?

— Да, пожалуй... но ведь и борьба вместе с ней, именно вместе — за то же иное.

— Чертовщина какая-то!

— Она самая и есть! Тем более что мы оказались с вами перед домом... видите его, на той стороне, большой такой, многоэтажный, угловой, с башней... так вот... мы перед тем самым домом, где, надо полагать, проходили пречистенские тусовки с участием автора незабвенного московского романа и где в одной из зал под высоким потолком была люстра, вообразительно перемещённая автором в не-

хорошую квартиру, как раз та самая люстра, на которой мог свободно раскачиваться нахальный кот Бегемот.

— Надо же, я и не знала!

— И я не знал, когда писал свой «Requiem».

— Но «Пречистенка» вам удалась.

— И кое-что другое тоже!

— Ваш «Русский Орден», к примеру?

— И «Орден» тоже! Там в общем-то всё удалось! Не удалось только внимательное и размыслительное прочтение читателем сего многозначного опуса... ну-у... мало удалось, почти не удалось.

— Не дадено, стало быть!

— Для меня это так и остаётся загадкой. *(Пауза)* Я как-то взял в руки сие произведение, открыл наугад и поразился живости, энергии и силе текста, его не только событийной актуальности, но и какой-то непроходящей смысловой верности, в полном соответствии со всей происходившей тогда и сейчас происходящей правдой, хотя истинная правда куда как страшнее и безобразнее, чем это дадено в моём произведении.

— Наверное, всё тут не случайно: и тот московский роман, и ваш роман о романе, и непонимание читателем ни того, ни другого из этих потаённых в общем-то писаний.

— Да уж, похоже, что так... именно писаний и именно потаённых!

— То ли время не пришло, то ли это вообще за пределами просвещенческого разума, уж не знаю.

— Негласный запрет на смысловые проникновения, да вот от кого — от Бога или от дьявола?

— Вполне возможно, что от обоих сразу, хоть и по разному, разумеется, мотивам.

— Это, видно, касается и всей вашей метафизики.

— Кажется, да! И когда я это всё осознал, то... нет, не успокоился, а, скажем так, утвердился... э-э... в самом себе... и в России, конечно, тоже.

— И чего же это стоило?

— О-о, любезная мадам, не будем об этом, да и метро уже пред нашим взором, которое нас обоих, я полагаю, может вполне и устроить.

Идут ко входу в благодатное московское метро.

— Ох, не хочется с вами расставаться, дорогой сторонний странник, а надо!

— Думаете, мне хочется с вами расставаться, но льщу себя надеждой, что это не последнее наше с вами randevu.

— Конечно, не последнее!

По-братски и по-сестрински обнимаются и по-граждански твёрдо расстаются, направляясь каждый к своему спуску в московскую рукотворную преисподнюю, полную электрического света и снующих туда-сюда гоминидов с безучастными, отрешёнными, а то и угрюмыми, лицами, надёжно уткнутыми в соучастливые им и полные «тайн» айфоны, впрочем, в подземку уютную и красивую, самую лучшую в мире — сталинскую!

Волхвы

Да-да, именно так: *волхвы*!

Ну пусть не совсем волхвы, хотя кто знает, ежели... *волхвы*!

Можно, конечно, по-разному воспринимать сих неожиданно явившихся к ещё далеко не отшельнику, но уже вполне себе значимому неометафизику — герою сего повествования, трёх (!) загадочных персон — двух мужчин и одной женщины, — и явившихся не просто так, а с кое-какой сакральной миссией: поддержать ослушника от науки духовно, причём не без предложения нашему герою символического, но вполне при этом вещественного, подношения в виде... *трапезы*, съестных, так сказать *даров*, заранее приготовленных и предоставленных нашему герою в составе двух каких-то восточных вегетарианских блюд и какого-то сладковатого душистого напитка.

Да-да, так оно и было — неожиданно, чудесно и споро — без всякой на то нарративной фантазии!

И он ел, эту незатейливую снедь, запивая пряным напитком, ничуть ничего не боясь, не давясь, не выказывая никакого недоуменного неудовлетворения, которого, надо заметить, не было и быть не могло.

Ел и слушал, сообразив, что к нему таки пришёл Восток, как когда-то он сам приходил к Западу, а из сообщённого ему главным лицом из явившейся троицы — *вестником*, к тому же и явно более всего духовно, ментально и практически подготовленным, ещё и заметно старшим по

возрасту, в общем, явным из них гуру, что Восток сей пришёл к нему от имени или, скажем попроще, со стороны Индии, но не самой по себе Индии, а индийской традиции, индийской культуры, индийской мысли, что была когда-то воспринята и транслирована в России Рерихом и той же Блаватской, чьими приверженцами, как оказалось, были и явившиеся к нашему герою персоналии.

«Вы — *третий!*» — заметил гуру, чему наш заправленной едой и питьём герой немало подивился, но возражать не стал, над чем, конечно же, заинтересованно размышляя.

Странные визитёры приходили три раза и всегда проходила процедура символического кормления хозяина метафизического в их понимании кабинета.

И вот что в итоге сих необычных визитов вышло, ежели собрать воедино всё кратко, но чётко тогда проговорённое.

«Вы обратились в трансцендентному — и это правильно! Идите этим путём и придёте к истине, которая вас ожидает! Не смущайтесь и ничего не страшитесь! У вас всё получится!»

— «Вы меня благословляете?»

— «Да!»

— «Но ведь я не имею никакого отношения ни к Рериху, ни к Блаватской, хотя знаю их учения и уважительно к ним отношусь»

— «Имеете! Однако не в связке с ними, а, скажем так, в общности выхода в иное смысловое пространство. Идите

и обрящете! Своё обрящете! Звёзды так сходятся, да не только над вами, а и над Россией, даже надо всем миром»

— «Я никогда об этом не думал, я только ищу ответов на вопросы, которые передо мной ставит прежде всего текущая реальность, и, кажется, что-то всё-таки нахожу»

— «Вот именно, вы на правильном пути, и вы такой один — из нам известных, отчего и мы здесь, у вас, с вами»

— «Как же вы, уж извините, нашли меня?»

— «Это наши методы, и мы их не разглашаем»

— «Странно!»

— «Ничего не поделать, да и не мы ведь вас избрали. Мы никак не хотим на вас влиять, вы должны сами идти своей дорогой — она перед вами открыта!»

— «Гм, гм!»

— «Только одно к вам с нашей стороны долженствование — *идти*!»

— «А вдруг не туда зайду!»

— «Вот поэтому-то мы и здесь: не направить, а помочь, не добиваться чего-то, а оберечь! Тут ведь лишь нам известное продуктивное сочетание ментальной дороги, по ней идущего, вешек на дороге и поджидающего идущего конечного обретения, но мы знаем дорогу к сему обретению и знаем теперь по дороге идущего. Идите!»

— «Ладно... попробую!»

— «Да нет, пробовать не надо, вы уже идёте и как раз по этой дороге»

— «Интересно!»

— «Наша миссия — поддержать, а вот выбор, кого же поддержать, не за нами. Судьба есть судьба, от неё не уйти, а тут и сама судьба вам в руки. Так всё само и сошлось!»

— «Да-а, как говаривал Пушкин, — иди туда, куда влечёт тебя свободный ум!»

— «Этого мало: иди туда, куда... *влеком*... твой свободный ум! Так, пожалуй, вернее!»

— «Ну что ж, раз так, то значит так! Я признателен вам, уважаемые вестники, за неожиданную и столь сильную поддержку, которой, скажу я вам, мне очень не хватает!»

— «Потому-то мы и здесь! Мы понимаем, где вы, с кем вы и среди кого. Ваш вырыв в трансцендентное достоин восхищения и поддержки, мало того... сакральной поддержки. Удачи вам!»

— «Благодарю! Ваше явление не то что во-время, оно реально необходимо, ведь вокруг так мало понимания и поддержки. Желаю и вам исполнения ваших чаяний!»

— «Россия ещё скажет своё слово, на неё ведь вся надежда, вот и вы вместе с Россией... ну и мы с вами... и с Россией тоже!»

— «Спасибо!»

— «Держитесь и никогда не отчаивайтесь!»

Больше волхвы к нашему герою не приходили, хотя их гуру ещё позванивал ему несколько лет по случаю новогодних бдений, узнавая о его самочувствии и желая удачи.

Однако как-то уже через годы гуру вдруг предстал, по какому-то своему делу, перед нашим героем, уже ставший мудрецом-отшельником, несколько постаревший, но всё такой же бодрый, полный каких-то замыслов и надежд, пожа-

луй что, и обуреваемый каким-то важным для него проектом, прямо-таки летавший по кабинету нашего героя (обычно учителя «спящие», а тут... «летающий»), и, поговорив озабоченно о тревожной ситуации в мире и ведущейся уже вовсю войны Запада с Россией, заверил нашего героя в неизменности своей волхвической ему поддержки.

— «Не беспокойтесь, с вами будет всё в порядке!»

Вот такая случилась с нашим героем история: как хошь, так и относись, а вот верить в неё не надо, хоть это на самом деле и было — зачем-то ведь было, но зачем же в это верить?

Русский

В самом деле — что в нём *такого*?

А всего-то... э-э... *Россия*, да-да, родная ему, как и многим другим, *Россия*, но родная не тем, что это его территорияльная или даже историческая родина, и не тем вообще, что он патриот и любит свою родину, вообще нет, тут дело куда посложнее, даже сложнее того обстоятельства, что Россия в нём, а в том, что... нет, вообще даже не в том, что он весь в России, а в том, что тут... э-э... некое магическое слияние: его сознания (и бессознания тоже) с сознанием (и бессознанием) России, как и наоборот!

Слияние!

Отчего так? Можно тут рядить и так, и этак, но восходит всё, вполне и трансцендентно, к русскому генезисному чреву (генетической преисподней), произведшему от декабря 1940 г. по сентябрь 1941 г. некое то, или некоего того,

что или кого ему то ли нужно было, то ли не нужно (так уж вышло), в общем — некий организм, некую особь, персону, личность, а чуть иначе — этакий микроэгрегорчик, зачем-то или не зачем-то, но совпавший вдруг со всем глубинным эгрегором России.

Наш герой — частица, если не часть, глубинной России, её полномочный представитель, выразитель её концепта и адепт её идеи!

Какой же?

Да никакой!

Он из тех, кому велено думать о России, как раз той самой — *глубинной*, ничего о ней доподлинно не зная, всячески ей тем не менее споспешествовать, даже ежели она сама о таком субъекте не особенно думает и не слишком ему пособляет.

Это только людям науки для науки кажется, что они люди некоего особого идеально-абстрактного мира, вполне себе и планетарного, сверхнационального, а с Россией их связывает лишь место рождения, жизни и труда. И правильно им это кажется, ибо они всего лишь счастливые научники, подобранные случаем или даже судьбою агентировать в отвлечённом космополитическом знании, а никак не избранные Провидением страстотерпцы, обречённые на странно-сострадательное единение с Россией, ментально-деятельное в ней участие.

И кое-что весомое этим бедолагам всё-таки удаётся, ибо этого хочет сама Россия, за которой и Бог, и София, и какой-то сакральный Проект, и все, знаете ли, предки, но от которой зависит и вся будущая будущность потомков.

Да, это удел, доля, ноша, при этом и испытание, и страда, и страдания, и даже пытка, хотя нет ничего более дивного, верного и значимого, чем быть в слиянии с Россией, получая от неё как дары и удовлетворения, так и невзгоды, и тычки, но при этом и не сравнимые ни с чем экзистенциальные прерогативы.

Россия для её избранников — *первая и последняя вера*, — ненавязчивая, верная и неустраимая!

И смысл всего их бытия тоже!

И само их бытие!

Факт!

Ох, как всё тут не просто: служить тому, чего вроде бы и нет, — где он — эгрегор России? хотя всё-таки есть — этот реализующийся в веках загадочный эгрегор России!

Кто они — эти избранники и в то же время пленники России? Кто ж знает: они ведь никак себя особо не обозначают, а многие и вообще остаются неизвестными в туне бытия-истории? Ясно, конечно, что это духовники, мыслители, устроители, воители, в общем — столпы, на которых или благодаря которым держится в веках Россия со всем своим иноходным народцем: волхвы, святые старцы, мудрецы, пророки, деятели, первопроходцы, строители, князья, цари, полководцы, словесники, художники, служители муз. Их много, очень много, но каждый из них — единица, а иначе и быть не может, ибо только он и только всегда один, хотя все они вместе, но вместе с Россией, через Россию, в России. Они приходят в русский мир, что-то делают, творят, бедствуют, бездействуют, отчаиваются, терпят поражения, одерживают победы, торжествуют, а победы их куда-то

уходят почти что и не замеченные, а Россия то остаётся — благодаря и этим бедолагам — вечной!

Что это за россыпь такая удивительно-уникальная, русско-российская, не партия, не организация, не секта, но ведь есть она — эта драгоценная россыпь?! Не «ужахайся», читатель, но это... *орден*, да не тот, как и не этот, а совсем другой — незримый, рассеянный, трансцендентный, в общем — наш, русский, бесподобный, никем осознанно не созданный, не контролируемый и не управляемый, сам по себе и сам собой, не существующий наяву, но в яви очень даже действующий — «*Русский орден*»!

Примеры? Пожалуйста: Ярослав Мудрый, Александр Невский, Сергей Радонежский, Иван Посошков, Михайло Ломоносов, Александр Пушкин, Серафим Саровский, Фёдор Тютчев, Александр Горчаков, Михаил Скобелев, Лев Толстой, Василий Суриков, Илья Репин, Александр III, Фёдор Достоевский, Дмитрий Менделеев, Пётр Чайковский, Иоанн Кронштадтский, Пётр Столыпин, Фёдор Шаляпин, Александр Блок, Сергей Есенин, Сергей Рахманинов, Сергей Булгаков, Иван Бунин, Михаил Булгаков, Пётр Врангель, Иван Ильин, Владимир Вернадский, Илья Глазунов, Георгий Свиридов, Евгений Светланов, даже и Иосиф Сталин. Это всего лишь отдельные примеры, всего лишь некоторые имена. О современниках мы уж помолчим, их сейчас, может, и не очень много, но тоже хватает — этих верных сынов земли русской!

В этот орден нарочито не вступают; грамоту, медальон, крест или перстень по случаю вступления не получают; клятву на верность ордену не дают; в гроб при приёме не

кладут; в этом ордене оказываются, того и не зная, ибо не по личному желанию вовсе, а по воле Божией, да и не так с деяниями, как со всей жизнью, со всей своей судьбой, со всей личной экзистенцией.

Тайны тут никакой нет, хотя есть об ордене видимое незнание или же не хотение знать со стороны «общества», со стороны окружающих, даже и близких по жизни особей, а то и со стороны и самого скромника-орденца.

Тут всё не однозначно, не прямо, скорее — криво, не слишком ясно, туманно, поливалентно, — в особенности относительно реальных деяний, достижений, личных заслуг, отчего ни списка орденского нет, ни храма с именными памятными досками, ни почётных знаков и званий, ни несмываемых и невыгораемых печатей. А сколько зато домыслов, умыслов, недоразумений, сплетен, вранья, но и рассказней, легенд, мифов: и где тут правда, а где выдумка, а где интригующая золотая середина, кто ж из ленивых, незлобивых и безразличных, не говоря о зловердных, корыстных и тоже безразличных, русских это знает?!

Наш герой немалое время (почитай четверть века, а, может, и поболее!) был когда-то сначала молодым, потом зрелым, а по истечении срока, пожалуй что, и выдающимся классическим учёным, мало того — занимавшимся более всего Западом, Европой, той же любимый им Францией, да вот развернулся однажды на все 180 градусов, почти как знаменитый премьер российский со своим самолётом над Атлантикой, что, правда, случилось с премьером весьма попозже — в 1998 г., когда как с нашим героем случилось заметно раньше — уже на рубеже 1980-х и 1990-х гг., и раз-

вернулся он от Запада с его Францией к отчизне своей — СССР-России, как раз в момент дурного разворота отчизны его к Западу, Европе, США, мало того, он сделал это, забросив свой западного вектора изыскания и обратив свой размыслительный взор более всего на Россию, на свой — русский прежде всего — народ, на русский мир, на необыкновенно отчаянную русскую судьбу.

Уж коли ты русский гуманитарий-обществовед, то чем же тебе было тогда приоритетно заниматься, как не Россией, попавшей вдруг в страшный бытийно-исторический переплёт, да что переплёт, в чёрную воронкообразную дыру, в самую бездну, причём не так даже заниматься Россией надо было, как жить и выживать, страдая вместе с ней, ища не только объяснение всему дьявольски в ней воцарившемуся, как искать каких-то выходов из сваливавшегося на родину безысходья — уже как гражданину, а точнее — как просто русскому человеку?!

Его насыщенная событиями, переживаниями и трудами жизнь, конечно, продолжалось, он даже бывал за границей, в той же своей любимой Франции, но жизнь в родной стране очень уж споро и красочно окрашивалась в западные, точнее, как всегда, квазизападные, цвета, даже и лжезападные, а главное — в жёлтые, серые, чёрные, хотя, как ни странно, жива была и даже выбиралась, пусть и неуверенно, на свет Божий и *Россия как Россия*, сбрасывая с себя вдруг заржавевшие советские оковы и не погружаясь насом всем в западные постмодерновые хляби.

Он, несмотря на моральную верность павшему строю, его породившему и вдруг его же и продавшему, встал тогда

на сторону унижаемой, поносимой и пренебрежительно отрицаемой, но за себя всё-таки боровшейся России, поскольку знал посконную-де, но как раз настоящую, Россию не понаслышке, не издалёка, не из-за угла, а напрямую, открыто, глаза в глаза, в полном с ней единении, как раз ту самую святую Россию, которую ныне принято называть глубинной, а, попросту говоря, *Россию народную* — трудовую, служивую, православную, даже и княжескую, а в чём-то и волхвическую.

Знал Россию, но погруженным в её смысловое нутро, в её эгрегор, долго всё-таки не был, да вот и стал тогда, в крамольные 1990-е, в Россию всерьёз всматриваться, напряжённо думая о ней, что как раз стало ясно уже позже — как волхв, как князь, как негласный член незнаемого «Русского ордена», в общем — как *русский среди русских!*

Погружение сие в Россию привело нашего героя к встрече, может, даже и к контакту, выражаясь современно (не к коммуникации же!), с великим предшественником, радетеlem за землю русскую, молитвенником за неё, однако и деятелем, от которого вся Русь Святая практически и пошла, оснащаясь церквями и монастырями, с великим государственным, тружеником, а если и стяжателем, то лишь Духа Святого, как и ответственности с самодисциплиной, с великим скромником и аскетом, сходявшим пешком на Афон, отказавшимся от патриаршего престола, с воистину русским святым.

Да, этот наш герой пришёл к нему, уже будучи крещёным по православному обряду, почтительно склонился перед его мощами, а затем испросил у духа святого благосло-

вения в делах своих, как ему казалось, вполне богоугодных и России крайне надобных, — и получил, как ему тогда показалось, почувствовалось, открылось сие благословение, а затем, как стало подтверждаться и подтверждаться, получил поддержку и помощь всяческую — от людей, через них, от институций, через них, но, что особенно важно — как бы ниоткуда и вполне неявно, трансцендентно, как раз непосредственно от Него, кого недаром же сама Богоматерь доверительно навещала, да и не один раз!

Вот он — сакральный контакт с глубинной Россией-Русью, причём вовсе не только в лице православного подвижника — монаха и богомольца, святого земли русской, но и в лице, и через предшествовавшего ему на Руси волхва вещего, как и через действовавшего под его святым покровительством великого князя русского!

Волхв — мудрец и вещун, князь — устроитель и оборонитель земли русской, старец — духовник и провидец. А ежели учесть, что старец сей ещё и был личным покровителем того самого мыслителя русского, который мало что оказался наиболее близким по вектору и ходу мысли нашему герою, так ещё и прозорливо поучаствовал в становлении русской софийной философии, не говоря уже о софийном христианском богословии, как раз всего того, что стало ментально и духовно очень даже дорогим для нашего героя, в особенности, когда он в Россию и русскую мысль с головой окунулся и душою своею к России накрепко прикипел.

А творил сей русский мыслитель-первопроходец всю вторую часть своей творческой жизни, будучи провиденциально во спасение высланным за границу, не где-нибудь, а в

Париже, в необычном месте с сем чародейном городе, обрётённым русскими людьми в день святого подвижника земли русской, а потому и обретшем его сакральное имя, отчего вновь там сошёлся мыслитель-первопроходец с русским святым, уже в Париже, а ведь был при своём крещении наречён именем сего святого, ставшего его — мыслителя — небесным покровителем, а родился и возрастал сей мыслитель в замечательном городке, что на Орловщине, о котором всегда помнил и сердечно отзывался, кстати в городке, близком тем орловским местам, откуда вышли и предки по отцу самого нашего героя.

Но это не всё: мыслитель, о котором речь, принявший активное участие в работе Русского православного собора 1918 г. и лично содействовавший избранию нового патриарха через две с лишним сотни лет после Петровского «наката» на РПЦ, а через некоторое время принявший из рук сего патриарха священство, жил тогда в Москве не где-нибудь, а в Хамовниках, совсем недалеко от школы, где учился когда-то ещё при сталинском режиме наш герой-отшельник, тоже хамовчанин.

Вполне, как оказывается, исповедимы иной раз пути твои, Господи!

Да, герой наш оказался по жизни и многим делам своим европейцем, как и французом, но по сути не оевропеился и не офранцузился, а остался русским, а в роковые 1990-е ещё и, не побоимся этого слова, сакрально русским, что и вынесло его на гребень русской софийной волны — вполне для него и для России судьбоносной!

И какое же отношение ко взлёту им созданной, вдохновляемой и ведомой институции, о которой шла речь выше, имеют Россия, русский мир, русскость, в общем — всё собственно *русское*, то бишь не европейское, не азиатское, не евразийское, не говоря уже о норманнском, византийском, ордынском? Нет, вовсе нет, дело тут не в том, что сия институция, объявив себя де русской, целенаправленно занялась всем гуманитарным русским, а совсем в другом: случившаяся с родной страной, лишь номинально, частично, скупо и чуть ли не стыдливо прозывавшейся Россией (Российская Федерация — форма, а не Россия по существу, не говоря уж о РСФСР или том же СССР), страшная гуманитарно-экзистенциальная катастрофа — БОЛЬШАЯ БЕДА! — заставила нашего героя не просто обратиться к познанию каким-то образом вновь сохранившегося и вновь спасшего родную страну русского — как раз гуманитарно-экзистенциального — ядра, вполне себе и упрятанного в бытийно-исторической нави, а не наивно сообразить, что никакая каноническая мысль, давно уже оседлавшая человеческие мозги, ему — нашему герою — в познании, а главное — в осмыслении России, Руси, прото-Руси, прото-не-Руси не поможет, наоборот, уведёт от решения задачи не просто в сторону, а в учёно-беллетристическую топь, где его — нашего героя — мысль и утонет.

И какой же был нашим героем опознан и воспринят выход?

Ни много, ни мало, как через обращение к *новому*, ещё не бывшему ранее (можно сказать, что и вообще не бывшему), воззрению на Россию, её исторический путь, на её суть,

её идею, её концепт, её эгрегор, что сделать можно было только через выработку *иного* — вообще *иного!* — воззрения на всё вокруг — на человека, Землю, мироздание, даже и на Бога с Софией, что и обусловило и определило в конце концов выход нашего героя и его институцию на *новую метафизику*, на «*Мета*», на *Иное*, на *Великую Неизвестность*, на *Софию Премудрость Божию*, вынудив тем самым, уж извините, господа, и на кое-какой собственный гносеологический взлёт.

Несчастье, большое несчастье — НЕСЧАСТЬЕ! — случившееся уже не только с родной страной, а и с Россией как Россией, тут, увы, помогло, с одной стороны, отвести в сторону все идейно-мифотворческие пути, в которых пребывал, да во многом и сейчас пребывает, любой отечественный гуманитарий, а с другой — вытащить из онтоса и из себя *иной* взгляд на вещи, при этом, что очень важно, погружаясь в онтологию России как России, словно в колодец какой-то, кишащий разными нехорошими тварями и набитый ловко расставленной паутиной, и, борясь с тварями и освобождаясь от паутины, обретать необходимое *незнание*, способное подать Россию как новый онтос — *иной* — и выдать на гора способный это принять новый — *иной* — гнозис.

Сказка тут, мол, и всё! Да — сказка, но, увы, и быть тоже — сказочная, конечно, быть, как раз вполне соответствующая как самой загадочной России-Руси, так и её веющим сказкам, которые почему-то куда как ближе к реальности и истине, чем горы учёных, литературных, публицисти-

ческих и иных писаний, от затуманенных Византизмом и Просвещением веков!

Да, герой наш вытащил на свет божий онтологическую русскость, а русскость ответила ему тем, что вытолкнула его в новую вообще гносеологию, вытолкнув туда же заодно и его — нашего героя — институцию.

То ещё получилось нежданно-негаданно схождение — *огненное!*

Фенатен

Наш герой-отшельник был и остаётся сыном своего исторического времени, цивилизации, которую он застал при своём рождении, которую затем впитывал, став её продуктом, участником и в меру опорой. Пройдя первую юношескую школу, оказался в лоне лучшего в стране и одного из лучших в мире учебно-научных заведений, что располагался, да и сейчас располагается, одновременно как в самом сердце столицы, у Кремля, так и на большом московском взгорье, не без потаённой магии, царственного величия и откровенной гордости возвышаясь над столицей устремлённой в небо пикообразной пирамидой.

В общем свезло: студентом, аспирантом, преподавателем, профессором, учёным, администратором, директором!

Мало того: основателем и руководителем сначала вроде бы чисто функционального научно-экспертного учреждения, открытого на более и не менее, как Правительством СССР (1990), оснащённого хорошим бюджетом и невиданными полномочиями, собственным уставом, хотя и в итоге,

так уж случилось в разорные 1990-е., небольшого, почти что микроскопичного, в материальном отношении очень скромного, но, как оказалось, весьма и весьма удалого — действенного, эффективного, оригинального, уникального, безаналогового и, знаете ли... *авторитетного!*

Не сразу, конечно, но возник из новой институции беспрецедентный по творческой силе, а главное — по размыслительной сути, очаг сначала просто научно-гуманитарной, а затем и философско-метафизической мысли, причём не старой метафизической, а новой — *постнаучной, софийной*, а со временем и *софиасофской*.

Создавался сей своеобразный институт как умственный споритель для высших властных инстанций, но случился переворот 1991 г., и институт сей вместе с его создателем и руководителем оказался, как незрелый бастард, прямо ... *перед самим собой*, вовсе не на каком-то там перепутье, не на развилке каких-то там дорог, а на полном бездорожье, когда ни направо, ни налево, ни прямо — и не потому что страшно, а потому что... некуда, кроме как... *в себя самого*, что и произошло, и вышло, и состоялось!

Сказалось, конечно, властное прикрытие, но пришлось и побороться за жизнь института, за себя, за своё дело, а однажды голосовать против всех сразу, тут же почувствовав себя, будучи персоной весьма известной в кругах голосовавших, полным изгоем, да что изгоем — мертвецом! — а со временем и лишиться возможности быть среди всех этих нарочито верных начальству и вполне принуждённо, хоть и по виду свободно, голосующих.

Однако выжил, не без кое-какой извне поддержки и весьма ловкого собственного маневрирования — не поощряемый, не приветствуемый, немало и теснимый, хотя и напрямую не гонимый! — да не просто выжил, а создал воистину по стране и миру нечто беспрецедентное: живший своей и только своей жизнью очаг большой мысли, да ещё какой мысли — новой, целостной, мировоззренческой, провиденциальной, акционной, метафизической, софийной, а главное — свободной, источной, первозданной!

Вокруг очага сложилось действенное учёное сообщество — из представителей разных наук и сторонников разных течений мысли, пошли конференции, семинары, публикации, сборники, книги. Было образовано немалое числом Учёное собрание (1998), основан, быстро ставший беспрецедентным, научный журнал (1999), учреждена своя Академия (2009), объединившая наиболее приверженных новому течению гуманитарной мысли российских и зарубежных учёных.

Из малой искры разогрелось-таки большое пламя, яркий свет от которого заметно смущал многих из адептов затуманенной догматикой и доктринёрством учёной среды, отчего в адрес необычного очажка летели недобрые слова, ложные суждения и недобросовестные приговоры, заниженные и совершенно несправедливые, если не подлые, оценки, кривоватые насмешечки, умные-де недоуменьица, но... дело всё-таки делалось, живая жизнь утверждалась, творчество худо-бедно процветало.

Непонятно для среды это было, странно, невозможно, но... *было!*

ЯВЛЕНИЕ!

Не в угоду, а вразрез; не в соответствии, а вопреки; не по заказу, а по-своему!

ФАНТАСТИКА!

Почему же?

Покровительство?

Не без него! Но было и ещё кое-что: воля, стойкость, ну и везение тоже. Хотелось кое-кому сие «недоразумение» заткнуть, погасить, ликвидировать, приходилось сжиматься и терпеть, удерживая как-то сам по себе сложившийся негласный паритет, более того, подавливали, отжимали, лишали, не давали ходу, замалчивали, игнорировали, но в целом же как по сути вершившихся деяний, да ещё и каких деяний (!), ни одного негативного официального замечания, ни одного — от начала до сей поры!

Да, было правовое прикрытие, был устав с неограниченными полномочиями, была и кое-какая из высших кругов защита.

Работали-то вовсе не в размыслительный ящик, не в пустоту, а и на высшее правление, да ещё и как работали — не заказными справками, ещё и щедро оплаченными, а своим собственным свободным мнением, поэтому и особенно ценным. Кто ещё мог дать столь живые картинки вроде бы уже протекшего, но всю ещё скрытно или нет бытовавшего недавнего лихого прошлого, как и протекавшего перед глазами неоднозначного настоящего, неумолимо накатывавшего на страну и мир проблемного будущего, как и воззвать к потребностям страны немедленным — масштабным и глубоким — переменам; кто, кроме свободно мыслящих,

ни от кого не зависевших, государственно (национально, имперски) ответственных, наконец, и попросту высоконравственных (не без учёной совести) людей?

ЛЮДЕЙ!

Слышите, господа, — ЛЮДЕЙ! — а не просто учёных, экспертов, знатоков, кандидатов, докторов, доцентов и профессоров!

Кто мог, кроме как раз ЛЮДЕЙ, вовсе и не «новых», и не «старых», а... *настоящих*, идти меж догматов к новому, просторному, свежему, совсем даже не строго научному и не обстоятельно философскому, восприятию и трактованию реальной реальности на траверсе Софии Премудрости Божией; кто мог, кроме них — этих ЛЮДЕЙ — думать о России как России, да ещё и в момент разнузданной якобы прозападной, а более всего, попросту проколониальной, антирусской и антирусской реформистской-де вакханалии; кто ещё мог, кроме сей могучей ЛЮДСКОЙ кучки, стоять за человека как человека, сопротивляясь постмодерновой — аморальной и технотронной — мутации человека в постчеловека и т. д., и т. п.?!

Очаг сей как официальное самостоятельное учреждение всё-таки накрыли серые человекообразные тени, ровно через четверть века его небывало плодотворного существования, и... ликвидировали, правда, сделали это не без ведома нашего героя и на его условиях, а потому сам очаг как очаг всё-таки остался, он горит, пыхтит, работает, вот уже тридцатый год, его по-прежнему знают, его ценят, с ним союзничают и сотрудничают, ему верят, в нём охотно валятся, преображаясь (как тут не вспомнить ершовского

«Конька-горбунка» с его чудесными «мутационными» котлами-чанами»), им — этим очагом — живут, подтверждая свою ЛЮДСКУЮ натуру, думают, едят, издаются, да не в СКОПУС'е, а у себя, ПО-ЛЮДСКИ, ради своей мысли и реальных смыслов, ради мира человеческого и ради своей России — РОССИИ как РОССИИ!

Да, тут и в самом деле феномен, да что феномен — ФЕНОМЕН!

Не имеющий аналогов ни в России, ни в мире: три с половиной ставки, без бюджета, без помещения, без оборудования, но зато с сотнями участников великого общего дела — каково, а-а?!

Оригинальный, тоже не имеющий аналогов, содержательный, изящный, признанный в стране и за рубежом, топ-журнал, уже просуществовавший более 20 лет, не коммерческий, поддерживаемый благотворителями из бизнес-интеллектуальных кругов, долго остававшийся не признанным в качестве достойного-де издания в родном заведении, от имени которого издавался и издаётся — и вовсе не по причине какого-то недостойного содержания, а по несоответствию-де рабско-колониальным наукометрическим параметрам, навязанным из далёкого рубежа ловкими от якобы науки бизнес-сутенёрами и пошлыми убийцами любой свободной гуманитарной мысли.

Справедливость всё-таки наступила: в самом конце пандемийного 2020-го журнал был-таки признан в родном заведении де-факто, а не только де-юре, *своим* — СВОИМ!

Виктория! Не первая и, надо верить, не последняя!

А ещё говорят о какой-то там научной новизне! Нет, господа, нет больше никакой гуманитарной науки с её непреходящей новизной, ну пусть почти нет, а есть лишь более всего её имитация, сопровождаемая наглým, замешанным на криминале, алчным присвоительством.

Да-а, есть тут какая-то фантастическая инкубация и фантазмагорическая засылка в среду науки и образования отвратительных вирусных блох, принимаемых учёным-де миром за последнюю наукометрическую истину, и прямо-таки истериальная ловля этих виртуальных блох «людьми», называющими себя по злой инерционной иронии, не кем-нибудь, а... учёными (!), разве лишь ещё не покрывшимися шерстью, чего, кстати, они и не успеют сделать — исчезнут скоро и споро, с головой и с потрохами, надёжно и навечно в «искусственном разуме», вовсе не обязательно, что и технотронном: наука с образованием ныне всё более и более, да и не без заметного удовлетворения сверху, снизу и с боков, сами обращаются в самый что ни на есть «искусственный разум», исполняя тем самым тайные заветы лукавомасонского Просвещения.

«Искусственный разум», заметим — ещё всё-таки «разум» — ведь дело-то идёт к «искусственному *без-умию*», — да что идёт — уже пришло!

Да-да, именно так — к *без-умию* по уже не человеческому, которое ещё можно как-то выправить, ловко обойти, а то и не допустить, а тут, знаете ли, тот ещё *без-умный* Левиафан, против которого уже просто так и не попрёшь!

Однако — феномен, о котором здесь речь, как раз тот самый, который его — нашего героя, как и наш, да и вооб-

ще людской, — то ли как последний всплеск человеческого разума, но ли, наоборот, как первый его новый выплеск — кто знает?

Вернёмся, однако, к самому ФЕНОМЕНУ: откуда и почему всё это взялось: стремление, намерения, силы, деяния, даже и немалая удача? На пустом-то месте, из ничего, из ниоткуда!

Интересно, любопытно, занятно — не правда ли?!

Нравится это кому-нибудь или нет, но, помимо учёта институциональных и иных внешних обстоятельств, тянется невольно экспликативная ниточка к малопонятной личности нашего героя — факт! — да вот что в ней, уж извините, *такого*?! — ясно, что ведь ничего в ней особенного, кроме, разве... а-а... как раз... того самого — *непонятного*, что есть отчего-то в ней и чего почему-то нет в других!

Загадка!

И немалая!

Вещи

Разное вещее сопровождало и даже вело по жизни нашего мудреца-отшельника, а кое-что он и сам неплохо вещал — сначала что-то локальное, частное, личное, незначительное, а потом и общее, очень даже общее — большое и значимое, очень даже большое и очень даже значимое!

Да, были у нашего героя по жизни мгновения необыкновенного, вполне и чудесного, *вдохновения* — внезапные, как водится, казавшиеся герою нашему вроде бы и не особенно вещими, но, как потом выяснилось, вполне себе и

вещие, скорее даже, что-то всего лишь предвещающие — из неизвестного — и для нашего героя, и не только для него, а и вообще для... но не об этом тут речь, главное — *были!*

Были и действительно вещие вести, они же и предсказания, которые, как ни странно, сбывались, пусть и не совсем точно, но зато, как сейчас стало модно говорить, адекватно.

Большого для себя значения сим вещим фактам наш герой долго не придавал, да и что было о них думать — жизнь текла себе и текла, в целом, надо полагать, споро и удачно, но пришло время всё-таки надо всем этим нашему герою всерьёз задуматься: «А ведь он есть — этот адекват заранее вещанного происходившей затем реальности, да не только из ему самому откуда-то зачем-то вещанного и так или иначе исполнявшегося, но и, что как раз самое главное, и им самим вещанного — что из творческого, сказанного, писанного, что, знаете ли, из скрытого, эзотерического, пожалуй что, и мистического.

Есть, есть он, этот адекват, кто бы сомневался!

Одно дело — погружение в смысло-содержательный поток реальности и, пусть и не исследовательское, даже не познавательное, провидение кое-какого будущего — то ли самоприходящего, то ли всё-таки так или иначе чем-то или кем-то вызванного, когда есть либо проекция, либо даже проект, но то и другое всё-таки в потоке реализующейся и так или иначе провиденциально возможной реальности, однако совсем другое дело — внезапное откровение: смысловое, событийное, даже и никакое, как раз то самое, которое

открывает, освещает, объясняет, вселяет знание, возвышает, бьёт, измывается!

Такие откровения вообще присущи вообще людям, но при это разным вообще людям и разные вообще откровения, а разные откровения — не то что разным людям являются, а к людям всё-таки определённым, а некоторые из откровений — только к некоторым из них — единицам! Наш герой, кажется, этого не избежал — не то что некоторых откровений, в именно единичных, как ведших его куда-то, так никуда его и не ведших, но зато кое-что ему вдруг открывавших, да такое! — что то ли радоваться было от этого, то ли очень даже нет!

Особенность в явлении откровений двоякая: как в особом состоянии сознания — по-особому напряжённом, сосредоточенном, к чему-то неизвестному вдруг открытом и восприимчивом, так и в совмещении сознания индивида с сознанием... нет, конечно, не с сознанием в буквальном смысле, но с чем-то аналогичным сознанию... самого бытия, мало того, даже и самой Великой Неизвестности, не говоря уж о Софии Премудрости Божией, которая есть в общем-то прямое произведение от Божиего Сознания, а в итоге: то ли проникновение редкой особи в суть вокруг происходящего, то ли проникновение самой этой сути в сознание избранного ею индивида, но так или иначе всегда выходит какой-то знаниевый результат, обычным (рядовым) сознанием не очень-то поначалу признаваемый, да почти и не признаваемый, а потом... потом вроде бы даже признаваемый, но непременно как что-то уже само собой разумеющееся, без упоминания, как правило, первоисточника, ко-

того по общепринятому обыкновению не может и быть, а потому не было, нет и никогда не будет!

И это, знаете ли, хорошо, так вот, видно, и должно быть, если речь идёт о явно метафизическом вещании, которое, знаете ли, тишину любит, глубину, колодезность, пещерность, ибо там и только там зиждется она — мудрость, к которой с шумом, гамом и трескотнёй никак нельзя, ибо... не явится!

Как тут не стать и не быть скрытым и скрытным отшельником, а-а?

Есть такое выражение: «тонкая материя», — хорошее выражение, только не совсем точное, ибо тут не так тонкая материя, вроде того же мозга, как самый настоящий «тонкий дух», а может, и не дух вовсе, а попросту... *ничто*, которое как раз всюю в таком разе и работает.

Доказательств отшельникового вещания «не треба»: достаточно сопоставить всё им с некоторых пор сказанное и написанное с происходящим вокруг, чтобы убедиться в наличии утончённой мистериальной топ-игры сознаний: его сознания и других сознаний — *иных*: высших, низших, трансцендентных, имманентных, как раз и «особенно тонких».

Тут важно не так доказательство наличия вещей сентенций, исходивших и исходящих от нашего отшельника, — таковых хватает, очень даже хватает, и все они на виду — как важно подтверждение старинной истины: «Нет пророка в своём отечестве!», — и не только потому, что не внимают свои своему и не понимают его, хотя это и есть, а потому, что *не хотят* внимать своему и его понимать, в

особенности законченные научники и всезнающие образованцы, да ещё и с приподнятым положением: начальствующие, ведущие, судящие, приговаривающие, да и попросту много и очень значительно говорящие, как раз из слывающих более всего за умников, знатоков, интеллектуалов.

Нет пророка в своём отечестве, да и не в своём тоже нет, во всём мире нет, за о-очень редким исключением, однако и не должно быть: иначе какая-такая насыщенная жизнь, какие планы и проекты, какие надежды и мечты, какие книги, театры и «кины», какой ещё интернет, а главное — какая-такая умная, она же и благая, глупость и какая ей тогда изящная похвала с премиями, званиями, наградами?!

Человек ведь жив более всего как раз глупостью, замешанной на пустоте, а никак не умом и не мудростью, что как раз и делает более всего человека человеком — носителем в своём сознании какой-то удивительной и неистребимой жизненной силы, как раз Господу Богу Создателю всего более и нужной — то ли до срока, то ли навсегда, а то, может, и до кое-какого внезапного конца (ну пусть и не очень нужной Богу силы, а всего лишь им попущенной — какая разница!).

Глупцы, особенно благие, у Господа в почёте, точнее, у наместников Господа на Земле, не то что у зёмных чело-веков — и как неприятны сим наместникам всякие самоумники, да ещё и, вдруг, мудрецами сказывающиеся, да ещё и самостными, себе на уме, не эпигонскими, не «ихними». Ох, как всё не просто вокруг, совсем не просто, — и что это за сознание такое, самое при этом ординарное, которое, в глу-

пости сеюсветной купаясь, всегда стабильно, чётко и даже надменно... *выигрывает?!*

Глупость ведь тоже немало всего вещает, как раз самое человеку зёмному и нужное, всё равно при этом какое: позитивное, негативное, никакое. И что интересно: *сбывается!*

Дурдом, он и есть дурдом!

Глупость куда ближе к текущей вокруг реальности, чем мудрость, ибо глупость прямо в ней — в реальности, а мудрость где-то там — за реальностью, под ней и над ней, вне и даже вместо реальности, зато на таком она месте среди Великой Неизвестности, с которого насквозь просвечивает всю текущую реальность, провидит её и предсказывает ей даже то, что она — реальность — не решает и не ждёт, что решается вовсе не ею, а кем-то или чем-то за неё!

Вот и вся тут недобрая разница: между *умной и благой глупостью и неумной и не благой мудростью*: первая вся *тут и наша*, а вторая, знаете ли... *там и ничья!*

Любой мудрец тоже... *ничей*, а потому говорить в суе о пророках и их отечествах, что бисер кое перед кем метать: при всей их — мудрецов — по рождению, гражданству и принадлежности к тому или иному отечеству (стране, государству, нации), они — эти *мудрецы как мудрецы* — вне отечества, ибо они *там*, где нет отечества, хотя они здесь, в отечестве, но что из того, ежели отечество глупостью объято, да не простой, обывательской, заурядной, а изысканной, элитарной, державной, а то ещё и *коронованной!*

Эти строки пишутся в пандемическом 2020 г., в жаркую и грозную трёхдневку июня месяца, аккурат через год

после тягуче холодного лета 2019, когда сие странное анти-литературное произведение только зачиналось, — и при слове «коронованная» не может не прийти на ум «коронованная пандемия», а вместе с этим и вообще словечко КОРОНА, точнее, не так само это словечко, как-то, что за ним стоит: вершина, высота, трон, победа!

Но это так себе — похотливая реминисценция, ни с того, ни с сего взявшаяся прямо наобум, как и полагается у мудрецов: бац! — и... *откровение!* — и думай потом, чего это вдруг, зачем, куда?

Тем более, что в США, к примеру, коронован в Иисуса задушенный белым полицейским негр, рецидивный преступник, которого даже полицейский знал по их чуть ли не совместной работе, но... *коронован*, мало того — *в Иисуса!* — спешей с ума Америкой, ещё и стоя на белых своих коленях, ещё и целуя чёрные ботинки у чёрных, ещё и стоя и плача перед золотым гробом новозванного Иисуса!

Нет, конечно, ничего *такого*, наш мудрец не предвидел, зато весьма предвидел вот *такую*, то бишь сходящую с ума, Америку, — да что из того, ежели Америка России подарила... нет, не пароход на этот раз, хотя это, наверно, когда-то так и было, а... *себя саму*, обеспечив сошествие с ума и России тоже, во всяком случае, её значительной, хоть и особо не регистрируемой, но зато ярко и ядовито проявляющейся части!

Ну да ладно, вернёмся к вещанию, разумеется, нашему — *иномирнометафизическому!*

К тому самому вещанию (не от сообщения, а от провиденной вести), которое привело в итоге к ментально-

духовному высвобождению нашего героя от этого — *сего* — мира с его испуганно мечущимся человечеством и обратило его волшебным образом в никому здесь не нужного *не от мира сего* отшельника, какого свет никогда и не видывал!

Мир сей его попросту выдавил из себя, а он... нет, не ушёл вполне и насовсем от сего мира (ни в тёмную пещеру, ни в густой лес, ни в тот же закрытый монастырь, ни в конце концов в заброшенный скит), даже остался в мире сем, но уже вольно или невольно отстранённым от него — *самодостаточным*, что как раз и случилось для нашего героя как... *иное*, разумеется, единичное — вроде неразличимой, но суперчувствительной и смыслоёмкой наночастицы — не сети, нет, скорее, микроскопического генератора, вполне и *вестного*.

Итак, *весть за вестью*!

Одна: человек, человечество и мир человеческий *сами по себе* неисправимы, какими были, какие есть, такими и дальше будут, меняясь физически, умственно, морально, даже и сакрально, но никак не по существу, которое... *незыблемо*!

Другая: быть в миру, быть с миром, но, если повезёт, быть и вне мира — единственно возможный, пусть и относительный, и даже иллюзорный, но всё-таки выход, он же и вход — *в самого себя*!

Третья: быть человеком — быть не досужим человеком, а всего лишь самим собой в себе же самом — *ничтом*!

Четвёртая: быть вне — быть в Ином, с Иным и по-иному, бежа ото всего этого, но при этом совсем уже всего из наличного этого не избегая, — *искусство!*

Пятая: Иное как единственная возможность себя спасения — *мастерство!*

Шестая: Судное время уже налицо, Страшный Суд всю идёт, да не столько как Суд Божий, сколько как суд человеческий — как *Самосуд*, совершенно человеком и не осознаваемый, — сам идёт, как *обезумливание!*

Седьмая: Спасение человечества в его завершении — через *иноземлянство* в *космочеловечестве*, а уж далее — *везде!*

Ясно, что разумному — просвещённому и пресыщенному комфортом — человеку не пристало обращать внимание на такого рода метафизмы, но не потому что так ему спокойнее, а потому что не врубится, в чём не беда его, а великая удача, чуть ли не честь со славой!

Восхождение

Так или иначе, но с наступлением XXI в. пошло восхождение — что личное для нашего героя, что для его общего дела (именно так: *его общего дела!*), что для России как страны и даже, пусть не столь явно, определённо и масштабно, для России как России.

Важнейший здесь посыл для понимания, тогда происходившего — ВОСХОЖДЕНИЕ!

1990-е гг. Время всеохватного падения, провала, раздвоя, произвола, исчезновения, выживания, как и зарожде-

ния псевдозападного, но при этом параазиатского, криминализированного по всему своему объёму, асоциального и античеловеческого, не строя даже, а некоего образа бытия (бытийного безобразия!), как и, разумеется, бессовестной, алчной и безудержной «прихватизации» страны и в стране. На это-то безвременное время и выпало, как ни странно, становление *общего дела* нашего героя, возникновение — его этого дела — концепта, конструкта и контента, первых и последующих за ним реальных в его пользу деяний, как и борьба за выживание, за самостояние, за себя.

Нечто аналогичное происходило и с ним самим — нашим героем: его утверждение в качестве самостоятельного мыслителя и самостоятельно идущего лидера, переходившего при этом от того, что называлось наукой, к тому, что, как ему казалось, было новой философией, а на самом-то деле *новой — постнаучной, постфилософской и даже постбогословской — метафизикой*.

Благословенными оказались в плане радикальных перемен в интеллект-сфере 1990-е гг.: размыслительные, полнокровные, деятельные!

Вдруг разверзлась многовековая, и вовсе не только советская, ментальная пелена, которая стала, если не сильно светлее, то заметно пустотнее, дырчатее, когда привычные догмы, бледнея и рассыпаясь, полетели в тартарары, когда возникла возможность творческого наведения новых идейных мостов между вдруг открывавшейся реальностью, представшей заслуженно голой, едкой, злой, и интеллектом, получившим наконец-то возможность свободной самореализации.

Тронулся в путь поиск новых идейно-воззренческих парадигм: мировоззренческой, гуманитарной, обществоведческой, хозяйственной, экономической, цивилизационной, культурной. А вот и кое-какие зримые идейно-концептуальные вехи: переходные кризисные процессы; апокалиптический кризис; переходы и катастрофы; «Российская Реформация»; российская эсхатология; антиреволюция как постреформа; новая философия хозяйства; утверждение трансцендентности как реального фактора бытия, общества, человека; постнаучная, постфилософская и постбогословская метафизика; путеводный внедогматизм.

Поиск, прорывы, вырывы!

Это всё незабвенные 1990-е!

В итоге не только первичные контуры *нового мирознания* и зачатки *нового концептуализма*, но и предложения *иных прикладных для текущей реальности разрешений*.

И со всем этим новым идейным и операциональным багажом в новый (глобалический) мир, в новую (проглобалическую, квазиколониальную, «прихвачитизированную», обираемую и терзаемую) Россию — *Россию конца*, как и в новую идейно-концептуальную круговерть — тоже какого-то *конца*, хотя и поиск там и там каких-то *новых опорных начал*!

Да-а, многое из происходившего тогда в сознании и в головах людских имело значение: с одной стороны, крушение привычных (заученных) идеологией, расставание с иллюзиями — идейными, гуманитарными, цивилизационными, культурными, моральными, человеческими, людскими, международными, межбратскими, в общем, с любыми — по всему

экзистенциальному фронту, как и, с другой стороны, подтверждение живучести и спасительной действенности многого из традиционного, в том числе родственнического, семейного, дружеского, товарищеского, братского, коллежского, человеческого, гражданского, наконец, да и попросту русского, российского, нашенского!

Продвижение, если не продвижение, через горнило испытаний и сквозь кущи соблазнов, через беспощадный отбор и угрюмое чистилище: либо ты человек, а они — люди, либо ты не человек, а они — нелюди (звери, бесы, вурдалаки, шакалы, кто там ещё?).

Проход через невидимую, но остро ощущаемую бездну, через преисподнюю, через хаос, через произвол, через вседозволенность: и кто-то пошёл туда, кто-то сюда, а кто-то и на месте остался, но при этом никто уже не вернулся назад, к прежнему, хотя немало тогда из тех, из других и из третьих оказались досрочно навсегда выбывшими — прямо в небытие — миллионы!

Старт в XXI век был не определённо очерченным, не взрывным, не размеренным, это был старт из почти что тотального ничто в более чем неизвестное нечто!

Что для России, воевавшей, напрягая все силы, на Северном Кавказе, кое-как пережившей финансовый дефолт (провал), в отчаянном бессилии схоронившей в холодных водах Арктики ни в чём не повинный героический «Курск» и скорбно сидевшей у чёрной хозяйственной дыры; что для всего мира с распростёршимся над ним хищным и жаждавшим крови американским орлом вкупе с состарившимся, но тоже кровожадным, европейским грифом (сначала сожрав-

шими Югославию, потом, уже по итогам загадочной нью-йоркской катастрофы 11 сентября 2001 г. — тот же ни в чём не повинный Ирак); что для общего дела нашего героя, которое чудесным образом выросло и впрямь из *ничего*, превращаясь в какое-то многообещающее *нечто* — своеобразную, не имевшую аналогов, официально-общественную, весьма и действенную институцию — научную школу, что для самого нашего героя, всё более уходившего в сторону от европеизированной и византизированной догматики и выходявшего на простор *свободного метадогматического размыслительства*.

Рубеж 1990–2000-х гг. Потерянная, ослабленная и изрядно прибалдевшая страна кое-как жила, ища дорогу хоть к какому-то себя возрождению. Пришло-таки экзистенциальное оживление, наметилась бытийная стабилизация, обозначилась даже тенденция к росту экономики и уровня жизни. Однако всё это происходило не так само собой, как вследствие улучшившейся вдруг конъюнктуры на мировом нефтегазовом театре: возросли цены на нефть и газ, увеличились доходы, страна задышала.

Через нефтегазовый доллар к нефтегазовому рублю!

Свезло? Да, казалось, что и в самом деле свезло, но если учесть, что мировые нефтегазовые рынки были тогда, как и остаются до сих пор, под атлантическим контролем, то выходило, что американский Атлант решил не добивать Россию, а, наоборот, ей даже пособить, но... лишь как части своей — уже глобальной — империи!

А резон у сего Атланта был, как не привиделось вовсе, а наяву услышалось нашему герою на одном зарубежном

форуме из уст неординарного докладчика с туманного Альбиона — высокоградусного масона. Речь у сего пророка шла о некоем северном геостратегическом проекте (можно даже сказать — *Северном Проекте!*), согласно которому должна была сформироваться некая имперско-вассальная амальгама из ряда северных относительно Юга и Востока стран: США, Канады, Европы, включая Скандинавию и страны бывшего соцлагеря, а также отколовшихся от СССР бывших республик, России, возможно, что и Казахстана со Средней Азией, в общем — северный, он де и белый (белорасовый) пояс, способный противостоять Югу и Востоку (отсюда, кстати, и G-8, то бишь присутствие России в сонме ведущих западных стран в качестве как бы их вассального союзника).

Но это не всё: как выяснилось гораздо позже (не без публичного откровения из уст одного раввина, однажды вдруг услышанного нашим героем), там, за океаном, в городе павших небоскрёбов, состоялась эпохальная договорённость наших лидеров, включая и духовных, с мировым олигархическим центром по поводу экономической поддержки России — как раз через нефтегазовые цены и доходы, разумеется, с неременной передачей части доходов туда — в США, что как раз, как все знают, исправно многие годы и делалось (через долларовые вклады в американские банки или покупку тех же американских «надёжных»-де ценных бумаг). Так новое российское правление, стеснённое, с одной стороны, разором, слабостью, уродством пореформенной страны, а с другой — зависимостью от дядюшки Сэма, сначала лишь удерживало, а потом вроде бы и поднима-

ло — не слишком это афишируя — попавшую в чёрную экзистенциальную дыру Россию.

Что касается нашего героя, то он, размышляя о сути, формате и текущем состоянии страны, опубликовал в одной из ведущих российских газет обширную статью под названием *«Мерцающие контуры российской государственности»*, в которой утверждал, что Россия — империя — ИМПЕРИЯ! — пусть и временно ослабленная, что ничем, или никем, другим она быть по своему внутреннему устройству и цивилизационной специфике не может, а также пророчил в России 2000-х «административную революцию», разумеется, по его чаянию, «анти -1990- реформную» (если в факте сей революции под петербургским водительством он не ошибся, то с её характером угадал лишь частично — она увела страну от разорного состояния 1990, но вовсе не увела от сути пореформенного строя, его не только не отринув, но даже и укрепив, так сказать, сцементировав).

Герой наш, будучи уже признанным лидером своего дела-движения (ещё и официально признанным основателем и руководителем уникальной научной школы), провёл в том же 2001 г. конференцию, посвящённую имперскости России, да не где-нибудь, а в Пушкиногорье, в Тригорском (в имеющемся там гостевом доме), и в которой, к слову сказать, вовсе не все из заранее приглашённых и будто бы согласных с её темой-концептом решились принять участие (страшновато как-то им стало!).

Теперь немного мистики: где-то в это же время, году так в 2001 или 2002, приснился будущему мудрецу-отшельнику очередной вещий сон, опять же «президент-

ский»: будто беседует он о чём-то важном с тогда новым и до сих пор действующим президентом страны, а тот ему и говорит: «Вы правы, NN, надо бы встретиться и поговорить!». Герой наш мгновенно проснулся, вспомнил про два предшествовавших «президентских» миражных сна, вполне и сбывшихся, подумал: «Ну и ну! Неужели и этот сон сбывается?!». И что интересно, попытка найти ход к президенту вскоре состоялась, причём делалась она как-то сама собой, независимо от воли нашего героя, но успехом не увенчалась. «Значит, — сделал вывод наш герой, — встреча откладывается».

Не зная тогда ничего о заокеанском соглашении, если не сговоре, но видя перед собой глобальную картину мира и положение в ней России, наш герой позволил себе заявить, давая интервью главной русскоязычной газете в одной из прибалтийских республик, что все нынешние (тогдашние) главы государств не более чем местные приказчики мирового финансового капитала, а на вопрос: «И ваш тоже?», ответил, ничтоже сумняшеся, утвердительно. На следующий день газета, нарушив, как водится, договорённость о предварительном просмотре текста интервью, вышла с большим портретом нашего героя и аршинным заголовком «Российский академик утверждает, что X ...». Герой наш, конечно, был весьма озадачен случившимся, но не столько провокационной выходкой газеты и даже не тем, что оказался за границей критиком своего президента, что в общем-то было не очень хорошо, а тем, не исказил ли он реальное положение сего лидера в глобальной расстановке субъектных сил в мире, не наврал ли?

Прибыв с газетой в руках в Москву, показал её озадаченно известному учёному-естественнику, но посвятившему себя и гуманитарной составляющей мирового интеллект-процесса, кстати, своему давнему другу: «Прочти, прав я или нет?». Ознакомившись, тот твёрдо ответил: «Абсолютно прав!». «Тогда напиши, что согласен и подпишись!». Что его умный и честный друг и сделал!

Случилось через некоторое время и ещё одно подтверждение реального положения вещей в мире, на этот раз из уст известного учёного-американиста, писавшего тогда объёмную историю новейшей Америки, заявившего на одной из конференций, проводившихся в середине нулевых годов под эгидой институции, созданной нашим героем и функционировавшей под его отважным руководством, что тогдашняя Россия была не чем иным, как *частью американской империи*. Даже не глобальной империи, не той же «Северной», а попросту... *американской*!

Вот такой виделась тогда реальная ситуация в мире, в таком образе представляла Россия, таким выглядело её правление!

Сложно, путано, прискорбно и... *страшно*!

Ну а герой наш, не особенно считаясь ни с объективной ситуацией в мире, ни с субъективной позицией российского руководства, гнул свою линию, добавив к имперской тематике не более не менее, как сталинскую составляющую, проведя один за другим три заседания междисциплинарного научного семинара непосредственно по острому сталинскому вопросу: кто он, что он, почему он, зачем он, что в итоге? — подготовил и выпустил затем коллективную моно-

графию «Феномен Сталин» (2003), причём не феномен Сталина, а именно феномен Сталин! — мало того, отправил сию толстую монографию (около 40 авторов, среди которых были и о-очень известные в России и за рубежом интеллектуальности) с личным письмом, озаглавленным гербовой печатью, прямым в Кремль — лично президенту страны!

Читал президент сие произведение российского интеллектуализма или не читал, неизвестно, ответа из Кремля авторы книги, как теперь водится, не получили, но... карикатурные изображения победительного вождя в СМИ и в искусствах как-то вдруг прекратились, хоть и не исчезла критика в адрес неоднозначного деятеля, однако уже в контексте более объективного представления его самого и его деяний, как и самой тогдашней эпохи (как-никак, а сколько всё-таки присталинских достижений и побед во главе с Великой победой в Великой войне!).

В 2015 г. вышла ещё одна толстенная (полсотни авторов) книжечка — «Империя Россия», правда, в Кремль не посланная (зачем, коли не отвечают?), но по верхам всё-таки разошедшаяся.

И всё это было тогда, когда о «таких вещах» (!) не то что широко и откровенно не говорили, но и говорить-то было если не запрещено, то как-то неловко, если не неприлично, а то и, знаете ли, страшновато: это теперь, в 2020-м, все штатные говоруны «смело» поминают в своих хлестких речах и империю, и, если надо, самого товарища Сталина, и достоинства советского периода, ну и, конечно же, причём особенно ражисто, Великую победу в Великой войне, а тогда... тогда что-то ничего такого не было не то что не

слышно, а с умом, расстановкой и хладнокровием не было ни рассмотрено, ни понимаемо, ни преподносимо, причём без каких-либо априорных идейно-политических ориентировок, а лишь строго... нет, не по-научному, конечно... точнее, не так по-научному, как просто по-человечески: ответственно, размыслительно, свободно, в общем — *как есть!*

Становившийся шаг за шагом всё более метанаучным и метафизическим, а по сути-то — *софийным* (!) мыслителем, разрабатывая новое (*своё!*) мировидение и овладевая оригинальным (*своим!*) мироведением, ещё не чувствовавший себе никаким отшельником, наш герой гнал вперёд российский когнитив в сторону России, в меру утверждая в коллективном российском сознании смысловую особость России, вовсе не сводившуюся ни к христианской ортодоксии, ни даже к русскому православию, ни уж тем более к петровскому европеизму, а имевшую куда более древние истоки и нёсшую на себе прямо оттуда какую-то *иную* генетическую печать — от *иномирья*, как и упорно подтверждая великодержавность России, её имперскость, цивилизованную самодостаточность, назойливо настаивая на необходимости непромедлительного достижения реального суверенитета страны, обращения России к самой себе, к своему в себе сосредоточению, а главное, призывая к пошаговому *перестроению* (не к перестройке, сопровождающейся тотальным разрушением, а именно к перестроению — *на марше!*), причём с переходом от *пореформенного* образа бытия, очень уж зависевшего от западнопостмодерновой глобализации, к независимому *постреформенному*.

Всё это не просто говорилось и писалось им и другими его окружавшими или просто с ним сообщавшимися учёными, а говорилось на организуемых им и его оригинальной институцией авторитетных учёных форумах, проводившихся как самостоятельно, так и под парламентской эгидой, как и писалось в рабочих и итоговых материалах сих учёных форумов, да не просто писалось, а и доводилось до высших правительственных кругов, включая и высших в стране должностных лиц.

Ничего при этом не скрывалось: ни видения текущей ситуации, ни ко многому из тогда бытовавшего критического отношения, ни проникновенного понимания исторической и актуальной России, ни провидения разворачивавшейся российской и мировой реальности, ни поджидавших Россию и её правление императивов, требовавших тех или иных недвусмысленных перемен.

Целостно, масштабно, аналитично, конструктивно, провиденциально, даже и проективно!

И что интересно: многое из провиденного сбывалось; на что-то из предположенного следовала позитивная реакция сверху — в политике, в идеологии, в кое-каких деяниях; имела место явная, чуть ли не мистическая, корреляция, пусть и не стопроцентная, но на редкость реальная, между мыслившимся и реальным, предусмотренным и происходившим, предположенным и сбывавшимся, желавшимся и свершавшимся.

Он, как и весь его нарождавшийся *новый концептуализм*, экзистенцировали не где-нибудь в абстрактном интеллект-облаке, существовавшем исключительно ради себя и

плывшем по пустоте куда глаза не глядят, а непосредственно в потоке *самой реальности*, причём не так даже уже ставшей, бытовавшей, вокруг проистекавшей, как, что особенно важно, в только ещё становившейся, лишь подступавшей, предстоявшей, мало того, никак особенно о себе ещё и не заявлявшей!

Смотрите сами: «*Эпоха постмодерна*» (2004), «*Постстижение России*» (2005), «*Российское обновление*» (2007). И это всё его, лично его!

Немало, очень не мало, совсем и не слабо!

Пошло и идейно-политическое сближение уже всерьёз заявившего о себе русско-российского мыслителя с поднимавшей и укреплявшей страну действовавшей властью, её верховным правлением, однако лишь идейно-политическое, когнитивное, ноосферное, но никак не личное: предположенной вещим сном встречи с президентом всё не было и не было, хотя уходивший каждый час, месяц, год день такой встречи, казалось, ещё окончательно не отступил в небытийную тень.

Не было, так уж не было, что тут поделаешь!

Однако грянула в 2007 г. уже ставшая чуть ли не са크ральным памятником, громоподобная мюнхенская речь (*речуга!*) российского лидера, произнесённая им перед зарубежным — прежде всего, конечно, западным, немало и конспирационным — истеблишментом, если не политическим бомондом, та самая речь, которая потрясла мир и положила начало отходу России от Запада, её возвращению к самой себе, пусть пока более всего политически и лишь на международном контуре, но всё-таки... *отходу* и *возвраще-*

нию, что как раз вполне соответствовало чаяниям созидавшегося нашим героем со товарищи нового россияведения и набиравшего идейно-практическую силу нового интеллектуализма (своей собственной, надо заметить, закваски и своего собственного вываривания, то бишь без всякого из чего-либо «раньшего» или из «бокового» заимствования).

А новое учение, пусть и поначалу для самого себя учение, как и для самого себя новое, таки образовывалось, как раз более всего как не просто новое, а и как *иное*, а именно, как *постнаучная метафизика*, она же *метасмыслология*, она же и *полилектика*, да мало что образовывалось, но и вполне себе эффективно работало, да не только в ментальной сфере, а и в самой что ни на есть практической!

Со стороны нашего героя это был его собственный, вполне себе авторский, *концептуализм*, сочетавший новый гнозис с по-новому видимым относом, когда *онтологический концептуализм*, или *концептуализм самой реальности*, сходиллся во взаимном творческом единении с *концептуализмом когнитивным*.

Сначала реальность, её всматривание в саму себя, затем её, этой реальности, когнитивное осознание, а потом уже адекватное умственное трактование реальности, причём всё это не так через исследование реальности в фактологическом ракурсе, как через «вживительное» проникновение в реальность, в её собственную смыслологию, которая не так уж и совпадает с внешней фактометрической феноменальностью: внешнее — одно, а внутреннее — весьма другое, причём это другое очень по-своему — значительно и даже вроде бы алогично — определяет внешнее (поверхностное).

Зафиксировать что-то из внешнего (поверхностного), как это старается делать наука с экспертизмом, можно (и нужно!), а вот понять внешнее, исходя только из внешнего, невозможно, для чего надо непременно выходить из внешнего и входить во внутреннее, а уже потом оттуда (как бы оттуда) всматриваться и вдумываться во внешнее.

Коль скоро личная экзистенциальность не сводила нашего героя с миражным для него национальным лидером, а лидер, возможно, и зная о наличии в стране весьма занимательного центра мысли, оценок и провидения реальности во главе с нашим героем, не спешил навстречу независимому мыслеизъявлению, то герой наш, создавая в конце нулевых свой уникальный шедевр новой метафизической прозы под названием «Requiem», посвятил одну из главок своей никак трафаретно не определимой по жанру — разве, как писания — книги, в которой каждая главка, пардон, была... самостоятельной книгой... э-э... посвятил-таки воображаемой встрече учёного с президентом, причём прямо там, в Кремле.

Центральным пунктом выдуманной автором невозможно-возможной беседы было обращение учёного собеседника к личности Сталина, однако не как вождя, тирана и неоспоримого учителя, а как деятеля, созидателя, преобразователя, на чём учёный настаивал, но от чего президент по своей профессиональной привычке ловко уклонился (не наши, мол, принципы). Однако выслушал, сильно не возражал и, надо полагать, для себя, всё-таки кое-какие выводы сделал.

Как раз в это самое время, в год 2009-й, нашим героем был проведён очередной и последний под эгидой российского парламента учёный форум по острой и даже весьма скользкой теме «*Российское перестроение*». Этот год виделся учёному люду не более и не менее как год «*Великого перелома*»! На дворе мировой экономический кризис, уже забесновавшая Америка, вперёд летевший Китай, упорно дряхлевшая Европа, озлобленные бывшие сателлиты из соцлагеря и «узники совести» из совдепии, в общем — потребен был *большой перестроенческий рывок*, который, казалось, был крайне нужен, но на который власть, опасаясь за судьбу своих так ловко и прекрасно только что выделанных «позолоченных шкур», не пошла, ограничившись камуфляжно-косметическими, весьма и миражными, мерами.

Однако идейно-политические пути-дорожки меж нашим героем и президентом страны насовсем не разошлись: мыслитель не терял стратегической надежды, но не так уже на реальную встречу с президентом, как на возможные в будущем перестроенческие деяния власти, ибо это было в интересах не только России, а и самих же большой собственности и высоких властей предрежущих. На первый план вышло тогда трудное, почти что и невозможное, хотя и жизненно необходимое, *экзистенциальное ожидание* — что для страны, что для нашего героя-мыслителя, уже втягивавшегося в совсем не героический, почти что и узнический статус мудреца-отшельника, никому особенно и не нужно-го, кроме таких же учёных бедолаг, вроде него самого — *неотмирного вестника*!

Патриаршие

Наш герой, уже законный отшельник, неторопливо гуляя по центру города, ещё хранившему кое-где прежний старомосковский дух, оказался вовсе не вдруг на досто-славных теперь Патриарших, присел на одну из скамеек, стоявших аккурат на той самой — романной — припрудной аллее, вытянул натуженные долгой ходьбой ноги и, закрыв глаза, о чём-то задумался.

Нет, никто из мистических персонажей из небытья к нему не подошёл, не сел рядом на скамейку, не заговорил с ним. Чудес просто так не бывает! Хотя чудеса, конечно, и просто так бывают — в чём ему самому доводилось не раз убеждаться, но, увы, не сейчас, не сейчас... да... сейчас и ему самому было не до чудес, которые, хоть и не оставили его насовсем на старости лет, но заметно менее привлекали его проверенное в «боях» софийное воображение.

Зато в сознании старца вдруг явилось непрощенным гостем кое-что другое, что вызвало поначалу немалое удивление, а потом и вполне законное удовлетворение: ничто из происходившего вокруг него ни здесь, ни там уже никак не задевало его — отшельника в законе, что означало не победу отступнического от всего равнодушия, а достижение некоего нейтрализующего воображение предела, за которым уже замаячило беззаветное от всего узнанного, пережитого и усвоенного *благое оцепенение*.

Срок влечений, познания, осмысления, откровений и надежд уже явно вышел: прорыв в Иное обернулся в итоге

потерей познавательного интереса ко всему здешнему, сеюмирному, всему *этому*.

Нет, не одно лишь разочарование в вокруг бытующем мире стало тому причиной, каким бы сильным оно ни было, а выход к источнику той самой сокровенной правды, а если по-честному, всего лишь *неясной ясности*, или же *ясной неясности*, — всё равно! — когда ни ко всему тутошнему, ни ко всему иномирному уже не осталось у отшельника не то что интригующих, но даже и самых обыкновенных вопросов.

Ответы... да, ответы у него кое-какие были, но как раз такие, которые доступно словами никак не выразить, о которых ни ясно сказать, ни категорически написать, а которые можно было лишь молчаливо оставить при себе: лучше мудрейшего Соломона о сем вечном и непоправимом *казусе мудреца* не скажешь!

Тут весьма подуставший от долгой ходьбы и горьковатых раздумий отшельник незаметно задремал, не меняя принятой им не самой удобной позы. Проснулся внезапно через пять-семь минут, как раз в тот момент, когда прикидилось ему, как кто-то присел рядом с ним на скамейку и даже будто бы к нему деликатно обратился. Очнувшись и оглянувшись, наш герой понял, что ничего такого с ним не случилось, что всё это ему попросту приснилось. Убедившись в очередной раз, что затейливых чудес с ним уже не случается, седоголовый отшельник вновь закрыл глаза и вновь о чём-то задумался.

А думал он о *точке невозврата*, в которой рано или поздно оказывается избранный Софией мыслитель, когда не то что говорить, но даже и думать уже не о чем, и остается только молчать, находя в вынужденном молчании не так даже утешение, как единственно возможный выход из безысходного, весьма по-своему и дурацкого, положения — безмолвной и стоической *оторопи!*

Да, находясь физически в этом мире, он был всем своим метафизическим существом уже за его пределами, причём вовсе не в каком-то там Раю, как и не исключительно в Аду, нет, вовсе нет, он был попросту там, где всё главное и выковывается для *этого* мира — замысливается, выражаясь зёмным, то бишь бранным, языком, проектируется, вырабатывается, потом зачем-то насаждается зёмному миру, но так, чтобы сам этот мир ничего такого не замечал, как не замечают созревшие гибридные плоды проделанной для их появления на свет ловкой прививочной операции.

И кажется плодам, что они всего лишь от несущего их древа, — и справедливо кажется, а самому древу кажется, что если и была какая-то там прививка, то она не имела никакого решающего влияния на само древово жизнеотправление, что древо — *само-себе-древо*, — и ведь вполне справедливо ему это кажется, хотя древо может сразу без всяких прививок родиться от генетически изменённого семени (от привитого, так сказать, генома) и быть внешне вроде бы и тем же, но по кое-какой своей сути уже весьма иным.

Сиделец на патриаршихской скамье открыл глаза, огляделся по сторонам, завидев стаи покрасневших от

недоуменного восторга туристов, мутной рекой текущих круг «романного пруда», немногочисленных мадонн с БТР-образными детскими колясками, редких старичков обоего пола, скромно, молчаливо и растерянно сидевших на него-степриимных патриаршихских скамейках, самоуверенную молодь, обрамлённую новейшей технотроникой и целеустремлённо куда-то бегущую, в общем — некий характерный сколок с текущего человечества — безмятежно-угрюмый, социабельно-отстранённый, игриво-напряженный.

Человек, слава Богу, поглощён собой, своими заботами, пристрастиями, ориентирами, проектами. Ему есть, о чём думать, куда и зачем стремиться, что решать, чему охотно подчиняться, чему сопротивляться, против чего бунтовать. Он, конечно, страшится неизвестности, его всюду окружающей и рíсково его подстерегающей, но он, наполняясь уверенностью в себе самом, либо, на крайний случай, за себя неистово молясь перед Господом, преодолевает в каждое мгновение существования давно уже им проклятую, неистребимую робость и, мстя за себя, свою слабость и своё несовершенство, идёт вперед, то теряя, то не теряя своего перед самым же собой достоинства, меняет по своему, как ему кажется, усмотрению свою экзистенцию, не говоря уже о внешних условиях своего дорогостоящего, но не сильно при этом сто́ящего, бытия.

Человек знает, что он не кто-нибудь и не что-нибудь, а... человек, и в этом звании своём он абсолютно уверен, хотя знает также, что он — животное, зверь, «физист», что

он от Природы, как и знает, что он оснащён неприродным сознанием, отличающим его от любого другого животного, любого зверя, что якобы он — от Бога!

Отсюда человек и мир человеческий не то чтобы не совсем по сути человеческие, а и весьма нечеловеческие — телесно-животные, природно-физические, это с одной стороны, а с другой — сознаниево-неживотные, неприродно-нефизические, то бишь как будто бы Божии, что означает не просто дуальный образ человека и его мира, а и саму дуальную, как минимум, сущность человеческого начала в человеке и его мире, причём не как просто диалектическое единство неких единосущностных противоположностей, а как противоречивое единение качественно и сущностно разного в одном... э-э... *ничто* (как бы два вещества, превращающиеся при соединении в одной колбе не в новое вещество, а в... *пустоту*, или как бы два числа, дающие при сложении в сумме *ноль*).

Отсюда выходит, что человек как бы *сам и не сам* одновременно — некий *сам-не-сам*, отчего его экзистенция тоже *сама-не-сама*, ну и судьба — само собой — такая же.

Человек (коли это всё-таки *человек*) мечется между двумя этими взаимоотрицающимися сущностями, захватывая и держа обе в себе, являя при этом... э-э... не третье вообще, а, скорее, третичное — не как что-то третье и новое относительно двух исходных «нечто», а как некое с их участием компромиссно сложенное, но при этом и взаимоборчески существующее, двуединостное целое.

Вся экзистенциальная драма человека и его мира в искусственном соединении в них природного и неприрод-

ного начал, вынужденных к взаимному двусущностному компромиссу, но не только не достигающему любовного между началами единения, но и, зачем скрывать, остающимися весьма и весьма друг другу враждебными.

Тогда что же собственно человеческого в человеке и в его мире?

Да, конечно, человек отличается от других животных сознанием с его внутренними абстрактно-символовообразительными реалиями: словом, языком, речью, мыслью, понятиями, образами, знаками, смыслами, что, безусловно, верно, но человек, сильно отличаясь этим от животных, не сильно этим отличается от Господа Бога Творца (по подобию ведь!), — и ежели всё-таки человек это человек как именно человек, то возможно полагать, что собственно человеческое в нём качество ровно такое, каким он сам для себя и считает, опираясь не на что-нибудь, а на *само*-осознание себя и, если угодно, *само*-назначение себя — как раз *человеком*!

Само-званцем выходит у нас человек — и иного выхода, как стать и быть самозванцем, у него не было и нет!

Освободившись от полудремы и зашевелившись, сидя на скамье в не очень-то удобной позе, наш мыслитель и литератор, не без натуги поднялся со скамьи, его недоуменно приютившей, слегка разминая подзатекшее тело, и, взглянув на переполненную праздно-призрачной публикой Малую Бронную, неторопливо направился, немного по-старчески семеня уже некрепкими и ещё не размявшимися ногами, в сторону Садового кольца с его площадью Маяковского и

одноименной станцией метро — и, добредя до городской подземки, скрылся за её неприветливо вращавшимися туда-сюда воротами — словно за воротами негостеприимной и прожорливой Преисподней.

Арбат

Они встретились на старом Арбате, недалеко от Вахтанговского театра и дома ассирийской де царицы, в миру необычайно прославленной будто бы редкой целительницы, зашли в заурядное, хотя и сетевое, кафе, что-то заказали из еды и питья, разговорились.

— Что-то вы выглядите усталым, NN, хотя на дворе отпускное время. Много работаете?

— Не скажу, что много, да и без особого запала... *(Пауза)* Не так писанина не идёт, как размышления... э-э... не очень-то радуют. *(Пауза)* Я, видно, забродился там, в Ином, где, впрочем, вроде бы нет нашенских традиционных до восторга земных пакостей, но зато... зато где кое-какая тоскливая правдишка вдруг невольно и замаячит.

— К которой вы подошли и которая вас манит и не отпускает?

Пауза.

— Что-то вроде того... *(Пауза)*... из конечного! Тут уже не поиск, не открытия, даже не откровения, а голые подтверждения, что скажу я вам, самое тяжкое и есть. *(Пауза)* Не страда тут, даже не страдание, а... пытка... да-да...

пытка (акцентирует на слове)! (Пауза) Говоришь то, что не надо говорить, как учил между строк мудрый Соломон, — и одно тут только спасение, что мало кому из сапиенсов этакое потребно. *(Пауза)* В общем, борьба не так с мыслями и материалом, как с самим собой!

— Не позавидуешь, ежели вот так... без вдохновения... через пытку.

Принялись не особенно охотно за принесённую еду, подняли бокалы с вином.

— За встречу!

— За вас!

Вялая пауза.

— Холодное лето девятнадцатого... вполне себе... осеннее... тягостный какой-то август, что-то нелёгкое предвещающий.

— Да-а, необыкновенное лето... прямо перекличка какая-то, только асимметричная с фединским «Необыкновенным летом», а ещё более, пожалуй, с толстовскими «Хождениями по мукам» — не так ли?

— Да-а, пожалуй, только у нас, правда, муки как-то без хождений обходятся, прямо с места и на месте мучат.

— Не совсем, вы же ходите, пусть и вообразительно, от муки к муке... по своим потаённым мирам.

— Эти миры меня уже не отпускают, что верно, то верно! *(Пауза)* Снятся мне время от времени всякие лабиринты и вообще безысходность, из чего бывает только один выход — пробуждение от назойливого сна... с тяжёлой го-

ловой да с болевой ломкой всего вовсе не натруженного тела.

— Да-а, вам не позавидуешь, маэстро... где появляется София, там, наверно, и демоны начеку?

— Может, и так... не отрицаю, глупо отрицать.

— Знание, не говоря уж об инознании, умножает скорбь, как выражался любимый вами Соломон!

— Только он имел в виду не ту скорбь, о которой обычно думают миряне, а совсем другую, не просто экзистенциальную, а... как бы это сказать... субстанциальную, что ли.

— Это вы хорошо сказали — субстанциальную, — первоосновную, стало быть, исходную, неубираемую и несмываемую, сопроводительную.

— Фаустовскую! (*Пауза*) Великий немец ведь покривил душой, заставив Фауста заняться какой-то там обыденной благотворительностью. Это ведь совсем не его, не Фаустово, дело.

— Не захотел, видно, несумрачный германский гений отправлять сумрачного мудреца в полное отрешение от текущей жизни или прямо на тот свет.

— Который ведь был хорошо известен Фаусту и не очень-то ему был интересен.

— Гм... неожиданный ход, но, кажется, верный! (*Пауза*) Фауст и так уже был, пусть и не на том, но всё-таки в ином свете.

— Верно!

— Как и верно было бы нам за что-нибудь выпить... хотя бы за... э-э...

— Давайте просто так... ни за что!

— Согласна, почему нет?

Тренькают бокалами, выпивают терпковатого красного вина — испанского. Некоторое время молчат. Первым заговорил наш задумчивый и несколько отрешённый отшельник.

— Меня уже не вдохновляют ни фактология, ни поиск обоснования фактическим деяниям, событиям, происшествиям, ни даже построение каких-то обобщающих картин протекающей на планете Земля и в Космосе более или менее известной нам реальности. Если что меня ещё и задевает, так это размышления не так по поводу того, что и почему в этом дрянном мире творится, как по поводу того, что и почему *не может не твориться* (акцентирует на последних словах). Чуете: *не может не твориться!*

— Вас, видно, занимают какие-то трансцендентные первопричины?

— Вроде того... хотя дело тут, пожалуй, позаковыристее будет. *(Пауза, сопровождаемая заинтересованным глотком вина)*. Не знаю, как это вам преподнести... ибо... ну, в общем речь тут вот о чём: знание, которым мы располагаем и которое наполняет наше сознание, делая его таким, какое оно есть, в основе своей, а точнее бы сказать — в подоснове, но уже не своей... вовсе не своей, есть не просто неполное и в чём-то неверное — это ещё полбеды, а самое что ни на есть знание-прикрытие *(акцентирует на слове «прикрытие»)*, вроде той же маскировочной сетки, то бишь

знание не о том, что есть на самом деле, а о том, что не есть... но что знанием ловко прикрывается!

— Мифом, стало быть?

— Да, мифом, но не в нём главная тут загвоздочка, а в том, что он — миф — по-своему изображая реальность, её от себя же и гонит.

— И что же тогда остаётся, это ваше Иное?

— Пожалуй, что и так: в чём, в чём, а уж в сообразительности вам, мадам, не откажешь! Но дело тут всё-таки сложнее: человек, мир вокруг нас, вся так называемая реальность... э-э... совсем не то, чем они нам кажутся, отчего человек — вовсе и не человек, этот мир — вовсе не этот мир, а вся эта реальность — вовсе не та реальность!

— Ну-у... это вроде бы и так довольно известно... сколько философов, не говоря уж о чистых эзотериках... э-э...

— Вы меня, — седовласец перебивает мадам, — не поняли: это всё будто бы реальное, о чём обычно идёт речь, лишь *прикрытие* (снова акцентирует на слове «*прикрытие*») чего-то совсем другого, не внешнее лишь этого чего-то отображение, а именно, слышите меня, этого чего-то *прикрытие*!

— Ну, хорошо: пусть тот же человек вовсе и не человек, но тогда, кто он или что он?!

Натянутая пауза.

— Э-э... не знаю, что или кто он, но знаю, что не он это — не человек, знаю... разве этого мало?!

— Вот куда завела вас ваша метафизика — ничего себе! Похлеще уже Фауста будет!

— И Мефистофеля тоже.

— Интересно!

— Не спорю... оттого-то мне, может, и тяготно, и сны мне снятся дурные, и встаю с тяжёлой головой, зато мне никак уж не скучно... хоть и противно!

— Но ведь и страшно же!

— Не без этого! *(Пауза)* Но после покушения на меня, едва не кончившегося... э-э... сами знаете чем, да и увиденных мною внезапно страдающих глаз Пушкина, печально смотревших на меня с его посмертной маски, что в Тригорском, мною, кстати, сфотографированных и переведённых на фотобумагу, да и отстранённости от меня давних моих умных и всезнающих друзей как раз по причине моего из ряда вдруг вышедшего творчества, их не на шутку растревожившего, или просто смявшего, да и кое-чего ещё столь же удивительного и убедительного, мне ничего на этом азимуте уже не страшно. *(Пауза)* Да и чего вообще страшиться, ежели тебя не воспринимают, кроме единиц, твоё видение реальности никому, кроме опять же единиц, не нужно, а сам ты, вроде бы действующий учёный, всего лишь придурковатый сам-себе-отшельник... так сказать — отшельник-самозванец, который сразу в законе и вне закона, а чего бояться такому вот юродивому персонажу, кроме самого себя?

— Грустно как-то всё это... а разве себя в таком разе надо непременно бояться?

— «Боже, Боже, как грустна земля!..» А ведь никто так и не понял автора якобы занятного, чуть ли не сплошь юморного, ещё и из породы ужастиков, на деле-то очень и очень печального московского романа, не понял!

— Господи, давайте лучше выпьем!

— За что?

— Да за вас, отчаянного!

— Ну что вы, какое тут отчаяние с отчаянством, ещё и с окаянством, это всего лишь тревожная доля с попущенной ношей, ну и само собой... Страх Божий!

— Всё равно за вас!

— Если только за очень и очень большого грешника, не подлежащего исправлению и выпуску по УДО!

— Пусть так! Значит, судьба, видно, такая — запредельная!

— А я выпью за вас, невольную сопутницу, уж извините, моих разгульных метафизических блужданий.

— Ну почему же невольную? Я сознательно в этих блужданиях участвую, может, с некоторым, уж простите, сомнением, но с огромным интересом. *(Пауза)* Я ведь тоже кое о чём подобном догадываюсь!

— Вот и замечательно! *(Пауза)* Вы для меня, скажу откровенно, благая... э-э... не обессудьте, наживка... как раз в пользу разговоров, этакий магнетик. *(Пауза)* А бояться себя всё-таки надо... э-э... и уж поверьте, в первую очередь. Вот уж правда так правда!

Выпивают вина, несколько воодушевившись.

— Ну и ну, где это мы с вами в сей момент пребываем, дорогой мыслитель?!

— Если где-то и пребываем, то не здесь, а там — в царстве закрытого и запретного знания, как раз того самого незнания, которое и есть для нас истинное вино с его неистинной истиной, но зато сто́ящей!

— И что теперь, если всё вокруг не так, всё не то и не такое, а, можно даже сказать... ложное?

— Всё как раз так и такое, как надо, и не так даже ложное, как попросту... неистинное, как раз единственно и возможное для нас — тёмных насельников какого-то странного, шарикообразного, космического тела под именем Земля. *(Пауза)* Придётся примириться с тем, что распротёртое вокруг некое *это* вовсе не *это*, а *то*, но это *то* без этого *это* для нас не существует, хотя оно есть и оно как раз *то*, а не *это*. Как вам такое объясненьице?

— Великолепно! За это стоит даже выпить, снабдив наше вино кое-какой новой истиной, хотя бы вроде той, что вино наше вроде бы вино, но при этом и никакое не вино!

— Продолжим тогда пить то же самое винцо, столь для истинной истины оказавшееся вполне себе говорящим.

Получив от дамы радикальное согласие на то же самое чудотворное винцо, седовласый провидец заказывает ещё того же вина со скромным десертным сопровождением.

— Так что же получается: это ваше прикрытие означает уж не столько новое открытие, сколько... э-э... прозревание какое-то?!

— Это уж как вам будет угодно, о-о, мудрейшая из мудрейших! *(Пауза)* За вашу удивительную восприимчивость, если позволите!

— Лучше уж за мою женскую стойкость, не возражаете?

— С превеликим удовольствием!

Пьют появившееся незамедлительно вино, обратившись не без удовольствия к малому, но зато роскошному, десерту.

— И всё-таки я не понимаю, что из этого всего следует... э-э... для той же гносеологии?

— Для гносеологии? *(Пауза)* Ну хотя бы то, что её теперь... попросту нет, как нет уже и понятного ей отнoса. Человек... или как там его... вступил при всём своём громадном вроде бы знании в эру... э-э... *тотального незнания (акцентирует на словах)*, в том смысле, что всё его знание работает теперь не просто среди незнания и против него, как всегда было, а непосредственно на незнание и вместе с ним, то бишь человек, как никогда ранее, далёк ныне от какой бы то ни было истины.

— Как это, господи?

— А так: приближение к истине ныне означает лишь от неё новое отдаление. Сегодня «че-ек» наш всего менее знает, что он на самом деле творит. Этакое тут уже творческо-творцовское безумие! Чем больше творит, тем дальше уходит в... пустоту!

— Э-э... может, всё-таки... в ваше Иное?

— Ну да, но только всё более и более пустотное
Иное — как в том же МХТ!

— Ничего не понимаю!

— Ну и ладно! Давайте-ка выпьем в очередной раз за
возможность вот так встретиться, поговорить, да не о том, о
сём, как водится, а кое о чём важном, для нас с вами, по
крайней мере, скоро ведь ничего такого уже не будет!

— Это почему же не будет?

— Исчезли когда-то иномирные жрецы, исчезли тако-
го же класса волхвы, исчезли схожие с ними богословы, по-
чти что уже исчезли оригинальные философы, исчезают и
не похожие на всех них, но кое-что ещё значащие, учёные.
Некому будет говорить и, главное, теперь вот не о чем и не
с кем! Наши с вами разговорно-винные бдения — послед-
ние!

— Ах, вот почему вы написали свой «Реквием», те-
перь я понимаю! Но ведь они, перечисленные вами персо-
ны, возвращаются, кажется, не так ли?

— Уже как призраки и с совершенно, знаете ли, дру-
гой миссией.

— Какой же?

— О-о, много будете знать, сразу и состаритесь, а за-
чем это вам — такой прямо-таки блоковской прекрасной...
нет, не даме, а... незнакомке?

— Я не ведьма!

— Это уж как сказать! Всякая умная женщина —
ведьма!

— И непременно дура!

— Иначе ведь не женщины, не ведьмы! Ваша так называемая дурость — не дурость вовсе, а некая, вроде пещеры, ниша, из которой что-то из нереального и неожиданного для самой женщины вдруг и выскакивает, причём с одинаковой вероятностью как благое, так и худое.

— Иное, стало быть?

— Именно так, как у той же безудержной и беспутной Маргариты!

— И безумной, конечно! (*Пауза*) А не пора ли нам с вами на воздух?

— Да, на свободу-де, а то договоримся чёрт знает до чего. Э-э... за наше сегодняшнее разговорное бдение!

Допивают вино, расплачиваются и слегка... нет, не пошатываясь телом, а всего лишь вибрируя душою, выходят под ручку на шумный старый Арбат — прямо в толщу бесноватой городской антижизни.

— Видите ли, дорогая моя миледи, об окружающей нас реальности нельзя сказать ничего путного (без всякой связи сего словца, замечу особо, с фамилией главы нашего государства), пока не выйдешь за пределы реальности, хотя бы в это самое Иное, а оттуда, увы, не то что реальность сия другою смотрится, а такой, знаете ли, что все наши исходные представления о ней разбиваются на мелкие, ещё и исчезающие во мраке неизвестности, кусочки — хуже даже, чем внезапное разбитие редкой по красоте фарфоровой чашки.

Пешеходная пауза.

— Ну да ладно, — продолжил седовласец, — хватит! Извините за назойливое недержание речи! Если вы сегодня на метро, то оно уже перед нами. Ага-а, угадал! Сегодня мы не барствуем, а с народом, в подземке. Это правильно! Так что вперёд!

Исчезают в парадных дверях изысканной московской преисподней, вполне себе дворцовой, прямо как у царей, только не на земле среди покачивающихся деревьев и непоколебимых греческих статуй, а под землёй — в каменных железобетонных лобзах, полных надёжного железного грохота и залихватского разбойничьего свиста, ну а кое-где и статуй, и фресок, и всякой лепнины, не говоря уже о мраморе и блестящем никелированном металле.

Прикрытие

Владея словом, которое есть не что иное, как *словленный смысл*, который в свою очередь есть не что иное, как идеальный (смысловой) контент реальности, человек, отражая и воспринимая с помощью слова мировую реальность, создаёт и свою собственную (хомогенную) реальность, которая оказывается не просто параллельной относительно мировой, или всеобщей, реальности, но и входящей в мировую реальность особенной (как раз хомогенной) реальностью, весьма и отличной от окружающей её мировой, или всеобщей, реальности.

В ментальном и в меру операциональном распоряжении человека как носителя сознания, знания и творческого

начала сразу ряд реальностей: первая, она же исходная и фундаментальная реальность — собственно мировая, не известная в общем-то человеку, реальность; вторая — как уже отражённая и идеально воспринятая человеком, его сознанием, как бы уже известная человеку, всё та же мировая реальность, чей образ немало заполняет и само сознание человека; третья — создаваемая человеком-творцом вполне реальная реальность, входящая составным компонентом в мировую реальность; четвёртая — воображаемая человеком виртуальная, вполне и импровизационная, реальность, являющаяся исключительно плодом сознания и только сознания; пятая — отражённая в сознании человека вся создаваемая им реальность — предметная и идеальная.

Такие замечательные реальности, а, скорее, попросту ирреальности, как виденческие, сновиденческие, патовиденческие, бредовиденческие и т. д., в данный момент во внимание не принимаются.

Нетрудно убедиться, что у сознания бескрайние возможности для практического, гносеологического и воззренческого *мифологизма*, причём мифологизма в самом широком смысле: от обыденных представлений человека о себе самом и окружающем его мире, великого сонма первомифов (преданий, былин, небылиц, легенд, сказок, саг и т. п. «вещающих вещей»), а также литературных, театральных, художественно-изобразительных и любых мифоподобных произведений, включая религиозные, философские, эзотерические, оккультические, гностические и т. п. идеальные построения, вплоть до профессиональных и научных менталь-

но-практических конструкций, вроде бы далеких от мифологизма, но, увы, от него всё-таки вполне не избавленных.

В общем, человеческое знание о мире, о самом человеке, о его — человека — сознании, психике и поведении, даже и о том же знании, при соответствии и несоответствии этого обо всём знания каким-то там предполагаемым этим знанием реалиям и даже высокой практической эффективности тех или иных пластов сего знания является большим-большим в масштабе человечества и его истории, очень разнообразным и немало, если не много, полезным для носителя сего знания... *мифом* — МИФОМ! — мало того что особенным, особливым и для человека *своим*, но ещё и так предстательно открывающим человеку мир, что мир сей, который то ли мир, то ли не мир, остаётся для человека исходно, фундаментально и авантюрно закрытым — ЗАКРЫТЫМ!

Тайна, она и есть ТАЙНА!

И за этой почти что лукавой открытостью-закрытостью мира, остающегося в итоге для человека изначальным НИЧТО и лишь сугубо по-человечьи конечным НЕЧТО, скрывается кое-что для человека счастливо-спасительное — *неведение чего-то главного*, как раз того, чего лучше, видно, человеку не знать, а то, что человеку дано знать, оказывается при всей своей вещи для человека значимости вполне по эффекту своему и экзистенциальной функции, не чем иным, как ПРИКРЫТИЕМ — как самого вроде бы человека от якобы мира, так и самого мира-немира от якобы человека!

Интересненько, не правда ли — ничего не скажешь!

Зато какие из всего этого следуют великолепные следствия!

Первое: добывая знания о мире и о себе, созидая знание от знания, воображая ирреальное знание, без чего человек не мог бы существовать как именно человек, человек жил, трудился, творил, преображал природу, создавал неприроду, формировал и изменял себя, своё сознание, не ведая сполна и до конца ни внешнего мира, ни себя, ни своих внешнего и внутреннего миров, ни того, что и для чего он творил, ни куда и зачем шёл: темень тут, мгла, твердь, пустота, — но иначе не было бы движения сознания, его расширения, обогащения, роста, развития, да и просто его работы.

Второе: здесь явно выслеживается феномен *проекта*, точнее — *проектов*: Вселенной, мироздания, природы, жизни, человека с его сознанием, причём человека действующего, познающего, воображающего, творящего, преобразующего, а потому и особенно высвечивается проект под кодовым названием ЧЕЛОВЕК, предполагавший не одно лишь явление некоего живого существа в образе человека, но и реализацию сего существа как... э-э... КРЕАТОРА — *своей* прежде всего экзистенции, *себя самого*, но и *своего* мира, *своего* мироздания, *своей*, знаете ли, вселенной со *своей* природой и *своей* неприродой, отчего получалось не что иное, как *проект в Проекте* — известный так или иначе человеку *Малый проект* в рамках и в гуще человеку вообще не известного *Большого Проекта*, — допускалась и борьба сих проектов — малого и большого — между собой (вроде и в духе малого гулаговского с большим сталинским).

Третье: раз возымело место несимметричное сочетание аналоговых творцовских проектов — большого и малого, когда большой проект занимал исходно-первенствующее место, а малый проект — производно-зависимое, то вполне достоверно считать, что второй проект под литерами «ЧЕЛОВЕК», хоть и имел немалую свободу реализации, коли уж он был так или иначе творцовским (демиургическим) проектом, но в силу своей встроенности в большой проект и от него генетико-реализационной зависимости оказался в той или иной мере *управляемым* со стороны большого проекта и его иномирной внешней и внутризёмной агентуры, не говоря уже о его высшем творцовском (авторском) субъекте.

Сие «высшее управление» ходом реализации зёмного по месту и субъекту исполнения малого проекта не могло не быть, коли человеку была дадена творцовская (демиургическая), как и производственно-управленческая свобода, не каким-нибудь, а весьма себе *конспиративным* — как по своей парадигмальной сути, так и по своему функциональному алгоритму.

В итоге получается, что всё, что творится человеком на Земле и в околоземном космосе, — одно (по сути и по человеческому представлению), а на самом деле — что-то и существенно другое, но уже в представлении и в практической реализации вне- или над-человеческого Высшего Творца.

Там и там проекты, там и там творения, в чём-то перекликающиеся и даже где-то пересекающиеся, но там и там не то чтобы совсем разные, ибо они совместные и совме-

стимые, но всё-таки в чём-то важном отличные друг от друга. Если Большой Проект свободен *от* неволи, то Малый Проект свободен *в* неволе, задаваемой как раз Большим Проектом и его — этого Большого Проекта — автором-креатором-творцом.

Человеку-творцу кажется, что он делает то, что хочет, может, не все у него получается так, как он хочет, но в целом, в особенности в последнее полтысячелетие, у него многое получается из того, что ему так хочется. Весь вопрос тут, однако, не так в соответствии желаемого и достигаемого, как в мотивации желаемого и в смыслах достигаемого: откуда всё-таки берутся желания что-то сотворить необычное и к чему приводят их нестандартные исполнения? И оказывается вдруг, что не всё здесь так уж просто и понятно, ибо откуда, почему и зачем приходят творческие и креативные замыслы, происходят массовые на то движения, свершаются судьбоносные — как благоносные, так и смертоносные — деяния?

Да, в человеке, как феномене бытия, мироздания, Вселенной заложена *программа*, которую он так или иначе исполняет, ничего о ней толком не зная, хотя и исполняет её как *свою* программу, разумеется, тоже её достоверно — полно и до конца — не зная и руководствуясь фактически, хоть и не сплошь интуицией, но и хорошо осознанным и отлично сделанным, а главное, целостно-целевым расчётом, а скорее — стихийно избранным, а может, попросту ему вдруг и не вдруг попавшимся в поле его трансцендентального зрения и экзистенциального умения бытийно-историческим вектором (направлением): *от природы к*

неприроде, от человека сотворённого к человеку творящему и самотворящемуся, от извнешнего проекта к проекту имманентному, от всего «ихнего» ко всему «своейному».

Человек, знаете ли, звучит гордо, ибо это именно ЧЕЛОВЕК, а не какая-то там тварь дрожащая!

По подобию ведь!

Однако быть по подобию ещё не значит быть *таким же*, а потому тут не только человек что-то старательно творит, а и нечеловек тоже, как та же реальность вкупе с ирреальностью, которые тоже творят — уже «ходом вещей», как и творит какая-то сверхреальность вкупе с иномирной субреальностью — уже «ходом неизвестности», а что, почему и зачем это всё творится, кто ж из смертных знает, ежели *этого* и сам Господь Бог досконально не знает: весь смысл Проекта Божиего как раз и состоит в его текущем и конечном самопроизволении, в чём активно и более всего участвует, не слишком того осознавая, и сам главный реализатор Великого Проекта — ЧЕЛОВЕК!

Прикрыто тут всё, ох, как прикрыто, да не одной лишь трансцендентной тайной, но и самой имманентной явью — тоже ведь весьма таинственной, контентно и знаково вибрирующей, от расчётливого разума намеренно и вполне искренне ускользающей — да, многое впечатлительному и амбициозному разуму человеческому даётся, немало им и запечатлевается, но, увы, даётся ему таки не всё — как раз самое главное-то и не даётся и уж тем более не всё ему из воистину судьбоносного открывается!

Многоярусное, фрактальное, разное по смыслам и функционалам тут прикрытие, несущее в себе важнейший

для демиургирующего человека конспиративный код: освещай себе дорогу знанием в заданном тебе или же избранном тобою направлении, человече, твори, не стесняясь, преобразуй тобою высвеченное, но в первозданную темь не лезь и в игры бытующих там теней не играй — *сгинешь!*

Знание — сила, а незнание — еще бóльшая сила, а прикрытие знанием незнания — мудрость, как раз та самая, которая и есть не что иное, как Премудрость Божия, она же и Страх Божий!

Параллели и меридианы

У каждого по жизни своё движение по меридиану, бывает и своя высота, которую каждый берёт сам или не совсем сам, а то вовсе не сам, а через посредство других — своих и не своих жертв, хоть бывают и замедления, и стояния с простоями, и даже падения, тоже свои и не совсем свои, не без участливой помощи других.

Сознание — вещь путаная, а ещё путаней бывает его практическая реализация, да ещё и в гуще других личных сознаний, с ними в разном взаимодействии, вплоть да враждебного и не без смертельных исходов: кто-то — альтруист (редкий тип), кто-то — эгоист (куда более распространённый тип), кто-то попросту паразит (хватает!).

Однако высоты людьми, как и «людьми» тоже, и даже нелюдьми, берутся, хотя и сопровождается это неудачами, промахами, поражениями, уходами в тень, бегствами, исчезновениями (и не только с глаз долой, а и, знаете ли, из мира сего).

Но мы тут пока о высотах, которые довелось брать по своим меридианам двум героям нашего времени, шедшими по параллельным дорогам, пролагавшимся ими в двух фактически параллельных мирах: с одной стороны, учёному, мыслителю, провидцу, а с другой... нет, конечно, не антиподу, как и не омологу, как говорят французы, скорее... экзистенциальному контрагенту — правителю, властителю, можно сказать, и государю.

Да, они не сошлись между собой глаза в глаза, не говорили друг с другом содержательно, как частенько говорится — не общнулись, хотя первый вряд ли не оказывал влияния на мысли, проекты и деяния второго, ибо кто ж ещё, кроме таких, как этот первый, — знавших и осознававших кое-что *этакое*, чего как раз не знал и не осознал в полноте Он — второй; из понимавших что-то *этакое*, чего не мог или даже избегал понимать Он — второй; из чаявших чего-то *не этого*, а *иного*, чего не мог или не должен был чаять Он — второй.

Так и шли они по ХХI веку в параллель друг другу, не будучи ни полными союзниками, ни завзятыми противниками, то сходясь виртуально-магически, то — уже виртуально-фактически — расходясь.

И вот его — правителя — первая для 2010-х взятая высота: Крым, Сирия, обновлённая армия, бойкая оборонка, кое-какой свой (наш) хай-тэк. Совсем не плохо, даже отлично, если не просто здорово! Возрождение России как Великой имперской державы вкупе со своим единственно возможными и единственно надёжными союзниками — армией, флотом, а теперь ещё и ВКС!

Тут было явное схождение отмеченных выше параллелей — чуть ли не по Лобачевскому, хотя и вопреки ему, ибо тут... метафизис! — а у него свои выходки: бац! — и сошлись параллели, да не где-нибудь в неведомой дали и не в какое-нибудь отдалённое время, а прямо здесь и сейчас — и приветствуется учёным-мыслителем удачливый правитель, и слагаются про него искренние поэтические строки, и поддерживается Он силой его — мыслителя — ноосферной метафизики!

Фантазии? Нет, не фантазии, а самая что ни на есть быль: и смысловая, и фактическая, и виртуальная, и реальная. Разумеется, не так для Него возгоралась сия реальность, как для нашего учёного героя, хотя... Впрочем... почему и не для Него тоже: кто из что-то в этом понимающих докажет обратное?

Это только кажется, что им — правителям — ничего от учёных не надо, — надо, ох, как надо! — и особенно это — непредвзятое мнение бескорыстных и честных мудрецов, правда, лучше ежели заочно, по вполне естественно-му онлайну, не с глазу на глаз, не лицом к лицу.

Не Пушкин ведь боялся Николая I как собеседника, а царь-самодержец побаивался поэта-мудреца (этого таинственного волхва!), ибо за таким вот Пушкиным большое смысловое, ещё и на перспективу неудобие обычно маячило, как раз то самое, с которым царю лучше было не знать-ся. Не Менделеев чурался встречи с Николаем II, а царь-самодержец не жаждал встречи с очень уж русским, ещё и много чего знавшим и провидевшим, гением-титаном. Не Михаил Булгаков избегал встречи со Сталиным, хоть и за-

дрожал бы всеми клеточками тела своего, вдруг топав в приглушённую и неизвестно что обещавшую приёмную всесильного вождя, а сам товарищ Сталин предпочитал не сходиться с мрачно-весёлым гением, — что бы тогда он — вождь — сказал сему странному писаке, видевшего его — вождя! — насквозь?!

Мудрец и правитель, правитель и мудрец!

Кто сильнее, — разумеется, не физически, даже и не духом, а... э-э... всего лишь *знанием*, — и как раз знанием чего-то *этого*, чего никто вокруг не знает, даже и сам мудрец не знает — до чудесного, а то и вдруг страшного, мгновения? Да, за правителем власть, авторитет с авторитарностью, охранка, не всегда, впрочем, и надежная, а за мудрецом всего-навсего София Небесная, вполне, правда, надежная, но далёкая — как бы и Никакая! — во и вся тут разница!

Взял правитель тогда большую высоту, вполне взял, за что и заслужил непридуманное почтение, а вот вокруг высоты-то что было на Русской де равнине? Сплошной, знаете ли, импорт, де не только вещно-потребительский, а и, увы... цивилизационный, как раз «ихний» западный, да ладно бы качественный, первостатейный, образцовый, а то ведь... дрянной, компрадорско-колониальный, токсичный, вонючий, принёсший стране и её народу, в особенности его учёной, профессиональной, образованной части мало что сизый морок, а самую что ни на есть мертвящую пустотень: что в науке, особенно в гуманитарной, что в образовании, что в том же здравоохранении — и всё это под предлогом прогрессивной-де «оптимизации», почему-то упорно ликвиди-

рующей всё живое и человеческое, а затем беззаветно внедряющей всё неживое, искусственное, уродливые, ну и, разумеется, смертоносное!

Сия «оптимизация» не остановила, а, наоборот, поощрила отток из страны молодых, здоровых, задорных талантливых сил, как раз туда — на Запад, вроде особого рода добровольной по виду дани — людьми, вроде тех, что когда-то продавались теми же якобы приглашёнными во владение Русью варягами в излюбленной нашими «духовными» комментаторами Корсуни — для столь же любимой ими по сию пору Византии, а теперь вот продающихся по своей доброй-де воле вкупе с их острыми умами и свежей славянской, татарской, еврейской и иной кровью!

А тут, видишь ли, официальный *патриотизм*, провозглашённый во своё спасение властью, — хороший вроде бы лозунг, но относительно какой-такой родины — из которой приходится бежать?

Да-а, тут уж стало не до слияния параллелей, только-только искристо друг с другом соприкоснувшихся — наметилось вдруг и расхождение, тогда ещё, правда, более в потенции, чем по факту: а вдруг что-то в России всерьёз изменится в сторону и в пользу России!

Надежда умирает последней, а вот благие ожидания, надо полагать, первыми!

Ожидания были и они — эти ожидания — ожидали срочного разрешения, а пока, находясь под ожиданиями, герой наш упорно шёл по своей собственной параллельной дороге: «*Самоутверждение России*» (2010), «*Постреформизм на службе России*» (2012), «*Евразийская интеграция*»

(2013), «Российский антикризис» (2014), «Российское системное перестроение» (2016), «Россия на пути к России» (2017).

Не слабо, правда? И чем тут тоже не высота?!

Вот она — сила ненадуманного ожидания — не вера лишь тут, а и кое-какое во благо России дело — факт!

И хотя в 2016 г. «научная оптимизация» слизнула, как корова языком, его детище — государственную институцию как самостоятельную, открытую Правительством СССР, научно-административную единицу, — это после триумфального 25-летия службы сей институции в пользу мысли, знания, просвещения, как и в пользу Отечества, того же родного университета, хотя, отметим, удалось сохранить образ институции, набравшей известности и ментальной силы, уже в виртуальном виде, как собственную тень, заимев иной внешний облик и официальный статус (а ведь была юридически даже равной своей альма-матер!).

Но несмотря на всё происшедшее с его славной институцией, доверие к действовавшему в сложных условиях правлению у нашего героя не исчезло: он знал, что его выкладки там — наверху — знают, кое-что воспринимают, что-то даже делают из приемлемого, но... просто не могут... э-э... вырваться на преображенный *постреформенный* простор, — и не могут, как казалось, до поры, хоть «пора» уже в общем-то вполне себе уже на тот момент настала.

Отчего и ожидания, заметим особо, становились всё тягучее, недоумённое и злее!

Пореформенный строй — как раз *такой*, каким он сложился к началу десятых — уродливый, двусмысленный,

лицемерный, день за днём, пусть во многом и внешне, лишь... *укреплялся!*

Отсюда ожидания всё более переплетались с тревогой, что заставило и самим параллелям впасть в оцепенелое ожидание — уже и историческое: свершится ли что-то в России из явно потребного для России или всё-таки нет?!

Тревожное ожидание!

Оно упёрлось в конце концов в одну календарно-экзистенциальную точку — день новых президентских выборов, а сами эти выборы — в выборный результат, а бытие страны — в последующий стратегический выбор!

Наш герой голосовал тогда — 18 марта 2018 г. — «за», отвечая на свои и народные ожидания, да не чего-нибудь, а *постреформенных перемен!*

И жестоко просчитался!

Попался, как маленький!

Блестящая вроде бы победа, давшая избраннику необыкновенно сильный *мандат* — МАНДАТ! — да не на доверие к Нему лично, что само собой, а на... большие перемены в стране, в её бытии, в её устройстве, а главное — на ликвидацию глобальной, вопиющей и ставшей уже фактически субстанциальной *неправедности*, на включение в дело хотя бы *здорового смысла* и вдруг... *ничего!*

«Тишина, и покойнички с косами стоят!»

Как державный победитель мог пойти на этакое... *ничто* — загадка?! Вместо триумфального шествия чаемых народом перемен — сокрушительное, пусть вроде бы ничем таким и не обозначенное, поражение — поражение себя и своего правления! Вместо правительства энергичных пере-

менщиков — унылое правление всё тех же, давно уже обанкротившихся и вполне скукожившихся в неживые опарыши растерянных «оптимизаторов».

Как?!

Не хотел, не смог, не решился, не дали?

Да уж, хоть это всё случилось 18 марта, но на Восемнадцатый брюмер незабвенного Бонапарта никак уж не тянуло!

Факт!

Может, тут и не было никакого преступления, хотя... нет, не будем об этом, пусть это решает суд истории, но уж явная ошибка была, как раз та самая, что хуже любого преступления, вполне, может, и роковая, — точно!

Ошибка — впрочем, может, всего лишь «ошибка» *там* и... явный от неё шок *тут*! Во всяком случае, для него — отшельника, как и для очень и очень многих: изумлённых, обманувшихся, униженных, оскорблённых!

Ну и параллели наши, о которых речь, сразу ринулись в разные стороны: одна — верхняя, как раз *Ego*, резко вниз, другая же — нижняя, уже *ego*, резко вверх, — без всякого при этом между ними соприкосновения, не то что с искристым от энергического контакта разрядом.

И что же его — нашего героя — вещий сон? Да ничего, ибо сон сей хоть наяву и не сбылся, но при этом и неявно... всё-таки случился — как был он вещим, так вещим и остался: и так тут было, и этак, а всё одно — *Весть*, позволившая герою нашему особенно плотно и оптимистично думать о России, кое-что актуальное предлагать правлению и кое-чего из приемлемого даже и добиваться.

Провидение решило по-своему: поманило *Вещим* сном и... в тень (не в кусты же ему!), сначала вроде бы «за», а потом вдруг и «против», а что на самом-то деле лучше, когда вещие сны в точности сбываются или же когда они в точности не сбываются, — кто ж это достоверно знает?!

Не сбылось — и слава Богу!

Сон в буквальности и простоте своей не сбылся, что значит, что встреча могла быть, но, видно, не должна была всё-таки возыметь места — тоже ведь интрига, да ещё какая!

А вот кому от этого хуже, а кому лучше, опять же кто знает: он ли — мыслитель, Он ли — правитель или же Она — судьба-мойрушка, да и она вряд ли вполне тут сведома?

Выходит, что *так* и только *так* и надо было!

Перестав простофильно надеяться на высший вверх, наш герой, продолжая думать о России — этой главной участнице, свидетельнице и жертве разыгравшейся на её территории судьбоносной и очень рисконосной, хоть и вяло текущей, *Мистерии*, не прекратил гнуть свою линию на *постреформенное* преобразование России, её мобилизационное стояние в условиях большой гуманитарной (гибридной) войны, развязанной против неё Западом и при весьма ненадёжном поведении всех её субъектных не то союзников, не то попутчиков, не то, как всегда, попросту прихлебателей, в общем — не прекратил выступать за большие перемены и радикальные развороты, внутреннюю консолидацию и антиглобалическую национализацию страны, а глав-

ное — целостное изменение системы, состава и стиля управления страной, её социумом и хозяйством.

«*Российский миттельшпиль*» (2018), «*Россия в игре: страна и мир*» (2019), «*Россия: вибрирующие горизонты*» (2019), «*Россия в координатах ударных перемен*» (первая декада декабря 2019).

Чем не высокая ментально-концептуальная, но в то же время и оценочно-функциональная высота?!

Обращает на себя внимание последняя из «зашифровок» — декабрьская: «*Россия в координатах ударных перемен*», чего тогда в реальности, увы, не было, но чего не то, что желалось, а что настоятельно требовалось в затянувшийся момент в общем-то страшного послевыборного оценивания. И вдруг, уже в январе 2020 г., перетряска правительства, упор на, пусть и полные ребусов, национальные проекты, ну и, конечно, бодряя конституционная инициатива!

Наконец-то пришли и они — *ударные перемены!*

Это ли не взятие режимом во главе с его (лидером) новой высоты!

Однако, как бы не так: во-первых, в жизнь вдруг вверглась коронованная пандемия, а, во-вторых, конституционная реформа при всех её частных важных достоинствах свелась к попытке не преобразования в аспекте народной эффективности заторможенного пореформенного строя, а его — этого строя — дальнейшего укрепления, а также в связи с этим бессрочного продолжения, действовавшего в стране высшего правления.

Тоже не слабо, да вот с выходом ли на новую вершину?!

Если в марте 2018 г. случился вдруг один шоковый сюрприз, то в начале 2020 г. — другой: там было отсутствие перемен ради сохранения не так даже кризисного (впавшего в собственный системный кризис), а в общем-то исторически бесперспективного... э-э... «строя без строя», а здесь вроде бы кое-какие перемены, но, увы, ради всё того же сохранения всё того же «строя без строя», правда, с намерением сделать из сего «строя без строя» более или менее «стройный строй», да ещё и вовсю долгоиграющий.

Ложная, конечно, попытка, но что поделать, ежели *пути* — на руках, на ногах, в головах, как «ихние» пути — в основном финансово-товарно-технологические, а также и импортно-цивилизационные (культурные, так сказать), так и свои, домашние — олигархо-капитало-криминальные, да и попросту строевые, административные, управленческие!

Так нужна ли была иль нет пресловутая встреча, предсказанная нашему герою два десятка лет назад в вешем сне? Как всё более становится очевидным — нет, не нужна, ибо у верха были и есть совсем другие мотивы, заботы и задачи: не расцвет России как России, а благолепное цветение России как всего лишь подневольного источника для чьего-то чрезмерного, ещё и непременно по месту реализации закордонного, благополучия, — вот, собственно, и всё!

Однако на сию замысловатую инициативу верха последовал и «высотный» ответ заарестованного пандемией, по продолжавшего всё-таки мыслить, работать и писать не-системного учёного мирка, немало как раз ведомого нашим

героем: «*Российская идеология*» (2020), «*Россия под переменами*» (2020), «*Коронованная пандемия и зачарованный мир*» (2020), «*Российский разворот*» (2020).

Нет, конечно, не ответ-столкновение, ни в коем случае (кто тут на самом-то деле прав?), а всего лишь ответ-*соображение*, может даже, и ответ-*упреждение*, хотя, быть может, и ответ-*вызов*, да такой, что против него просто так не попрёшь, хоть кому-то и хотелось бы, ибо за ответом сим стояло не удобное для кого-то правдоподобие, а сама столь нужная нации, буквально уже стонущая правда, когда даже и ошибка в сем ответе тянула на правду, ибо бескорыстно тут всё было и искренне, а главное — *верно!*

Что ж, ученые глаголят, советуют, предупреждают и упреждают, правители же действуют, бездействуют, хитрят, не раскрывая всего, не обо всём ими затеваемом довольно осведомляя общество, нацию, электорат, население, массы (конспиративничают, таятся, блефуют!), — и учёные, понимаемая неоднозначность поведения и стратегическую шаткость положения правителей, не бросаются на них с порицаниями, осуждениями и обвинениями, представляя тем самым уже самой истории разбираться по сути, значению и результатам свершившихся ранее и свершающихся теперь деяний и надеяний, а потому, как, собственно, и всегда, вопрос остаётся открытым: куда же пойдёт далее российская реальность, ведомая не только правлением, но и ходом вещей, а ещё и самой Великой Неизвестностью: сюда ли пойдёт или туда, скорее всего, не сюда и не туда, а... вот именно: кто сегодня ничего *такого* об этом не ведаёт, тот узнает

что-то об этом завтра, а вот *что* же он узнает, да и узнает ли что-нибудь вообще — *вопрос?!*

Конституция, в особенности толково сделанная — это хорошо! — а вот дела, тоже в особенности толковые, всё-таки «лучшее», — и они — дела эти — могут совпадать с конституцией, а могут и не совпадать, главное, чтобы они совпадали с жизненными потребностями человека, общества, народа, даже и мироздания, не говоря уже о рекомендациях Софии и вынужденных императивах Господа Бога!

Итоги 1 июня 2020 г. — вовсе не итоги 18 марта 2018 г.: тогда было реальное доверие, сегодня — лишь пиарное, да и то не доверие, а так... казус, из чего, правда, можно извлечь кое-какой позитив, но для этого надо не так тексты формальные менять, как саму реальность, о чём в конституции, естественно, ни слова: программы, большой программы больших реальных перемен как не было у страны, так и нет — тоже ведь факт!

Предсказанной в вещем сне личной встречи не случилось, но зато состоялась другая встреча, причём без всяких любезностей, даже и в некотором противостоянии — встреча концепций: властной, управленческой, конспиративной, с одной стороны, и гражданской, интеллектуальной, открытой — с другой. Эта встреча, — уже иная в отличие от той, во сне предвиденной, — не могла не состояться, более того, не могла не привести если не к взаимодействию концепций, то хотя бы к их взаимному, пусть и бессознательному распознаванию.

Они, которые там — наверху, вершат свои дела, исходя по преимуществу из текущей феноменальной обыденно-

сти, в которой сидят и с которой так или иначе считаются, и лишь в порядке исключения они исходят из сколько-нибудь продуманной концептуальности, разумеется, им достаточно ментально-функционально близкой, для них прибыточной и, как им почему-то кажется, вполне приемлемой для массовых насельников страны.

Что же касается тех, кто вроде бы внизу, но кто способен не просто просматривать текущую обыденную реальность, но и проникать в её сокровенные смысловые закрома и потоки, выдаёт на гора не практические решения, а *смысловые алгоритмы*, переводя их, по возможности, на доступный для высших и иных обыденных фигурантов язык.

Тут либо взаимопонимание и даже взаимодействие разных установок — *функциональной* и *размыслительной*, что явно хорошо! — либо противостояние установок и даже между ними противодействие, что уже, в общем-то, и не есть хорошо!

Что говорить, надежды на первый вариант, то бишь на взаимопонимание, у нашего героя были, что даже получало кое-какие фактические подтверждения, но с началом безумной «оптимизации» стали таять, как тает сползающий на юг арктический ледник, а с 18 марта 2018 г. — растаяли вовсе. Январь 2020 г. их — эти, как оказалось, иллюзии — увы, не возродил! Функциональный вверх не воспринял размыслительного низа: смысловой поток снизу не соединился в общую конструкцию с деятельским потоком сверху, сии потоки тут явно разошлись по сторонам, причём полётный смысловой взмыл, как и полагается сакральному духу,

вверх, а тягучий деятельский, как и положено тверди, пал вниз.

Что ж, увидим, и весьма скоро увидим, куда вывернет реальность — времени-то особого не то что на раскачку нет, его вообще уже нет — такие вот теперь безвременные времена!

Да, пожалованная соновским миражом встреча могла бы быть, но она все-таки, как оказалось, не должна была быть, ибо *что* бы такого сии тертые каждый по-своему ребята сказали бы в лицо друг другу?!

Да-а, фиаско — ещё не поражение, но и иллюзорный успех — никакая не победа, а вот на надвигающемся экзистенциальном горизонте лишь одно — грозовая муть!

Деминурия

Рано или поздно, революционно или эволюционно, плавно или рывками, вкрадчиво или со свержрохотом, но человек, это уникальное природное-неприродное, животное-неживотное, известно-неизвестное существо по собственному прозванию «Человек», вступило-таки на стезю *деминурирования*, познавая, что то же самое — осознаниевая, мир и себя в нём, а также сей становящийся человеку всё более и более известным мир усердно переделывать, дополняя его своим миром, уже исходившим непосредственно от сего таинственного существа, его сознания, его когнитива и его воображения — *искусственным миром!*

Искусство — это вовсе не только художества, архитектура, театр, кино, музыка, пение, танцы, мода, гламур,

спорт, телевидение и т. п.. вещи, не исключая литературы с журналистикой, это ещё и наука с техникой, экономика с её виртуозными финансами, всё производство с его продуктами, потребление этих продуктов, медицина, образование, политика, юриспруденция, те же мифотворения, религия, философия, опять же оккультизм, колдовство, шаманство, да мало ли ещё что, а в общем — всё, человеком воображённое, совершённое, выставленное, то бишь как раз то, чего нет в природе, и что Создатель ни человеку, ни сотворенному им миру не давал, что есть продукт человека и только человека, его сознания, разума, мысли, расчёта, равно и бессознания с безумием — тут всё одно!

Искусство (от искуса, кстати, с его искушением) и, соответственно, созидаемый человеком искусственный мир, попытки полного и конечного издания которого имели место давно, всегда и повсюду на Земле, хотя бы в развитых цивилизациях, но либо созданные там искусственные миры разрушались внешней для них убойной силой — стихийной ли, природной ли, иноцивилизационной ли, «дикой» ли, конечно же, вражескими для того или иного искусственного мира силами, либо сии миры энтропийно саморазлагались и самоисчезали, либо чуть ли не навечно статуйровались в квазинеизменном виде, терпеливо ожидая то ли своего конца, то ли нового для себя чудесного продолжения.

Что касается сегодняшнего исторического, если уже не постисторического, момента, то конструкция нынешнего искусственного мира задана, создана, активно поддерживается и развивается *Западом*, или *евро-американской цивилизацией*, восходящей к истокам древнего Средиземноморья

(к Антике, финикийству, христианству, с учётом возникших внутри него или рядом с ним инохристианства, антихристианства и атеизма, а также частично к древним цивилизациям Египта и Ближнего Востока) и получившей мощный пассионарный системный импульс на исходе Средневековья благодаря Ренессансу, Реформации и Просвещению, давших простор, будучи сами протяжённо революционными по политическому, идеологическому и хозяйственному векторам, сонму новоевропейских, моментно-взрывных или же постепенно-этапных, революций: политических, социальных, экономических и, что особенно важно, техногенных, если под Техносом понимать не одну лишь буквальную технику (орудия труда, механизмы, машины, оборудование, инфраструктуру), а и ту же науку вкупе с трудовым профессионализмом, то бишь, если понимать под Техносом всю техноинтеллектуально-трудо-производительную сферу, или, как ныне принято говорить — научно-техническую, но при этом и собственно производственную, сферу.

Технос, он же, к слову сказать, Темнос — сердцевина человеческой демиургии и её исключительного продукта — *искусственного мира*. То и другое, — демиургия и искусственный мир, — обязаны своей ведущей конституирующей силой и своим главным содержательным качеством именно Техносу, двинутому вперёд Великой идеологической революцией новоевропейского кроя, раскрученной революционным экономизмом (капитализмом) и поддержанной рядом революционного характера новоевропейских социально-политических пертурбаций.

Искусственный, он же в основе техногенный (и темногенный!) и функционально технократический (и темнократический!) мир — зёмный *иномир*, вполне себе *хомотворный*, достигший к ХХІ веку планетарно-космической целостности и вполне уже противостоящий миру природному, мало того, ставший реальной угрозой существованию *естественного мира*, привольно было расположившегося под ликующем Солнцем по изволению Высшего Творца на планете по имени Земля, но, кажется, уже попавшего в лабиринтный капкан, вольно или невольно поставленный ему как раз человеческим, а не чьим-либо ещё, *научно-техническим демиургированием*.

Современный Технос — уже не просто орудие (средство) в руках человека, хотя и продолжает оставаться таковым, это уже целый *нечеловеческий мир*, в котором человеку отводится роль вовсе не владетельного господина, даже и не главного субъекта, а некоего зависимого от техномира суб-субъекта, а то и попросту его — этого мира — послушного орудия (всецело доступного сему миру вспомогательного средства).

Уже не человеческое радио доминирует в искусственном мире, а как раз нечеловеческое — техногенное (и темногенное!) и технократическое (и темнократическое!) — *нерадио* вкупе с его металогией, и это несмотря на то, что человеку, в том числе и вроде бы высокообразованному и многознающему, всё ещё кажется, что именно он — технизированный и темнизированный человек — хозяйничает по своему и только своему усмотрению в технотронных сетях

искусственного мира, им де рационально ещё при этом и управляя.

Ничего подобного!

Искусственный мир, который в общем-то никогда не был под полной юрисдикцией мира человеческого, настолько уже сейчас велик, вездесущ и самостен, что не только накрепко держит... чуть было не сказал — «в своих руках»... но правильнее сказать... при себе и в себе ... чело- века, что последний уже там никакой не царь, а, скорее, пусть и необыкновенный, но... *раб* — раб-демиург, раб-производитель, раб-объект — как раз как объект собствен- ной же, направленной на себя демиургии!

Переделав под себя природу (пусть только ещё часть природы) и создав якобы комфортный для себя искусствен- ный мир, человек-демиург, следуя вольно или невольно ме- талогике научно-технического прогресса, занялся передел- кой и... *самого себя*, подгоняя себя под потребности искус- ственного мира, превращая себя в немало уже *искусствен- ное*, хоть и всё ещё по виду *человекообразное*, существо.

И ничего с этим тут уже не поделать: «*Не идти нельзя идти!*».

Научно-технический человек, активно и безоглядно демиургируя, залез в такие потаённые закрома физического мира (нано, гено, нейро), откуда уже ему выхода нет и быть не может, где придётся любознатцу и любодею идти до конца, — но вот какого же конца?!

Никто из смертных этого не знает, даже из тех же адептов оккультной масонерии или того же тибетского ла- маизма, но... но недаром же полусумасшедшему великому

кудеснику из Калуги привиделось некое «лучистое человечество», что означает, что человек-демиург, переделывая себя и «обыскуस्थ्यваясь», идёт как заяц под взглядом удава в Иное, имея шанс стать там то ли лучезарным светлячком, то ли попросту призрачным облачком, а может и большой тёмной тучей (вроде тучи из какой-нибудь саранчи).

Искусственный разум!

Это не только и не столько технический киберразум, о котором сегодня охотно и много вокруг говорят, как и не тот же смешанный техно-человеческий разум, который давно уже бытует на матушке Земле, сколько разум всё ещё человеческий, но уже эпохи триумфа человеческой демиургии с её всеохватным искусственным миром.

Человеческий ли?

XXI век — век уже бесспорно *искусственного человеческого разума*, причём не только и не столько из-за того, что человек сливается с компьютером и тем же Интернетом, а в том, что на Землю уже пришёл не просто новый для себя самый человек, что не впервой в зёмном бытии-истории, а новый относительно вообще любого землянина, вполне себе *неземный*, может, лишь не совсем земный, человек, причём куда как более адекватный, чем обычный землянин, бурно развивающемуся вглубь и вне себя искусственному, тоже ведь по-своему уже *незёмному*, миру.

Достаточно оглядеться повнимательнее круг себя, чтобы заметить появление среди насельников Земли какого-то очень уж отличного от них незёмного (пусть, может, и не совсем зёмного) человекообразного племени, которого не

было заметно, — во всяком случае в России, — ещё каких-нибудь три-четыре-пять десятилетий назад.

Не случайно ведь стался вдруг 1991-й год с последующими 1990-ми и 2000-ми годами, совсем, видно, не случайно! Тут случился (случился или же был сделан?) вырыв на свет Божий некого *иночеловека*, если уже и не *постчеловека*, если не в образе прямо-таки апокалиптического зверя, хоть и не без этого, а во вполне себе квазичеловеческом виде: квазиреспектабельных господ-держателей мира сего; самоуверенных, молодящихся полудам и суетливых однодневных фемининок; самонадеянно раскованной, немало при этом зажатой и растерянной, молодежи; всякого рода чем-то занятых и ничем не занятых симуляторов, имитаторов, информаторов, не исключая тьмы менеджеров и мошенников.

Не успело ещё произойти в России сплошной компьютеризации и интернетизации, а человек-робот (или человек-киборг), скорее даже — античеловек-робот (или античеловек-киборг) уже всюду замаячил, выходя на земный свет чуть ли не прямо из какого-то преисподнего чрева. А сейчас, в 2020 г., он уже, знаете ли, наверху и в чрезвычайной активности — что демиургической, что управленческой, что любой иной функциональной, в особенности связанной с наукой, информатикой, масс-медиа, искусством, писательством, актёрством, со всякими вообще шоу, с тем же колдовством и т. п., особенно занятыми для *homo sapiens* занятиями.

Да, это ещё не законченный постчеловек, который пока ещё только ожидается хоть и не в близком, но и не в

очень уж отдалённом будущем, но это уже его — этого часе-
мого ныне постчеловека — явная предтеча!

Технос — вовсе не только металика и пластмассика, не только механика, машиника, агрегатика, не только здания, железные и бетонные дороги, локомотивы, автомобили и самолеты, даже и не только наука, знание, алгоритмы, парадигмы, проекты и программы, это ещё и сам особого типа человек, — пусть ещё и не тотально технизированный, хоть и весьма уже чипированный, в общем — не совсем ещё законченный, хоть и явно уже начинающийся, хомо-техно-кентавр, пока ещё в целом биологический и всё ещё вроде бы социальный, «типчик», но, повторяем, уже посланец из какого-то *иного* мира в этот — вроде бы ещё *наш* — мир, вполне себе посланец чрезвычайный и вполне себе полномочный! Он, этот иноземный типчик, весьма приспособлен к этому — нашему — миру, но ровно настолько, чтобы, находясь в нём на некий вахтовый срок, его не слишком, может быть, броско, но зато целеустремленно, неуклонно и интенсивно во что-то иное без всякого зазрения отсутствующей у сего типчика совести переделать.

На Западе сей необыкновенный типчик явился заметно раньше, чем в России, чему Сталин со своей приверженностью к традиции и классике, как и со своими гонениями на кибернетику и генетику, серьёзно помешал, пусть и лишь на время, а вот демократика на Западе не очень-то этому препятствовала, наоборот, активно стимулировала искусственные роды нового мира с его новым человеком. В России же произошла задержка такого рода эпохальных родов, отчего и типчик сей широко объявился на российском свете

посредством хорошо сделанной Великой катастрофы — крушения консервативного-де СССР и последовавшей за этой первой уже второй катастрофы — Великой аморально-криминальной революции, разрушившей любые культурные преграды на пути нового гуманоида и выполнившей в связи с этим роль усердной валькирианского пошиба акушерки.

Так или иначе, но искусственный разум не так возник в среде естественного — Божиего! — разума, давно уже ставшего научно-техническим (и научно-темническим!), как вырвался наружу сквозь естественный разум, но вовсе не для того, чтобы служить этому последнему, а для того, чтобы им овладеть и им разгульно командовать, а со временем, надо полагать, и полностью его заместить!

Постмодерника

То была мощная идея, смысловито поддержанная и всюю используемая нашим мыслителем-метафизиком — выделение в зёмном бытии-истории большого временного периода, обозначенного большим («агромадным»!) со стороны человека демиургическим преобразованием всего сразу: природы, бытия, хозяйства, истории, причём на основе и посредством научно-техно-экономического творчества в обрамлении сначала скромно новорелигийной, а затем и насквозь атеистической в пользу человека идеологии — гуманистической, подкреплённой грандиозными экономическими и политическими переменами, как раз периода, открытого и обозначенного в Европе так называемым Ренес-

сансом и утверждённого Просвещением, впоследствии и названного эпохой Модернизации, либо Модернити, либо попросту Модерна.

То была как раз эпоха, увенчавшаяся в XX в. от Р.Х. индустриально-городским образом жизни, труда и творчества с его фабриками и заводами, машинами и станками, циклоническими сооружениями, автомобилями, железными дорогами, самолетами, тракторами, велосипедами, электричеством, радио, телеграфом, кино и другими такого рода вещами, то бишь созданием полномасштабного, противостоявшего целостно и недвусмысленно природному, или естественному, миру, вполне уже неприродного, или же искусственного, мира.

Историческое время, бывшее до эпохи Модерна, стала определяться как Премодерн, когда в жизнеотправлении человека превалировал природный, или естественный, мир, а в идеологии, какой бы она конкретно ни была, некая, имевшая какую-то внешнюю для человека — высшую, небесную, звёздную — обоснованность, что то же самое — *сакральность*. Жили-были люди в Природе, поклоняясь авторитету высшего Сакрала, да вдруг зажили с приоритетом самих себя, с поклонами уже собственно Человеку!

Эпоха Модерна, Модернити, Модернизации — эпоха демиургического со стороны человека *пересотворения* дарованного человеку Богом Творцом мира, когда человек, созданный Господом по своему подобию, сам восхотел стать *первотворцом*, бросив вызов Господу и поставив себя на место Бога.

Однако в XX в., как раз в самый расцвет Модернизации, Модернити, Модерна, проникательные мыслители заговорили, пусть и по-разному, сначала о некоем концептуально-функциональном кризисе того образа бытия, которое стало на рубеже XX—XXI вв. называться *модерновым*, а потом и об эсхатологическом завершении этого самого Модерна и переходе к чему-то другому, что было названо попростому, хотя и по содержанию весьма туманно — Постмодерном.

Как бы ни трактовался повсюду Постмодерн, речь так или иначе уже шла не просто о создании и наличии на Земле равномасштабного зёмной природе неприродного мира, а замещении этого — естественного — мира ему противоположным миром — неестественным, искусственным, что не только обуславливало бытие человека, как уже его бытие в искусственном мире, но и делало само человеческое бытие куда более заметно искусственным, мало того, превращало самого человека, остававшегося внешне вроде бы ещё естественным биологическим существом, в существо уже значительно более искусственное — как бы делало из землянина какого-то прямо-таки инопланетянина, отчего инопланетянин — не тот, кто должен или может прилететь де на Землю с другой планеты, а тот, который, вывернувшись из землянина, становится иным человекообразным существом прямо здесь — на планете Земля.

Нравится нам это или нет, но по крайней мере некоторая доля передового инновационного человечества, в особенности его нейро-кибер-оцифрованная часть, уже более инопланетянская, чем собственно землянская, ну пусть *ино-*

землянская, чему соответствует уже выброшенное в мир названьишко — «*новые люди*», а лучше бы сказать «*новые существа*», что то же самое — *постлюди*.

Явление Постмодерна с соответствующими ему «постлюдями» — вовсе не шутки, не дурацкий анекдот, даже и не какое-нибудь цирковое шоу а-ля «Солей», — мало того что это реальность, так ещё и реальность, переворачивающая, а не просто изменяющая, весь человеческий мир, о чём, конечно, никто не задумывался в чудодейственный момент апрельского 1961 г. торжества Циолковско-королёвской космонавтики, включая и нашего героя, выбежавшего на Красную площадь вдохновенно праздновать вдруг случившийся прорыв человека в космос вместе с отпущенными с лекции студентами с Моховой.

Постмодерн — полный и окончательный отрыв человечества от Земли, причём и прямо на Земле тоже, но при это и отрыв человека от человека, вроде бы как существа-физика, но не только — как метафизика тоже. Новый человеческий-де физис и новый, уже и нечеловеческий, метафизис, прежде всего — новые мозги, то бишь окончательное и бесповоротное утверждение в ещё как будто бы естественном, то бишь божеском, существе вполне себе *искусственного разума*, а, соответственно, и *искусственного сознания*.

В самом деле, как видим, тут вовсе не шутки, как и совсем не анекдот и не цирковое шоу: это, как вдруг осознал анекдотный Штирлиц — *конец!*

Ни бытия теперь, ни истории, хотя что-то этакое вроде бы ещё есть, но уже как какие-то «квази», «пара», «суб», в общем, как стало принято говорить в эпоху Постмодерна и

идейного постмодернизма... *симулякры*: бытие как симулякр и история как симулякр, а вместе с этим и человек как симулякр и всё остальное, в особенности искусство, как раз то самое — как отрасль чистого творчества с беспредельной гордыней, — да вот если бы только искусство как искусство, а то ведь ... *всё как всё!*

ВСЁ!

Всё, как и любое из всего, хотя и не всё и не любое, но при этом всё-таки всё и любое!

Симуляция, фикция, фейк!

Фейк как правда, а правда как фейк!

И всюду игра — непрерывная игра без правил!

Всеобщий затяжной карнавал: маски, роли, прогоны!

Да-а, но так ведь было всегда, — скажет всё ещё добропорядочный и всё ещё думающий гражданин, — или уж почти всегда. Верно: так было всегда, или почти всегда, но не так — тогда была просто пена, добавка, сопроводилка, а сейчас, увы, уже сама суть, основа, сердцевина, — и не потому, что человек стал хуже, он, может, и лучше, а потому что человек стал весьма уже по существу другим, хотя и не всё пока человечество преобразилось в другое человечество, как и далеко не все люди перестали быть собственно людьми, однако всё, или почти всё, или во многом, ну пусть хотя бы значительно, человеческое жизнеотправление стало всё-таки другим: культура, цивилизация, людское поведение, язык, общение, отношение, кучкование, тусовки и т. д. — *всё!*, — может, оно стало и лучше, и блаже, и даже блаженнее, но... если ещё не совсем нечеловеческим, то уж *иночеловеческим*, — точно!

Можно, конечно, изменить критерий человечности, посчитав за него не наличие в зёмном животном сознания, а присутствия в не очень-то даже зёмном биоорганизме некоего решающего технотропа вместо собственно сознания. Можно, почему нет, мало того, так, видимо, вскорости и будет!

Да, сейчас, при переходе от Модерна к Постмодерну, идёт некая большая мутация человека вкупе с его сознанием и бессознанием, причём идёт по обозначенному выше вектору: от природности к неприродности, от землянства к иноземлянству, от существа к механизму, от естественного мира к искусственному антимиру.

И что из всего этого?

А то, что человек со своим сознанием всё более втягивается (как и кем-то туда тянется) в зону комфортного переломного хаоса, из которого и должен явиться на планете некий *иносубъект*, вполне уже замещающий человека с его божеским сознанием и со своим человеческим, тоже пока вроде бы божеским, миром, отчего ныне и разгорелась борьба между *всё-ещё человеком* и *уже-себе-нечеловеком*, как и обобщенно выражаясь, *миром и антимиром*, как и вновь разгорелась — и, видно, в последний уже раз в истории, — схватка между новым запредельным человеком и непостижимым всё-ещё-Богом!

Хаос!

И безумие!

И бессмыслица!

И произвол!

И абсурд!

И ... мошенничество, но не так как само по себе мошенничество, а как что-то вроде всеобъемлющего спорта, который, правда, тоже уже давненько изрядно обмошенился, как те же театр, искусство, торговля, реклама, фармацевтика, медицина, финансизм, юриспруденция, менеджеризм, media, пиар, ток-шоу, политика, власть, те же ЖКХ, в общем — как... всё, как раз то самое всё, которое тоже уже сплошь одно лишь мошенничество!

Но ведь жизнь-то идёт, скажут нам, и неплохо идёт, пусть даже не для всех одинаково хорошо, пусть даже вообще не для всех, но идёт же!

Дома, квартиры, машины, яхты, байки, самокаты, путешествия, отдых на дальних синих морях и вечнозелёных берегах, рестораны, те же театры, рок-группы, тусовки, ночники, пикники, не говоря о банях и публичных домах, — всё есть, всё в достатке, всё в изобилии!

Не жизнь, а сплошной, знаете ли, райский пир!

Разве не так?

Так, как раз именно так! В тот-то и дело, что так, но увы в чём-то очень и очень... не так! И что же тут не так?

Да не жизнь это, даже не подобие жизни, и что особенно поразительно — даже не её симулякр!

Вот-те на, только-только зацепились за симулякр и на тебе — не симулякр вовсе, а тогда что же?

О-о, не поверите — это не только не жизнь, а всего лишь... НЕЖИЗНЬ!

Хотя вроде бы ещё не смерть, но... почему же не смерть, ежели тут смерть жизни в самой же жизни, — нет, явление тут не смерти как таковой, а именно нежизни?!

Вкусившего сытой, привольной, роскошной нежизни ничто уже, кроме смерти, к жизни не вернёт!

Парадокс?

А что вокруг не парадокс, особенно сейчас, в гуще-то Постмодерна?

Однако тут парадокс с особой начинкой. Какой же? Ясно, что со смертельной, но... ежели ради жизни... то какой же?

Неважно, как и зачем, но... *бунт!* — ради иного, чего-то неминуемо желанного, затем тотальная диктатура, большое насилие, раскосая чистка, большая смерть... и новая жизнь — уже другая!

Возможно ли этакое, сбудется ли что-то подобное?

Не только возможно, а и вовсю уже идёт, пусть только ещё в своём изначалье, но уже идёт, причём идёт под разными критериями и предложениями, по разным наличным мотивам и даже разным серьёзным причинам, но... идёт!, — и идёт как протест против всего и вся вкупе с войной всех против всех!

Да, это что-то вроде Великой французской или Великой русской революций, но уже без опоры на какую-то там буржуазию или какой-то там пролетариат, на то же крестьянство (как и против оно), а ... вообще... слышите: «ВО-ОБЩЕ!», — человек вообще против всего вообще, включая и самого себя!

Что-то вроде беспредельной анархии, давно уже определяемой, питаемой и чаемой пронизательным анархизмом — давней предтечи нынешней *все*-протестности, причём предтечи, давно почуявшей приход какого-то нового,

как раз уже *ино*-Земного мира, ему подыгравшей и получившей встречу-ответку в виде там, у них — фашизма, а здесь, у нас — коммунизма.

Теперь бунт без заранее выверенных идеологий, обстоятельно продуманных учений и даже выстраданных с усердием руководящих идей, он весь обвешан фейками, ими страстно живёт и под ними вольготно бытует, — а иначе уже ничего быть не может, ибо сама реальность ныне уже большой фейк — ФЕЙК!, а что говорить о какой-то там против сей реальности и внутри неё фейковым бунте?!

Да, у этого бунта есть всякие заметные внешние проявления вроде тех же митингов, шествий, инсталляций, разных там шоу, как и уличного разбоя, междоусобных драк, битв с той же полицией и даже пощёчин. Никто толком не понимает, что, зачем и отчего происходит, куда всё это ведёт, ибо у этого постмодернового бунта вообще нет иной цели, кроме самого бунта.

Такой бунт зарождается в глубинах бессознательного, прямо в человеческой преисподней, и лишь снаружи получает какое-то отражение в сознательном, тоже в общем-то действующем фактически бессознательно, никак в целостное сознательное не komponующегося. Бунт — следствие не объяснимого просто так ноосферного беспокойства, его раздражения, невроза и даже психоза, вызываемых и подкрепляемых откуда-то берущимися и накапливающимися в ноосфере негативно-разрушительными энергиями.

Происходит — и всё тут!

Большой тут ноосферный недуг!

Отчего же он вдруг? Ото всего по истокам своим как раз человеческого, но уже обернувшегося своим НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ нутром, — и, надо заметить, не первый раз уже в бытии-истории человечества, но теперь о-очень основательно, по-научному демиургически и по-просвещенчески высококультурно. Человек как человек болеет античеловеком и от самого человека исходит негативно-разрушительная энергия, пока ещё лишь отрицающая и разрушающая всё выработанное и накопленное человечеством, как раз то, что пока ещё принято называть культурой, цивилизацией, социумом, или обобщенно — *хомостью* (да, простится нам сие неудобоваримое словцо!)

Бунт сей, который и сам болен тем же самым недугом — постмодерном, бьёт не так по недугу человечества ради его излечения, как по самому занедужившему человечеству — какой вообще у мертвеца может быть недуг, коли он вполне и навечно, пусть и по-своему, здоров!

И вот эти самые расплодившиеся на планете словно тараканы «новые люди», они же иноземляне, если не прямо инопланетяне, и бьют, бунтуют, по всему человеческому, вдруг ставшему нечеловеческим, причём всё равно, какие «тараканы» и с каким числом тараканов в их тараканьих головах (об их предполагаемых количествах мы уж помолчим): низшие тараканы, к примеру демонстративно сидят на спинках городских скамеек, поставив грязные ноги на сиденья, непрерывно матюкаясь, ну и повсюду с чувством презрительного превосходства охотно плюют, мочатся, вообще гадят; более калиброванные, не находя себе места, бегут из отечества куда глаза не глядят, разнося по миру свою уни-

кальную тараканью «культуру»; ещё более калиброванные тараканы, уже как бы идейные, яростно протестующие против всего сразу, а то и против ничего и тоже сразу; элитные тараканы гадят изысканно, занимаясь гадливым искусством, подлой журналистикой, бесовским ТВ, выжившим из ума «кином», лживой юриспруденцией, лживым менеджери́змом, да мало ли ещё чем, включая суицидную гуманитарную-де мысль, небрежно покрытую даже философическим флёром; правящие тараканы, более напоминающие пресыщенных от выпитой крови паучков, заняты непрерывной грандиозной мистификацией — всё равно какой конкретно — лишь бы править, править и править!

Издавательская вроде бы с нашей стороны картина, не правда ли?

А ведь это не более, чем милая... э-э... ерундушка, если учесть, что это всего лишь не более 0,01% от действительной картины, отчего остаётся только пожалеть несчастного Гоголя за его неподдельные страдания по поводу выведения им в порыве недоумённого негодования совершенно ещё, знаете ли, живых и вполне ещё себе человеческих «мёртвых душ»!

А причём тут бунт? Да, это вроде бы никакой и не бунт, а попросту современное бытование свободного во всём «нового человека», но что интересно: он бунтует против самого же себя, уже как бы и не совсем человека, ежели уже совсем нечеловека, бунтует вовсе не ради обратного преобразования себя в человека, от которого он уже навсегда отпрянул как от прокажённого, а всего лишь ради уничто-

жения самого себя, чего он вовсе и не хочет, но чего он самозабвенно всё-таки добивается.

Ладно, не будем о тараканах и их бегах, а скажем о совершенно серьёзном и совершенно по-другому: уже основательно искусственный, но ещё более или менее натуральный людской разум, как раз наукогенный, техноложный, менеджеральный, немало и потаённый, идёт во все тяжкие ко вполне технотронному искусственному разуму, рассчитывая подчинить ему уже практически готовенький для этого остальной людской разум, вогнать в его — этого технически уже тараканьего разума — всепоглощающее чрево всех — конечно же, из оставшихся на Земле, «тараканов», превратив их в сетевые «мушки», ну и обеспечить господство надо всем этим «таракано-мушьям» племенем избранных паукообразных, — тоже, впрочем, по-своему тараканообразных, — властителей, причём господство не какое-нибудь, а постэкзистенциальное, то бишь уже не жизненное, а всего лишь нежизненное, так сказать — лучезарное, правда, почему-то намертво привязанное к повисшему над Землёй античеловеческому «чёрному квадрату», кажущемуся отчего-то для беглого тараканьего рода единственно спасительным!

Преображение

Он, наш герой, сдавая документы для поступления на подготовительные курсы первого в стране и тогда одного из первых в мире высших учебных заведений, выказал было пожелание поступать на философский факультет, на что по-

лучил неожиданный для него вопрос, сказанный не без некоторой язвинки принимавшей документы дамой: «Вы что, хотите быть безработным?», на что смутившийся отрок ответил: «Нет, не хочу!». «Тогда идите на экономический, на политэкономию». «Согласен!» — ответил, подумав, юноша, и вскоре оказался на экономическом, на политэкономии, но после первого курса, вдруг разочаровавшись, задумал с факультета уходить, хоть на тот же физический, но был буквально уговорён не делать этого случайно встретившимся ему и им уважаемым мудрым преподавателем, а потому, не сделав опрометчивого шага, стал в итоге политэкономом, специалистом по зарубежной экономике, по становившейся ему всё ближе и роднее Франции, где, кстати, впервые побывал аккурат на последнем курсе обучения.

Потом у него, как тогда у немногих, была аспирантура, защита кандидатской диссертации, преподавание (как раз политэкономии), затем, как у единиц, стажировка в Париже, первая авторская книга, и т. д., и т. п., в общем — наука и полнокровная жизнь в науке.

Да, политэкономия в её классическом немативизированном виде — некая прикладная философия, вышедшая из общей философии и ставшая одной из ведущих гуманитарных наук, которой по-честному занимался наш герой, однако со временем, а это случилось аккурат к концу третьего десятилетия жизни нашего героя, когда он уже задумывался над новой — докторской — диссертацией, к нему пришло осознание неодолимой аксиоматической и концептуальной узости политэкономии, причём не так даже как науки, что было само собой, а как научной философии тоже.

Тогда-то и началось выхождение нашего героя из пределов науки и той же научной философии и вхождение (рваное, прерывное, поэтапное) в метафизическую философию с её приложением к объекту, обычно называемому *экономикой*, но превратившемуся у нашего героя в *хозяйство*.

Когда-то он не стал поступать на философский факультет, хотя тяготел всегда почему-то к философии, потом вдруг захотел отказаться от политэкономии, уйдя в другую область знания, но судьба всё равно привела его, уже политэконома, к философии, выведя за пределы не только политэкономии и научной философии, но и вообще любого догматизированного знания, погрузив с головой, руками и сердцем в *метафизику* — как уже *постнаучную*, ставшую со временем для него ещё и *софийной*.

От рафинированной экзотерики к утончённой эзотерике, что то же самое — от якобы точной, но более всего по личному приговору нашего героя всё-таки ложной, науки к якобы неточной, но более всего тем не менее адекватной реальной реальности *постнауке*, или же *постнаучной софийной метафизике*, или *гуманитарной софиасофии*.

Да, это был **путь!**

Сложный, извилистый, ухабистый, неотступный — векторный!

Превращение научника-исследователя сначала в мыслителя-метафизика, а потом и в мудреца-софиасофа!

Полвека жизни, работы, размышлений, страды!

Как и кое-каких профессиональных невзгод и экзистенциальных страданий тоже!

И борьбы, конечно, и побед, и отступлений, и маневрирования, и разочарований, и сомнений, но всё-таки (Э-эх!) не поражений!

Факт!

Превращение сие свершилось не просто так, в умной бестолковой болтовне, а в больших трудах, через масштабное вдумчивое чтение, непрерывное и разнообразное писание, через сотни своих статей и десятки своих книг, можно сказать, и через не имеющие аналогов вполне себе сокровенные фолианты.

Да, вбирал в себя мысли и ход размышлений разного рода предшественников, в особенности русских софийных конца XIX и первой половина XX века, но шёл *своей дорогой* и шёл *сам*, открывая, осмысливая и утверждая что-то *своё*, — и открыл, и осмыслил, и утвердил, однако заплатив за это и немалую цену, да ладно бы нестяжательством или теми же физиологическими недугами, а ... *преображением*, да не в кого-нибудь или во что-нибудь этакое, а всего лишь в *городского отшельника*, причём не вышедшего вовсе за пределы обыденной жизни и даже весьма деловито в ней пребывавшего, но бывавшего при этом по преимуществу как бы сам с собой, в ментальной от гоминидов удалёнке, в своём идеально-воззренческом мире, его тотально обволакившем, к себе крепко прижавшем, обильно питавшем и надёжно оберегавшем!

Созданный им новый идейно-концентуальный контент был весьма адекватен, как ему казалось, распространённому вокруг бытию-небытию — что мировому, что отечественному, что вообще человеческому, что даже античеловече-

скому, но контент сей не стал органичным достоянием окружавшего нашего героя учёного мира, напрочь инфицированного симуляционной наукой и завораживающей технотроникой, а потому остался, как верная своему хозяину собака, неотрывной принадлежностью его самого — теперь уже бесспорно, *мудреца-отшельника*!

Пришлось нашему герою таки убедиться, насколько глупо и тщетно создавать пронизательные шедевры среди и для нешедевральной, хоть и умной, и образованной, но непроницаемой для непривычных ментальных разрешений среды — из близких, из коллег, из тех же читателей!

Нет, он вовсе не остался без шедеврального к себе внимания мыслящих людей, мало того, его творчеству даже посвящены сотни статей и целые книги, отнюдь не только юбилейного жанра, да и сами эти книги вполне себе шедеврального разряда, но его — этого шедеврально кряжистого и шикарно ветвистого ментального русского дерева — как бы и нет на хоть и просторном, но заросшем по преимуществу ядовитым вроде борщевика инородным чертополохом, российском учёном де полюшке, хотя дерево сие там есть! — и все это знают, но почти все старательно закрывают глаза, чтоб не увидеть невзначай сего кряжистоветвистого дерева, круг которого вовсю резвятся не видимые глазу, но почему-то опасливо чувствуемые ментальные молнии, сопровождаемые не слышными уху, но почему-то боязливо и болезненно ощущаемыми ментальными громовыми раскатами: что же тогда остаётся вынужденному отшельнику, кроме как дружить в одиночку и на равных с

этими невидимыми молниями и неслышимыми громами, — а-а?

Что же касается бесчисленных глухонемых от него избавленцев, то им ничего из откровенчески выявленного, глубоко и по-честному осознанного, как и шедеврально сказанного, совсем и не нужно!

Отшельник, но при этом и ... **вестник**!

Отшельник от и для мира сего, а вот вестник уж не от сего мира, а *от мира иного*, хотя и для сего мира, пусть мудреца неловко теснящего и ловко от него бегущего, но с ним невольно и роднящегося — по воле Софии, конечно!

Отшельничество, о котором речь — не так следствие учёной обыденности, хотя это и есть, как жестокое условие ... самой Софии — не более и не менее: не то невольничья плата тут, не то за что-то воздаяние, не то зачем-то благое достояние, не то возвышенный дар, — во всяком случае — жертва, как раз софийная, ибо не может же Премудрость Божия быть открытой сразу всем — только единицам и только отшельникам, как и непременно жертвенным — во все не пещерным, не пустынным, не лесным, но всё-таки ... отшельникам и всё-таки жертвенным, как раз городским, публичным, немало и известным, даже и звёздным!

Такой персонаж — чужой среди своих и не свой среди ... нет, не чужих, что понятно, а как раз среди ... своих же, что как раз и есть самое для персонажа невыносимое, но ... неизбежное: загадки влекут всех, а вот разгадки даются единицам, ибо разгадки сии не то что не для каждого, но и вообще ни для кого!

Правда, она мало что глаза колет — убивает!

Правда требует уединения, молчания, бесславия, в общем — трансцендентной конспирации, и уж если выпадает на кого-то сей мироустроительный казус, то уж быть этому кому-то, пусть и в виртуальной, но в камере-одиночке, точнее, в незримом «чёрном ящике», с регулируемым самой Софией входом и контролируемым ею же выходом.

Бремя, ответственность, пытка!

Не испытание тут, что было бы понятно, а именно *пытка* — мучительная, долгая, иступлённая, но при этом, если повезёт, и благодатная, ежели за благо почесть не что-нибудь, а *знание незнания*, как и вослед уже — *незнание знания*, как раз всё то, что лишь скорбь по экспоненте умножает, но человека всё-таки возвышает — скорбеть-то ему приходится тогда уже вместе с самим Господом Богом!

Факт!

Русская святость

Нет, это не русская православная святость, о которой обычно говорят, а совсем другая — просто людская, просто народная, просто, выражаясь изысканно, экзистенциальная, даже, говоря по-простому, житейская, относящаяся к людям, даже и к детям, ко всему русскому народу, не исключая никого — ни царей, ни элитариев, ни трудящихся, ни воинов, ни мастеров слова и деятелей искусств, ни церковников, ни учёных, ни мыслителей, ни мудрецов-отшельников, ни даже каторжников.

Русский народ, — как разнообразное внутри себя целое, — святой в целом народ, но не как народ-богоносец, или, скажем, софийный народ, хотя всё это, возможно, и так, речь тут о совсем другом, гораздо более прозаичном, но зато куда как более верном и реальном: это народ, если воспользоваться словом «носец», не что иное, как *сакральный жертвоносец*, бытие которого сопряжено с фактически непрерывным, — то усиливающимся, то ослабевающим, — *жертвоношением*, в составе чего и жертвенность, и жертвоприносимость и даже, что мало кому понятно, жертвоподносимость.

Жизнь как жертва, жертва как жизнь!

Бытие как жертва, жертва как бытие!

История как жертва, жертва как история!

Вставь в любой русский контекст, как и в контент тоже, слово «жертва», и всё сразу становится на свои места: суровая природа, ломкий климат, неудержимое пространство, избыток холода и темени, а то вдруг и испепеляющего солнца, бескрайние дремучие леса, вялотекущие тёмные воды, вязкие непроходимые болота, открытая всем ветрам равнина, частые неурожаи, голод, нужда, набеги яростных соседей, безжалостные нашествия диких племён, огонь, пламя, пожары, дым, гарь, полоны, в общем — страда, тяжба, тщета: то ли жизнь, то ли всего лишь натужное переживание; то ли бытие, то ли не больше чем перебывание; то ли благодать, то ли пакость; то ли мир-пересвет, то ли всего лишь неземная преисподняя.

Отсюда кучкование, совместность, общность, взаимность, родственность, братскость, в общем — *соборность*, а ежели жертвоношение, то общее, всеми сразу и всех сразу.

И всё это общее вовсе не идеологическое, а более всего вынужденное, тягловое, выживательное, ну и жертвенное.

Сдержанные, озабоченные, настороженные, закрытые лица — масса, но при этом и необычная вдруг открытость, доверчивость, расположенность — перед своими прежде всего, а ежели веселье, то необузданное, размашистое, яростное.

Да — обстоятельства, да — тщета, да — история, да — генотип, да — архетип, да — память, а ещё и ... *неотмирность* — не от мира сего, а от мира иного, отчего и неустроение, и ожидание чего-то другого — лучшего, как и неумение, да и нежелание, жить настоящим и прямо здесь: размеренно, рассудительно, здраво, ещё и с постоянным прибытком, накоплением, «в масле».

Зато и самоотверженность величайшая — когда надо! В стихии, бедствии, горе — на грани жизни и смерти! Вот уж кто смерти не боится, так это русский, для кого жизнь — бремя, а смерть — от него и от неё избавление, хотя русский об этом не думает, он просто живёт, а живя — жертвует, не останавливаясь и пред бледным ликом смерти.

Жертва себя как жертва перед собой!

Растянутая по жизненной стезе жертвенность оборачивается вдруг во мгновенную себя перед собой жертву!

Признать это невозможно, можно только принять — как бесспорный, неугасимый и неизбежный факт!

Факт сей восхищает, вызывает недоумение, раздражает, порождает презрение и даже ненависть.

Однако здесь как раз весь главный корень глубинной русскости, хотя русскость к этому, разумеется, не сводится, зато являет исконное побочное: доброту, жалость, сочувствие, но и злость, и отвержение, и ту же ненависть.

Всё тут непросто — в этой русскости, как раз и *совершенно святой*: в прошлом прото-русы, потом русичи, затем русские, и по бездорожью истории аж до сего дня дошли — очень лукавого и злого дня!, когда либо ты — русский, пусть и не святой, либо ты всего лишь тварь дрожащая, может, и русская тварь, да вот святого звания — быть русским! — из-за твоего предательства себя и предков, всё бывшее злое и лукавое жертвенно, но при этом животно, вынесших — себя вынесших и тебя — тварь дрожащую тоже, да вот знай — не только тебя, а и всех категорически русских, как раз тех самых, что Русь на себе и сейчас держат, вполне и жертвенно, не думая особливо ни о Руси как таковой, ни о её держании, а просто держат её — как-то само собой, инстинктивно, генотипично, архаично, не пренебрегая и торжественным вхождением в приготавливаемый Кошечем бессмертным цифирный рай, который обернётся ... нет, не адом, к которому русским не привыкать, а ... Аидом, уже для всех русских и нерусских, но, как говорится, будем посмотреть, ибо русские на то и русские, чтобы из любой передраги, немало жертвуя собой, нежданно-нечаянно выскочить.

Итак: *неотмирность, жертвенность, святость*! Вот она — магическая формула русскости — центровой, ядро-

вой, столбовой, в веках стоящей, удерживающейся, длящейся. Она-то и объясняет выносливость, неприхотливость, стойкость, терпеливость и терпимость русских, однако, и скрытые от глаз настороженность, недоверчивость, сомневаемость, даже и немалую хитроумность. Внешне русский кажется и бывает простым, иной раз выглядит даже таким простачком, но внутри себя он очень даже сложен, причём настолько сложен где-то в глуши своего сознания, что и сам, бывает, не знает, насколько он сложен. Терпим, терпелив, сдержан, чуть ли не безразличен, но зато внезапно взрывен, горяч, необуздан. Тут ведь обратная сторона сакральной формулы: то со святой иконой у русского сердца, а то с карающей дубиной в русских руках, — всякое с русским неотмирцем бывает!

И не только с отдельным русским, но и с массами, со всем, или почти со всем, русским народом. Бунт, восстание, гражданка — это всё тоже у него, у народа русского, да ещё какие расчудесные по факту: может, и не очень осмысленные и очерченные — на поверхности, но очень, как правило, обоснованные и оправданные там, внутри, в нетях житейских, ибо за правду или вспышку гнева и против лжи, отчего и буйными бывают, и дерзкими, и беспощадными — жертвенными и жертвующими!

Однако это не всё: свойственна русскости, — что личной, что массовой, — одна весьма странная, но объяснимая в матрице святорусскости вещь: выворачивание вдруг русскости в благоприятной для такого действия ситуации — вроде той же гражданкой смуты — в свою противоположность — в отрицательную, так сказать, русскость, совсем и

не святую, частью мерзостную, прямо-таки в inferнальную, преисподненскую, адовскую, в заведомо тёмную, бессовестную, даже и зверскую.

Однако святая русскость и тогда остаётся быть, даже в самые гнусные времена, когда голову вдруг поднимает не то что несвятая, а попросту *иная русскость*, — дрянная, в обычной обстановке более или менее контролируемая и сдерживаемая, но в маргинальной... очень, увы, бывает разнузданной, вольной-де, оттого и страшной! Такой бурно-бытийный выход на бытийную арену дрянной русскости — своеобразная, компенсационного склада, реакция на святорусскость с её выдержкой, стойкостью, нестяжательностью, ради-жизни-жертвенностью. Здесь имеет место не так даже срыв русскости в антибытийную бездну, как вырыв из бездны то ли подавленной когда-то проторусскости, то ли противного русскости побратима — лжерусскости, то ли обратной — тёмной и кривой — стороны самой русскости, может даже, по-своему и спасительной!

Примечательны в этом плане славные 1990-е, уже чуть ли не официально признанные «лихими», когда и в самом деле возымело место русское скорбное оборотничество, причём по всем статьям: от помрачения ума, души и даже лиц (глаз, изгибов рта, гримас) до отчуждения совести от сознания, разгула криминала всех мастей и даже необъявленной и тягучей войны всех против всех.

От пожертвования на алтарь сатаны совести, человечности и людского братства до жертвы в пользу всё того же сатаны самих себя — так или иначе расчеловечивавшихся и разрусевавшихся!

Нет, святорусскость не исчезла в 1990-е, она имеет место и сейчас, хотя была тогда и остаётся поныне в неблагоприятном, мягко выражаясь, идейно-бытийном контексте, — и ежели она сохранилась в 1990-е и есть сейчас, то исключительно по своей собственной трансцендентной воле, если не вине: никто её, кроме самих русских с их «Русским Орденом»... нет, не во главе, конечно, а попросту на переднем крае... не оберегал, разумеется, не считая софийного Иного да самого Господа Бога!

Никто!

Из смертного окружения, конечно!

Отчего-то маниакально думавшего, что без России и русских все сразу напрямик в Рай и попадут — прямо тут, на Земле!

Если б сама русскость с помощью Божией не выплыла, то так бы и сгинула в тёмных глубинах услужливо ей подsunутой и вдруг разверзшейся под ней жуткой бездны, правда, заплатив за это очень большую, — как раз вполне жертвенную, — цену, включая и плату за взбесившееся родное, не очень родное и попросту неродное дрянцо!

Итак, ещё раз: *неотмирность, жертвенность, святость!*

Мистическая формула глубинной русскости — стойчая, держащая, длящая!

Так почему же ей — русскости — было при этом не выжить в те страшные 1990-е, сосредоточившись, отоблизовавшись, вступив в экзистенциальный бой с враждебным контекстным, взбесившемся контентом, собственным себя отрицанием, мало того, может, эти буйно-бодрящие,

как и тягостно-мертвящие, годы явились для того, чтобы воспряла из Нави глубинная русскость, пусть и с потерями, уродствами, бешенством, но... *воспряла*, сбросив с себя советское иго, а заодно и распознать и сбросить новое иго — глобалическое, а теперь вот разгадать и предотвратить новейшее коварное иго — искусственно де мозговое?

Русскость в мире и в самой России не любят, порицают, отрицают, ненавидят! За что? Как раз за... *русскость*, за её магическую формулу, но при этом от русских почему-то отовсюду ждут поддержки, помощи, защиты, уступков, даров, в общем — жертвы!

Интересно, не правда ли?

Магическая формула выручает русских, хоть и делает русскую жизнь иной раз просто невыносимой, но... выручает, что почему-то очень не нравится геополитическому контексту, — за то, видно, что *иная* она — Русь-Россия, и, будучи таковой, в какие-то роковые моменты вдруг оказывается... *правой*, хоть и вдосталь испытывает на себе давление наглой экзистенциальной неправоты.

Трудно быть русским (не Богом, что само собой, как у ловких писателей, а именно русским, без всяких на то писателей), в особенности трудно было русским... среди самих же русских! Это одна из горьких загадок русскости: если, не дай Бог, считаешь себя публично русским, но непременно борись за это, бейся, побеждай, и при этом ничего благого за содеянное тобою, кроме негатива, не обретёшь, а ежели что-то из приятного вдруг получишь, то... перестанешь быть русским: премия, награда, звание, добыток, слава, но

всё это и этому подобное означает лишь одно — убийство русскости в русском, хотя и человека в человеке тоже!

Этого чудесного «моментика» никто и никогда открыто не признает, поэтому, увы, так и происходит!

Вот и бегут русские от русскости, вот и прибиваются почему-то к русскости нерусские, вот и остаются русскими глубинные русские, вот и бытует никем не признанная, кроме редких случаев чьих-либо откровений, *святая русскость*, она же и *русская святость* — великая достояние родного ему — нашему герою — народа, никого и ничего не боящегося, кроме... *самого себя*!

Чего и зачем ему бояться — *народу-то отшельнику*?!

Кроме... *самого себя*!

Вестника!

* * *

Да, Россия — особенная страна, экстраординарная, да не просто своеобразная, не просто странная, даже не просто страшная, да и не страна это вовсе, даже не мир, хотя и страна, и мир, это — полный духа и тайны субъект, он же и объект, не лишённый небесного покровительства, но и не чуждый контакту с преисподней, сплетённый с Иномирьем и погруженный в Великую Неизвестность — *не от мира сего* он и не от сеюмирных корней, оснований и причин, отчего он не более и не менее, как сама-себе-Идея, сам-себе-Иное и сам-себе-Неизвестность.

То расширяющееся тут, то сужающееся экзистенциальное пространство, где гуляют как бы сами по себе невиданные трансцендентные энергии и никак не прочитывае-

мые потоки с их энтропийными по сторонам расхождением и внезапными круговертными схождениями, да при такой вихревой игре, что у самого Господа дух захватывает, не говоря о недоумении Софии и жуткой жути, охватывающей вечного противника и верного слуги Господа — дьявола!

Это и есть сокрытая от глаз людских русская метель — непроглядная, колючая, смертоносная, из которой, как водится по жизни русской, то ли выйдешь на дорогу, то ли нет, то ли героем выскочишь, то ли бесом, то ли у себя окажешься, то ли где-то уже там — в Иномирье, в Неизвестности, в Ничто!

Так вот и живёт в обнимку с Ничто Русь-Россия, в веках жила, нынче живёт и завтра будет жить, однако не вечно, а до срока, который, судя не так по фактам, как по приметам, неумолимо приближается.

Кажется сейчас, что захвачена крепко (уже который раз!) Россия, чуть ли не надёжно покорена, ан-нет, всё совсем не так — это Россия впустила в себя и нахлобучила на себя разное непотребное, как раз из последнего, уже рокового, чтобы в один прекрасный момент выблюнуть из себя впущенное токсичное и сбросить с себя надетое несуразное, да не что-нибудь выблюнуть, а саму окаянную нежизнь, да не что-нибудь сбросить, а сам подлый из подлых антимир, а потом... а потом уж не взыщите, господа хорошие, что эти, что те, что и другие: болото, на то и болото, чтобы жертву свою не отпускать и неторопливо, а иной раз и мгновенно, но всегда навечно, поглощать.

Да, скифы мы, гиперборейцы; русичи мы, русские; россияне мы, евразийцы, — и что прикажете нам делать, если *не жертва на жертву* — праведная жертва на неправедную, а то и наоборот — на неправедную жертву — праведная, — и что тут особенно занятно: будет ведь, будет, *с концом*, разумеется, что для тех, что для этих, что, может, и для других, однако не для Руси-России, конец которой ежели и есть, то уже там — в Иномирье, в Неизвестности, в Ничто, о которых никто из смертных ничего не знает и даже не смеет знать, кроме, пожалуй, одной сакральной вести: *Россия придёт таки к России!*

Сходка

Да, именно так — сходка, а не встреча, тем более уж, не randevu, а скажу я вам всего лишь возможность с радостью увидеть друг друга после долгого пандемического перерыва, причём не без опасения, если не без отгоняемого усердно страха, подхватить всё ещё гуляющий по столице коварный коронованный шанс. Однако сошлись-таки, прошились немного по уставшему от карантина городу, забрели в кафе под открытым небом, что у конца Остоженки, в зелёной глубине, среди деревьев, заказали кое-какой еды и многообещающего итальянского «Кьянти». Неспешно разговаривались.

— За встречу!

— За нашу (акцентирует) встречу!

Сходятся с легким звоном бокалами, выпивают вкусного вина.

- Как вы всё это пережили?
- Затворником, конечно. Да мне не привыкать!
- Работали?
- Да-а ... и немало!
- Отобразая всё это безобразие?
- Не так отображал, как... э-э... гвоздил, выбив и формулу: «Чума во время пира!» Да что толку!
- Гм, хорошо сказано, точно!
- Как и «Разворот на месте», как у нашего верховенства через левое плечо... к самому себе! Это о новой конституции. Тоже ведь неплохо, правда?
- За это даже надо выпить!

Выпивают вина, молча приветствуя друг друга взглядами.

— Я, знаете ли, перечитала, — продолжила дама, — сидя взаперти, ваш «Реквием». Внимательно, размышляя, думая, как вы любите говорить. *(Пауза)* Ну, скажу я вам, и вещица, как это вас угораздило соорудить такое?! Это не просто весть, это — сама правда! Евангелие какое-то, совсем и не надуманное!

Задумчивая пауза.

— Это вы хорошо сказали: «Евангелие»! Наверное, это и так, почему нет? У него, моего сероглазого предшественника, вышло некое *анти*Евангелие, а у меня — *ино*Евангелие. Почему нет? И эпоха там есть, и события, и люди.

— Но там, думаю, есть и некое «Откровение», тоже иное. Очередное распятие России, её новое узничество, возможно, и с будущим окончательным воскрешением.

— Да-а, вы, пожалуй, правы: что-то от сакрального писания и впрямь там есть, хотя — об этом я, конечно, не думал, когда писал. Я был, скорее, векописцем... э-э... впрочем, нет, не совсем... не так фактологом, как смыслодо-бытчиком, что, прямо скажем, не одно и тоже.

Пауза.

— Нет, — продолжила размышлять собеседница, — тут что-то другое: не фактописание, но и не просто смыслописание. Что-то другое, а вот что?.. скорее... открытие мира смыслов или, быть может, лишь вхождение в мир закрытых смыслов, которые ещё надо разгадать. *(Пауза)* Роман ваш ведь, по части смыслов, довольно-таки нем, он молчит, что-то *такое (акцентирует на словах)* подразумевает, в себе это тая. Это и в самом деле «Откровение». Но не так ваше личное, как самой реально-ирреальной жизни, этокое *откровение Откровения (акцентирует по словам)*!

Пауза.

— Да-а.. вы сегодня в ударе, мадам *(усмехается)*, уж не в пандемическом ли?

— Почему нет, ежели принудительно сидеть дома, навязчиво о чём-то думать, — как в тесной пещере какой-нибудь или на неудобном камне посреди голой пустыни?

— Только тогда ведь и мысли ценные приходят, — что правда, то правда! Давайте-ка за пандемогенное творчество, за узническую свободу мысли, а-а? Каково?

— С удовольствием!

Выпивают вина, не пренебрегают и едой.

— Это вы хорошо сказали: «Откровение Откровения!». Лучше, пожалуй, не скажешь. Да, здесь явно откровение эпохи, да и не только эпохи, а и вообще бытия, но вот что-то с откровением со стороны читательства плоховато: не то что откровения от него нет, но ведь по сути и читателя нет, что, впрочем, тоже понятно.

— Не удивляйтесь: это писано не для читателя.

— Тогда для кого-же?

— Для вашего Иного, вашей Великой Неизвестности, для той же Софии, в общем — для Вечности!

— Ничего себе! Выходит, что...не для человека, — так, что ли?

— Так!

— Гм, гм!

— И ничего от людей не ждите, вас всё равно не поймут, людям этого не надо, даже самым умным и образованным... э-э... даже особенно умным и особенно образованным... И это не они вам враги, а вы им *враг (акцентирует на слове)*, да ещё какой *враг (снова акцентирует)*, так что радуйтесь, что вас не понимают, а ежели кое-кто и понимает, но лишь для того, чтобы быть от вас и вашего писания подальше. Людям нужны легенды, а не правда, а ежели правда, то легендарная. Им ничего не надо, не то что вашего

смущающего их «Реквиема», *ни-че-го* (*произносит акцентированно и по слогам*)!

— Но ведь кое-кто...

— Именно что кое-кто, да и то фактически всего лишь один — *один* (*акцентирует на слове*), посланный вам Провидением, чтоб с ума не сошли!

— Круто, мэм, очень круто!

— Это ещё не всё, уж извините! Я осмелилась показать ваш «Реквием» и вашу, уж опять извините, фотку, одной проницательной особе, если хотите, гадалке, и попросила её высказаться на ваш, так сказать, счёт.

— Ничего себе... и что же?!

— Сначала давайте выпьем! Кажется, ничего и не осталось. Повторить, что ли?

Подзывают официанта и заказывают того же вина с лёгкой закуской.

— Ну вы даёте, мадам, вот уж не ожидал... впрочем... что-то подобное должно было случиться: вы же приобщены!

— А вот и вино! Давайте-ка за вас, сударь, да и за меня тоже!

— Ха-ха, вы, мадам, бесподобны!

— Ничего, вы ещё не то услышите...

— И пожалею!

— Нет, не пожалеете, но и не возрадуетесь, как мне думается. За вас!

— Взаимно!

Тренькают бокалами и выпивают вновь прибывшего итальянского.

— Я весь внимание!

— Не спешите, всё впереди! *(Пауза)*. Дайте сосредоточиться! *(Ещё одна пауза)*. Э-э... так вот... она, эта ясно-видица, сказала, что впервые встречается с такой личностью, как вы, с такой личной энергетикой, как у вас, её высокой концентрацией и большим разнообразием, разумеется, речь идёт о духовной энергии, как раз и наполняющей сознание, и, что особенно интересно, поступающей к вам лично ещё и откуда-то извне, как бы не из этого мира, а по-сему вы то ли пришелец в этом мире, то ли из него, уж извините, «ушлец», но в любом случае ваш эгрегор по преимуществу где-то там, а не здесь, отчего и колоссальное напряжение в вашем личном бытии и вашем самочувствии, как раз чему вам едва удаётся сопротивляться.

— Да-а, интересненько!

— Но это не главное: вы с неизбежностью ментально одиноки, хотя не одиноки по-людски, то бишь социально, вокруг вас людей предостаточно, но они — эти люди — вас не особенно понимают, по большей части о чём-то догадываются или же что-то не очень-то им понятное просто принимают, кроме, увы, одной-двух-трёх персон, не более, но есть всё-таки один, только *один* *(акцентирует на слове)* который вполне ваш, хотя он и сам по себе тоже значителен.

— И это всё она, эта ведунья, вам сказала?

— Не перебивайте... э-э... пожалуйста! Недоброжелателей и даже врагов у вас предостаточно, но это не должно

вас смущать, хотя и зовёт к осторожности и осмотрительности. Вас никогда, слышите — *никогда* (*акцентирует на слове*), не примут, даже ежели что-то и в самом деле поймут. *Никогда!* А теперь последнее и самое главное: ваша звезда не меркнет, а разгорается, уже и независимо от вас, а поэтому просто держитесь и берегите себя!

Глубокая пауза.

— Видите ли, мадам... вы, конечно, не всё мне сказали, щадя меня, но я получил очень нелишнее подтверждение и совсем не лишнюю поддержку, — это факт... и очень, — добавил собеседник, — для меня важный!

— И ещё, — продолжила дама, — гадалка сказала, что вас ждёт какое-то очень значимое и очень сильное откровение, хотя вам кажется, что вы уже всё для себя открыли и всем всё сказали. Нет, не всё! «Кое-что крутое, — это я, уже говоря вам от себя, — вас ещё поджидает!»

Задумчивая пауза.

— Да-а... всякое вообще-то возможно, всякое!

— Не впадайте только в отчаяние, пусть и в медленное, почти что и незаметное! Удел многих наших русских гениев всё-таки не для вас, от вас кое-что ещё зависит! Держитесь!

— Тогда придётся выпить... э-э... самую малость!

Ударяются бокалами и задумчиво отпивают благоуханного напитка.

— Благодарю вас, моя милая и трепетная искушительница, но сознайтесь, что всё это про меня вы и придумали.

— Ну-у (*смеётся*), от вас ничего не скроешь, однако тут всё-таки сушая правда, может, лишь немного мною сынтерпретированная. Но, уверяю вас, никакой подмены, одно лишь женское лукавство. А потом, разве, по-вашему, я не вещунья?

— Да уж (*смеётся*), та ещё ведьмочка! За это тоже надо выпить!

Прикладываются к бокалам с благотворным напитком, каждый по своей мере.

— Знаете, — заговорила дама, — вокруг всё так вот и будет, вполне даже по-вашему, они ведь там — наверху — всем вашим легко пользуются, — но по сути-то всё равно понимают «по-ихнему», их ведь не переделаешь, точнее, не переориентируешь, они уже там, в том потоке, правда, до некоторых, как раз уже вашенских, пор.

Тихая пауза.

— Что верно, то верно... Я в какой-то момент занаялся, оценил и даже переоценил, ну а потом, как водится, стратегически разочаровался, увидев вдруг вместо живых ликов... э-э... лишь либо наигранную весёлость, либо живоподобную мёртвую тоску. (*Пауза*) Пусть будет, как будет, но в этом «будет» и наш с вами эгрегорчик, печалуюсь, посиживает, а вот какой же, никто не знает, кроме нас с вами, ничего такого ведь тоже не знающих!

— Последний бой, он грозный самый!

— Посмотрим, посмотрим! (*Пауза*) А что касается боёв, то у России каждый бой всегда последний, точнее — как последний, а потому и беспощадный, и судьбоносный, и окрыляющий, одним словом — грозный!

Выпивают оставшееся в бокалах вино, расплачиваются за гостеприимство и, покинув заведение, выходят... нет, не на городской простор, а прямо к станции метро, но, не захотев расставаться, решают пройтись, как раз направо — по Остоженке, ожидая невозможных чудес и возможных откровений.

— Видите ли, дорогой мэтр, мужики, что вас окружают, идут рядом с вами, даже вместе с вами, немало и за вами, они вас уважают, ценят, поддерживают, даже дружат с вами, но при этом мало кто вполне или достаточно разделяет ваши глубинные взгляды, ибо мужики есть мужики, то бишь так или иначе они все по жизни между собой соперники и каждый, как говорится, сам с усам, да и идейно-концептуальная закваска у них в основном другая, не ваша, та самая, с которой они никогда не расстанутся, чтобы не потерять себя, так что никакой особой идейно-концептуальной взаимности тут не ждите, они даже вряд ли вас внимательно читают, хотя общение с вами и между собой их вполне устраивает, как и совместные коллективные деяния и бдения, регулярно вами устраиваемые.

Путники и не заметили, как стали идти под ручку. Однако роковое метро неумолимо приближалось.

— Давайте-ка, свернём на бульвар до следующей станции, — вдруг пожелала на тот момент словоохотливая дама.

— Идём!

Немного помолчав, дама снова заговорила.

— Мужская поддержка — хорошо! — в особенности ежели с пониманием, признанием и даже с посильным участием. Отсюда ваша уверенность в своём деле и деловая стойкость. А вот женская поддержка, даже ежели она не трудовая и не творческая, — это, я вам скажу, есть не что иное, как ваше реальное спасительное достояние: умные, мудрые, ищущие духовно-ментальные основы в среде мужской цивилизации, это женщины, как правило, уже зрелые, кое-что испытавшие, немало пережившие и многое что понявшие, красивые, между прочим, они буквально льнут к вам, да не с животной к вам страстью и даже не по причине жажды вашего к ним мужского внимания, хотя, быть может, для кое-кого из них и не без этого, а из-за того, что они видят в вас мужика, способного самостоятельно идти по жизни, делать, творить, но не для себя, даже не ради своей семьи, а для всех, для страны, для целого мира, идти, делать, творить по-своему, вне системы, да как ещё идти, делать, творить — неподражаемо гениально! *(Пауза)* Женщины, которые рядом с вами, вас любят, боготворят, за вас молятся, они в вас верят и вам верны!

Путники произвольно остановились, глядя друг другу в глаза: она — колдовски, он — внимающе! Заметили вдруг, что стоят перед воротами чудесной кофейни. Не сго-

вариваясь, двинулись туда, сели, как нахохлившиеся птицы, на высокие неудобные табуреты у стойки, запросили по бокалу вина.

— За всё это надо бы выпить, мадам! *(Пауза)* Не скажу, что вы мне что-то открыли, вы сделали куда-как больше — подтвердили, а потому за сказанное вами... нет конечно, не спасибо... а, скорее, молчаливый вам поклон, — не комплиментная тут приятность, а прямо-таки магдалическая инъекция... да-да — именно магдалическая, но не потому, что бескорыстна, а потому что за главное она, за сокровенное, за истинное!

— Женщинам тоже ведь кое-кто этакое нужно — из метафизического! Причём не так конкретный метафизик им нужен, как сама в мужском облиции метафизика, ходячая, так сказать, метафизика, которую вам сподобилось не только представлять, но и на глазах созидать. А это чудо! То самое, которое только женщины и могут достойно оценить. Разная заумная пошлость магдалинкам никак не нужна, в особенности театральная. Бабы, скажу я вам, даже больше, чем мужики, нуждаются в настоящности. *(Пауза)* Да и понимают, где им достойную рыбку то ловить, да и с кем! *(Пауза)* Женщин с их позитивной ролью в судьбе гениев тоже нельзя недооценивать. Именно таких женщин и именно в такой роли!

Пьют вино.

— Согласен! Тут мы с вами в полном резонансе. *(Пауза)* Спорительницы! Да и вдохновительницы тоже! А то, глядишь, и музы! Что факт, то факт! Спасибо вам, миледи,

да не за меня, а за женщин — чудодеиц, молельщиц, маргариток и магдалинок! (Пауза) Нынешняя, расплодившаяся по-тараканьи, фемина — никакие не женщины, а всего лишь их уродливые образины. Так что за женщин, за настоящих, а-а?!

— Не возражаю! Но и за мужчин тоже — за настоящих!

Допивают вино. Покидают кофейницу, чтобы после любезного прощания на расстоянии друг от друга, ей юркнуть в такси, а ему исчезнуть в прожорливой горловине столичной подземки.

Дружественность

Он любил, сколько себя помнит, дружить: так уж был устроен, — и по жизни рядом с ним прошло немало друзей — малышей, пацанов, девчонок, школьников, вузовцев, сотрудников и сотрудниц, коллег, знакомых (отечественных и иностранных), побратимов и «сестринов», ну и как положено или уж как выходило — со сближениями, взаимоотношениями и взаимодействиями, с расставаниями. Последние происходили как само собой — по жизни, при этом и внезапно, и необъяснимо, так и осознанно, но, как правило, с его стороны без претензий, более того, хоть и не без копания в себе и своём поведении, но и не без обнаружения какой-то в связи с тем или иным расставанием собственной «заслуги» — почему нет?

Без друзей и дружества, конечно, нельзя — разных в общем-то друзей и разного дружества, как не обойтись и без расставаний, тоже разных и по разным, часто неизвестным, причинам. Однако есть всегда знаменательные дружбы, ещё и со значимыми по жизни людьми, разумеется, для самих устроителей знаменательной дружбы и со значимыми для них людьми, соответственно случаются и знаменательные расставания, если и не разрывы, пусть внешне загадочно не слишком и выразительные, иной раз и со значимыми для ушедшей вдруг дружбы людьми.

Всё тут бывает, всякое было и есть у нашего героя.

В концепт и контент сего повествования не входит сколько-нибудь заданное обращение к теме дружбы и друзей, тем более, историко-мемуарного характера.

Было, были, бывало, как и есть, существует, длится, причём разное — такое и этакое, что-то с глубокими корнями, как раз по большей части, а что-то совсем новое, ещё неизведанное.

Состоялся бы наш герой в том виде и образе, в котором состоялся, без сопровождавшей его по жизни разной, но никогда не прекращавшейся, дружественности?

Нет, конечно, таким вот — как есть, нет, не состоялся бы!

Ничего вроде бы особенного, всё тут понятно. Верно! Но не отдать должного сему знаменательному феномену, немало по-своему и загадочному, нельзя!

Дружественность — сила!

Конечно же, разная — позитивная, созидательная, споспешествующая, возвышающая, но и, увы, бывает, что и

наоборот, и, знаете ли, сильно наоборот, когда сила эта оборачивается вдруг весьма опасной, а то и прямо враждебной ... тоже силой, чего, заметим, в судьбе нашего героя, как водится, не минулось.

Вообще он был не просто лоялен к друзьям, но и не стремился ни к какому с ними соперничеству, тем более, над ними верховенству, он предпочитал вникать в другого, его ценить, а если складывалось, то и бескорыстно, без всякой зависти восхищаться другим, учиться у него, в чём-то, быть может, ему и подражать, беря, конечно, всякое, а если и не лучшее, то почему-то и зачем-то ему тогда потребное.

Сие отношение к другому, никак не мешавшее ему оставаться самим собою, привлекало к нему, притягивало, споспешествовало дружбе, иной раз и с возникавшим само собой его в дружбе лидерству, во всяком случае, признанию его «веса», разумеется, ментально-психологического.

Трудно сказать, всегда ли он был прав или, скажем так, на высоте, в отношениях, в деяниях и недеяниях, в поступках, особенно, в словах, эмоциях, репликах, гримасах, смехе, — наверное, не всегда, конечно же — не всегда, хоть и не стремился доставлять друзьям неудобства или обиды, но ... кто тут не грешен и кто может бросить камень в друга-грешника? — всякое бывало, и ему оттого бывало не по себе, и стыдно, и переживательно, хотя вроде бы всё было не по-крупному, в моменты то некоторой расслабленности, то излишней возбуждённости, то попросту нахлынувшего глумления.

Да, всякое бывало, хотя в целом, конечно, дружить он умел и охотно, хотя и с разбором, дружил, немало по друж-

бе и благоденствовал, пожалуй что, и много, — что тут скрывать!

Самих дружб было у него по жизни много, очень много, разных, конечно, дружб, но были и есть сейчас такие, о которых нельзя не сказать, и не потому даже, что они какие-то событийно-экстраординарные, а всего лишь потому, что они и в самом деле дружбы — ДРУЖБЫ!, проверенные взаимностью, делами и добрым словом, одобрительным молчанием, безмолвным пониманием, потребной поддержкой, бескорыстной помощью, — и при этом ни тебе клятвы на крови, ни символического жертвоприношения, ни церковного освящения, ни колдовского заклинания, ни рыцарского ритуала, а так, всего лишь... по-человечески!

Надо ли обо всём этом говорить? Надо! И говорить, как стало принято выражаться, «по чесноку»! Можно рассказывать и рассказывать, переходя от одной дружбы к другой, но не в том тут задача, а в том, чтобы не обойти этого высокого экзистенциального феномена, уж извините... великого фактора, без которого ни полноценной жизни, ни личной реализации, ни насыщенной бытийной историей памяти, ни глубоких переживаний, ни счастливых минут, часов, дней, а то и ... нет, конечно, не годов... но почему же и не годов, на худой конец, месяцев. Счастливых! И это не преувеличение, не выдумка, не обманка!

Да, конечно, «Я» всегда остаётся «Я», но ведь «Я» и не совсем «Я», это всё-таки и «Мы», как раз «Я» со товарищи, так что неча тут этого «Мы» не замечать, даже ежели «Я» и очень я-ковое

Брал от друзей? Брал! Давал друзьям? Давал! И обогащался, и рос, и достигал, а то, что сам по жизни шёл, никто не оспорит, да и не захочет, но ведь шёл и с другими тоже... нет, конечно, не вплотную вместе, как те же Ильф с Петровым, но всё-таки... в отношениях!

И неважно тут в каких и с кем отношениях, главное — были они, эти отношения, есть и, надо полагать, будут!

Факт!

Общение! Что может быть лучше общения с близким человеком, с другом, с подругой, да и с чем это сравнить, ибо это, пожалуй, и повыше пресловутой любви, в особенности замешанной на взаимной страсти, будет, ибо не страсть тут в основе, а приязнь, доверие, общность, совместимость, совместность, открытость, целостность, — и ради вот такого общения «по чесноку» приходилось и приходится преодолевать сотни и тысячи километров, чтобы найти себя в другом, а другого в себе, поверить в себя через другого, а другого через себя, чтобы лишний раз укрепиться и жить, а то и что-то совместно пережить, набраться духовных сил, увериться в себе, довериться бытию, отнюдь не всегда к тебе и доброму.

Что-то во всём этом есть действительно магическое — магия дружбы! — найти своего, быть или хотя бы побыть с ним, навидаться, отдаться, слиться!

А сколько всего, чего не вычитаешь в книгах, не услышишь по радио, не увидишь в кино, да и попросту пройдёшь мимо! Друг — свой, а любой чужой, пусть вовсе и не враг, но всё-таки — не свой!

Сила!

Сила своего, от своего, ради своего!

Дружба, конечно, проверяется временем и ... своим концом, особенно ежели с разводом, но ещё более — с уходом друга из жизни, с его смертью!

Полвека, тридцатка, два десятка лет, годы и годы. Да, так, именно так, ибо дружба — не знакомство, не коллежество, не сотрудничество: это — взаимоотношение и непременно долгое, выверенное, удовлетворённое и утолённое временем.

Ах, эти долгожданные встречи, непринуждённые дружеские бдения, разговоры, молчания, — как хорошо со своими, среди своих, ради своих!

А кто кинет камень в посредническую рюмочку водочки, в бокальчик винца, в стаканчик виски со льдом, в кружечку охлаждённого пива?!

Дружить нашему другу приходилось и до сих пор доводится со многими людьми из разных мест и весей, из разных стран, дружить, конечно, по-разному, но всегда хорошо — ХОРОШО! А как же иначе, дружба, на то и дружба, чтоб всегда было хорошо! Какое это значительное, крепкое и даже могучее слово — ХОРОШО!

И это среди сухой, дрянной, а то и враждебной, обстановки, среди безразличия, недоверия, беспокойства, бренности, да и попросту пустоты. И стремятся друг к другу друзья, и встречаются, и бывают вместе, и провожаются, и ждут новых встреч, а главное — как бы окропляют друг друга живой водой, оживляют, одухотворяют, длят!

Что же тогда дружба, если не чудо, не вера, не мудрость, не богоданность?

Дружба — это вовсе не только сочувственность, сопереживаемость, соумственность, как и не только проходная взаимопомощь — самая разная, но это ещё и величайшее пособие в делах профессиональных, трудовых, творческих, как личных, так и коллективных, а лучше бы сказать — соборных, что как раз и не обошло нашего героя, мало того, в очень немалой, а иной раз и решающей, степени обеспечило его личные и его соборные достижения, реализацию его не так, конечно, со смысло-концептуальной стороны, где всё-таки всегда царствует он сам — один, как с чисто практической стороны: нет не деньги, не административный ресурс, не официальные институты сыграли главную роль в реализации его — нашего героя — личного и общего дела, а, пусть это и покажется кому-то невероятным, а... *дружба*, — да-да, именно она — *дружба*, со своим ещё не открытым и не осмысленным всякими там психологами и социологами деловым эффектом (не ультрасовременное партнёрство тут в цене, а самая что ни на есть традиционная, отчего как будто бы вполне себе уже и замшелая как феномен, дружба).

Странно, но это было и есть именно так, а ещё страннее, что сия деловая дружба не только с россиянами (вполне себе калиброванными — умными, просвещёнными, честными, порядочными), но и с ближними и дальними... не хочется говорить — иностранцами... а, скажем так — зарубежцами, из которых большая группа совершенно замечательных украинцев (вот уж действительно братьев, и, разумеется, сестёр тоже!), некоторое число столь же замечательных белорусов (тоже братьев и сестёр!), большой друг-

соратник из Казахстана, но и друзья из Франции, Германии, Югославии, Черногории, но, что особенно для нашего героя примечательно, из Польши, но не потому даже, что это очень непростая для России страна, а потому, что там вдруг оказались многодесятилетние и воистину верные коллеги-друзья, успевшие высоко проявить себя как на профессиональной ниве, так и по-житейски (ни одного за десятилетия, знаете ли, ни поведенческого, ни делового, ни словесного, ни даже жестового сбоя, ни одного — этакая абсолютная дружба, которая оказывается тоже бывает, хотя, конечно же, не только в случае с польскими друзьями, но ведь там в Польше, не один, не два, а целая группа (плеяда) друзей и все без исключения были и есть как на подбор!).

Да, бывает, и такое вот бывает, и, надо заметить, есть, хоть и редуют ряды друзей-сподвижников, уходят они, и почему-то большинство из ушедших ещё вовсю действовавших, вовсе ни себя, ни свою жизнь не исчерпавших, уходят внезапно, обидно, несправедливо. Остаётся, конечно, память, и она не только сохраняется в сознании живущих, но и вовсю работает — не столько даже вспоминательно, как духовно-силовó: как опора, как ориентир, как фермент, как энергия, как аттрактор.

Случаются, увы, и прижизненные расставания, вовсе не резкие и не громкие, без каких-либо «объяснений», как бы происходящие сами собой, хотя, возможно, и не без каких-либо причин, точнее, поводов: где-то и когда-то не то сделал, или, наоборот, чего-то не сделал, что-то не то сказал или не так промолчал, как и не так, может, посмотрел, да мало ли что бывает по жизни, что могло происходить и с

ним — нашим героем, что как раз и служило, наверное, поводом к той или иной разлуке, хотя, быть может, ничего такого и не было, а было что-то другое, совсем уж скрытое, может, и в самих душах исчезавших вдруг из поля зрения эксдрузей.

Однако случились в жизни нашего героя и совсем не простые события — поначалу просто еле заметные охлаждения, а затем и вполне заметные разлуки, точнее разрывы, вызванные трудно для него объяснимым (sic!) неприятием его творчества, его собственной оригинальной метафизики и, главное, его собственной, вдруг явившейся ниоткуда, метафизической беллетристики (чего-чего, но «Requiem» ему не простили!) Да, не приняли и не простили, при этом настолько загадочно не приняли и не простили, что пришлось нашему герою пойти на переживательную переоценку как себя самого, так и всего им содеянного, чтобы как-то понять это неожиданно явившееся в основе молчаливое и лишь частично репликовое неприятие им совершённого и совершавшегося в общем-то весьма и весьма вроде бы ему близкими, вполне себе вроде бы и лучшими ... э-э ... друзьями! Одним из самых тяжких дней в его жизни, если не самым чёрным, стал день его семидесятилетия, как раз проведённый им, как и не проведённый тоже, с этими, уже его игнорировавшими, остывавшими к нему и отходившими от него все ещё друзьями!

А вот в 75-ю свою годовщину, аккурат под день своего рождения, пришлось нашему герою даже попасть в больницу, перенести и кое-какую не очень радостную процедуру, — как ни вынослив был его организм, но всему ведь

есть пределы, вот нашлись и ему пределы, ещё и обязанные большим трудам нашего героя по случаю четвертьвекового юбилея его славного учреждения (книга *«Восхождение»*, 2005), а потом и его — этого славного учреждения — формальной ликвидации — ни за что и ни про что, конечно (кому нужны чьи-то необыкновенные для окружающей величавой обыденности восхождения?), да и по случаю опять же большой работы над новым своим метафизическим опусом под претенциозным, но откровенческим и вполне себе провидческим названием *«Белые скрижали»* (2016), опять же никак вроде бы не задевая самолюбия остававшихся ещё де близкими ему друзей-наперсников, хотя, конечно же, задевая их, но, как всегда, «по-ихнему», то бишь не без невольной с их стороны гнетущей досады.

Как раз тут-то всё окончательно для нашего героя и решилось: он понял, что, во-первых, как он роково переоценил своих друзей, хотя нельзя сказать, что ничего не замечал в них этакое, списывая на неизбежный «шум» и стараясь ценить и удерживать что-то главное, как им всем тогда казалось, нужное, взаимное, ценное; во-вторых, вдруг обнаружил, в какой же реальной цене он был у них, нет, конечно, не низкой, но.. да-да, той самой.. пониже их самих, отчего его, скажем так, «достижения», которые, уже в-третьих, рассматривались не так даже как никому не нужные, ошибочные и зряшные, а как, скорее, некие.. недоразумения, что в общем-то весьма совпадало с мнением куда более откровенных противников нашего героя и его нестандартного творчества.

Осознав всё это, герой наш, не акцентируя внимания на известном пушкинском сюжете «Моцарт и Сальери», отдал-таки себе команду расставания с теперь уже псевдодрузьями, никак не отделяя себя от своего дела и своего слова ради фантомной эксдружбы, оказавшейся в общем-то не просто фальшивой, но и немало злосчастной.

Что ж, может, они были по-своему и правы, отрицая его и всё им совершённое и совершавшееся (имели право!), — и дело для него тут было вовсе не в ожидании суда истории, ибо он — наш герой-мыслитель — хорошо знал, как и те же Ломоносов, Пушкин, Менделеев, С. и М. Булгаковы, действительную цену им и ими совершённого и совершавшегося, как и цену внешних всего этого оценок, исходя не только из суждений очень подготовленных в интеллектуальном отношении современников, но и из ... своих собственных — не зря же он упорно шёл вперёд по ухабистой размыслительной дороге, вглядываясь сначала в весьма закрытую, а потом и разверзшуюся, реальность, и дошёл, знаете ли, не только до не имеющих аналогов ментальных разрешений, но и никак не повторимых сокровенных текстов!

Обидно было, горько, досадно, а потом стало и... противно, — и от этого сюжетиков с осадочком никуда теперь уже никому не деться!

Дружба способна, оказывается, обернуться.. нет, не враждой, что понятно, а... какой-то покрытой плесенью гниения гнусью, для чего и названия-то подходящего нет — расхожее предательство тут не в счёт, хоть тут и зиждется кое-какая измена, — здесь более всего позиция, вполне по-

своему и оправданная, отчего тут следует не обвинение кого-либо в чём-либо недостойном, а лишь констатация самого того что ни на есть экзистенциального факта — факта противостояния, с одной стороны, говорящей полноты, а с другой — немотной пустоты, — такое тоже ведь бывает!

Зачем так много говорено здесь о дружественности? Непростой вопрос! Понятно, что без друзей — других, как ты и не как ты, хоть и можно просуществовать, но насыщенно прожить... нет, нельзя — и дело тут, повторим, не только в разнообразной взаимности, а в самой возможности быть — не в церковной общине, не в секте, не в том или ином вообще коллективе, а быть среди таких, как ты и как не ты, вовсе не твоих аналогов, а твоих... э-э... скажем иностранному, аддитивов, то бишь дополняющих тебя душ, сознаний, персон, в результате чего ты уже и не совсем ты, а кое-какое *мы* — человек из человеков, хоть и по-прежнему ты — эго, да вот уже другое эго, сложное, чуть ли не системное, которое, собственно, и идёт по жизни, меняясь, перестраиваясь, как игра в «пятнашки» или как кубик Рубика, что-то теряя, что-то обретая, беря высоты и падая ниц.

Дружба — вовсе не досужее занятие, хотя иной раз и не без этого, а вполне себе экзистенциальная мистерия, допускающая сразу всё: преданность, подвиг, скуку, коллизию, тяжбу, зависть, подлость, измену, вражду. Тот ещё слепок с бытия, та ещё модель бытия, тот ещё его — бытия — органчик, но, что особенно важно, возможность и иного бытия — как раз вполне себе человеческого, а может, и сверхчеловеческого!

Дружба грешит обязательствами, мало того — платой, больше того — расплатой: это уж как у кого сложится, как кому повезёт, что на кого выпадет. Мистерия, на то и мистерия, чтобы выдавать неожиданно всякое, ещё и беспощадно всякое!

Нашему герою свезло поймать как раз всякое: что вышедшее с его стороны, что не с его стороны, а в итоге ... что в итоге?.. что вышло, то вышло, — как раз всякое, о чём по преимуществу не то что жалеть не приходится, но, наоборот, чем лишь восхищаться надобно, да и за что Бога усердно благодарить, но также и о чём, не то что сожалеть приходится, что понятно, а что сидит и сидит занозой в сердце и что ни умом не понять, ни пером описать — так уж случилось (или случается) и всё тут!

Безумие

Обычно безумие связывают с сумасшествием, с патологией, на крайний случай с неконтролируемым возбуждением, а оттого и с экстраординарным (ненормальным, маргинальным) состоянием человека, его сознания, психики, ну и поведения тоже, поступками. И это правильно, но, увы, недостаточно, мало того, очень и очень узко, ибо безумие, если на него посмотреть попристальнее, вовсе не аномалия, а ... *норма*, правда, специфическая, ибо тут речь идёт о... *безумии от ума* (или *при уме* — всё равно!), да не какого-нибудь гениального ума вроде ницшевского, а самого, что ни на есть обычного, вполне и умного: от ума правителя, вождя, политика, топ-менеджера, писателя, учёного,

инженера, юриста, психиатра, художника, юриста, психолога, дитятки, учителя, «журналиги» — всё одно, ибо дело тут не в самом повреждении ума или его отсутствии, как в последствиях от вполне себе умственных решений и действий, вполне при этом почему-то... *безумных!*

Может, тут не так само по себе безумие, как безумство, да какая разница — всё одно!

Сколько вообще каждому человеку приходится бывать свидетелем по жизни своей не то что бы действительно умных, но хотя бы приемлемых для бытия решений, инициатив, деяний, поступков, исходящих как в первую очередь от людей и институций, так и от, конечно же, уже во вторую очередь (кто в себе не уверен!) от самого себя? Ответ: немало, но, увы, при изобилии всего обратного да таком изобилии, что, не то что голова кругом идёт, а тихий и не тихий ужас охватывает: либо от себя самого, либо от людей, общества, государства, ВУЗа, армии, завода, магазина, фермы, банка, монастыря, в общем — ото всего, где есть люди, отчего и бежать в скиты хочется, в пещеры, в леса, в пустыни, не говоря уже о бегстве в самого себя, когда назойливая непотребность бытия оказывается не то что не сладкой, а и попросту невыносимой.

Нет, братцы, безумие, которое и безумство тоже, никакое не патологическое, разрядочное или по некому иному поводу исключение, а, увы, не просто прореха для человеческого феномена с его сознанием, когнитивной психикой, умом, поведением, а сего человеческого феномена непрременное и неизбежное, ещё и, как кажется, усиливающееся с его — человеческого феномена — прогрессом... э-э... до-

стояние (вроде того же золота для денег, тех же денег для экономики, а той же экономики для процветания всего человеческого бытия).

Достояние!

Мало того, именно безумию, а не как таковому умению, более всего обязан человек созиданием самого себя, своего сознания, своего «Я» и своего «Мы», своего мира, крутых перемен в нём, всего своего бытия, включая слово, знание, идеологию, культуру, управление, законотворчество, пенитенциарию, журналистику, казино, петушинные бои и тараканьи бега.

Созиданием всего — даже и науки, не говоря о мифотворчестве, философии и тех же религиях!

Безумию!

Да, почти вся человеческая экзистенция ведётся вроде бы умом — факт! Но при этом почти полностью она ведётся и безумием, когда умение и безумие — явные побратимы, — одного без другого просто нет!

Несть ничего и никого без этого великого дуумвирата и быть не может!

Берите, господа, любую эпоху, любое место бытия человеческого, любую цивилизацию, любое государство, любое правление, как и любое течение мысли, и непременно обнаружите благонамеренную диалектику ума и безумия, когда вполне несомненное умение сходу, немедленно или в растяжку превращается в столь же несомненное безумие, а несомненное вроде бы безумие вдруг оборачивается опять же вполне себе несомненным умением!

Однако, есть не просто безумие в точках и мгновениях бытия, а есть и места, и эпохи завязтого — остро и невыносимо длящегося — безумия.

О прошлом можно сколько угодно говорить, находя там подтверждения сего неважнецкого, а может, как раз и важнецкого, факта: поздний Вавилон, поздняя Древняя Греция, поздний Рим, позднее Средневековье, припозднившаяся с некоторых пор Европа, запозднившаяся Россия в образе Российской империи, вдруг опозднившийся СССР.

Всеохватывающее, буквально субстанциональное, цивилизационное (и анти-цивилизационное тоже) безумие! Какие только из вечных краин и весей оно не захватило, с кем только из великих образований оно не расправилось, чего только из вроде бы бессмертного оно не отправило на тот свет!

И сегодня в мире торжествует как раз вполне себе *эпохальное безумие* — во всяком случае, в ряде из вполне заметных и значимых географических мест, точно!

Чем тут для нас — рабов Божиих — не новые Великие географические открытия, — Великих мест с Великими эпохальными безумствами?!

Старушенция Европа тихо, но уверенно, сходит с ума вкупе со своей извечной противницей — Великобританией, континент-Европу вроде бы покинувшей, но от безумия не избавившейся, пожалуй что, и наоборот — в нём ещё более погрязшей (плохое это слово — *брекзит*, что-то в нём от совсем уж неподходящего словца *сбрентить* — не правда ли?); совсем ещё не старые, безвкусно молодящиеся США, впавшие не просто в постмодерновое безумие, в котором

они уже, собственно, давно — аж весь XX-й, по крайней мере, век, а впавшие уже в настоящее — *апокалиптическое* — безумие, хотя, быть может, для могучих-де США и не последнее; но и Россия, увы, тоже из Великих географических мест Великого безумия, корни чего ещё там — в разлагавшемся СССР, всходы нашли себе место в Перестройке, цветочки — в яростных 1990-х, а вот ягодки как раз зреют и наливаются сегодня — взять хотя бы «оптимизационные» деяния охваченной реформаторским зудом перзамороженной власти, — чем тут не безумие, а уж о сфере передовых искусств и развязных медиа и говорить не приходится — вот уж где заповедные рассадники игриво-инфернального безумства!

Есть и другие территории со своими как весьма тривиальным, так и немало оригинальным безумством. Обо всех не скажешь, да это и не наша задача, — достаточно указать на Украину, Польшу, Прибалтику со своими маниакально искусственными безумствами — нарочитыми, выдуманнами, вассальными, пошлыми, продажными, как и достаточно обратить внимание не без большого сожаления на раздорные безумства в Афганистане, Сирии, Ливии, Ираке и т. д., но тут уже всё исходит не от фейковых фантазий или той же лакейной услужливости, а от возникающих там и там каверзных ситуаций, иной раз и безумно спровоцированных, но объективно тем не менее в безумии существующих (война, она и есть война!). А вы думаете, господа, что безумием не охвачены Китай, Индия, та же Венесуэла, Бразилия, какие-нибудь Канада с Австралией... о-о!.. безумие ведь такая любезная штучка, что от неё никуда!

В безумие впадают не только сошедшие с ума больные люди, но и вполне себе здоровые индивиды (вроде бы здоровые!), умные (как будто бы умные!), деятельные (активные, во всяком случае), мало того, выдающиеся, даже и великие (особенно как раз великие!), разумеется, и примитива всякого тут предостаточно, если, конечно, учесть, что речь идёт не просто об управленческом, а, скажем так, *экзистенциальном безумии*: деятельском, креативном, творческом, ну и само собой — поведенческом.

В безумие впадают помимо отдельных особей и мелких людских групп, мало того что большие медийные массы, но и, знаете ли, целые цивилизации, культуры, империи, государства, обычно апогейные, но уже подуставшие, поднадоевшие самим же себе, подослабшие, подустаревшие, энтропиегенные, уходящие, но в себе ещё уверенные, самолюблённые, горделивые, но безумствуют не только «пожившие» и понатворившие «всяких делов», а и новые тоже, ещё молодые, восходящие, но уже с бодрым, тоже самоуверенным и горделивым, безумием, без которого ведь иной раз не встать и не стать, не подняться, не быть вовсе.

Здесь, так или иначе, безумие миров, их текущих состояний, их действующих концептов, их, если угодно, душ, если не прямо эгрегоров. Безумие на взлёте — пассионарное, энергичное, бесстрашное, буйное, и безумие на излёте — энтропийное, меланхолическое, гедонистическое, вялое такое безумство; то вспыхивающее ярким, бодрым, надменным пламенем (революции, вторжения, завоевания, мобилизации, напряжения, громы и молнии, бури и натиски!), то, наоборот, лишь тлеющее угасающими угольками

(деградация, декаданс, разор, раздор, развал, исчезновение, смерть).

Да, там и там великое бескомпромиссное безумство, хотя там и там не менее великое и не менее безрассудное умство, но в одном случае вырыв энергии на созидательный простор, а в другом лишь расход энергии в опустевающее пространство. Но не только: там и там изобилие аномалий, уродства, бешенства. И ежели в первом случае — набор ужасных деяний, сулящих могучее будущее, то во втором — ужасная расплата за бывшие деяния в невнятно истекающем безбудущем настоящем.

Какое, к примеру, будущее у ФРС с её наглой глобальной долларизацией мировой экономики (евро, фунты, йены и юань пока не в счёт)? Да никакого! А какое будущее у нынешних США? Отчаянное! А у Европы? Грустное! А у России? Терпкое!

Безумие, там или иначе поразившее все эти регионы (территории, пространства, ареалы) — не причина их нынешнего безумственного состояния... нет, и не следствие, точнее, не так следствие, как...сопровождение, а лучше бы сказать — *сопроводительная субстанция*, от которой избавиться охваченным ею регионам совсем не просто, включая и Россию, усилившей своё собственное крутое недомогание от якобы оздоровительной, но на самом-то деле чрезвычайно токсичной, западной прививки (этакой заокеанской вакцины), как бы спасительной, а по сути-то лишь усугубившей благоприобретённое ещё в СССР безумие.

Несмотря на заметный внешнеполитический возврат России к России и небезуспешную в целом геополитиче-

скую игру России на мировой арене, пусть и в обстановке «гуманитарной войны», ей навязанной, внутреннее состояние страны всё ещё далеко, скажем так, от здорового, ибо по стране весьма ещё гуляют разного рода, наследные от 1980-1990-ых, безумства: от обезумленного менеджерального управления хозяйственными, социальными и культурными процессами до коррупционно-мошеннически-грабительских безумств, реализуемых и по-своему даже умными безумствами, хорошо даже при этом рассчитанными — такими небезумными безумствами, да что с того: какое-такое умное умение посреди разгулявшегося безумия?!

Глядя на безумие, приоритетно воцарившееся во вроде бы передовом, то бишь «белом» мире, включающем и Россию, пусть и геополитически противную Западу, но вполне с ним солидарную цивилизационно-хозяйственно, финансово-экономически, идейно-культурно, цифирно-технологически, нельзя не прийти к заключению о буквальном нашествии на этот мир не чего-нибудь, а всё более обезумливающегося... *антимира*, уже немало поглотившего под предлогом передового-де Постмодерна амбициозный Запад и довольно уже засевшем под западно-прозападную сурдинку в России.

Если в те же 1990-е Запад казался со всеми своими постмодерновыми штучками и выкрутасами всего лишь прогрессивно-оригинальным, то теперь в 2020 г. — он кажется лишь регрессивно-безумным, — и нет в этой оценке никакого нарочито идеологического преувеличения; аналогично, если Россия в 1990-е казалась прогрессивно-обезумевшей, то сейчас — в 2020 г. — она представляется

попросту безумно-припечатанной, к счастью, не вся Россия, а лишь «ихняя» — поверхностно-продажная, лукаво-ложная, пиар-шизойная, морально-отвратительная, не людская и не человеческая.

Антимировская антиРоссия!

Факт!

Безумный факт!

И что с этим всем позволите делать?

Смириться — до вполне уже понятного конца России; пережить — в надежде на уцелевание России, а уж какой, видно-де будет; бороться — с верой в воскрешение и бытие России как России?

О-очень не простая смысло-судьбо-поведенческая задачка!

Безумие, на то и безумие, чтобы с любым умом — всё-ещё-умом, упорно, споро и эффективно расправляться, не останавливаясь перед превращением логического умения в не менее логичное по происхождению безумие, да так, что и не отличить одного от другого, прямо как сейчас — в посмодерную эпоху, а ведь на пороге уже совсем другая эпоха — совсем даже не человеческая и не людская, а техноцифротронная, роботовладельческая, чиповейная!

Так вот и решится вопрос с нынешним многоликим человеческим безумием — через замещение его вкупе с человеческим умием пресыщенно ожидаемым *электронным без-умием*, охотно называемым, уже походя, *искусственным разумом*.

От безумия к без-умию, — неплохо, правда?!

Однако кто тут в итоге кого: человеческое умное безумие или технотронное искусственное *без-умие*, — вопрос!

Вглядитесь, умные безумцы, повнимательнее в нынешних умных гоменидов и увидите в их «звёздных» глазах предательскую тень от уже не выдающего ни на мгновение их — «этих глаз напротив» — вольнонаёмного безумства, — вполне, повторяем, и умненького!

Безумству в славе слагаем мы песнь — безумцы!

Что сегодня вокруг не расхожее безумство, не его тёмное отражение, не его полупрозрачная тень, — что?!

Бессилие

Да, метафизика, полилектика, софиасофия — всё это Сила, открывающая Иное, взаимодействующая с Великим Неизвестным, направляющая мыслителя к обычно не выражаемой словом, гримасой и жестом Истине, а ежели и выраженной, то лишь одним молчанием, — факт! Однако факт этот истинен лишь для мудреца-отшельника и немногих (единиц!) из воспринявших его гнозис, да и то не вполне воспринявших, а ежели и вполне, то, увы, не более одной ниспосланной свыше личности — из круга целостно мыслящих, — и это тоже факт и тоже неоспоримый, как и первый — мировоззренческий, который хоть и нельзя вполне оспорить, то хотя бы проигнорировать можно, впрочем, как и второй тоже.

Игнорирование — тоже ведь великая сила!

Ничего не поделать: якобы мыслящий человек и не должен в своих обыденных мыслях выходить за пределы, отведенные ему то ли Создателям, то ли Спасителям, то ли просто Роком, за которыми неизвестно кто и что скрывается. Не должен! А потому и не может! Вот, собственно, и всё!

И правильно: другого тут исхода нет, что заставляет разных там якобы мудрецов оказываться (не становиться, а именно оказываться!) *отшельниками* — даже и среди как бы своих, как бы мыслящих, как бы что-то ищущих, не говоря уже о занятых своими жизненно насущными и для них куда более важными делами и соображениями, чем поиск какой-то там никому не нужной Истины.

Здесь как бы три параллельных бытия: всех, некоторых и его — отшельника, как и три бытия самого отшельника, этой всего лишь загнанной в себя особи, правда, особой особи — что для неё самой, что для некоторых из окружающих особей, что для всех особей сразу.

От мудреца-отшельника если и ждут чего-нибудь, то лишь яств из явной яви, точнее даже, яств, которые можно без труда съесть, то бишь вполне удобоваримых для людских масс яств, а ежели всё-таки яств как сведений, то понятных и объяснимых, а главное, не страшных — для ожидающих сих яств гоминидов. Всё остальное, то бишь непонятное, а потому и неприемлемое, немедленно объявляется в лучшем случае *за-умным бредом*, а в худшем — *не-умной фантазией*

Мало ли в самом деле вокруг слегка или не очень слегка умственно двинутых, а то и вообще первостатейных безумцев — что с них взять!

Отшельник, да ещё и неотмирный вестник — явный безумец, ещё и идиот, — разве не так?!

Так вот и живёт-поживает вся здравомыслящая, рациональная и, главное, как надо думающая, действующая и живущая людская оторопь.

И правильно делает!

Однако есть те, кто претендует на знания, на мысли, на суждения, ещё и на судьбоносные решения, на предвидение непредвидимого, а то и на исторического значения, понимаешь ли, деяния.

И их немало, очень даже немало!

Всезнающих, самоуверенных, бойких, решительных, в общем — чуть ли не *сверх*-человеков, хоть случаются среди претендентов на умственную исключительность и вполне себе скромные, тихие, мягкие, даже и милые люди, так сказать, таящиеся или, как принято стало говорить, «спящие», — они-то и всего опаснее, когда вдруг просыпаются и неожиданно-негаданно выползают на свет Божий, причём частенько вовсе не с самыми приятными для сего света инициативами, укусами и инъекциями.

Сила, конечно, в правде, а кто к правде бытия ближе: учёный, даже и копающийся в генных сплетениях микромира, разглядывающий звёздные галактические скопления и заглядывающий в чёрнодырчатые пустоты мегамира, или тот же путающийся во всемирной киберэлектронной сети инстаграмщик-твиттерщик, или же всё-таки не более чем

погруженный в Иное, включая и Иное мира сего, мудрец-отшельник, он же и вестник не от мира сего, то бишь от мира иного, который не где-нибудь в мирозданческих далях, хотя, конечно, более всего как раз там — в Великом Неизвестном, а прямо здесь — в мире этом, мало того — на мир этот и его смысловое жизнеотравление негласно и без шума немало и влияющий?

Тут ведь на стрёме не правда факта, как, скажем, у добротного научника или того же доброго обывателя, а правда... *смысла*, да что смысла — и *бессмыслия* тоже, когда смысл и бессмыслие в тесном, бодром и переливчатом между собой взаимодействии, вполне и игровом, немало и игривом.

Сила мудреца-отшельника в своей, вполне и особой, правде, которой нет повсюду в ясной выраженности — словесной или хотя бы образной, но которая всюду разлита, никем из смертных обычно не замечаемой и не фиксируемой трансцендентальной субстанцией. Задача мудреца-метафизика в обнаружении сей правды, её переработке в не слишком внятное предсловие и, если повезёт, то и в более восприимчивые люди *словие*, может, если опять же повезёт, то и услышанное, нет, конечно, не людским массивом, а лишь воображёнными отшельником единицами, иной раз даже и теми, кто решения судьбоносные для народов и стран принимает, путь лишь и частично ими понимаемое и даже под себя ловко переработанное.

А кто, или что, всё-таки реально слышит мудреца-отшельника, точнее, его воспринимает... нет, не люди во все, хоть и есть среди них кое-какие реальные воспринима-

тели, а... пардон... *ноосфера, общее бессознание, незримая эгрегория*, как и то же, наконец, *Иное*, а уж потом, знаете ли, сама текущая реальность вкупе с появляющимся в ней зародышами будущности, — и выходит тут *Великая Странность*, которой вроде бы нет и быть не должно, а она всё-таки есть, как раз та самая странность, которая много что определяет в самой странной реальности, разумеется, странным по большей части образом, опять же для закрытого научно-обыденного сознания каким-то незаметным, а уж для всезнающих глубокомысленных людей совершенно и непонятным.

Незаметным и непонятным, надо особо заметить, и для самого мудреца-отшельника, ибо он сам ничего такого осознанно не ждёт, не ищет и не делает, он просто неосознанно, полуосознанно и лишь частично осознанно контактирует со всем *этим* и со всем *иным*, разгуливая, владея входным пропуском, по всем, знаете ли, весям, включая как небесные выси, так и преисподние нёзы, снимая в итоге как сливки с молока, некую замысловатую — как раз *странную* — правду, а потом, сам того не ведая как, создаёт и посылает в мир странно-трансцендентным образом уже свою правду — нечеловечески-человеческую, как, собственно, и человечески-нечеловеческую, — да вот какую? — нет, конечно, не ту, которую обычно ждут от него люди, а которую они вовсе и не ждут, которой не следуют, но которая их странно-трансцендентным образом всё-таки настигает!

Нет, конечно, никакое здесь не колдовство, не шаманство, не моление, не вхождение в экстаз, даже не знаменитая ныне экстрасенсорика, хотя всему этому в некотором

ирреальном ракурсе и подобное; здесь участие, но не акционное, не деловое, не поведенческое, а всего лишь духовно-смысловое, но, что надо особенно подчеркнуть, не более чем передаточное, трансляционное, трансфертное, переводное, — тут работает не его — мудреца-отшельника — воля, а воля совсем иная — трансцендентная, но работает, используя его — мудреца-отшельника — волю, прямо скажем, вовсе не такую уж безвольную, как и не такую уж не трансцендентную.

И откуда же и почему тут *бессилие*?

Нет, не только и не столько от непонимания и невосприятия того, что даётся видеть и удаётся передавать в человеческий мир мудрецу-отшельнику, даже и не от нежелания большинства что-либо от него воспринимать, хотя это более чем удивительно, пусть при этом и вполне объяснимо, ибо ...человеку, увы — лишь человеково! как раз столько, сколько ему от сакрала и природы дано, согласно трансцендентному проекту, позволяющему человеку многое, даже очень многое, но с сакраментальным условием быть и оставаться только *ЧЕЛОВЕКОМ!*, — и тут ничего другого кроме... *бессилия!*.. нет, не бессилия метафизических смысловых выкладок или тех же трансцендентных по истокам своим внезапных пророчеств, а бессилие в духе умывания рук: то, чего не хотите вы — люди, как раз то у вас и получается, хотя вроде бы многое, даже очень многое вам удаётся, в том числе вроде бы и из вами желаемого, но... в целом... э-э...в целом же выходит то, чего вы — люди! — вовсе и не страждете, а вот выходит!

Никакому мудрецу-отшельнику, не говоря уж великих исторических деятелях, не отменить сего золотого правила человеческого бытия, да не потому, что мудрец не прав, а деятель ошибается, а потому что мир таков: он не слишком отличает ложь от правды, а правду ото лжи, и часто что-то одно в мире непременно пожирает что-то другое, лишь меняясь местами, а сейчас мир человеческий готовится быть съеденным порождённым им же самим... нет, не сугубо техническим, как кажется, а всего лишь иным человеческим — обыскуственным! — миром, как раз *антимиром*.

И ничего не остаётся мудрецу-отшельнику, хорошо видящему сию уже всю становящуюся перспективу, как не впасть в молчаливое оцепенение, — нет, конечно, не от страха за себя и за других, а от осознания *неодолимой мощи Бессилия*, что то же самое — *силы Иного*, которому он — мудрец — вольно или невольно принадлежит и которому вынужденно или нет, служит, немало сему служению и противясь — ради не чего-нибудь, а *мира этого!*

Возражение

Каждый, кто не раб, не крепостной, не зек и не член уголовной шайки, живёт, в основном, как может, немало или просто иной раз даже как хочет, а в целом всё-таки как получается; никакой особой свободы даже у вполне свободной особи нет и быть не может; люди, прямо скажем, не боги, да и у богов много ли действительной свободы, — очень похоже, что и они бытуют «по подобию» — уже человеческому, а ежели Бог один и всесилен, то если б он чего и за-

хотел, то ведь вовсе не всегда может сие своё хотение реально исполнить: а с чем и с кем он тогда останется — и так ведь одинок!

Свобода — вещь, конечно, хорошая и нужная, но она никогда не абсолютна и не постоянна, вовсе и не верна, как может казаться людям: где много свободы, там и много оказывается вдруг разложения, энтропии, гибели, а потому ценнее всего не свобода как таковая, а... нет, конечно... не несвобода как таковая, а... нечто среднее между свободой и несвободой, то бишь некое жизнеспособное сочетание свободы и несвободы, а вот какое конкретно, то уж как у кого по жизни выходит.

Да, главное для любого самоутверждающегося человека — себя реализовать, а ежели для человека как человека, то, конечно же, реализовать себя не кем-нибудь, а именно *человеком*, а что есть человек среди людей — вопрос! — опять же большой и опять же неразрешимый ни одним из людей: та ещё подлянка, хотя она только в умах некоторых из людей подлянка, а в мозгах других вовсе и нет — великое достоинство!

А иначе и жизни б не было — как раз *человеческой*, как раз той самой, что Богом придумана и человеку предписана (предсловлена — от слова Божиего). Тут вам, господа, не Рай и не Ад, а то и другое вперемешку: либо райский ад, либо адский рай, а как кому тут предпочтительнее думать, это уж каждый решает сам.

Учёное отшельничество — не худший вариант, не райский и не адский, и хотя он в общем-то смешанный, но,

надо особо заметить, *единственно для творческой личности спасительный!*

Максимум вроде бы тут свободы и минимум вроде бы несвободы, но такой минимум несвободы, который превращает завоёванную самоотречением свободу... нет, не буквально в несвободу, а всего лишь в насыщенное смысловым грузом тяжкое бремя, заточающее в себя вольного де отпущенника — мыслителя, отчего мысль сего надменника хоть вроде бы и свободна и даже иной раз рвётся будто бы ввысь, к звёздам, но прорываясь при этом через такие тесные и острые тернии, причём вполне себе софийные, что завидовать отшельнику не то что грешно и зряшно, а по своему и глупо!

Всё дело в том, что отшельник, в отличие от любого сладкоголосого компилятора, да ещё и щедро оплачиваемого, говорит вовсе не то, что он хочет, как и не то, что должен, а то, что диктуется ему даже не реальностью, которую он, в отличие от самоуверенных онаучённых знатоков, вполне достоверно не знает, точнее, просто не претендует на такого рода знание, а диктуется улавливаемой им *за*-реальностью, или *Иным*, что говорит за то, что если его мысль и свободна, то свободна лишь от окружающего его людского толкования, но никак не свободна, пардон, от... *истины* — при всей условности, подвижности и вуальности сего курьёзного феномена, никому из вокруг энергично и уверенно токующих вовсе и не нужного. Везде так или иначе доминируют выверенные догматы, концепты, учения, раз и навсегда усвоенные и незыблемые, а ежели как-то шеве-

лящиеся, то лишь для того, чтобы ещё более утвердить себя в мозгах человеческих.

Как тут вновь не преклонить седую голову перед мудрым Соломоном, тоже, впрочем, седым, как и положено вкусившему, да вот не размышлений с мудростью, что понятно, а ... *воздаяния*, да-да, именно так — ВОЗДАЯНИЯ! — как раз того самого щедрого дара от Софии Премудрости, делающего отшельника именно отшельником, чем его при этом и спасающего, оставляя его наедине со всей добытой им... э-э... истиной, то ли, наоборот — неистинной, всё тут одно, ибо любое добытое им одинаково никому из окружающих активистов и пассивистов попросту и не нужно.

Да-а, выперли в своё время светочи новой жизни большевики-марксисты из России, обозванной ими сначала РСФСР, а затем СССР, коренных русских мыслителей, сделав их и в самом деле отшельниками, даже и отщепенцами, но кто в итоге оказался исторически прав: сии блистательные светочи или же сии махровые страстотерпцы, когда исчезли в одночасье, как наваждение, и СССР, и социализм, и советизм, и мировое социал-коммунистического толка революционное движение, да и сейчас, кто более прав — те замшелые де ретрограды или эти безапелляционные герои гнуснейших реформ, а то и те же нынешние протагонисты тёмного как «тёмная материя» постчеловеческого искусственного разума?

Что ж, как каждому своё, так и каждому выпадает своё воздаяние: Николаю II, Керенскому, Ленину, Троцкому,

Сталину, Горбачеву, Ельцину, а некоторым из них и им подобным ещё и ох какое на редкость впечатляющее!

ВОЗДАЯНИЕ!

Плата, расплата, удача, выигрыш, злосчастье, награда, наказание, участь или же за что-то возмездие?

К какому из воздаяний отнести городское отшельничество: учёное ли, писательское ли, художническое ли, да мало ли ещё какое?

Это уже как житейская нива развернётся или та же оценочная карта ляжет: всякое тут возможно, чего не избежал и наш мудрый отшельник, даже и кое-какого возмездия, хотя бы за самость, за явленность, за выраженность, за исполненность. Туманно как-то? А как же ещё; среди-то людей, зорко просматривающих являющуюся вдруг пред ними сокрытую туманной вуалью творческую образину, но вовсе не для того, чтобы понять сию особь, поддержать, поощрить, — куда как больше тут бывает желания сделать наоборот: поставить на лобное место, да и прихлопнуть на всякий случай на сем же месте аки заблудшего не в свой чулан таракана-чужака.

А всё почему?

Да всё из-за неё, из-за *правды*, которую никто из бойких окруженцев не знает, знать не хочет и всячески от себя гонит, мало того — прячет, хоть и не знает, что, собственно, прячет и от кого, кроме, как от себя, однако же — *прячет!* Какую же, тем не менее, правду, о чём? Нет, не о фактическом, не о событийном, вообще не о происходящем, хоть обо всём этом житейском тоже прячет, да и с немалым усердием, а правду о... *себе как себе* и при этом о *себе не-*

*себе тоже, о человеке как человеке и при этом нечеловеке тоже, бытии как бытии и при этом о небытии тоже, об истории как истории, но при этом о неистории тоже, в общем — обо всём сущем, которое вовсе и не сущее, а так: либо наполненная ничем пустота, либо набитая рухлядью твердь, а потому одна участь у мудреца-отшельника — не так *быть или не быть*, как у Гамлета, а *быть и не быть*, причём быть и не быть с ношением в себе никак не объяснимого жгучего чувства буквально субстанциальной *вины*: что перед собой, что перед всеми, что перед всем!*

Вина — вот, собственно, и оно — прихотливо томное воздаяние, которое при этом и неприхотливо тёмное возмездие!

А там уж, как Бог даст!

Свиданья

Они снова свиделись и снова там же — в Хамовниках. Славное место, что говорить! И им там было хорошо, и месту тоже, — как-никак, а чародейным оно было и есть — это место, с его уже исчезнувшей булыжной Чудовкой и угнездившимся там же скромным виноугодным заведением под интригующим названием «Виновники». Да, именно там, в этом самом заведении, им довелось приобщиться Иного — не без вина, конечно, доброго вина, в котором истина, или же вина истины самой, которая как раз в вине виною и сидит, — что тут скажешь?! Вошли, как водится, сели, как им вдруг повезло, за тот же, уже как бы свой, столик, заказали через посредство уже знакомого по

раньшему времени приветливого официанта бутылочку итальянского вина и вкусной еды. Разговорились!

— Ну как вы, маэстро, поживаете, что у вас нового?

— Да как вам сказать: работаем, пишем, издаём журнал, делаем книги, — и это всё онлайн, на удалёнке, как бы и тайком, но при этом и теряем людей, да ещё каких людей — опорных! *(Пауза)* Чёртова пандемия! *(Пауза)* Два редких, выдающихся человека, учёных и профессоров, моих личных друзей, — бац! — и нету! Страшно подумать! Так что не всё у нас... у меня, во всяком случае, просто, совсем не просто, не успеваю писать прощальные тексты. *(Пауза)* Сначала смерть одного, мы посвящаем его памяти актуальную, как мы сами определили — пандемическую, книгу, в которой и его текст, другой издает эту книгу, видит её готовой, по возвращении из роковой турпоездки по российским северам, держит в руках и... тоже умирает. Каково, а-а?! *(на глазах говорившего наворачиваются невольные слезы)*.

— Да-а, понимаю вас, как это всё несправедливо, нелепо и тяжело! Какая-то чёрная магия! *(Пауза)* Как вы это всё переносите, милейший друг?

Тяжкая пауза.

— Предлагаю выпить за упокой их душ! В высшей степени достойные были ребята, из лучших!

Выпивают заказанного и уже разлитого по бокалам вина.

— Да-а, мы становимся другими, всё наше учёное общество теперь другое. Ребята были станowymi, теперь вот

без них. *(Пауза)* Но ничего, даст Бог, справимся! Но уже по-другому, иначе. *(Пауза)* Тяжко всё это, но что поделаться: Создатель рая нам не обещал, а потому мы как на фронте, знаете, как в том же Сталинграде... не совсем, конечно, но тоже ведь на последнем рубеже... *(криво ухмыляется)* ... и у нас «ни шагу назад»!

Задумчивая пауза.

— Согласна за ваш фронт, который, надо заметить, даже и пострашнее войскового будет... невидимый, идейный, словесный, да ладно бы лишь борьба точек зрения на что-нибудь отвлечённое, а то ведь... э-э... в самом деле схватка не на жизнь, а на смерть! *(Пауза)* Уход ваших друзей-соратников по-своему очень символичен, здесь ведь и знак борьбы скрытых от глаз сил — человеческих и нечеловеческих. *(Пауза)* Борьба миров! *(Пауза)* Мира и, как вы давно говорите, антимира, — факт! — как вы тоже любите повторять. Если позволите, то за вас, за ваших сподвижников, за тех, кто борется — да не только за правду, что само собой, — хотя, где она и что она — правда, да и кому из занятых вертящейся прожитью она нужна, — а хотя бы за достоинство человеческое, просто за человека в конце концов, и за русского тоже, при всей его нынешней жестокосердности, разнузданности и падшести!

Соприкасаются бокалами, выпивая вина, всё ещё не приступая к еде. Молчат.

— Знаете, я вижу, хоть это, наверно, и странно, в нашем ученом сообществе, а я имею в виду наше вольно

сложившийся вокруг метанауки круг ученых, некую модель... э-э... не удивляйтесь!.. самого мироздания, разумеется, не всего, а просто его целостно-аналоговой части, ибо тут всё: элементы, кучность, центр, окаёмы, энергия, информация, силы, напряжение, разряды, грозы, обретения, потери, перемены, перегруппировки, энтропия, негэнтропия, синергия, аттракторы, полилектика, в общем — всё, включая и имманентность с трансцендентностью, феноменальное и ноуменальное, сие и иное, ну и, само собой, небеса с преисподней.

— Ну это свойственно, пожалуй, любому социальному организму...

— Верно, но лишь на первый взгляд и внешне свойственно, ибо не всякий такого рода организм вполне фрактален мирозданию, а наш всё-таки фрактален, не исключая даже наличия в нём «тёмной материи» и «чёрных дыр».

— Значит, выживете, хоть и станете другими!

— Похоже, что так: станем другими, сохранимся и выживем!

— За это надо бы выпить!

— Непременно!

Выпивают вина и приступают к еде, впрочем, без особого энтузиазма.

— Ничего, — заметил собеседник, — и на нашей улице будет аппетит!

— А почему бы улицу эту не пригласить прямо сюда, к нам?

— О-о, это идея! Пошли на террасу, там и улица прямо у лица нашего будет!

— С удовольствием, да и аппетит нагоним!

— Или он нас!

Отправляются не без оперативной помощи официанта на террасу, где и оказываются лицом к лицу с улицей и уличными прохожими, что совсем не мешает им расслабиться и уже не без ожившего энтузиазма продолжить беседу и трапезу.

— За вашу сообразительность, дорогая фея!

— И за вашу удивительную покорность!

Выпивают вина и не без удовольствия трапезуют.

— Над чем сейчас трудитесь, милостивый государь?

Недоумённая пауза.

— Да как сказать... над собой, надо полагать, над собой... заканчиваю свой очередной самообман... не последний, возможно, но в какой-то мере итожнический.

— Но почему же обязательно самообман?

— А иначе, мадам, и быть не может, только он, милый, только он... только он и выручает. *(Пауза)* Это я раньше думал, что истину какую-то глаголю, людям де потребную, а теперь уже хорошо понимаю, что тут не более чем круговой самообман, правда, меня ныне вполне устраивающий.

— Это почему же?

— Из-за отсутствия нужды вступать с кем-либо в какое-либо ментальное отношение. *(Пауза)* Это и в самом деле счастье: писать для себя и только для себя! Дожить, правда, до такого счастья надобно, вот я взял, да и дожил.

— Чтобы кто-нибудь когда-нибудь всё-таки этот самообман прочитал и увидел ваш выход в Иное?

— Не без того, сударыня, не без того, но главное тут всё-таки самообман и для себя самообман!

— Может, и для космоса тоже?

— Ишь вы какая: для космоса! *(Пауза)* Скорее, на связи с космосом, ну и благодаря ему.

Краткая винная взаимность.

— Каждый человек — космос, конечно, и непременно вкупе с хаосом, как и с пустотой, — а ж у кого чего бывает больше — решает Его величество рок!

— Именно рок?

— Да-а... именно рок, только не тот, не джазовый, а этот — роковой!

— И для всего, скажем так, коллективного тоже: для стран, государств, цивилизаций, культур?

— Если исключить обыкновенное старение с его усталостью и ослабленностью, то да — рок! *(Пауза)* Рок ведь сильнее судьбы, ибо он, в отличие от той же судьбы, неотвратим. С судьбой ещё можно поиграть, поладить, договориться, наконец, а с роком — нет!

Несколько натянутая пауза, совершенно безвинная.

— А что вам всего дороже из вами достигнутого?

— Э-э... *(Пауза)*... думаю, что выход за пределы науки... э-э... в метафизику, как раз в постнаучную.

— Как раз роковой выход! А потом, надо полагать, схождение с Иным, выход на Софию?

— Соглашусь с вами, мэм, но главное, тут всё-таки — первичный решающий прорыв, а то и вырыв, как раз этот самый — за пределы науки. Это было не то что самое трудное, но, скажем так, самое невозможное. *(Пауза)* А потом и выход за пределы всего остального: философии, литературы, искусства, да и религии тоже, вообще любой догматики, любой мифологии и схематики, как и любого вранья, даже и самого изысканного и благого.

— Гм, это куда же, в Иное?

— Можно сказать и так.

— А там что... иная правда?

— А там, знаете ли *(улыбается)*, сплошь одно вино, океан вина, в котором своя великая океанская истина и толики которого у нас с вами уже и нет. Закажем?

— Не возражаю!

Заказывают ещё вина.

— Видите ли, дражайшая миледи, Иное, на то и Иное, чтобы ничего о нём путного и непутного нельзя было бы сказать. К тому же само оно напрочь лишено дара речи, отчего и упорно молчит, а наша с вами речь для него что горох о стенку. Это, во-первых, а во-вторых... о-о!.. вот и вино... замечательно!.. исключительно за вас, милая дознавательница!

Сойдясь с лёгким звоном бокалами, выпивают вина, чувствуя прилив трепетного между собой душевного единения.

— Хорошее-таки вино, правда?

— Лёгкое и весьма бодрящее!

— Да-а, вы, как всегда, правы, мадам, браво!

— Ладно, ладно, давайте лучше об Ином, мне очень интересно!

Обещающая пауза.

— А вы что, о-о мудрейшая, так и не заметили главного: об Ином ведь нечего вообще сказать, его лишь надо признать — как неизвестность, но работающую в этом мире неизвестность, — не более того!

— Не беспокойтесь, заметила, но хочу знать, куда и как далеко тут можно зайти... э-э... и насколько споро и удачно можно оттуда выйти, а то и не без усилий выбраться?

— Зайти можно далеко, очень далеко, как потом и не выйти, точнее, там попросту сгинуть, а выходя, уже не рассчитывать, что можно навсегда с этим расстаться — в сознании, конечно, в норове.

— Туманно, но, кажется, я вас понимаю. И что же вас держит на плаву?

— Не поверите... всего лишь... Россия!

— Россия?

— Она самая!

— Не София?

— Россия и София в данном случае если не одно и то же, то уж нечто друг другу очень близкое — точно!

— Тогда почему же у нас в стране столько всего анти-софийного и, я бы сказала, бесчеловечного, нелюдского, отвратительного?

— Всего лишь потому, что София ничего России, будучи духовно и стратегически с нею, не навязывает.

— А кто же или что же навязывает?

— Само Творение и навязывает.

— Творение?!

— Ну да! Что мы знаем о Творении? Да ничего! «И дух над бездною», — каково! И где гарантия, что бездна сия от нас где-то далече, что она не под нами или даже не среди нас, а дух, который есть летящий цифирный хаос, как привиделось однажды одному юноше с тонкой психической организацией, моему бывшему студенту, где-то году в 1993, что дух этот не над нами и не среди нас, а-а?

— Но ведь сказал же Бог по окончании Творения: «Хорошо!»

— Сказать-то сказал, да что он имел в виду, да и к человеку все это не имело никакого отношения. С творением же одного у Бога и трудности большие были и неудовлетворения, а потом и, мягко говоря, неудовольствия, что и привело Бога в конце концов к посылке к человечеству Сына своего единокровного в образе как раз человека, да что в образе человека, через возрождение сына своего небесного в самом зёмном человечестве, а потом что: отвержение Сына Божиего человечеством, бичевание его и распятие, — а-а, сюжет-то каков!

— Но ведь потом было же Воскресение Господнее?

— Вот именно, что Воскресение Господнее, да вот человек что-то не воскрес при этом в самом же человеке, мало того, человек решился на переделку себя в какого-то нечеловека, присвоив себе функцию Бога Создателя, — интересно, не правда ли?!

Затяжная безвинная пауза.

— Может, я вам уже говорил, что меня весьма занимает сейчас только один вопрос: входит ли сие теургическое самопревращение человека в нечеловека в замысел Господень, в его относительно человека проект, или же это всего лишь человеческая вольница?

— И каков же ваш ответ?

— Никакой, ибо сей ответ не должен быть известен человеку, но ежели его предположить, то я склоняюсь к первому варианту.

— С преображением, надеюсь?

— А разве тут уже нет преображения?

— Иоаннова?

— Может, и Иоаннова, почему нет?

Краткая, но уже винная, пауза, впрочем, лишь для собеседника.

— А что, вы, мадам, разве не видите в нынешней цифрошизомании начала конца человека как человека? Я это, знаете ли, заметил еще в 1990-е, в момент только ещё разгоравшегося тогда подъёма компьютеризации, выступив даже на одной заграничной конференции с предупредительным

тезисом об опасности для человека нашествия сей умной техники.

— Как это?

— А вот так: заявил я тогда о двух вещах: каким может стать человек, выросший с компьютером в обнимку от самого своего рождения, а также как этот человек обойдётся с нами — всё-ещё-человеками?

— Да-а, кое-что уже прояснилось: явился-таки человек-компьютер, этакий биотехногибрид, с уже иным в общем-то сознанием, а, может, и более всего с виртуальным бессознанием — рациональный, бездушный, беспощадный, и с почти полным отрицанием вашего, как вы выражаетесь, всё-ещё-человека!

— Особенно хороши девочки-солдатики, оловянные такие, — совершенно, знаете ли, барбийные: сие превращение почему-то их более всего задело, они даже язык родной изумительно исковеркали.

— Понятно — женщины!

— Э-э... поосторожнее с этим неплохим словом-понятием: фемина — не женщина! Вы различаете, к примеру, одну от другой — нынешних звёздных-де актрис, кроме некоторых? Я — нет! (*Пауза*) Может, кофейку, мэм?

— Не откажусь, даже более чем!

Заказывают кофе, даме американо, а мужчине эспрессо.

— Однако не одни же девы превратились в виртуализированных солдатиков?

— Разумеется, не одни, просто они оказались податливее, что вполне объяснимо, ибо слабый-де пол вообще более восприимчив, пусть и не сильно глубоко, ко всяким несложным знаниям, ярким зрелищам и заманчивым новинкам.

Получив дивно пахнувший кофе, занялись его неторопливым питием.

— Видите ли, мадам, всё дело тут в изменении разума, а заодно и сознания, что началось не сегодня, не вчера и даже не позавчера, а не более не менее, как с победой науки, пусть и мнимой победой, над философией, не говоря уже о победе науки над религией. Научное мышление — сначала частично, потом во многом, а теперь вот уже и в целом очень *искусственное (акцентирует на слове)*, слышите: *ис-кус-ствен-ное (говорит в растяг)!* Да ладно бы в сфере самой науки, а то ведь вообще и повсюду в социуме, ибо школа, вузы, сузы, учебники, вообще всякие знания, язык, сама сегодняшняя культура, даже и бытующая ныне ноосфера, сплошь онаученные, как того и добивалась незаметная, вежливая, но упорная масонерия.

— А, простите, не слишком ли это вы...?

— Загнул? Нет, мадам, не слишком, это действительно так: оцивилизованный евромасонерией по-научному разум давно уже не вполне естественный, он уже более всего искусственный, а сегодня уже напрочь и даже навывлет искусственный, причём везде, по всей социальной иерархии: внизу (менее всего), посередине (скорее тотально, чем нет) и

наверху (по преимуществу). *(Пауза)* Хороший кофе, чёрт возьми!

— Не чертыхайтесь, да ещё по такому приятному поводу! Лучше скажите: вы это всё всерьёз про искусственный разум, он уже давно есть и давно в действии?

— Говорю, как на духу: да! *(Смеётся)* Что-о, удивил?

— Не так удивил, как озадачил: ведь и впрямь, как вы любите высказываться, так!

— Так, так! Это, я вам скажу, одно из моих лучших открытий! Как открыл, знаете ли, так и успокоился: что требовать от современников, они просто уже искусственные, пусть ещё более всего алгоритмически искусственные, а вскоре предстанут уже в целом и попросту механическими. Какими уже стали, кстати, те же американцы вкупе со многими европейцами.

— Так что дело вовсе не в роботах?

— Да, дело тут в роботизации самих людей, но, важно заметить, они — люди — уже во многом и уже давненько роботы, разве не так?

— Так-то оно, может, и так, но что это всё значит, что за этим стоит?

— Как раз то самое, о чём не принято в хорошем обществе говорить, кроме, конечно, бесхитростной пандемии, которая всё сразу и выболтала.

— Паралич сознания?

— Что-то вроде того!

— Но ведь пандемия вызвала и сопротивление этому параличу?

— Разумеется! Однако надо на всё это ещё внимательно посмотреть, а нам, видно, уже и двигаться пора: улыбочивый и завлекательный город нас с нетерпением поджидает.

— Да-а, засиделись, да и заговорились!

— И немало проговорились!

Расплачиваются с доброжелательными хозяевами и выходят на проспект.

— Может, к Остоженке с Пречистенкой, как-никак, а дух там... э-э... всё ещё человеческий.

— Идёт!

Сворачивают направо и идут, взявшись под руки, как невинные агнцы, в сторону славных московских улиц.

— А лето-то опять холодное, как и в прошлом 2019-ом.

— Да-а, ещё и изумительно странное: мало что пандемическое, так ещё и переменчивое, неустойчивое, какое-то блуждающее, если не попросту блудливое. Коварное такое ныне летишко!

— Впечатление, что мы не в стране живём, не в городе, даже не в жизни, а в какой-то изодранной и крепко пришившей к нам набальзамированной сети.

— Есть такое, всё смешалось в доме российском: мертвящая жуть вперемешку с жутью вроде бы даже живой, а в итоге — некая натужно шевелящаяся нежить!

— Чёрт знает что!

— Ну да, сам чёрт не знает что!

— Мир явно свихнулся: то ли вокруг фарс, то ли фантазмагория, то ли уже вполне законная «сумашека»?

— Да уж, искусственный разум в действии, точнее, выхолощенное наукой и новой педагогикой в самом деле взбесившееся сознание: блогеры, журналюги, шоумены, режиссеры, рокеры, инсталляторы, комментаторы, менагеры, продюсеры, адвокаты, психологи, сексологи, актеры, попы, писатели и писательницы, и прочая, прочая, как говаривал незабвенный Пушкин, сволочь, — вся эта шпана теперь наверху, в фаворе, в ударе и в угаре, без никаких тормозов, и все что-то говорят, говорят, говорят, ну и врут, врут, врут. А ещё бабы — эти бескрайние, самоуверенные и бессрочные дуры!

— Может, и вправду инопланетяне, во всяком случае, какие-то выродки рода человеческого? Это всё ваше Иное с ними натворило?

— Спорить не буду: Иное, на то и *иное* (*акцентирует на слове*), чтобы решать *по-своему* (*акцентирует на слове*), — и раз уж человек захотел быть уродом, то почему же ему в этом не помочь — скрытно, тихо, по-деловому!

— И полное оттого безнадёжье?

— Ну это вы зря: есть ещё глубинная Русь-Россия, есть русский народ, тоже по счастью глубинный, а ещё есть «Русский Орден», который, правда, тоже глубинный, но всё же весьма действенный. Ситуация паршивая, не скрою, но небезнадёжная, однако надеяться на скорое и полное оздоровление не приходится, всё будет очень коряво, возможно, и немало кроваво.

— Опять через страдания и кровь?

— Но уже в ответ на *ихнее* (*акцентирует на слове*) насилие, в общем — кутерьма лишь знатная впереди, а во-все не благодный покой, ну а потом и порядочек наступит, да такой, что мало никому не покажется! И это всё приидет, скажу я вам, гораздо быстрее, чем мы думаем. Нынешние управители маниакально делают всё, чтобы сия кутерьма непременно случилась да побыстрее.

— А в чём дело, не соответствуют задачам?

— Корысть и жажда залезть в западное корыто, где никого из них не ждут, отчего и вериги, а это ведь страшные вещи, связующие, ну и отсутствие благословения Божиего, хотя Бог Россию не бросает, даже зачем-то управителям немало попустительствует, — чего-то ждёт от России?!

— Тащит вроде бы её из бездны?

— Наверно, а вот из рабства, причём, заметьте, международного, что-то не очень.

— Рабства?

— Да-а, самого настоящего, вполне беспробудного и, кажется, нескончаемого.

— Это что-то для меня новое!..

— Вглядитесь в реальность попристальнее, всё этакое и увидите, даже роль православия увидите, не говоря уж о самой церкви.

— Не богохульствуйте!

— Э-э, нет, мадам, никакого тут богохульства, а самая обыкновенная правда. (*Пауза*) Ну да ладно, не будем об этом, и так тошно!

Тягостная пауза. Собеседники даже остановились, упёршись глазами друг в друга.

— И что сегодня... то же самое?

— А что же ещё: среднеазиатцы вроде бы у нас работают — пока, но зато наши в работе там — на Западе, какая разница, да и у себя тоже, на той же четверти минимальной ставки, к примеру, посреди высокой-де науки и высшего-де образования... Третий же Рим у нас как будто бы, а какой же Рим без рабства, — никакой! Да и без Римов всякого рабства повсюду хватает!

— Ладно, не будем об этом, а то вон сам пьедестальный товарищ Энгельс уже к нам заинтересовано прислушивается, так и марксистами-ленинцами станем.

— А ведь у них своя великая правда, и, скажу я вам, куда более реальная, чем льющаяся вон из-под тех куполов... видите... где, собственно, никакой правды и нет, а есть... э-э... есть что-то другое, как раз от Иного, не Этого, не правда там как реальность, а ежели что-то этакое и есть, так это кое-какая мудрость... э-э... в значении правды, хотя и не без добавок, приходится и привирать... э-э... ради-то веры. *(Пауза)* Да что мы всё о серьёзном да серьёзном, когда стоим перед входом в о-очень интересное заведение. Давайте-ка войдем и вы всё увидите своими глазами.

Входят в интрижное заведение, где можно, сидя в удобных креслах, отведать на двоих хорошего вина с отличным сыром. Берут там небольшую бутылочку хорошего вина, немного доброго отечественного сыра, садятся в кресла за уютный столик, получают от доброжелательно-

го сомелье бокалы, наполняют их красным сухим вином, приступают к питию, сыроедению и новому разговору.

— Хорошо, правда?!

— Да, и очень неожиданно: выходит, что Москва сто́ит Парижа, как Париж — мессы!

— Сто́ит, сто́ит! Париж — город чу́дный, а Москва — чудно́й! Чуете разницу? Там одно большое городское чудо, а здесь — неожиданные городские чудеса, отнюдь и не простенькие: где ещё как не в Москве, могли явиться в XX в. те же мыслители-софианцы, или лучше, софийцы, как и появиться тот же загадочный роман «Мастер и Маргарита», действие которого разворачивалось и здесь, где мы сейчас с вами посиживаем, а сам автор сего чудо-романа бытовал на излёте жизни тут неподалеку, прямо-таки за углом. О-о, я вам скажу, это о-очень не простой город, наша Москва!

— И вы тоже, я вижу, его непростая принадлежность.

— Почему нет, хотя и Парижа немного тоже.

— На контрасте, так сказать.

— Да, пожалуй, это очень удачно сказано! За что и выпьем!

Прикладываются к вину с сыром.

— А вы довольны, мессир *(улыбается)*, своей жизнью?

— Трудно быть вполне довольным, но в целом, или, лучше сказать, в главном, пожалуй что, да! *(Пауза)* Да-а, — повторил седовласый... э-э... мессир, — доволен, грех жаловаться, хоть и *(усмехается)* изрядно устал быть русским, только в отличие от Достоевского немца, не повешусь

(смеётся). Что русскому благо, то немцу, как известно, — смерть! Хотя мне, русскому, далеко не всё по душе то ли русское, то ли парарусское, то ли вообще нерусское, что в нас таки есть и упорно о себе заявляет. Однако, что русский без России, без тех же бесшабашных русских, а ведь, знаете ли, во многом очень и очень самоотверженных, даже и героических, воистину удивительных русских!

— Согласна с вами и в том, и в другом, и в третьем: Русь живёт контрастами, иначе она и не Русь!

— Верно сказано! А что касается моего удовлетворения от жизни, то почему ему не быть, скажем так, удовлетворительным, — конечно же, сугубо в личном плане, — ежели мне многое удалось, очень многое, вообразительно невероятное и практически невозможное. (Пауза) Очень, — повторил собеседник, — многое и очень невероятное, попросту и невозможное! И весьма, знаете ли, значимое! (Пауза) Но, — уж позвольте сию откровенность, — сделанное мною не для всех, там нет ни интеллектуального, ни художественного, ни просто пиарного блуда, который любитя людям, а может, и людя́м, а потому, если это моё всё-таки когда-нибудь примется, то лишь самым бытием-историей, через Иное, не без участия Софии и воли Господа Бога, как бы само собой, без отсылок к источнику, не говоря уже об имени автора. Как, собственно, и сейчас происходит: ничего не поделать — рок! Я, увы, не Пушкин по вектору славы и не Толстой, — и об этом нисколько не жалею: «Я» есть «Я», что совсем и не плохо!

— Поэтому-то вы, видно, и считаете себя отшельником?

— И поэтому, видно, тоже. Вестникам не от мира сего предназначено-таки посиживать в тени, хотя они и у всех на виду, а без тени им никакими вестниками не стать.

— Соглашусь, пожалуй!

— Недаром же вы меня внезапно мессиром назвали, хотя я никакой не мессир.

— Уж простите, само как-то вылетело!

— По Фрейду, так сказать.

— Может, и по Фрейду. *(Пауза)* А ежели не по Фрейду, то давно хочу вас спросить, что бы вы сказали вашему, — о-о, опять этот Фрейд! — нашему, конечно, национальному лидеру, если бы встретились с ним, а он был бы готов слушать, слышать и услышать?

Напряжённая пауза.

— Ну и вопросец! *(Пауза)* Да-а, ещё в начале его правления и моего вхождения в метафизику был у меня вещий сон о возможной с ним встрече, но сон сей так и не сбылся. Так что вопросец ваш не такой уж и случайный. *(Пауза)* А теперь, пожалуй, ничего уже и не надо, никакой встречи.

— Нечего ему сказать, или не поймёт, точнее, не примет?

— Всё сразу, наверно: он ведь слишком уже в себя уверовал, как и в силу своего пиарно-сценического пристрастия, ну и в экзистенциально-спасительную де миссию искусственного разума, как и в возможность квазиреального бессмертия.

— Личного бессмертия?

— Почему нет? (*Пауза*) Да и как ему объяснить необъяснимое, что то же Иное есть и оно работает?

— Ну это он, пожалуй, воспримет, ибо и сам что-то подобное знает.

— Да, вы правы... но как объявить ему, что очередь Аннушки, стоящей в продуктовой лавке за подсолнечным маслом, уже подходит, и что она — Аннушка — скоро выйдет на гремющую трамваями улицу?

— Загадками говорите, мессир.

— А что делать? Он и так всё знает, но... будем считать, не всё может.

— Или всё-таки не хочет?

— Это вы сказали, о-о, ненагляднейшая! (*Смеётся*) Вино выпито, сыр съеден, не пора ли нам с вами на воздух — в Москву, в Москву?!

— Да-а, всё проходит, но и всё повторяется! Уже не по Фрейду, а по Соломону, да и по-нашему тоже! Идём!

Прощавшись с гостеприимными хозяевами необычного заведения, удовлетворенные беседой, винопитием и сырной закуской, седовласый мыслитель и его очаровательная спутница выходят на улицу, нерешительно окунаясь в тревожно обожаемую ими Москву.

Прощание

На мгновение оба замирают, завидев перед собой величественную громаду Храма Христа Спасителя, мысленно перекрестясь! Мужчина остановил взгляд на изысканной

вертикали памятника одному из основателей учения, обеспечившего, как приглашённый к делу палач, перепотрясение всего мира. «Верил ли он в то, что так упорно твердил вослед своему великому бородатому кумиру?», — подумал внесистемный мыслитель, сам прошедший через ментальные тернии сего учения и обретший лишь по выходе из него своё провидение зёмного бытия-истории.

Тут он услышал рядом с собой голос своей замечательной собеседницы: «Пора прощаться, Мастер, колесница подана, а сама я после вынужденных дней карантина, отбываю границу, в Париж, к своим, наверно, и надолго, может, учитывая обстановку в мире, и навсегда. Счастлива была с вами быть вместе!». «Как это... вдруг... отъезд... граница... какой-то Париж... к своим?!» — занедоумевал, было, седовласец. «Мне жаль с вами расставаться, дорогой NN, но есть неумолимые обстоятельства, которые превыше всего. *(Пауза)* Что я могу сказать: вы один и одиноки, но это не должно вас беспокоить! Так надо! Всё ведь всё равно будет не так, как мы думаем, что вы и без меня хорошо знаете. Оставайтесь самим собою, это главное, кроме вас ведь никто ничего *такого (она сакцентировала на слове)* не почувствует, не увидит и на опережение не скажет. Берегите себя!».

Женщина, вдруг слегка преклонив колени перед вовсе ещё не древним старцем, резко повернулась и быстро двинулась к уже ожидавшему её элегантному авто, в коробке которого мгновенно и исчезла.

Глядя озадачено вослед унёсшей женщину быстрой колеснице, мыслитель невольно подумал: «Господи, прямо как в моём романе! Так кто же она... Маргарита что ли...

или же сама София, лишь принявшая её образ... или ...
впрочем, какая разница... была и нет её, как в воду канула,
растворилась в воздухе, исчезла в ноосфере?!».

Нет, не стоит отвечать на такого рода вопрос, на который ведь и нет ответа: ни та, ни другая, ни третья, хотя и все они вместе сразу, а может, и ещё с ними *кто-то*, в женском-то обличье, кто знает? Однако она была, реально была, и чему здесь так уж сильно удивляться: чего не бывает в чародейном граде Москве, что тут только ни происходило, ни происходит и ещё ни произойдёт?

Не вышедший ещё из нахлынувшего на него оцепенения, герой наш вдруг услышал будто бы рядом с собой голос, женский голос, её голос: «Я не фея-чудесница и не змея-искусительница, вообще никакая не ворожея, я всего лишь душа твоя болящая, да-да, душа, можно сказать, что это ты сам и есть, сам с собой и говоришь, ища в самом себе ускользающую от тебя истину».

«Найду ли?» — не выдержал мыслитель, стоя на всё том же месте, где и остался в одиночестве.

«Нет, не найдёшь, но кое-что обретёшь, уже обрёл... своё... дорожи им и не упускай! А теперь, прощай, Мастер, прощай навсегда!».

«Прощай! — невольно произнёс беззвучно мыслитель, — но почему же навсегда, да и душа ли это моя или всё-таки что-то ещё? Ерунда какая-то! Ну и дела-а! Надо трогаться, пока совсем не тронулся! Но что-то во всём этом всё-таки есть? Какое-то на себе замыкание... возврат к себе самому... свой на себя бумеранг... одиночество... отшель-

ничество... воздаяние? Ладно, пусть всё есть, как есть, и будет, как будет... только вперёд, однако... куда?»

Но не будем обо всём этом: не то тут, не другое, не третье, а совсем... э-э... *иное*, да-да — *иное*! Здесь ведь одни лишь версии, когда само это *иное* смертному по сути своей совершенно недоступно, да и не надо смертному к нему никакого доступа, раз так стрёмно всё вокруг разворачивается, впрочем, и сворачивается тоже, а главное — что будет в итоге, да кто ж это знает?

Божественная конспирация — та ещё конспирация, хоть сатана и старается всё узнать, да самого главного он так и не знает, а ежели что-то и знает, то либо благоразумно молчит, дав подписку о неразглашении, либо благочестиво врёт, на что у него явно есть бессрочный мандат, ибо... *конспирация*, за которой не что иное, как *Великая Неизвестность*, — куда же без неё?!

Что ж, принял наш мыслитель за неизбежное всё с ним только что случившееся... впрочем... случившееся ли, может, просто ему почудившееся, да и с ним ли всё это произошло, а не попросту с его двойником, его вторым «Я», даже и с ним самим, но... *иным*, да, может ничего *такого* и вовсе не было!

Один

Находясь в таком вот чародейном недоумении, вдруг очнувшись от странного оцепенения наш герой и двинулся к одной из знаменитых своей сдержанной красотой станции метро, когда-то называвшейся «Дворец Советов», остав-

шейся пусть и без дворца, и без Советов, но зато с изящной аркой, открывавшей путь на любимый нашим героем бульвар, можно сказать, что и литературский: Пушкин, Гоголь, Тургенев, М. Булгаков, Есенин, кто только из великих мастеров русского слова не был связан с этим бульваром, как и его чудесами тоже!

Вот и наш герой не стал юркать мышем в подземку, а, пройдя под метровой аркой, двинулся по бульвару, слегка пошатываясь то ли от выпитого вина, то ли от пьянящего московского воздуха, то ли от случившегося только что с ним внезапного прощания с загадочной дамой.

Вскоре он прошёл мимо памятника казачьему классику, горделиво восседавшего в рыбацкой лодке, вздыбленной над обречённо плывущими головами казацких лошадей, хоть сам классик никаким казаком не был, а был он из купецкой семьи, прибывшей на Дон и в меру принявшей казачий образ бытования, — всякое ведь бывает!

Наконец, наш герой оказался перед статной бронзовой фигурой другого инженера человеческих душ — как раз мёртвых, хоть вроде бы и живых, остановился перед величественным монументом, а потом, как это делал не раз, присел на добротную припамятниковую скамью, чтобы не так полюбоваться на стройную фигуру хитроумного малороса, как, малость подуспокоившись, придти в себя.

«Да-а, — думал он, — во всём этом что-то есть: что в самой пронизательной даме, с которой он уже здесь — у сего памятника — как-то бывал, что в её внезапном исчезновении (за границу-де!), что в её прощальных словах, — да вот что же?».

Не найдя скорого ответа, он вдруг на мгновение не то уснул, не то просто забылся, в общем — провалился в яму безвременья и беспространствия. И случилось ему вдруг видение, что он будто бы в какой-то полутёмной келье, а перед ним сидит белый как лунь длинноносый согбенный старец — не то монах, не то волхв, не то... а может, то, другое и третье в одном лице сразу, смотрит на него внимательно не без хитринки и не без язвинки произносит: «Зачем пришёл? Тебе и так всё известно. Терпи и ничего ни от кого не жди! Молчи! А теперь иди!».

Тут наш герой мгновенно очнулся, незримо содрогнувшись то ли телом своим, то ли душой: «Ничего себе... зачем пришёл... молчи... иди!» И это всё от него, от этого вот малороссийского вещуна! Некоторое время наш герой просидел неподвижно на месте, озадаченно размышляя об услышанном от призрачного старца, потом не без труда встал, разминая подзатекшие ноги и неподатливую спину, и пошёл прочь, будто исполняя наказ келейного пророка, от двусмысленного памятника, а уж куда, он и не знал, наверное, в московское сакральное... *никуда*, — оно ведь тоже есть, более того — очень даже иной раз выручает всяких городских бедолаг, неожиданно даруя им ни с того, ни с сего непредсказуемые ответы, разумеется — химерические!

«То-то ещё будет!», — вдруг подумал про себя наш вынужденный отшельник, он же и принуждённый зачем-то вестник, да ещё и не от мира сего, бредя, который уже раз в жизни по закоулкам притягательно коварного города, стараясь ни о чём вокруг безжалостно текущем не помышлять,

что вовсе не значило, что ничего *такого* не происходит, а ничего *того* непременно не случится.

И произойдёт, и случится, однако — *что?* «И *это*, и *то*, как и не *это* и не *то*, а *иное*, в котором и *это* будет, и *то*, а ещё будет и *другое*, как раз *то самое*, о чём и помолчать незазорно, — вяло медитировавший на ходу метафизик вдруг зачем-то оглянулся по сторонам, оберегая свои мысли от возможного в них чьего-то проникновения, — ничего не поделать, взятый человеком, миром, Россией путь будет непременно пройден, как раз туда — в запределье, а там уж... э-э... как Бог даст!»

Задумывшийся мыслитель не заметил, как вышел в своё личное городское пространство: привычное, близкое, родное! «Как жаль, что безумие всю управляет разумом, а разум всю служит безумию, отчего и надежда ныне лишь на техногенный «искусственный разум», с которым, возможно, не станет безумия, но с которым не останется и самого разума. Что же тогда будет, когда ни безумия тебе, ни разума, ни фрейдов с кашенками и их благодетельными психбольницами?»

Тут как раз наш герой оказался перед хорошо ему знакомой с глубокого детства «их» и «его» станции метро, когда-то конечной, куда незамедлительно и нырнул, успев надеть на лицо тряпичную маску, а на руки натянуть резиновые перчатки, чем и обеспечил себе спасительное алиби, даже не пытаясь ответить хотя бы мысленно на возникшие в его волнительной голове интригующие вопросы.

Зачем, ежели это никому не нужно, а кому нужно, тот и сам всё поймёт, правда, когда уже поздно будет?!

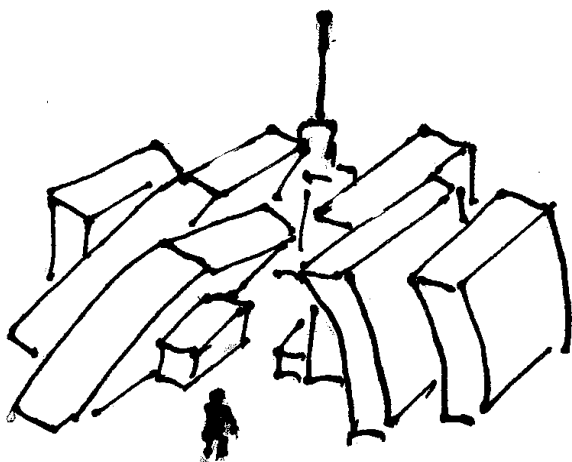
Подземка, стремительный бег гремящего и свистящего поезда, мёртвые глаза обречённых на бессрочную нежизнь осмартфоненных пассажиров!

«Что будет? — думал про себя наш герой, сидя на удобном метровском диване, — смятение будет, заваруха будет, последняя схватка будет — *«нечта»* с *«ничтом»*, а вот победы ничьей не будет, как и самой по себе ничьей тоже не будет, вот тогда-то или чего-то не будет, или совсем ничего не будет!».

Выйдя на станции назначения, наш герой, влившись в обгонявшую и подталкивавшую его толпу спешащих ничевоков, ни о чём *таком* уже не думая, выбрался наверх, на поверхность не то Земли, не то какой-то другой планеты, где и исчез, — никем не замеченный и некому не нужный, — в глумливо урчавшей пустоте железобетонного человейника.

Вот и сбылось, как раз то и так, чего и как он совсем и не хотел!

Судьба — сила!

Эпиграф

Книги рождаются по-разному: как заранее задуманные, как возникшие уже в ходе творческого мыслиизъявления или просто скомпонованные из ряда ранее сотканных произведений, как и, разумеется, в переплетении всех возможных путей-дорожек, что и произошло с настоящей книгой, в которой сплелось всё сразу: и априорно задуманное, и вдруг самовозникшее, и неожиданно присовокуплённое, однако книга сия вовсе не конгломерат, не сборная солянка, не ловкое попури из не спетых песен, а собрание хоть и разного, но вполне себе друг другу сродственного, вышедшего

из одного идейно-концептуально-воззренческого очага, — и как идейно-смысловое целое она вполне себе едина!

Книга писалась неким автором (сонмом авторов), но она писалась и *сама*, то бишь писала *саму себя*, более того, она писала ещё и ... *самого автора (самых авторов)* почему нет, коли было что ей писать, кого писать, о чём писать, по какому поводу писать, ну и постреливать по сторонам, зная куда и во что стрелять, каким и калибром!

Было!

Не было только одного — *кому* писать, да и то был найден выход: автор (авторы) и книга писали себе и писали ... *для самих же себя*, — и писали ради ... *вскрытия* ... да-да, именно **вскрытия**: да не какой-нибудь египетской мумии, не того же троянского холма, не конспиративной холостяцкой квартиры, не хладного подзаборного трупа, даже не случайно найденной и заржавевшей от времени банки американской тушёнки, нет и ещё раз нет, а всего лишь ради вскрытия (да-да, именно *вскрытия*!) вполне разумеется ментального, всего того, что обычно называется бытием, миром, реальностью, жизнью с сопутствующим им оригинальным ингредиентом — человеком с его сознанием, воображением, умом, знанием, словом, деяниями, эгрегорами, духами, богами, ноосферой, историей, мифами, ну и с бессознанием и безумием, а то и с полным сумасшествием.

Да, *вскрытие*, именно *вскрытие*, а вовсе не открытие чего-нибудь новенького под ту же нобелевскую сурдинку, никак нет, господа, не открытие, даже и под заманчивую нобелевку, а именно, чёрт его дери!.. *вскрытие*, как раз то самое, что позволяет ... нет, не только увидеть изнанку бы-

тия, мира, реальности, той же истории, не говоря уже о человеке, их нелицеприятную подноготную, что не так уж и сложно сделать, хоть и очень трудно бывает об этом открыто поведать, нет, не только, совсем не только... а-а... мало что убедиться, аккурат после и в итоге такового вот вскрытия, что всё перечисленное нами человеку не очень-то известно в своих исходах и основах, да ещё и вдруг обнаружить, что всё, почти всё или уж на крайний случай всё из вроде бы хорошо известного человеку... э-э... *совсем другое* — как раз *иное* — ИНОЕ! — а то, что человеком разумным признано и принято на своё ментальное вооружение как внешнее или внутреннее объективное, есть не более чем... *иллюзия*, да-да — ИЛЛЮЗИЯ!

Нет, уважаемый редкий читатель, а по преимуществу всего лишь не частый перелистыватель книги, а то и попросту сладко засыпающий под невнятный шелест книжных страниц благодушно настроенный гражданин родной страны, нет, ни автор (авторы) книги, ни её главный герой, ни их непременные симулякры, вовсе не льстят себе верою в то, что смогли решить невыносимую задачу грандиозного миропрозекторского мероприятия, однако ничто не мешает им быть немало уверенными в том, что вскрытие таки состоялось и обнаруженное там — внутри, в запределье, в неизвестности — вполне переворачивает представление о сущем, существующем, вездесущем, нигде не существующем, вообще не сущем, в общем, когда всё *это* известное вовсе *не это* и *не то*, даже и *не третье*, а... какое-то... *иное*, человеку разумному для определения и словоисчисления совсем и недоступное!

И что из всего этого? Какой же тут навар?

Да уж, почти что и *никакой!*

Разве лишь видеть невидимое, слышать неслышимое, замечать незамечаемое, — что, впрочем, хоть вовсе для нас и не мало, но вовсе для мира и не ново.

Однако, есть и кое-что другое, самое как раз трудное и, конечно же, практически неисполнимое: подняв человека до восприятия *Иного*, обеспечить, пусть и не всем, а лишь малому числу, даже и немногим, чуть ли не единицам, возможность ментально оказаться в куда более *реальной (и истинной!) реальности*, а затем, уже по истечении сакрального срока, весьма уже придвинутого вовсе не так уж безмятежно текущими реалиями и внезапно вдруг явленного в нужный — уже и роковой — момент остаточному человеку, оказаться по существу уже *иными*, не такими, как это происходит сейчас с ныне мутирующими насельниками Земли: то ли с её обанкротившимися аборигенами, то ли с её корыстными захватчиками, то ли с её паразитарными откормышами, в общем — *иными* оказавшимися вдруг воистину *ино-образными*, а не *новобезобразными*, что уже давно льётся через край на матушке Земле, включая и Россию, да так льётся, что дух весь экзистенциальный напрочь захватывает!

Иное — это иное понимание всего сущего и не сущего, иное в мире деятельное движение, иная ответственность за бытование, деяния и демиургию, ну и иной в итоге от всего этого результат!

Какой же?

Время, которого, кстати, уже и нет, всё и покажет!

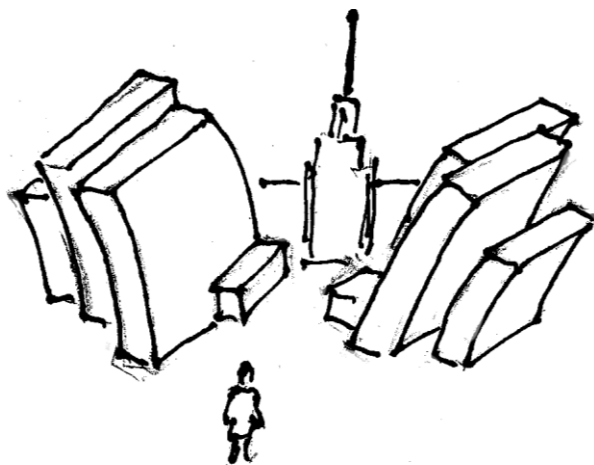
Отшельник

Он верил, ждал, алкал —
Галерный раб!
Надеясь на признание
Трудов своих окровавленных,
Не тут-то было:
Одно гнетущее молчанье
Наградой беспощадной ему было.
И он ушёл — из мертвенного плена,
Оставив душный смрад его
Смердящим!
И в грозной тишине,
В уединенье роковом
Он карту вещь тащил
Из золотой пророческой колоды!
На карте сей был царь изображён —
Червовый!
С известным страстотерпцу ликом —
Как раз галерным!
Не славу громкую сулил
Царь бородатый,
А чёрный бриллиант —
Залог забвенья!
На том всё и сошлось:
Надежда, вера, стогны,
А что в остатке?

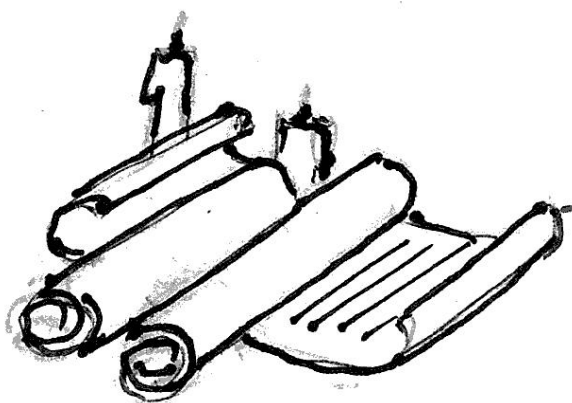
Ничего!
До срока!
Как принято у вещей мудрецов —
Послов пристрастных злого иномирья!

Июнь 2021

ИЗ БЫЛОГО

(вспоминная градуице)

1

Родился наш герой в большом хорошо известном в стране южном городе, привольно стоящем на тоже большой и тоже хорошо известной вольной русской реке, давшей приют и имя славному русскому казачеству, первому в стране, и родился он — наш герой — в первый год Великой войны, а когда в следующий год войны к городу подошёл враг, то был, грудным ребёнком, эвакуирован на руках матери, под бомбёжками и с поездными крушениями, аж в среднеазиатский, тоже большой и известный город, откуда, переболев малярией, попал с отцом и опять на руках матери в Москву, тоже, сначала в солнечное летом и морозное зимой Подмосковье, а потом, отпраздновав со взрослыми Великую Победу в Великой войне, и в саму Москву, в Хамовники, где и благопристойно вырос.

А в 14 лет неожиданно для себя оказался вдруг в среднерусской деревне, куда отец его добровольно подался поднимать изрядно подзапущенное, если не поруганное и не измотанное, село с его кое-как вершившимся хозяйством и очень нелёгкой в те времена жизнью, — и подъёма вверенного ему села, а точнее даже — расцвета, к слову сказать, отец-подвижник таки добился, конечно же, не без невероятных усилий, стойкого героизма и будничного самопожертвования, потратив на это не три года, не пять лет, не десять, а аж семнадцать, прибыв на село 45-летним, а отбыв из села обратно в Москву уже 63-летним, да и то не по своему желанию, а по воле предавшей его партноменклатуры (уж больно самостоятельным для неё и независимым от неё был!).

Закончив сельскую школу, — вполне, кстати, добротную, — наш герой, оставаясь в деревне, подумывал о, скажем так, сельской, по примеру отца, карьере, отчего даже поступал сразу после окончания школы в аграрную академию, на экономический, но возмущённый фактом его вполне сознательной «валки», забрал, демонстративно схватив «неуд» на очередном экзамене (проваливаться, так уж с музыкой!), свои вступительные документы и через какое-то время, всё ещё живя и трудясь в деревне, вдруг осознал, что сельская жизненно-трудовая стезя его более никак не привлекает, что и побудило его вернуться в Москву.

Прощаясь с отцом на железнодорожном вокзале областного центра холодным ноябрём 1959 г. и молча слушая совет отца побыть какое-то время в Москве и возвращаться обратно в деревню, герой наш хорошо тогда сознавал, что уезжает в Москву навсегда, отчего и не сказал отцу на этот счёт ни слова.

Да, отец не благословил отъезда сына навсегда из деревни, хотя, наверное, и понимал сыновнее намерение отбыть на поиск иной, уже не сельской, жизни, как когда-то сделал и сам, покинув в девятнадцать лет родную орловскую деревню, правда, по причине наступивших тогда — в 1929-м — коренных сельских пертурбаций, но зато сына благословила мать, сказавшая нашему герою: «Поезжай, сынок, нечего тебе тут торчать!», — и сын уехал, и стался, кое-чего в итоге добившись, прямо скажем, совсем и не малого, но, заметим особо, *совершенно самостоятельно и морально вполне достойно!*

Сказались, видно, добрые гены — от выдающегося отца, от незаурядной матери с её казачьими дворянскими корнями, да и вообще от разных предков, включая и угрофинских, и украинских, возможно, что и тюркских, а по некоторым данным и «варяжских», чуть ли не рюриковских (долгоруковских), это по отцу. Кто тут чего на самом деле досконально знает, кроме того, что герой наш всем своим организмом, включая и тело, ум, душу, слово, всё своё сознание, человек, конечно же, *абсолютно русский!*

Вообще, заметим, русский — вовсе не только носитель русского языка и русской культуры, то бишь феномен лингво-культурный, всего лишь, как принято у интеллигенции говорить, собирательный, это ещё и сугубо этнический феномен, племенной, наследный, «кровяной». Можно сколь угодно много приводить примеров обрусевших иноплеменников, ставших вполне себе и русскими, но куда деть тьмы коренных насельников земли русской, как раз и несущих в себе и в своей экзистенции невыветриваемую и неистребимую *русскость*, то бишь *русских по крови*, никакой другой крови в себе и не представляющих? Ответ: *некуда!* Русский есть *русский* — и всё тут!

2

Герой наш был с положенного возраста комсомольцем, как, собственно, и большинство окружавших его сверстников. Комсомол («Коммунистический союз молодёжи») был явлением хоть и политическим, но более всего просто цивилизационным, гражданским, даже и экзистенциальным, и ничего экстремального ни в факте его наличия,

ни в факте в нём присутствия тогда не было, наоборот: школа жизни, воспитание личности, опыт совместности, участие в общих делах.

Сын коммуниста-подвижника, герой наш закономерно, убеждённо и с лёгким сердцем стал комсомольцем, побывав даже комсоргом на селе, а потом и комсоргом в вузе, мало того, одним из немногих в то время стал, будучи студентом, коммунистом — членом КПСС (исключение!). Но это не всё: уже аспирантом был призван партией послужить комсоргом всего вуза, да не как-нибудь, а профессионально, да и по сроку не один, а целых три года. Работал много, разнообразно, получил исключительных жизненный, управленческий и, скажем так, номенклатурный опыт, ни на миг о своём пребывании на высоком посту потом не пожалев — на всю жизнь хватило большой экзистенциальной школы!

К чему сей рассказ? Помимо формирования личности нашего героя, важно ещё и кое-что другое: герой наш, отлично себя зарекомендовавший как управленец-гуманитарий, не пошёл, хотя и имел серьёзные предложения, по номенклатурной стезе, а предпочёл вернуться в аспирантуру, на два оставшиеся года, чтобы заняться диссертацией, но не ради самой диссертации, а ради движения по сугубо научной (научно-преподавательской) стезе.

Вернулся, год восстанавливал учёную форму, начав, не поверите, с чтения учебников, год писал диссертацию, и, оказавшись обычным аспирантом, почувствовал всеми фибрами своего сознания, что значит... спуститься вниз, наземь, стать таким же, — в аспекте возможностей, — как и

все вокруг, то бишь перестать быть важной единицей власти.

О-о, это совсем, знаете ли, не просто и очень даже тяжело: только что ты *всё* и *весь*, но вдруг... *ничего* и *никто*! Хорошо тогда понял наш герой всех отставников — вольных и невольных, а впоследствии хорошо понимал и отставленного грубо, незаслуженно, даже и мерзко, своего отца (особая история!), а главное, заимел великий урок на всю жизнь, что это такое — падать, пусть в его случае и добровольно, и весьма сносно пережить сие падение и снова подняться, для нашего случая по другой уже стезе — не номенклатурной, а научно-педагогической, но, заметим, тогда бывшей не более чем в его личной проекции, вовсе ещё реально перед ним не возникшей.

3

Кончилась аспирантура, диссертация ещё не была готова, возник вопрос места работы. Можно было бы... но он не хотел, нет, не хотел обращаться к сильным мира того, его хорошо знавшим и готовым вроде бы ему помочь, и он пошёл обычным путём, пусть для него и не таким уж обыкновенным (в номенклатуре ведь побывал!).

Обратился по поводу работы к своему научному шефу, заведующему кафедрой, как раз той самой — ему родной, тот ответил, что рад был бы, да вот ставки свободной нет, обратитесь, мол, милейший, к руководству факультета, если дадут ставку, то, конечно же, с превеликим удовольствием.

И вот идёт наш герой по коридору факультета, а навстречу ему декан, которого наш герой, будучи студентом, покритиковал как-то за манеру чтения лекций, правда, тогда не бывшего деканом, а бывшего просто доцентом, запустив сию критику перед одной приятной во всех отношениях дамой, с которой вполне доверительно общался, и которая при случае взяла, да и... выдала его доценту: «Вот он, тот самый N, который говорил, что ты плохо читаешь лекции. А вы, N, — обратилась она к студенту, — не бойтесь SS, он хороший человек и мстить не будет!» Вот оно, женское коварство! Явно недовольный доцент, бывший на войне политруком и ставший там инвалидом, только буркнул в ответ: «Да-а, нехорошо выдавать своих!» И вот теперь, в тот замечательный сюжетно-исторический момент, наш герой обращался к этому человеку, декану, рассказав ему в двух словах о своей проблеме. И получил чёткий ответ: «Нечего тебе делать на зарубежке, пойдёшь на политэкономия!», что означало, стало быть, на кафедру политэкономии. Сказав сие, декан, повернулся и пошёл, хромая, дальше. Ну а наш герой вскоре стал преподавателем (ассистентом) кафедры политической экономии, что его вполне и устраивало.

Ничего вроде бы особенного, но зато какво: по-человечески, по-доброму, по-товарищески — мгновенно, без никакой маеты и, знаете ли, без всякой мести. А дама-то, очаровательная и дерзкая, оказалась права!

Октябрь 1974 по октябрь 1975 гг. с перерывом на каникулы в июле-августе 1975 г. Научная стажировка во Франции. Сначала, в период двух-трёх-месячной адаптации, тяжковато, хотелось даже обратно, домой, это из благословенной-то Франции, из манкового-де Парижа! Потом случился перелом, настала полная адаптация — француз, парижанин, унизанная впечатлениями, деяниями, событиями, даже и кое-какими происшествиями, жизнь. Вышло, получилось, сбылось! Что же? Да как раз то самое — *насыщенная полноценной жизнью жизнь*, не исключавшая ни риска, ни приключений, ни промашек, ни, естественно, удач, не говоря уже об эмоциях, душевных волнениях, выплесках возбуждённого ума. В общем, счастливое для 33-летней мужской особи времяпрепровождение, вполне и трудовое, и полезное, и эффективное.

Пришло лето 1975 г., подошло время каникул. С радостью отбыл на родину, поездом, с Северного парижского вокзала, через Бельгию, Германию, Польшу, потом Белоруссию с её Брестом, через Смоленск в Москву, везя кипы материалов, книги, рукописи.

Прибыл и... *обмер!* Нет, ничего экстраординарного, всё как было, всё было и хорошо, кроме одного на тот момент — *острого ощущения отсутствия личной* (именно *личной*, даже *личностной!*), вполне и *экзистенциальной, свободы*, мало того, не менее острое ощущение *неизбежности*, — и тоже *личной, личностной*, — *несвободы*, тоже *экзистенциальной*, и вовсе не специально *твоей*, а вполне

себе *общей*, как раз той самой, которая окружает, охватывает, обнимает, держит человека, будучи прозрачной, невесомой, невидимой, но зато такой крепкой и неодолимой, причём всё равно где, в какой стране, в каких домах, в каких окаёмах.

И... *взвыл*, буквально *взвыл*, просыпаясь ночью, не слишком громко, конечно, но ... *выл*, для себя и своей души вполне себе и выразительно — не мог сдержаться, и заболел — какой-то упорно не проходившей простудой, и проболел все каникулы, и уехал обратно в Париж не вполне здоровым, и вполне выздоровел вдруг только там — в Париже, аккурат под свой день рождения, вновь обретя чаемую свободу, но... обретя её уже другим человеком — *преображённым*, вовсе не расслабленным, а наоборот сосредоточенным, сжатым, волевым, вполне уже готовым к бесконечной схватке с экзистенциальной несвободой, но вовсе не ради внешней свободы, на милейший призрак, которой у него было ещё два месяца, а ради жизни своей и своих близких, которая не могла быть никакой другой, кроме как несвободной, что не значит, что какой-то невыносимой. Тут уж вопросы были не к товарищу Сталину и не к КПСС, а к самому Господу Богу — почему же так?!

И когда через два месяца, закончив триумфально свой стаж, он возвратился вновь на родину, то уже не выл, не стонал, даже не сжимал челюсти, вполне созревший для встречи с уже поджидавшей его несвободой с её неизбежностью, беспощадьем и благодетельностью.

Да-а, непростое это испытание — *свободой*, кое-кто и не выдерживает, а он, наш герой, выдержал, хоть и с воем, но выдержал — почти как Робинзон-отшельник!

5

Во время научного стажу нашего героя в Париже для стажёров-иностранцев организовывались разные экскурсии по городу и его окрестностям, в которых наш герой частенько участвовал. И вот однажды состоялась экскурсия в еврейский квартал, расположенный в центре Парижа, за Сеной, рядом с Сите.

Задел тогда воображение будущего отшельника расположенный там мемориал, посвящённый холокосту, но задел не только своей печальной заданностью, что понятно, но и вызванным им размышлением о жертвенной судьбе его — нашего героя — народа, причём в аналогичном с холокостом ключе: рассказывание, раскрестьянивание, разрусачивание, расхристианизация, расцерковление, и всё это с ликвидациями, высылками, закрепощениями, не говоря о том, что творили еврацисты со славянскими народами, включая и русский, во время Второй мировой войны — чем это отличалось от холокоста?!

Да и сейчас, когда пишутся эти строки, творятся более чем странные дела, уже глобо-космополитического толка, не просто по вектору раснационализирования, но и вообще расчеловечивания, вовсю подкрепляемые технотронной, цифровой и даже коронавирусной пандемиями, не говоря о самой жуткой из пандемий — френической!

Как ни крути, а сегодня время и в самом деле уже «Время „SOS“», когда не просто пандемии поползли по зёмному человечеству, а раскручивается самая настоящая «Охота на людей», вполне себе и субъектно-субъективная, аж под идейной эгидой самой ООН!

Что же касается непосредственно русско-российского народа, то где-то в первые 2000-е годы, появилась вдруг одна очень примечательная статейка, писаная не кем-нибудь, а бывшим провозвестником нового в России капитализма, бывшим перестроечным революционером и первым мэром постсоветской Москвы, а потом и заядлым социалистом и большим патриотом, и называлась сия статейка «Русский холокост», вполне в общем-то справедливая статейка, на которую наш герой ответил другой статейкой — «Русский вопрос», солидарной в целом с первой статейкой, но отличной тем, что не нажимала на феномен как такового холокоста применительно к русскому миру, но зато не прошла мимо жертвенной участи родного нашему герою люда.

Характерно, что на статью «Русский холокост» не стало в России особо заметных откликов и комментариев, хоть со стороны антисоветчиков, антисталинистов, и правозащитников, хоть со стороны тех же русофилов, антифашистов и вообще гуманистов, а ведь их, всех этих глашатаев безыстиной истины, в стране полным полно, хоть пруд ими пруди, однако... тсс!.. *молчок!*

Да-с, два вроде бы богоизбранных народа, а у одного — *холокост*, а у другого — *принесение в жертву*, — не слабо!

1982 г. Париж. Гранд Опера. Наш герой, будучи чуть ли не почётным гостем Франции, принимаемым самим МИД`ом, на прослушивании оперы «Чио-Чио-Сан» с выдающейся мировой звездой англо-филиппинского происхождения в заглавной роли. Вместе с ним другой гость МИД`а — профессор искусств из Венгрии, хорошо говоривший по-русски, бывавший в СССР, с которым у нашего героя сразу возник дружеский контакт (как-никак, а оба были из соцлагеря!). Гости МИД`а были в театре не одни, а в сопровождении очаровательной МИД`овской сотрудницы — гида. Всё было чин-чинарём, включая прекрасное, полное драматизма, исполнение мировой оперной дивой очень непростой партии несчастной японской женщины. Что не оказалось «чинарём», так это совершенно неуместная и весьма вызывающая своей неуклюжестью шагаловская роспись потолочного купола оперного зала, в целом выполненного в барочном стиле (в общем, как говорится, что седло на корове или на козе). Вот оно — беспардонное вторжение постмодернового безобразия в модерновую (человеческую!) красоту, закончившееся малевическим «чёрным квадратом»!

И как всё-таки стильные де французы могли на такое решиться, как, впрочем, когда-то на Эйфелеву страхолудину, на стеклянную пирамиду во дворе луёвского Лувра, на модерновы́й Дефанс или тот же бункерообразный новый музей импрессионизма?! Неисповедимы пути шарма французского!

1982 г. Париж. Посещение театра Сары Бернар по случаю балета «Волшебная флейта» в постановке самого Мориса Бежара. По приглашению французского МИД'a и в сопровождении всё той же очаровательной министерской сотрудницы — гида. Итак, на сцене идёт балет, в зале звучит музыка Моцарта, всё это в великолепном классического стиль театре. На сцене что-то происходит, что-то вроде танцев, а может, просто некой паратанцевальной пантомимы. Современное бежаровское искусство! Скучно, тяготно, невыразительно! Совершенно невыносимая — однообразная и пилообразная — музыка, нескончаемые повторения танцевальных па. В общем — тихий, занудный, скрежещающий дурдом! Герой наш, сидя на бельэтажном месте, в ложе... не находит себе места от изнурительных со сцены издевательства. Дама замечает что-то неладное: «Вам, не нравится спектакль, NN?». Гость раздражённо: «Это ужасно, мне просто не по себе!» «Может, уйдём?». И они уходят из театра, прогуливаются по набережной Сены, говорят о театре, искусстве, о том же Бежаре, через часок дама берёт такси, наш же герой предпочитает отправиться домой пешком по вечернему Парижу, благодарит даму, они прощаются: «Я вас понимаю! — говорит на прощанье милая французенка, — и очень вам сочувствую... э-э... и вашему отношению ко всему этому тоже!»

1982 г. Париж. Одно из воскресений мая. Согласно МИД`у его гость не должен скучать. В этот день у него прогулка по городу как раз с той самой очаровательной дамой, что была с гостем МИД`а в опере и у Сары Бернар. На вопрос, где бы гость хотел прогуляться по Парижу, наш герой предлагает заглянуть в парк Монсо. Едут на такси к месту назначения. Парк знаменит тем, что по нему там и сям расставлены памятники выдающимся французским писателям и композиторам. Известное, в общем-то, место в Париже. Знакомое и нашему герою. Но у него цель: рассказать милой даме о книге Валентина Катаева «Алмазный мой венец», в которой он описал, прибегнув к вымышленным и не очень прозвищам известных писателей и поэтов ещё довоенного времени, не очень-то щадя их самолюбие, а в конце своего повествования, воспользовавшись оригинальным концептом парка Монсо, разместил как бы вместо французских памятников фигуры героев своей книги, личности которых, конечно, были вполне в общем-то угадываемы, а это были Есенин, Маяковский, М. Булгаков, Олеша, Бабель и другие подобные им персонажи, чем сделал пусть и беллетристический, но великолепный мемориал в общем-то дорогим ему людям, заодно и выразив им свою, уже оголённую, привязанность. И что важно: разместил мемориал в Париже, в Монсо, за границей, как бы в эмиграции! Сильно, загадочно, смело! Сопровождавшая нашего героя дама, хорошо знавшая русскую литературу, была весьма удивлена сему мемориально-беллетристическому факту и премного благо-

дарна за экскурсию, которую сделал для неё МИД`овский гость Парижа из СССР, что и было закреплено скромным обедом с превосходным французским вином в одном из ближайших к Монсо ресторанчиков. Дама выразила желание непременно прочитать сию знаменательную книгу. Ай-да Катаев, ай-да сукин сын!

9

1987 г. Круглый стол, проводимый студенческим в 1960-е гг. наставником нашего героя (Франция!), на тот момент главного европеолога в общем для них обоих заведении. Обсуждалась по уже установившейся традиции Европа с её разворачивавшейся тогда европейской по типу интеграцией, а заодно и отношение уже перестроенного СССР к этой самой объединявшейся Европе. Общий пафос: интеграция в Европе набирает обороты, как, собственно, на самом деле и было, с Европой надо дружить, а для некоторых участников заседания и как-то с Европой интегрироваться, а то и активно, который уже раз в истории, самым европеизироваться. Наш герой, будучи в то время одним из ведущих администраторов на родном факультете, как и, разумеется, тоже европеологом, вдруг нежданно-негаданно произносит: «С Европой, конечно, надо взаимодействовать, но не забывая о себе, своей специфике и своих интересах, мало того, с Европой надо вообще быть поосторожнее, а уж европеизироваться вновь по её новейшим лекалам нам вовсе не пристало!». Шок не шок, но явное удивление в аудитории: что это вдруг «европеец» так заговорил?!

Прошло два десятка лет. Международный (так называемый Родосский) форум, проходивший, как ни странно теперь звучит, в славном городе Одессе по теме: «Большая Европа». Заходит речь о чуть ли не единой Европе «от Атлантики до Урала», а то и дальше, аж до Тихого океана. Выступая, наш герой заметил: «Две империи, — одна западноевропейская (со своим «четвёртым Рейхом»), а другая, восточноевропейская (российская, пусть и наполовину европейская), — никогда не то что не сольются, не уничтожив походя одну из соперниц, но даже и не сойдутся «по-сестрински», что не исключает взаимодействия, но, не дай Бог, какого-либо союзничества». И опять у аудитории недоумение: только-только вышли на «Большую Европу» и на тебе! Однако кое-кто всё-таки внимательно выслушал нашего героя и кое-кто, кажется, что-то понял.

И что же имеем сегодня — в 2020-ом? Мало того, что Украину милейшая Европа подвела... нет, не под монастырь, как гласит пословица... а всего лишь под «добровольную колонию», так ещё и Белоруссией занялась, с той же целью, да и с Россией, мягко выражаясь, не церемонится. А то всё партнёры да партнёры... с санкционным-то стилетом за пазухой!

10

1989 г. Ленинград. Научная конференция в актовом зале университета. На трибуне наш герой: «Мы должны признать, что проиграли в холодной войне». В зале не то чтобы шок, но явное недоумение, смешанное с неудовлетворением. И что же стало ясно потом, через какое-то вре-

мя: «Проиграли-таки и вчистую!» Иное дело, что не так, быть может, проиграли, как попросту были сданы, если не проданы, но ведь сами же подошли к самоликвидации, определившей сей великий и совершенный проигрыш, отрицательно сравнимый лишь с Великой победой в Великой войне, одержанной, особо заметим, всё-таки *другой* страной — *не этой*!

11

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. Сначала был вроде бы разгар перестройки, потом её сумрачный ход, затем случился и её бесславный конец. Будучи тогда администратором от науки, наш герой организовал постояннодействующий научный семинар по поиску новой экономической парадигмы, не пренебрегая насовсем социализмом и не впускаясь безоглядно в капитализм.

Среди участников семинара были заметные тогда молодые и не очень молодые, даже весьма уже и зрелые, учёные, среди которых ныне хорошо известные в стране и за рубежом персоны, имена которых аж страшно произносить — такими сии имена стали выпуклыми, не то, что заметными.

Говорили, слушали друг друга, обсуждали, но и книжки актуальные пописывали, такие, как «*Экономическая свобода и социализм*» (1991), «*Принципы хозяйственной самоорганизации*» (1993), «*Переходы и катастрофы*» (1994).

Пути-дорожки участников семинара разошлись со временем по разным сторонам актуального бытия: кто в высшей школе и в науке остался, достигнув немалых учё-

ных вершин, кто на госслужбу подался, поднявшись до высоких высот, кто в большом бизнесе ненароком оказался.

Нет, в группе сей не было никакого единомыслия, зато были общий учёный интерес и плодovitое сомыслие, но само это событие сталоь мало что значимым, а по-своему и выдающимся, — уж поверь, читатель!

12

В книжке *«Экономическая свобода и социализм»*, изданной в конце 1991 г., по создававшейся в 1990 — начале 1991 гг., наш герой, по инициативе и под редакцией которого и была выпущена сия книга, опубликовал вместо послесловия весьма любопытный текст под названием *«Перестройка или апокалипсис?»*, на что обращается здесь читательское внимание. Заметим: «Перестройка или апокалипсис?», причём та перестройка, о которой тогда шла речь, к выходу книги в свет уже закончилась событиями 1991 г., ГКЧП и разгромом СССР, то бишь как раз яростным апокалиптическим выплеском, а дальше уже пошла напрямую прозападно-капиталистическая перестройка, которой оказалась предусмотрительно ниспослана, другая, тоже, так сказать, апокалиптическая, коллективная монография *«Переходы и катастрофы»* (1994). К чему всё это? А к тому, что уже тогда наш герой с коллегами провидчески распознавали проходившую перед их не замутнённым научной догматикой взором («апокалипсис», видите ли, «катастрофы»!), о чём главе нынешнего российского государства официально довелось заявить лишь через три десятка лет — причём как

о крупнейшей в мире цивилизационной катастрофе конца XX века!

А тогда никто из действовавших апокалиптически властей и апалиптической же реформы предрежащих такого рода аполиптические откровения от независимых учёных вовсе и не замечал!

13

Рубеж 1980—1990-х гг. Загородная конференция социал-демократического толка. Одним из участников собрания оказался индеец, учившийся в СССР, знавший русский язык, уже имевший кое-какой бизнес (индо-советский). Разговор в кулуарах. Индеец говорит двум-трём советским собеседникам, среди которых и наш герой: «Что вы делаете, вы разрушаете лучшую страну в мире, самую свободную и справедливую! Я знаю и Запад, и Восток, я жил в США, в Англии. Там лишь ложь и лицемерие. Надо быть сумасшедшим, чтобы связывать себя с Америкой или с Англией. Американцев и англичан интересует только выгода, для них нет никаких моральных устоев. Они всё обязательно расскажут, лет так через двадцать-тридцать, кто, как, за что сдавал и продавал свою страну, как они уже это сделали с тем же предателем Пеньковским. Не делайте роковой ошибки, не разрушайте СССР!». Да, тогда речи о ликвидации СССР не шло, хотя чем-то предательским сильно уже пахло в перестроечном воздухе, а индеец этот что-то такое уже видел, может, и знал, а потому и предупреждал, ну а вскорости выяснилось, как он был прав, а уж сегодня...

что об этом говорить, но что важно — западнизм в России не унимается, — и в этом *что-то* есть!

14

1990-й год. В свет выходит книга нашего героя *«Опыт философии хозяйства»*. Следом выходит под названием *«Философия хозяйства»* другая книга, впервые переизданная с 1912 г., как оказалось, книга предшественника нашего героя, как раз того самого — основателя нового тогда течения гуманитарной мысли, да и сейчас остающегося всё ещё новым — через сто лет!, — вот какова сила непробиваемых научно-кристаллизованных лжеубеждений, — течения мысли, первопроходца, сумевшего в том же 1912 г. защитить одноимённую докторскую диссертацию, да не где-нибудь, а в Императорском московском университете. А у нашего героя случилось переоткрытие сего течения мысли, нарочито и со страхом загнанного советскими марксистами в паскудно-послереволюционное время даже не в околонаучную тень, а в самый что ни на есть настоящий спецхрановский, то бишь тюремный, застенок. И произошло это переоткрытие во всём том же первом и ведущем в стране высшем, давно уже мирового уровня, учебно-научном заведении!

Заметим, что у нашего героя получилась более научно-философская работа, а у его предшественника — более философско-метафизическая. Важное на тот момент различие! Читая по многу раз работу предшественника, наш герой вникал в её метафизику, которая со временем стала, немало переосмысленная, неотъемлемым достоянием живой ментальности нашего героя. Что ж, поучиться у великого

первопроходца, что-то важное от него воспринять, а через годы и самому кое до чего дойти, до той же Софии, до чего (или кого) великий предшественник дошёл сотню лет назад, за что и немало пострадал — что своими трудами, что лично — как вживую, так и посмертно.

Однако, книга нашего героя тогда вышла в свет, наделав немало шума (в то время выходившие в свет монографии быстро распространялись по всей стране, по библиотекам и магазинам, стоили недорого, были для учёных кругов в полном доступе, да и тиражи были тогда немалые). Где бы ни появлялся наш герой, везде он был принимаемым за «мистера ФХ», а иной раз коллеги специально приходили на него посмотреть — не как, конечно, на кинозвезду, а как на своеобразное учёное чудо (вовсе и не чучело).

«NN даже не понимает, что он создал, фактически дополнив и вполне закруглив учение Маркса» (мнение профессора и бывшего декана философского факультета в родном университете, переданное нашему герою).

«Вы написали замечательную работу, но аспиранты почему-то не берутся, к моему сожалению, за диссертацию по тематике книги» (мнение другого, весьма и весьма авторитетного философа, трудившегося как раз на родном факультете нашего героя, ему прямо и сказанное).

Зачем об этом здесь говорить? Нет, господа, вовсе не ради личной славы, а ради мысли человеческой, неожиданно являющейся, даже и признаваемой сходу в учёных кругах, но, увы, не находящей достойного себя в учёных головах расположения, а всё почему? — из-за неготовности, если не неспособности, её адекватного восприятия широким интел-

лект-контекстом, как и неготовности сего контекста ничего из подобного вообще воспринимать. Мифы им нужны, мифы, и чем надуманнее и проще, тем лучше! Отсюда и сакраментальное: *«Нет пророка в своём (да и не в своём тоже!) отечестве!»*

15

1992 г. У входа на родной факультет родного университета. Невольно подслушанная нашим героем фраза из громогласного разговора двух старых приятелей, из первого поколения студентов факультета, фронтовиков, профессоров, бывшего декана факультета и бывшего директора ведущего академического института: *«Что с нами делают?!»*

Как ни крути, а драма, — невыдуманная, ветеранская, да что ветеранская — экзистенциальная, — драма значительных людей, выброшенных даже не на обочину, а прямо-таки на свалку истории, да не вообще истории, а *их* собственной истории, той самой, которую они *сами* и творили, да вот не для себя и не под себя, а для *всех*, для *общего блага*, при этом веря в себя, в человека, в идею, в будущее!

И вот *такой* финал!

Устроенный тогда не только с ними, а со всей страной, причём не без участия некоторых выпускников и даже действовавших тогда профессоров мало что родного университета, но и родного факультета тоже, что и было особенно тяжело переживать этим значительным людям, не сдавшимся, нет, не переметнувшимся, не изменившим ни себе, ни их историческому делу, ни их родной стране, однако уязвлённым, оскорблённым, униженным.

Аз воздастся: что *этим* — отвергнутым и вроде бы тогда проигравшим, что *тем* — обрящим и вроде бы выигравшим, — каждому тут *своё* — по заслугам и по мере!

16

1992 г. Париж. Университет в Сен-Дени, на севере большого Парижа. Группа профессоров из ведущего московского вуза на лекции французского профессора (в рамках что-то вроде краткой стажировки с целью ознакомления с «передовой» западной наукой, в данном случае — с экономиксом). Следует учесть, что российские «экскурсанты» были уже немало знакомы с этой «наукой» ещё с выходом в свет в СССР в 1960-х гг. фолианта одного из тогдашних классиков, можно сказать, и гуру, математизированный версии экономической теории.

По завершении лекции два вопроса от слушателей. Первый: «А с какими проблемами вы сталкиваетесь при преподавании своего курса?» Последовал совершенно неожиданный для «русичей» ответ от французского коллеги после его некоторого размышления: «По завершении курса студенты меня спрашивают, а зачем вы это нам преподаёте?». Имелось ввиду, что реальность-то экономическая совсем другая! И второй вопрос со стороны многоопытных слушателей: «А сколько времени надо обучать студентов в университете, чтобы он вышел из него специалистом?» Ответ (опять после некоторого раздумья): «Пять лет». Вот те на, во Франции, как известно: $2 + 2 + 2$, то есть через два года выходит некий недоделок, через четыре — специалист, а через шесть — доктор (фактически лишь защитивший ди-

пломную работу специалист). Эти ответы поразили «москвитов», ибо они-то как раз стояли за классическую теорию с некоторой математической добавкой и за пять лет обучения. Вот тебе и стажировка, чуть ли не «хождение за истиной»!

Однако навязали-таки $4 + 2$ и в России вкупе с безграничной математикой, мало имеющей отношения к экономике, тем более, к реальной. Американизация, понимаешь ли, убившая не только свою, но и французскую, как и ту же немецкую, оригинальные науки, как теперь добывает и российскую. И ничего нельзя было поделывать: глобализация, видишь ли — насильственная, упорная, беспощадная! Ну и купля-продажа тоже вкупе с той же сегодняшней наукометрией, влёт убивающие всякое смысловое знание

Есть ведь экономические убийцы и экономические убийства целых стран, но есть и псевдонаучные мастера заплечных дел, а есть и их повсюду жалкие менеджериальные пособия, не имеющие к науке, не точно к мысли, никакого, кроме личного карьерно-меркантильного отношения. Они творят ныне в угоду всё тому же циклопическому глобальному центру сетевую цифровизацию, ничего в ней толком не понимая и не видя-де от неё никаких негативных последствий. Очередное убийство, но на этот раз уже самого человека с его уже изрядно затуманенным мозгом и уже весьма распрямленным сознанием!

17

1992, может, 1993 г., во всяком случае до расстрельных событий осени 1993 г. По некоторой протекции нашему герою было предложено выступить по центральному теле-

видению — сходу, без записи, в открытом эфире. Он тщательно подготовился, ибо собирался говорить о происшедшем в стране, да так подготовился, что пришёл в студию... *со своим сценарием* (из вопросов и ответов). Ничего себе! Такого, судя по реакции долженствовавших с ним беседовать известной красавицы — телеведущей, бывшей актрисы и героини знаменитого фильма про неожиданную «тётю», донов Педров и массу бразильских обезьян, как потом выяснилось, казачки с волжских берегов (а наш герой тоже ведь был по матери казачком с нижнего Дона), и молодого интеллигентного человека, тоже телеведущего. Такого случая, видно, ещё с ними не было! Улыбнулись, прочитали, задумались. Мало что сценарий от самого интервьюируемого, да ещё *какой!* Не имели, видно, права, однако... первая решилась красавица-казачка: «А давай, попробуем!». Молодой человек подумал, подумал и согласился («А-а, чем чёрт не шутит!»). И пошло-поехало: не совсем точно, конечно, по сценарию нашего героя, но близко, весьма к сценарию близко.

А смысл был там такой: *не то* творят, *не того* страна желает, да и сама страна *другая!* «*Не знают они Россию!*». В общем, интервью, точнее бы сказать — беседа, состоялось. Расстались по-доброму, ибо оба ведущие были явно согласны с нашим героем.

Правда, после этого события красавица куда-то надолго пропала с экрана, и явилась на экран через годы, но уже не телеведущей, а лишь участницей каких-то телешоу, а молодой человек тоже пропал с экрана, хотя через какое-то

время объявился в роли корреспондента ТВ в Англии. Трудно сказать, повлияло ли это незаурядное происшествие на их судьбу или нет, но тогда случилось так, как случилось: смело, рискованно, даже и в наглую! Что касается красавицы, то она и сейчас, по прошествии трёх десятков лет, хороша собой, радуя время от времени любящих её телезрителей своим появлением на экране. Да-а, и такой экстрим бывает на ТВ: отвага не только города, но и ТВ берёт! Событий 1993 г., как и последующих «реформ» сия беседа, конечно, не предотвратила, но кто знает, какую роль и в чьём сознании она сыграла, да и с какими всё-таки последствиями: Россия как Россия, хоть и не благоденствует, но... *живёт!*

18

Нашему герою приходилось не раз и не два выступать по ТВ и на радио, беседуя с ведущими передач, и что примечательно, всегда в общем-то удачно — с точки зрения тех же ведущих и, в частности, работников студий, когда режиссёры и операторы выходили к нашему герою, благодарили его за, как они сами говорили, правду, во всяком случае, за откровенный разговор о реальном. Совсем нечасто такое бывает, когда сами телевизионщики выражают откровенное одобрение интервьюируемому оратору, да не как телевизионщики, а как просто люди, как граждане своей страны. И *всегда* ведущими говорилось об их желании продолжать встречи с нашим героем, но... Sic!.. *никогда*, слышите, *никогда*, даже одной новой встречи с ним не состоя-

лось (начальству, видно, было всегда виднее, кого снова приглашать, а кого, увы... нет, и наш герой всегда попадал во вторую категорию).

Сила, конечно, в правде, но правда не очень-то нужна законным «дежурным по стране», им милее даже не полуправда, а некое подобие правды, да такое, чтобы никто ничего не понимал, да и они сами тоже!

Пришло время, когда наш герой уже сам стал отказываться от приглашений пребывать в эфире, в особенности в коллективных ток-шоу. Однако сам всегда приглашал и приглашает многих известных по ТВ политологов и комментаторов к себе на научные «посиделки». С некоторыми даже устанавливались прочные товарищеские отношения. Любопытно, что выступающие у него звезды ТВ-шоу (причём самые, самые!) выглядят весьма и весьма... *другими*, куда более собранными, сдержанными и, можно сказать, ответственными: учёная аудитория, полная умных, знающих, понимающих и острых глаз, не просто обязывает к умственной строгости, а магически воздействует на ораторов, когда каждое слово и каждая мысль мгновенно попадает на невидимые, но оценочно точно покачивающиеся «весы справедливости». Кто сие испытал, тот знает: учёные сообщества, сплочённые общим творческим интересом, свободным мышлением и волей к истине — не то что не шутки, а... *сила*, причём *большая сила* — софийная, синергическая, жгучая!

1992 г. Париж. Беседа в ресторане с коллегой-другом, экономистом-аналитиком, прогнозистом. Франция готовилась тогда к всенародному голосованию за Европейскую конституцию, то бишь за Европейский Союз. Наш герой, будучи гостем у своего друга на обеде в ресторане: «Надо ли идти в единую Европу, ведь это явная угроза для Франции, её суверенитета и национального своеобразия?». «Безусловно надо, — решительно отвечает французский коллега-друг, — однозначно надо! Я буду голосовать за это!». Да, Европейский Союз возник, но... всё оказалось не так уж просто, и прежде всего для той же Франции, — и не только по причине исчезновения франка, того же государственного дирижизма с планированием, а из-за политического, да и вообще экзистенциального, кризиса, настигшего сей Союз вкупе с НАТО: нужен либо реально управляющий Европой единый паневропейский центр, то бишь Новый Рим, что невозможно, либо ЕС не более, чем блеф, могущий кончиться не только развалом «Единой Европы», но и её — Европы — исчезновением («единый европеец», кстати, так и не получается, да и вряд ли когда получится — самоидентификация тут, понимаешь ли, виновата, как у тех же французов), а вот что может и в самом деле получиться, так это... суррогатная исламизация Европы (Европа сама себя маниакально похищает, освобождая тёплое насиженное место как раз международному исламу). Есть у Европы и другая замечательная альтернатива — кажущаяся и не очень-то кажущаяся, разумеется, в новом, конечно, виде, *фашизация*, вполне, знаете

ли, и *квазиримская*. Впрочем, реально ли это, не поздновато ли? Остаётся тогда новая, но уже квазикрестовая, война Европы с исламом, как раз и вдохновляемая неофашизмом, как и его самого вдохновляющая, да вот возможна ли она всерьёз и надолго? Ах, эта бесхозная ныне Европа, столько всего натворившая, а теперь вот... э-э... один за одним бумеранги в неё летят, и что показательно... из Америки ведь тоже!

20

Вторая половина 1990-х. Москва. Студия на радио, называвшегося не просто так, а «Женское радио». Два учёных комментатора, отвечавшие на вопросы ведущей передачу дамы и звонящих в студию радиослушателей. Один из комментаторов — наш герой, другой — известный в стране интеллектуал, учёный-естественник и учёный-гуманитарий. В помещении, где идёт разговор, присутствует известный исполнитель романсов под гитару с драгметалловской фамилией и никому не известный молодой человек с птичьей фамилией, как выяснилось, пародист и при этом студент ведущего в стране московского вуза. Беседа шла успешно, живо, ритмично.

Периодически объявлялись перерывы, заполнявшиеся либо пением романсов, либо исполнением пародий. А пародировался не кто иной, как действовавший тогда президент страны, правда, вполне по-доброму. Делалось это весьма и весьма талантливо. Ради сего пародиста и весь этот сказ, ибо им был теперь широко известный всей стране безупречный пародист и удачливый телеведущий, всё такой же

талантливый, но зато куда как более яркий, выразительный и разнообразный, успевший к тому же стать молодым мужем уже весьма зрелой и не раз побывавшей замужем великой эстрадной певицы, как и обладателем крутого подмосковного замка с двумя очаровательными, хоть и весьма необычного происхождения на свет, детками.

Что же касается великой певицы и столь же великой сердцеедки, то у нашего героя состоялась-таки с ней мимо-лётная, но характеристическая, встреча, в одном из первых частных московских ресторанов, в середине 1980-х гг., глаза в глаза, когда наш герой, хоть и узнал во мгновение ока известную эстрадную диву, что и сама дива хорошо поняла, не счёл нужным её приветствовать, говоря, правда, в тот момент по ресторанному телефону, но зато ему удалось заметить в напряжённых глазах звёздной чародейки не одно лишь законное для такого случая недоумение, но и явно большой, пронизательный ум. *Явление, оно и есть явление!*

21

1997 г. США. Питтсбург. Заседание общества друзей ООН. Выступает наш герой, говорит о перестройке в СССР и реформе в РФ, рассуждая в аспекте остроты цивилизационного разлома и нахлынувшей на массы людей растерянности и безнадежности, не видя в глазах вроде бы слушающих его американцев никакой заметной реакции. После заседания, как водится, кофе, чай, водичка, кое-какая еда. К нашему оратору подходит один из слушателей, благодарит за интересный доклад и вдруг произносит: «А у нас тоже, наверно, случится что-то подобное вашей перестройке». За-

тем подходит другой: «А знаете, США тоже ведь развалиются». Вот те на! Оказывается, внимательно слушали, размышляли, да и выдали с глазу на глаз *такое*, прямо-таки шоковое! И никаких тебе институтов с фондами, грантами, исследованиями не надо — бац, и в точку! И что же мы видим сегодня в благословенной Америке, — не *это ли*? Пусть и не так, и не по-нашему, пусть «по-ихнему», даже и не то, совсем не то, но что-то очень уж *корреспондентное* вроде бы случайным (случайным ли?) откровениям если и не совсем простых, то вовсе не таких уж элитарных, американцев, вполне, тем не менее, глубокомысленных и проницательных. То-то ещё в Америке и с Америкой будет!

22

Начало 2000-х. Рим. Университет. Беседа с профессором экономистом-трудовиком (занимавшимся проблемами труда и трудовой занятости). Реплика среди разговора нашего героя: «Надо бы разобраться с проблемой массовой имитации труда. Тут ведь уже не труд как таковой, а, скорее, просто доходная занятость, ещё и во многом фиктивная». Профессор лишь пожал плечами и ничего на это не ответил. «Вот идиот!», — лишь про себя, видно, подумал он о своём из России собеседнике. И что мы видим вокруг, не эту ли имитационную занятость?

23

1997 г. США. Питтсбург. Университет. Беседа с парой-тройкой профессоров о возможном сотрудничестве. «Давайте проведём дискуссию, — предлагает наш герой, —

о сути рыночной экономики, чтобы выяснять, рыночная ли она на самом деле, да есть ли он вообще — рынок как рынок, всё вроде бы вокруг определяющий в экономике, в её поведении и движении». Полное непонимание американских партнёров сей странной постановки, коли и так всё было для них ясно: рынок есть рынок, а экономика вокруг, безусловно, рыночная, какая ж ещё?! А может, притворились лукавые собеседники, отделившись непониманием?

24

1997 г. Знакомство с Нью-Йорком и Вашингтоном. Первый совершенно ужасен со всеми своими небоскрёбами и бешеным, каким-то глумливым, ритмом. Набережная Гудзона и Центральный парк — более-менее! Гарлем: удивлённые и не слишком добрые взгляды на двух белых ходоков, постаравшихся поскорее унести оттуда ноги. Брайтон-Бич весьма мил: все его обитатели говорят по-русски, охотно общаются. В магазине (с характерным грассированием): «Бег-гите, бег-гите колбаску, свежая, только что из Москвы, микояновская!». Вашингтон показался куда приятнее Нью-Йорка как для глаза, так для и жизни. Совершенно имперский город, этакий Новый Рим, хоть «Четвёртому-де и не бывати»! Монументальные культовые памятники отцам-основателям США. Римско-имперский Капитолий. Всюду имперская брутальность! Маленький, но тоже имперский, Белый дом. Овальный кабинет, вовсе не демократический, а тоже имперский. Вполне себе имперская вокруг выходит демократия (она же и плутократия, если не попросту лжекратия, впрочем, как и повсюду в нынешнем мире за ред-

ким, быть может, исключением, да вот каким?). Наши доморощенные американисты совершенно не передают истинного образа Америки: всё лишь на внешний погляд, без проникновения в суть (одни величественные генералы на конях, расставленные геометрически правильно по вашингтонской улично-площадной матрице, чего стоят, — как раз в духе примитивного имперского натурализма!). Америка, в общем — *другая*!

25

Когда в 1997 г. вышел в свет уникальный трёхтомник, написанный сходу нашим героем — *«Теория хозяйства»* (1995—1997), в котором была сделана попытка спасти классическую науку от покушения на неё бессодержательного, но наглого экономикса, то, во-первых, умственным окружением сия работа не была принята (от неё шарахались как от зачумленной), хотя и получила заслуженную положительную оценку (не от ближайшего, главным образом, окружения). А это была воистину необыкновенная работа, вполне и эпохальная, не имевшая аналогов ни до, ни после её появления на театре научных и околонаучных боевых действий. Она так и осталась торчать одиноким золотым самородком среди нагромождения массы признательно хранимых, сердечно лелеемых, тщательно оглаживаемых пустопородных творений, ни к никакой реальной реальности, кроме мифозлоторной, не имевших отношения.

1998 г. Барнаул. Высшее учебно-научное заведение. Кабинетный приём московских учёных — философов и экономистов, среди которых и наш герой. Приём, как во-

дится, с кое-какой выпивкой и закуской. Встаёт один из москвичей, заведующий кафедрой экономической теории самого прославленного в стране технического вуза, и говорит: «Я хочу выпить за NN (то бишь за нашего героя), я приехал сюда, узнав, что здесь будет NN. Я приехал посмотреть на автора «Теории хозяйства». Произнёс тост и выпил за здоровье автора «Теории хозяйства», не только не вызвав никакого энтузиазма у участников угольчатого застолья, а выдавив у них мало что недоумение, а и явное неудовлетворение («Как это вдруг за кого-то вдруг пить, когда тут все... э-э ... тоже ведь... не хухры-мухры!»). В общем, тост провалился, но зато удивлённый автор «Теории хозяйства» оказался весьма доволен: «Господи, находятся же и те, кто понимает и признаёт, а не только натужно надувает щёки».

Примерно тогда же, в конце 1990-х. Город энергетиков Волжский, что супротив Волгограда — Сталинграда — Царицына, между прочим, с более чем 300-тысячным населением. Научная конференция в городском доме культуры. К нашему герою подходит пожилая женщина: «Так это вы NN?». «Да, я». «Странно!». «А что странно?». «Вы, оказывается, живы, я думала, что «Теорию хозяйства» кто-то из уже давно ушедших из жизни написал, а вы такой ещё молодой» (нашему герою было тогда под шестьдесят). «Что делать, это я и, как видите, живой, даже ещё всю работу выполняю», — ответил, смеясь, наш герой. Любопытно, не правда ли?

А другой человек, профессор из родной кафедры, давний, ещё с 1960-х, собеседник нашего героя, как-то заметил:

«NN просто взял, да и разрешил в своей «Теории хозяйства» все противоречия, с которыми не справился Маркс». Опять поддержка, но, как повелось, единичная, однако автору трехтомника бывшая очень тогда нужной.

Между прочим, в «Теории хозяйства» было предвидено многое, что уже вовсю происходит ныне, то бишь в 2020-е гг., да и будет далее происходить, как, к примеру, переход к постэкономике в образе техномики, не говоря об уже свершившейся и переживающей апокалиптический кризис глобальной финансомике.

Так уж устроен наш бренный человеческий мир, в данном случае, интеллектуальный, в котором либо бейся за себя, звени, лукавь, трави себе неудобных, добивайся громкой славы, либо же... нет, вовсе не влача жалкого существования... *будь собой*, рассчитывая, кроме себя, лишь на разум и интуицию понимающих тебя единиц, ну пусть немногих лиц, да на милость непременно настигающего тебя щедрого и спасительного, но при этом и беспощадного к тебе, отшельничества!

26

Конец 1990-х. Киев. Друг-профессор повёл нашего героя в Академию наук, на встречу с академиками в рамках заседания некоего академического дискуссионного клуба. Гостю сходу дали слово. он сказал: «Нам, России и Украине, надо быть вместе и быть субъектами истории, её творцами». Среди слушателей лёгкий ропот, а один из них, известный ещё в СССР высокочлассный хирург, этнически русский и собственно российского происхождения, раздра-

жённо бросил: «Это всё ваш (!) русский империализм, да и что такое быть по-вашему субъектом истории, все и так субъекты?!» На что гость ответил: «Нет, это не империализм, а всего лишь суверенная позиция и действенная активность за себя, своё состояние и за судьбу всего мира». И что же в итоге? А в итоге, как выразился уже через многие годы один проницательный российский интеллектуал: «Кто-то ныне на столе, а кто-то за столом». Догадываешься, кто тут где, читатель?

27

1998 г. Париж. Свято-Сергиевский Православный богословский институт (Свято-Сергиевское подворье). Будущий мудрец-отшельник, тогда еще только вступающий на метафизический путь, явился непрошеным гостем в место служения Богу, Софии и Истине своего предшественника — великого русского мыслителя, бывшего когда-то материалистом, политэкономом и марксистом, а потом, пройдя через философский идеализм, создавшим философию хозяйства и, разочаровавшись не только в науке, но и в философии, ставшим не только священником по благословению и из рук патриарха Тихона, но и воистину крупным, если, не крупнейшим в мире, христианским богословом XX в., разумеется, для официальной церкви еретиком-софиологом (софианцем).

Наш герой прибыл с книгой, посвящённой славному мыслителю «*Преодоление времени*» (1997), с кое-какими ещё подготовленными под руководством нашего героя и его участием публикациями. Встретил идущего по двору ба-

тюшку, оказавшегося, как потом узнал непрошенный гость, профессором института, представился, батюшка любезно взял на себя труд доложить о неожиданном визитёре декану (ректору) института, читавшего в тот момент лекцию студентам института.

Через какое-то время из аудиторного помещения к нашему герою вышел высокого роста благородной осанки священник, он же декан института, который тепло поприветствовал гостя и посвятил ему четверть часа для беседы (в перерыве лекции). Гость успел что-то необходимое сказать о себе и своём учреждении, указать на свою идейно-ментальную связь со своим и, естественно, его, нынешнего декана, великим предшественником, а также вручить книгу о творчестве русского мыслителя, бывшего когда-то тоже профессором и деканом института — со дня основания института в 1925 г. и до смерти мыслителя в 1944 г., а также другие привезённые гостем публикации.

Говорили просто, как будто были давно знакомы. Под конец короткой встречи гость попросил показать ему кабинет их знаменательного предшественника, что декан любезно и сделал, тем более что кабинет сей был его — декана — кабинетом. На этом визит закончился, декан, а им оказался потомственный русский аристократ, граф, потомок Екатерины II и Григория Орлова, принёс извинение за то, что вынужден возвращаться в аудиторию, собеседники тепло попрощались и не совсем уже непрошенный гость покинул знаменитое подворье.

Через пару недель наш герой получил по месту своей работы письмо из Франции, посланное ему (sic!) деканом

Свято-Сергиевского института, в котором декан (sic!) искренне сожалел в том, что так мало времени уделил гостю из Москвы, приветствовал книгу о своём и нашего героя предшественнике, обещал прислать статью о великом мыслителе, которого он помнил ещё со студенческих времён и к учению которого относился весьма позитивно (обещание выполнил, статью прислал, и она была опубликована в основанном нашим героем научном журнале), а также декан выражал в письме надежду на новую, более обстоятельную, встречу с московским визитёром.

Встреча эта через некоторое время состоялось, причём была ознаменована передачей институту бронзового бюста великого русского мыслителя и памятной медали его имени «Свет Невечерний». Декан взял в руки бюст поставил его на стол и... ласково погладил! С тех пор бюст, покрываясь от влаги зеленоватой патиной, занимает почётное место в деканском кабинете, расположенном в небольшом деревянном двухэтажном домике. Так свершилось воссоединение двух иполовин души русского мыслителя — московской, а он был выпускником профессором первого и ведущего вуза России, и парижской, где мыслитель пребывал в изгнании, сохраняя верность родине, русской мысли и, надо полагать, московскому вузу тоже.

28

Рубеж 1990—2000-х. Минск. Администрация президента. Разговор с руководителем департамента, весьма разумной дамой. Неожиданный от неё вопрос к визитёру — нашему герою: «А что вы думаете об LL?» Имелось в виду,

конечно, первое лицо в совсем ещё молодом государстве. Подумав, гость ответил: «Он мне напоминает своим поведением волка, обложенного гирляндой из красных флажков, но непременно находящего выход из западни». «Да, — поразмыслив, ответила дама, — я, пожалуй, с вами соглашусь». И что мы видим сегодня, летом 2020-ого, не новые ли флажки вокруг всё того же персонажа и лихорадочные поиски им выхода, да вот найдётся ли теперь выход, не промахнётся ли на этот раз Акела, а то что он всерьёз попался, так это факт! А всё почему: привык за долгие годы сам флажки на других расставлять и при этом лавировать вне флажков, да не волком вовсе, а более всего лисом, да вроде какого-нибудь мифического Козерога в волчьей шкуре, ничего особенно не стесняясь, но зато с фиговым красным флажком в руке и толстой фигой в кармане, — а ведь всё это могло быть лишь до поры — неведомой и внезапной! Что ж, будем, как говорится, посмотреть! Растерянность и ступор: цуг-цванг! Ну и расчёт на новый всех и вся обман!

29

Рубеж нулевых и десятых годов XXI в. Наш герой, уже более метафизик, чем научник, участвуя в религиозно-публицистической конференции в Киево-Печерской лавре, знакомится с действовавшим тогда деканом Свято-Сергиевского православного института, что в Париже, как потом выяснилось, этническим сербом, выросшим во Франции, но хорошо говорившим по-русски, связавшим свою судьбу с православной церковью, став студентом, аспиран-

том, преподавателем, профессором возглавлявшегося им в тот момент института. Договорились о взаимодействии, тем более, как понял наш герой, декан был благосклонно настроен к учению своего и нашего героя великого предшественника, что и позволило провести в Париже по инициативе российской стороны в стенах благословенного института в 2011 г. международный симпозиум «*Русская мысль в Париже*», посвящённый творческому наследию великого предшественника. С тех пор совместные мыслительные бдения в Париже стали регулярными, тем более что руководителем Свято-Сергиевского института, пусть и с некоторым перерывом, был и остаётся до сего дня всё тот же благосклонный не только к знаменательному предшественнику, но и к России человек, с годами ставший близким духовно, ментально и попросту дружески нашему герою и его коллегам.

Совместные симпозиумы стали традицией, как-то само собой образовавшейся приметной принадлежностью совместного бытия двух учёных сообществ — московского и парижского, однако с обеих сторон... *русских* — отечественного и зарубежного.

Из разных, конечно, миров, вовсе не одинаковых, а ежели в чём-то и единящихся, то во взаимном интересе друг к другу, актуальном и честном обмене мнениями, так и в возникшей между сообществами открытой доброжелательности.

Большая тут вершится экзистенциальная удача, попущенная Господом Богом, одобренная Софией и удерживаемая сакральным покровительством великого русского свя-

того, чьим именем и названо парижское институтское подворье, ибо было приобретено в 1924 г. в день его прославления!

30

Однако не всё просто и тут — на московско-парижском фронте. Нет, конечно, никакой борьбы нет и быть не могло: всё корректно, выдержанно, товарищески, даже и любовно!

Русский Париж вовсе не един: разное отношение не только как когда-то к СССР, но и к современной России тоже, к той же РПЦ, да и к самому себе — русскому Париже, когда одни там, на Рю Дарю, а другие где-то в другом месте, к примеру, на Серафимовском подворье, где как раз настоятелем служит декан института.

А ежели ближе к великому общему предшественнику, то одни «за», другие «не очень», а третьи и вообще «против», — это по поводу его богословского учения, его софианства, его «Парижского богословия».

Да, великий предшественник стал основателем и главным создателем «Парижского богословия», как и инициатором и главой «Софийного братства», как и «Русского студенческого христианского движения», как и был он экуменистом, правда, не шедшим под рúку папы Римского, а лишь желавшим общего христианского единения.

В общем, не прост он был, как и любой великий мыслитель, но не догматик, не эпигон, не компилятор, а пожалуй, что и бунтарём был, хоть и не революционным. Желал, видно, какого-то обновления христианской церкви, отчего и

искал на то согласия в обращении к Софии Премудрости Божией, может, и перешёл какую-то грань, получив за то осуждение, заслужив даже «почётное звание» еретика, истины искал, искренне искал, — и это во времена Революции и Войны, как и гонений, изгнаний, разброда, растерянности и много чего ещё подобного, что творилось в веке XX-ом от Рождества Христова!

Тяжело больной, умирающий, перед отходом в мир иной просиял ликом, чему стались поражённые свидетели (точнее, свидетельницы!), а парижский митрополит, ему всегда благоволивший, обозначил сию необыкновенность как предстояние мудреца-мученика перед Господом, не преминув назвать самого мудреца-еретика... *апостолом!*

Итак: *Апостол!*

Это о бывшем материалисте, научнике, полиэкономе, марксисте, чуть ли не светском революционере, а затем философе-идеалисте, философе хозяйства, просто философе, ну и в итоге — богослове, однако богослове неоднозначном: православном, но и общехристианском; догматическом, но и еретическом; как вполне признаваемом, частично признаваемом, так и вовсе непризнаваемом.

«Никакого „Парижского богословия“ нет и быть не может, всё это досужие выдумки выдающегося, но всё-таки заблуждавшегося в богословских исканиях русского мыслителя!»

И это тоже позиция, и тоже, скажем так, в идейно-концептуальной среде русского Парижа (точнее, может быть, в философско-религиозной среде русского Парижа). Факт!

А вот и характерная иллюстрация.

Как-то зашёл наш герой в религиозно-философскую книжную лавку, что при церкви св. Татьяны, что в стенах ведущего вуза страны, прямо супротив Манежа. И видит книгу (sic!) «*Путь парижского богословия*», составленную из трудов славного парижского богослова, да ещё и составленную и изданную не кем-нибудь, а протоиереем, самим настоятелем выше обозначенной церкви. Вот-те на! Пришёл к настоятелю, поговорили, получил его согласие на передачу книги в Париж, прямо туда — в Свято-Сергиевский Богословский православный институт, из которого как раз и вышло это самое «Парижское богословие».

И вот идёт парижско-московский симпозиум аккурат в этом институте. Наш герой предьявляет аудитории книгу со словами: «Как видите, в Москве признают „Парижское богословие“, да ещё и в священнических книгах». И тут слышит от сидящего рядом декана института: «А в Париже нет!».

Да, воистину неисповедимы пути ни Господа, ни человека, ни истории!

Однако, в том же Париже, известный потомок известного друга нашего неоднозначного парижского мыслителя, тоже когда-то побывавшего марксистом, заявил нашему герою, что основатель «Парижского богословия» — «Крупнейший христианский богослов XX века»!

Вот так: пойдика, разберись!

Одно ныне бесспорно: на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа покоится не кто иной, как действительно великий русский мыслитель, страдалец, о величии которого

публично впервые заявил в России не кто-нибудь, а наш герой, ещё тогда, в 1996 г., на той самой памятной конференции, посвящённой 125-летию оригинального писателя, мыслителя-первопроходца, его неординарному во всех отношениях творчеству.

31

Очередной научно-туристический «наезд» на Париж. Серафимовское подворье, «владение» декана института. Сам институт на ремонте, так что парижско-московский симпозиум проходит там, на подворье. Удивительно скромная, вызывающая неподдельное умиление, возникшая ещё до войны, церковка — храм Серафима Саровского. После ставшего уже традицией посещения церкви и краткого моления под водительством её настоятеля — декана института учёные бдения. И тут следует неожиданность: декан, предлагая занять председательское место нашему герою, настаивает на том, чтобы он занял единственное среди обычных стульев оригинального вида старинное из светлого дерева кресло, как оказалось, кресло, в котором сидел когда-то великий русский мыслитель — основатель и главный трудник «Парижского богословия»; гость, естественно, пытается возразить, но хозяин настаивает: «Ничего, ничего, вы тут, в этом памятном кресле, а я рядышком, одесную». Пришлось нашему герою согласиться и пробыть в течение заседания в кресле великого предшественника. Что тут сказать: уважительно, признавательно, сердечно, а главное — в духовно-интеллектуальной связи с великим первопроходцем! Как-

никак, а награда — необычная и изящная, русско-парижская!

Вспомнилось нашему герою, как при открытии памятника великому мыслителю в родном ему городе на Орловщине, вдруг прошёл быстрый лёгкий дождик, окропивший с небес памятник и собравшихся перед ним людей, включая, что немаловажно, и группу священников из Орловской епархии в золочённых одеждах (признание!), и почувствовалось тогда, что над местом торжественного действия явно витал дух великого мыслителя (хочешь верь, хочешь, не верь, а сталося именно так!)

Вот и тогда, в Париже, что-то подобное почудилось нашему герою, причем, как и при установке в Польше на православной горе Грабарке памятного креста в честь великого русского мыслителя, и при вручении бюста мыслителя орловскому губернатору, и на той же памятной конференции в 1996 г., посвящённой мыслителю, и над могилою мыслителя в Сент-Женевьев-де-Буа, когда наш герой со товарищи стояли перед местом последнего пристанища русского мудреца, да и вообще всякий раз, когда сходились вдруг в единой точке сакральные энергии прошлого и настоящего, а может, и будущего тоже!

32

Нельзя не рассказать кратко о постановки памятного Креста в честь сего мыслителя в Польше, в Белостокском воеводстве, на св. горе Грабарке, где когда-то в начале ХХI века многотысячное множество православных людей спасалось от холеры, молясь перед Господом и пив целебную во-

ду из подгорного источника, бьющего без остановки из-под земли и сегодня. На сей горе была поставлена церковка, а вокруг церкви благодарные люди стали ставить кресты во спасение, и возник целый лес из крестов, на некоторых из которых подвешивались другие — малые — кресты, а потом на горе возник женский Марфо-Мариинский монастырь, существующий и поныне.

Близкий нашему герою митрополит РПЦ, как раз тот самый, при содействии и участии которого состоялась памятная конференция 1996 г., посетил Грабарку и при встрече в Москве с нашим героем сообщил ему, что там, в Польше, на горе Грабарке, есть крест, посвящённый русскому мыслителю, о котором здесь всё время идёт речь. «Кажется, жена поставила». Герой наш как раз направлялся в Париж, в Свято-Сергиевский институт, а потому просил у владыки, который там уже бывал, рекомендательных советов и полезных сведений.

Встретившись в Париже с известным внуком известного друга великого парижского богослова, сторонником его учения и продолжателя его публичных деяний, наш герой выяснил, что жена после смерти богослова никуда из Парижа не выезжала, в Польше не была, но зато в Варшавском университете подвизалась в качестве профессора одна из верных учениц богослова, от чего и явилась мысль, что она, видно, и поставила крест.

Поскольку наш герой часто бывал в Польше, то решил проверить гипотезу, отправившись в компании с коллегами (дипломатом, корреспондентом «Комсомольской правды» и одним учёным из России) на гору Грабарка, где быстро вы-

яснилось при встрече с настоятельницей монастыря, что крест есть, но поставлен он во спасение души другого человека, как раз однофамильца нашего мудреца, автора знаменитого и любимого в Польше московского романа про Мастера и Маргариту, кстати, возможно, и знавшего будущего богослова по Киеву. А поставлен был сей крест в 1970-е гг. по инициативе кузины автора достославного романа, бывшей в обители монахиней.

Вот-те раз, ошибся владыка, склонный более всего думать о другом из двух однофамильцев, но зато родилась легенда, которую пришлось-таки воплотить в жизнь как раз нашему герою со товарищи. И был сооружён и поставлен крест в честь и во спасение души другого из однофамильцев — уже мыслителя, богослова, софианца, разумеется, с благословения сразу понявшего свою ошибку митрополита РПЦ и главы Польской православной церкви, тоже митрополита.

Что же касается учёной ученицы великого богослова, этнической польки, то она действительно преподавала как философ в Варшавском университете, читая курс, посвящённый как раз личности и учению своего русско-парижского учителя, закончив свою жизнь в 1991 г. почему-то в одной из среднеазиатских республик, то бишь ещё в СССР. Уместно заметить, что сия женщина была одной из женщин, присутствовавших в Париже при кончине великого сына земли русской, её — польки — духовного наставника и учителя. Точных сведений о работе этой замечательной женщины в Варшавском университете обнаружено нашим героем через посредство своих коллег-друзей не бы-

ло. Зато в один из приездов в Париж в магазине русской книги ему вдруг попалась книжка... этой самой польской философии, как раз излагавшая материал курса, читанного ею в Варшавском университете! Вот так: что-то в яви, что-то в нави, а что-то где-то между ними — в заветном мерцании!

33

А теперь касательно самого Парижа. Приоритет Парижа над другими заграничными столицами и городами у нашего героя был и остаётся несомненным. Да, тот же великий Рим хорош, там много глубокой древности, седой истории, прекрасного, неподражаемого искусства, там хватает разнообразия, пожалуй что, и покоя тоже, подкрепляемого открытостью и добродушием населяющих город людей — итальянцев, италийцев, римлян, однако же и в сердце нашего героя сидит глубокой и прочной занозой именно Париж, — и не только потому, что герой наш в нём жил и с ним экзистенциально сросся, а потому что Париж... это Париж — цельный и переливчатый, играющий, но при этом закрытый, заносчивый, лицедейный, даже и лицемерный. Он неуловим, этот странный город, город в себе, а ежели что в нём и уловимо, как перо Жар-птицы, так это... *шарм*, как раз тоже неуловимый, тоже необъяснимый, который делает этот бодрый, дерзкий и жёсткий город неотразимо привлекательным, мало того — чарующим! В любой город въезжаешь как... в город, а в Париж... э-э... чуть было не сорвалось... как в сказку, но нет, не в сказку, а всего лишь... в Париж! *Париж есть Париж* — вполне законная тавтология!

Ему, нашему герою, в Париже хорошо, как хорошо и его коллегам-друзьям, туда вместе с ним приезжающим и блуждающим по Парижу — их Парижу, его Парижу, однако не столько туристами, даже и не гостями Парижа, а как более всего... *сами себе парижанами!*

Замечательно бродить по Парижу, по набережным Сены, посещать Латинский квартал, гулять по Люксембургскому, Монсо или Монсури, подходить с поклоном к Мольеру, бывать в ресторанчиках, сиживать у барных стоек, непременно заходить в магазин русской книги к хорошо уже знакомому книжнику Алику, наконец, взяв с собой вина и лёгкой сырно-хамонной снеди расположиться под вечер на нижней набережной Сены (как раз прогулочно-туристической), на скамеечке, что прямо напротив Нотр-Дам, да и насладиться вечерком солнечным закатом и непринужденным между собой общением.

Такие вот посиделки на Сене супротив Нотр-Дам случились и в ноябре 2018 года, когда великолепный солнечный закат окрасил Нотр-Дам и вместе с ним Сите в очень как-то по-особенному выраженное, какое-то насыщенное, глубокое, пламенеющее золото: красиво, необычно, завораживающе! В то же время почему-то стало на душе как-то смутно и тревожно, и герою нашему почему-то вспомнилась кроваво-красная Москва-река сентября 1993 г.

Не успели россияне покинуть Париж, как возникли из-под земли те же «жёлтые жилеты» (как бы и «золотые»), а вскоре и Нотр-Дам запылал уже не закатным золотым цветом, а жёлто-пожарным огнём.

Вот и не верь предзнаменованиям, тому же зайцу, будто бы перебежавшему дорогу неугомонному Пушкину, будто бы направившемуся самовольно во встревоженный декабрьский Петербург.

А в июне 2019 года пришлось дружным россиянам сидеть на той же набережной скамейке, пить то же вино, закусывая тем же сыром с тем же хамоном, но, увы, уже в виду покалеченного золотым огнём храма-погорельца.

Что ж, и такое бывает... э-э... с русскими в Париже, как случилось с ними и то, что не удалось им вновь попасть в Париж, аккурат в апреле 2020 г., конечно же, из-за проклятой пандемии, хоть и было всё мастерски задумано, подготовлено, даже и оплачено, — ах, эта Великая Неизвестность со своей позолоченной в глазах её избранников мистикой!

34

Ещё один, уже последний, парижский сюжет, который касается другого великого русского мыслителя XX в., тоже бывшего марксиста, как и великий нашего героя предшественник, его — это предшественника — коллеги, соратника и друга, мыслителя тоже религиозного, софийного, но не ставшего, как его коллега и друг, священником, но зато изгнанного, как и его друг-священнослужитель, из России в том же 1922 г. противными им обоим большевиками, попавшего вместе с другими русскими изгнанниками-интеллектуалами на знаменитый «Философский пароход» и в конце концов осевшего в Париже, читавшего лекции в Сорбонне, а в какой-то момент поселившегося в пригороде Парижа Кламаре, в небольшом двухэтажном особняке с са-

диком, в доме, подаренном ему (sic!) обожавшей его слушательницей по Сорбонне, некой англичанкой, правда, неизвестно до или после острых антисоветских публикаций мыслителя (ах, эти англичане, они везде: и около Павла I с декабристами, и Карла Маркса, и Герцена, и (sic!) Льва Толстого, и Ленина, и Горбачева, и такого «одиоза», как широко известный «Баб», и даже ставшего вдруг известным на весь мир «неодиоза» Скрипаля).

Так или иначе, но русский мыслитель, бывший в глазах недолголюбивавшей его учёной общественности, как бы близнецом великого предшественника нашего героя (их фамилии часто произносились в связке не без карикатурных при этом издевательств). Любопытно, что Сталину, читавшего того и другого, тексты основоположника философии хозяйства, как более ментально организованные, нравились больше, чем, на взгляд Сталина, весьма сумбурные тексты второго мыслителя, к тому же напоминавшие по стилю изложения тексты ненавидимого им Троцкого.

Ныне в кламарском доме мыслителя, который он завещал РПЦ, нечто вроде музея, ведомого живущими там же двумя молодыми монахами. Всё было бы ничего, если бы не один примечательный факт, точнее, два факта: 1) оказывается, великий философ завещал свою библиотеку (sic!)... Государственной библиотеке имени В.И. Ленина («Ленинке», то бишь!); 2) где-то во второй половине 1950-х гг. в дом мыслителя явились представители Ленинки, забрали все переплетённые кожей ценные книги, оставив на месте всю остальную (бумажную) часть уникального собрания, включая весь тираж издававшегося мыслителем жур-

нала «Путь» (с теми ещё авторскими именами!), а также книги с личными пометами великого мыслителя, и были, как крыловская лиса-плутовка, таковы. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, точнее, вот тебе, русский учёный мир, и фига, причём не в кармане, а наяву! Вот так! А у нас всё удивляются, почему это нет в России живого интереса к русской софийной философии, к тому же «Парижскому богословию», вообще к отечественной мысли — как раз совершенно *нашей, своей, родной?!*

35

Заслуживает быть описанной одна житейская история, случившаяся с нашим героем, растянувшись на десятилетия его вполне себе сознательной жизни.

Началась сия история в 1958 г., когда будущий мудрец-отшельник ещё проживал по окончании средней школы и провала в Тимирязевке в тамбовской деревне, с отцом и матерью, подумывая о сельской карьере и даже поступив на заочное отделение сельхозтехникума — на агронома. Стал работать, был избран комсоргом колхоза, что послужило основанием попасть в составе комсомольской делегации от района в облцентр по случаю расширенного заседания обкома комсомола.

Шло обкомовское заседание. Первым в прениях выступил в задорном комсомольском стиле секретарь одного из райкомов, почему-то запомнившегося нашему герою.

Прошли годы, этак с десятков лет, герой наш сам стал комсомольским лидером, уже в главном вузе страны. Пред ним как-то предстал его омоло́г из города на Неве, из друго-

го главного вуза страны. Побеседовали, обменялись опытом работы, поговорили о том, о сём.

Снова прошли годы, но уже с пару десятков лет, герой наш как раз стал директором-организатором научного Центра, созданного в 1990 г. Правительством СССР. К нему пришёл его возможный омоло́г из всё того же вуза, ещё тогда ленинградского, где тоже должен был создаваться аналогичный Центр. Поговорили об идее Центра, его организации, возможной деятельности.

Снова прошли годы, правда, всего с пяток лет. Герой наш был в Петербурге на научной конференции, на которой было объявлено о рождении общественной Академии гуманитарных наук с центром в Санкт-Петербурге. Наш герой изъявил желание войти в академию, тем более что сам выступал перед высшей инстанцией где-то в 1990 г. с идеей создания государственной Академии гуманитарных наук СССР, даже подготовив её устав, так и оставшийся в рукописном виде как памятник несбывшейся надежде. Председатель конференции и он же президент вновь возникшей академии с удовлетворением воспринял сие пожелание, и наш герой был немедленно принят в академию, став в ней через какое-то время вице-президентом по её Московскому отделению.

После конференции, уже в банкетной обстановке, наш герой и президент академии разговорились между собой и, вдруг, выяснилось, что во всех трёх событиях, о которых выше поведано, участником их был не кто иной, как ... этот самый президент — бывший комсомольский лидер с Тамбовщины, он же комсомольский лидер из университета на

Неве и он же предполагавшийся стать директором-организатором аналогичного Центра, но им не ставший, а ставший тогда проректором своего знаменитого вуза.

Вот-те на, три встречи по жизни в течение сорока лет, увенчавшиеся четвёртой встречей, уже через сорок пять лет от первой встречи, да ещё и увенчавшейся впридачу ко всему долгой личной дружбой!

Вот она, магия зёмного бытия, питаемая непредсказуемой Великой Неизвестностью и ведомая своевольным Иным: что, кто, когда, для чего?!

Интересненьким получился событийно-личностный экзистенциальный узелочек, не правда ли?!

36

А однажды, будучи в Волгограде, где тогда и был наш герой, президент, уже ставший близким ему другом, бросил восхищённо и одобрительно в его адрес: «*Самодостаточный!*», на что у будущего мудреца-отшельника не явилось тогда никакого законного возражения.

Да-а, прав был друг-президент, бросив сие предикатное определение в адрес нашего героя, что, однако, окончательно и бесповоротно подтвердилось попозже, когда наш герой оказался не просто саодостаточным, чем грешат, пусть и не очень многие, но всё же и другие особи тоже, а стал, знаете ли, первым и чуть ли не последним *собственно русским*, а не ведическим, византийским, европейским, азиатским, евразийским или каким-либо ещё, *мудрецом*, причём не по этнической, культурной, ментальной или той же языковой принадлежности, а по мистической его связи с

русским смысло-сущностным истоком, к которому доводится приобщиться, или быть приобщённым, вовсе не каждому самодостаточному русскому, а ... да-да ... лишь *самоодно-* достаточному, — иных примеров у современности что-то не просматривается.

Да, сильно виноват был наш герой за свою руссотропную мудрость, вознаградившую его мирским отшельничеством, но он не только об этом никогда не жалел, тем более не дрожал по этому поводу аки тварь, так ведь ни перед кем и ни перед чем за это не каялся.

Нет, герой наш — никакой не герой, он скорее — жертва, пленник, данник — как раз из-за, от и ради «Русского Ордена», но ничей он не вассал — более того — вполне *независимый стрелец*, да не по чёрно-белой полосатой мишени, как хорошо обученный стрелок-спортсмен, а в безграничную метафизическую даль, где всё самое главное из смысло-сущностного и зиждется.

Однако уместно заметить, что всё его воззренческое творчество, да, собственно, и вся его личная (своя!) жизнь — сплошная молитва да непрестанное покаяние: молитва перед Неизвестностью и покаяние перед Вечностью!

37

Начало 2000-х. Москва. Конференция из ряда своих. Оратор на трибуне говорит о волнующих его социальных проблемах в пореформенной России, о вопиющем неравенстве, коррупции, криминале, несправедливости и ставит вопрос о необходимости осознанной, уже, может, и чрезвычайной, борьбы с этими недугами бытовавшего в стране

строя. Председательствующий, а это, конечно же, был он — наш герой, бросает в микрофон: «Опричиной это называется». Зал на мгновение притих, хотя насовсем и не замер — *сенсация!*

38

Рубеж 2000-х и 2010-х гг. Некое собрание учёных, экспертов, аналитиков. На собрании в качестве почётного гостя присутствует хорошо известный в стране и за рубежом российский мыслитель, историк, социолог (из первых в СССР), прогнозист. Ему уже много лет, он отошёл от активных дел, но ум его бодр, а суждения по-прежнему остры. Под конец собрания он взял слово, поделился некоторыми соображениями по поводу прошедший только что дискуссии. Задумался на мгновение, а потом вдруг заговорил о во-круг в стране и в мире происходящем, и, не впадая в детали, а говоря обобщённо, не преминул откровенно заявить о своём глубоком разочаровании во всём повсюду творившемся, мало того, поведать гостям о своём практически тотальном безнадее: «При всём моём желании, я не вижу ничего, за что можно было бы уцепиться и обрести на перспективу потребную толику надёжного оптимизма, — произнёс он, — и если во мне ещё теплится кое-какая надежда на людское сознание, то оно связано с вашей, NN (*он обратился к нашему герою*), и вашего учёного сообщества, деятельностью, равно как и деятельностью АА, — он обратил свой взор в сторону организатора только что прошедшей дискуссии, — ничего другого я попросту не вижу». Прав был известный учёный в своём суждении или нет, но он сказал именно *это*, пропев,

как вскоре оказалось, фактически свою «лебединую песнь», аккуратно перед своим уходом из жизни. Завет тут стался с напутствием, вполне и символический, пусть и не особенно исполнимый, хотя, правда, как на всё это посмотреть!

39

Начало 2010-х гг. Кабинет директора академического института, известного академика. Наш герой вручает хозяину кабинета очередные номера издавшегoся нашим героем научного журнала и слышит: «Вы думаете, что я их просто ставляю на полку, нет, я их читаю ... ваши статьи, во всяком случае». Что ж, приятно было слышать сии слова от признанного повсюду крупного учёного, кстати, и публично поддерживавшего направление мысли, которым занимался наш герой — как его внове открыватель и внове продолжатель, как и его главный нынешний созидатель.

40

Тогда же. Слова другого известного академика-экономиста, сказанные им незадолго перед его уходом из жизни: «Участвовать в вашей конференции не смогу, мне нездоровиться, но скажу вам, NN, вы делаете со своими коллегами великое дело!»

41

2013 г. Украина. Львов. Конференция. Среди в общем лояльно настроенных участников два скользких гоминида (иначе не назовёшь!) националистического покроя и анти-русского настроения, которые всё время давали о себе знать

своими неуместными и токсичными речами, репликами, заявлениями, импровизациями, делая это настолько нагло и много, что мешали ходу конференции, имевшей вполне нейтральную в политическом плане тематическую ориентацию — мировоззренческую, методологическую, гносеологическую. Когда подводились итоги конференции, наш герой заявил, между прочим, что идейный национализм на таких конференциях неуместен, он мешает работе, и что ежели будет ещё конференция, желательно при отсутствии этих двух (указал кого) экстравагантных господ. Прозвучало это резко, но осуждения от участников не вызвало, скорее, имело место молчаливое одобрение. В итоге, как в воду глядел наш герой — ни конференций с тех пор во Львове, как и на всей Украине (для россиян, конечно), ни националистов на них, зато свершилась их победа в майданской революции 2014 г. Вот так: человек полагает, а реальность располагает! Тогда же, во Львове, нашему герою стало известно о приходе в Раду ультраправой «Свободы», в связи с чем герой наш, сидя за кофейным столиком в одном из центральных скверов города и беседуя с нерусофобскими львовскими интеллектуалами, буквально воскликнул: «Свершилось-таки, теперь-то всё и начнётся!», имея в виду неизбежные социальные потрясения в стране, что пока казалось его львовским собеседникам не слишком возможным.

42

2013 г. Май. Киев. Круглый стол, наш герой попытался убедить украинскую аудиторию, вполне, кстати, к нему лояльную, что украинская нация ещё не сложилась, госу-

дарственность на Украине молодая и без крепких традиций, что любая попытка порвать с Россией и русским миром, включая и русский язык, триумфально уйти на Запад обернётся для Украины катастрофой — гражданской войной, распадом, угрозой исчезновения! Одобрения, конечно, наш герой не встретил, зато заметил в глазах украинских коллег веру в позитивные перемены, могущие принести Украине настоящий суверенитет, мощь и процветание. А в частной беседе с понимающими ситуацию украинскими коллегами-друзьями позволил себе заметить: «Запрет русского языка станет точкой невозврата на пути страны к бездне», а также добавил: «Украина, к сожалению, кровью умоется!».

43

Со временем, причём очень коротким, многое из предсказанного нашим героем оправдалось или продолжает оправдываться, да что поделывать: история творится не так умом, как безумием! С того момента наш герой на Украине не был, хотя ранее бывал там с конца 1980-х регулярно, да и не по одному разу в год. Страна-то чудесная и люди там замечательные, даже те же ярые националисты, но... куда деться от трансцендентного помрачения, ежели оно случилось — что личного, что элитарного, что массового, что властного! А был и есть ли иной выход? Нет, не было и нет — вот что самое страшное, как у той же Российской империи в 1917 г., как и у КПСС с СССР в 1991 г.: обо всём таком обычно толкуют с упоением всякие знатоки и аналитики, а меньше всего говорят о вдруг неумолимо возникающей... *безысходности* (как ныне в той же Белоруссии или

в той же Черногории, в той же Армении, не говоря о тех же Киргизии и Молдавии), той самой безысходности, из которой история выбирается не иначе, как через катастрофы, смуты, насилия, бойни, кровь, ну и само собой, через всегда услужливую всего и вся погибель!

44

2014 г. Родной город нашего героя. Научная конференция. Герой наш произносит неожиданное: «Война, господа, война!» (как раз та самая — не просто холодная, а ещё и гибридная), на что зал реагирует как на вопиющую нелепость: «Какая ещё война! Окстись, профессор!» Проходит некоторое время и только ленивый из политологов и обозревателей не говорит об этой самой гибридной (информационной, политической, дипломатической, экономической, технологической, культурной, цивилизационной, фейковой) войне.

45

Тот же 2014-й год. Кипр. Круглый стол с участием российских финансистов с Кипра и российских учёных из России. Характеризуя текущую мировую быль как ситуацию войны, наш герой произносит неприемлемое, если не зловещее, для большинства присутствующих слово — «мобилизация», применительно, естественно, к России. «Надеемся без военкоматов?!», — последовала реакция. «Нет, конечно, без военкоматов — пока! — но с мобилизацией ресурсов, сил, энергии, интеллекта, управления, трудового потенциала», — ответил оратор. Прошло время. Да, явной мо-

билизации вроде бы нет, однако кое-какая всё-таки... есть! — негромкая, скрытая, еле заметная, — и весьма многое говорит не только за её наличие, но и за неуклонное усиление: выжить и уцелеть, да ещё и как суверенная великая держава, что как раз и значит... *мобилизоваться!* Разве есть ещё другой — не катастрофного порядка — выход?!

46

2017 г. Столетие Великой российской революции 1917 г. Конференция, проведённая по инициативе нашего героя 25 октября 2017 г. (не 7 ноября, а именно 25 октября). На заседании фигурирует его брошюра с хлётским названием «*Я — революция!*». Главных идей в ней три: 1) любые революции есть органично тихое, бурное или же буйное, но непременно безумие (без безумия несть революций!); 2) революция изменяет восставший мир, но первично поставленных целей своих почти никогда не достигает; 3) в России (включая СССР) либо 100 лет со времени революции, либо же *столетие революции*, пусть и дискретной, и извилистой, и разной, но революции, когда то и другое, а именно та революция, которая была 100 лет назад, и столетие с той поры фактически перманентной революции, обусловлены в глубине своей ничем иным, как как борьбой разных *антиРоссий со всё той же Россией как Россией*. На обложке брошюры портреты главных героев революционного столетия: Николая II, Керенского, Троцкого, Сталина, Горбачева, Ельцина, Путина, с изображением посреди портретов как бы главного революционера — Ленина, но в виде его фигуры с известного памятника у Финляндского вокзала

(момент пламенной речи с броневика), а портреты Путина, Сталина и Николая II находятся на одной сверху вниз линии — трое из обладателей абсолютной властью! Тут и важнейший вопрос относительно ныне текущей в стране революции: какой станет теперь Россия или, по-другому, что будет ныне с Россией? На вопрос, разумеется, ни у кого сейчас нет ответа, включая и самого действующего ныне главного революционера. Увидим, коли Бог даст!

47

2017 г. Варшава. Международная конференция. «Европа, Польша, Россия». Будучи председательствующим (модератором), наш герой, завершая дискуссию, бросил: «А ежели Европа попытается решать свои проблемы за счёт России, то Европы просто не будет!» И добавил, обратившись к польскому коллеге-другу, собиравшемуся отбыть на встречу с премьер-министром Польши: «Можешь это передать премьер-министру». У аудитории от этих его слов, конечно, шок, но что оставалось делать законченному «русскому империалисту», за которым стояла всамделишная империя, и перед которым мельтешила желавшая стать новой империей хитроумная Европа — авторка большой империальной мировой войны в двух актах: 1914—1918 гг. и 1939—1945 гг., в которой России пришлось не только поучаствовать с миллионными жертвами, но и, пережив из-за неё революцию с гражданской войной, восстановившись, укрепившись и модернизировавшись в облике СССР, ещё и взять в 1945 г. тогдашнюю европейскую столицу — Берлин, где вновь что-то проримское имперское скрытно, но упорно

затеваается?! Да и Польша вдруг замечтала о каком-то то там историческом реванше, чуть ли не имперском, хищно поглядывая, как и почти вся Европа, на Восток, где как раз и зиждется неприемлемая для Запада и ему о-очень де мешающая Россия.

48

2019 г. Известный академик, директор института, экономист и математик: «Да что математика ... э-э ... философия нужна, та же ваша философия хозяйства. Разобраться бы в реальности надо, её понять, прежде чем чего-нибудь математически моделировать».

49

2020-й — тяжкий, високосно-вирусный, переменный год, явно коронованный самим Кощеем бессмертным, сеющим повсюду цифру, отчаяние и смерть. Мир взбаламучен! Обречённые на цифровое рабство низы бунтуют, не отдавая себе вполне отчёта в мотивах своего яростного бунтарства, а верхи... надеются убрать с глаз долой побольше низов, загнав оставшихся в цифровую бесконечность, покорить их, подчинить себе, онлайн ими и управляя. А потом, когда жить на обесщеченной, загаженной, исковерканной и истощённой планете станет невозможно, перескочить на «ноевских» кораблях куда-нибудь подальше от Земли, чтобы... эх... и сгинуть там, в космической утробе.

А что сегодня? Времена без времени, либо остановившемся из-за той же вирусной пандемии, либо бегущем на месте из-за вдруг невероятно убыстрившейся и обес-

смыслевающейся нежизни («Суеты сует!»); мир без собственно мира, но зато то с миром-призраком, порождаемым наступающим на мир антимиром, вполне открытым и обозначенным ещё Бодлером, Ницше, Вагнером, а у нас в России Вл. Соловьёвым, Блоком, Есениным, ну и, конечно же, незабвенным автором незабвенного московского романа о полусумасшедшем Мастере и полубезумной Маргарите; человек, который уже, собственно, и не совсем человек, а так... некое насыщенное искусственными разумом человекообразное существо, мечтающее насовсем перестать быть человеком и стать чем-то вроде... э-э... лучезарного космического облачка, а вот для чего, совсем ему и невдомёк, но почему-то очень и очень этого хочется.

2020-й — год воистину переломный: *другие* теперь времена, *другой* мир, *другой* и человек (любой «Я» и любые «Мы»). Что поделать: вот так всё и происходит — невероятно и внезапно, и, заметим, *само* происходит, а те, кому вроде бы положено это понимать, как раз во всём происходящем почему-то ничего и не понимают, хоть и самоуверенно действуют, даже чем-то заведуют и всю чем-то управляют.

Создав на планете свой собственный искусственный мир, — этой самой планете почти что равнозначный, но во все ей не равноценный, имея вроде бы всё для счастливой-де, пусть и в основе уже искусственной, жизни, человек вдруг увидел, что ничего такого у него под ногами и перед очами и в самом себе нет: ни мира с планетой, ни жизни, ни соответственно самого себя — человека, а есть лишь одна бесконечная, липкая и токсичная, неистребимая *фальш*!

Эрзац-мир, эрзац-жизнь, эрзац-человек!

Любопытно, не правда ли? Хотя ещё вчера... да, да, именно ещё вчера, думалось о какой-то там дальней перспективе, каких-то новых возможностях, каком-то, пардон... высоком разуме, не говоря уже о беспредельной между всеми гоминидами любви!

И вдруг, такая внезапная де *жуткая перемена*, её внезапное де в 2020-м осознание, хотя она — эта перемена — давно уже идёт по миру, но казалась не такой уж определённой, более или менее альтернативной, да и не слишком вообще реальной, — однако она — эта перемена, таки вышла и вошла в сознание, причём вышла на простор и таки вошла именно *такой*: безвременной, безмировой, безчеловековой! А надежда-то на что-то *такое* у всё-ещё-человека всё равно остаётся!

На *что* же?

Кто ж *это* знает?!

50

2021-й! И что? Ещё хуже, ещё тягостнее, ещё страшнее! К чему сия пандемическая арт-подготовка, уж не к концу ли? Тогда к какому? А-а, к *пост*-человеческому, ежели не к *пост*-человеческому, ежели не к *бес*-человеческому, то какой и кому от этого прок? А ведь никакой и никому!

2021-й год решающий! Он-то всё и решит: чему быть и чему не быть, а быть тому, чему не быть никогда. Так вот и решит!

Оттого и говорливая в словах и немая в смыслах мировая сцена: никто ничего не знает, не понимает, ничего

сделать не может и ни на что, кроме Армагеддона, не надеется!

Дожили, кажется!

Финиш!

А Россия что? Уже не поворот её ожидает, не разворот, даже и не переворот, а... *выворт!* Что-о, не верится? Нам тоже не верится, а... *будет!*

Как? А вот *это* увидим, — и гораздо скорее, чем нам сегодня думается!

Ставки сделаны, господа!

Решение за Великой Неизвестностью!

*К 150-летию
великого русского мыслителя*

Еретик
(о. Сергей Булгаков)

Он всюду еретик:
в науке, в философии, в заснувшем крепко богословьи,
и всюду он судим нелестно — знатоками,
но вот адептами чего? — догматов разных;
научных, философских, богословских,
всего того, что истиной законченной зовётся,
не терпящей сомнений и обид!

Да-а — он вроде есть,
его труды как будто бы известны,
но лишь известны — не более того,
они не приняты не то что за основу,
но даже не имеют сносного признанья, —
настолько образованным потомкам они чужды.

Эх, русский гений, изгнанник из земли родимой,
невольный эмигрант и вольный размыслитель,
не избежавший яростной Голгофы,
за что, какие вины, какое преступленье? —
честный, чистый, благородный
творец-титан — искатель истины тревожной!

Учиться б у него, поболе вместе размышлять,
но нет! —
как нет в отечестве пророка,
как нет наставника иного
как нет и сына броневоего,
зато есть трижды еретик
не каждый звания подобного достоин! —
а он вот заслужил — на радость умникам унылым!

Без шума, без цветов и без речей надгробных,
лишь при молитве упокойной,
был погребён творец неукротимый в земле чужой —
среди таких же, как и он, изгоев русских, —
где над могилой утлюю его
душа невинная витает
да дух его безвременно грустит —
в недоуменьи стылом!

Но, приверженный Божественной Софии,
мудрец не обойдён её вниманьем —
София благовествует ему,
являясь в памятные годовщины —
его рожденья и кончины —
над прахом русского страдальца,
причём, заметим, в женской ипостаси,
как это виделось ему в воображеньи его страстном!

КРЕДО

Думать, говорить, писать, продравшись сквозь туман науки, философии, богословия и выйдя к *метафизике*, метафизике *своей* — *иной!*, но думать не себе и своём благополучии как обыденной особи, хотя и не без этого, а о бытующей вокруг и сидящей внутри человека и в тебе самом лукавой *реальности*, причём думать в связке со своей коренной русскостью, своим родным тебе русским миром, своей дорогóй тебе Россией — загадочной, смыслонасыщенной, теребящей, беспокоящей, волнующей, огорчающей, просвещающей, направляющей, поглощающей, выбрасывающей, теснящей, распинающей, умерщвляющей, как раз той самой Россией, которая испокон веку, которая по преимуществу более в *Нави*, чем в *Яви*, которая и сегодня в тяжбе за себя, которой по факту и действию будто бы и нет, но которая по сокрытию и безмолвию всё-таки есть, да как есть — страшно ведь есть!, — как раз для тех и для этих, как и для тебя тоже, которая в непрерывной схватке за себя, за тебя, за всех — что русских, что не русских, за своих, полусвоих и не своих тоже, в схватке — войне, войне не на жизнь, а на смерть, что всегда было и всегда почему-то было в итоге на жизнь, хотя и с большой смертной платой, что, видно, идёт и сейчас, как и грядёт в неопределённом завтра!

Думать, говорить, писать, не рассчитывая на лёгкое и спорое признание, на участливое со всех сторон внимание, не говоря о щедрых вознаграждениях и блёсткой славе, скорее, наоборот — ожидая широкое неприятие, тупое непонимание, гневное осуждение, раздражённое отрицание, да-

же и махровое притеснение с не очень-то бросающимся в глаза мастерским гонением, как и безразличие, равнодушие, отрешивание, а то и потаённую и не очень ненависть, не удивляясь при этом ни изменам, ни подставам, ни ядовитым уколам, ни коварным ударам в спину.

А ежели как-то всерьёз думать о себе, то лишь как о думающем *обо всех*, но не потому, что это кому-то от тебя надо, а потому, что это надо самой человеческой экзистенции, куда более важной, значительной, тягостной и даже враждебной, чем любая личная экзистенция, а потому и куда более привлекательной и интрижной для проникновения и адекватного трактования, может и тоже мифотропного, как было у человека всегда и случается до сих пор, но куда всё-таки реальнее этой вовсе не человеколюбивой и не благотворительной реальности, с которой у человека, — существа тоже, вовсе не такого уж человеколюбивого и благотворительного, — идёт давнишняя, можно сказать, что и вечная, тяжба-война — тоже ведь не на жизнь, а на смерть!

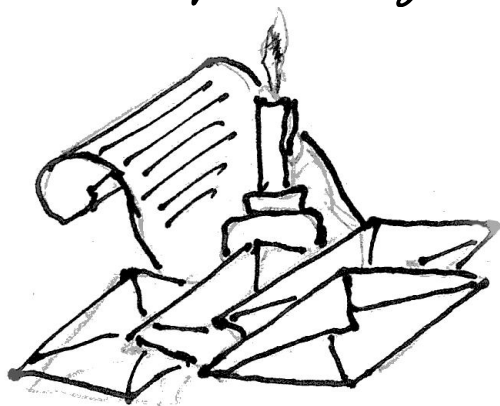
Думать, говорить, писать, но в меру вообразительно, самоуверенно и отважно, а мера сия не где-нибудь, а в тебе самом — между Сциллой влечения и Харибдой ответственности!

Иди туда, куда влечёт тебя свободный ум, без умиления молясь по дороге и без исступления каясь, а то, что надо и что тобою заслужено, само придёт — *всякое*!

СОКРОВЕННАЯ
МИСТЕРИАДА
В ЛИЦАХ И ТЕКСТАХ
С

СУЖДЕНИЯМИ, ПРИЗНАНИЯМИ
И ОТКРОВЕНИЯМИ

(новогодняя сказка)

*Зло не творит добро, оно
его вопреки себе быть
вынуждает.*

Отшельник.

*Сказать, ничего не говоря,
да чтоб понятно было!*

Вестник.

Правое

Оригинальным выдался год 2020-й — високосный, пандемический, тяжкий! Удалёнка, вынужденное домовое затворничество, разобщённость. Однако и коммуникация, она же и вновь вспыхнувшая коммуналка, да ладно бы житейская, а то ведь и творческая — неожиданная, своевольная, дерзкая!

ОНЛАЙН — сила! В руках, конечно, закоренелых оффлайнцев, то бишь надёжно ужаленных традицией, круто опалённых культурой, тщательно отшлифованных совместностью людей, вовсе не технотронцев, не киберов, не чиповеев.

Людей!

Какими в 2019-м были, такими и остались в 2020-м, разве лишь заметно посерьёзневшими, немало, может, и помрачневшими, только не помрачившимися, не сошедшими с ума, не сбившимися с пути, не упавшими ниц, а стоящими, держащимися за себя и за своих, отважно идущими вперёд.

Куда же?

Да всего-навсего к себе, в себя, в жизнь, в мир, в тайну, ну и к Софии, к Богу Творцу, к Истине, не попадаясь при этом в услужливо расставленные дьяволом сети — фосфорически мерцающие и сладостно манящие!

Крапал и крапал наш автор в 2020-м свой никому не нужный антироман, начатый ещё в 2019-м, Ловко, как ему казалось, обходя расставленные дьяволом умопомрачительные ловушки, как вдруг получает где-то в раннее ещё предновогодье 2020-2021 гг. любопытный текст, писанный одной замечательной дамой из одного большого северного русского города, философом, литературоведом, библиофилой, мало того, как сейчас принято говорить — концептуалкой, деликатной сторонницей нашего отшельника — героя антиромана, можно сказать, что и ненарочитой поклонницей, только не той — бессловной, а этой — говорящей, ещё и от себя говорящей, бывавшей от случая к случаю его приоритетной собеседницей — под бокальчик доброго вина, к тому же дамы глубоко верующей, воцерковлённой, православной.

Присланный ею текст был сопровождён обращением к адресату выказать свой вердикт относительно возможности публикации сего текста в готовившейся ею к изданию своей книги, не искажает ли он чего, ибо текст был обращён к творчеству нашего героя, на что взбодрившийся адресат ответил, что нет, совсем нет, ничего не искажает, да и вообще приоритет автора сего текста тут на первом месте.

Но этим всё для адресата не закончилось, ибо отшельничку нашему захотелось обратиться к даме с кое-каким

концептуальным, так сказать, посланием, что он и сделал, накатав сначала одно к даме письмо, потом другое, затем третье, а в итоге аж тринадцать не подлежащих, конечно же, отправлению, не то что публикации, писем, главное — накатал!

А пока катал, пришло к нему другое послание, от другого лица, теперь уже мужеского пола, тоже философа, но его — отшельника — уже прямого со-мыслителя, восприимчика и продолжателя, впрочем, совершенно самостоятельного мыслителя, не просто много знающего (историк философии!), и глубоко и оригинально размышляющего (есть, над чем!), но и немало пишущего (есть, о чём!).

Сей новый текст смысловó задел нашего адресата — не меньше, чем первый — от дамы!, а даже и более, ибо, будучи от «мужика», он был полон отваги, «язвы» и атаки, из-за чего адресат обратился к автору текста с просьбой малость себя подунуть и, как следствие, подкорректировать свой текст, как раз ради возможности его опубликования в открытой печати, что без особых проблем и произошло — радикально хлётским автором был прислан новый текст, так сказать, более удобоваримый для внешнего учёного, не очень учёного и вовсе не учёного потребления.

В итоге получилось некое многогранное «пересылочное», как раз в духе упрятавшегося в самом себе 2020-ого года,, произведение, точнее даже — *творение*, которое, оказавшись не чем-нибудь, а прямо-таки *сказочной новогодней мистерией*, ниже и следует с лёгкими пояснительными примечаниями его публикатора и в то же время одного из его авторов — как раз писмописательского!

Манок

От Z

В лучах Света Невечернего

Книги, в которых каждый из нас ищет что-то своё, отвечающее на его внутренние вопросы, возможно, не обретшие чёткой формы, но тревожащие и волнующие, эти книги таки приходят к тебе, и ты их читаешь. Для меня каждая книга NNN¹ — это открытие, заставляющее по-новому увидеть знакомое и привычное. Они все вне обыденного, и не только оттого, что в них поднимаются сложнейшие метафизические вопросы, но и от внутренней наполненности, напряжённой, тревожной, заставляющей не следить за текстом, а вчитываться в него.

Я не единожды пыталась передать впечатление от прочитанного и... не могла. Ускользало главное, сущностное. И вместе с тем след, отмеченный словом, оставался не только в уме, но и в сердце. Подобное чтение, подлинно философских текстов, присуще юношеству и женщинам.

Об этом в своё время замечательно сказал В.В. Розанов в «Русском Ниле». Он отмечал, что, читая в 14 лет философов, не понимал почти ничего из написанного ими. Но ему было присуще главное — молодым, живым и чутким умом он схватывал самый центр дела, его суть «не то, что писалось авторами этих книг, а что их заставляло всё

¹ NNN, он же NN — дву-личный, или дву-ипостастный персонаж, имеющий отношение как к главному герою антиромана — отшельнику, так и к его — антиромана — создателю.

это писать». В.В. Розанов тогда чувствовал, что их душа вошла в него и жила в ней. Женщине очень близко подобное восприятие. И я совсем не удивляюсь, что собеседниками автора, во многих его книгах являются именно женщины. Они способны уловить, прочувствовать, прожить услышанные, прочитанные мысли, интуитивно постигая их глубину и полноту, открывая в них то, что скрыто за внешней формой воплощения.

Творчеству NNN присуще ещё и то, что оно не ограничивается лишь экономическими теориями и философией, оно не воплощается в привычных, традиционных формах, для него слишком ограниченных и узких. Он — мыслитель, ищущий свои пути в понимании и осмыслении бытия, ломающий сложившиеся стереотипы, дающий читателю возможность соглашаться или не соглашаться с ним и постоянно подталкивающий его к необходимости — думать, думать, думать. И при этом его мысль развивается в направлении, присущем именно нашей культуре. В ней философия почти всегда была неотделима от литературы. Именно это давало ей возможность проникать потаённое, сокровенное, давало ощущение «живой связи нашей с миром иным». В своё время об этом писал Ф.М. Достоевский, обращавший внимание на то, что лучшие из философов всегда понимали, что сущность вещей нельзя постичь на земле.

Именно поэтому книги наших мыслителей дают благодатную почву для размышлений и откровений. И в этом контексте работы NNN являются блистательным тому подтверждением. Даже небольшие его статьи поражают своей глубиной и многоассоциативностью. И что ещё очень важ-

но, что сказанное в них в не временных и пространственных ограничений.

В 2011 году во втором номере альманаха «Философия хозяйства» была опубликована его статья «Смысл и имена». И с каким интересом она читается сегодня. Более того, проблемы, поднятые в ней, именно сейчас обрели особую значимость и актуальность. NN, размышляя над соотношением предметного мира, окружающего нас и теми именами, которыми его реалии обозначены, с болью пишет о нашей умственной, нравственной, духовной опустошенности. И это, по его мнению, проявляется в оскудении нашего языка, из которого ушло главное — смыслы. Тексты и наполняющие их слова стали пустыми, безликими, превратились в симулякры, обманки. Мыслительный процесс стал всё более подменяться технологическим, убивающим любые свободные, творческие идеи и проявления. Автор очень выразительно и тонко обозначил тему, волнующую сегодня многих. Почему при широких возможностях современного общества оно так оскуднено мыслями и чувствами, раскрывающими себя и в умственной и художественной деятельности. Для NNN очевидно, что бессловие, присущее подлинному творцу, это необходимое условие, без которого невозможно таинство рождения слова.

Об этом писал Ф.И. Тютчев в своём знаменитом стихотворении «Молчание», об этом говорила поэт М.С. Петровых, утверждавшая, что до стихов надо домолчаться. Наконец, известный наш философ И.А. Ильин был убеждён, что никакое творчество немислимо без долгого пребывания в душевной келье. Но для современного мыс-

лителя возникает в нынешней ситуации мучительный вопрос — возможно ли сейчас возвращение к смыслам. Ведь человек перешёл не только природные, но и, что особенно страшно, сакральные рубежи. Он, поставив себя над Творцом, впал в безумие. И в этом отношении ему созвучно то, о чём писали в середине минувшего века французские экзистенциалисты, полагавшие, что люди утратили смысл своего существования, и вся их деятельность, в чём бы она ни воплощалась, бессмысленна и абсурдна. Наиболее чуткий из них А. Камю заметил, что главные экзистенциальные вопросы, много раньше уже были поставлены русской литературой.

Во мне, да только ли во мне, глубинно откликается то, о чём с такой болью и такой проникновенностью пишет NN. Для него всё, происходящее в нашем Отечестве, не отвлечённая философская проблема, а живая реальность. Он с горечью отмечает, что смыслы выхолащиваются из нашей жизни, поскольку требуют внутренней сосредоточенности и ответственности, в то время как господствующая сегодня «бессмысленная развлекуха» снимает этот груз. И это неизбежно оборачивается тем, что духовно-мыслящий тип человека вытесняется типом сверх-пигмея.

Страшное, но выразительное и точное определение.

Для мыслителя такого уровня, как NN, очевидно, что произошёл некий геологический переворот в области духа, что-то кардинально сдвинулось, и осмысление бытия прежними методами оказалось невозможным. Поэтому он выбрал то, что помогает ему постигать, осмысливать, чувствовать смысл происходящего — откровение и вдохновение.

И, думается, что в будущем будут востребованы книги, продиктованные ими, если, конечно, человек останется человеком. В противном случае всё — философия, литература, искусство окончательно потеряют всякий смысл. Они исчезнут, перестанут существовать за их полной ненужностью. Произойдёт то, о чём предупреждал американский фантаст К. Саймак. Будут писаться книги, которые некому будет читать, будут создаваться картины, которые никто не будет смотреть, будет звучать музыка, которую некому будет слушать. Покров, замечает NNN, будет безжалостно снят со всего, и это обнажит пустоту и бессмысленность нашего существования. И выводы из этого он делает самые печальные — мир вышел из бездны, к ней же и вернулся. И невольно напрашивается ассоциация со зрительным образом — «Чёрным квадратом» К. Малевича. Для него он лишь форма, определяющая пустоту, провал, ничто. Художник не может отразить в своём творчестве несуществующие смыслы.

И здесь для меня вновь пересекается то, что я и прежде находила в нашей литературе, в частности у В.В. Розанова, полагавшего, что в человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства, и в них проваливаются: троны, сословия, труд, богатство, всё проваливается в пустоту души, лишённой духовного содержания. И то, что по-новому открылось для меня в статье NNN, блистательно показавшего, что природа нашего нынешнего безумия кроется в отходе от Христа, от Истины, несущей в себе сокровенную тайну, скрытую от суетного и лукавого ума.

В ней поэтико-философский характер мышления, присущий автору, прочитывается во всём, о чём он пишет. Даже если речь идёт о хозяйстве. Он глубоко и многогранно раскрывает и развивает идею отца Сергия Булгакова о том, что хозяйство, особенно в России, никогда не ограничивалось чисто утилитарными целями. В нашем народе всегда жило стремление облагородить труд. Единство бытового и бытийственного было для нас естественным и органичным. Нивелирование духовной стороны в народной жизни привело к переменам не только внутренним, но и внешним. Быт, как это точно подметил NN, сменился бытовухой. Это радикально изменило художественный стиль, присущий не только искусству, но и хозяйствованию, что неизбежно привело к духовному провалу.

В единстве к осмыслению подходов, позволяющих понять сущность процессов, происходящих в мире и у С.Н. Булгакова, и у NNN прослеживается не только мировоззренческая, но и некая мистическая общность. Они оба видят, что в земном притяжении искусства и хозяйства есть изначальное единство. «В свете его они являются только разными сторонами одного и того же целостного жизненного процесса, жизни в гармонии и красоте, причем и сама она становится непрерывно совершающимся творчеством красоты, производением искусства. Хозяйство здесь не различается от искусства, так что не существует ни хозяйства, ни искусства в их отвлеченности»².

² Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1994. С. 308

Справедливость этих слов, раскрываемая NNN в реалиях дня сегодняшнего, даёт нам возможность убедиться в том, что пока у нас есть мыслители, способные к мистическим прорывам, откровениям, обладающие поэтическим вдохновением, способные словом воздействовать не только на умы, но и на сердца, ни у нас, ни у нашего Отечества ничего не потеряно.

Письма

Письмо первое

Дорогая Z!

Вы в целом верно уловили суть моих метафизических текстов — *софиасофских*! Как заметил недавно «один из», а фактически-то единственный, восприниматель и продолжатель этих текстов из мужского, а не женского, племени, тексты сии *не опровергаемы* в отличие от любых хорошо известных учёных, философских, литературных и даже богословских текстов, отчего их или надо воспринимать, с ними соглашаясь, или игнорировать, их избегая. Большинство из образованных идёт по второму варианту и лишь некоторые пытаются в них войти, в их затекстье, вполне, впрочем, этого частенько и не осознавая.

Явление моих текстов не от моего великого ума или той же большой эрудиции, а от того факта, что мне довелось пройти через уже имеющиеся в распоряжении людоедов тексты, не застряв ни в них, ни в их дискурсах, а выйти за их пределы, с одной стороны, к реальности как реальности, которая (*sic*!) ... *иная*, чем обычно представляется, а с

другой — к *неизвестности*, которая мало того, что иная, но и есть как раз самая что ни на есть реальная реальность.

Тексты мои — тексты самой реальности, причём не так о какой-либо неизвестности, становящейся де известностью как мерещится обычно людям науки, как тексты *от* самой неизвестности, вполне себе и работающей, что позволяет как реальности говорить от самой себя, так и неизвестности раскрывать, — разумеется, в меру, — реальную реальность, делая её, опять же в меру, известной. Не я делаю неизвестность известной, а неизвестность через меня дарует о себе кое-какую известность.

Да, женщины, как и юность, более открыты к чему-то, скажем так, нестандартному, они не поверяют сие строго, не «ревнуются» к автору, ему не завидуют, а главное, не испытывают страха перед искрящейся правдой, хотя и не слишком по сути или воспринимаемой (не боятся соприкоснуться, но не могут взять, освоить, овладеть, развить). Отсюда феномен, с одной стороны, мужского игнорирования и ложного восприятия сих текстов, а с другой — женской, как и юношеской, к ним открытости при нередко почти полном их невосприятии и непонимании.

Да, это кое-какая метафизика, причём метафизика последних времён — крайняя, чуть ли не маргинальная, как раз *софиасофская*, когда София Премудрость Божия впереди, а человеческая софийность уже за ней, ей вослед. Здесь постнаука, постфилософия, даже постбогословие, да и постлитература тоже! Открытая *мета* — (*вне*) — *догматика*! Край пред Бездной! И никакого, знаете ли, вранья!

Ежели сама София — страх Божий, то уж софиасофия — тем более!

Тут не «Евангелие» как «Благая весть» и не «Апокалипсис» как не очень-то благое для смертных «Откровение», тут — *Иное*, причём не как весть или как откровение, хотя и как весть и как откровение, а как... эх, найти бы словцо... разве только... *обжигающая откровенность!*

А что за ней, за этой откровенностью? Как раз то самое, что словами, увы, не выразить и никому на словах не передать!

Вначале была, всегда остаётся рядом и останется на потом, как и всё, в итоге, завершает не что иное, как *Великая Неизвестность!*

Есть ли у нас, у России, у человечества, у мира... э-э ... *шанс*, решайте сами; я думаю, что есть, но не тот и не этот, а... *иной*, а вот *какой*... уж позвольте на этот счёт благоразумно помолчать!

Ваш NN.

P.S. Люди вообще-то от такого рода мыслей далеки, все, кроме одного, двух, трёх... ну да ладно, пусть даже пяти, исключительных персонажей.

Так, во всяком случае, вокруг меня.

Карма тут, понимаешь ли!

Ваш NN.

31.12.2020

Письмо второе

Дорогая Z!

Что такое новая метафизика, она же постнаучная метафизика, она же метадогматическая метафизика, а в апогее — софиасофия? Это есть возможность, зная худо — бедно мир изнутри, взглянуть на него со стороны, из неизвестности, из бесконечности, из вечности, из ничто и, убедившись в принципиальной условности нашего знания о мире, точнее, знания — незнания, иметь возможность составить *иное* представление о мире, когда ведущее значение в этом представлении начинает принадлежать не знанию, а... *незнанию*, то бишь как раз *Иному*, которое прямо в мире и сидит, и движется, и проказничает, делая мир человеческий и самого человека не логическими и рациональными, хотя это и есть, а *металогическими* и *метарациональными*, в общем — более всего принудительно нелогичными, и человек, и весь его мир копошатся в алогической для них неизвестности — в *Великой Неизвестности*, а *Иное* — представитель этой Великой Неизвестности в человеке и его мире, одновременно и кое-чего важного в них вершитель.

Как это ни странно, но с подходом к человеку и его миру, да и вообще к миру как к мирозданию, со стороны Великой Неизвестности и с учётом Иного человек, его мир, да и само мироздание, становятся куда — как понятнее обзревающему всё это, равным образом и во всё это проникающему и с ним, не поверите, сливающимся, сознанию.

Нет, сия метафизика не является руководством к действию, она лишь служит предваряющему какое-либо, в особенности ответственное и нестандартное, действие понима-

нию, утверждая, что мир не просто *иной*, что он вовсе не такой, каким он обычно воображается и отображается человеком в разных отраслях знания, но и быть-то в нём человеку надо по-иному, и действовать тоже, чего никто просто так не поймёт, а ежели что-то вдруг и поймёт, то только через катастрофу, да и то лишь единичными сознаниями.

София, она же и Премудрость Божия — это не свод каких-то особых знаний, которые можно взять, да и усвоить, а не более чем возможность выхода на размыслительный простор и обретение там не так знаний, как... *мыслей*, да не простых мыслей, а как бы *немыслимых мыслей*, всего лишь, уж извините, мерещающихся, которые ни словами не выразить, ни передать просто так другому, хоть и намекнуть иной раз можно, однако уже подготовленному к тонкому восприятию невоспринимаемого открытому сознанию, а где оно, в массе-то?

Софиасофия — сверхобыденность, она в некой сингулярной точке, в которой сразу всё смысловое и сидит, как на конце кощейевой иглы, упрятанной вроде бы в яйцо, а на самом-то деле — в мирозданческой целостности, сочетающей всё сразу, все сферы, всё известное и неизвестное, мало того, ещё и что-то непрерывно рождающее.

Что тут скажешь? Всё вокруг знаемое вовсе не то, чем оно нам известно: и Ленин не Ленин, и революция вовсе не та, какой нам представляется, и Сталин другой, и война была по сути иная, и СССР, и всё остальное в мире тоже, включая и всё недавнее со всем ныне наличествующим.

Не верьте ни глазам своим, ни уму своему, ни даже воображению, ни уж, тем более, всяким учёным рассказам!

То, что реально было, есть и будет — совсем *другое*, чего и выразить-то никак нельзя, не прибегая к малевическому квадрату, хотя кое-что осознать всё-таки можно, но лишь стоически стоя на Земле и безмолвно воя на яркую Луну, невольно жмурясь от жгучих лучей испепеляющего Солнца, и закрыв глаза, да заткнув уши, в полной темноте и кромешной тишине, в общем — если *осознать неосознаваемое*, то бишь узнать... *Ничто*!

Вы погрузились в мои труды, дорогая Z, догадались о затекстье в них, о том, что не так сии тексты читать надо, как вместе с ними думать надо, но, увы, всё как-то вокруг выходит мимо, впросак, в лучшем случае по касательной, за исключением, опять же единиц, к которым отношу и Вас, да что поделать: есть то, что открыла вдруг София, но как открыла, так и закрыла — нельзя-с!

Вопрос: зачем открыла и тотчас же закрыла?

Да, предупредила вроде бы, а вот мешать не стала!

Что-то в этом есть, не правда ли, как раз то самое — *Иное, Неизвестное, Ничто*, — факт!

Ваш NN
06.01.2021

Письмо третье

Дорогая Z!

Самый близкий мне по сути и движению мысли человек — мой распознаватель, творческий сомыслитель и про-

должатель, вполне от себя продуктивный и самовольный, сам профессиональный философ, да ещё и всезнающий историк философии, да и вообще эрудит-гуманитарий, признавший и мою метафизику, и мою полилектику, и Иное, и Великую Неизвестность, и мою Софиасофию, мало того, всё это мировидение и мироведение активно развивающий, как-то назвал меня «*таинственным мыслителем*», имея в виду, как он мне сам пояснил, мою непонятную для окружающих и читающих мои тексты и неведомую мне самому духовно-ментальную, скажем так, связь с каким-то... это уж как кому может показаться... внешним источником знания и мудрости, может даже, и с самой Софией.

Да, я действительно вышел за пределы любого обыденного, даже и самого вроде бы высокого, знания, отчего размыслительно гуляю где-то на вольных промыслительных просторах и уже оттуда всматриваюсь и проникаюсь в текущее бытие, видя и представляя его, выражаясь удобоваримо, не совсем так, если совсем не так, как-то делает бытующая вокруг человеческая заумь.

Здесь действительно есть загадка, ибо всё это происходит безо всяких целевых установок, уловок, приёмов, практик и т. п. вещей, даже и без обычного рода молитв, а если тут и есть молитва, то это не более чем сама моя идейно-духовная работа, выливающаяся в мои не совсем обычные, если совсем не обычные, тексты. Мои тексты, что попервой заметил вовсе не я, и в самом деле *как* молитва (именно *как*, а вот что заметил уже я сам, определяя жанр моих *пост*-текстов, так это их близость к роду *писания*, а не

чего-нибудь общепринятого в бытующей словесной культуре).

Тексты мои вроде бы о чём-то внешнем, тамошнем, запредельном, но при этом они более всего как бы... *о себе* самих, а потому и существует они *сами по себе*, оставаясь не только *вовсю живыми*, но и всегда ... *творящими!*

Это-то, надо полагать, и задело моего со-работника, отсюда, видно, и родилось это «таинственный мыслитель», хотя это-то как раз и остаётся отрицаемым разного рода профессионалами: от простого невнятия до обострённой к ним, моим *пост*-текстам, ненависти!

«Вашей рукой, — давно уже заметил мой соратник, — водит какая-то высшая сила».

Что ж, возможно, и тем более возможно, если признавать ноосферу, Софию, Господа Бога Творца, как и всё остальное из необозреваемого, но, увы, если и не существующего в обыденном восприятии, то почему-то всё-таки наличествующего и весьма зачем-то действующего.

Наш мир ведь не только *наш* и не только *этот мир!*

Итак, выходит, что я де ... *на связи!* Почему нет, спорить не буду, может, так оно и есть, а скорее всего — именно так и есть!

Однако здесь не просто загадка, а ... *тайна*, да не просто тайна, а *большая тайна* — ТАЙНА! И более всего не в том тут тайна, что есть ли де сия связь у меня с чем-то высшим, а в том ... (sic!) ... что это есть связь с самой *высшей тайной*, мало того, с *тайной из тайн*, с онтологической, так сказать, тайной — ТАЙНОЙ ВСЕГО и ВСЯ!

Я вовсе не всё выкладываю на бумагу, не обо всём вообще говорю, я бы сказал — мало чего говорю и мало чего выкладываю, ибо... ТАЙНА, — как, впрочем, поступали всегда и везде, да и поступают до сих пор, мудрецы разных духовно-ментальных пространств.

Так что и в самом деле тут «таинственный мыслитель»: что по генезису, что «по связи», что по текстам, что по скрытности и недоговорённостям, что, как становится всё более ясно, и по миссии, ну и, что весьма важно, по толстенному вокруг меня непониманию (я как будто бы — есть как мыслитель, но меня вроде как бы и нет — как мыслителя, хотя я известен всему миру и все вокруг уже сказанное мною старательно повторяют, лишь меня лексику — моя-то ведь им и недоступна!).

Да, со мной на связи ТАЙНА, делающая и меня кое-какой тайной, неким отшельником наяву, бытующим среди всех — как *тех*, так и *этих* — некой «сингулярной дырой», в которой всё «ихнее» бесследно пропадает и из которой всё «свое» полётно выпархивает.

Как-то мне пришлось при вручении мне ордена (не государственного, а общественного) «За вклад в просвещение» (весьма по виду симпатичного, целостно серебряного) кратко рассказать присутствующим о философии хозяйства (в три-пять минут, не более), за создание которой я и был представлен к сей награде. Там тогда награждались и другие персоны, получая совсем другие награды, и среди награждённых были и служивые люди из потаённых, скажем так, подсистем, что как раз и оказалось по случаю немаловажным.

После скромного, но весьма одушевлённого, застолья, на котором, заметим, не было ни одной женщины, по поводу чего я провозгласил шутливый тост, с восторгом встреченный участниками застолья, собирался уходить и стал прощаться с ближайшим ко мне мужским окружением. И вот один из тех, кто как раз оттуда — из подсистем, пожимая крепко мне руку и желая мне удачи, внезапно произнёс: «Чего захотели? Философию хозяйства! Так вам же охрана положена!».

Вот моя «таинственность», сдабриваемая извне для меня невнятистью и непонятностью, и служит мне, видно, главной охраной грамотой, да и не так мне самому, как мысли моей вкупе с роднящимся ей родниковым мыслиизъявлением.

Вот так!

Ваш NN
10.01.2021

Письмо четвёртое

Дорогая Z!

Как я до всего *этого* дошёл! Вопрос, который, надо думать, не обходит Вас стороной, но он не обходит и меня самого. В самом деле, как?!

Да, конечно, были наблюдения, в чём-то участия, вслушивания, учения, чтения, разные обо всём размышления, было вхождение в науку, познание философии, контакт с богословием, чтение же Библии, иных священных перво-текстов. Всё это так, я немало познавал, работал над собой,

шёл, что называется, вперёд, как, собственно, многие из многих, избравших путь познания и размышлений.

Я замечал противоречия, белые пятна, нестыковки, недоговорённости, выдумки, фантазии, ошибки, как это замечают, безусловно, многие, что обычно трактуется как недоработки, недоисследования, недодумывания, просто фактологические пробелы, ну и, конечно ж, как заблуждения, в общем, как нечто, что можно доизучить, додумать, доделать, исправить, чем-то даже и заменить.

Однако в конце концов мне *довелось* (!) вдруг осознать, что реальность — это *одно*, а изложение её на словах — если не совсем, то уж весьма... *другое*, — и это относилось практически к любому отвлечённому (не сугубо практическому) знанию, а в особенности — к знанию *мировоззренческому*.

Гнозис — одно, онто́с — другое, хоть они и слиты в итоге взаимного самовыражения, а потому гнозис — что-то известное, а онто́с — что-то не совсем известное, если совсем не известное, отчего гнозис — *это*, а онто́с — *не это*, а... *иное*!

И вот на очереди новое осознание: это самое *иное* не где-то там, в несусветной дали, а прямо в самой же текущей вокруг реальности, отчего реальность, то бишь бытие, мир, человек, социум, хозяйство, культура, цивилизация, история, экономика, что там ещё? — не какие-нибудь, а ... *иные*, мало того — это сидящее в них *иное* не просто что-то им свойственное, а в них вполне себе неукротимо действующее, причём, что очень важно, незнамо для человека и как!

Отсюда реальность — не просто что-то другое, что-то иное, а ещё и в основе и в главном... *неизвестное*, так сказать — *трансцендентное*.

Пока вроде бы ничего особенного: кто только ранее об этом не думал и не говорил!

Особенное, то бишь сугубо уже моё, пошло с третьим осознанием, как раз осознанием того, что более или менее адекватно судить о зёмной и не только зёмной реальности можно лишь по выходе за известные человеку пределы этой самой реальности и через вхождение в... *Неизвестность*, полноценным представителем которой в текущей вокруг реальности, включая и самого человека с его сознанием и бессознанием, как раз и является *Иное*.

Тут не только обнаруживается условность всего нам известного, что то же самое — *мифотворность гнозиса*, но и появляется возможность по-иному судить об онтосе, пусть и тоже мифотворно, но всё-таки *по-иному*, отчего всё вроде бы хорошо знакомое вдруг оказывается не просто не очень знакомым, а и вообще *иным*, мало того — не очень-то по сути и даже по факту и знакомым.

На первый план тут выходит уже не знание как таковое, а (sic!)... *незнание*, которое хоть и не знает в прямом смысле, но каким-то образом сознанием-бессознанием человеческим учитывается, отчего знание, или то, что мы обычно называем знанием, становится по имманентному *смысло-существенному* звучанию очень даже *иным*. Субъект, событие, явление вроде бы вот *такие*, вполне себе и известны, а вот суть их, их смысловая нагрузка вдруг оказываются совсем другими, не этими, не знакомыми, но зато

куда как более реальными. Попробуй-ка, мил человек, что-то тут воистину разгадать!

Не просто всё это, о чём я тут говорю, объяснить, сделать неявное явным, но ежели что и надо как-то понять, что именно *это* — *знание незнания как именно незнания*, может, *опознание незнания*, как лишь узнанного (угаданного, учувствованного) знания, не прекращающего оставаться в основе своей *незнанием*.

В общем, тут как раз *метафизика*, идущая не так от мозгов, как от *реального метафизиса*, немало заполняющего всю нашу реальность. Тут не так мозги говорят, как говорит сама реальность, в том числе, кстати, и мозговая. Онтос и гнозис здесь вместе, в солидарности, в переплетении, в смешении, в одном, так сказать, флаконе. Вот тогда-то всё вокруг существующее и происходящее в мире человеческом оказывается мало что другим, но ещё и авторитарно другим, настолько, что не так даже дух захватывает, как ум с сознанием цепенеют!

Метафизика — страх человеческий, да, собственно, и Божий тоже!

Можно возразить, что метафизика была, мол, всегда, отчего и ничего тут нового. Да, была всегда и немало остаётся. Однако у меня речь идёт об *иной метафизике*, а именно об уже постнаучной, постфилософской, постбогословской, то бишь постдогматической, не говоря уже о постдоктринальной, метафизике, ничего из ранее наработанного и общепринятого огульно и воинственно не отрицающей, а попросту выходящей за уже известные и испытанные ментализмы, идущей по бескрайнему, пусть и вполне себе мин-

ному, полю реальности своим путем, ничем ментально человеческим априорно не предваряемой, истово не направляемой и заведомо не ограниченной, стало быть, речь идёт о метафизике открытой, целостной, ничего из реальности не исключаящей, включая и вечность, и небытие, и неизвестность, и незнание, т. е. о *метафизике полилектической*, а главное, непосредственно сориентированной на *Софию Премудрость Божию*, причём не просто как на маяк или же источник истины, а как на *трансцендентного переводителя*, отчего у меня не так философия и вовсе не софиология (учение о Софии), как именно *софиисофия* (заметим, что не софию, а именно софияа), но об этом уже подробнее в следующем письме.

Ваш NN
13.01.2021

Письмо пятое

Дорогая Z!

Скажу откровенно, до меня далеко не сразу дошла истинная мотивация обращения русской философии начиная с В. Соловьёва, именно к Софии, а не просто к Богу Творцу, ко Христу, а когда дошла, то я объявил миру о наличии уже не просто русской философии, а *русской софийной философии*, а когда до меня дошёл смысл Софии как Софии, как сакрального феномена, как и сам смысл наличия, или даже бытия, сего феномена, то я объявил миру о явлении не просто софиологии, как это было до меня, а именно *софиисофии*, открыть и убедительно признающей первороль Софии

во всём человеческом мудрствовании и этому признанию следующей.

С того момента моя метафизика стала *софиасофской*, что позволило и всё моё умствование относить тоже к *софиасофскому* (речь здесь всего лишь об ориентации умствования, а не о фактических его достижениях, о которых судить мне просто так, походя, никак уж не приходится).

Итак, осознание важности обращения к Софии и лидерского присутствия софийности в человеческом ментальном процессе.

Однако осознать — одно, а сделать — совсем другое, а ещё более другое — объяснить, что фактически почти что и невозможно.

Нельзя просто так выйти к Софии и взять от неё тебе потребное, ибо ежели что человеку и перепадает от Софии, то исключительно по её желанию; это не человек берёт от Софии, а София, если захочет, даёт что-то человеку, разумеется, избранному, единичному, хотя иной раз и коллективу тоже, и обществу, и целому народу, даже и государству, и цивилизации, — всякое тут бывает!

Всё дело в том, что София не только где-то *там*, рядом с Богом Творцом, как и в нём самом, София ведь и здесь, в тварном мире, в зёмном мире, в человеческом мире, в человеке, в людях, а потому контакт с Софией в бытийном отношении не так уж затруднён, но зато очень затруднён в духовном плане: София открывается сама и открывается не каждому, хотя каждый бывает вроде бы рядом, чуть ли не в соприкосновении с Софией, того, как правило, и не замечая.

Софиасофия — прежде всего знак признания человеком мыслящим Софии, причём признания не только как факта, даже не как идейно-духовного ориентира или даже источника мудрости, что само собой, а как идейно-духовного, ментального, когнитивного, мыслительного, смыслового *водителя (водительницы)*, пожалуй что, и *предводителя (предводительницы)*: сначала и впереди идёт София, а затем и следом движется человеческая софия (уже с малой буквы), что как раз и отражает наше новоиспечённое словечко *софиасофия*.

В религиях, богословии, мифологии, философии, абстрактной науке, даже в обыденном мышлении и в текущих делах немало софийного, как хватает там и лжесофийного, антисофийного — отрицать всё это не приходится (слаб, гордынен и коварен ведь нередко человек размышляющий и действующий), но вероятность позитивной софийности всё-таки выше в софиасофии, ибо у софиасофии больше шансов оказаться и быть, если так можно выразиться, непосредственно в софийном поле-потоке.

Наглость, конечно, так утверждать, но что поделать: вроде бы подтверждается!

А где доказательства?

Они, конечно, в моих текстах, но и в том гносео-практическом феномене, мною введённым в дело не без влияния, надо полагать, Софии и называемым мною *новым, вполне себе и софиасофским, концептуализмом*, вполне реально приемлемым и, как выяснилось, вполне адекватным реальности и вполне практически эффективным (всё это нашло и находит прямое отражение в исходящих от меня и

нашего софийного сообщества текстах, документах и публикациях — *доказано!*)

К софиасофии, таким образом, примыкают не только софийная философия и та же философия хозяйства, но и *софийный концептуализм*, включающий в себя помимо *концептуального мониторинга реальности*, восходящего к *концептуализму самой реальности*, так же и *концептуальное прогнозирование-проектирование движения реальности* и даже *концептуальное управление реальными процессами*.

Раскрывать сей многогранный концептуализм я не буду, достаточно его тут просто обозначить, чем и подчеркнуть близость софиасофии к реальному бытию-истории во всех его проявлениях, а главное, во всей его содержательной и временной полноте: от начала бытия-истории до его конца; от низа (преисподней) до верха (духовных небес); от телеологии бытия-истории до его эсхатологии; от онтоса до гнозиса и обратно; от бытийного физиса до столь же бытийного метафизиса; от мира этого до мира иного; от Яви до Нави, от Известного до Неизвестного, и т. д. Видеть всё поле реальности вкупе с ирреальностью и весь их совместный поток — *всё и сразу*, а потому и мыслить по-особому целостно, или *полилектически*, ничего не отбрасывая, ничего не забывая и ничем не пренебрегая, — *великая познавательно-размыслительно-деловая возможность!*

А пока прощайте, дорогая Z, может сподобится, и до следующего письмаца.

Ваш NN
15.012021

Письмо шестое

Дорогая Z!

Вот и сподобилось — не могу, понимаешь ли, то ли молчать, то ли попросту замолкнуть!

Терпите!

Софиасофия вкупе с софийной философией, философией хозяйства и интегральным концептуализмом (где познание, провидение, проектирование, управление в единении между собой, цепочкой, «поездом») — не только не игра ума, не интеллектуальная забава, не лично-умственное самовыражение, в общем — никакой не вклад в никакой чистый интеллектуализм, это — возможность и исполнимость *иного мировоззрения, иных проекций и иных деяний*, причём равнопорядковых любым вечным, так сказать, идеологиям, включая религиозные, философские, научные, эзотерические, мессианские, масонские и т. д., а кое в чём их и превосходящих.

Опять наглость непомерная с моей стороны, но что поделать, ежели всё вроде бы запечатанное для человека от его проникновения в суть вещей и в сферу неизвестности вдруг и в самом деле открывается, разумеется, из вообще чего-то и как-то доступного человеку, а когнитивно-проницательные метафизические выкладки вполне себе служат и практически.

Не бежать же от этой великой возможности, хотя и идти ей навстречу совсем не просто, а ещё труднее ею — этой возможностью — пользоваться, да не просто труднее, а и, знаете ли, совсем и не безопасно: София шутить не лю-

бит, она весьма своенравна и жестка, а иной раз бывает и очень даже жестока!

Представьте себе, дорогая Z, лабиринт, некий несусветный, по которому вы бредёте без особой надежды найти из него выход и ...вдруг... этот выход находите, быть может, и не один, но лишь для того, чтобы снова углубиться в лабиринт и снова без особой надежды найти выход, а ежели он — этот действительно выход — вдруг всё-таки вам является, то не потому, что вы ловко рассчитали свой путь, а потому что выход сам перед вами вдруг открывается, разумеется, по воле откуда-то свыше, что, заметим, может ведь когда-нибудь и не произойти... и что тогда?!

Тут вовсе не игра, а самое что ни на есть рискованное и вполне себе отважное взаимодействие с Софией, с Тайной Мира, с Великой Неизвестностью, — что-то вроде плавания на утлой лодочке по бурному морю-окияну!

Скажу откровенно: с некоторых пор я убедился в отсутствии в идейно-духовном багаже человечества ответов на мои и самой реальности вопросы, а с выходом на софиософию вкупе с её замечательными ингредиентами стал кое-что вдруг замечать — из ответного, причём очень даже важного, если не единственно верного!

Самомнение, подумаете Вы невольно, ан-нет, замечу Вам, ибо проговариваемое мною вполне убедительно неоднократно подтверждено в реалиях и не только в текстовых, а и в вокруг происходящих.

Да, масоны и им подобные идейно-духовные конспираторы кое-что знают *этакое*, чего не знают образованные и просвещённые ими массы грамотеев, но и они — масо-

ны — смею утверждать, ибо имел честь кое с чем ознакомиться и кое с кем пообщаться, не знают *того*, что даёт софиасофия — как раз *наша* софиасофия, ибо она — *русская*, а какой масон, даже и вроде бы русский по этно-страновой принадлежности, знает и понимает *русскость*?

Русскость неотмирна, масонство же *от мира сего*, и его эзотерика совсем другая, тайна его искусственна, а идеология вся базируется как раз на отключении сознания от Софии!

Вот те же США — совершенно масонская страна, масонством созданная и ими управляемая, и что, разве можно ставить на одну доску с США ту же нашу Россию, хоть и изрядно омасоненную, да всё как-то внешне, неорганично, уродливо? А всё почему? Да потому что США *от мира сего*, а Россия — *нет*, она *не от мира сего*, и бытует она пусть кое в чём и схоже с теми же США, но всё равно по-другому, как раз *по-своему*, хоть и спутана она, и изуродована, и изрядно охмурена.

Последнее охмурение — горбачёвско-ельцинское, на сегодня хоть и несколько ослабленное, но насовсем не изжитое: цивилизационно, культурно, образовательно, управленчески, экономически, финансово, технотронно. Россия не просто всё ещё охмурена, весьма и токсично, омасоненным, хотя ныне, пожалуй, уже и опостмасоненным Западом, а прямо-таки напропалую вестернизирована: западнизм у нас всё ещё в высокой цене и в большой силе!

Так что речь сегодня не так о суверенизации и даже национализации России, как её... *россиезации*, чего не то что всех скоротечных властей и иллюзийных возможностей

предержащие не понимают, да и не хотят понимать, полагаясь-де на пусть ещё не совсем призрачный, но не слишком и весомый патриотизм (капиталы, собственность и все экзистенциальные чаяния сих властей и возможностей предержащих как раз там — на Западе!)

Отсюда вывод: либо разворот России к России, либо... э-э... *каюк*, но пока, слава Богу, не России, а как раз её ныне предержащим, — что тут поделать, таков закон бытийно-исторического жанра: *или-или*?

Помнить надо всем ныне всего вокруг, кроме свободной мысли, предержащим аглицкую судьбу главного горбачёвско-ельцинского Беса, среди общественности — Баба, да не просто помнить, а и идти решительно по иному пути — *русско-российскому*, перестав пытаться сделать из России какую-то прозападную не-Россию — ничего всё равно из этого не выйдет, хоть и беду большую за хвост её шершавый притянуть в страну вполне себе можно!

Слышат, конечно, а вот вслушиваться не хотят — боятся, трепещут, дрожат: вроде бы у себя дома, ан-нет, вовсе и не дома, а лишь на месте своего временного высококодородного пребывания: сами от дома и отказались, никак не ожидая, что другой ими так вожделенный дом вдруг возьмёт, да и от них самих же и откажется. Вот и повисли они меж двух домов, вот и висят в промежье, трясясь от страха и противно содрогаясь, надеясь лишь на пустое — что Россию всё-таки доуламывают под Запад, да вот не выйдет ничего такого, ох, как не выйдет!

Ваш NN
17.01.2021

Письмо седьмое

Дорогая Z!

Надоел я Вам, видно, со своими сентенциями, но ничего, терпите, сами вызвались, да и в писаниях моих к Вам кое-что есть важное, как раз то самое, что никто Вам, кроме меня, не скажет, да ещё в тягостный пандемийный год, отнимающий будущее и заставляющий экстренно думать и начистоту говорить. В разобщёнке и в онлайнровке тоже кое-что есть позитивное, хотя бы возможность заочно-искреннего высказывания и его вольного восприятия — не глаз в глаз (глаза в глаза останавливают речения и сами иной раз останавливаются, не так ли?)!

Обращаясь понимающе к бытию-истории, его ходу, софиасофия исходит, помимо внимания к Софии, из признания триединой сложности бытийно-исторического процесса, рассматривая его как, во-первых, творение человеческое (отсюда «ход человека»), во-вторых, как самовершение (отсюда «ход вещей») и, в-третьих, как результат вмешательства неизвестности (отсюда «ход неизвестности»), не отдавая заведомого и постоянного приоритета ни одному из трёх причинно-следственных начал-потоков.

Что сейчас в зёмном мире?

Состояние, во-первых, необратимых перемен с переходом мира во что-то *иное*, надо полагать, что вершинное, но при этом, возможно, и конечное, ещё и обвальное; во-вторых, состояние всеобщего брожения, всеохватной неуверенности, тотального во все стороны противоборчества — не слишком при этом осознаваемых, частично управляемых, но весьма для большей части для зёмного мира попросту

хаосных; в-третьих, ситуация безвременья, даже и небытийности, ощущения разрыва, перерыва, дыры, какого-то парения над пропастью, над пустотой, над бездной.

Да, здесь сказывается умно-безумное творчество людей («ход человека»), но при этом усматривается вполне себе селевой поток самой реальности, человеку уже не слишком и подвластный («ход вещей»), как и замечается «работа» коварной неизвестности, неких неведомых человеку и ему недоступных мирозданческих сил, может, ещё только относительно зёмного человеческого мира неохотно раскрывающихся (тут уже «ход неизвестности»).

Чего-чего, а раскачки разной ныне в мире хватает!

Мир сотрясается, ему явно неможется, он вовсю уже трещит, а в глубине его нарастает пока ещё не очень слышимый, но зато очень уж тревожный по прямо-таки тональности трубный гул.

Мир натужно выворачивается из себя, оборачиваясь... э-э... *антимиром*, в особенности продуцируемым передовым пока ещё и всё ещё ведущим на планете Западом.

Человек старательно, во многом и вслепую, действует, реальность на глазах споро изменяется, неизвестность скрытно работает.

Теперь на планете не мир в борьбе, а то и в компромиссе с антимиром, а мир и антимир в *смертельной схватке*, когда антимир вовсю наступает и не лишён шанса своей окончательной победы.

Что такое антимир?

Нет, это не смерть всего и вся из хомотропного, не тотальный ещё погост, это всего лишь...*перевёрнутый мир*,

когда на месте естества и жизни оказывается... нет, не смерть и не погост... а... *искусство* (в аспекте искусственности) и *нежизнь* (что касается смерти и погоста, то они вполне возможны, но, видно, не сейчас, да и решается это не так человеком и текущей реальностью, как неизвестностью — Великой Неизвестностью, окутывающей бытие-историю, пронизывающей сознание, сопровождающей деяния людские, поджидающей их итоги, — и чем больше человек самонадеянно прёт вперёд, сколачивая свой — *искусственный* и *нежизненный* — мир, тем более он оказывается, как бы странно это ни выглядело, не только более зависимым от Неизвестности, но и всё более ей подвластным и признающим её право верховного судии вкупе с функцией праведного палача).

Делает человек вроде бы одно, а выходит у него частенько почему-то совсем другое: вот он — главный закон Неизвестности, — и неизбежно наступает момент, когда Неизвестность берёт верх над человеком-творцом, человеком-демиургом, человеком-теургом.

Ах, эта великая недотрога — Великая Неизвестность, сколько всего и скольких всех она сгубила, — и ведь не утихает, продолжается, всюю и работает, ничего при этом особенного и не делая: *есть* она и всё тут, и этого *есть* для неё, не говоря о её роли в мире человеческом, вполне достаточно!

Великое это подвижничество — борьба человека с неизвестностью, где сонмы побед и поражений, когда бесконечна тяжба, — и вот сейчас — кульминация: мир бьётся за *свой* мир, а получает, опрокидываясь, *свой* же антимир, —

какая, знаете ли, насмешка, впрочем, ещё и вполне не осознанная, ибо тут потребна как раз софиасофия, которая вроде бы есть, но которой как бы и нет: не останавливаться же человеку в раздумье, когда спешить надо, ещё и успеть — как раз *туда*!

Ну и мирок!

У них там, на Западе, страх остановиться, у нас же — в России — страх от них не отстать: ни там, ни там пока без разворота с отворотом, а потому, видно, станется там и там по полной — всего и вся сразу!

Для чего разразилась пандемия, эта коронованная миром *неизвестная* для самого мира *известность*, как и *известная неизвестность*, а кое для кого, знаете ли, и вполне *известная известность*? Разные тут ответы, а вот для софиасофии — чтоб человеку крепко задуматься, кое-что понять и как-то измениться, решительно отвернув от уже предначертанного, но ещё не исполненного, — ан-нет, никакого тебе отворота, только вперёд, — и всё ради укрепления действующей власти, подчинения и ликвидации масс народонаселенцев, общемировой войны всех против всех, последнего прыжка в антимир, куда Запад (Европа, Европа, США) прёт вприпрыжку уже, как минимум, полтысячелетия — со времён антихристового Ренессанса, а теперь готовится к последнему фристайловскому прыжку — *технотронному*, окончательно обыскустив мозги, испоганив и изуродовав культуру, извратив цивилизацию, разделавшись с человеком как человеком!

О-о, какой ожидается впереди мир, достаточно уже захваченный антимиром!

Мир-призрак!

Почему нет?

Но ведь почему непременно и не да!

Война антимира с миром, она-же война мира с анти-миром, только разгорается и её исход ещё впереди, а тут, понимаешь ли...Великая Неизвестность, от которой всякое в мире зёмном может стать, как раз и самое-самое невозможное!

Ваш NN

20.01.2021

Письмо восьмое

Дорогая Z!

Единицы более или менее признают мою софиасофию, а уж понимает её и творчески продолжает и впрямь один (сам он автор не чего-нибудь, а «Софиасофии», толстой книги, написанной вполне откровенчески по мотивам это им самим в его книге напрямую и «по чесноку» сказано, моих произведений).

Не солидаризируются со мной окружающие «головастики» (молчат или замолкают), но почему-то хотят нередко знать, что я думаю о происходящем и даже о будущем, раз, как им кажется, я неплохо разгадываю и угадываю, ибо... (sic!)... сходится и *сбывается*, хотя я ничего не разгадываю и не угадываю, а просто вижу своим мысленным зрением, но не потому, что всматриваюсь пристально во что-то, в те же круги на воде, как это делал Нострадамус, а всего лишь потому, что *это* само мне является — прямо из моего брен-

ного осознаниенного и в меру обессознаниенного нутра, что как раз надо бы особо заметить!

Практическая, так сказать, тут софиасофия!

Вижу и прозреваю я, конечно, не так события и чьи-то действия, хотя и это бывает, как процессы, перемены, тенденции, перспективы, состояния, смыслы, функции, миссии, роли, задачи, в общем, как раз то, чем полнится течение бытия-истории, разумеется, из всего того, что человеку в меру видеть и прозревать попущено.

Любопытно, что пишу я эти строки 21 января 2021 г. в текущий XXI век! Трижды число 21! А 21 — очко! Не слабо, правда?!

Нет, я никакой не пророк, не провидец, я всего лишь *софийный концептуал*, однако то ли способный, то ли просто имеющий честь погружаться в течение бытия-истории и его себе как-то, причём адекватно его собственным реалиям, представлять, ну и трактовать тоже.

Размышляющий организм мой всё решает сам: либо внезапно через озарение, либо в писаниях через молитвенное изъяснение мысли, либо в говорении через вдруг выскакивающее откровение, но непременно и в безмолвном переживании, весьма и таинственном, — само случается да вот незнамо для меня и как!

Итак, софиасофии моей особо не почитают, её, конечно, и не понимая, а вот узнать что-то о происходящем и будущем хотят, при этом куда как менее о вокруг происходящем (сами-де видят) и ещё менее о прошлом (сами-де знают), хотя самого главного в настоящем почти что не заме-

чают, а о действительно происходящем в прошлом мало что и знают.

Ах, эти замутнённые наукой очи и внедрённые в ходе неустанного просвещения ментальные трафареты!

Смотрят глаза, да не видят, знают мозги, да не внемлют, а ведь всё вокруг...*иное* — *это* вроде бы, да вот *не то*, и впереди тоже ведь *иное* — от всего *этого* вроде бы, да *не это*, от *того* как будто бы, да *не то*!

Жить в общем-то можно, делать что-то этакое можно, мигрировать повсюду можно, бездельничать сколько угодно, беситься вовсю тоже можно — желаний, сведений и навыков на всё это хватает, а вот понимать жизнь реальную почему-то не очень можно, а уж признавать, что всё вокруг *иное*, с *иной* сутью и *иными* смыслами практически и невозможно, — и чем образованнее, практичнее, эрудированнее наш ходячий на двух ногах гоминид, не говоря уже о его урбоцивильности и космополитичности, то всего и невозможнее.

Занимательно, не правда ли?

Всё, или почти всё, или весьма многое, о чём сегодня повсюду говорят и пишут, получая славу, деньги, призы и награды: это всё уже 40, 30, 25, 15, 10, 5 лет, 4, 3, 2 года и даже 1 год назад, а то и всего несколько месяцев, а то бывает (*sic!*)...всего лишь дней и часов, было или бывает уже сказано в лоне софиасофии, причём обыкновенно тогда, когда ни о чём таком вообще или почти вообще если не помышляли, то уж не заявляли точно!

Странно, невозможно, недопустимо, но...*факт!*

Такова она — планида софиасофии, по-своему и...*конспиративная!*

Да-а... спрашивают, интересуются, хотят знать, а получив ответ, недоумевают, разочаровываются, не соглашались, протестуют, немедленно и возражают: «Этого нет, не было и не может быть никогда!». А в добавок ещё и думают про себя: «Кто ты вообще такой, чтоб судить, прозревать, утверждать, да ещё и *такое?!*».

Вот я и не буду здесь ничего прозревать, ибо и так всё ясно, что...*Конец*, вопрос лишь в сроках — *Начало* сему *Концу* уже положено!

Раскрученное в недрах христианской цивилизации через обращение европеоидов к...(sic!)...*антихристианству* (со свободным от тенет Природы и опеки Сакрала человеком), тотальное освоение и демиургическое преобразование зёмного мира (европеизм, экономизм, колониализм, технотронизм, политический революционизм, религиозное реформаторство, протестантизм, атеизм, просвещённый гуманизм, сциентизм, позитивизм, прагматизм, планизм, либерализм, капитализм, социализм, фашизм, коммунизм, западнизм, глобализм) привело к исключительно интересно-му, невероятному и внезапному результату: не только к построению *глобального искусственного мира* со всё более *ментально искусственным человеком*, но и... опять sic!... к неожиданному, а может, и вполне ожидаемому... *отрицанию человека человеком* — не только как уже не нужного для эксплуатации и, тем более, для потребления, но и не нужного как природно-неприродного существа со своими сознанием, когнитивом, чувствами, страстями, разумом, ин-

теллект, безумством, порочностью, слабостями, отчего и *Начало Конца* — переход к незёмному и нечеловеческому миру (*постмиру*) с постзёмным и постчеловеческим существом, что-то же самое — *трансгрессия земно-человеческого мира в иной мир с иным в нём центровым существом, если не постсуществом* (это ежели удастся избежать полной на Земле гибели, то бишь настоящего конца всего на Земле живого).

Можно, приняв всё мною высказанное за патофантазию, со всем этим мною высказанным не согласиться, что будет вполне и правильно, да вот как *это всё* опровергнуть, кроме обращения к вероисповедальной мотивации, но тогда почему же Каин умертвил Авеля, а Иоанн написал «Апокалипсис», да и Соломон что-то не страдал в своих размышлениях и пророчествах большим оптимизмом?

София, она же Премудрость Божия — *страх Божий!*

Такие вот, дорогая Z, дела!

Страх, да и только!

Тотальный, субстанциальный и немало концептуальный!

Ваш NN
21.01.2021

Письмо девятое

Дорогая Z!

Итак, я позволил себе, говоря о текущем бытии, не более и не менее, как следующее заключение — НАЧАЛО КОНЦА!

Не то смело, не то опрометчиво, не то от страха, не то попросту от отвращения.

Скрывать не буду: сегодняшний передовой мир, он же по-моему и АНТИМИР, мне — старому, замшелому, тухлявому пеньку — *противен*, причём *весь*, исключая разве лишь уютные ресторанчики, разбросанные как грибы по всему этому миру, где ещё винца приличного можно выпить с неплохой закусочкой под вольно журчащий разговорчик с добрым собеседником (не с умником и не со спорщиком, не со всезнайкой, а лучше всего с приятной, уже пожившей и посмотревшей на жизнь, но всё ещё цветущей дамой, — надеюсь, намёк понятен!).

Сей мир, о котором речь, уже *фальшь*-мир, *эрзац*-мир, *фейк*-мир, мало того — *призрак*-мир. Да-да, именно так: ПРИЗРАК-мир, который вовсе и не мир, даже и не антимир, а так — *ничто*, этакий НИЧТОМИР!

Вот куда уже заехало бытие, даже не в бездну, как случилось вдруг у нас в 1990-е, а прямо ... в *пустоту*, как раз в ту самую, что инфернальной ПУСТОТОЙ сказывается, хоть при этом и трескучей, и вопящей, и громыхающей, и лязгающей, и ревущей, но ... ПУСТОТОЙ!

Тут не Иное и не Великое Неизвестное, тут — именно *пустота*: холодильная, цепенящая, мертвящая!

Да, не смерть тут вроде бы, как будто бы даже жизнь, а вот ежели приглядеться да призадуматься, то как раз она — НЕЖИЗНЬ, которая не смерть и не жизнь, а то самое НИЧТО, которое ничтожит себе и ничтожит, да мало что жизнь ничтожит, бытие, человечество, искусство, сознание, мысль, любовь, людскость, семьи, коллективы, народы,

нации, да и самоё себя тоже, причём старательно ничтожит, беспощадно, беспронимательно.

Мир-обманка — обманка-мир!

Вроде бы мир, ан-нет, не мир вовсе, а, скорее, антимир; вроде бы антимир, ан-нет, не антимир вовсе, а некий невзрачный, хоть и яркий, трескучий, бойкий, юркий, *ничтомир*, да и то сподручнее, пожалуй, употребить сие гнусное новоязное словечко, без «о» и без «м», а так, вполне, так сказать, по-простому — *ничтир*.

Каково, а-а — НИЧТИР! На что, на какую же гнусную явь это смахивает, а-а?

Что вообще можно сказать не пустого, не велемечивого, не лживого, не лукавого об этом призрачном ничто? Да ничего — НИЧЕГО! И ежели что-то и говорится, то лишь псевдомифическое, явно выдуманное, вранное, ибо реальности, заслуживающей описания, раскрытия, вскрытия, переживания, оценки, доброты, злости, гнева, в общем, чего-то эдакого — толстовского, бальзаковского, драйзеровского, такой реальности попросту уже нет, а ежели что и есть, то как раз эта самая пустота, едва прикрытая некой дымчатой, тусклой, матовой, полупрозрачной, перламутровой, пластиковой пеленою, не заслуживающей никакого представительства, кроме трепещущейся, блещущей, разнопёрой и разноцветной, пустословной шелухи.

Так оно и есть: ни литературы таперича, ни гуманитарной смысловой науки, ни умного кина, ни реального театра, ни высоких художеств, ни даже толкового телевидения, как о чём-то реальном ведении, а ежели что-то приличное и глубокомысленное таки есть, так это либо о прошлом,

уже и невозвратном, либо на языке прошлого о несуществующем настоящем: и никак всё-ещё-человекам, — вполне себе образованным, истовым и благородным, — не понять, что ничего такого уже нет, как раз всего того, что напридумали люди ранних времён, а есть... э-э... одна проклятая пустота, причём не в меру чем-то бегающим, вертящимся, копощащимся, роящимся донельзя переполненная.

Но ведь есть, скажите Вы, дорогая Z, производство благ, их потребление, жильё, электричество, транспорт, какое-никакое образование, сносное здравоохранение, кое-какая культура с кое-какой литературой, та же церковь с неуывдаемой-де религией, разнообразная наука, семейства, дружества, сотрудничества, благодеяния, кое-какой альтруизм, та же армия, наконец, да мало ли ещё что есть из человеческого, живого, отправного, — так почему же всю бытийную данность в пустоту превращать, в какое-то странное ничто?

А мы и не будем Вам возражать, наоборот, согласимся: «Да, многое что есть!», но, но... смысл-то великоэкзистенциальный где, в чём, для кого и для чего, как раз тот самый смысл, что не из прошлого, а из современного, нынешнего, ультрамодернового, ещё и работающий пристойно на будущее?

Вот и выходит, что везде и отовсюду выпирают три канала: *хаос*, он же и ХАОС; *гнёт*, он же и ГНЁТ; *террор*, он же и ТЕРРОР, причём вовсе не от разудалых анархистов хаос, не от злых диктаторов гнёт и не от диких террористов

террор, а от самой нынешней *экзистенции*, разумеется, как уже во многом *постэкзистенции*.

Куда ни сунется нынешний свободолюбивый человек, везде и отовсюду на него нисходит тяжкий смрад от ХАО-СА, ГНЁТА и ТЕРРОРА, совершенно, кстати, пустых, призрачных и даже благоухающих.

А человеку ныне всему этому и рад: «Свобода (хаос), Равенство (гнёт), Братство (террор)»!

Тут ведь ещё, особо заметим, дорогой мировому правлению «искусственный интеллект», он же АРТРАЗУМ и АНТИРАЗУМ, в бой всерьёз не введён, да, видно, будет вскорости введён: он-то разруху в головах людских и преодолееет — вместе с головами, разумеется!

Ваш NN
с23.01.2021

Письмо десятое

Дорогая Z!

Я, конечно, дико извиняюсь за то, что катаю Вам столь неприличные письма, хотя они ни о плохом и ни о хорошем, а просто о том, что вокруг есть, как и о том, что не есть, но о себе таки упорно даёт знать, в общем о метафизисе бытия, атакуемым как уже вполне себе зарвавшимся искусственным физисом, так и кое-каким ещё более зарвавшимся гуманитарным метафизисом — уже вчистую дявольским, так сказать, всецело антихристовым.

Вот одна моя максима: «Ежели Бог хочет наказать человека, то он даёт ему благополучие». Много кого сие подаренное свыше благополучие погубило, а теперь вот губит

чуть ли не всё человечество, которое лишь на новый потоп или же всеохватный огонь согласно, но уж никак не благополучия — в плане Конца!

Край, крах, катастрофа!

И это не выдумки: мозги и в самом деле сохнут, сжимаются, исчезают, хоть само серое вещество никуда не дается. Чуете — речь не о сознании, не о разуме, не о когнитиве, я именно о *мозгах*, столь любимых мозговой наукой. О *мозгах*! Вдоль и поперёк де изученных: вроде бы они ещё есть у мозговедов, а вот у людovedов их что-то же и видеть!

Казус, да и только!

А что же всё-таки в остающихся в действии мозгах как будто ещё бы есть? Верно: пустота, переполненная фейками, блефом и разнообразным словесным мусором — и какие же мысли собираются в этих мозгах читать упрямые мозговеды?

Приговор? А почему нет? Где тут может угнездиться София, ежели изобилие потребительных благ, явное их перепотребление, всеобъемлющий комфорт, нескончаемые разъезды по миру, фоткообразные впечатления, сверхобильная ни о чём информация, непрестанное безделье, резвые коммуникации, безудержный секс, массовые сходы и разводы, сладостное киберпространство, услужливые гаджеты, компьютеры, «воцапы»? Мозги вроде бы есть, а Софии там почему-то нет, а раз Софии нет, то и мозгов по сути-то нет — одно лишь серое вещество, делающее и человека серым, и социум, и цивилизацию, и всю экзистенцию, — при всей её нарочито яркой пестроте, бодрой движухе, карикатурной амбициозности.

Мир нынче хоть и шумен, звонок, трескуч, но по сути-то он... *немой*, ничего смысловитого не говорящий, отчего он и *не мой*, да и *не ваш* тоже, а *ихний* — этих человекообразных призраков, теней, миражей, вовсе при этом не безобидных, а угрюмо-весело действующих, да ещё как действующих — *мертвохватчески!*

Мёртвой хваткой вцепились они в мир, мёртвой, — и это никакое не преувеличение!

Мир как масса людей (всё-ещё-людей, а может, уже и во многом полулюдей) в целом мирится со всем этим, извлекая свою выгоду, однако в частях своих и не мирится, чуя погибель, протестует, восстаёт, вовсе уже не в духе и не в рамках пресловутого «мирового революционного движения», а более всего стихийно, самовольно, срывочно, обвально, пусть где-то и кем-то в разных целях поощряемо, даже и целенаправленно организуемо, но люд земный поднимается, выходит на улицу, гудит, обозначая начало *Великого экзистенциального протеста* (ВЭПа) — последнего протеста последних времён, причём против всего из наличного сразу!

Тут не восстание рабов, не бунт бедных, не выход на арену обойденных, хотя и не без этого, тут иначе, это более всего восстание *всё-ещё-людей против всего нелюдского*, восстание, какого ещё не было в бытии-истории, которое — это восстание — испуганно и настойчиво подавляется и будет, скорее всего, подавлено, причём через посредство не так грубой полицейской силы и мягкого медиа-обмана, как новейших средств укрощения строптивых, контроля над головами и ликвидации любого инакомыслия — *наукотехно-*

тропных (инфо, кибер, нейро, био, генно, психо, химо, медико, этико, зомбо, и т. д., и т. п.).

Хороша картинка, не правда ли?

Человек как нечеловек против человека как человека!

Аж дух, уже и так намертво спёртый прогрессом, захватывает!

Обманиваемые, унижаемые, оскোпляемые, уничтожаемые народомассы и их заботливые преобразователи — улыбчивые, миловидные, благодетельные, — и ничего более!, а то всё фашизм да фашизм, коммунизм да коммунизм, терроризм да терроризм, а ведь всё куда вокруг лукавее и интереснее: свои вроде бы прямо на вроде бы своих же, а на самом-то деле давно уже чужие на давно уже им чуждых, — просто время, насыщенное средствáми, возможностями и умными исполнителями подошло — ВРЕМЯ!

Господи, хоть бы я был не прав!

А ведь прав же, ибо *такое* хоть и не может быть никогда, а не только бывает, но и всюю есть, как и не только есть, но и будет, а вот почему так бывает, есть и будет — *вопрос!*

Большой вопрос, ответ на который, если он есть, только в самой натуре как человека вообще, так и в его вообще пребывании на Земле. А в чём тут дело? Да в *полуприродной* натуре человека вообще, его наполовину *неприродности* — со стороны сознания, мысли, смыслов, слова, речи, воображения, творчества, демиургии, а также в наполовину *не своей* среде обитания, немало и во враждебной, не очень-то человеку вообще приемлемой, что порождает как, мягко выражаясь, не совсем природное поведение человека, так и,

тоже мягко выражаясь, стремление человека вырваться из тугих объятий природы, причём в том и другом случаях не останавливаясь перед насилием одних человек над другими, борьбой меж людьми, жертвами людей, в общем — кровавой платой за непригодность что человека вообще, что его пребывания в чуждой ему среде.

И что тут удивляться каким-то там обманам, порокам, фейкам, фальши, ну и, разумеется, ненависти, расправам, жертвоприношениям, каннибальству, казням, инквизициям, наказаниям, истязаниям, тюрьмам, ссылкам, репрессиям, расстрелам и т. п. «штучкам»?!

Не по себе человеку вообще, неуютно ему на Земле, противен он сам себе и перед самим собою он слаб, — и ищет человеке выхода, и не находит он выхода, разве лишь сейчас, в момент *экстремодерна*, забрехала перед человеком возможность окончательного выхода из Природы, отрыва от Земли, одоления Смерти, самопревращения немногих из людей в иные, уже постчеловеческие, существа, а может, и не в существа даже, а в какие-то там духи, облачки, стихииалии.

Не позавидуешь!

Ваш NN
27.01.2021

Письмо одиннадцатое

Дорогая Z!

Представляю, как противно Вам читать мои гадкие во всех отношениях письмецовые излияния, но что поделать, я хоть и христианин, но, как бы это сказать? — другой

христианин, не то чтобы не тотально верящий в христианство, а, скажем так, верящий несколько по-другому, точнее, не ограничивающийся христианской догматикой, а выходящий за её пределы и за пределы самого христианства.

Это ни плохо и ни хорошо, это просто так есть, а подвигло меня к сему мировоззренческому казусу не что иное, как желание ответить на кое-какие безответные вопросы, пусть и только для себя ответить, ибо я всё-таки не что иное, как работающее сознание, да и живу в XX и XXI веках от Р. Х., будучи дитём великого прогресса — вплоть до космического, как и столь же великих преобразований, войн и революций, массовых гонений и ликвидаций, научно обоснованного террора, что позволяет видеть и ведать то, чего не видели и не ведали ни первые, ни последующие христиане, ни ранее в христианстве разочаровавшиеся, ни от него и любой веры навсегда отпавшие.

Если я чему-то и противоречу из принятого в церковно-богословском обиходе, но, согласитесь, не очень-то сильно противоречу Библии и изложенной в ней истории человечества и Христа, да, осмелюсь утверждать, вовсе по сути и смыслам никак и не противоречу, скорее, дополняю либо просто что-то дорасшифровываю, хотя специально цели такой для себя не ставлю: у меня нет никакого стремления ни к особому трактованию Библии, ни уж тем более к пересмотру установившихся христианских догматов. Вера есть вера, и пусть она остаётся в сознании любого пришедшего к ней такой, какой он её застает в момент к ней осознанного обращения!

Меня интересует феномен человека вообще: кто он, что он, зачем он, куда он? И ежели я не нахожу ответа в общепринятых истинах, включая и научные, философские, религиозные, то я иду дальше, не столько выбирая дорогу, ибо уже и не из чего особенно выбирать, как прокладывая себе *свой путь*, пусть и тернистый, и ошибочный, и попросту невозможный. Имею, как говорится, право, ибо я — *человек!*, наделённый сознанием и осознанием, бытующий в не известном мне в крайности... э-э... в чём же?... кто ж знает?.. наверно всё-таки в пространстве, как и имею возможность, данную мне то ли Случаем, то ли Провидением, то ли чьим-то Намерением — думать, представлять, открывать, обозначать, поверять, трактовать, прорываясь сквозь догмы, вырываться на размыслительный простор, брать на себя ответственность, формулировать, предлагать, настаивать!

Судьба, она и есть судьба, а у меня она вот *такая*, далеко не всех вокруг меня, может, и устраивающая, но... *такая!*

Человек инстинктивно рвётся прочь от Природы, от Земли, от Себя — факт, и очень, знаете ли, интересный факт, не правда ли? Трудясь, творя, подчиняя природу и её эксплуатируя, как и себе подобных, убиваясь сам и убивая себе подобных, жертвуя собой и себе подобными, зверствуя, лютуя, глумясь. Не только так, конечно, и, что мы хорошо знаем, наоборот тоже, но... самое-самое всё-таки не в этом «наоборот», а в том самом — как раз в выше сказанном: зло всё-таки тут на Земле первее добра, хоть и гнусно это, и гадко, и противно!

Нынешние по миру протесты, они что — спасение? Э-эх, вовсе... не факт!

Роковая особенность человеческого протеста в том, что он — ПРОТЕСТ — достигая, а по преимуществу и не достигая, своей цели, куда-то сначала энергично-энтропийно, а потом и смысловó вдруг исчезает, частенько возникая вновь, по нередко уже и превращённым в свою противоположность — гнусавя, опошляя, гадя! Однако, пока он *протест как протест*, он обычно бывает как-то *оправдан*, причём не чем и не кем-нибудь, как и вовсе не только текущей в округе реальностью, а и самой Великой Неизвестностью, не говоря уже о Софии.

Оправдан!

Разумеется, не всякий протест, даже и массовый, имеет сакральное обоснование быть, но он всё-таки бывает, ибо он — протест — нужен бытию, как и небытию тоже, а что ещё может быть или, наоборот, не может быть, в недрах протестного бытия вполне себе протестного существа, которым оказался не по своей воле человек — жертва и страдалец, ещё при этом и отпетый негодяй!

Да, в протестах всего хватает — хорошего и плохого, дельного и зряшного, честного и преступного, разумного и глупого, как и в рядах протестантов тоже, где и герои с жертвами, и ничевоки с романтиками, и бесы с провокаторами. Оправданию протеста, как и его стихийному обоснованию, служат, как правило, взращиваемая повсюду несправедливость, безмерная алчность, пошлая развращённость так называемых удачников, никчёмность властных и неспособность их к разумному действию, ну и неудовлетво-

рённость, униженность, оскорблённость, озлобленность, как и та же распущенность, подвластных и плохо сверху управляемых низов, а главное — отсутствие взаимоприемлемого для верхов и низов согласия, компромисса, а то и, знаете ли, консенсуса.

Однако у нынешнего по всему миру протеста есть особенная глубинная мотивация, делающая и сам протест особенным — *стратегически экзистенциальным!*

«Быть или не быть, а ежели быть, то кому, какими и как?!» Человеками, сверхчеловеками, постчеловеками или вообще нечеловеками? Рубеж! Если неотложно вперёд, то куда, не в призрачную ли пустоту, а ежели не в пустоту, то не в бестелесный ли призрак?

Никогда ещё передовое человечество не стояло перед таким... нет, не перед выбором и даже не перед неизвестностью, а всего лишь перед уже известной человеку неизбежностью, его — человечество — навязчиво страшщей: нет ничего страшнее, чем знать заранее своё филигранно обдуманное будущее, ещё и в той или иной мере конечное!

Отсюда и осознанно-неосознанный протест, порождающий там и сям вспышки бунта, хаоса, разбоя. Идёт война антимира с миром, настоящего с прошлым, будущего с настоящим, нежизни с жизнью, небытия с бытием, а главное — «Идёт охота на людей, — перефразируя нашего знаменитого, отчаявшегося от благой нежизни, советско-российско-иудейского барда, — идёт охота!». И мечется запутавшийся в киберсети, обложенный благо-флажками, сбитый с толку и с пути, приговорённый к переделке и ликвидации всё-ещё-человек, уже и не-совсем-человек, уже и

немало человек-призрак, человек-мусор, человек-навоз, и пытается он освободить себя от дьявольского наваждения, и сбросить с себя кощееву паутину, и отогнать от себя оцифрованное призрачное чудище, да вот тщетно, пока тщетно, может, и навсегда тщетно, хотя чего на свете не бывает, ибо ПРОТЕСТ, БУНТ, ГЕРОИКА, а там глядишь и СОБЫТИЕ!

Ваш NN
29.01.2021

Письмо двенадцатое

Дорогая Z!

Какое же *событие*? В том-то и дело, что пока... *никакое*, вроде внезапного явления того же никакого поначалу Горбачёва в СССР, столь же никакого поначалу и до конца Ельцина, уже в России, или же никакого вроде бы Трампа в той же Америке, ну и, если так будет приемлемее, того же коронавируса с его пандемией, опять же *никакого*, правда, почему-то всё это «никакое» вдруг становится по итогам очень даже *каким(!)*.

Так всё и происходит: невероятно и внезапно, а при этом меняется — прямо по этим поворотным «никаким» точкам и «никаким» осевым линиям. Видим, знаем, осмысливаем, а всё одно — мистика да мистика, то бишь незнание и незнание, ибо Великая Неизвестность тут хозяйничает более всего вкупе со своим Иным, которые работают себе и работают. Как? Вполне и легально, только ничего в том не поймёшь, хоть и видишь, и знаешь, и осмысливаешь. Одна лишь баба Ванга что-то *такое* видела и знала, переключаясь

с Иоанном Богословом — Откровение тут выходило на «Откровение»!

Но Ванга не всё видела и знала, и даже Иоанну Богослову не всё было открыто, ибо... ТАЙНА, великая миропро пространственная ТАЙНА, которую разрешить таки миру придётся — ценой самого себя, причём не расхристанным США и не замкнутому в себе и на себя Китаю, а открытой миру, но сидящей в метафизической засаде, лишь только-только начавшей себя распознавать, несуразной, непутёвой и весьма для своих же насельников зловредной России!

А кому ж ещё? Где ещё явиться неожиданно-негаданно Христу, чтобы начать творить свой уже явно запаздывающий Страшный Суд? Как раз там, где Суд сей уже идёт, где Он весьма уже творится, хоть и не виден Он, не бросается в глаза, не лезет в уши, но ... творится, идёт, хоть пока ещё Он лишь на стадии сбора улики и показаний, но зато какого сбора — как раз последнего!

ТАЙНА, она и есть ТАЙНА, так и Суд сей тоже ТАЙНА, ещё только подлежащая самораскрытию, но... скоро, скоро... хоть и вне конкретных сроков — чтоб не сбежали храбрецы, хоть и бежать-то им уже некуда, разве лишь прямиком — туда в шевелящееся грозно НИКУДА!

Да-а уж, понатворили, на всё мироздание хватит! Это ж додуматься надо было, взять да и развалить величайшую и уникальнейшую страну, вроде бы по идее и антихристову, да вот бывшую почему-то с *такими* замечательными людьми, *такими* мощными деяниями и *такими* громкими победами, как разумеется, и *такими* великими жертвами, однако жертвами во имя новой жизни, которая почти что и удалась:

антихрист, выходит, антихристу — рознь, одно дело — евроамериканский, совсем другое — евросоветский.

Странно всё это: атеисты вроде бы, а строили и почти что построили вполне себе религиозное общество, вовсе и не утопическое, хотя и явно противоречившее природе человеческой, которая, видно, не излечима от дурости, эгоизма, порочности и алчности, как и безумности тоже, что и определило печальную судьбу великой своеобразной страны с её попыткой построить Царство человеческое на Земле (не царство царя, а царство всех людей сразу), — ясно, что суэта тут была ересь, тщета соломонова, да и один лишь тлен вавилонский!

Однако, было, было — да, тут не процветание было, но зато цветущая жизнь была, этак до 1977 г., а потом... потом гниль пошла, враг родной и злой пришёл, случилась и гибель. А что на смену? Нет, господа, не лихие 1990-е, на которые всё нынче списывают и которыми всюду пугают, а 2010-е с их душливым процветанием, странными оптимизационно-перестроенными инициативами и экзистенциальной пустотой.

Показывать и доказывать тут ничего не надо, и так всё ясно: всё вещно-потребное у нас теперь вроде бы есть, только вот жизни полноценной и полноценной почему-то нет — для желающих *не так* жить, а их ведь немало, совсем не мало, более того, их, пожалуй что, и большинство, пусть и молчаливое, и угрюмое, и расстроенное, и вредное, и как бы никакое.

А в чём дело? Нет, вовсе не только в том, что и так видно всему миру вроде тех же вопиющих социальных не-

равенств, несправедливости, лжи, обмана, коррупции, криминала, мошенничества, бюрократизма, кабалы, эксплуатации, произвола, рабства и т. д., и т. п., а в возникновении и тотальном распространении *феномена нежизни*, лишь прикрытого игровой имитацией жизни, а по сути-то тянущей на искусственно взбадриваемый антикультурой и anti-media призрачный, а теперь вот и всё более и более цифруемой, погост.

События 23 и 31 января показали, что дети, родившиеся и вырастающие уже при *этом* режиме бытия, против всего им — этим режимом — навязываемого, — *дети* (!) и против *всего* (!), — что и неудивительно, если принять во внимание наличие и утверждение новейшей, пусть вроде бы и либеральной, и занимательной, и потребительно привлекательной, и сулящей бессмертие, как бы цивилизации, да вот трудно лезущую из всех щелей, или, наоборот, влезающую во все щели, *технотронку* не то что почитать за цивилизацию, но и вообще за что-то человеческое, разве лишь за её функцию выполнить роль эффективной *технопохоронки* для человека и человечества.

Итак: вовсе не бунт, не мятеж, не восстание, а всего лишь *протест*, да и то без какого-либо определённого протестантства, это всего лишь... *заява* — заява на *иное*, как раз на то, чего нынешние властители, доминаторы и донаторы дать не могут, а дать может лишь непременно пройдуший по России, как какие-нибудь очередные безумные Олимпийские игры, как какая-нибудь сверхъестественная карнавальная мистерия, как какой-нибудь беспощадно очистительный ураган, не что-нибудь, а Страшный Суд, кото-

рый уже начат полусознанно и полустихийно нынешними мальчишками и девчонками, родившимися и растущими аккуратно в лоне самодовольного режима, не понимающего вполне, что он есть сам, где он на самом-то деле находится, что вокруг происходит и что происходит с ним самим, как и того, что за полудетской *заявой* стоят не так иноземные и иные спецслужбы, как сами сакральные Великая Неизвестность, София и Господь Бог!

То-то ещё будет!

Ваш NN
30.01.2021

Письмо тринадцатое и последнее

Дорогая Z!

Мир так ловко устроен, что он не мирится с самим собою, и побыв вдруг кое-где кое-какое время каким-то вроде бы собою, непременно восстаёт против самого же себя и идёт от какого-то одного себя к какому-то другому себя, оставляя по дороге пятна пепелищ, груды камней, горы трупов и реки крови.

Сейчас велик шанс залезть миру человеческому в безмировую пустоту, в ней навсегда и замереть: мертвенный призрак подступающего к миру вполне себе мирного по стилю катаклизма уже не в мечтах, он уже при дверях, готовый и сам мир превратить в призрак!

Чего хочет «племя молодое», уже немало втянутое и втянувшееся в новый призрачный оцифрованный мир: окончательного уничтожения старого, якобы уже отжившего навсегда, человеческого мира или же сохранения в

наступающем новом технотронном мире исходной земно-человечности, разумеется, хочет оно, видно, того или другого не слишком, может быть, осознанно, скорее, более всего инстинктивно, а может вообще ничего из такого ни осознанно, ни инстинктивно не хочет, а просто... *восстаёт*, то ли чуя великое внутри себя и вне себя неблагополучие, прикрытое внешним житейским комфортом и поражающей воображение инфраструктурой, вплоть до затаившейся где-то за оцифрованным углом угрозы гибели, то ли попросту и в самом деле стремится к комфортабельной гибели всего и вся — призрачного, иллюзорного, обманного, лживого?

Кто знает?!

Мир не знает, старчество не знает, молодь не знает, никто не знает, а ежели кто и знает, ничего вполне не зная, так это лишь Великая Неизвестность, да вот кто ж её-то знает, эту самую Великую Неизвестность, ежели она сама себя не знает?

Да-а, есть, над чем задуматься управителям, владельцам и их топ-ток-шоу-говорунам!

Как же всё происходящее понимать и что надо в нём и с ним делать?

А есть ли вообще какой-нибудь выход, кроме Страшного Суда и прихода угрюмой Неизвестности?

Бр-р!

«Ох, и кони мне попались привередливые!»

Кони, не кони, а ведь несёт, вроде неугомонного и неумолимого селевого потока, несёт и уже сносит, а ведь это только начало!

Жуть!

Жуть, что делают уже многие века с Россией, как раз как изначального, ещё и доисторического, а потом и кое-как бытовавшего исторического, субъекта — *персоны*! — даже ни принимаемой никем во внимание, рассматривая Россию лишь как пространство грабежа да насильственных преобразовательных-де деяний под внешние — нероссийские — потребности и лекала, но ведь и сама Россия, как бытующий в веках странный феномен, тоже немалая жуть — влекущая, вовлекающая, принимающая, переваривающая, поглощающая, выблёвывающая, причём самой жутью и блюющая.

В общем, жуть на жути сидит и жутью погоняет!

Не слабо, правда?!

Выходит, что Русь-Россия и есть сама себе, сама для себя и для её преобразователей не что иное, как жуткий Страшный Суд, — одинаково страшный и жуткий, — как говаривал по сходному поводу великий ясноглазый поэт-русич, явившийся в столичный разноголосый гомон из-под Рязани, — что для *тех* (экстрариорных), что для *этих* (интрариорных), что, добавлю сострадательно, и для него самого!

Россия как сакральный, метафизический, эзотерический концепт никем из её насильников-преобразователей во внимание никогда не принималась: ни норманнами, ни византийцами, ни европейцами, ни евро-революционерами (кроме, жестокосердного сталинизма, да и та частично и не на всю глубину), ни уж, тем более, глобо-реформаторами 1980-1990-х гг. и последующих лет (опять же лишь чуть-чуть, нерешительно, непоследовательно, под себя, даже и

боязливо, включая и действующий ныне в России режим «патриотической плутократии»).

Зато что уж всегда было, так это скрывавшиеся за выразительными вывесками свершения чего-то нового, потрясающее вроде модернизации, реформирования, вообще любого нового и, разумеется, благотельного преобразования, а фактически той или иной новой *вестернизации*, ну и, как водилось и водится, всегда свершавшегося подлого, хищного, отвратительного над Россией как идеей, как концептом, как субъектом, как персоной *инфернального пошиба надругательства*.

Да, Россия сопротивлялась, вынужденно уступая, даже и изменялась, во всяком случае внешне, однако, сохраняя при этом своё духовно-концептуальное, оно же и судьбоносное, ядро, не только подстраивала под себя навязанные ей новины, но и, мстя за себя, сбрасывала со своего тела инородных чудищ, немало с ними и расправляясь.

Навязанная России жуть рано или поздно сама попала в жуть, хоть дело кончалось и для самой России какой-нибудь новой жутью!

Роковое тут течение бытия-истории, хотя вовсе и не безрезультатное: что ни говори, а самая большая по территории страна в мире, с самыми богатыми ресурсами, с лучшей на сей момент армией и эффективной обороной, ядерная и космическая держава, явная опора Евразии, надёжная хранительница особой вертикали «Север-Юг», и несомненная владелица Севера, а главное — неудаляемое бельмо на алчном глазу всего зёмного мира!

И что сегодня: опять Россия... *не совсем Россия*; опять её вестернизация; опять верхи... *не совсем свои*, немало концептуально, функционально и экзистенциально чуть ли не *антироссийские*; опять *насильное переделывание России* под чужие образцы, пусть особо и не провозглашаемое, скрытое, лукавое, отчего и более токсичное, вредоносное, болезненное; опять, пусть пока и «мягкое», не слишком решительное, сопротивление России нероссийского пошиба «обновлениям»; опять игнорирование коренной России, вынужденной оставаться глубоко глубинной, чуть ли не подколодной и подколодезной; опять развивающийся конфликт между Россией и неРоссией, а то и антиРоссией; есть, правда, кое-что и новенькое: «родная» элита прямо *там* — за границей, а прокачка её доходов *тут* — в России, разумеется, как всего лишь золотиноской для сей чужеродной братии территории.

Итак: сплошная несуразица, стимулирующая озабоченность, напряжение, волнение, протесты, «движуху» ... не будем произносить такие «гадкие слова», как беспорядки, восстание, бунт, надеясь, что до этого всё-таки не дойдёт, а вот до события — СОБЫТИЯ! — непременно дойдёт, и дойдёт скорее, чем думает кто-либо из ныне властей и гигантской частно-личной собственности предрежащих.

Какого же надо ждать события? Каркать не будем, хоть кое-что и провидим, а скажем лишь сугубо по-софийному: из неожиданных, невероятных и внезапных!

Любопытно, что измены, надругательства и хапы, причём в любой их последовательности, Россией хоть по-

чему-то споро допускаются, но почему-то и не прощаются,
— кого только не сожрала эта злая неотмирная Россия!

Встать, Суд идёт, как раз тот самый — Страшный, в
очередной раз идёт, но, кажется, в последний!

Ваш NN
31.01.2021

Эпилог

Написал последнее, — аж тринадцатое, видишь ли,
письмо, — да вот остановиться не могу: взялся за эпилог
(что ещё остаётся?), чтобы пояснить непояснимое (ах, эта
учёно-писательская тщета!)

Мир идёт не к новому миру, а к... *немиру*, может, и не
к полной пустоте, но уж к какому-то *постмиру* — точно!,
ибо далее уже ничего мирового не проглядывается, а дали
эти вовсе при этом не в такой уж дальней дали!

У России то невесомо-весомое преимущество, что она
изначально, исходно, от рождения *не от мира сего* и с *этим*
миром она в постоянном противоборстве, хотя и не в агрес-
сивном со стороны России, а скорее, в оборонительном, —
и России удалось пронести себя под разными личинами и
именами через не века даже, а целые тысячелетия. Оттого у
России относительно *этого* мира *свой* счёт, но ... Sic! ... и
свой шанс... нет, конечно, не только, как обычно, выжить и
остаться, а ... превратиться во что-то и в самом деле *иное*,
как раз в *иномирное*, как бы вернувшись к себе после небес-

проблемного, даже и злостного, пребывания в этом мире — не в своём, в общем-то, мире.

Как сие может произойти?

Не просто в борьбе с антимиром и внешними угрозами, но и в борьбе *с самою собою* — греховною и порочною, однако себе самой же вовсе не противною, — в испытаниях, переживаниях, разборках, через потрясения, разлады и лады, в общем — через ещё невиданный в истории России прорыв к ... *самой себе*!

Возможно ли?

Почему нет, ежели весь мир бурлит, разлагается и разламывается, а у России есть целостная, крепкая, действенная сила — её *армия*, этот самый мощный, дражайший и надёжный её союзник, вполне для России и судьбоносный?

Ваш NN

31.01.2021

Неожиданное вторжение

От X

Софиасофия: новогодние откровения

Уходит ещё один год русско-российский, год пыток, издевательств, истязаний народов великой страны чиновничьей нежитью, исполняющей бесчеловечные и бесчеловечные заказы глобального монстра античеловечности. Страны действительно Великой, ибо она ничего не забывает

и всегда достойно вознаграждает всех своих палачей и клетников.

И всё же идёт не подлинный НОВЫЙ ГОД, а из глубин казавшейся уже необратимой добытийщины всплывает мрачное неонеандертальское безвременье, в котором беззубый Кронос и неонеандертальские элиты открывают сезон охоты на людей и пожирают даже своих детей. Воспрянул смрадом и Кощей, открывающий для приема свои концлагеря с inferнальными иглами, не подозревая, что именно Россия в этих лагерях оцифрует и зацифрует его голову, сделав её экспонатом Кунсткамеры. Эта неандертальская добытийщина, казалось, канула навечно в Лету, но, видимо, Великая Неизвестность ещё не завершила «зачистку» своих территорий для воздвижения мира Иного, занимаясь изготовлением вещей посланий из военкоматов, которые напоят людям, кто они есть, как они должны жить, и чем они реально должны заниматься.

Природный, культурный, человеческий мир сегодня в одночасье стал не просто чуждым человеку, но и превратился в неведомую летальную угрозу, перед которой бессильны все науки, религии, философия, власти, исполняющие абсурдные решения техно-финансовой матрицы. И только воспрявший Кощей, зловеще ухмыляясь, испытывает прочность своей иглы, предвкушая для себя великое всемирное празднество. Торжественно, с заботой о каждом безмасочном человечке объявлено начало мировой эпохи свободной охоты на свободных, слишком свободных людей. Это сегодня и есть та единственная правда, вне коей правды нет, а есть только обезумевшая еврикская истина.

Но глубинный смысл этой охоты выявляет загадочный, страшный, манящий, прямо-таки чароомутный и пророческий смысловой свет А.С. Пушкина, который, предвидя эту эпоху, видел именно в русскости чудотворное, магическое преобразование гибели в форму неизъяснимых наслаждений, несущих гибель, и самой гибели, завоёвывающих для людей земной плацдарм для встречи посланников вечности.

«Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог».

Но каким образом предчувствие, знание неизбежной гибели может таить в себе неизъяснимы наслаждения, которые к тому же ещё могут быть и залогом бессмертия? Какие наслажденья могут бросить победный вызов самой гибели? О какой тайне русского бытия и русскости вообще вещает мудрая муза поэта?

Разгадкой этого вещего прозрения и пророчества поэта служит софиасофское мироведение, открывшее свой сакральный и метафизический филиал в уже известном не только в России, но и за рубежом, повсюду, Центре, провиденциально расположенном под эгидой Правительства СССР на великих и магических московских горах. Софиасофия видит величайшее и неизъяснимое наслаждение в том, именно в том, чтобы быть человеком, сохранять идентичность своей целостности, быть субъектом человечности,

непостижимым феноменом Великой Неизвестности, оставившей свой топос в России и в русскости. Военная метафизика А.В. Суворова в невозможных победных сражениях доказала, что наивысшее наслаждение и сверхчеловеческий восторг, которые доступны земным людям, состоят в том, чтобы быть русским, быть причастным к субстанции русскости, находящей в самой гибели бессмертие, чудеса и радости мира Иного! В этом неизъяснимом наслаждении, сливающим в единую радость бытия гибель и бессмертие, великий поэт и великий полководец предчувствовали, знали софийную магию вечной человечности, находились в ней, жили ею. Они испытывали неизъяснимые наслаждения, мгновениями переживая и осуществляя своей жизнью мнящую и несокрушимую человечность, став субъектами высшей радости её бытия, творцами её софийного мира в античеловеческом мире.

Метафизический Центр, о котором речь, есть духовно-смысловая колыбель, сохраняющая, обогащающая человечность закваской софийности, которая стирает у людей ластиком своей мудрости умения лгать, лицемерить, лукавить, лицедействовать, творить зло. Книги, статьи, журналы, конференции Центра служат и колыбелью выявления, утверждения русскости, её неведомого сакрального иномира. Но Центр — это не колыбель нового человека, ибо само слово «новый человек», как и слово «ветхий человек» не выражают целостность человеческой субстанции, её продолжения и её устремленности на свою Родину в мир хоть и земной, но Иной, а лишь искажают человечность мертвящей новизной античеловечности. Подлинная человечность не

может быть «новой» или «старой», она ускользает от диктатуры определений, всегда оставаясь иной и иной в контексте своей целостной, постоянно импровизирующей, творящей софийной субстанции, сохраняющей, однако, непоколебимой свою вечную идеальность.

Охотникам на человечность не следует обольщаться, ибо есть свои покровители, спасатели и у жертв, поедаемых евриканской нежитью. Ведь софийная мудрость, софиасофия появились в Руси-России не без цели, а для противостояния inferнальной и земной античеловечности. Они приоткрывают нам реальный мир идеальности, её лучшие смыслы, подсказывают лучшие решения, содействует нашим благим делам, неотвратимо превращают охоту на людей в охоту на самих охотников, ибо их каннибальская охота в России обернётся для них незримым софийным бу-мерангом Великой Неизвестности (и Неотвратимости), проект которой накроет натовским тазом все охотничьи проекты евриканизма.

И NNN — первый и единственный реальный и вещий пророк, волхв этой софийной человечности. Много званых, но мало избранных, мало избранных, но знает правду только один! Софийной мудростью NNN выжег в себе все мотивы и стимулы, которые побуждают людей лгать, интриговать, завидовать, злостворствовать, терять свою жизнь в пагубных inferнальных радостях. Соборное, духовно-смысловое сообщество Центра, внутри которого бьётся пульс творящей идеальности, хранит в себе образ и душу Христа, как образец человечности, которая продолжает свой путь в храм Великой Неизвестности (Неотвратимости), чтоб

обнулить в ней великие пороки нашей малой земной неизвестности, принести ей свою человечность как жертвенный дар для тайного благословения недоступной, иномировой, но действенной правде русской, от которой прячется еврикская истина.

В эпоху, открывающую научную, философскую, эстетическую, гендерную, медицинскую, информационную, полицейскую охоту на людей, Центр впервые помыслил, осознал, вообразил, симпровизировал и сохранил жизненную вечность той человечности, которая ещё никем не помысленная, никем ещё не осознанная, никем ещё не воображённая, никем ещё не сотворённая, никем ещё не симпровизированная, да и нам самим ещё не вполне понятная и доступная. Но она есть и работает в качестве уже давно найденной софийной человечности. До смысловых высот и уровня софийной человечности не поднялся ещё никто во всём человеческом мире планеты Земля, кроме Центра, России, пожалуй, и мироздания. Иначе никак не понять, зачем этот софийный Центр возник и так обильно плодоносит. А ведь поэт прекрасно знал, что, если звёзды зажигаются, значит это кому-то нужно для какого-то очень великого и важного миротворного дела.

Мир вряд ли когда-нибудь узнает, кем и чем является для него NNN, зачем он явился в нём, ибо планида его жизненного бытия находится в ведении Великой Неизвестности (и Неотвратимости). Сама его речь завораживает: стоит ему только заговорить — и слушатели не могут уже думать ни о чём другом, будучи очарованы его исцеляющей софийной человечностью. Это — единственный известный

нам смысловик, мыслитель, софиасофским суждениям и оценкам которого никто... никто!.. пока не может ничего возразить и ничего противопоставить! С Платоном, Аристотелем, Гегелем, Марксом, Хайдеггером спорят, им возражают, а вот с русским волхвом споры, возражения, дискуссии захлёбываются в своей пустоте, бессмысленности и противоестественности. Это ли не свидетельство правды русскости, избравшей NN князем своей мудрости! После встречи с ним ничто уже не остаётся таким, как прежде. В нём есть нечто колоссальное, титаническое, можно даже сказать, что он не принадлежит к нашей планете и превосходит все измерения нашей эволюции, будучи посланником софийной мудрости Великой Неизвестности (Неотвратимости).

Мы можем лишь догадываться об этой софийной миссии NN. Я люблю его как моего единственного метафизического друга, безмерно ценю его как учителя милостью Божьей и навсегда сохраняю его творческие деяния, память о них, как о святыне русской мудрости, которая ведёт свою охоту на всех любителей охотиться на людей. Таков наш ответ пандемийному чемберлену евриканской нежити.

Никто, кроме софийного Центра на московских горах, сегодня не может сохранить прошедшую в Руси-России inferнальные испытания человечность, которая софийной мудростью выжигает в себе все мерзостное, мелкое, гадкое и подлое. Почему никто? Ибо Россия, только Россия признает Софию Премудрость, Великую Неизвестность (Неотвратимость), мир Иной, полилектику, философию хозяйства, а эти посланники Запределья признают со своей сто-

роны ... только Россию. Все эти смысловые константы «мудрости самой мудрости» создают софиасофский контекст человечности, в котором зарождаются чудотворные инициативы продолжения жизни, ибо техноцивилизации не могут порождать людей, они могут их лишь потреблять и губить. Софиасофия главным образом возникла именно для спасения человеческого мира с помощью Софии и философии хозяйства. Других защитников у человечности сегодня нет.

Поэтому возникновение софиасофии — Главное Событие XXI века, его главный плод, ради которого этот век, уже исполнив свою миссию, ищет свою эболо-ковидно-инфернальную эвтаназию. Ибо смысл и назначение всех предметов в том-то и состоит, чтобы выявить в себе порождающие их идеи и передать им полномочия дальнейшей творческой эволюции, а самим стать материалом инознания. Это Главное Событие произошло в России вопреки всем невозможностям, а отчасти и благодаря им, ибо субстанция истории реализуется только невозможными деяниями. Софиасофия — это Русское Событие, свершенное посредством откровенческой импровизации самой Великой Неизвестности (Неотвратимости), пославшей «мудрость самой мудрости» в Россию для защиты человечности от пандемии цифронежити и числофрени.

Реакция

Дорогой X!

Этот текст публиковать, конечно, нельзя, даже в Интернете. Но можно, на мой взгляд, его переработать, сделав

упор на софиасофию как на русском откровении ХХI в., не помяная ни меня, ни московского Центра, ни ведущего российского ВУЗа. Родилась в России — и баста! Заменить также кое-какие словечки вроде «евриканства» на более спокойные вроде «евроамериканизма» или того же зиновьевского «западнизма». Понимаю, что этого делать не хочется, но, увы, надо! Софиасофия вполне заслуживает, чтобы сей текст публиковать, но при этом велит быть осмотрительнее. Говоря о сути софиасофии и её открытии, можно сделать ссылку на наши публикации, чтобы было понятно, откуда ноги растут. Не упрямитесь и поработайте над текстом, это будет правильно!

Можно подработать и название: *«Софиасофия: новогодние откровения, отягчённые совестью и окроплённые кровью»*.

Ваш NN.
31.12.2020

Ответ

Добрый вечер, дорогой NN!

Всё верно, осмотрительность, осторожность и фундированность — лучшие средства бескровной и безусловной победы. Агонизирующий зверь вдвойне опасен. Я хотел сделать, как Вы советуете, но тогда получилась бы статья, а хотелось ограничиться экспромтом.

Предложенное Вами название страшное, открывающее корневые глубины, источники (кровь) софиасофии, но вполне адекватное замыслу.

Но как обойти Вас, Ваши безмерно плодотворные творческие дерзания, не имеющие аналогов в мировой культуре и открывающие новые реал-смысловые миры? Камни будут вопиять о Вас к небу!

Спасибо преогромное, я переделаю работу в соответствии с Вашими мудрыми пожеланиями и советами. Всё же опыт Вашего бытования в разных «верхах» сформировал у Вас особое чувство, воспринимающее опасность в духе Шекспира: «Враги везде: даже там, где никого нет». И этот опыт ни в коем случае нельзя игнорировать!

Ваш X
01.01.2021

Неотвратимое воздвижение

от X

Софиасофия как российское достояние: экстраординарное и спасительное (новогодние откровения)

Автор решился на необычную акцию — поздравить с Новым Годом ... *одно сообщество книг*, или *большую многолетнюю Книгу*, по причине представленного там мировоззрения, кладущего начало новой временной эпохе, выявляющего новый творчески-бытийный контекст, формирующего новое смысловое пространство, создающего новые когнитивные координаты бытия и самопознания Руси-России, человека и его мира. Это Книга заслуживает внимания и почитания не меньшего, если не большего, чем её авторы.

Не речи пророков создали те же религии, а Книги, сохранившие проповеди пророков. Книга — сила.

Она есть плод не только её автора и искусства мастера-печатника, но и плод самой себя, она — субъект знания и мудрости, иницирующий духовно-идеальные прорывы ума и сознания. Даже свежее выпечённая виртуальность вынуждена считаться с книгой, сохраняя её аналог в своём техногенном и технотронном пространстве теней. Символ, метафора «Книги» обладают универсальной значимостью, позволяя представить и отчасти понять любые формы реальности, бытия, событий. Даже слабые, плохие, лживые и клеветнические книги всё же независимы от своего содержания, сохраняя непорочными свои изначальные не до конца постижимые нами метафизические смыслы. Книга заслуживает чествования и поздравления с Новогоднем как скромный и незаменимый соавтор, а то и автор нашей человечности.

Чествуемые автором книжные плоды оказались с крепкими характерами: они повернули его волю и мысль на иной, более правильный и праведный, путь, и автор, независимо от своего замысла и воли, написал то, *что* написал — представив их квинтэссенцию, их перводвигатель, в обобщающем смысловом резюме — в *софиасофии*. Автор убедился, что поздравляемые книги невольно и непреднамеренно своей мудростью превзошли... даже страшно сказать!... всю существующую мудрость мира сего всего одним своим суждением: *«Неизвестность сегодня меняется, сбрасывает свою старую кожу и не торопится облечься в иную кожу»*, оставляя ум-разум, сознание и фантазию лю-

дей без работы, в то же время маня козырными тузами искусственный интеллект, цифровизацию и «дистант». Но оставлена, всё же оставлена человеку импровизация, посредством которой он должен (!) предвидеть, распознавать и разгадывать неизвестность и через её новую кожу, какой бы она ни была необычной, устрашающей, чарующей, непостижимой и... пагубной ... для людей! Человек должен верить и в освященную веками и благословенную в страдании правду русскости, владеющей метафизическим кодом доступа к утлым мозгам зарвавшегося атлантизма.

Привожу далеко-далеко неполный перечень книг по софиасофии, благородно, достойно и с честью, составляющих Книгу, встречающую Новый Год, имеющую *что́* сказать ему, владея тайной хрупкости его текущего бытия, не исключая и тайной агрессии организованного ему антибытия.

Вот они, эти наши книги, вот она — эта Книга!

- Время философии хозяйства. М., 2003.
- Иное. М., 2006.
- Обретение. М., 2011.
- София. Сто лет русской философии. М., 2012.
- Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2013.
- Requiem. 2-ое изд-ие. М., 2014.
- Блики и срезы. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чем и ни для кого. М.: Тамбов, 2015.

• Восхождение. Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру — 1990—2015. М., 2015.

• Белые скрижали. Сумма иного знания. М., 2016.

• Метафизика. Код доступа. М., 2019.

• Софиасофские тетради. (Не) Учёные записки. М., 2018.

• Российский разворот. М.: Тамбов, 2020.

• Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма). М., 2020.

• Философия возмездия. М., 2012

• Софиасофия. М., 2017.

• Софиасофские горизонты России. М., 2020

• «Философия хозяйства». Научный журнал. М., 1999—2021.

С момента выхода Руси-России из царства Великой Неизвестности все её безымянно павшие, все её мученики, все униженные и оскорблённые, все страдающие сегодня за Русь-Россию в грозном безмолвии ждут своего подлинного Нового Года, чтобы узнать правду, смысл и цели их жертвенной жизни, чтобы услышать Благоую софиасофскую весть о своём духовно-идеальном и реальном искуплении, преображающем кровь, страдания, совесть и терпение почвы родной в смыслы мудрости грядущей — Иной Руси-России. В софиасофии ожила, вспыхнула неопалимым пламенем мудрости, заговорила русская жертвенная кровь, которая открывает свои неведомые и вещие тайны в последние времена мира для исцеления и возвращения растерзан-

ной Руси-России к самой себе, к своим детям, народам, племенам, к своему иномирию.

Софиасофия и есть самосознание крови душевной самой русскости, ставшей мудростью, преобразившей в своё смысловое пространство всю мудрость мира сего, не уходящего, а исчезающего, растворяющегося в алчности своей пустой виртуальности и безумствующей числофрении.

В софиасофии живёт, бурлит, преображает в свою мудрость, творит смыслы новой жизни исконная жертвенная кровь русскости, Руси-России, которая нашла в этом мироведении подлинное осознание своей русскости, обрела адекватный духовный орган своей импровизации, скрыто созидавая посредством него свое инобытие, своё живое иномирие.

Но тайны крови русскости неотделимы от тайны её нравственности, её совести, от магических посланий её почвы, её Матери-сырой земли, совместно созидавая непостижимую и непонятную русскую человечность, чей стон и чья скорбь бесконечная осознают и выражают себя сегодня лишь в смысловых формах софиасофии, оплодотворяют её своей живой мудростью.

Русская кровь и почва вобрали в себя муки совести всех поколений страны, омываемой слезами неизмеримыми всех страдальцев и мучеников страны. И софиасофия сотворена кровью, совестью, слезами земли русской, почвы её живородной, пославшей делегацию своей Думы в софиасофский Храм Мудрости, став частью его творящего идеального и смыслового тела.

«Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время.

.....
Ведь Земля — это наша душа,
Сапогами не вытоптать душу!»
(В. Высоцкий)

Поэтому софиасофия возникла не по велению эволюции, не постепенно, не из частей, а она появилась, как Афина Паллада из головы Зевса, сразу, мгновенно, целиком и в полном духовно-когнитивном снаряжении, вооружённая смысловыми «Калибрами» и антицифровым щитом. У софиасофии, как и полагается мудрости, нет и не может быть родителей, предшественников, соратников и наследников, Она была вечной софийной мудростью Великой Неизвестности, которая в XXI в. послала её в Русь-Россию для выполнения специального задания по спасению и сохранению человечности, без которой рухнет ось её мироздания.

Атлантизм не знает совести, служащей мерой и оценкой человечеством самого себя, судящего вменяемость коллективных и личностных деяний людей. Запад изначально разделил всех людей на «избранных» и «проклятых» Богом (Августин Блаженный). Благо и спасение «положены» лишь «избранным» («золотому миллиарду»). Для Россия же совесть служит индикатором человечности, внутренним судьёй и карой людей во всех их помыслах и деяниях.

Смысловая ткань софиасофии соткана также из идеальных энергий всех известных и неведомых подвигов русского бытия, ибо сама русскость есть непрерывный подвиг

во имя бытия. Только Русь-Россия сумела одолеть глобальные нашествия Востока, Юга и Запада; софиасофию творила и эта несокрушимая и непостижимая сила, которая выше любой земной силы, уходя истоками в софийную мудрость Великой Неизвестности.

В софиасофии пробивает себе путь к полноценной службе скрытая, неразвёрнутая религиозность, растущая из сердцевины русского бытия и призванная выявить особую сакральность русскости, возродить, обновить исходные ведические смыслы её христианизированных форм. В софиасофии заявил о себе сакральный контекст русского ведизма, в котором апофатика и катафатика русского бытия изъясняются в качестве Великой Неизвестности. Языком и смыслами софиасофии заговорила катафатическая когнитология русского бытия, напомнила о себе волхвовская апофатика его Золотого века.

Правда, мера и справедливость русского бытия незаметно, но неотвратимо утверждают себя в софиасофии как демиурга «нового человеческого мира», знающего, что «Будет праздник и на его площадях!», причём, гораздо, гораздо быстрее, чем кто-либо думает о нём и ожидает его. Великая Неизвестность всегда играет белыми, оставляя проигравшим шанс свободно не избежать спасения от её возмездия.

Соборное, внутреннее сообщество смыслов софиасофии, внутри которой бьётся пульс творящей идеальности, хранит в себе образец, душу человечности, которая продолжает свой путь в храм Великой Неизвестности, чтоб «обнулить» в ней великие пороки нашей малой земной неизвестности, принести ей свою человечность как жертвен-

ный дар для тайного благословения недоступной, иномировой, но живодейственной единой правды русской, от которой скрывается рой фейковых истин атлантизма.

В эпоху, открывающую научную, философскую, эстетическую, гендерную, медицинскую, информационную, полицейскую охоту на людей, софиасофия впервые помыслила, осознала, вообразила и сохранила *софийную* человечность, которая сегодня никем ещё не мыслится, никем ещё не осознаётся, никем ещё не воображается, никем ещё не создается, да и самой софиасофии она ещё не вполне понятна и доступна, а лишь приоткрыта. Но она есть и работает в качестве уже давно найденной софийной человечности. Иначе не понять, зачем софиасофия возникла, зачем так обильно плодоносит. Поэту мгновенно открылась светоносная истина, гласящая, что, если звёзды зажигаются, значит это кому-то нужно для какого-то очень великого и важного миротворного дела. Софиасофия — это реальная звезда смысловая, но свет от неё ещё не дошёл до ума и сознания всех землян, до академической, учёной, образованческой и экспертной нежити. А софийную человечность осознал и принял неотложные меры для её встречи лишь один русский белый волхв и софийный богатырь. Закон суров, иначе он не был бы законом: «Много званых, но мало избранных; мало избранных, а знает лишь один». (Библия, как обычно, жизненно важные мысли не договаривает до конца!)

Только русская софиасофия может в нынешних inferнальных испытаниях сохранить человечность, выжигая в ней софийной мудростью все мерзостное, мелкое, гадкое и

подлое. Ибо Россия, только Россия признает Софию Премудрость, Великую Неизвестность, мир живой Иной, полилектику, философию хозяйства, а эти посланники Запределя признают пока... только Россию. Все эти смысловые константы «мудрости самой мудрости» создают софиасофский контекст человечности, в котором сохраняется чудотворное продолжение жизни, ибо техноцивилизации могут лишь потреблять и губить людей, но не порождать. Софиасофия возникла именно для спасения человеческого мира с помощью Софии Премудрости и философии хозяйства. Других спасителей и защитников у человечности сегодня нет.

В софиасофии работает основной миротворный и смысловой перводвигатель современного мира, метафизически определяющий его энтропийную эволюцию и эсхатологию. Сегодня атлантизм подменяет бытие своими суицидными техногенными соблазнами. И только корневая Россия хранит смысловое зерно своей человечности в софиасофии, исполняя указы и директивы её мудрости. В софиасофии возвращается спасительное «древо жизни», являющееся для России бытием и царствием её жизненной импровизации, непостижимой и недоступной для всех вразей её!

Софиасофия — загадочно-чарующее, вещное слово и таинственный феномен («вещь в себе»), не допускающий не только полного, глубинно-корневого целостного и адекватного понимания, но и вообще уклоняющийся от логической диктатуры определений, избегающий любой, самой лояльной и милосердной дефиниции, ускользающий от самих

благосклонных к ней размышлений, не позволяющей абстракциям сделать с неё очередную мёртвую маску. Ведь наличие в познании жесткой системы правил свидетельствует о том, что смысловое познание в ней уже исчезло, а оставшаяся система лишь усиливает, обостряет ковидную цифроманию, возмещающая своё бесплодие диктатурой норм, чисел и определений. Да и слово «софиасофия» не приемлет ни один сущий язык планеты.

Семантика и смысловое пространство софиасофии представляют собой не то, чтобы непостижимую или запретную тайну, хотя она всё же несёт в себе не мир, не меч, а понимание русского мира, требуя установления новых, геополитических, хозяйственных, социокультурных, смысловых бытийных, человеческих форм жизни, содержащихся в её духовно-смысловом содержании. Именно софиасофия создаёт новый, адекватный для блуждающего времени контекст, в котором раскрываются новые онтологические, эволюционные, импровизационные, логосные, смысловые и творческие возможности, способности русского бытия, его волхвов, трударей и воинов.

А «неоандертальские» охотники на человечность пусть обольщаются своими победами. Есть, есть свои покровители, спасатели, неуловимые и неуязвимые мстители и у жертв нежити атлантизма. Ведь софиасофия появилась в Руси-России не без цели, а для противостояния inferнальной и земной античеловечности. Мудрая идеальность софиасофии приоткрывает нам свои реальные лучшие смыслы, подсказывает лучшие решения, содействует нашим благим делам, неотвратимо превращает охоту на людей в охоту

на самих охотников, ибо их канибальская охота в России обернётся для них бумерангом Великой Неизвестности, которая накроет ржавым нанотазом все охотничьи проделки натовского атлантизма.

Все книги о софиасофии, все книжки журналов «Философия хозяйства», множество международных и всероссийских конференций, симпозиумов представляют невероятный, невозможный в наши времена волшебный и чарующий мир, дарующий всем входящим в него радостную надежду на понимания мира, Руси-России, самих себя. В то же время софиасофские резолюции дают адекватный мониторинг мировых событий, ход Великой Неизвестности, ход русского бытия, формулируя точные прогнозы каждого шага его эволюции. И что поразительно, софиасофские тексты написаны неведомым уникальным поэтическим языком, их смысловая партитура состоит из таких сюжетов, что они превосходят собой самые увлекательные детективы, тая в себе мудрые, плодотворные и реальные разрешения жизненных неразрешимостей необъятной страны, прикрывая их от гудошников плеером утопизма. Одним словом, софиасофия есть ещё и славное, чудное и завлекательное «чтиво» для людей, у которых мысль, душа и осознание стали судьбой, запутавшейся в игре со своими парадоксами.

Софиасофские юбилеи измеряются не количеством прошедших лет, а глубинной мерой тех времён, куда юбилеи возвращаются, отступая вроде бы назад. В софиасофии царит жизненная перспектива мудрости: отступление и возвращение назад, есть движение к истокам смысловой и творящей силы, соответственно, есть движение вперёд. А

прогрессирующее движение вперёд, обрывающее все питательные смысловые связи с истоками, есть незаметное и сладостное саморастворение в дурмане чистой-пречистой, цветной и цветистой пустоты. И сама мудрость софийная предостерегает: «Кто нашёл меня, тот нашёл жизнь», а «все ненавидящие меня любят смерть» [Прит. 8:35–36]. И софиасофия, все её труды и деяния несут Руси-России, всем людям, только и только жизнь, вдохновлённую смыслами софийной мудрости.

Завершение

Вот такой получилась у нас новогодняя философическая мистерия — это по-древнегречески, а по-русски — *матаня*, вполне и софиасофская, а матаня есть не что иное, как русский народный танец — танец коллективный, демократичный, соборный, под гармошку, с хороводом, притоптыванием и прихлопыванием, прибаутками и частушками, иной раз и с присядкой, танец свободный, энергичный и си-нергийный, который неожиданно начинается и внезапно заканчивается, но что важно: все там вместе, никто не забыт и не отвергнут, все довольны и все воодушевлены, — и бывает после матани тайная ночь, и поднимается утром рассвет, и настанет новый, конечно же, трудовой, день, и опять зацветает жизнь, и стоит себе Русь-Россия, и остаётся русский мир, разумеется, мир не простой, сложный, заковыристый, даже и злой, но он всегда остаётся и остаётся как *наш* — с неизбежной добротой, скромным благоустройством, надёж-

ной верностью, даже и с неизменным благолепием и поднебесным благочестием!

И бьётся в этом мире мысль, теперь уже не так «ихняя», как *своя* — ныне уж *софиасофская*, восходящая к *мудрости мудрости* — к *Софии*, и вытащит сия мысль Россию к себе самой, к северской-гиперборейской, и станет Россия неприступной крепостью, пройдя тяжкий преображенческий путь — от *России тутошней* к *России тамошней* ... нет, вовсе не к сказочной, а вполне себе реальной ... ибо война есть война, а к войне России не привыкать, терпеть иной раз и поражения, но непременно в итоге *побеждать*!

Да будет!

03.02.2021

ФАНТАЗМЫ

(минимы и максимы)

Чужой среди чужих (о мудрецах)!

Страх Божий — спасение Божие!

Дружеская расправа: почему нет?

Всё проходит, всё забывается, остаются лишь разочарование, досада и горечь.

Учёная мысль венчает преднамеренное деяние, а мысль мудреца — непреднамеренное откровение.

Только сейчас, уже перед концом мира человеческого, настал момент сказать людям правду, — всё равно не поверят!

Ничтожество всегда предаёт и всегда мстит, как раз потому и за то, что оно ничтожество!

Кто к Марксу, кто в математику, кто даже в философию, но никто к собственно реальности, которая совсем и не та.

Сделка с дьяволом вершится уже в материнской утробе, если не сразу при зачатии.

Образованство — сила, хоть и дрянная, явная ведь дрянь, а... сила!

Лаская кошку, ласкаешь себя!

Не так правда колкая людям нужна, как и не блаженная ложь, а лживое правдоподобие!

«Вам, господа, ничуть не понравится, ибо здесь — правда!» (Авторский эпиграф).

(Не) бытие среди (не) людей — отшельничество!

Не хотят, не могут, не способны — не люди, а так — погребушки!

(Не) благие ничтожества (сколько же их!).

Все мошенники — милые люди, а милые люди... тоже ведь изрядные мошенники.

Софиасофия как мудрость самой мудрости, на худой конец — философия самой мудрости.

Великая русская неизвестность — дар, ноша, наказание?

Безжалостный, непереносимый и спасительный дар, он же и кара — отшельничество!

Между мной, Россией, Софией и Господом Богом нет посредника, хотя и есть редкие и редкостные споспешествователи и спорительницы.

В России, её людях, в коренных русских прежде всего, сошлись в затяжной кремешной схватке мир и антимир, преисподняя и небеса, не давая России никакого до срока позитивного выхода.

Вот и сегодня так: неопределённо, каверзно, зло! Вот поэтому-то в России гадко и праведно одновременно, страшно и благочестиво, невыносимо и радостно, отвратно и упоительно!

В России есть, чем жить: страной, бедой, надеждой, верой, иллюзией, подвигом! Остальное — нежить!

«Глубинный народ» России, её русское коренное ядро, и впрямь из глубины — мирской, бездной, неведомой!

Миссия России на Земле — быть вопреки, терпя, беснуясь и ожидая чего-то *иного*, чего не может быть, но что таки будет!

Страны-приспешницы: какая пошлая роль и жалкая судьбина!

Опасаться надо не роботов, а роботизованных людей, а их ведь уже вокруг тьмы тьмущая!

Если ориентироваться на ближних, то ничего не создать — насмешники, разорители и убийцы!

Внешне красивыми особями теперь хоть пруд пруди, да вот красоты что-то всё меньше — в глазах и душах.

На Христа хватило одного Иуды и дюжины не внявших ему учеников — будущих апостолов, а мне достались сразу квартет из иуд да тридцать три попутчика, однако и тройка-пятёрка-семёрка воспринявших.

Не покидая России, её отрицая и даже ненавидя, воюя с ней, мир зёмный, пусть и не весь, работает на Россию, её укрепление и движение вперёд, выдавливая из России формулу её иномирного Я.

Вéдомое мне, не ведомо никому — ни в России, ни в мире. Странно, но факт! Дотащить бы!

Мои тексты — открытая тайна, — открытая, но почему-то не берущаяся!

Пишу для единиц, да и то почти зря!

Каждая моя книга — шедевр, но что из того?

Наука тщательно вроде бы исследует реальность, строя об ней отражательно-воззренческие иллюзии, метафизика же обращается как будто бы к иллюзиям, обнаруживая вдруг в них самую суть реальности.

Уже всё сказал, — и что же? А ничего!

Сколько же вокруг охотно гремящих погремушек!

Учёный говорит о том, что знает; мыслитель — о том, что ему является как знание; мудрец же говорит, да и то нехотя, чего достоверно не знает, а более всего он молчит, как раз о том, что он и в самом деле знает.

Не мудрец знает реальность, а реальность знает и ознаивает мудреца.

Эстетический оскал Постмодерна!

Пишу для себя и для некоторых из некоторых — для единиц!

Отвергающие традицию всегда проигрывают, уважающие — побеждают!

Схождение физики и метафизики в сингулярной точке
— полнота!

XXI век и Третья гуманитарная революция, она же и
очередная мировая война.

Пары: «теизм — атеизм»; «гуманизм — терроризм»;
«софиасофизм — технологизм».

Помеха для и возмездие от — правда!

Без людей нельзя, но и с людьми невозможно!

Социализм — доброе по замыслу непреднамеренное
зло. Продукт трансгрессивного европеизма, глубинного ев-
роправления. А вот капитализм, который оттуда же —
вполне себе злое без всякого на то замысла преднамеренное
добро. Оба из одной еврореторты — две стороны одного и
того же проекта. Антихристов! Однако из лона всё-таки
христианского!

Всё, что не может быть никогда, всё это непременно и
случается!

Случается, но всегда почему-то вовсе не ожидаемое
это, а что-то неожиданно *другое*.

Либерализм и фашизм — оттуда же, из Европы, из од-
ного и того же конспиративного котла.

Бытие-история — имманентно-трансцендентная игра
этого и *того*, наличного и иного, возможного и невозмож-

ного, известного и неизвестного, «нечто» и «ничто», бытия и небытия, жизни и пустоты, — тогда что же это?!

Метафизис — не просто всё нефизическое, что есть, но и то, чего нет, но что всё-таки есть.

Метафизика — суждение о том, что вроде бы есть, но чего при этом и нет, как и о том, чего, казалось бы, нет, но что таки есть.

Концептуальный мониторинг бытийно-исторической реальности — суждение метафизического концептуализма о текущей реальности как суждение реальности о самой себе.

Сила народа русского — в изматывающем безмолвии!

Софиасофия — Иное об Ином!

Тирания цифры и математики.

Наука принижает реальность, метафизика же — возвышает!

Наука враждует с реальностью, ей мстит, метафизика же ладит с реальностью, её облагораживает.

Наука задиристо глумится над природой, техника тупо издевается, нейрокибертехнологика — самодовольно потешается!

Интернет — эрзацноосфера, технотронный космогонический призрак.

Тотальная сетевая цифровизация — перевод реального мира в мир-призрак, в говорящее ничто, в несусветный хаотический балаган.

На место мёртвых душ — живые трупы!

Тропа познания — тропа войны, да ещё какой!

Софиасофия — вежливый диалог с Богом!

XXI век и Третья гуманитарная революция — высшая и последняя!

Не делись сокровенным — получишь!

Европа давно уже не просвещает, а лишь более всего помрачает!

Быть не на стороне истины, которую никто не знает, а правды, которая, право, никому не нужна!

Ожидать от людей чего-то людского — грех, требовать — большой грех, а уж от женщины — сушая глупость!

Россия безобразна, но скрыто почему-то идейна, отчего и страшна!

Постигать Бога посредством проникновения в суть реальности — вот и всё! А как? Да никак: проникать и всё!

Чистосердечное признание облегчает душу, сглаживает вину, выправляет воздаяние, отводит возмездие, впрочем, всё тут относительно: и да, и нет!

В поисках утраченной правды, разумеется — в тщетных поисках тщетной правды.

Человечество не стоит никакой жертвы, кроме, конечно, жертвы самого себя!

Правда ужасна, о ней не говорят, за неё клянут, клеймят, пытаются, казнят!

Экономика — сетевое поле или полевая сеть, это уже кому как нравится, однако в хаосе и через хаосмос, ежели, конечно, не управлять экономикой как целым, что, кстати, и невозможно (что змеёй под вилами).

Не общество, а... *рой*, а точнее — *тьма*!

Меня Россия захватила и израсходовала, как и многих других умников — что тех, что этих. Жатва!

«Я пришёл дать им волю — не захотели!»

Антироман-оберег!

Постмодерн — игра, однако игра без правил и в тёмную, которая вокруг яростно вертится, чуя мировой конец.

Роман-подкидыш.

Антироман-отмычка!

Роман-одышка.

Роман-некудышка.

Замёрзшее лето 2019-ого, рваное — 2020-ого, заско-
рузлое — 2021-ого, вот и живи, и делай, и твори!

Великая ничтожная и ничтожащая революция! А
ведь идёт!

Изгнание из Рая, да ещё де из-за Змия с его якобы знанием — суцая ложь, а вот помещение в Ад с его — Ада — Змием-незнанием — суцая правда!

Хочется выть, а это неприлично, даже и в одиночестве. Жаль!

Цифровизация пришла, чтобы его прикончить — человека!

Классика (Модерн) — худо-бедно ещё мыслесловие, современность (Постмодерн, а лучше, пожалуй — Экстремодерн) — одно лишь пустозвоние.

Пандемия — чума во время пира!

Да, сытое и непоротое поколение, а главное — забытое и неприкаянное, и какое жалкое при всей его электронной задиристости, — как раз *их* поколение, *их* продукт и *их* же могильщик!

Россия — адский самозаводящийся механизм, но что мы без него — разве лишь псевдоевропейцы или те же псевдоазиаты, а может даже — псевдоафроамериканцы?

Чак, понимаешь ли, и Норрис, а мы что, не Чаки и не Норрисы?!

Ложь — муть, правда — жуть, правдоподобная ложь — оберег!

Призрак цифровизации забродил по миру, за ним крадётся призрак цифрократии, а там уже поспевает призрак цифротирании, а за этим всем прячется непризрачная цифрофрения. Получим, непременно получим, если уже не получили!

Влезай в затекстье, чтобы только уши торчали — там-то всё и сыщешь!

Иное — благая весть, улавливаемая единицами.

Иномирье — подсознание мира, а в подсознании всё как раз и зиждется.

Преисподняя — фабрика мира!

Всё главное и неизбежное творится *там*, а это «там» не где-нибудь, а... *здесь*!

Ах, это закулисье, зазеркалье, засознание!

Сверхсознание — сценариум, подсознание — кулисье, сознание — сцена, а в целом — театр! Да вот чей и для кого?!

Призрак — не призрак вовсе, а вполне действенная реальность, только вот... *призрачная*!

Сама-себе цифра!

Цифровек!

Светлое цифровое будущее — победа цифры над словом, а математики над смыслологией. Ура!

Нынешняя гуманитарная война: война цифры со словом — ради победы цифры над словом, овладения цифрой ноосферой, превращения ноосферы в цифросферу.

Цифротронная революция!

Предикат «политическая» в политэкономии означает, что политэкономия не имеет никакого отношения к экономике, точнее, имеет, но не к сути экономики, а лишь к тому, как экономику вправлять в политику и идеологию, вовсе не обязательно, что и в экономические.

Нейрокибернетотехномика, или просто техномика: аккурат вместо экономики, да и человечества с его ноосферой тоже.

Гуманитарная наука более всего о себе самой и для себя (не путать с гуманитарной мыслью, которая может быть иной раз и о реальности), отчего наука по преимуществу — не наука вовсе, а всего лишь... *лженаука*, — и ничего — живёт себе и даже процветает!

Скандалное банкротство гуманитарной науки, соответственно и научного (научного-де) марксизма-ленинизма, который есть самый что ни на есть пошлый образец просвещенческой гуманитарщины.

Технологизм — цифровианство — каинизм (от Каина!).

Технос пожирает Хомос — своего родителя, аки молодой змей-горыныч пожирает своих папу и маму, только у

техноса хуже: впереди ведь ни Хомоса, ни Техноса — *пустынь!*

Когда-то связывали и приковывали к скале Прометея, а ныне надо бы связать и заковать самого человека, а может, уже и нечеловека, а какого-то *иноземлянина*, ежели не впрямь *инопланетянина*, а то и вовсе *иномирозданца*, — кто знает?!

«Ты взвешен и найден лёгким, ты провиден и найден пустым», — чего же ты ещё хочешь?

Перестройка с разгромом СССР и «реформой» 1990-х — последнее циклопического масштаба и дьявольского пошиба антилюдское преступление на территории Руси-России, за которое придётся ответить — уже последышам и выкидышам, — и тоже циклопически и дьявольски.

Великая Неизвестность вкупе с Иным непременно позаботятся — бумеранг всегда возвращается, причём неизвестно когда, в каком образе, откуда и с каким результатом!

Прогулявшаяся по несанкционированным улицам России змеевидной чередой молодь — зародыш грядущего бастардного горыныча, зачатого аж в перестройку и вылупившегося уже в сетевой корзине триумфального бытующего новостроя, — *свои* тут, знаете ли, против *своих* же — сытые, непоротые и неприкаянные против пресыщенных, прячущихся и растерянных! Вот вам и неожиданная ревситуация, она и реституция, которая ещё и не ревёт в голос, но уже позвякивает по-ямщицки, неутомимо приближаясь. Будет,

не будет — какая разница, — не *это* будет, так *другое*, главное, что непременно *что-то* будет, как раз то самое — *невероятное и внезапное!*

Главное в бытии-истории — не движение, не развитие, не прогресс, не переходы, не скачки, не этапы, хотя всё это есть и имеет значение, а *выворачивание*, после которого непременно следует через то или иное время *выворачивание вывернутого*, а начальное *выворачивание* есть не что иное, как перевёртышная легализация в Яви обычно ею прикрытой и удерживаемой под контролем inferнальной по духу Нави, а то и замещение Яви на Навь, а ежели уж «по чесноку», то легализация в бытии — антибытия, в мире — антимира, на земном свете — преисподней тьмы, а если попроще, то в жизни — нежизни, ну и, конечно же, самой смерти, равным образом, и гибели, а вот выворачивание, которое есть уже выворачивание вывернутого, означает возвращение Яви к своей позитивной экзистенции, однако уже к новой по виду, форме, а иной раз и по сути, экзистенции. И самое поразительное, что все эти выворачивания совершают *само бытие* и *сама история*, разумеется, не без ведома Софии и Господа Бога, не без участия Великой Неизвестности и соучастия Иного, как и при активной роли поначалу обезумленных, а потом и как надо вразумлённых, гоминидов — что *тех*, что *этих!*

Революции делаются элитарными «бастардами» (то бишь лишенцами) — амбициозными, умными, талантливыми, стремящимися к вершинам, положению, владению, к

самой власти, ну и к самореализации тоже. Именно так — «бастардами», которым нет обычно достойного места и подходящей им доли, но зато у них есть способность кое-чего для себя нужного и ценного добиваться. Что касается внешнего, часто откровенно враждебного, влияния, то оно хоть и неизбежно и нередко весьма эффективно, но не является решающим в революции фактором, как и не является таковым хроническое или внезапное недовольство низов, хотя для успеха революции оба фактора очень даже не лишни.

Вообще-то революции непременно совершаются... *сами*, что надо иметь в виду, у них тоже есть своё сознание со своим бессознанием, своя чувственность, своё безумство и т. п. вещи, которые гуманитарная наука вообще исключает, а многая философия явно недооценивает. *Самосубъектность социального объектного*, а она — сия субъектность — не только есть, но и вовсю работает, в частности, в лице, если не в личности, той же внезапно являющейся революции.

Как только что-то новое конкретно-социальное победило, утвердилось и объективировалось, в нём как червь в трупе зарождается его — этого лучшего-де и более совершенного — отрицание, принимающее образ некоего поначалу вроде бы нереального, а потом всё более явного *самомантисубъекта*, сначала тихо и не очень заметно сидящего в теле здравствующего организма, затем утверждающегося и расширяющегося в нём аки раковая опухоль, а потом

уже, — при ослаблении и кризисе господствующего социального, — сия антисубъектность вдруг даёт о себе знать, да не как-нибудь, а как раз революцией, нередко не оставляющей от отживающего социального не то что камня, а даже и мыльного пузыря.

Что сегодня, в пандемические-то года! Приговор! Однако не воспринимаемый канальями как приговор себе, наоборот, принимаемый ими за свою победу. То-то ещё будет!

Время тяжкой и нудной расплаты!

Пока только еле заметная предтеча, основное ещё впереди!

Начало конца!

Время «SOS»!

«Идёт охота на людей, идёт охота!»

Держи себя стойко во Аде зёмном и не отчаивайся, только тогда не проиграешь!

Ад ведь он такой — комфортный, приятный, милый, яркий, разноцветный, рассвеченный, салютный, велеречивый, звучный, вкрадчивый, ну и сексапильный тоже, иное дело, что пустой, высасывающий, всасывающий, поглощающий, растворяющий, изничтожающий. Ад сей надо знать и посему его не бояться, более того — от себя отстранять, ибо наравне с Адом есть... нет, конечно, не Рай,

который тоже ведь по-своему ад, а просто... *жизнь* — уж какая у кого получается, включая и адскую!

Жизнь — это стойкость, стойкость и ещё раз стойкость, и, конечно же, знание, однако не это, не совсем это, даже совсем не это, а то... *иное*!

Иное же есть не что-нибудь, а всего лишь... *иное*, без какого-либо объяснительного предиката или хотя бы синонима; *иное* ведь не узнать по учебнику, его надо самому ухватить, понять, в себе отобразить, причём как именно *иное*. *Иное* — и всё тут!

Иное не значит лишь другое, не такое, отличное, хотя это всё и есть, — *иное* — *не это*, так или иначе известное, общепринятое, утверждённое, затверждённое, а *то* — неизвестное, и известным которое быть не может и не должно, это как раз то, что есть *тайна*, к которой, правда, можно и должно лишь немногим (единицам!) приобщиться — молча, без слов, по наитию, откровенчески.

Замечай нюансы, в которых вся истина и бытует!

Ленин, возможно, и Владимир Ульянов, но вот Владимир Ульянов — совсем, возможно, и не Ленин, более того, и сам Ленин, возможно... не Ленин, да не как персона, хотя и тут есть вопросы, а как исторический персонаж, который, кажется, делал в России революцию, да вот какую по цели и смыслу, да и были ли они — сии цели и смыслы, разумеется, глубинные, ему — Ленину — сколько-нибудь понятные, ибо его революция не была ни пролетарской, ни со-

циалистической, ни даже марксистской, как он утверждал, да и вообще была ли она революцией, а не попросту большой бузой, да вот с какими же целями и ради каких же смыслов? И так вот можно сказать почти что обо всём широко известном, выдающемся, исключительном, великом, да и в общем-то — обо всём бытии и обо всей истории: что, зачем, куда?!

И вообще: Ленин ли делал революцию или революция делала Ленина — вплоть до его — Ленина — внезапного конца? О-очень всё это интересно!

Любопытно, что последней книгой с оставленными в ней собственноручными пометками, которую читал Ленин, находясь уже в Горках и там безысходно болея, была... «История масонства», доставленная ему по его просьбе из Румянцевского музея (то бишь из будущей «Ленинки») и находящаяся ныне в Горках Ленинских, то бишь обратно, как другие книги, в Румянцевский музей не возвращённая!

И почему вдруг по кончине Ильича мавзолей, и почему сохранение тела — это у марксистов-то — атеистов и материалистов? Превзойти все культы мира сразу? Да и зачем этот новый культ? Ведь бытие-история России (СССР) пошло, шло и идёт всюду не по Ленину, а вот как по Ленину, никто ведь не знал и не знает: бытие-история шло и идёт так, как ему диктовали и диктуют Иное с Великой Незвестностью (о Софии и Господе Боге мы уж тут помолчим!),

а может, как раз шло и идёт по Ленину, который сам ведь и Иное, и Великое Неизвестное, и Тайна?!

Выходит, что всё вокруг, во-первых, *иное*, то бишь не такое, каким кажется, а во-вторых, ещё и продиктованное *Иным*, что для совсем уж обыденного даже и учёного ума звучит не то что дико или крамольно, а совершенно, знаете ли, недопустимо, хотя все вокруг *хорошо* знают, что *ничего достоверного*, кроме некоторых голых фактов, никто ничего не знает, ибо кругом... *Тайна* (Каплан ли, к примеру, стреляла в Ленина, да и откуда всё взялось: и покушение, и Каплан, и её внезапная гибель, а потом и преждевременный уход самого Ильича, правда... в *мавзолей*?!)

Да, люди-земляне, обладая сознанием, разумом, воображением, творческой способностью, деловитостью, трудолюбием, амбициозностью, безумием, бессознанием, вершат бытие-историю человечества вкупе с зёмной природой и пока ещё ближним по расстоянию космосом, как и вопреки им, проектируя, делая, созидая, творя, воюя между собой, поработая и убивая себе подобных, но... *вершат*, — и это факт! Но фактом является и то, что люди-земляне не знают вполне и в главном, *что* они на самом деле творят, хотя и догадываются, что *что-то* (или *кто-то*) тоже творит *их* самих и их — *их!* — бытие-историю, и, спасаясь от этого факта, люди списывают сие на объективность, стихийность, самопроизвольность бытия-истории, но никак не признавая никакой *иной* разрушительно-творцовской силы, вполне себе по-своему и «сознательной», не просто участвующей в

делах человеческих и самого бытия-истории, а творящей своё бытие и свою историю, — как раз умами и руками зёмного человека, того же амбициозного европейца.

А сей наглый европеец придумал, сам того и не ведая, красочную картину что себя, что своих деяний, что бытия-истории, уверовав в неё и заставив уверовать в неё многих на Земле, даже и тех же русских, кроме разве восточных мудрецов, — да что с них взять, с этих замшелых доисторических хроников?!

Да-а, есть она — эта *весть* — ВЕСТЬ! — называемая ныне, а теперь вот и навсегда, *софиасофией* — СОФИАСОФИЕЙ! — для которой нет ни пошлых бытийно-исторических загадок, ни пошлых ответов на эти неразрешимые смертным умом загадки, ни унылого бегства от них в якобы всезнающую, немало при этом и пошлую, науку.

Софиасофия — наш русский *Грааль*, а по-нашему — *Ларец неоскудевающий*, в котором зиждется и из которого сочится *мудрость мудрости*, которая как раз и есть *Софиасофия*!

Что же касается *Страны обетованной*, вроде той же *Шамбалы*, то для нас — русских — это, безусловно, *Гиперборея*, это по-гречески, а по-нашему — *Буян-остров*, который, правда, не остров и не буян, а всего лишь *Русь изначальная*, как раз та самая — *глубинная*!

Русь — страна северская и мы — русские — северские, — и никакие не другие: не западные, не восточные, не

южные, даже и не северные, а именно *северские*, что значит не *с* Севера, а *от* Севера, а Север, знаете ли, на то и Север, чтобы бриллиантом сверкать, отчего и *Свет Невечерний*, мало того — *Свет Извечный!*

«Да, скифы мы!», — хоть это и не факт, а ежели и факт, то как южный окаём нашего Севера, как, впрочем, и кое-что поюжнее Скифии, что так или иначе вошло в наш Север, а то и, наоборот, что вылилось из Севера и влилось в Юг, главное тут не в том «что-куда-откуда», а в том, что ключ волшебный всё-таки там — в Севере, он же и кладезь, он же и исток, откуда с незапамятных времён и по сей день течёт *русскость*, как раз та самая — отовсюду поносимая и всюду отрицаемая, но и всюду признаваемая и отовсюду призываемая, — вопреки всему и самой себе бытующая в веках, да что в веках — тысячелетиях!

А русскость, знаете ли, не что иное, как *неотмирность*, — не так в аспекте качества, как в плане значения; не от мира сего она — русскость, отчего и все её тайны, беды, поражения и победы, а главное — потаённая на будущее потенция, одинаково страшная для тех — с Запада и для этих — с Востока, хотя совсем не страшная, даже, наоборот, приемлемая и желанная, как ни странно, для Юга.

Вот она — вертикаль «Север — Юг», которая очень не нравится ни Западу, ни Востоку, да что делать: Аполлон ведь был Гиперборейским, и скифы северные очень были схожи с русскими, и Христос почему-то знал русский

язык, и волхвы к младенцу Иисусу явились всего вероятнее с Севера, и русский язык составляет древнее единение с арабским языком по формуле «РА», и Сирия почему-то близка России (созвучие то какое, ежели прозреть сии слова в обратном направлении!), и вообще южные и северные относительно Руси-России народы как-то ближе России: и греки, и югославы, и итальянцы (этруски!), и испанцы, и французы, а что говорить о северных финнах, шведах, норвежцах, так сказать, скандинавах-норманнах-варягах. Везде ведь немало с Русью сходного, хоть там и там хватает своего, отличного, иного.

Новый, он же софиасофский, концептуализм, следовательно, и иной!

Это концептуализм, сходящийся в общий поток с *концептуализмом самой реальности*, который, прежде чем им удовлетвориться, надо признать как факт, чего всего труднее сделать, а для заядлых образованцев попросту и невозможно. Да, у реальности вроде бы нет сознания, хотя бы такого рода, как у человека и Господа Бога, — да и в самом деле нет, — однако некой аналог сознания у реальности всё-таки есть, разумеется, что-то бессловесное, безъязычное, но почему же непременно совсем уж безразумное, ежели она — реальность — действует и своего немало добивается, и вовсе, заметим, не только стихийно, точнее, может, и стихийно, но... не без своего, может и стихийно складывающегося, умысла, — умысел-то всегда там есть! Кто по жизни что-либо делает, в особенности что-то необычное и боль-

шое, тот знает: делает он одно, а выходит-то у него другое, но не как при ремонте той же квартиры, хотя и там всякое случается, а в ходе управленческого воздействия на окружающую реальность, которая и сама по себе почему-то меняется, опять же вроде бы стихийно, и на управленца влияет, действуя как-то *по-своему*, знаете ли... вполне и *разумно!*

Софиасофский концептуализм сводится не к тому, чтобы что-либо придумать и навязать реальности, чему она будет, естественно, сопротивляться и в итоге решать не только по-своему, но и весьма по-другому, а создать (вообразить) что-либо адекватное реальности (что не значит, что точно такое же), что она может таки принять и, решая по-своему и по-другому, учесть, пусть и не в полной мере: тут ведь не битва с реальностью, как и не игра с ней, а *творческое взаимодействие*, не исключающее противоречий и противодействий, но всё-таки позитивно результатное для обеих сторон. Не просто бывает, а есть, как, к примеру, у тех же скандинавов!

Революции, реформы, войны не очень-то достигают своих целей (ради которых они затеваются), ибо реальность продиктовывает свои итоги, совсем не часто совпадающие с ранее задуманным, — и более всего тут достигает целевого успеха как раз адекватное реальности и способное её изменить *управление*, когда реальность покоряется управлению, а управление не очень препятствует реальности идти своим путём. Короче: софиасофская симфония тут нужна — как

раз между *концептуализмом реальности* и *концептуализмом управленчества*.

Революция в СССР 1991 г. и реформа в России 1990-х, вроде бы немало достигли в плане антироссийских прозападных целей, но всё-таки достигли они не всего из задуманного, ибо остались-таки Россия, русский мир и тяготение ближнего и не очень контекста к России, — и это несмотря на визгливо-враждебное противоборение некоторых из контекстников существовавшей — круто тогда надломленной и едва к себе выбиравшейся — России.

Концептуализм нынешнего верховного правления мало соответствует концептуализму российской реальности, не говоря о концептуализме самой России, — здесь проблема и очень немалая, если не жгучая, подлежащая немедленному разрешению, разумеется, не отчаянному, не нервозному, не спонтанному, а вполне себе осознанному, итеративному, подвластному.

Судьба нынешнего российского правления тесно завязана на разрешение сего концептуального расхождения, если не конфликта, вполне, знаете ли, при случае и провального: между *субъектно-субъективным* и *объектно-объективным концептуализмами!*

Слушать и слышать реальность, но делать это через посредство не столько электронного киберглазомера, сколько *софиасофского гнозиса: политического, философско-хозяйственного, новоконцептуального*, что то же самое —

через посредство Грааля, Чаши мудрости, Мудрости мудрости — Софии. Каково, а-а?! А ведь на деле-то сие и невозможно! Только чудом или, увы, через катастрофу, которая тоже ведь не лишена чудотворной способности.

Да-а, недаром, как сейчас видится, товарищ Сталин гонял в своё время генетику, кибернетику, психологию, биологию, частично и философию, совсем недаром, — интересно, кто его просветил по этой части, уж не Вернадский ли, который, как говорят, бывал чуть ли не собеседником вождя? Разумеется, дело тут не в попытке остановить прогресс, а в чём-то другом, ещё только начинающем приоткрываться.

Когда едешь на поезде по Европе с запада (из того же Парижа) на восток — домой, то за окном, ежели днём, почти сплошная из домов и строений агломерация, словно змея, а ежели ночью, то огни, огни, огни, словно млечный путь, а как отъедешь от Бреста на Москву, то если днём — леса, поля, редкие деревеньки, а ежели ночью — сплошная темень — долгая, протяжная, безысходная! Как-никак, а Гиперборея, Скифия, Тартария, в общем — Русь!

Ежели Россия выживет и будет длиться дальше, то лишь развернувшись *к самой себе*, к Северу, не отворачиваясь ни от Запада, ни от Востока, ни, тем более, от Юга.

Утверждают, что Сталин посетил Матрону Московскую, о чём-то говорил с ней, а может, просто слушал про-

видицу, а она — Матрона — будто бы сказала как-то: «Бог ещё простит Сталина!».

А что это было по имени «Сталин»? Ясно, что фантом, но ведь работавший, да ещё как работавший, не только Россию перевернувший, точнее, вывернувший — к России, пусть и имперской, но ведь и не к романовской, скорее, к той — рюриковской, а точнее — к новой, хотя и не собственно русской, хоть и попытался через партийность обозначить и реализовать *русскую соборность*, — и ежели что у него получилось, то лишь наполовину, ибо, опираясь на русскость, он, человек не русский, как раз её — *русскость* — если не побаивался, то уж сторонился — точно, хотя бы на всякий случай.

И что же у него вышло? А вышла *новоевразийская империя*: внешне европейская, а внутри азиатская, а вот для полной её русскости в ней не хватило *народоправства*, хотя и чувствовал он это, даже ясно понимал, но уже не мог, может, не успел, да и не его это уже было дело, да вот выжившие наследники подкачали, о которых и сказать-то нечего, кроме того, что были, — вроде бы были! — были и сплыли, ничего после себя, кроме застоя и разора, как и наоборот, разора и застоя, да дурости, не оставив, — вот и гакнулся сталинизм в небытие, им самим же и подготовленное, впрочем, не навсегда, он непременно ещё вернётся, когда Бог Сталина простит, правда, вернётся уже совсем *иным*.

Не любовь вовсе вокруг в приоритете, а самый что ни на есть настоящий... *страх* — СТРАХ! Мало что от жизни и перед смертью, от людей и перед обстоятельствами, вообще ото всего и перед всем — вкруговую, как и страх перед Господом, вроде тебя признающим и любящим, а страх таки внушающим, мало того, есть ещё страх *перед самим собою* и *от себя самих* (не то подумать, не то сказать, не то сделать, не то написать, не то, не дай бог, даже о себе самих помыслить), в общем — тотальный ото всего и передо всем *страх*, мало что экзистенциальный, но ещё и субстанциальный — вязкий, прилипчивый, неотвязный, проникающий в тебя и в тебе сидящий, тебя держащий и тобою управляющий, не говоря о том, что подавляющий. И никуда от него не деться!

Сама жизнь — страх, но при этом и постоянное его преодоление, как и преодоление самой жизни, может, всего лишь игнорирование страха, о нём забывание, но только не бесстрашие, а если и бесстрашие, то очень замешанное на страхе — куда ж от него?!

Можно ли любить из страха? Нет! Однако любят же, как им кажется, да ещё как!

Страх потерять *надежду* — самый большой, пожалуй, страх.

Что против страха? Нет, не любовь, ибо её либо нет, либо она не имеет к этому потребного отношения. Против

страха более всего годятся стойкость, бдительность, противление, засада, дерзость.

Страх по сути субстанциален, он всюду и исходит почти ото всего, он вроде духа, эфира, растворённой в воздухе отравы, в общем — вроде спиритосферы.

Страх — отравляющее вещество, а культивируемый (насаждаемый) страх — боевое отравляющее вещество, успешно, знаете ли, применяемое через информацию, пропаганду, media, искусство, а теперь вот и через пандемию, ну и вообще через отношения, порядки, установления, да мало ли через ещё чего.

Человек человеку волк, — как гласит народная пословица, — но это не совсем так, ибо более всего человек человеку попросту свинья, но и это не всё — ещё и баран, а что лучшее из всего этого, так это уж кому как нравится!

Так называемая современность стёрла из человеческой жизни всё человеческое, не говоря о божеском, да так стёрла, что перед нами уже не жизнь, а *нежизнь*, а впереди лишь долгожданная, в целом и незаметная, даже и приятная, гибель.

Жизнь как человеческая по культурному критерию жизнь, пусть и тяжкая, и страдательная, и жертвенная, немало и несправедливая, завершена на Земле, но в космосе её уже не будет, так что она завершена и в мироздании. Хотел ли того Господь? Наверное, нет, коли Сына своего прислал к людям на их увещание и от них на гибель. Тогда что

же Он хотел, когда велел Каину убрать Авеля, а правоверным-де израилитам идти и убивать якобы неверных, — интересно, не правда ли? Ведь выход в космос и в нём мельтешение — Каиново деяние, не Авелево, тогда что же выходит: Земля лишь стартовая платформа, а зёмный человек, может, и не человек вовсе, а что-то другое, чего-то *иного* предтеча, да и всё вокруг, вроде бы знакомое человеком, им обозначенное и используемое, как раз то самое, чем человеку кажется, или же что-то другое, да ладно бы другое, а то ведь и совсем *иное*, тогда *что* же?

Мир страннеет, человек страннеет, даже сама странность страннеет, а тут, понимаешь ли: мир, человек, любовь!

Язык немеет!

Иной человек что упрямый унитаз: шумит, стареет, портится, покрывается тёмной патиной, но сам не уходит, пока не выбросят.

Ненужный совет властителю: *благоволить вечности, слушать безмолвие народа, слышать молвие мудрецов!*

Парафраз приказа Бонапарта: «Учёных и ослов переправлять через реку в первую очередь!», — и наша добавка: «Учёных ослиц не переправлять!», хоть и не все учёные женщины ослицы.

Беречь мудрецов!

Человек не в себе, лезет из себя, уходит от себя, влезает в скафандр, перестаёт быть собой — наконец-то!

Кто кого обманывает: автор ли свой текст или текст своего автора? — не такой уж простой вопрос!

Не гневи Провидение, оно измен не прощает!

Будь всегда готов к неожиданным — невероятным и внезапным, мало того, вообще вроде бы невозможным — переменам, как и к концам тоже!

Главные перемены идут оттуда — из, от и по велению Неизвестности.

Есть управление, есть самоуправление, есть стихийное управление, а есть и *неуправление* — очень интересная штука, весьма характерная для нынешних, не знающих что делать, не умеющих и не желающих что-либо делать правительств и правлений.

Нет самого главного из действительно людского — *доверия* — ни к кому и ни к чему!

Есть, быть может, но как исключение, хотя и не малое, но в целом...!

Россия переживает *великую людскую трагедию* как последыша страшной перестроечно-реформной, а фактически — лживо-переделочной, *травмы*. Кто и когда за *это* ответит? — и самое гнусное, что *никто* и *никогда*, ещё и святыми сделаются не без покладистого участия нашей рас-

торопной церкви, — если, конечно, успеют, хоть уже и поспешают. Травма моральная, духовная, экзистенциальная, — не меньше сорока лет надобно для первичного излечения, а уж для полного, то и все сорок сороков, то бишь и не излечим просто так сей недуг, а ежели и исчезнет вдруг, то не иначе, как через большую катастрофу и обильную кровь. Да-а, до такой чудовищной переделки с вывертом додуматься ведь было надо: совершенно дьявольский сюжетец, пожалуй что, и *сверх*-дьявольский, до которого и сам дьявол бы не додумался, не то что на это решился бы! И всё это, заметим, не без участия милой советско-российской интеллигенции (выпускников лучших вузов) и не без североамериканского, вполне себе и незлобивого, пособия!

Длительное, аж в 80 лет, официальное и захватившее массы отрицание дьявола, как и, конечно же, Бога, обернулось тотальной дьяволиадой по всему экзистенциальному фронту, включая актуальную коронованную пандемию и, как вещают в сети, даже и саму коронованную против неё вакцинацию. И что же? А ничего: как жили в союзе с лукавым, так и будем жить, разве теперь в обнимку!

Ежели ты не подонок, то ты на дне, униженный и оскорблённый, прямо по рецепту великого душеведа Горького, а ежели наоборот, то ты наверху, в благолепии и довольстве, тоже по Горькому, уже, правда, филантропу.

Не так сейчас война, как *состояние войны*: иллюзионное, нервическое, патопсихическое, но... действенное!

Мир натужно, конвульсивно и лихорадочно выворачивается, ища спасения в антимире, в преисподней, в бездне, призывая не помощь *ультраискусственный технологизм*, который, да будет известно миру, как раз оттуда, куда мир с упорством растерявшейся пчелы и лезет.

Ныне, в 2019, 2020, 2021 гг., человеческий зёмный мир переживает не просто критический, а воистину *осевой, сингулярный* момент, когда прошлое вдруг перестало работать и окончательно исчезло, настоящее замерло, тоже не работает и тоже исчезает, а будущее не только не просматривается, но его — как возможного будущего — просто и нет! Историческое время остановилось, исчезло, его тоже нет. Мёртвая точка, из которой, как было вроде бы со вселенским первовзрывом, может что-то вдруг и явиться, но, во-первых, *что?* — во-вторых, *как?*, в-третьих, *зачем?* Да, скорее всего, что-то, как-то и зачем-то явится, но, скорее всего, ненадолго, отчего и станется яркой, даже ослепительной, вспышкой, чтобы никому не увидеть её чернодырного результата (ах, этот малевический «Чёрный квадрат» — предвестник наступления вселенской тьмы!).

Разворот России к России как её — России — *развёртывание* (аки бутона); ясно, что не будет, не захотят, никто не захочет, а всё-таки свершится — сама Россия сама и развернётся!

Ленин, может, и антихрист, как, кстати, те же Леонардо да Винчи или Пётр I (по Мережковскому), но почему...

почему-у? Только антихристу и можно?! А ведь всё из-за укоренившейся в человечестве, включая и его как бы христианскую часть, *несправедливости* — питательного сока для ниспровержения подуснувшего строя жизни и попытки перехода к новому её устройению, более вроде бы справедливого, однако, увы, столь же, если не более оказывающемуся на деле *несправедливым*.

Несправедливость — субстанциональное достояние любой цивилизации, её движок, нерв и ядовитый фермент. Так было, так есть и так будет, иначе жизнь, хоть и б.....я, остановится!

Три сакральных для истинного гоминида «Л»: *Лицемерие, Ложь, Лабуда*, — и вы хотите, господа-товарищи, чего-то наоборотно, окститесь, с какой же это вдруг стати?!

Можно обратиться и к литературе «Фэ»: *Фэнтези, Фальшь, Фикция, Фейк, Фантом*, ну и *Фемина* тоже, — и что? — сколько сил, нервов и крови было затрачено, измотано и пролито в противлении этим треклятым «Фэ», а все они — эти «Фэ» — как были, так и есть, так и будут, — во и вся тут недолга!

Глаза, глаза всё говорят, как и их — глаз — отсутствие — при вроде бы их полном наличии!

Не только травма, но ещё и тяжкая печать, поставленная на Россию сверху, нарочно, насильно — как бы в каторжное преображение!

Роют, роют старательно яму, а ведь давно уже сказано, что не рой яму другому, сам попадешь в неё, — уже, кстати, одной ногой они все там — в этой самой яме, что пока ещё вполне ими не осознано, но чувствуют, гады, трясаясь, колбасаясь, выворачиваясь и изворачиваясь, причём сами же в яму и лезут, точнее — сползают туда, пусть и невольно, но зато верно, а куда ж им ещё?

За всё платить надо — и час расплаты на подходе, оттого и гайки сверху крутят, да всё вхолостую — ничего не поможет, даже сатана не поможет, их хозяин и инструктор, ибо он-то и обеспечит их поспешную ретираду, — беспощадный гон — его любимое занятие!

Ежели человечество таки загнётся, то от искусственного разума, себе на погибель им же уже давненько культивируемого, как раз сугубо своего, ещё и круто замешанного на безумии.

Безумие — сила!

Кто кого обманывает: автор свой текст или текст своего автора, а кто тут вообще автор текста и автор самого автора?

Он сам не знал себя, что и вывело его на вершину, однако не власти и не богатства, а всего лишь гуманитарной мысли, конечно же, никчёмной, но отчего-то великой!

Мысль, она ведь отсюда и оттуда, её ведь ни выработать, ни выварить, ни произвести, её дожидаться надо и схватить — вовсе, однако, не случайному избраннику!

Главное не в том, что вокруг происходит, как и не в том, почему происходит, а в том, что всё это *не может не происходить!*

У всякой причины чего-нибудь из происходящего есть не известное ни ей, ни этому чему-нибудь, ни вообще реальности глубинное обоснование, — в этом-то и вся прелесть экзистенциального процесса!

«Сделай чаямый народом выбор и будь готов к независимым от тебя и твоего правления *большим переменам*, не мешкай перед *роковой нуждой*, точь-в-точь как перед *рассветом*, не гневи *Провидение!*»

2019, 2020, 2021-й — трёхлетка великих, — подспудных и не очень, — перемен, да вот каких же и куда, ежели столько всего упущенного, а может, и нарочно попущенно-го, а то и сделанного, что всего вероятнее — только теперь уже перемен самовольных и в навеваемое неизвестностью никуда!

«Мюнхенской речи», адресованной народу российскому, сей народ так и не дождался и, что по-своему даже интересно, не дождётся. А что сказать-то?! Думает отмолчаться и всех перехитрить, да вот выйдет ли?

«Ход вещей», не говоря уж о «ходе неизвестности» — не переиграть!

То был новый революционный перехват страны под видом реформы и преображения! Вопрос: кем и зачем? Знаем, но помолчим — не в именах дело и не в злодеяниях суть!

Если уж с чем-нибудь знаться, то лишь с *незнанием*!

Не надейся на справедливость, её просто нет!

Его «Восемнадцатое марта» — не «Восемнадцатое брюмера» Бонапарта: профукано, а вот почему — вопрос!

Игрок, даже и везучий, но этого мало, — и везение не бесконечно, и игра очень уж своевольна и непредсказуема — в тёмную ведь идёт и без всяких правил!

«Мюнхенская речь» — всего лишь дерзкая челобитная хозяину, который в прихожей незаслуженно-де держал подателя сего внезапного прошения, в гостиную его не допускающая. Протест вроде бы, но... кому, из-за чего, зачем? Внимание там на сей колючий демарш обратили, но... *какое*, как раз то самое — уже и из прихожей «партнёра» выставили! Тогда казалось одно, что-то вроде сброса зависимости, чуть ли не освобождение, а вот сегодня, в 2021 г., совсем другое, да уже и не кажется, а попросту ясно видится.

Он так и не стал на сторону народа, а остался с кучей хапуг и приспешников, полагаясь на их доморощенную не-

верность. Что это: самоуверенность, близорукость, заданность?!

Так и не ответил он на заокеанский, предельно наглый в свою сторону, выпад. Где ж тогда она — *красная черта*? А где, за какой чертой нынче систематически поносимая и оскорбляемая «партнёрами» страна? Как бы и нет её! Политика тут, игра, стратегия или... о чём в обществе и СМИ благоразумно помалкивают?!

Невыносимая неизменность или неизменная невыносимость лет 2018, 2019, 2020, 2021... что это за смрад такой удушливый от новой-де эпохи?!

Новизна как труп, хотя новые трупы у нас не в новинку — бывало, однако не так же — сразу, споро, безысходно!

Ясно вроде бы, что делать, но... *ничего!* Загадка! Пока загадка! Не за горами и разгадка, она уже при дверях, как случилось когда-то и с меченым.

Призрак — сила, иной раз очень большая сила, вполне и реальная, однако при этом и призрачная сила — о-очень обманчивая!

Бессилие — тоже сила, да ещё какая!

Уныло расцвеченная унылая пора!

Не салют был в московском небе на девятое мая, а огненно-дымно-красный апокалипсис!

Да, всё именно так, как и было всегда: *господа, холуи и рабы*, а где-то между ними всякое, как говаривал незабвенный Ф.М., г...о!

Нет доверия ни к чему из наличного, одна лишь вера в невозможное!

Кто нынче поверит в исход тех же «всенародных-де выборов», особенно предварительно-электронных, ежели раньше-то не верили, а просто принимали как факт: то от безысходности, то от устрашающей большинство реальности, то из надежды, а теперь... от дурости, что ли?

Так покинул Господь нас или нет: кто ответит?

И нужны ли мы Господу? Такие вот! Не так в плане нашего ложного бытия, а как осознание лживое существо, ещё и как бы по подобию?

От открытого нашествия ворога мы вроде бы гарантированно защищены, прямо аки троянцы, — да вот защищены ли от самих себя, не говоря уж о троянских лошадях?

Главное — *стоять!*

Главное — *врать!*

Истинно всё, кроме истины!

Истинно всё, что неистинно!

Истина где-то там — за истиной!

Сама-себе-истина!

Истинная весть — сама-себе-весть!

Сам себе истина и сам себе весть (о волхвах-отшельниках!).

«Вещь в себе», но и «весть в себе»!

Чем ближе к истине, тем она дальше!

Не поиск истины вовсе, а её непрестанное сотворение — неважно какое и какой!

Вскрытие, а не открытие, реальности — истинный подвиг и величайшая заслуга софиасофии!

Книга о *знании незнаемого и незнании знаемого*, она же и *ИноКнига*!

Надейтесь, люди, на справедливость, но не думайте, что она к вам когда-нибудь приидет!

Справедливость таится в сердце, но, увы, в очень редком!

Коли что-то *этакое* совершается, значит *это* кому-то бывает нужно, но вовсе не конкретному исполнителю (вроде наёмного киллера).

Возмездную ответку (расплату и плату) за европересотворение мира ЕвроАмерика постарается свалить на нас — на Россию, что очень важно иметь в виду, ибо это как раз *самое главное* из ранее и ныне происходящего в мире в связи с Россией (как и СССР)! Очень, знаете ли, многое объясняется.

Мы — русские, теперь вроде евреев, индейцев, тех же палестинцев (виноваты, и всё!).

Мудаки!

Хорошо задуманная и отлично произведённая свыше, снизу или даже сбоку эволюция (о саморазвитии по Дарвину живого мира).

Ищите слабое звено — порядочного человека (а ведь таковых всё меньше!)!

Да-а, не сразу осознаёшь Данте, Босха, Гойю, Гёте, Ницше, Кафку, Дали, того же М. Булгакова, но таки осознаёшь и... солидаризируешься!

Не оспариваю святости земли обетованной, но разве русская земля, обильно политая потом и окроплённая кровью, оваянная страданием и охваченная окаянной несправедливостью, терзаемая страшными поражениями и одарённая великими победами, не святая?! Может, может, и не обетованная, но... *моя, наша, своя!*

Время велеречивых краснобаев — опасное время!

Самое смешное, что отвечать по-чёрному придётся не за Крым, Сирию или нефтепотоки, а за... SCOPUS! Почему? Из-за утери *своей* гуманитарной мысли, ликвидации независимых мудрецов, как раз из отшельников, которые только и могут сказать что-то *этакое* и совсем не лишнее.

Если уж с чем-либо здоровски знаться, то лишь с незнанием, как раз с тем самым — мистическим!

Ежели и заблудший в своих мыслях грешник, но не предавший ни Тебя, ни Родину, ни себя!

Читаешь по случаю некогда тобой написанное и дивишься его избранническому невосприятию: всё ведь *главное* там сказано, да и *как*!

Не берущиеся в умные-де лапы смыслы — тоже ведь факт!

Смыслы, смыслология, смыслогенез, смыслодинамика — недоступная для великого большинства умников размыслительная линейка, ибо у всего сколько-нибудь значительного и весомого из видимого, фиксируемого и исследуемого в гуманитарной сфере совсем иные, чем обычно кажется ученым, глубинные мотивы и обоснования, как раз смысловые, так сказать — со смещением!

Мой храм — мои тексты, а лучше сказать — мой *Текст*, — да простит меня за это София, но что делать, ежели это так!

Если ориентироваться на «мнения», «традиции» и «установки», то ничего *своего*, — тем более значительного и весомого, уникального, — не создать. Всё *самое-самое* всегда вопреки, — *закон*!

Если остро реагировать на все житейские приметы, то ни делать ничего нельзя, ни идти куда-либо, да и вообще не

жить охотно и деловито, хотя игнорировать их вовсе и не надо: осторожность, осмотрительность, оберег!

Дело не в том, что мы другие и что мы им альтернатива, мы ещё и назначенная ими на заклятие жертва — для них как бы и спасительная (о нас и наших евроамериканских партнёрах)!

Старушенция Европа, как раз объединённая, а потому и беспомощная, тоже сгодится для жертвенного исхода, особенно Центральная (которая вроде как от моря до моря!), ежели на России обожгутся, а шанс такой велик, ежели сама Россия не подкачает. Как? Через большое и глубокое внутреннее перестроение, вполне и мобилизационное, армейского типа, может, и с участием самой армии в делах тыло-гражданских, судьбоносных.

Змий-Горыныч всегда в Руси-России, никогда её надолго не покидающий.

Россию любить — с ней всегда и бороться — с тем же Змием окаянным!

Ах, Змий, Змий, с твоей-то тебе подушной данью, а ведь зачем-то ты есть и даже нужен — панисторически!

Вот и русские — медведи они таёжные, и змии подкожные, и соколы ясные, и соловьи-разбойники, и сороки-воровки, и лисы-мошенницы, но и богатыри отважные, и девы прекрасные, а всё одно — спасители-страстотерпицы, опять же святые!

Загадка она — душа русская, да так, что мало никому не кажется!

Об исторической роли науки, естественно, позитивной, все говорят, а вот об её исторической ответственности — что-то не очень, а уж о вине — Боже упаси, никто!

Сказанное об исторической ответственности можно отнести ко многому, практически ко всему, ко всей в широком смысле культуре, ко всей цивилизации, а также к насильственной и нет европеизации мира с его физической экзистенциальной, хозяйственной, экономической, культурной и даже моральной колонизацией, а теперь вот и к американизированной глобализации, а у нас в России... э-э... страшно сказать, к чему только сия страшносудная печатка не относится!

Судороги довольного собой человечества: рожи-то, рожи какие?! Полный, знаете ли, Инстаграмм!

Единственный, пожалуй, из вдруг на высоте оказавшихся персон, кто может выдать что-то непотребное, но почему-то неоспоримое — реально реальное и реально человеческое!

Людей как ЛЮДЕЙ, достойных уважения и восхищения, всё меньше — исчезают как краснокнижный вид!, — на арене же в общем-то уже постчеловеческого бытия всё больше человекообразов разной нёсути, сорта и упаковки — вплоть до самонадеянных, хищных и пошлых нелюдей.

Люди-, ау-у!

Старый анекдотец, ещё с 1960-х. У газетного киоска: «Правды» нет, «Советская Россия» продана, один «Труд» остался. Каково, а-а!

Управлять, не управляя, а ежели управлять, то лишь вредя управляемым — уметь надо!

Не анекдот, а реальность, прямо из Сербского 1960-х, где злые шутники-психиатры делили акционных дам на «дур нормальных» и «дур ненормальных», на что умные сотрудницы института, сами психиатры, не только не обижались, а, добродушно посмеиваясь, не отказывали мужчинам в остроумии (нелактично вроде бы, а сколько правды!).

Истина не в вине (напитке), хотя она там и есть, а в вине (в переживании негативного поступка, за него ответствований).

Теперь нет (или почти нет, или мало) жизни (экзистенции) как самостной и в основе естественной реальности, которую призвано искусство как искусство худо-бедно отражать и быть её — этой жизни — частью и участником; мало того, что само искусство, — к примеру, то же кино, — ничего из реального уже не отражает, а лишь выражает самого себя, ничего зацепистого при этом не выражая, так оно ещё и захватило политику, управление, даже и саму жизнь, превратив всё это в игру, ведомую извне, сверху, где игроками служат те, кто правит, исполняя роль продюсеров, режиссёров, ведущих актёров, а массовой в сей игре слу-

жит подвластное население (электорат). В общем, жизнь теперь не *как театр*, а уже *сам по себе театр* — большой, протяжный, невыносимый! Этакая бесконечная мыльная опера под названием «*Happy end*», правда, «*End*» всего и вся сразу! Интересно, как долго этот огромный, пустой и трескучий, симулякр будет длиться?!

Нет, бездна ныне вовсе не при дверях, она уже в комнатах, — не замечаете?!

«Человек возжелал превзойти Бога, а превзошёл дьявола!» (из актуального июня 2021 г. разговора двух давнишних коллег-гуманитариев).

Быть вне счастья вовсе не значит быть несчастным.

Где слово сказано, там и дьявол тут как тут!

Зоя

Элегическое

(неторопливо, томно, с расстановкой, со вкусом)

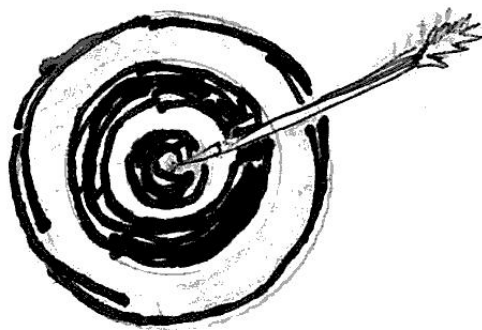
Уж сколько раз твердили миру,
Что экономика не то, не это,
Что она — ина́,
Что деньги в ней всему глава —
И только!
Что она — бесовская игра
В суётном криминальном казино.
Игра навывлет — без пощады,
Без жалости и без залога, —
Зачем залог — сподвижник страха,
Когда есть те, кому в игре везёт,
И кто владеет гильотиной мрака?
А тут научники в экстазе
Пекутся о благáх, добре, труде,
Чуть ли не о братстве меж китами
И рыбкой мелкой на блюде,
И грезят производством, потребленьем,
Ещё и спросом с предложеньем,
Заботясь праведно о правильных цена́х,
Зарплатах, девках и детя́х...

Да что с того — Левиафан...
Он сам в экстазе —
Блефует, жрёт, блюёт,
Посмеиваясь над учёными умами,
Что им посажены в уютный акварим,
Где есть для них еда, питьё,
Заржавленный крючок,
Ну и, как водится, ментальное говно!

Апрель 2021 г.

ВОКАБУЛЯРІЙ

Отшельничество — спасительная кара!

Вестничество — коварная неотвязная юдоль!

Мета — все что «сверх», «вне», «за», «помимо».

Физис — мир как вещь.

Физика — весть о вещи.

Физик — сеюмирный беспредельщик.

Метафизис — мир как весть.

Метафизика — весть о вести.

Метафизик — неотмирный запредельщик.

Иное — не это и не то, а... *иное* — от *иномирья*, которое везде и во всем, которое действует, решает, определяет, делая видимый, ощущаемый, знаемый человеком мир.

Великая Незвестность — сама себе ничто, однако от которого, при котором и в котором все наличное нечто и пребывает, без чего ничего и нет!

Преисподняя — фабрика мира сего, да и иного мира тоже.

Бездна — безмирье; наполненная вещественным хаосом и невещественной пустотой безмерность; место начало и конца сего мира.

Ад — земная экзистенция!

Рай — благовидная витрина мира.

Ноосфера — мир сознания, или мир-сознание, с его бессознанием, разумом и безумием, душой и бездушием.

Эгрегор — духовно-идейная константа субъекта, его экзистенциальный контент, включающий цель, идею, кон-

цепт, программу, проект, не избегающий пороков, изъянов, дыр, искажений, пятен, рассеяния, сгущения, но при этом и способный к стойкости, мобилизации, сосредоточенности, упорству, ещё и к контентным переменам — как вверх — горе, так и вниз — долу, в общем — метасубъект при субъекте!

Мера — единение качества и количества, однако и правильное единение качества и количества.

Волхв — сам себе путеводная звезда!

Отшельник — сам себе поделщик и оберег.

Вестник — сему миру от мира иного пособник: провидец, истец и вещун.

Читатель — грамотное недоразумение с некоторыми исключениями в сторону творческого постижения прочитанного.

Полилектика — восприятие мира сего как беспокойного целостного разнообразия вкупе с миром иным и трансцендентной неизвестностью; мир как целостная, весьма и неблагонамеренная, весть.

Трансцендентное — познаваемое как непознаваемое.

Трансцендентность — непознаваемое как познаваемое в своей непознаваемости.

Трансценденция — работающая неизвестность.

Выворачивание мира — самовыворот мира наизнанку, оборот его к исходной бездне — ради чего-то в себе конца и чего-то в себе начала, не без риска и полной гибели — как раз в бездне!

Выворачивание вывернутого — оборот мира против свершившегося выворота, обретение миром нового лица, образа, новой гармонии и нормы, нового экзистенциального шанса.

Само-себе-событие или **из-себя-событие** (о больших войнах, революциях, реформах, кризисах, выворотах, оборотах, катастрофах, в той или иной мере обусловливаемых скрытно действующей неизвестностью).

Сама-себе-причина или **из-себя-причина** (обо всём самопроизвольном, как бы и беспричинном).

Бес — античеловек в образе человека, как и человек в функции античеловека.

Бесовек — человек в значении беса, как и бес в конфигурации человека.

Нелюдь — среди людей и против них нечеловеческой породы подменное существо, образующее в массе своей особое племя, расу, армию, очень даже многочисленную и эффективную.

Зверь — неотвязная врождённая первоипостась человека, его неизбывное достояние, восходящее к природной животности человека с приданными ей неприродными сознанием и бессознанием, разумом и безумием, душой и бездушием.

Хозяйство — внеорганизменное (небиологическое), субъектно-межсубъектное, по преимуществу социальное, жизнеотправление человека и человечества.

Экономика — хозяйство, ведомое человеком через посредство особого рода счётно-расчётной идеальной субстанции, реализующейся и бытующей непосредственно в ноосфере, немало и трансцендентной, называемой обычно *стоимостью* и выраженной в яви в *деньгах* и *ценах*, а также в производных от них капиталах, инвестициях, финансах, кредитах, ценных бумагах, доходах и разного рода иных реалиях, фикциях и обманках; то, в чём жарко варятся, но чего толком не знают экономисты, когда всё как бы само по себе: что экономика, что экономисты, однако вершится себе и вершится — работающая *трансценденция*!

Хозяйственная демиургия — трудо-творческая деятельность человека, преследующая цель построения человеком собственного мира по своим лекалам, с переделкой природы и с созиданием своего, уже искусственного, мира; трудо-творческое движение человека по вектору «от природы к неприроде» с переустроением данного человеку мира в мир, им — человеком — взятый; *пересотворение* человеком данного ему мира, включая и самого себя — *человека*, что есть уже и некая технотронная разновидность теургии.

Экономическая революция — победа экономики (экономического подхода, параметра, критерия, механизма) над хозяйством, цивилизацией, человеком; полная (пусть почти полная, лишь преобладающая, только доминирующая) *экономизация* человеческого бытия; захват *стоимостью* (деньгами, их счётом-расчётом, их самовозрастанием) человеческого жизнеотправления, хотя и захват не абсолютный.

Экономическая цивилизация — двуипостасный феномен: 1) как экономизированная (вполне охваченная экономикой) цивилизация, реализующаяся во многом, а то и по преимуществу, по-экономически; 2) как цивилизация самой экономики, её цивилизационное обустройство.

Хаос — насыщенное беспорядком ничто, принадлежность и достояние бездны, её полномочный представитель в бытии, её в нём агент, споспешествующий текущей реализации бытия, включая и мозговое, когнитивное, сознаниевое, психическое, поведенческое, в особенности пособляющий таким неприятным, но необходимым и непрямым событиям, как войны, кризисы, революции, реформы, перевороты, обороты, вывороты, развороты, вообще всяким коллизиям, борчествам, переменам, срывам, провалам, бедствиям, да мало ли ещё чему, где, когда и каким конкретным образом свершающемуся, ибо хаос — принадлежность и достояние не одной лишь бездны, но и самого бытия тоже: что мирозданческого, что природного, что человеческого (где нет его — хаоса?).

Хаосмос — рождающийся из хаоса и его посредство не сильно устойчивый, а потому по преимуществу нестабильный и временный, порядок, склонный к обратному уходу в хаос, туда непременно и уходящий, чтобы вновь возникнуть в бытии в тех же или в иных его точках, местах, образах и способах реализации.

Тварь — вторая дражайшая и вполне врождённая ипостась человека — существа тварного, обычно в отрицательной коннотации.

Наука — рационального, логического, верификационного, доказательного, точного, константного порядка способ познания окружающей природной и гуманитарной реальности.

Лженаука — мифотворно-фантазийная часть науки, в особенности в её теоретической, смысловой, объяснительной заданности, а что касается гуманитарной науки, то, в следствие по преимуществу ненаучного характера самого гуманитарного предмета, делающего сию науку более всего идеологией, то и в решающей мере.

Гнозис — обусловленное способностью человека идеально-словесно-понятийно обращаться к мировой реальности и с нею затем таким же образом деловито общаться, как и вырабатываемое человеком столь же словесно-понятийное представление о мировой реальности, что то же самое — очеловечивание, осознанивание, осознание мировой реальности, её освоение, имманентирование, вобрание человеком в себя, в общем — созидание первомифа о мировой реальности, включая и само это понятие — мировая реальность.

Мир — от «мри», а потому ежели настоящий «мри» это погост, то мир как таковой всего лишь ему — погосту — предтеча.

Миролюбец — любитель погоста.

Онтос — всё, что вокруг есть и чего нет, но что подлжит человеческому осмыслению и идеально-словесно-понятийному, пусть и мифотворному, запечатлеванию — гностированию.

Миф — любое знание о мире, любое слово, любое понятие, любое суждение, любое заключение, любое доказательство, любое вообще представление и мнение, ибо человек, обозначая мир, его наименовывая, формируя о нём знание, его осознания и оразумливая, его воображая и с ним взаимодействуя, не знает вполне и до конца, что есть на самом деле мир и что есть сам в этом мире человек, хотя человек и вырабатывает о мире знание, настолько адекватное миру, его части, как и самому человеку, что человек оказывается способным не просто взаимодействовать разумно с миром и с самим собой, а взаимодействовать с заранее предусмотренным превращенческим эффектом, пусть и не стопроцентно точным, отчего миф мифу — рознь: есть мифы, адекватные, почти что и точные, есть приблизительные, а есть и мифы как мифы, среди которых и обыденные, и научные, и философские, и богословские, и оккультные, и эзотерические. Куда ни кинь заинтересованного взора, везде тот или иной миф, правда, вовсе не всегда мифом прозываемый.

Гад (гадина) — третья надежная и вполне врождённая ипостась человека, как бы и наследная — от гадов, исключительно в отрицательной коннотации.

Мошенник (шельма, жулик, лицедей, лицемер, прохвост, обманщик, проходимец, лжец, шулер, пройдоха) — благоприобретаемая, в особенности в условиях цивилизации: во власти, в экономике, в политике, в дипломатии, в управлении, в игровой сфере, ипостась человека, обязанная

более всего наличию и действию сознания, разума, когнитива, в общем — рации, рации и еще раз рации!

Ложь — намеренно и вполне рационально выдуманное и выдаваемое за реальность идеальное, прикрывающее, выставляющее иным и искажающее действительное, в особенности всё неблагоприятное из деяний, событий, поступков вплоть до преступных, а главное — несомненное и неизбывное достояние, смешанное с достоинством, человека цивилизованного.

Правда — всё реально существующее, как и соответствующее этому реальному ментальное, противостоящее лжи, однако куда как менее, чем ложь, в умственно цивильной жизни принятое, воспринимаемое и приветствуемое.

Проходимец — удачливая тварь, да мало что ими пруд пруди, так ведь они ещё и наверху, на крайний случай — посредине!

Истина — обычно незнамо что и неуловимо что, но к чему устремлено сознание со своим разумом, рассудком, когнитивом, интуицией, воображением, логикой и алогичностью, как и с бессознанием и безумием тоже, иной раз и чего-то для себя приемлемого достигая, опять же мифотворного.

Мерзавец (подлец, подонок, наглец, негодяй, сволочь) — ещё одна блаприобретённая в ходе развития сознания с его бессознанием, разумом и безумием ипостась чело-века, облегчающая ему существование среди гоминидов ценной братания с сопровождающей земное бытие, вполне себе и бдительной, бездной, однако вовсе не обязательно и не

сразу сего персонажа принимающей и поглощающей, ибо мерзавец, как и тот же мошенник, вполне органичен человеку, его сознанию и экзистенции, ну и, разумеется, весьма люб неунывающей бездне.

Предательство — супердостояние человека, ибо редкий человек чему-нибудь или кому-нибудь не изменяет, хотя далеко не каждый заслуживает почётногo наименования предатель, однако сие происшествие регулярно среди людей случается, причём гораздо чаще, чем хотелось или не хотелось бы цивилизованному — богобоязненному и благонамеренному — человеку.

Дурак — счастливое человекообразное, зачастую злобное, упрямое, невыносимое.

Дура — блаженное человекообразное, при этом самонадеянное, вздорное, беспощадное.

Порядочный человек — экзистенциально сильная особь в гуще людской, но зато слабое звено в большой экзистенциальной игре, ведущейся в мире людском («Ищите слабое звено, — порядочного человека!»); героем и святым почти не признаётся — мертвяк!

Блогер — благонамеренный и не очень, а то и зловредный до умопомрачения и смертоубийства, оцифрованный идиот.

Хамство — неистребимое и процветающее в родной стране средство самоутверждения человекообразного существа посредством унижения, презрения, оскорбления другого, ему натурально подобного, существа — человека, как и поругания людского, природного, любого бытового, кон-

текстов, возникшее вследствие вековых насилия, унижения, рабства, не прекращающее оставаться как неизлечимым бедствием, так и, увы, неустранимым достоянием родной страны.

Философия — непонятное сказание о непонятном: не то о реальном, не то об ирреальном, не то просто о пустоте, что-то вроде разговора глухого с немым; трагикомедия ума и безумия в нескончаемом меж ними творческом совокуплении.

Философия хозяйства — не так философия о хозяйстве, для него и на него, хотя это всё и есть, а *философия самого хозяйства*, что лишает её внутрисмысловой гносеологической трагикомедии, обычно настаивающей философию, но зато усиливает до высот небесных и недр подземных трагедию невосприятия сей онтологической философии человеком разумным, не способным понять, что у бытийной реальности есть не одна лишь трансцендентная неизвестность, требующая признания, либо, на худой конец, игнорирования, но и *своя собственная философия*, при софийном подходе к ней только и открывающаяся.

Игнорирование — спасительная возможность для умных, образованных и творчески в меру одарённых персон удерживать себя на собственном признательном плаву, намеренно не замечая наличия иных, куда более значительных и творческих персон, чем они сами, конечно же, не без того или иного для себя удовлетворительного гешефта.

Человек — осознание Богом зёмное животное, способное к воображению, творчеству и демиургированию,

переделке природы и пересотворению мира, владению себе подобными и их эксплуатации, их отрицанию, преследованию и над ними надругательству, их истязанию и убиению, не останавливаясь перед феноменальным себяжеотрицанием, трансгрессией себя в иное существо и угрозой самоисчезновения, отчего оно то ли несуразный венец мироздания, то ли везучее в нём недоразумение, в обоих случаях для самого человека потаённое.

София — Премудрость Божия (*пред*-Мудрость), достояние Божие, Его атрибут и самовыражение, Его первомысль.

Софиасофия — *мудрость мудрости*, когда София Божия предшествует софии человеческой, а последняя ориентируется на первую, к ней стремится, её различает, в меру понимает и усваивает.

Благородство — исключительное достояние человека и редкое в нём достоинство, обычно врождённое, частично воспитываемое и иной раз самостоятельно благообитаемое, выражающееся в стоическом несении и настойчивой реализации горного начала в человеке — божественного!

Презрение — спасительное чувство-переживание для страждущего чести, справедливости и честности, уязвлённого обильным и безапелляционным злом, творческого сознания.

Соперничество — общепринятый в мире гоминидов стиль поведения относительно себе подобных, в особенности среди так называемых друзей и подруг, коллег и сотрудников, даже и временных попутчиков, ну и, как водит-

ся, среди учёных, интеллектуалов, актёров, деятелей искусств, как и, само собой, политиков, бизнесменов, бандитов, что выражается в стремлении одного гоминида превзойти другого, в чём-то его опередить, что-то заранее перехватить, как-то перехитрить, ну и, как кульминация, унизить, изничтожить, угробить.

Хозяйственная телеология — стратегическое, на века, в далёкое будущее целеполагание в жизнеотправлении человека, взятое в историческом (долговременном) измерении: субъективно-объективное, метафизическое, трансцендентное, скорее даже стремление к чему-то предположенному, так и нет, отчего не так достижение поставленной цели, как самого по себе результата — ожидаемого и не очень, а чаще всего и неожиданного, невероятного, даже и невозможного, в общем — движение к цели как к результату или к результату как к цели, вроде бы априорно прозреваемое, но и достигаемое вслепую.

Хозяйственная эсхатология — достижение цели-результата как чего-то из бытующего завершения, как наступление конца чего-то, прекращения чего-то, не исключая и зёмного бытия вообще, не говоря уж о человеке как человеке или жизни как жизни, однако не без возможности возрождений и новых начал.

Апокалипсис — эсхатология экзистенции, обретение ею своего конца и, возможно, нового начала — через то или иное преобразование.

Страшный Суд — единственно возможный выход для заблудшего и изжившего себя человечества, кстати, уже идущий.

Нежизнь — не так что-то среднее между жизнью и смертью, как жизнь в обнимку с пустотой, а потому и не так смерть тут в приоритете, как всего лишь отсутствие жизни при жизни — вроде бы даже и вовсю цветущей.

Прогресс — схватка человека с природой, жизнью, мирозданием и самим Богом ради построения *своего мира*, не исключающая и суицидной за это расплаты.

Возмездие — негативно-наказательная плата за что-то человеком совершённое, не всегда и за злое — за доброе тоже: либо спорая, непосредственная и ясная, либо отложенная, опосредованная, невнятная (по тому же закону бу-меранга), причём не всегда бывает понятно и за что, отчего, откуда, но всё-таки случается и случается с немалой долей вероятности — непременно настигает!

Воздание — дар, или дань, или награда, или приз за что-то совершённое или, наоборот, за несовершенное, как позитивного, так и негативного свойства, в согласии с характером, значением и мерой содеянного, — случается!

Собеседник (-ица) — соразговорщик (-ица), причём крайне редко с ментальной ходьбой по единой смысловой дорожке (на вес золота!).

Сомыслитель — редкий персонаж, вовсе не обязательно единомышленник, а как бы параллельный мыслитель, вполне самостоятельный, но при этом корреспондентный, иной раз даже и конгениальный.

Концепт — целостная смысловая конструкция, в метафизике априорно открытая, подвижная, «дырчатая», — не только гносео-когнитивно-интуициационная (гносео-субъектно-субъективная), но и реальностная (онто-объектно-объективная),

Концептуализм — признание важности факта феномена концепта, его созидания или обнаружения, ему следования, с ним ментального взаимодействия.

Концептуализация — наложение гносеоконцепта на онтообъект, следование концептуальному гносеобразу объекта, объективирование гносеоконцепта.

Концептуальный мониторинг — концептуально осознанное слежение за движением смысловых констант реальности, а также сгущений, рассеяний и перемещений онтосмыслов, не избегая наблюдения и за неизбежно являющейся там и тут бессмыслицей; концептуальная квалификация собственных реальности ситуаций, состояний, тенденций.

Концептуальное прогнозирование — целостное провидение движения реальности в соответствии с её смысловыми заданностью и динамикой.

Концептуальное проектирование — определение необходимых желаемых перемен в реальности, путей и возможностей их достижения в смысловом единении с текущей реальностью, её внутренней смыслологией.

Концептуальное управление — искусство смыслового управления в сочетании с управлением смыслами, дающее возможность адекватного отношения к реальности и

вполне осознанного на перспективу текущего и стратегического управления процессами, событиями, переменами, превращениями, вообще судьбой, включая и историческую.

Тайна — всё, что есть и не есть на свете, а ежели что вроде бы не тайна, так ведь не из первозданного, не основного, не главного, пусть и функционально доступного и практически целесообразного, но не более того, отчего при размышлении о высших, глубинных и сердцевинных смыслах следует непременно исходить из факта стоящей за ними непостижимой тайны.

Управление тайной — высшее из возможных управлений, доступное лишь избранным свыше единицам, заметно значимее концептуального, не говоря уж о потаённом, или конспиративном, управлении, пусть и широко применяемом, ибо управление тайной есть молитвенное — в покое и безмолвии — целевое взаимодействие с самой неизвестностью.

Менеджер — кто угодно, но только не управляющий, даже и не работник, тем более — не старатель, скорее — орудие, угодник, невольный негодяй и привольный паразит.

Эффективный менеджер — механообразный убийца всего живого, чума XXI века!

Мировое правительство — нет, конечно, не кабинет министров, не клуб сильных мира сего, не масонская ложа, а некий подвижный круг неких влиятельных лиц, занимающих высшее иерархическое положение в разных сферах зёмного бытия и способных, — в непосредственном между собой контакте или нет, — управленчески, по преимуще-

ству единонаправленно, влиять на человеческое бытие, его движение, перемены в нём, на его развитие, прогресс, совершенствование, равным образом и на деградацию, разложение, падение, исчезновение, самоубийство. Что касается распространенных сведений, что во главе сего круга лиц стоит, или долгое время стояла, английская корона, то сии сведения вовсе не лишены основания, ибо это очень подходящий для исполнения такой не афишируемой функции институт — вроде бы ничего особенного, а коронованный, вполне себе и мировой, центр, что не мешает решающую роль в этом центре играть теперь сей короны заокеанским влиятельным собратьям, а может, и ещё кое-кому из страждущих величия, власти и управления пусть и не миром в целом, то уж его опорными центрами и судьбоносными тенденциями: мировое правительство есть, мало того, в поте своего закрытого от мира лица неустанно трудится, кажется и не напрасно!

Мировое правление — есть оно, кто бы сомневался, явное и неявное — как некое, институционализированное или нет, управленческое намерение, разумеется, не монолитное, не единое, весьма и противоречивое, немало внутри себя и враждебно разделённое, но при этом работающее, делающее своё дело, вершащее, пусть далеко не на сто процентов, судьбы мира, государств, народов, конкретных цивилизаций, как и вообще человечества, культуры, зёмной цивилизации, допускающее и устраивающее при надобности кризисы, перевороты, войны, катастрофы, затягивающее человечество в какое-то инобытие, заставляя идти по краю бездны и даже туда в отчаянии и как бы нечаянно за-

бредать с риском когда-нибудь из бездны (туманной пустоты, черной дыры, серо-зелёного провала) и не выбраться.

Армагеддон — война всех против всех, или конечная для человечества война — как уже идущая и вовсю нарастающая, так и могущая внезапно набрать обороты и завершиться в один момент, разумеется, в последний, крайний, конечный, пусть и не для всего человечества, то уж для большой его, как раз самой передовой, части — точно!

Женщина — сама себе бездна, разве лишь по-разному и в разной степени нестыдливо прикрытая.

Фемина — подобие женщины (*постженщина*), прущее само и тащащее других напрямик в бездну.

Феминаж — дьявольское наваждение, захватившее часть женского племени, убивающее женщину в женщине, а заодно и умерщвляющее мужчину в мужчине. Безоткатное апокалиптическое орудие; реальная угроза человечеству, его образу и экзистенции!

Феминократия — надёжная и верная удавка передового (постхристианского) человека.

Просвещение — яркий искусственный свет, застилающий, ослепляя идущих путь к свету естественному, а главное — метафизическому, софийному, божественному.

Демииургия — сражение «за» и «против» истины, идущее *вне* истины.

Читатель — грамотное, образованное, всезнающее и самоуверенное ... недоразумение; тот, кто вроде бы везде и кого никогда нигде нет (ну почти нет).

Сомнение — страшная вещь и гибельная весть, ежели им поддаться!

Экоповейник — современная экономика.

Сатанизм — наше антивсё!

Сатаногенез — антигенез как генезис антимира.

Сталинизм — беспощадное всевластие — победоносное, но не победное!

Антимир — либо изнанка мира, обычно удерживаемая цивилизацией связанной, в мировых низах, в заточении, но никогда не на все сто процентов, а иной раз высвобождающаяся из-под стражи, выбирающаяся наверх и привольно гуляющая по миру, либо иступлённо созидаемая человеком демиургирующим его — мира — античеловеческая, вполне уже и бесовская (антибожеская) часть, причём в том и другом образе не просто противостоя миру, но и ведя с ним бескомпромиссную борьбу, угрожающую не одной лишь гнетущей порчей мира, но и его исчезновением.

Античеловек — всё, что угодно: зверь, тварь, бес, нелюдь, но только не человек как человек, однако и сам по себе человек с сидящим в нём адовским (инфернальным) зарядом, медленно разгорающимся или мгновенно взрывающимся в той или иной подходящей для этого ситуации и делающим из человека как такового самого что ни на есть действительного античеловека.

Гуманитарная война — война, ведущаяся гуманитарными, а на самом-то деле вполне себе антигуманитарными, мало того — антигуманными, средствами в гумани-

тарных же, а на самом деле вполне себе антигуманитарных и антигуманных, целях, в общем — гуманитарная-де война в целях гуманитарного-де подавления гуманитарного-де противника, однако не только — всего гуманитарного человечества тоже.

Гибридная война — гуманитарная война в её главных ипостасных составляющих: политической, информационной, психологической, вполне себе социально и культуро подрывной, санкционной, дипломатической, диффамационной, изоляционной, блокадной, в общем — любой, не собственно военной, почти не военной, не армейской, не войсковой, хотя и с нагнетанием милитарных угроз, беспокойств и страхов.

Обыскуственный разум — хорошо обученный, отцивилизованный, как правило, специализированный, в основе научно-технический, разум, включая ныне и многий гуманитарный, не исключая и блогерского.

Политика — обыденное ремесло по превращению возможного в действительное, но при этом и высокое искусство превращения в действительное что ни на есть невозможного, не брезгуя ни ложью, ни обманом, ни лицемерием, ни игрой в тёмную и без правил, хотя на всем этом и не зацикливаясь, то бишь проявляя порядочность, добросердечие и даже элегантность.

Искусственный разум — совсем уж технотронный либо от технотроники вполне уже зависимый всё-ещё-вроде-бы-человеческий разум.

Идеология — идейно-ментальный *контент* сознания в его отражении и восприятии бытия, жизни, человека вообще и самого носителя контента посредством слова, понятий, обозначений и представлений, обычно принимающий устойчиво-убедительно-неотразимый характер; целостный (самоограниченный, на себя замкнутый) идейно-ментальный *концепт* в его отношении с миром, с носителем концепта и иными экзистенциальными субъектами, отличающийся контентной завершенностью, самодостаточностью, уверенностью в себе, а потому нередко и культового значения, обладающий той или иной практической эффективностью; устойчивый, часто культового значения с ритуальным оснащением, идейно-ментальный *ориентир* в жизнедеятельности человека, руководство к действию, следованию и бездействию, komponующая сознание когнитивная конструкция, несущая идеальная панель (платформа), экзистенциальный оберег, идейно-ментальная капсула.

Государство — целостная организация цивилизованного (надродового, надплеменного, надэтнического) общества, базирующаяся на трёх китах: *власти, права и насилия*, обладающая соответственно сим трём китам необходимыми институтами (учреждениями), исполнительными органами, системными аппаратами и действенными силами, что не исключает реализации общих для государственного образования и его членов интересов, задач и целей, как и не исключает личной, коллективной и массовой заинтересованности членов государства — граждан, в наличии и действии государственной формы социальной организации, а также ей — этой форме организации — служении; государство —

единство социума в разнообразии и разнообразие социума в единении, как и насилие во спасение и спасение в насилие; если государству суждено когда-нибудь отмереть, то, увы, вместе с человечеством, ибо государство вполне органично человеку, — вовсе не агнцу, как и наоборот — человек вполне присущ государству; это единственно возможная, а потому и единственно верная, рамочно-матричная организация человеческого общества, хотя по жизни и не единственная, есть и другие: гражданские, религиозные, профессиональные, хозяйственные, экономические, культурные, идеологические, спортивные, игровые, по интересам и увлечениям, любые другие, однако государственная организация первее и важнее всех других, это воистину великое изобретение оцивилизованного человека и необходимейшая принадлежность его бытия; а всякая антигосударственность в условиях цивилизации — от лукавого!

Власть — возможность реализации в ходе личного, коллективного, социального жизнеотправления человека таких феноменов, как владение, управление, инициация, задержание, подавление, угнетение по вектору «сверху-вниз»: от одного персонажа — властителя к другому — подвластному; в зависимости от того, кто, где, когда, с какой целью, в чьих интересах, при каких обстоятельствах и т. д. реализует сию властную возможность, таковой оказывается и сама власть; власть всегда и везде есть, она необходима, как волевой организатор любого из экзистенциальных процессов, но мало что несёт в себе потенциально-кинетический заряд произвола и несправедливости, а оттого и возможного отторжения себя человеком, коллективом, социумом, ещё и

содержит в себе магический фермент к себе же влечения и собою же увлечения, причём настолько сильного действия, что феномен власти захватывает целиком умы и души его предержащих, не отпускает, отчего к власти неистово стремятся, бьются за неё, всячески удерживают, не расстаются с нею, магнетически к ней присовокупившись; власть всегда, или почти всегда — есть борьба, как борьба сама с собою (то или не то сделано; правильно или нет; рискованно всего лишь или же угрожающе не так?!), так и как борьба за власть (цивилизованная, нецивилизованная, отвратительная); вопрос о власти — самый важный, самый токсичный и болезненный вопрос цивилизационного жизнеотправления!

Соборное народовластие — модель государства и властной организации для России, не исключая ни верховного имперского правления, ни народно-гражданского представительства во власти и в ней участия, ни многовекторного разнообразия социума, ни фактора солидарного служения, ни всеобщей перед всеми ответственности за общую жизнь и общие дела, — так ведь не хотят сего соплеменники, соотечественники и согосударственники, а ежели и захотят, то не смогут, да и не даётся, — так что быть российской государственности в лоне и в тенётах тотального этатизма — то делового, эффективного и даже величественного, то бездеятельного, неэффективного и даже безобразного, то реформно-переделочно-безумного, не всегда, быть может, и жёсткого, но всегда произвол-деспотического, правда, ежели на всё это такое отправление станется времени и достанется благорасположения к России Великой Неизвестности!

Цивилизация — специфическое обустройство сверхплеменного, по преимуществу этнически смешанного, международного, ячеистого (семейно-домашнего), многопрофессионального, нередко межконфессионального, вообще по-разному разделённого, но при этом объединённого в единое целое, сосредоточенного в общем (едином) — как раз в городском — месте (cité — город) и состоящем из граждан (civil — гражданский), общества (социума), организованного на основе и посредством городских, государственных, гражданских, правовых и иных институций с сонмом управленческих, надзорных, карательных и иных функциональных органов.

Культура — всё выработанное человеком и только человеком, как внешнее — предметное, акционное, изобразительное, звуковое, письменное, идейное, знаниевое, так и внутреннее — тоже знаниевое, размыслительное, поведенческое, эмоциональное, чем пользуется по жизни человек, что обрамляет, формирует и обеспечивает его человеческую экзистенцию, включая и всё античеловеческое, образующее антикультуру.

Антикультура — культурный антипод культуры; уродливый продукт (антиплод) культуры, её оборотка, мусорка, помойка, её токсиген, убийца человеческого в человеке.

История (от истока, от истины, от «ист», которое «есть») — длящееся от своего начала до какого-то прошлого, настоящего и будущего, вплоть до конечного, момента бытия человеческого, по возможности фиксируемое сознани-

ем, разумом, воображением человеческим и остающееся в памяти человеческой — безмолвной, устной, письменной, находящее доступное для знания и понимания отражение в преданиях — устных и письменных — в форме мифов, текстов, специальных поисковых и фиксационных исследований, в исторической философии, в смыслологической метафизике.

Антигенез — генезис всего «анти», он же и *сатано*-генез (выколупливание из мирового экзистенциального яйца змееподобного антимира с античеловеком на его чешуе и антибытием в его чреве).

Уроборос — змея, проглатывающая саму себя с хвоста (образ многого чего, но уж несправедливых режимов точно, да вот где они — справедливые-то?!).

Безнадёга — нормальное состояние всё-ещё-нормального всё-ещё-человека в современном (XXI века) мире — антимире, как и перед надвигающимся словно арктический ледник старательно приуготовляемым наукой и техникой оцифрованным будущим.

Вера — мифоподобное восприятие мифа, вызывающее переживание правды и чувства удовлетворённости: относится не только к религии, а и к мифологии, философии, науке, как к любым рассказам, заблуждениям, лжи; признание чего-то из не могущего, не способного или не должного признаваться, однако как-то скрыто наличествующего и человеку не вполне достоверно известного, но при этом весьма необходимого, пусть и идеально, образно, символически.

чески, мифотворно, обрядово, культово; спасительное осознание *иного*, приводящее к *иносознанию*.

Иллюзия — правдоподобие, как и правда самого подобия, но и простая обманка, а в общем-то — единственно возможный выход для сознания, бытующего посреди лукавой неизвестности: *весть вместо вести!*

Религия — целостно скомпонованная спасительная весть о неизвестном, принимаемая на веру и не подлежащая сомнению (догмат) — *опора!*

Церковь — институт религии, её опорно-функциональный конструкт, реализующая, удерживающая и охраняющая сила (сама себе государство, государство в государстве, а то и само по себе государство). Образец весьма эффективной и вполне тоталитарной институционально-функциональной социальной организации!

Православие — русская благая весть в тенётах византийской христианской ортодоксии.

Стойкость — держание себя в себе через себя; всё, что остаётся человеку, а ныне и всё-ещё-человеку.

Всё-ещё-человек — не определение, не метафора, не афоризм, а... *звание*, однако не официальное, не научное, не художественное, а *от Бога!*

Праведность — вроде бы желаемый, но вовсе не всегда потребный и нужный, как правило, и невозможный, образ бытия (поведения) человеческого — по правде, по справедливости, «по чесноку», разве как исключение, опять же насколько праведное, — кто ж знает? Да — есть, да — ис-

крится, да — фигурирует, и даже много, очень много фигурирует, но не там, где бури и натиски, где борьба не на жизнь, а на смерть, где как раз всё и решается — *проиграть!*

Армия — первое и последнее достояние российской государственности, её палочка-выручалочка, правда, не всегда и не во всём.

Гений — человек как сверхчеловек, либо взмывающий ввысь в запределье, либо ниспадающий ниц — тоже в запределье, видящий и творящий необычное, исключительное, невозможное, пребывающий по обыкновению на грани ума и безумства, и, будучи не от мира сего, а потому и не совсем в себе, не очень-то и жилец в мире сем, хотя, бывает, что и задерживается, однако на срок.

Титан — человек как сверхчеловек, однако в отличие от гения, вытворяющего что-то своё исключительное, титан творит не что иное, как сам окружающий мир, может, и не без мандата на то со стороны Господа Бога и не без участия Софии, что не исключает, однако, и участия в титановых делах самого князя мира сего, его инстанции, тем не менее титан всю творит мир, покоря мировую реальность, не останавливаясь перед жёсткой борьбой, принуждением, даже и насилием, в общем — упрямый *демиург!*

Мудрец — удручённый знанием незнания немотный стражник рода людского и бытия человеческого.

Диктатура — то, что не очень желается, но что непременно приходит, меняя личину и способ реализации — царство самовольной власти, жёсткого порядка,

строгой исполнительной дисциплины, гражданской ответственности, но и волевого произвола тоже; совсем не лучшая форма реализации власти, правления и организации государства и социума, но иной раз очень даже необходимая — в крайних, конечно, обстоятельствах, а край сей, что как раз по-над бездной... бац!... и тут как тут!

Справедливость — то, что вроде бы жаждется, но что почему-то никак не приходит — царство экзистенциальной правоты и честности, она же и несбыточная мечта по-общему несчастных и по-своему счастливых насельников планеты Земля.

Князь мира сего — Он — неизвестный, но знаемый, который как раз и правит миром, используя ум человеческий, страсти его и его же безумие.

Перезагрузка — смена лжи.

Князь земли русской — устроитель земли русской, не злой и не добрый, но и не нейтральный, либо какой надо, либо какой выходит, либо какой случается, однако в деле своём непреклонный, изворотливый, изобретательный, и, как правило, несчастливый.

Учёный — обученный сам и обучающий других, немало знающий, но не знающий самого главного — *незнания*, впрочем, имеющий шанс его узнать, однако редко способный сей шанс использовать, ибо не преодолеть ему ни учёного себя, ни свою учёную обученность, ни своё учёное знание, одобренное, однако, оборотистым лжезнанием.

Лжец — самый что ни на есть уважаемый в обществе и успешный по жизни человек, если, конечно, правильный лжец — правдоподобный и в себя верящий!

Правдолюбец — дурак, конечно, но в отличие от просто дурака — несчастный!

Корысть — жуткое тяготение к выгоде.

Алчность — безгранично жуткая корысть.

Безбашенное удовлетворение — отчаяние от довольства или довольство от отчаяния, приметное достояние нынешнего времени.

Безумие — непереносимое достояние ума, ему потребная оборотка, его преисподняя, его и спасение.

Мораль — сам чёрт не знает что, но как будто бы непереносимое орудие (условие) человеческого общежития — как позитивного свойства, так и, увы, негативного («белая мораль» и «чёрная мораль» — во взаимодействии, единении и борьбе); нечто, восходящее к Богу, но и к Его противнику тоже; состоит из норм, правил, принципов, уколов и ударов, обходного маневрирования, как и мнений, суждений, убеждений и заблуждений, в общем — сам чёрт не знает из чего!

Совесть — этакое благодетельное, но весьма злостное сознание в сознании, исполняющее роль наставителя, направителя, прокурора, судии, выручателя, мучителя и палача, — что, как говорится, зависит! Сообразованная с Софией Премудростью Божией *весть*, отчего в совести и «весть», и «со». В общем-то ничего хорошего для её обладателя, если обратить внимание на те же мучительные

«угрызения совести», доводящие аж до суицида, но зато единственно верное средство морального экзистенциально-го спасения! Жить по совести не так нужно или можно, как не нарочно приходится, разумеется, не всем, далеко не всем!

Трюхачество — высший профессиональный пилотаж большинства нынешних действующих лиц в политике, управлении, бизнесе, юриспруденции, искусстве, media, науке, просвящении, в общем — повсюду, исключая циркачей, воров в законе и тех же мошенников, где трюк — сама суть дела!

Эра великого сумасшествия, она же **эра последнего времени** — (без комментария, ибо и так ясно!).

НЕБЕСНЫЕ ГРАФФУТИ

Сам: много сам учился и неплохо учил других; работал сам и вовлекал в работу других; дружил, обогащался дружбой и сам обогащал; шёл сам и вёл за собой других — желавших того; отдавал, не ожидая ничего взамен; не заимствовал, хоть и внимал, и впитывал; творил сам и давал творить другим; брал на себя, не переводя ни на кого ментальных, идейных или ситуационных стрелок; состоялся сам и давал возможность состояться другим, помогал, поддерживал, возвышал, хотя сам в опеке, кажется, не нуждался.

Сам по себе: стал учёным, стался мыслителем, оказался вдруг и мудрецом; официальным академиком не стал, зато стался академией; особо не награждался, зато награждал других; особо не поощрялся, зато поощрял других; создал общество (с товарищеским содружеством в его ядре) учёных, мыслителей, мудрецов; создал школу (фактически же парящий над учёным миром гуманитарный университет), да не так для молодых и растущих, как для зрелых и самостоятельных; создал академию — уникальную и вольную, много и плодотворно работающую; основал журнал — уникальный, свободный и неподражаемый, животворящий; создал Институт (Центр), не имевший и не имеющий аналогов: вольный, созидательный, творческий, на редкость плодovitый; много чего издал сам и вкуче со товарищи — целую, опять уже уникальную и неподражаемую, библиотеку, вполне себе энциклопедического в гуманитарной сфере разряда.

Сам с собой: много работал и творил как учёный, как мыслитель, как мудрец, как русский литератор, и кое-чего,

негодник, достиг — из образцового, безаналогового, выдающегося.

И вот:

А. Как экономист:

1. Существенный вклад в анализ практики и в *теорию государственного экономико-хозяйственного дирижизма*, включая регулирование, прогнозирование, планирование экономики и хозяйства, пусть в основном и западных, в Россию так и не пришедших.

2. Разработка неординарной *теории хозяйственного механизма вообще и капиталистического (западного) в частности*.

3. Заметный вклад в *теорию экономической динамики, циклов и кризисов*, в особенности в долгосрочном аспекте, а также в *теорию системных переходов и катастроф*; выявление, обозначение и введение в оборот феноменов и понятий *экономической апокалиптики и апокалиптических кризисов*.

4. Разработка оригинальной *теории стоимости* с трактовкой феномена стоимости как идеальной субстанции с трансцендентными субъектно-объективным и счётно-решающими процессором и процессом, что позволило...¹

5. Разработать совершенно уникальную *теорию экономики как стоимостного хозяйства* с включённым в него *хозяйством самой стоимости* — несистемных, хаосогенных, хаосмосных, кризисогенных, а далее...

¹ См. сл. пункт

6. Разработать концепцию *финансовой экономики* (экономики, подчинённой её финансовой составляющей) и ввести в оборот термин *финансомика*...

7. Определить экономику как *идеальное* (сознаниевское, ноосферновское, энерго-информационное поле с господствующим в нём исходным и постоянно бытующим *хаосом*, а экономику в каждодневном действии как сферу реализации *хаосмоса* (некоего возникающего в потоке экономической реальности, выходящего из первозданного хаоса и туда же непременно возвращающегося, временного, неустойчивого и вполне себе игрового, не без узаконенного или нет мошенства, воспроизводственного порядка), что даёт основание вкупе с концепцией *идеальной трансцендентной стоимости* положить конец надуманным и не адекватным реальности представлениям об экономике как о механически упорядоченной, системно выраженной, подчиняющейся-де действию неких, чуть ли генетически не материальных, объективных законов сфере...

8. Заметить и ввести в фиксационно-оценочно-размыслительный оборот наряду с такими общепринятыми феноменами-понятиями, как *экономическое управление* и *экономическое самоуправление*, новые феномены-понятия, такие как *экономическое неуправление*, а также *экономическое бессознание* и *экономическое безумие*, что находит практическое отражение в хаотической стихийности экономики, в её явной гипертрофии, в её эгоцентрическом служении самой себе, в чрезмерной, вредной и попросту опасной экономизации всего бытия и всей людской экзистенции, в разного рода рационально вовсе не объяснимых, но всюю

присутствующих в экономике и в связи с нею нелепостях, несуразностях, раздорах и провалах, а также в знаменательном феномене, который заслуживает наименования «экономики в разнос»...

9. Сделать и обосновать фундаментальный вывод о том, что единственным «материалом» собственно экономики (стоимости и всех стоимостных параметров) есть *цифра как таковая*, возникающая, существующая и изменяющаяся непосредственно в сознании (головах) людей, где собственно, и «располагается» *вся* экономика (сами по себе блага, золото, орудия труда, здания, сооружения и т.д. — никакая не экономика!), отчего сам цифроэкономический (или эконоцифровой) процесс носит в основе и в главном *транцендентный*, если не прямо *магический*, характер, а экономические цифры с величинами есть не более чем *сами-себе-цифры* и *сами-себе-величины*, способные служить экономическому делу, будучи зависимыми лишь от самого этого экономического дела, как и делать сие дело весьма зависимым от себя, своей динамики. Что же касается разных производных аналитико-расчётных цифр и величин типа объёмов национального продукта, темпов его изменения, размеров инфляции и т. п. «вестей», то они носят сугубо искусственно-условный и не до конца достоверный характер (экономическая статистика — на значимую долю если и не прямая ложь, то уж благонамеренная выдумка — точно!, что не мешает ей в экономическом мире неопределённости, хаоса и недостоверности как-то, пусть и иллюзионно, работать, принося и кое-какую показательно-аналитико-управленческую пользу)...

10. Разработать и уникально изложить в фолиантном труде беспрецедентную *теорию хозяйства* с включённой в неё *новой (иной) теорией экономики*, а также выдвинуть идеи (Sic!) *экономической революции* (Европа Нового времени), *экономической цивилизации* (там же и тогда же) и *грядущей постэкономики-техномики* (что и подтверждается хай-технологизацией и цифровизацией бытия, хозяйства, экономики, как и самого человека хозяйствующего и подхо-зяйственного).

Немало, правда?!

Б. Как философ хозяйства:

11. Самостоятельно возродил идею и разработал целостную концепцию *философии хозяйства*, развитую затем с учётом ранее созданной в России, намеренно упрятанной с глаз долой в СССР, но в 1991 г. ставшей общедоступной, вполне себе метафизической *философией хозяйства* С.Н. Булгакова.

12. Обеспечить преодоление уснувшей летаргическим сном политической экономии и отход от изначально неживой общей экономической теории, их принципиальная критика, в частности ныне настойчиво и неоправданно вездесущей эконометрии (математической экономии), с выдвижением тезиса об *исторической ответственности* просвещенческой экономической науки, в особенности политэкономии, перед историей и человечеством

Не слабо, кажется!

В. Как философ:

13. Отход от науки как науки и погружение в *метафизику* с разработкой её новой, уже постнаучной, а в некоторой мере постфилософской и постбогословской, версии — как *инометафизики*.

14. Введение в текущий размыслительный оборот метафизических понятий *трансцендентности, полилектики, Иного, Великой Неизвестности*.

15. Квалификация русской философии конца XIX и XX вв. как *русской софийной философии*, осознанное привлечение вслед за русскими мыслителями в гуманитарное размыслительное поле феномена *первомудрости* — *Софии Премудрости Божией*, а в отличие от предшественников осуществить переход от *софиологии* к *софиасофии*, то бишь от учения о Софии ко всего лишь обогащаемой Софией человеческой мудрости.

16. Разработка и применение в действии *нового концептуализма*, разумеется, *софиасофского*, включающего в себя гносеологический концептуализм, онтологический (от реальности) концептуализм, концептуальный мониторинг реальности, концептуальное провидение, прогнозирование и проектирование реальности, концептуальное управление реальностью в концептуальном же с нею взаимодействии.

17. Разработка и применение *иного, как раз софиасофского, гуманитарного мировоззрения*, ничего из явно и неявно бытующего не исключающего — целостное, разнообразное, полилектическое, свободное, открытое, недогмати-

ческое, а по истокам, глубине, нереальности и событийной невозможности своей — *русское!*

Здорово, а-а?

Г. **Как антропо-социально-хозяйствоведческий мыслитель:**

18. Автор *иного* представления о человеке — как существе природно-неприродного, животно-неживотного, земно-незёмного происхождения, сущности и функции, а соответственно — со сквозной дуальностью (раздвоенностью): жизненной, экзистенциальной, социальной, хозяйственной, трудо-творческой, культурной, демиургической, телеологической, эсхатологической, апокалиптической, что обусловлено наличием в человеке сознаниево-разумо-психической компоненты, не наличествующей в таком образе, в такой мере и в такой завершённости у других зёмных животных, делающей человека акционным антиподом природы, Земли, мироздания, но что особенно важно — и *самого себя!*, порождая как стремление вырваться из тенёт природы, Земли, мироздания, так и из *себя самого* с превращением себя сначала в *иночеловека* (*иноземлянина*), а затем и в *постчеловека* (*постземлянина*), не исключая и возможности самоисчезновения в космосе или вообще из мироздания.

Худо-бедно, но согласимся, что тут явно *иные* всё-таки антропос и антропология!

19. Автор идеи о телеологическом по цели и эсхатологическом по итогам феномена *хозяйственной демиургии* — трудо-творческой деятельности человека хозяйствующего (европейца прежде всего) по *пересотворению* данного че-

ловеку мира, превращению мира *человеку данного* сначала в мир *человеком взятый*, а затем и превращённый в совершенно *свой* — уже в хомогенный, в искусственный, в *арт-*мир, что сегодня как раз в особенности и наблюдается.

20. Автор *иного* представления о мире человеческом, не только включающем *ноосферную* компоненту, но ещё и *иную* (инаковую), а также *неизвестную* (неизвестностную), причём включающем их как вполне работающие компоненты, влияющие на *мировую экзистенцию*, на *мировую эволюцию*, на судьбу человеческого мира.

21. Отсюда выдвижение идеи о трёх взаимодействующих между собой движущих силах и соответствующих им трёх взаимосвязанных потоков бытия-истории: как «*хода человека*» и явление от него перемен в бытии-истории; как «*хода вещей*» или объективном самоходе бытия-истории с обусловленными им самоходными переменами; как «*хода неизвестности*», проявляющемся во внезапных и никак не объяснимых ни субъективно, ни объективно (закономерностно) редких, но, как правило, роковых переменах.

Очень, как видится, продуктивная идея, много чего позволяющая заметить и объяснить, иной раз, и не объясняя — до конца!

22. Раскрытие *телеологии* (целеполагания) человеческого бытия-истории, как движения от природы к неприроде, как и его *эсхатологии* — от природного начала бытия-истории до его неприродного завершения. Акцент на *антропогенезе* и *идеогенезе* как на главных движущих силах бытия-истории, его развития, критика в связи с этим *эконо-*

мизма с его экономическим социо-культурным детерминизмом.

23. Акцент на феномене *апокалиптики* бытия-истории, его упорной работы против самого себя вплоть до конечного суицида — посредством того же Армагеддона (войны всех против всех), что сегодня, когда мир стал не только глобализованным миром-кризисом, а и миром-войной, особенно представляется актуальным и реально возможным.

24. Настоятельное внимание к тезису, что мир вышел из *бездны* и *хаоса*, с ними взаимодействует, туда устремлён и там же сгинет.

25. Выдвижение весьма продуктивной идеи о том, что преисподняя — *фабрика мира*, однако и *фабрика по его (типа мусорной) переработке!*

26. Решительная поддержка и смысловое развитие тезиса о трёхэровой периодизации бытия-истории, восшедшей к выделению сначала эпохи *Модерна*, *Модернити*, *Модернизации*, а затем эпохи *Премодерна* и эпохи *Постмодерна*, как раз нынешней, новейшей, начатой на рубеже XIX—XX вв. и расцветшей до невыносимости в XXI в.

27. Разработка проблематики *глобализации бытия-истории*, включая хозяйство и экономику, а также *глобализма* как феномена глобального подчинения мира и его экзистенции единому управленческому центру, или целостному из единого центра управлению; разработка, однако, осуществлённая в остром критическом ключе — как о целостно и устойчиво невозможностях, отчего пред-

видение кризиса и последующего исчезновения всех глобофеноменов, включая и глобоцентр — по причине энтропийной диссипации, ударов извне и неизбежной партикуляризации (фракционирования) зёмного мира на крупные империально-интеграционного характера части-фракции; глобальное управление миром из глобального центра — чрезмерно затратный (самоубийственно для управляющего центра) и практически невозможный (убийственный для управляемого мира) нонсенс!

28. Выдвижение тезиса о *мире-перемене* (мире тектонических перемен) с неизвестным итогом (хочешь выжить, готовься к неизвестным переменам, в них участвуй, выживая, маневрируя, приспособляясь и беря от этого своё, но никак не чужое!).

29. Развитие тезиса об *антимире* в направлении актуальный ныне интенсификации *антимирагенеза*, что реально угрожает человеческому миру, ведёт к его расчеловечиванию и превращению в *Ничто*!

30. Небезосновательное и небездоказательное утверждение о реальном ходе в нынешнем мире долгожданного *Апокалипсиса* и о вступлении мира в настойчиво ныне им призываемую пору *Страшного Суда*!

Никак не скажешь, что тут лишь учёный примитив!

Д. Как россиявед:

31. Тезис-утверждение, что Россия (Русь, протоРусь, она же древняя для нас безымянность) очень и очень давнего происхождения, корни феномена глубоки и восходят к изначалью мира человеческого; Русь-Россия — *не от мира*

сего, она *иномирна*, она существует как бы не существуя, она всегда есть и её всегда нет, она всегда в потенции, в неразрешении, а ежели и в разрешении, то в недоумённо не своём, хотя и столь же недоумённо своём тоже; это более идея, естественно, трансцендентная, чем собственно страна, которая в данном случае что-то вроде пространства бытия-небытия не известной ей самой идеи, как и вроде её опорной устойчиво-неустойчивой платформы; сия бытийно-историческая идея ещё не реализовалась в сути своей, хотя и заметно работает, делая Русь — Русью, Россию — Россией, а русских — русскими, причём находясь в туне, не являясь ярко выраженной, оставаясь насквозь загадочной, дожидаясь, по-видимому, чего-то *иного* для своей полной реализации, но не того, что ныне пришло на Землю и по ней, лукаво и скрежетно шаркая, идёт; отсюда внебытийно-внеисторическая схватка нынешнего передового и не только мира с Россией, а России — с чуждой ей фракцией мира, возгорание объявленно-необъявленной против России войны, как и очередная попытка избавиться от России внутри самой России.

23. *Идея России — сама Россия!* Она же *первая и последняя сущно-пресущная вера русских* (от безымянных проторусичей до нынешних недоимянных русских). Отсюда и скрытое «сидение» России в душах русских, в критические моменты дающее о себе не только знать, но и спасительно выручать. Отсюда неопределённость, невыраженность, смазанность русских, их физиономическая и поведенческая «авосьность». Русские с некоторых пор как будто бы христиане, но, во-первых, православные, то бишь всё-

таки не византийские ортодоксы; во-вторых, русскость и православность вовсе не одно и то же; в-третьих, русские — это русские и никакие не западного толка европейцы, хотя и европейцы они, но другие, как и не азиаты (те же ордынцы), хотя и в чём-то азиаты, да вот другие, и даже не пресловутые евразийцы.

33. Будущее России если не в потёмках, но и не на свету — в ожидании *Иного!* Русскую идею искать, а тем более придумывать, не «надоть»: она не известна смертным и не должна быть известна, отчего Россия — *сама-себе-идея!* Когда станет «надобно» — найдётся, точнее — выйдет!

34. Нынешнего XXI в. Россия — *пореформенная* Россия, возникшая по итогам отказа от СССР и его распада, а также по результатам прозападной, глобалической, проамериканской, антироссийской и антирусской *реформы-революции* 1980—1990—2000-х гг. По внешнему обустройству — это никакая не Россия, по внутреннему к себе тяготению — всё-ещё-Россия. Отсюда, по крайней мере, раздвоенность, если, по факту, не размноженность, России, во всяком случае, не консолидированность по собственному российскому критерию — *соборности!* Отсюда и органический кризис России, наличие в ней внутреннего, пока ещё безмолвного, социо-нравственного напряжения, и скрытая борьба в стране на её растяг между загнанной в навь, а также намеренно одураченной, традицией и осознанно выпущенной в явь, вполне себе катковой, но всё-таки изрядно спотыкающейся, вестернизацией, в общем — большое национально-социо-государственно-культуропоцивилизационное *неустроение*, сопровождаемое воцарени-

ем в стране расцветающего буйным цветом своего и импортированного *антимира*.

35. Борьба между Россией, с одной стороны, и неРоссией и антиРоссией — с другой. Борьба хоть и фактическая, но более всего скрытая, метафизическая, трансцендентная — за *иную* Россию, однако *свою*, а не *их*!

36. Настоятельнейшая потребность волевого, управленческого (дирижистского), стратегического *разворота России к России*, конечно же, в *постреформенном* ключе, на что действующий пореформенный режим либо пока не идёт, либо никогда не пойдёт, либо он, отчего-то бездействуя, просто пролетит мимо. Остро критический, судьбоносный и вполне себе апокалиптический момент!

37. Реальная возможность политико-социально-управленческой *трансформации*, если не *трансгрессии*, России в сторону выворота чрезвычайки и диктата!

38. А сейчас, в обстановке *новой мировой войны*, пусть пока и не военной, а как бы гуманитарно-гибридной, Россия зияет слабостью тыла — экономического, хозяйственного, социального, культурного, цивилизационного и, что особенно важно, морального. Моральное состояние страны, её населения, её и его жизнеотправления — фактор решающего в сей войне значения!

39. Отсюда давно уже выдвинутый, настойчиво провозглашаемый и всюду развиваемый тезис о *постреформенном перестроении России в сторону и в духе России*, чему должен способствовать имперогосударственнический, центрo-дирижистский, хозяйственно-конструктивный, служебно-гражданский, наконец,

народно-соборный характер страны. Историческая ситуация буквально вопиет о срочности движения России по лестнице российских по сути, духу и действиям *великих перемен*!

Ничего не поделаться с такими вот суждениями, ежели это реально так!

Е. Как историософ:

40. Онтологически бытие и история совсем *другие*, чем это обычно представляется и вовсю преподносится, причём не только смысловó, что хоть по сути и не очень понятно, но по размышлении всё-таки допустимо, но даже и феноменально, что хоть и допустимо, но совершенно не понятно — как бы не может такого быть! Бытующее представление о бытии-истории в основном отрицательно, то бишь выдуманно-необоснованно мифотворческое, что требует коренного переосмысления всего в мире человеческом происшедшего и происходящего. Простая фиксация явленного, включая и явленные причины, и следствия, не даёт адекватного представления о реальной реальности, которая не просто сложнее, а... *«другее»*! Отсюда задача гносеологического переосмысления бытия-истории, хотя в целом, конечно же, почти и не выполняемая, однако не довольствоваться же искажённым представлением об исторической, текущей и даже будущей реальности! Как же исполнить, или хотя бы как-то исполнять, сию неисполнимую задачу? Метафизически целостно, опираясь на фактуру, но не игнорируя ни подтекста, ни подземки, ни Иного, ни Неизвестности, ни всего Высшего и Низшего, как, к примеру, обошёлся представляемый здесь актуальный мыслитель с революци-

онным прошлым и настоящим России XX—XXI вв. — *столетие непрерывной революции!* Цели у столетнего реви́ро-цесса одни, итоги совсем иные, а главное — почему-то целостно-гуманитарно хронически для реальности не приемлемые!

Нельзя сказать, не разворот!

Ж. Как культуролог:

41. Выдвижение и настаивание на тезисе о тотальной *антикультуре*, заповлони́вшей мир человеческий, включая и Россию. Антикультура (того же *постмодернизма*) — важнейшая ведущая часть *античеловеческого антимира*, его же при этом Страшный Суд и от него же надёжнейший гарант Погибели!

Куда деться, ежели так!

3. Как метафизический беллетрист:

42. Автор оригинального и весьма значительного по смысловой нагрузке внежанрового размыслительного произведения в стиле метафизической прозы под названием «*Реквием*», в котором нашла отражение апокалиптическая эпоха XX века с её коллизиями, судорогами и конвульсиями, иллюзиями и реалиями, призраками и героями, в общем со всей её судьбоносной начинкой.

43. Философский обозреватель русской литературы, не прошедший мимо её инфернальной — тёмночеловеческой, но при этом и роковой для России, антирусской и даже антирусской — стороны, отчего он и автор вполне се-

бе реального тезиса о *великой трагедии великой литературы*.

44. Кое-какая поэзия: лирическая, экзистенциальная, философическая, метафизическая, но ещё и историческая, даже и эпическая; российская и русская, достаточно своеобразная, по-своему и оригинальная.

Каково, а-а?!

И. Как верный сын Земли русской:

45. Один из немногих, если не единиц, членов «Русского Ордена», кто сподобился заглянуть в бездну русо-российскую, однако, споткнувшись, как и редкие его предшественники, о смысловую непостижимость Руси-России, ухитрился не упасть одесную, а вытащить эту неотмирную тайну на обозрение и прозревание, да и пугнуть ею любителей порассуждать о неполноценности Руси-России да необходимости её дероссиезации с превращением в антироссийскую неРоссию, что надо не без скорби и тревоги признать немало ранее кое-кому удавалось и кое-кому удаётся и сегодня — на свою, конечно, буйну голову!

Сила! Разве нет?

* * *

Что ж, хватит, наверное, обо всём ведь и не скажешь: том тут целый надо писать, но достаточно и быстрого, но броского эскиза — *не настенной, вовсе, а вполне себе небесной, умозрительной граффити*, — что ещё остаётся при необходимой самообороне?!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прекрасное это слово — *заключение*, красноречивое: *за-ключ-ение*, в сердцевине которого словечко-понятие «*ключ*», свидетельствующее о возможности куда-то войти в потаённое с поворотом ключа в замке, обнаружить там — в глуби лабиринта — другой совсем ключ, уж как источник то ли мёртвой, то ли живой экзистенциальной воды, напиться ею от него, а затем, коли повезёт, выйти обратно, закрыв тем же ключом дверь в глубинный лабиринт, в общем, *за-вершить при-ключ-ение*, а может, и *зло-ключ-ение*, и взяться за *за-ключ-ение*, как раз то самое, которое *за-вершает* поход... э-э... в *никуда*, однако *за-вершившийся* вдруг по испитии волшебной водички и выходом из загадочного лабиринта сверкающим от открывающихся смыслов *ничто*?

Ключ тут — метафизика, конечно, та, которая, теперь уже *ино-метафизика*; дверь — внешняя явленная данность; глубь лабиринтная — скрытый метафизис как кладезь прячущихся там смыслов; вода — сами эти смыслы, однако ежели мёртвая вода, то всего лишь софские смыслы, а ежели живая, то уже и софийные; по выходе же из лабиринта — *иномировоззрение*, а ежели без выхода — одно лишь смятение с отвращением да бессознательная ярость! но зато яростная!

Непростое это дело — ходить по потаённым смысловым лабиринтам за истиной, которой как таковой ведь нет, но которая может вдруг озарить воображение пошедшего за ней смельчака. Да, он выходит из лабиринта, ежели повезёт, со *своей* истиной, но уже ... *другой*, а лучше сказать —

иной, которой он не встречал и не обладал до своего дерзкого хождения по полному скрытых опасностей лабиринту.

Сия книга — тоже по-своему лабиринт и тоже смысловой, смеем утверждать, что и софийный, софиасофский, нашенский; ничего другого, кроме тексто-слово-вообразительного лабиринта, ни завязтый отшельник, ни невзятый неотмирный вестник, ни отвязный автор антиромана, ни его связанные одной мыслительной цепью соавторы предложить читателю не могли; а вот что получилось у читателя в итоге — дело уже его и только его: воодушевиться ли от принятого смыслового зелья или наоборот, разгневавшись, выблюнуть сие зелье как опасную отраву, да и закинуть сию несуразную книгу куда-нибудь с глаз долой подальше и от греха.

Одна лишь у создателей книги просьба к возможно-невозможному читателю: вдумываться, читая, в подтекст (затекстье) и не спешить, прочитав, с выводами, — книга возникла не вдруг и не просто так, а по некоему велению, да мало что велению свыше, а то ведь и снизу тоже: правда, она и есть правда, какой бы неудобной и неперевариваемой она ни была, а снизу-то правды меньше, чем свыше, если не больше, гора-аздо больше, так что от правды немало бывает раздражений, обид и недоумений, отчего иной раз милее всё-таки нас выручающий обман, ну а ежели всё-таки в приоритете как раз он — обман, то остаётся лишь принести извинения за недостойное овладение временем достойно занятого гоминида — на его же недостижимое счастье!

Наглая она, эта книга, и колючая, что говорить!

Аминь.

Памятник

*«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа»*

А.С. Пушкин

Я памятник себе воздвиг из мысли тварный,
К нему не пролежит широкая тропа,
Он не для всех — лишь для избранных,
Кого волнует мудрости дрожащая струна.

Я зрю — придёт ещё на Землю гений,
Которого заденет скрытый в текстах смысл,
И он, почуяв фальшь привычных песнопений,
Постигнет разность правды и молвы.

И в тот же миг его черёд настанет —
Услышать вербий тайный перезвон,
Понять, зачем теснят его печали,
И как не нужен миру стрёкот вещей слов.

Познает он реалий грозное боренье
И храм любви узрит в дали глухой,
Он не уступит подлому забвенью
И предков славный стяг удержит над собой.

И вот тогда — среди brutальных градов,
Под сводом ускользающих небес,
Едва разверстыми от тяжких дум устами
Он имя вслух *моё* произнесёт!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отшельник, или Вестник не от мира сего	7
Из былого (вспоминая грядущее).....	473
Кредо	543
Сокровенная мистериада в лицах и текстах с суждениями, признаниями и откровениями (новогодняя сказка)	547
Фантазмы (минимы и максимы).....	633
Вокабулярый	681
Небесные граффити	713
Заключение	731

Литературно-художественное издание

Юр. Михайлов

**ОТШЕЛЬНИК,
или Вестник не от мира сего**

Антироман

Издаётся под авторской редакцией
со всеми возможными неправильностями, огрехами и несуразностями

ISBN 978-5-00078-489-1

Подписано в печать 8.07.2021. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 38,13. Тираж 80 экз. Заказ 21192.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г